

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Иванов А.М., Иванова Е.А. Обзор судебной практики по законодательству об охране природы середины 1980-х гг. по материалам Смоленской области..... 6

Малько А.В. Лоббизм как особый вид правового сотворчества 10

Иванов А.М., Зиновьева И.В., Масыгина Ю.Б. Правоприменение в сфере экологических преступлений: обобщение опыта Смоленской области 1982–2018 гг. 17

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Гаврилина Т.А. Программно-целевое гарантирование права на высшее образование в России 21

Зайцева В.В. Совершенствование законодательства в сфере прокурорского надзора за исполнением природоохранного законодательства: на примере Байкальской природной территории 25

Зиновьева И.В., Федоскин Н.Н. Информационная безопасность органов власти: проблемы правового обеспечения 29

Зотов К.В. Эволюция института опеки и попечительства в России: аспекты защиты прав несовершеннолетних 34

Кеклис А.Ю., Кукушкин И.Д. Цифровые права граждан и защита персональных данных в условиях развития информационного общества 40

Кузнецов К.А. Трансформация концепции политических прав в условиях цифровизации 46

Курьякова В.Ф. Современный взгляд на перемещение объекта культурного наследия: правовой аспект 51

Лубнина А.В. Правовой режим использования водных объектов экологического туризма: аспекты регулирования отношений общества и предпринимательства..... 57

Маргорина В.С. Правовое определение понятия и критериев комфортной городской среды..... 62

Метельков И.В. Эволюция публично-правового механизма управления сферой физической культуры и спорта 67

Пахомов М.М. Правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления Шотландии: аспекты создания благоприятных условий для развития туризма 73

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич**, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российская таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтаев Махтай Шапиевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багда Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОВ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теимуразович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Шукина Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, доктор юридических наук, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагеева Розалина Васильевна**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминального права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.09.2024

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Сенников Д.Э.</i> Вопросы правового регулирования разграничения предметов ведения в Конституции Российской Федерации и конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации 76	<i>Митрохович Н.Д.</i> Развитие института регулирования правоотношений в сфере рекламной деятельности 168
<i>Синица А.И.</i> Конституционность ограничения свободы предпринимательской деятельности в российских и международных правовых системах 80	<i>Николаев А.А.</i> Формирование института регулирования правоотношений между правообладателем игры и организатором соревнований по компьютерному спорту 172
<i>Соколова Ю.Е., Феськова О.Ю.</i> Законодательная реновация условий досрочного выхода на пенсию с помощью имущественных инструментов гражданина... 86	<i>Савин Д.А.</i> Юридические аспекты инноваций в закупках: правовые вызовы и финансовые перспективы 177
<i>Сурилов М.Н.</i> Правовое и организационное регулирование интеграции новых регионов в научно-образовательное пространство России 91	<i>Сулименко А.Д.</i> Осведомленность участников антиконкурентных согласованных действий о поведении друг друга 185
<i>Терентьев А.В.</i> Информационные потребности органов публичной власти в сфере правоохранительной деятельности 97	<i>Третьяков Р.В.</i> Возможности применения института мирового соглашения при урегулировании корпоративных споров в арбитражных судах 188
<i>Хабибуллина Г.Р., Галеев Р.И.</i> Реализация принципов государственной политики в сфере занятости населения в системе правового регулирования трудовых отношений 100	<i>Эрзин А.Д.</i> Правовой статус письменного протокола судебного заседания в условиях цифровизации арбитражного и гражданского процесса 192
<i>Цветков Г.Э.</i> Институт принуждения в конституционном праве: принципы и цели применения 105	<i>Эшпулатов Т.А.</i> Правовой статус международных компаний, учрежденных в процессе редомициляции 195
<i>Чежидов М.С.</i> Оценка эффективности взаимодействия органов государственного контроля и надзора с гражданами и организациями: аспекты административно-правового регулирования 109	
<i>Шаповалов В.Д.</i> Отдельные вопросы применения судами Конституции Российской Федерации: практический подход 113	
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
<i>Булгатов И.В.</i> Договор подряда: теория и практика, правовые проблемы 119	<i>Андреев Р.В.</i> Развитие правового института регулирования дееспособности несовершеннолетних ... 200
<i>Дехтерёва В.В., Губанова О.А., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е.</i> Противопожарное нормирование в России 127	<i>Горошко О.Е.</i> Полезность применения медиации за совершенные экологические преступления в Российской Федерации 204
<i>Джуплин А.А.</i> Правовое регулирование договорных отношений инвестиционного товарищества 131	<i>Дроздов В.Ю.</i> Пределы уголовной ответственности за использование искусственного интеллекта 207
<i>Добровольская А.В., Кузнецов М.И.</i> Уголовно-правовая сторона криптовалюты 136	<i>Андреев Р.В.</i> Регулирование в гражданском законодательстве ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними 211
<i>Царегородцев А.В., Елин В.М.</i> Обеспечение информационной безопасности инфраструктуры цифрового пространства «умных городов» 140	<i>Жукова А.А.</i> Конкуренция отдельных составов преступления, предусмотренных главой 26 УК РФ 215
<i>Джуплин А.А.</i> Развитие модели регулирования инвестиционного товарищества России: возможности и ограничения адаптации опыта англосаксонской системы права 145	<i>Касландзия А.Э.</i> Практика применения уголовного законодательства о мошенничестве в Абхазии 219
<i>Журавлева М.А.</i> Межотраслевое взаимодействие гражданского и уголовного права: некоторые теоретические и практические аспекты 150	<i>Комбаев А.В., Нестеров В.Н.</i> Подходы к пониманию уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении уголовных дел о киберпреступлениях в сфере информации: обобщение опыта Китая 225
<i>Карпенко В.А.</i> Эволюция понятия и типологии корпоративных конфликтов в российском праве 155	<i>Кораблев А.А.</i> Криминологическая характеристика современных преступлений в сфере телекоммуникаций 229
<i>Манасян Ж.А.</i> Обязательность ведения протокола в гражданском судопроизводстве 159	<i>Крюков А.В.</i> Вопросы формы виновности при совершении преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ 233
	<i>Кузьмин Д.А., Родионова Я.В.</i> Особенности современного развития способов расследования и раскрытия преступлений, совершенных криминальными группами 236
	<i>Темирбеков К.А.</i> Направления оптимизации форм уголовного наказания в условиях социальных трансформаций 240
	<i>Федюкина А.Ю.</i> Регулирование применения информационных технологий в производстве неотложных следственных действий 246

<i>Крюков А.В.</i> Квалификация вымогательства, совершаемого в отношении водителей большегрузных автомобилей при междугородних перевозках.....	250	<i>Шахов А.В.</i> Приобретение ценных бумаг иностранными гражданами.....	280
<i>Ялкапов Эзиз.</i> Эволюция уголовно-процессуальных обязанностей следователя в России: от Устава уголовного судопроизводства до Уголовно-процессуального кодекса РФ.....	253	<i>Артёмов Н.М.</i> Новые тенденции в развитии российского финансового права.....	286
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ		<i>Денисов Д.В.</i> Социальное обеспечение сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, как мотивирующий фактор в качественном обеспечении защиты прав и свобод граждан	291
<i>Володин Ю.А.</i> Правовая природа международных споров о территории Арктики	260	<i>Куровский С.В., Мишин Д.А., Маринин А.К., Бурдик В., Куровская М.А.</i> К вопросу об обеспечении юридической безопасности цифровых транзакций	296
<i>Захаров А.А.</i> Правовое регулирование использования Северного морского пути в международных перевозках.....	264	<i>Русская А.А., Бутенко Т.П.</i> Методология правового мониторинга.....	304
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОРЧЕСТВА		<i>Хабибуллин М.И.</i> Применение технологии блокчейн в условиях цифровой трансформации цивилистического судопроизводства.....	307
<i>Емгельдинов М.А., Шаров И.Н., Давыдов С.С.</i> Алгоритм принятия решения по обеспечению пожарной безопасности объектов защиты	270	<i>Хабирова Я.Ф.</i> Особенности правового регулирования беспилотных летательных аппаратов в условиях СВО.....	312
<i>Краевская А.Г., Лозовицкая Г.П.</i> Психиатрия и медицинское право с позиции юридических норм	275		

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Ivanov A.M., Ivanova E.A.</i> Review of judicial practice on environmental legislation in the mid-1980s based on materials from the Smolensk region.....	6
<i>Malko A.V.</i> Lobbying as a special kind of legal co-creation...	10
<i>Ivanov A.M., Zinovieva I.V., Masyagina Yu.B.</i> Law enforcement in the field of environmental crimes: generalization of the experience of the Smolensk region 1982–2018.....	17

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Gavrilina T.A.</i> Program-oriented guarantee of the right to higher education.....	21
<i>Zaitseva V.V.</i> Improving legislation in the field of prosecutorial supervision over the implementation of environmental legislation: using the example of the Baikal natural territory.....	25
<i>Zinoveva I.V., Fedoskin N.N.</i> Information security of authorities: problems of legal support.....	29
<i>Zotov K.V.</i> The evolution of the institution of guardianship and trusteeship in Russia: aspects of protecting the rights of minors.....	34
<i>Keklis A.Yu., Kukushkin I.D.</i> Digital rights of citizens and protection of personal data in the context of the development of the information society.....	40
<i>Kuznetsov K.A.</i> Transformation of the concept of political rights in the context of digitalization.....	46
<i>Kuryakova V.F.</i> A modern perspective on the relocation of a cultural heritage site: the legal aspect.....	51
<i>Lubnina A.V.</i> Legal regime for the use of water bodies of ecological tourism: aspects of regulating relations between society and entrepreneurship.....	57
<i>Margorina V.S.</i> Legal definition of the concept and criteria of a comfortable urban environment.....	62
<i>Metelkov I.V.</i> Evolution of the public-legal mechanism for managing the sphere of physical culture and sports.....	67
<i>Pakhomov M.M.</i> Legal regulation of the activities of local government bodies in Scotland: aspects of creating favorable conditions for the development of tourism.....	73
<i>Sennikov D.E.</i> Issues of legal regulation of the delimitation of objects of jurisdiction in the constitution of the Russian Federation and the constitutions (charters) of the subjects of the Russian Federation.....	76
<i>Sinitsa A.I.</i> Constitutionality of restrictions on freedom of entrepreneurial activity in Russian and international legal systems.....	80
<i>Sokolova Ju.E., Feskova O.Yu.</i> Legislative renovation of the conditions of early retirement with the help of property instruments of a citizen.....	86
<i>Surilov M.N.</i> Legal and organizational regulation of the integration of new regions into the scientific and educational space of Russia.....	91

<i>Terentyev A.V.</i> Information needs of public authorities in the field of law enforcement.....	97
<i>Habibullina G.R., Galeev R.I.</i> Implementation of the principles of state policy in the field of employment in the system of legal regulation of labor relations.....	100
<i>Tsvetkov G.E.</i> The Institute of Coercion in Constitutional Law: principles and scope of application.....	105
<i>Chezhidov M.S.</i> Evaluation of the effectiveness of interaction between state control and supervision bodies and citizens and organizations: aspects of administrative and legal regulation.....	109
<i>Shapovalov V.D.</i> Certain issues of application of the Constitution of the Russian Federation: a practical approach.....	113

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Bulgatov I.V.</i> Contract for work and labour: theory and practice, legal problems.....	119
<i>Dekhtereva V.V., Gubanova O.A., Osmanov Sh.A., Zavyalov D.E.</i> Fire safety regulation in Russia.....	127
<i>Dzhuplin A.A.</i> Legal regulation of contractual relations of an investment partnership.....	131
<i>Dobrovolskaya A.V., Kuznetsov M.I.</i> Criminal and legal side of cryptocurrency.....	136
<i>Tsaregorodtsev A.V., Elin V.M.</i> Ensuring information security of the digital space infrastructure of “smart cities”.....	140
<i>Dzhuplin A.A.</i> Development of the model for regulating investment partnerships in Russia: possibilities and limitations of adapting the experience of the Anglo-Saxon legal system.....	145
<i>Zhuravleva M.A.</i> Intersectoral interaction of civil and criminal law: some theoretical and practical aspects.....	150
<i>Karpenko V.A.</i> Evolution of the Concept and Typology of Corporate Conflicts in Russian Law.....	155
<i>Manasian Zh.A.</i> The obligation to keep a record in civil proceedings.....	159
<i>Mitrokhovich N.D.</i> Development of the institution for regulating legal relations in the field of advertising activities.....	168
<i>Nikolaev A.A.</i> Formation of the institute for regulating relations between the right holder of a videogame and the organizer of eSports competitions.....	172
<i>Savin D.A.</i> Legal Aspects of Innovation in Procurement: Legal Challenges and Financial Prospects.....	177
<i>Sulimenko A.D.</i> Awareness of the Concerted Actions Participants of each other’s behaviour.....	185
<i>Tretyakov R.V.</i> Possibilities of using the institution of settlement agreement in the settlement of corporate disputes in arbitration courts.....	188
<i>Erzin A.D.</i> Legal status of the written minutes of the court hearing in the context of digitalization of arbitration and civil proceedings.....	192

Eshpulatov T.A. Legal status of international companies established through redomiciliation..... 195

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Andreev R.V. Development of the legal institution for regulating the legal capacity of minors 200

Goroshko O.E. Usefulness of using mediation for committed environmental crimes in the Russian Federation 204

Drozдов V.Yu. The limits of criminal liability for the use of artificial intelligence 207

Andreev R.V. Regulation in civil law of liability for harm caused by minors 211

Zhukova A.A. Competition of individual crimes provided for by chapter 26 of the criminal code of the Russian Federation 215

Kaslandzia A.E. Practice of application of criminal legislation on fraud in Abkhazia 219

Kombaev A.V., Nesterov V.N. Approaches to understanding criminal procedure legislation in considering criminal cases of cybercrimes in the information sphere: generalizing China's experience 225

Korablev A.A. Criminological characteristics of modern crimes in the field of telecommunications 229

Kryukov A.W. Questions of the form of guilt in the commission of a crime under article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation 233

Kuzmin D.A., Rodionova Ya.V. Features of the modern development of methods of investigation and disclosure of crimes committed by criminal groups 236

Kemran A.T. Directions for optimizing forms of criminal punishment in the context of social transformations 240

Fedyukina A.Yu. Regulation of the use of information technologies in the production of urgent investigative actions 246

Kryukov A.W. Qualification of extortion committed against drivers of heavy trucks during intercity transportation 250

Yalkapov E. Evolution of criminal procedural duties of an investigator in Russia: from the Charter of Criminal Procedure to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation 253

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Volodin Iu.A. The legal nature of international disputes over the Arctic territory 260

Zakharov A.A. Legal regulation of the use of the Northern sea route in international transport 264

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Emgeldinov M.A., Sharov I.N., Davydov S.S. Algorithm for making decisions on ensuring fire safety of protected objects 270

Kraevskaya A.G., Lozovitskaya G.P. Psychiatry and Medical Law from the Perspective of Legal Norms 275

Shakhov A.V. Acquisition of securities by foreign citizens 280

Artemov N.M. Current trends in the development of Russian financial law 286

Denisov D.V. Social security of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation as a motivating factor in the high-quality protection of the rights and freedoms of citizens 291

Kurovsky S.V., Mishin D.A., Marinin A.K., Burdick V., Kurovskaia M.A. On the issue of ensuring the legal security of digital transactions 296

Rusaskaia A.A., Butenko T.P. Methodology of legal monitoring 304

Khabibullin M.I. Application of blockchain technology in the conditions of digital transformation of civil proceedings 307

Khabirova Ya.F. Features of the legal regulation of unmanned aerial vehicles in the conditions of their 312

Обзор судебной практики по законодательству об охране природы середины 1980-х гг. по материалам Смоленской области

Иванов Александр Михайлович,

к.и.н., доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарные науки; Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры юриспруденции, Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail: smolensk@fa.ru

Иванова Елена Александровна,

к.и.н., доцент факультета дополнительного образования Смоленского государственного университета
E-mail: rectorat@smolgu.ru

Статья посвящена обзору судебной практики советского законодательства об охране окружающей среды составленного по материалам Смоленской области. Авторы приводят примеры рассмотрения народными судами Смоленской области дел, связанных с нарушением законодательства об охране природы. Для изучения регионального аспекта охраны природы в научной оборот вводятся ранее не использованные архивные материалы Государственного архива Смоленской области (далее ГАСО). Авторы приходят к выводу что советское законодательство предусматривало различные формы правовой ответственности лиц, но массовым это явление не было, подобные дела рассматривались областными судами и отделом юстиции, с привлечением общественности и освещением в печати.

Ключевые слова: выездные заседания, народные суды, ответственность, охрана природы, Основы лесного законодательства.

В начале 1980-годов ЦК КПСС и Советом Министров СССР был принят ряд постановлений, а Верховным Советом СССР – законы, направленные на сохранение природных богатств. В статье 18 Конституция СССР указывалось на необходимость строгой охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды [4, с. 184]. Советское законодательство предусматривало различные формы правовой ответственности лиц, нарушающих правила охраны природы: уголовную, гражданско-правовую и административную [3, с. 156].

Областным судом и отделом юстиции в 1982 г. изучалась практика рассмотрения народными судами Смоленской области дел, связанных с нарушением законодательства об охране природы. В 1982 г. по Смоленской области было осуждено 32 человека за нарушения законодательства об охране природы, в основном, за незаконную охоту и незаконный лов рыбы. Судебная практика свидетельствовала о том, что суды в основном правильно применяли законодательство об охране природы. Одним из квалифицирующих признаков ч. 2 ст. 163, ч. 2 ст. 166 и ч. 2 ст. 169 УК РСФСР являлись причинением преступлением крупного ущерба [2, с. 154].

Народные суды Смоленской области придерживались практики, соответствующей разъяснениям вышестоящих судов и содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июня 1977 г. № 6., оно соответствовало разъяснению п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1983 г. № 4: «Решая вопрос о том, является ли ущерб, причиненный незаконным рыбным и другим водным и добывающим промыслам, охотой и порубкой леса, крупным (существенным или значительным), судам следует исходить из стоимости, экономической ценности, количества добытого, поврежденного или уничтоженного, а также размера вреда, нанесенного растительному и животному миру. К такому ущербу следует, в частности, относить ущерб, причиненный отстрелом зубра, лося, оленя при незаконной охоте, уничтожением мест нереста, гибелью большого количества мальков при незаконном занятии водным добывающим промыслом, отловом или уничтожением животных и растений, занесенных в Красные книги СССР и союзных республик» [2, с. 154–155].

Меры наказания за незаконное занятие рыбным и отходническим промыслом судами назначалась

правильно, в соответствии с требованиями закон. Лишение свободы, как правило, назначались лицам, представлявшим повышенную общественную опасность (совершившим преступления при квалифицирующих обстоятельствах, ранее судимыми и т.п.) Наказания, не связанные с лишением свободы, назначались с учетом характера содеянного и личности виновных, для которых совершение этих преступлений носило случайный характер, не влекло причинения государству значительного ущерба. Санкции ст. 163 ч. 1 УК РСФСР предусматривало наказание с конфискацией добытого, орудий лова и плавучих средств с их принадлежностями или без таковой, а ч. 2 и ч. 1 ст. 166 УК РСФСР – с конфискацией добытого, ружей и других орудий охоты или без таковой. Конфискацию применяли народные суды Угранского, Хиславичского, Рославльского, Гагаринского, Холм-Жирковского районов [2, с. 147]. Как прежде, в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1983 г. № 4 по уголовным делам о незаконной охоте, незаконном занятии рыбным и другими воднобывающими промыслами, незаконной порубкой леса, орудия преступления, принадлежащие подсудимому, в том числе автомашины, мотоциклы, лодки и иные транспортные и плавучие средства, с помощью которых совершались и облегчались преступные действия (вылов рыбы, отстрел зверей и т.п.), подлежали конфискации на основании ст. 86 УПК РСФСР. О конфискации в соответствии с требованиями ст. 86 УПК РСФСР указывались в протоколе [1, л. 76].

Народные суды не всегда соблюдали указанные требования закона. Так, Шумячский районный народный суд по делу Потапова и других постановил не конфисковывать ружья, мотивируя тем, что ружья были сданы в УВД для уничтожения, хотя в материалах дела никаких документов, подтверждавших непригодность документов нет. Конфискованные по приговору суда предметы передавались райфинотделу и реализовывались через торговую сеть. Но народные суды области такой порядок не соблюдали. Предметы в основном охотничьи ружья, передавались органам милиции, что не было основано на законе (например, в Гагаринском, Холм-Жирковском и других народных судах). В отдельных случаях суды вообще не решали вопрос о судьбе вещественных доказательств. Так, по приговору Вяземского городского народного суда были осуждены Селезнев, Петухов и Тишкин за незаконный отстрел лося. Браконьеры выдали охотникам милиции охотничьи ружья и лосиное мясо, однако, где ружья и мясо не выясняли и судьбу вещественных доказательств не решал. Этим же судом не была решена судьба изъятия вещественных доказательств по делам – Григорьева, Маркова и другим. В п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1983 г. № 4 разъяснялось: «В соответствии с действующим законодательством незаконно добытая продукция (звери, птицы, рыба, древесина и др.) подлежат изъятию у нарушителя. Суммы, вырученные в случае ре-

ализации этой продукции, зачету в счет возмещения ущерба не подлежат. Если таковая продукция была изъята и правонарушителя и реализована до судебного разбирательства дела, то в приговоре, решении, суд должен указать о зачислении вырученной суммы на текущий счет соответствующей организации. При невозможности изъятия незаконно добытой продукции (использована или реализована правонарушителем, пришла в негодность и т.п.) суд должен решить вопрос о взыскании с осужденного или ответчика в доход государства ее стоимости, исчисленной по установленным ценам (таксам отпуска древесины на корню, государственным розничным, комиссионным, закупочным ценам и др.)».

Указанных требований судьи не выполняли. Как правильно исчислять размер ущерба при рассмотрении дел, связанных с нарушением законодательства о природе, разъяснялось в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1983 г. № 4: «Пленум Верховного Суда СССР в 22 указал, что при рассмотрении гражданских дел, а также исков в уголовных делах о возмещении ущерба, причиненного нарушением законодательства об охране природы, суды обязаны исходить из того, что закон предусматривал полное возмещение ущерба. Уменьшение размера возмещения допускалось лишь в исключительных случаях в зависимости от установленного судом имущественного положения правонарушителя с обязательным приведением мотивов принятого решения» [4, с. 186].

На основании ч. 4 ст. 29 УПК РСФСР вопрос о возмещении материального ущерба суд был вправе решать независимо от предъявленного иска. Указанные требования не всегда выполнялись судами. Рославльским городским народным судом в отношении Мищенко и других браконьеров, незаконно ловивших рыбу, ущерб не исчислялся и не взыскивался. Только по двум приговорам было постановление о взыскании ущерба – Гагаринским городским народным судом по делу Ремезова и других, Холм-Жирковским районным народным судом по делу Фомина. В обоих случаях мясо убитых животных было использовано браконьерами, стоимость использованного ими мяса следовало взыскать в доход государства, что было сделано Холм-Жирковским районным народным судом. В пользу охотничьего хозяйства госохотинспекцией было взыскано с Фокина по таксам 599 рублей за лося, двух зайцев и лису, и 234 рубля за использования мяса лося в доход государства. Гагаринский городской народный суд постановил о взыскании с Ремезова и других всей суммы 718 рублей, в том числе и за использованную продукцию в пользу охотинспекции. Следует отметить, что суды не выполняли требованиям ст. 233 УПК РСФСР о принятии мер по обеспечению гражданского иска [1, л. 78].

Народными судами Смоленской области был рассмотрен ряд дел, связанных с применением законодательства о материальной и административ-

ной ответственности за нарушение правил охраны природы. В основном это были дела по возмещению ущерба, причиненного лесному и охотничьему хозяйствам, жалобы на постановления о наложении штрафов в административном порядке. При рассмотрении дел, связанных с применением законодательства о материальной и административной ответственности за нарушение правил охраны природы народными судами, допускались ошибки. Не всегда полно исследовались материалы дела, нарушались требования закона ст. 14 и ст. 50 ГК РСФСР. По этой причине было отменено решение Ярцевского городского народного суда по иску го-сохотинспекции к Петрову о взыскании 400 рублей в возмещение ущерба за незаконную охоту. При новом рассмотрении дела суд выяснил, что в доме Петрова была обнаружена шкурка бобра. По смыслу Правил охоты и в соответствии с п. 12 действующего в то время Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июня 1977 г. (аналогично этот вопрос решался в п. 13 вновь принятого Постановления Пленума Верховного суда СССР от 7 августа 1983 г.) как незаконная охота, рассматривалась добыча зверей, птиц, рыб (отстрел, уничтожение, вылавливание и т.п.). Этих действий Петров не совершал, его доводы о том, что он купил шкуры бобра на базаре не нашли подтверждения и при новом рассмотрении дела в иске инспекции было отказано. Оставались не проверенными Сычевским и Глинковским районными народными судами доводы ответчиков Сахарова и Фадеевой о том, что лесонарушения совершали их несовершеннолетние дети с другими лицами [1, л. 78].

В соответствии со ст. 50 Основ лесного законодательства и разъяснением содержащихся в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебной практике по делам о лесонарушениях» незаконно добытая древесина или иная лесная продукция подлежала изъятию и передаче государственному предприятию, организации или учреждению, ведущему лесное хозяйство, либо лесопользователю, если были нарушены его права. При невозможности изъятия добытой продукции взыскивалась стоимость по таксе отпуска деревьев на корню. В ряде случаев суды не выполняли требований (Шумячский районный народный суд по делу Крутогорова и др.). Не все суды (Велижский, Рославльский и др.) выполняли требования Инструкции о госпошлине от 28 декабря 1979 г. (подпункт «И» п. 39) об освобождении истцов от уплаты госпошлины и взыскании ее с ответчиков в доход государства.

Отдельные суды не проверяли правильность взыскания ущерба. Так, Велижский районный народный суд при взыскании ущерба с Цветкова за разорение 12 муравейников исходил из утраченной силу в то время таксы, чем занизил сумму ущерба. Все действовавшие в тот момент таксы о возмещение ущерба лесному хозяйству, были утверждены Постановлением Совета Министров РСФСР от 26 апреля 1981 г. (было опубликовано в Бюллетени МЮ РСФСР за 1981 г. № 5–6).

Духовщинский районный народный суд при рассмотрении иска к Рыженкову о взыскании ущерба за нарушение сбора дикорастущих ягод – клюквы, вопреки требованиям действующего в то время п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июня 1977 г. постановил о взыскании стоимости с ответчика клюквы по закупочным ценам вместо розничных. Вновь принятое Постановление (п. 24) от 7 июля 1983 г. предусматривало взыскание стоимости незаконно добытой продукции при невозможности ее изъятия по установленным ценам (таксам отпуска древесины на корню, государственным, розничным, комиссионным, закупочным ценам и др.) [1, л. 79].

Народными судами Смоленской области не всегда выполнялись требования ст. 455 ГК РСФСР и п. 8 Постановления Пленума от 3 июня 1977 г. об ответственности лиц, совместно причинивших ущерб. Так, например, Хиславичский районный народный суд постановил о взыскании с Сергеенко Д.Д. и Сергеенко И.Д. в возмещение ущерба по 84 рублей 52 копеек с каждого, не оговорив принятое им решение о долевой ответственности. Имелся случай необоснованного применения ст. 458 ГК РСФСР, предусматривавшего возможность уменьшения размера возмещения вреда, причиненного гражданином, в зависимости от его имущественного положения (Велижский районный народный суд по делу Цветкова).

Пленум Верховного Суда СССР во вновь принятом Постановлении от 7 июля 1983 г. (п. 22) еще раз подчеркивал, что суды были обязаны исходить из того, что закон предусматривал полное возмещение ущерба и уменьшение размера возмещения допускался лишь в исключительных случаях. В народные суды области обратились 21 человек с жалобами на постановления о наложении штрафов в административном порядке. В отдельных случаях народные суды (Рославльский, Сычевский и др.) без достаточных оснований, установив, что заявителями допускались нарушения Постановлений об охране рыбных запасов в водоемах СССР, снижали сумму положенного штрафа. Так, например, Рославльский городской народный суд снизил сумму штрафа с Сиденкова с 30 до 20 рублей, с Гончарова с 40 до 30 рублей и т.п. По этой категории иногда не придавалось должного значения предварительной подготовки дел к судебному разбирательству, не истребовались протоколы о допущенных нарушениях и другие необходимые для разрешения дела материалы. По заявлению Ковнерева и других дело было назначено слушанием в Рославльском городском народном суде на 28 ноября 1982 г., в то же время как в материалах ничего кроме жалоб заявителей не имелось. Рассматривая жалобы на постановления о наложении штрафа, суды не всегда выясняли – соблюдался ли заявителем 10-дневный срок со дня вынесения постановления для обращения в суд (ст. 39 Основ об административных правонарушениях), а если был пропущен, то по какой причине. Так, например, на Кавнерева штраф был наложен в апреле

1982 г., но он обратился в Рославльский городской народный суд с жалобой только в октябре 1982 г., суд причин пропуска срока не выяснял [1, л. 80].

Народными судами нарушались сроки рассмотрения дел, так, в установленный месячный срок (ст. 99 ГПК РСФСР) по делам о возмещении ущерба было рассмотрено с нарушением около одной четверти дел (Ярцевский, Починковский, Глинковский, Духовщинский). Ярцевским городской и Духовщинским районными народными судами по делам о взыскании с Петрова и Морозова ущерба была допущена волокита. Согласно ст. 238 ГПК РСФСР жалоба на действия административных органов или должностных лиц рассматривалась судом в 10-дневный срок. Однако более половины дел было рассмотрено с нарушением сроков (Вяземский, Рославльский, Угранский и др.).

Во многих гражданских делах не было сведений об исполнении решений, а в уголовных об исполнении гражданского иска (Вяземский, Велижский, Ярцевский, Духовщинский горрайнародные суды). Исключительно важное значение в деятельности судов придавалось выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений и правонарушений, связанных с нарушением законодательства об охране природы. По изученным делам в 1982 г. было вынесено три частных определения и то, на нарушения норм УПК следственными органами, а по гражданским – два частных определения (Шумячским и Вяземским судами) хотя необходимость вынесения частных определений вызывалось по значительно большому количеству дел. Несмотря на то, что браконьеры использовали государственный транспорт, но в одном из случаев не был поставлен вопрос о взыскании сумм за их незаконную эксплуатацию. Частных определений судами о ненадлежащей сохранности транспорта в результате чего оказывалось возможным их незаконное использование браконьерами, судами не выносилось [1, л. 81].

Одной из мер предупредительного характера являлась проведение выездных заседаний народных судов по месту жительства или работы правонарушителя. Однако эта возможность, предусмотренная законом, не использовалась судами в достаточной степени. В выездных заседаниях было рассмотрено два уголовных и одно гражданское дело (Гагаринский, Вяземский и Шумячский горрайнародные суды). Общественность в рассмотрении дел данной категории почти не учувствовал. В целях профилактики в области охраны природы народными судами Смоленской области не использовались средства массовой информации (печать, радио), недостаточно разъяснялось населению законодательство об охране природы.

Таким образом, рассмотрев практику применения народными судами Смоленской области дел, связанных с нарушением законодательства об охране природы, авторы приходят к выводу что советское законодательство предусматривало раз-

личные формы правовой ответственности лиц, нарушающих правила охраны природы: уголовную, гражданско-правовую и административную [3, с. 156]. Но массовым это явление не было и подобные дела рассматривались областными судами и отделом юстиции, с привлечением общественности и освещением в печати.

Литература

1. Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). Ф. 1120. Оп. 1. Д. 266. Справки и обзоры по обобщению судебной практики по уголовным и гражданским делам за 1983 г. Л. 75–81.
2. Купченко К.В., Федоскин Н.Н., Якутин А.В. Отечественная история советского периода (1917–1991 гг.). Смоленск, 2018. 170 с.
3. Купченко К.В., Иванов А.М., Лаврова Е.В., Муrowицкий А.И., Тимофеева И.Ю., Федоскин Н.Н. // История государственности России: с древнейших времен до современности. Смоленск, 2021. 190 с.
4. Федоскин Н.Н. История отечественного государства и права // Смоленск, 2011. Часть 2. 224 с.

REVIEW OF JUDICIAL PRACTICE ON ENVIRONMENTAL LEGISLATION IN THE MID-1980S BASED ON MATERIALS FROM THE SMOLENSK REGION

Ivanov A.M., Ivanova E.A.

Smolensk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Smolensk State University

This article is devoted to the review of the judicial practice of the Soviet legislation on environmental protection, compiled on the basis of the materials of the Smolensk region. The authors give examples of consideration by the people's courts of the Smolensk region of cases related to violation of legislation on environmental protection. To study the regional aspect of nature conservation, previously unused archival materials of the State Archives of the Smolensk Region (hereinafter referred to as SASO) are introduced into scientific circulation. The authors conclude that the Soviet legislation provided for various forms of legal responsibility of individuals, but this phenomenon was not widespread, such cases were considered by regional courts and the Department of Justice, with the involvement of the public and coverage in the press.

Keywords: field sessions, people's courts, responsibility, nature protection, Fundamentals of Forest Legislation.

References

1. State Archive of the Smolensk Region (hereinafter GASO). F. 1120. Op. 1. D. 266. References and reviews on the generalization of judicial practice in criminal and civil cases for 1983, pp. 75–81.
2. Kupchenko K.V., Fedoskin N.N., Yakutin A.V. Otechestvennaya istoriya sovet'skogo perioda (1917–1991 gg.). Smolensk, 2018. 170 p. (In Russian)
3. Kupchenko K.V., Ivanov A.M., Lavrova E.V., Murovitsky A.I., Timofeeva I.Yu., Fedoskin N.N. // History of the state of Russia: from ancient times to the present. Smolensk, 2021. 190 p. (In Russian)
4. Fedoskin N.N. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava [History of the national state and law] // Smolensk, 2011. Part 2. 224 p. (In Russian)

Малько Александр Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, заслуженный деятель науки РФ
E-mail: alex25-58@mail.ru

Предметом исследования выступает такой институт правовой жизни, как лоббизм, являющийся особой разновидностью правового сотворчества общественных и государственных структур. С помощью структурно-функционального, социологического, сравнительно-правового и иных методов выявлены элементы и признаки, присущие лоббизму и правовому сотворчеству в современной России. Доказывается, что лоббистская деятельность своеобразная форма правового сотворчества, которая по-своему организует подобное взаимодействие институтов гражданского общества и органов публичной власти. Для исследования проблем правового сотворчества этот аспект имеет важное значение, ибо показывает, как субъекты лоббистской деятельности строят свое сотрудничество, в чем заключается их специфика и т.п. Обосновывается, что в современном государстве лоббизм, как особое правовое сотворчество, нуждается в специальном правовом упорядочении, при организации которого важно учитывать опыт других стран и, прежде всего, свою культурно-историческую идентичность.

Ключевые слова: сотрудничество, понятие и признаки правового сотворчества, лоббизм как особое правовое сотворчество, правовое регулирование лоббистской деятельности, сравнительно-правовой анализ.

Конструктивный диалог общественных структур с органами публичной власти выступает важнейшей частью современного политического процесса в России, залогом его эффективности. Подобное подразумевает определенную систему управляемых коммуникаций, различные формы организованного взаимодействия, позволяющих гармонизовать интересы государства, разных групп населения и социума в целом. Одной из таких форм является «институт лоббирования, который, будучи юридически признанным, определяет основные правила взаимодействия представителей гражданского общества и органов государственной власти в продвижении различных инициатив»¹.

Лоббизм как полноценный институт появляется тогда, когда уже существуют два необходимых условия: 1) большое многообразие интересов в обществе, возникающее вследствие его социальной дифференциации, расслоения, «специализации»; 2) расширяется доступ к власти на основе политического плюрализма, что характерно прежде всего для демократических режимов. В связи с тем, что власть объективно не в состоянии удовлетворить одновременно и наиболее полно все интересы сразу, возникает проблема очерёдности, приоритета осуществления тех или иных интересов. Отсюда закономерно стремление различных групп и слоев общества воздействовать на поведение государства с целью переориентации политики в свою пользу, стимулировать его принимать выгодные для себя управленческие решения. Само слово «лоббизм» неоднозначно оценивается общественным сознанием, ибо имеет как «световой», так и «теневой» смысл. Если говорить о «световом» (позитивном) смысле, то он характеризуется как нормальное и жизненно необходимое явление, выступающее в качестве института демократического процесса. Ведь лоббизм как система организационного оформления, выражения и представительства разнообразных групповых интересов столь же неотъемлемый элемент общества, как и наличие в нём самих этих разнообразных групповых интересов, каждый из которых настойчиво стремится привлечь к себе внимание властей. Лоббизм в этом позитивном смысле – есть форма законного влияния «групп давления» на управленческие решения государственных органов с целью удовлетворения интересов определённых социальных структур².

¹ Сарпекоев Р.К., Конусова В.Т. К вопросу о законодательной регламентации лоббирования в Казахстане // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2022. № 4. С. 24.

² См. подробнее: Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. М., 2000. С. 173–174; Он

Если же говорить о «теневом» (негативном) смысле, то, как правило, термин «лоббизм» здесь приобретает сугубо отрицательное звучание, в чём-то напоминающее «блат», «протекционизм», «подкуп», «покупку голосов» в чьих-либо корыстных или узкопартийных интересах в ущерб интересам другим, прежде всего общественным и государственным. В такой ситуации лоббизм характеризуется состоянием неопределённости в силу того факта, что отсутствует четкое и завершённое его правовое регулирование. Взаимоотношения лоббистов с органами публичной власти протекают здесь практически вне правового пространства, ибо нет пока полноценной нормативной базы для этого. Вот почему лоббистская деятельность находится в большей степени в полутеневой либо теневой сфере. Верно подмечено, что подобная деятельность связана с «полутеневым представительством», а лоббистские организации «не гнушаются полуправильными контактами с парламентариями»¹.

Более того, само отсутствие в полной мере системы правового упорядочения (в виде закона и иных подзаконных актов, создающих возможность для легального лоббизма) подчас подталкивает субъектов к использованию теневой его версии. Можно только согласиться с тем, что «отсутствие четко сформулированных правил игры способствует развитию теневого рынка посреднических услуг воздействия на институты государственной власти, действующего на грани или за гранью закона. Кроме того, всякое отсутствие прозрачности создает негативное восприятие самого явления лоббизма в обществе»², ибо «факт контактов групп интересов с представителями власти закрыт не только для общества, но и для контрольных органов, которые должны следить за такими вопросами, как снижение коррупционной составляющей, расходование государственных средств, соблюдение прав и возможностей всех потенциальных участников принятия решений и пр.»³.

Однако, несмотря на существование немалой теневой части лоббизма, тенденция такова, что лоббистская практика неуклонно увеличивается, возникают все новые и новые ее проявления, расширяется число лоббистов и т.д. Отсюда значение лоббирования (прежде всего легального) только возрастает, что нельзя не учитывать в его участии во взаимодействии институтов гражданского общества и органов публичной власти. По сути лоббизм, выступая своеобразным «посредником» в данном взаимодействии, является специфическим правовым сотворчеством. Под последним

«следует понимать процесс совместного деятельностного взаимодействия государственных и общественных институтов, различных политических и социальных акторов в рамках правового поля (пространства правовой жизни), в результате которого рождается некая новая правовая реальность (в виде нормативных правовых положений и образцов их реализации) или же происходит обновление традиционной (с привнесением неких новых элементов в форму, структуру и содержание права)»⁴.

В целом можно согласиться с данной рабочей дефиницией. Вместе с тем хотелось бы предложить признаки правового сотворчества и лоббизма (как его специфической разновидности), которые, на наш взгляд, будут развивать и конкретизировать вышеприведенную дефиницию.

К таким признакам отнесем следующие.

1. Правовое сотворчество – разновидность как творчества, так и в большей степени сотрудничества. Сотрудничать же, согласно словарям, «действовать вместе, принимать участие в общем деле»⁵. Поэтому, естественно, отношения между сторонами в подобных условиях основаны на согласии, взаимном понимании и взаимной поддержке. На это же направлен и лоббизм, который можно оценивать «и как более широкое средство достижения компромисса, способ взаимного уравнивания и примирения между собой разнообразных интересов. Общеизвестно, что лоббистские группы, отстаивающие порою диаметрально противоположные интересы..., как это ни странно, на первый взгляд, способствуют сохранению своего рода равновесия различных сил, нахождению точек соприкосновения и достижению консенсуса при принятии управленческих решений, ведь в конце концов стержень лоббизма – взаимовыгодное сотрудничество»⁶.
2. Правовое сотворчество и лоббизм выступают высшей формой сотрудничества, вовлекая в государственное управление граждан и структуры общества, где требуется проявлять особую волю и ответственность. Высшей эта форма может считаться потому, что в рамках нее осуществляется правотворчество, призванное создавать новые правила – нормативно-правовые основы как для всех остальных форм взаимодействия, так и для всей правовой жизнедеятельности.
3. Субъекты – это, с одной стороны, органы публичной власти, а с другой, институты гражданского общества, выступающие в виде активных самостоятельных участников правотворчества и одновременно в качестве «совместного» своего рода гибридного (смешанного) актора. Лоббисты – различные группы и организации, тоже

же. Лоббизм // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4; Он же. Лоббизм и право // *Правоведение*. 1995. № 2.

¹ См.: Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М., 2022. С. 350.

² Конько С.Г. Формирование континентальной модели правового регулирования лоббизма в современной России // *Развитие территорий*. 2020. № 2. С. 45.

³ Каневский П.С. В поисках оптимальной модели регулирования лоббизма в России // *Вестник Московского Университета*. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 4. С. 43.

⁴ Трофимов В.В., Свиридов В.В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2018. № 4. С. 109.

⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 750.

⁶ Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. М., 2000. С. 180.

предстают в виде подобных субъектов, ибо являются представителями общества.

4. Объект правового сотворчества и лоббизма – общественные отношения, которые должны быть организованы в результате данного сотрудничества, что воплощается в конечном счете в принятии юридической нормы.
5. Содержание правового сотворчества и лоббизма выражается в совершении субъектами действий, «соучаствующих» вместе в управлении государственными и общественными делами.
6. Правовое сотворчество и лоббизм осуществляются в правовой сфере и прежде всего в правотворческой деятельности. Вполне согласен с мнением о том, что «одним из действенных инструментов взаимодействия власти и общества в системе правотворческих отношений может выступать институт лоббизма...»¹.
7. Правовое сотворчество и лоббизм – важнейшие способы правотворческой консолидации институтов гражданского общества и структур публичной власти, ибо они создают условия для интеграции общественных и государственных сил в решении совместных дел.
8. Правовое сотворчество призвано содействовать достижению совместных целей при принятии правотворческого продукта (нормативных правовых актов, нормативных договоров и т.д.), в которых согласовываются и удовлетворяются интересы сторон (государства и гражданского общества). Цели лоббизма тоже заключаются в возможности представителей различных групп населения отстаивать его интересы в правотворческих органах, тем самым создавая баланс общественных и государственных интересов. В этом смысле присутствие лоббирования наиболее ощутимо именно в правотворческом процессе.
9. Будучи высшей формой сотрудничества, которая базируется на согласии, доверии, взаимности, правовое сотворчество привносит позитивное содержание в нашу жизнедеятельность. «Негативные и позитивные свойства правовой жизни общества зависят от того, в каких по характеру социально-интерактивных отношениях между собой находятся люди и их организации. Негативное содержание правовой жизни возникает, если в основе социально-правовых отношений присутствует явный или скрытый (латентный) конфликт между социальными субъектами (конфликт юридически значимых действий, конфликт интересов, конфликт правоприязаний и пр.). В свою очередь, позитивное содержание в правовую жизнь привносится тогда, когда социальные субъекты (субъекты права) вступают в отношения сотрудничества (солидарности), выражают намерение сооб-

ща решать существующие проблемы и задачи, строить свои отношения на началах доверия, взаимопонимания и взаимной поддержки»².

Если легальный лоббизм добавляет «позитива» в правовую жизнь, то теневой – наоборот. Нужно признать, что еще немалая часть лоббирования пока находится в теневом сегменте нашей жизнедеятельности, что приводит к конфликтам, подчас к необоснованной блокировке принятия необходимых для государства нормативных правовых актов. Так, «Госдума год пытается принять закон о больших оборотных штрафах за утечку личных данных и об уголовной ответственности за их нелегальный оборот. Закон в рамках уголовного дела, в отличие от административного о штрафе, позволил бы совершать выемки данных, изучать журналы доступа к ним, отслеживать перемещение. И картина того, кто допустил утечку, прояснилась бы. Но палки в колеса законопроекта вставляет цифровой бизнес. Его лобби, мягко говоря, самоуверенно торгуется. Особенно препирается Ассоциация больших данных, куда входят цифровые гиганты. На кону и большие деньги, и возникновение прецедента почти персональной ответственности цифровых менеджеров»³.

10. Правовое сотворчество – один из главных показателей степени цивилизованности, демократизма и зрелости не только государственной власти, но и социума в целом. Лоббирование тоже характеризуется этим, ибо выступает одновременно и как форма самоорганизации гражданского общества, и как способ привлечения институтов последнего к участию в государственном управлении. Если же говорить о теневом лоббизме, то он негативно влияет на данные процессы, что может проявляться в нарушении основных принципов правотворчества (прежде всего, законности, гласности, демократизма).

Исходя из выявленных признаков, предлагаем следующее определение, которое, как нам представляется будет дополнять вышеприведенное. **Правовое сотворчество** – это высшая форма сотрудничества в правовой сфере между органами публичной власти и институтами гражданского общества, призванная согласовывать их интересы (облекаемые затем в соответствующие правотворческие акты), выступающая составной частью позитивной правовой жизни и одним из главных показателей степени цивилизованности, народовластия и зрелости как государства, так и социума.

В связи с тем, что лоббизм имеет такой широкий «веер» возможных последствий, он, безусловно, нуждается в упорядочении, юридическом оформлении. Общество и государство должны совместно участвовать в налаживании механизмов

¹ Трофимов В.В. Гражданское общество и власть в системе правотворческих отношений: от оппозиции к партнерству // Правовые основы формирования гражданского общества в современной России: Сборник научных трудов / Под ред. А.В. Малько и К.А. Струсь. Пятигорск, 2010. С. 95.

² Трофимов В.В. Конфликтное право и право сотрудничества как выражение базовых социальных стратегий: проблема действительности системно-правовых конструкций // Государственно-правовые исследования. Ежегодник. 2022. Вып. 5. С. 42.

³ Емельяненко В. По ком звонит смартфон. Кто загоняет человечество в цифровой концлагерь // Российская газета. 2024. 29 мая.

трансформации негативных моментов лоббирования в позитивные, в использовании эффективных инструментов минимизации вредных результатов от лоббизма и в наращивании позитивных, в утверждении цивилизованных его начал.

Вероятно, лучше создавать легальные формы для лоббирования с тем, чтобы их можно было хоть как-то контролировать, вместе с тем, надо отдавать себе отчет в том, что абсолютного контроля над данным явлением установить невозможно. Он многолик, многогранен, воплощается зачастую в уникальных формах. В различных странах, в виду своеобразия демократического строительства, институтов и норм, существующих там, пытаются найти свои пути в разрешения проблемы упорядочения лоббистской деятельности.

Думается, во многом проблемы заключается в мере легализации лоббизма. Так, в США и Канаде он легализован в большей степени, ибо урегулирован с помощью специальных законов и институализирован требованиями о необходимой регистрации всех профессиональных лоббистов. Однако следует считать заблуждением положение о том, будто бы там он не имеет теневых форм. Верно подчеркивается, что даже в тех странах, где лоббизм закреплен законодательно, остается достаточно много возможностей для применения не зарегламентированных механизмов, часто приближающихся или даже пересекающих границы зафиксированных норм¹. Более того, так или иначе значительная часть лоббистской деятельности «реализуется именно в рамках неформальных, «свободных» от институциональных и процедурных ограничений связей»², ибо она многообразна, динамична и постоянно обновляется, адаптируясь к быстро меняющейся реальности. В частности, в США лоббизм действительно превратился в институт публичного управления с развитой нормативной правовой базой. Между тем при детальном анализе механизмов его функционирования, прежде всего на уровне отраслей и штатов, вскрываются практики, влияние которых на государственную политику существенно расходится с легальным целеполаганием. В качестве примера отрасли, где практики теневого лоббирования играют весьма заметную роль, называют здравоохранение³.

Если же говорить о европейском опыте, то существуют Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 27 марта 2017 года «О правовом регулировании лоббистской деятельности в сфере принятия государственных решений», которые устанавливают весьма мягкую модель правового режима для лоббистов, основанную на их реги-

¹ См.: Осипова Н.А. Институционализация лоббизма: некоторые вопросы теории // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4.

² Перегудов С.П. Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России // Политические исследования. 1993. № 4. С. 120.

³ См.: Купряшин Г.Л., Дробышева В.С., Стародубцев А.С. Латентное в публичном: изъяны регулирования лоббизма в США // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. Вып. 96. С. 104.

страции и открытости для общества. В рамках европейской модели такая деятельность регламентируется комплексом нормативных правовых актов преимущественно подзаконного уровня.

В современной России складывается довольно специфическое правовое регулирование лоббистской деятельности, которое, с одной стороны, не обладает еще системной завершенностью и не требует отдельного учета или регистрации субъектов, занимающихся этой деятельностью, с другой же, имеет свои сугубо национальные свойства, связанные с тем, что основными лоббистами выступают корпорации (Газпром, Росатом и др.), в которых созданы специальные структуры по взаимодействию с органами публичной власти. Вместе с тем нужно отметить, что в нашем сегодняшнем государстве неоднократно предпринимались попытки урегулировать лоббизм на уровне федерального закона: и в 1992, и в 1994, и в 1997, и в 2003 годах⁴. В ноябре 2003 года Межпарламентская Ассамблея СНГ приняла модельный закон «О регулировании лоббистской деятельности в органах государственной власти», рекомендовав парламентам-участникам использовать его в национальном законодательстве. Он устанавливал правовой статус лоббистских организаций (порядок их создания и регистрации, сферу прав, характер отчетности), механизм контроля за их деятельностью и т.д. Кроме того, в отдельных российских региональных законах были закреплены положения, касающиеся лоббистской деятельности. Так, в 1993 году был принят закон «О правотворчестве и нормативных правовых актах Иркутской области», который пытался ее регламентировать в правотворчестве данного субъекта РФ лоббизм⁵, в 1995 году принят соответствующий закон в Краснодарском крае⁶, который содержал отдельно 7 главу «Лоббизм в правотворчестве края». Данный наработанный региональный опыт может быть использован впоследствии и на федеральном уровне.

Однако несмотря на отсутствие специального закона у нас существует немало норм и институтов, создающих правовую основу для лоббизма. Речь идет не только о широко известных положениях, содержащихся во 2-й части 3-й статьи Конституции РФ 1993 года («Народ осуществляет свою власть непосредственно, а так же через органы государственной власти и местного самоуправления»), в части 1 статьи 32 («Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей»), в статье 33 («Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а так же направлять индиви-

⁴ См. подробнее об этом: Шепелева А.В. Правовые основы регулирования осуществления лоббистской деятельности // Флагман науки. 2023. № 10.

⁵ См.: Ведомости Иркутского областного Совета народных депутатов. 1993. № 2.

⁶ См.: Закон Краснодарского края от 6 июня 1995 года № 7-КЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края».

дуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления»), но и в конституционных поправках 2020 года (в том числе ввели специальный подпункт «е» в пункт 1 статьи 114), согласно которому «Правительство Российской Федерации... осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества,... обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики».

Если предметом лоббистской деятельности выступают принятие конкретного законопроекта или внесение в него изменений, получение официального заявления в форме постановлений и депутатских запросов, организация парламентских слушаний и конференций, то ее субъектами можно назвать, например, отраслевые и финансово-промышленные группы, деловые союзы и ассоциации и т.д. Причем лоббистские технологии в целом находятся в рамках законодательства и характеризуются использованием легальных каналов коммуникации¹. Лоббистская деятельность ряда групп интересов (включая как коммерческие, так и некоммерческие объединения) регулируются различными федеральными законами: «О некоммерческих организациях», «Об общественных объединениях», «О политических партиях», в которых закреплены прямые или косвенные формы взаимодействия этих групп с органами публичной власти.

Лоббирования со стороны профсоюзов и торгово-промышленных палат в наибольшей степени приближено к правовому сотворчеству. В частности, в статье 11 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» определено следующее: «Проекты законодательных актов, затрагивающие социально-трудовые права работников, рассматриваются федеральными органами государственной власти с учетом предложений общероссийских профсоюзов и их объединений (ассоциаций)». На этой основе Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) лоббирует свои интересы, участвуя в подготовке и обсуждении немалого количества законопроектов. Торгово-промышленная палата – тоже выступает активным субъектом правового сотворчества, лоббируя интересы предпринимателей на основе соответствующего федерального закона.

Что же необходимо делать дальше для перевода части лоббистской деятельности из теневой сферы в легальную?

Во-первых, нужен специальный Федеральный закон с условным названием «О лоббизме», в котором важно не только дать его определение и признаки, отличающие лоббизм от иных схожих явлений, но и установить стратегию развития правового регулирования подобной деятельности². Этот единый и консолидированный акт станет инстру-

ментом комплексного «превращения» лоббизма в полноценного соучастника правового сотворчества.

Во-вторых, в соответствии с данным законом следует создать реестр лоббистов в целях обеспечения их прозрачности, регистрация в которых должна носить обязательный характер.

В-третьих, в органах публичной власти необходимо принять Этические кодексы, в которых надо установить допустимые моральные пределы их взаимодействия с группами интересов, нравственные меры предупреждения и разрешения различного рода конфликтов.

При этом важно учитывать следующие обстоятельства.

1. Лоббизм, как многогранное явление, полностью никогда не может быть урегулировано. Его необходимо контролировать и «держат» в допустимых для общества пределах.
2. В процессе правового сотворчества бывает и так, что ни одна из его сторон (ни лоббисты, ни органы власти) не заинтересована в раскрытии связей друг с другом, ибо они привыкли к сложившимся неформальным правилам, и более того, они их устраивают. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что «лоббисты зачастую опасаются чрезмерного контроля и бюрократизации со стороны государства, так как за аккредитацию лоббистов будут отвечать органы власти. Не стремятся к большей прозрачности и представители власти, у многих из которых существуют тесные, доверительные отношения с группами интересов, которые они не хотят афишировать»³.
3. В общественном правосознании присутствует настолько разные представления о рассматриваемом явлении, что культура лоббистской деятельности пока еще не сложилась в полной мере. Крайности в общественном мнении преобладают: от признания любого лоббизма проявлением коррупции и взяточничества, а отсюда и оценки его в качестве негативного феномена, до идеализации данного института как некоего «универсального представителя всего и всех», как жизненно необходимого атрибута демократического государства. Думается, лоббистская практика в правовом сотворчестве со временем выработает «золотую середину» (некий баланс) в отношении общества к данному явлению. Важно последовательно и системно заниматься этим процессом. Отсюда далеко не все попытки урегулирования лоббизма (в силу сложившихся реалий и сложной его природы) могут быть успешными и эффективными.

Таким образом, оценивая лоббизм (как весьма неоднозначное и противоречивое явление) важно учитывать, что, с одной стороны, он далеко не всегда выступает нелегитимной деятельностью, близ-

¹ См.: Юрков С.Е., Сучкова А.А. Направления развития института лоббизма в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 40.

² См. об этом: Малько А.В., Субочев В.В. Лоббизм: проблемы правового регулирования. Пятигорск, 2003.

³ Каневский П.С. В поисках оптимальной модели регулирования лоббизма в России // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 4. С. 47.

кой к коррупции, взяточничеству и т.д., а, с другой, следует, наряду с допустимым лоббизмом, отслеживать и его теневые проявления. В нем нужно видеть как позитивные, так и негативные составляющие и признать, что полностью лоббизм устранить из правовой жизни невозможно. А раз это так, то значит нужно учиться жить с ним. Именно для этого и требуется единый и полноценный консолидированный закон, призванный комплексно упорядочить лоббистскую деятельность, установить цели ее правового регулирования (минимизация рисков трансформации в теневую часть и обеспечение ее прозрачности), обозначить приемлемые с точки зрения общества и государства пределы ее использования в правотворческих отношениях. Пока же очевидная необходимость законодательной регламентации лоббистской деятельности в наши дни восполняется лишь фрагментарным регулированием отдельных ее процессов и этапов. Сравнительно-правовой метод позволил выявить основные черты сходства и различия, присущие правовому регулированию лоббизма в отдельных странах, что, несомненно, будет способствовать разработке наиболее оптимальной модели для упорядочения лоббистской деятельности как особого вида правового сотворчества в современной России.

Литература

1. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М., 2022. С. 350.
2. Ведомости Иркутского областного Совета народных депутатов. 1993. № 2.
3. Емельяненко В. По ком звонит смартфон. Кто загоняет человечество в цифровой концлагерь // Российская газета. 2024. 29 мая.
4. Закон Краснодарского края от 6 июня 1995 года № 7-КЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края».
5. Каневский П.С. В поисках оптимальной модели регулирования лоббизма в России // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 4. С. 43.
6. Конько С.Г. Формирование континентальной модели правового регулирования лоббизма в современной России // Развитие территорий. 2020. № 2. С. 45.
7. Купряшин Г.Л., Дробышева В.С., Стародубцев А.С. Латентное в публичном: изъяны регулирования лоббизма в США // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. Вып. 96. С. 104.
8. Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. М., 2000. С. 173–174.
9. Малько А.В. Лоббизм // Общественные науки и современность. 1995. № 4.
10. Малько А.В. Лоббизм и право // Правоведение. 1995. № 2.

11. Малько А.В., Субочев В.В. Лоббизм: проблемы правового регулирования. Пятигорск, 2003.
12. Осипова Н.А. Институционализация лоббизма: некоторые вопросы теории // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 750.
14. Перегудов С.П. Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России // Политические исследования. 1993. № 4. С. 120.
15. Сарпеков Р.К., Конусова В.Т. К вопросу о законодательной регламентации лоббирования в Казахстане // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2022. № 4. С. 24.
16. Трофимов В.В. Гражданское общество и власть в системе правотворческих отношений: от оппозиции к партнерству // Правовые основы формирования гражданского общества в современной России: Сборник научных трудов / Под ред. А.В. Малько и К.А. Струсь. Пятигорск, 2010. С. 95.
17. Трофимов В.В., Свиридов В.В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 109.
18. Трофимов В.В. Конфликтное право и право сотрудничества как выражение базовых социальных стратегий: проблема действительности системно-правовых конструкций // Государственно-правовые исследования. Ежегодник. 2022. Вып. 5. С. 42.
19. Шепелева А.В. Правовые основы регулирования осуществления лоббистской деятельности // Флагман науки. 2023. № 10.
20. Юрков С.Е., Сучкова А.А. Направления развития института лоббизма в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1. С. 40.

LOBBYING AS A SPECIAL KIND OF LEGAL CO-CREATION¹

Malko A.V.
Tambov State University

The subject of the study is represented by such an institution of legal life as lobbying, which is a special type of legal co-creation of public and state structures. Using structural-functional, sociological, comparative-legal and other methods, the author identifies the elements and characteristics inherent in lobbying and legal co-creation in modern Russia. The author also proves that lobbying activity is a unique form of legal co-creation, which in its own way organizes this kind of interaction between civil society institutions and public authorities. The author believes that this aspect is very important for the study of problems of legal co-creation, because it shows how the subjects of lobbying activities build their cooperation, what is their specificity, etc. The author substantiates that in modern state lobbying, as a special legal co-creation, suffers from the lack of special legal regulation; to organize it, legislators should take into account the experience of other countries and, above all, their own cultural and historical identity.

¹ «The research was carried out through a grant from the Russian Science Foundation No. 24–28–00271, <https://rscf.ru/project/24–28–00271/>».

Keywords: Cooperation, concept and signs of legal co-creation, lobbying as a special legal co-creation, legal regulation of lobbying activities, comparative legal analysis.

References

1. Avakyan S.A. Representation in constitutional law: issues of theory and practice. M., 2022. P. 350.
2. Gazette of the Irkutsk Regional Council of People's Deputies. 1993. No. 2.
3. Emelianenko V. For whom the smartphone calls. Who is driving humanity into a digital concentration camp // Rossiyskaya Gazeta. 2024. May 29.
4. Law of the Krasnodar Territory of June 6, 1995 No. 7-KZ "On lawmaking and regulatory legal acts of the Krasnodar Territory."
5. Kanevsky P.S. In search of an optimal model for regulating lobbying in Russia // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2022. T. 28. No. 4. P. 43.
6. Konko S.G. Formation of a continental model of legal regulation of lobbying in modern Russia // Development of territories. 2020. No. 2. P. 45.
7. Kupryashin G.L., Drobysheva V.S., Starodubtsev A.S. Latent in the public: flaws in the regulation of lobbying in the United States // Public Administration. Electronic newsletter. 2023. Issue. 96. P. 104.
8. Malko A.V. Political and legal life of Russia: current problems. M., 2000. pp. 173–174.
9. Malko A.V. Lobbying // Social Sciences and Modernity. 1995. No. 4.
10. Malko A.V. Lobbying and law // Jurisprudence. 1995. No. 2.
11. Malko A.V., Subochev V.V. Lobbying: problems of legal regulation. Pyatigorsk, 2003.
12. Osipova N.A. Institutionalization of lobbying: some theoretical issues // Russian Social and Humanitarian Journal. 2023. No. 4.
13. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. M., 1991. P. 750.
14. Peregudov S.P. Political representation of interests: the experience of the West and the problems of Russia // Political Studies. 1993. No. 4. P. 120.
15. Sarpekov R.K., Konusova V.T. On the issue of legislative regulation of lobbying in Kazakhstan // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2022. No. 4. P. 24.
16. Trofimov V.V. Civil society and power in the system of law-making relations: from opposition to partnership // Legal foundations of the formation of civil society in modern Russia: Collection of scientific works / Ed. A.V. Malko and K.A. I'm chickening out. Pyatigorsk, 2010. P. 95.
17. Trofimov V.V., Sviridov V.V. Legal co-creation: definition of the concept and role in the Russian law-making process // Legal policy and legal life. 2018. No. 4. P. 109.
18. Trofimov V.V. Conflict law and the law of cooperation as an expression of basic social strategies: the problem of the validity of systemic legal structures // State legal studies. Yearbook. 2022. Issue. 5. P. 42.
19. Shepeleva A.V. Legal basis for regulating lobbying activities // Flagman of Science. 2023. No. 10.
20. Yurkov S.E., Suchkova A.A. Directions for the development of the institution of lobbying in modern Russia // News of Tula State University. Humanitarian sciences. 2024. Issue. 1. P. 40.

Правоприменение в сфере экологических преступлений: обобщение опыта Смоленской области 1982–2018 гг.

Иванов Александр Михайлович,

к.и.н., доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарные науки; Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры юриспруденции, Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail: smolensk@fa.ru

Зиновьева Ирина Викторовна,

к.ф.н., доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарных наук Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: smolensk@fa.ru

Масягина Юлия Борисовна,

к.ю.н., доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарных наук Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры государственного и муниципального управления Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smolensk@fa.ru

Данное исследование посвящено рассмотрению ряда экологических правонарушений в Смоленской области в историческом аспекте. *Цель:* проследить в количественном соотношении, опираясь на архивные источники, тенденции совершения природоохранных и природоресурсных правонарушений, выявленных с 1982 по 2018 годы. *Методологическая основа:* совокупность описательного, сравнительного, статистического и исторического методов исследования, а также анализ докладов Администрации Смоленской области об охране окружающей среды. *Результаты:* при анализе статистических данных различных источников было выявлено, что в современный период прослеживается тенденция совершения большего количества природоохранных правонарушений, а количество природоресурсных правонарушений осталось на том же уровне. *Выводы:* на современном этапе анализа правовой системы Смоленской области в сфере экологического права прослеживается изменение структуры экологических правонарушений. Это может быть объяснено стремительным развитием современных технологий. Наибольшее количество правонарушений связано с утилизацией отходов.

Ключевые слова: экологические правоотношения, природоресурсное право, природоохрана, экологическое правонарушение, эколого-правовая ответственность.

Экологические правоотношения в современной правовой системе России делятся на две группы, что определяется комплексной природой отрасли экологического права. Экологическая отрасль подразделяется на природоресурсную часть и охранительную часть, где регулирование происходит в сфере природоохранительной деятельности. Природоохранительная деятельность государства идет в соответствии с взаимодействием экологического, административного и уголовного отраслей права [4, с. 48].

В настоящей статье авторы имеют целью проследить данное взаимодействие в советском и российском законодательстве, а также непосредственно в юридической практике.

В советский период был принят новый закон по охране окружающей среды в 1982 году. Архивные документы по указанному периоду показывают нам следующие статистические данные.

Областным судом и отделом юстиции была изучена практика рассмотрения народными судами Смоленской области в 1982 г., дел, связанных с нарушением законодательства об охране природы. В статье 18 Конституции СССР было указано на необходимость строгой охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды.

В 1982 г. по Смоленской области было осуждено 32 человека за нарушения законодательства об охране природы, в основном, за незаконную охоту и незаконный лов рыбы. Судебная практика свидетельствовала о том, что суды в основном правильно применяли законодательство об охране природы. Одним из квалифицирующих признаков ч. 2 ст. 163, ч. 2 ст. 166 и ч. 2 ст. 169 УК РСФСР являлись причинение преступлением крупного ущерба [1, л. 76].

Меры наказания за незаконное занятие рыбным и охотничьим промыслом судами назначалась правильно, в соответствии с требованиями закона. Лишение свободы, как правило, назначалось лицам, представившим повышенную степень общественной опасности (совершившим преступления при квалифицирующих обстоятельствах, ранее судимыми и т.п.) Наказания, не связанные с лишением свободы, назначались с учетом характера содеянного и личности виновных, для которых совершение этих преступлений носило случайный характер, не влекло причинения государству значительного ущерба [5, с. 67].

Народные суды не всегда соблюдали указанные требования закона. Так, Шумячский районный народный суд по делу Потапова и других постановил не конфисковывать ружья, мотивируя тем, что ружья были сданы в УВД для уничтожения, хотя в материалах дела никаких документов, подтверждавших непригодность документов нет. Конфискованные по приговору суда предметы передавались райфинотделу и реализовывались через торговую сеть. Но народные суды области такой порядок не соблюдали. Предметы в основном охотничьи ружья, передавались органам милиции, что не было основано на законе (например, в Гагаринском, Холм-Жирковском и других народных судах). В отдельных случаях суды вообще не решали вопрос о судьбе вещественных доказательств. Так, по приговору Вяземского городского народного суда были осуждены Селезнев, Петухов и Тишкин за незаконный отстрел лося. Браконьеры выдали охотникам милиции охотничьи ружья и лосиное мясо, однако, где ружья и мясо не выясняли и судьбу вещественных доказательств не решал. Этим же судом не была решена судьба изъятых вещественных доказательств по делам – Григорьева, Маркова и другим [1, л. 78].

На основании ч. 4 ст. 29 УПК РСФСР вопрос о возмещении материального ущерба суд был вправе решать независимо от предъявленного иска. Указанные требования не всегда выполнялись судами. Рославльским городским народным судом в отношении Мищенко и других браконьеров, незаконно ловивших рыбу, ущерб не исчислялся и не взыскивался. Только по двум приговорам было постановление о взыскании ущерба – Гагаринским городским народным судом по делу Ремезова и других, Холм-Жирковским районным народным судом по делу Фомина. В обоих случаях мясо убитых животных было использовано браконьерами, стоимость использованного ими мяса следовало взыскать в доход государства, что было сделано Холм-Жирковским районным народным судом. В пользу охотничьего хозяйства госохотинспекцией было взыскано с Фокина по таксам 599 рублей за лося, двух зайцев и лису, и 234 рубля за использования мяса лося в доход государства. Гагаринский городской народный суд постановил о взыскании с Ремезова и других всей суммы 718 рублей, в том числе и за использованную продукцию в пользу охотинспекции. Следует отметить, что суды не выполняли требованиям ст. 233 УПК РСФСР о принятии мер по обеспечению гражданского иска [1, л. 79].

Народными судами Смоленской области был рассмотрен ряд дел, связанных с применением законодательства о материальной и административной ответственности за нарушение правил охраны природы. В основном это были дела по возмещению ущерба, причиненного лесному и охотничьему хозяйствам, жалобы на постановления о наложении штрафов в административном порядке. При рассмотрении дел, связанных с применением законодательства о материальной и административ-

ной ответственности за нарушение правил охраны природы народными судами, допускались ошибки. Не всегда полно исследовались материалы дела, нарушались требования закона ст. 14 и ст. 50 ГПК РСФСР. По этой причине было отменено решение Ярцевского городского народного суда по иску госохотинспекции к Петрову о взыскании 400 рублей в возмещении ущерба за незаконную охоту. При новом рассмотрении дела суд выяснил, что в доме Петрова была обнаружена шкурка бобра. По смыслу Правил охоты и в соответствии с п. 12 действующего в то время Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июня 1977 г. (аналогично этот вопрос решался в п. 13 вновь принятого Постановления Пленума Верховного суда СССР от 7 августа 1983 г.) как незаконная охота, рассматривалась добыча зверей, птиц, рыб (отстрел, уничтожение, вылавливание и т.п.). Этих действий Петров не совершал, его доводы о том, что он купил шкуры бобра на базаре не нашли подтверждения и при новом рассмотрении дела в иске инспекции было отказано. Оставались не проверенными Сычевским и Глинковским районными народными судами доводы ответчиков Сахарова и Фадеевой о том, что лесонарушения совершали их несовершеннолетние дети с другими лицами [1, л. 80].

Отдельные суды не проверяли правильность взыскания ущерба. Так, Велижский районный народный суд при взыскании ущерба с Цветкова за разорение 12 муравейников исходил из утраченной силы в то время таксы, чем занижил сумму ущерба. Все действовавшие в тот момент таксы о возмещение ущерба лесному хозяйству, были утверждены Постановлением Совета Министров РСФСР от 26 апреля 1981 г. (было опубликовано в Бюллетени МЮ РСФСР за 1981 г. № 5–6).

Духовщинский районный народный суд при рассмотрении иска к Рыженкову о взыскании ущерба за нарушение сбора дикорастущих ягод – клюквы, вопреки требованиям действующего в то время п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июня 1977 г. постановил о взыскании стоимости с ответчика клюквы по закупочным ценам вместо розничных. Вновь принятое Постановление (п. 24) от 7 июля 1983 г. предусматривало взыскание стоимости незаконно добытой продукции при невозможности ее изъятия по установленным ценам (таксам отпуска древесины на корню, государственным, розничным, комиссионным, закупочным ценам и др.) [1, л. 80].

В целях профилактики в области охраны природы народными судами Смоленской области не использовались средства массовой информации (печать, радио), недостаточно разъяснялось населению законодательство об охране природы. Таким образом четко прослеживается тенденция, что правонарушения, совершенные в области экологического права, носили природоресурсный характер, это незаконная охота, рыбалка, а загрязнение окружающей среды не носили массового характера, народные суды их не фиксируют.

Современные экологические правоотношения регулируются Конституцией РФ Конституции РФ 1993 года (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (с изменениями от 8.08.2024 г.). статистика современного периода отражена в Докладах Администрации Смоленской области. Для примера используем Доклад 2018 года «О состоянии и об охране окружающей среды Смоленской области в 2018 году», где представлена статистика за четыре года [2].

В 2018 году Управлением Росприроднадзора по Смоленской области (далее – Управление), проведено 34 плановые проверки в области охраны окружающей среды, в том числе в области обращения с отходами, 15 внеплановых проверок, из них 1 проверка по поручению Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации А.В. Гордеева от 01.11.2018 № АГ-П9–24пр о проведении выборочных надзорных мероприятий в отношении региональных операторов на предмет соответствия их деятельности природоохранному законодательству. В результате проведенных контрольно-надзорных мероприятий выявлялись следующие нарушения:

- отсутствие учета образовавшихся, обезвреженных, переданных и размещенных отходов производства и потребления;
- отсутствие нормативно-разрешительной документации в области обращения с отходами производства и потребления (проект нормативов образования отходов и лимитов на их размещение, паспорта опасных отходов, лимиты на размещение отходов, лицензия на осуществление деятельности по обезвреживанию и размещению опасных отходов);
- отсутствие оборудованных мест (площадок) временного накопления отходов;
- отсутствие профессиональной подготовки лиц, допущенных к обращению с отходами I–IV классов опасности;
- не подтверждено отнесение отходов 1–4 класса опасности к конкретному классу опасности на основании данных о составе и свойствах этих отходов, оценки их опасности;
- невнесение авансовых платежей за негативное воздействие на окружающую среду. Выдано 30 предписаний об устранении нарушения законодательства в области охраны окружающей среды и нарушений природоохранных требований, из которых 24 предписания со сроками исполнения в 2019 году [2].

В 2018 году возбуждено 3 административных дела по ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп. вступ. в силу с 08.08.2024) по фактам невыполнения в установленный срок выданных предписаний. Материалы переданы в судебные участки мировых судей Смоленской области. Общее количество протоколов за 2018 год, составленных в отношении юридических, должностных, физических лиц в области об-

ращения с отходами составило 73, из них по ст. 8.2 КоАП РФ – 51, ст. 8.5 КоАП РФ – 13, ст. 8.41 КоАП РФ – 4, ст. 8.46 КоАП РФ – 2, ч. 3 ст. 14.1 КоАП РФ – 2, ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ – 1.

Совместно с органами прокуратуры Смоленской области проведено 28 проверок, в том числе со Смоленской транспортной прокуратурой и Военной прокуратурой Смоленского гарнизона. По постановлениям районных прокуратур Смоленской области о возбуждении административных дел рассмотрено 3 административных дела [2].

В целях реализации полномочий в установленной сфере деятельности Управлением в 2018 году проводились рейдовые проверки на территории Смоленской области с применением мер ограничительного, предупредительного характера, направленные на недопущение и (или) ликвидацию последствий нарушений, том числе в области обращения с отходами. Правонарушения, аналогичные выявленным в 1982 году, то есть незаконная охота и лов рыбы, представлена следующими цифрами: в 2013 году было совершено 52 правонарушения, в 2015 году 37 правонарушений, в 2017 году 45 правонарушений, это сравнимо с 32 правонарушениями в 1982 году.

Представленные статистические материалы позволяют нам сделать следующие выводы. Существенным образом возросло количество экологических правонарушений в области охраны окружающей природной среды, такие правонарушения практически не фиксировались в 80-х годах XX века. В основном совершались правонарушения в области обращения с отходами. Данная тенденция не является особенностью Смоленской области, это признак экологических правоотношений всей Российской Федерации и даже всех стран мира. Современное состояние экономики фиксирует проблему дороговизны переработки различных видов отходов производства и потребления, сейчас легче выбросить мусор, организовать незаконную свалку, чем утилизировать [3, с. 27].

Природоресурсное законодательство и юридическая практика современного периода не отличается существенным образом по цифрам совершенных административных правонарушений и уголовных преступлений. С точки зрения практической значимости, данное исследование обосновывает вывод о том, что современные экологические правоотношения изменились по структуре в сравнении с советскими экологическими правоотношениями. В Советском Союзе природоресурсное и природоохранительное законодательство примерно совпадало по объему, в современной Российской Федерации природоохрана занимает более значимое место, чем природоресурсная сфера экологического права в целом.

Литература

1. Государственный архив Смоленской Области (далее ГАСО). Ф. 1120. Оп. 1. Д. 266. Справки и обзоры по обобщению судебной практики

по уголовным и гражданским делам за 1983 г. Л. 75–81.

2. Доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Смоленской области в 2018 году»/ <http://prirod.admin-smolensk.ru> (дата обращения 19.09.2024).
3. Иванов А.М., Лещинская К.Д., Пузанова Д.А., Федоскин Н.Н. Правовые особенности реализации национальных проектов в области экологии // Юридическая наука. 2023. № 2. С. 23–27.
4. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М.: Изд-во СГА, 2003. 521 с.
5. Тихомиров Ю.А. Право: современные границы регулирования. – М.: НОРМА-ИНФРА, М, 2008. – 184 с.

LAW ENFORCEMENT IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL CRIMES: GENERALIZATION OF THE EXPERIENCE OF THE SMOLENSK REGION 1982–2018

Ivanov A.M., Zinovieva I.V., Masyagina Yu.B.

Smolensk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This study is devoted to the consideration of a number of ecological offences in Smolensk region in the historical aspect. Objective: to trace in quantitative proportion, based on archival sources, the

trends in the commission of ecological and natural resources offences identified from 1982 to 2018. Methodological basis: a combination of descriptive, comparative, statistical and historical research methods, as well as an analysis of reports of the Administration of the Smolensk Region on environmental protection. Results: when analyzing statistical data from various sources, it was revealed that in the modern period there is a tendency to commit a greater number of ecological offences, and the number of natural resources violations has remained at the same level. Conclusions: at the current stage of the analysis of the legal system of the Smolensk region in the field of ecological law, a change in the structure of ecological offences is observed. This can be explained by the rapid development of modern technologies. The largest number of offences is associated with waste disposal.

Keywords: environmental and legal relations, natural resources law, environmental protection, ecological offences, environmental and legal liability.

References

1. State Archive of the Smolensk Region (hereinafter GASO). Fund 1120. Op. 1. D. 266. References and reviews on the generalization of judicial practice in criminal and civil cases for 1983, pp. 75–81.
2. Report "On the state and protection of the environment of the Smolensk region in 2018"/<http://prirod.admin-smolensk.ru>(accessed 19.09.2024).
3. Ivanov A.M., Leshchinskaya K.D., Puzanova D.A., Fedoskin N.N. Legal Features of the Implementation of National Projects in the Field of Ecology. 2023. № 2. Pp. 23–27.
4. Керимов Д.А. Methodology of law: Subject, functions, problems of philosophy of law. М.: Изд-во СГА, 2003. 521 с.
5. Tikhomirov Yu.A. Law: Modern Limits of Regulation. – М.: NORMA-INFRA, М, 2008. – 184 p.

Программно-целевое гарантирование права на высшее образование в России

Гаврилина Татьяна Александровна,

аспирант, кафедра конституционного и международного права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: gavrulina_tatyana@list.ru

В статье представлен анализ нормативно-правового регулирования реализации государственных целевых программ в системе гарантирования права на высшее образование. В статье подчеркивается, что актуальный характер программно-целевого гарантирования права на обучение в университетах и приобретения образования высшей ступени обусловлен правозащитным потенциалом государственных целевых программ, в которых формулируются приоритетные направления развития системы высшего образования. Правовое регулирование принятия и реализации государственных программных документов в области высшего образования связано с необходимостью повышения доступности приобретения образования высшей ступени. В статье рассмотрено применение программно-целевого подхода, посредством которого формируется комплекс институциональных, правовых, экономических, социальных и организационных мер. Государственные программы в области высшего образования предназначены для обеспечения реализации и защиты конституционных прав граждан на высшее образование посредством повышения эффективности административно-стратегического управления учреждениями высшего образования.

Ключевые слова: гарантирование, право на высшее образование, целевые показатели, приоритетные направления, государственные программы, программно-целевой подход, документ стратегического планирования.

В целях эффективного гарантирования права на доступ к университетскому образованию в Российской Федерации распространено применение программно-целевого подхода, посредством которого формируется комплекс институциональных, правовых, экономических, социальных и организационных мер.

Значение программно-целевого гарантирования конституционного права на доступ к университетскому образованию обусловлено правозащитным потенциалом государственных целевых программ, в которых формулируются приоритетные задачи развития подготовки кадров высшей образовательной ступени. По аргументации Н.В. Стус и Ю.А. Намитокова защита прав и свобод граждан является важнейшей вехой обеспечения верховенства права [9, с. 118].

Правовыми характеристиками государственного программного гарантирования права на высшее образование является их комплексность, нормативность, целевой характер, оптимальность, институциональность, финансово-экономическая обоснованность, индикативность.

Комплексный характер программного-целевого гарантирования отражается на конструировании многовекторных направлений, позволяющих произвести синхронизацию аксиологических и обеспечительных параметров акта стратегического планирования в области высшего образования.

Программно-целевое гарантирование права на высшее образование носит нормативный характер, поскольку любая государственная программа получает легализацию только после верификации в правовой норме.

Иными словами, обеспечение конституционно-гарантированного права на высшее образование посредством реализации комплекса мер, представленных в соответствующей государственной программе, возможно только при условии официального документирования, придания указанному акту свойства нормативности. Характерная для российского законодательства отраслевая специализация, обуславливает особенности правовой регламентации программно-целевого метода управления системой высшего образования. При этом нормативность является демонстрацией правового аспекта исследуемого вида гарантирования, не переводя его исключительно в управленческо-организационную плоскость. Основы правовой регуляции отрасли высшего образования заложены в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1]. Развивают положения данного зако-

нотательного акта в части правового обеспечения принятия и реализации государственных программ, направленных на поддержку системы высшего образования в России, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [2], а также Постановление Правительства Российской Федерации от 26 мая 2021 года № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации» [4].

Еще одной существенной чертой программно-целевого гарантирования выступает целевой характер, который выражает интенционально-ориентированную составляющую, обосновывающую необходимость принятия и реализации программных документов стратегического планирования в области высшего образования.

Оптимальность приводит к обозначению в качестве доминанты задачи наилучшего распределения сочетания финансовых, организационных, управленческих ресурсов для достижения декларируемой в программе цели.

Финансово-экономические параметры программно-целевого подхода связаны с необходимостью обосновать закладываемые на реализацию программных целей финансовые ресурсы с тем, чтобы не только планировать расходную часть проекта, но и в дальнейшем анализировать движение денежных потоков.

Индикативность в качестве критерия государственной программы обнаруживает прямую связь с целеполаганием, заложенным в программном документе и финансовыми средствами, предусмотренными для его реализации. Индикативность всегда предполагает обозначение некоторых параметров (модулей), системы оценочных показателей развития, достижимость которых маркирует эффективность соответствующей программы в области высшего образования.

Важной характеристикой программно-целевого гарантирования права на высшее образование является создание необходимой институционально-инфраструктурной среды, которая позволит достичь декларируемые задачи.

Обращаясь к дефинитивному ряду, следует раскрыть содержательное наполнение термина «государственная программа». Государственные программы, в том числе федерального уровня, в контексте реализации конституционных гарантий субъективных прав уже являлось предметом исследования в трудах А.Ю. Корнюшкиной [8, с. 16] и А.А. Сухановой [10, с. 12].

В законодательстве особо подчеркивается, что государственная программа по своим сущностно-правовым характеристикам, в первую очередь, представляет собой документ стратегического планирования, особенности которого декларируются в положениях п. 10 ст. 3 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», где раскрывается содержание указанного понятия. Указанный программный документ, как правило,

определяет ключевые направления развития соответствующего сегмента государственной политики. Государственная программа представляет собой своеобразную «дорожную карту», разрабатываемую органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и иными уполномоченными лицами [2].

Государственные программы в области высшего образования предназначены для обеспечения реализации и защиты конституционных прав граждан на высшее образование посредством повышения эффективности административно-стратегического управления учреждениями высшего образования.

В настоящее время университеты Российской Федерации вовлечены в реализацию государственной программы «Приоритет-2030», которую следует оценить как прогрессивный документ, претендующий на новаторство. Законодательное закрепление осуществления указанного программного комплекса мер развития образовательного сегмента высшего уровня осуществлено принятием Постановления Правительства РФ от 13 мая 2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» [5].

Анонсированной целью широко известной все-российской программы «Приоритет-2030» является повышение конкурентности российских высших образовательных учреждений и обеспечение передовых позиций в глобальном пространстве по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования [3].

Ценность данной стратегической программы заключается в поэтапном выстраивании комплекса разноплановых мероприятий, который в качестве основного результата анонсирует повышение доступности университетского образования и конструирование системы подготовки профессионалов научно-исследовательского сектора. Представленные стратегические задачи ориентированы на подготовку собственных высококвалифицированных кадров и обеспечение национального технологического суверенитета, отвечающего критерию конкурентоспособности.

В Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2023 и 2024 годах приоритетные направления развития образовательной пространства в системе высшего образования подлежат дальнейшим модификационным и трансформационным процессам, направленные на создание собственного инновационного щита и технологического суверенитета, что возможно только благодаря пристальному вниманию, проявляемому к высшей школе [5].

Стоит положительно в целом оценить государственную политику в части поддержки национальных проектов в сфере высшего образования, которые позволили добиться значительных успехов. В настоящее время центральным национальным

проектом является «Наука и университеты», которая в 2024 году показывает положительные результаты, выразившиеся в росте числа бюджетных мест до 362 500 для дневной формы обучения. Помимо этого в рамках данной стратегической программы реализуется 7 500 научных проектов [7].

Для этих целей создается система современных кампусов и группа опорных университетов, обозначен преобразовательный вектор перехода к самобытной отечественной модели высшего образования, вобравшей в себя как современные образовательные методики, так и лучшие традиции ранее существовавшей системы, сформированной в советский период. Действительно, в настоящее время уже озвучен предстоящий с 2025 года тотальный переход всех высших образовательных учреждений на обучение по новой образовательной траектории, в которой уровень бакалавриата будем ликвидирован, а на его место придет ступень базового высшего образования. Обучению по программам магистратуры будет соответствовать специализированное высшее образование, которая будет различаться сроком обучения в зависимости от направления.

Следует подчеркнуть, что современные государственные программы в области высшего образования реализуются при применении инновационного риск-ориентированного подхода, который позволяет всех участников программы дифференцировать на подгруппы, сегрегированные по критерию алеаторности.

Несмотря на очевидные преимущества программно-целевого гарантирования, данный подход не лишен недостатков.

Анализ реализации государственных целевых программ различных направлений образовательной области позволил выявить распространенность проблемы недостаточного и не всегда эффективного механизма контроля за расходованием финансовых средств. Кроме того, преимущественным и явно лоббируемым вектором развития конкурентоспособности вузов остается финансовая состоятельность, все прочие образовательные детерминанты блекнут на фоне экономической успешности образовательного учреждения. Полагаем, что маркетизация высшего образования негативно повлияет на долгосрочную перспективу отечественных образовательных траекторий.

В качестве недостатка следует указать и слабую информационную проработку программно-целевого гарантирования в сфере высшего образования. Анализ информации, представленной на имеющихся электронных платформах, в том числе официальном интернет-портале Министерства высшего образования и науки Российской Федерации демонстрирует недостаточность, а иногда и вовсе отсутствие точных и актуальных сведений относительно перечня и содержания государственных программ в сфере университетского образования. Аналогичная проблема выявлена в части осуществления и реализации аналогичных программ в российских регионах. На официальных интернет-

портал российских регионов либо вообще отсутствует информация о существовании подобных государственных программ, либо она носит крайне скудный, поверхностный характер.

В настоящее время в правовом поле Российской Федерации отмечается смещение образовательного вектора в сторону поддержки технологического инженерного образования, что продемонстрировано на примере программы «Приоритет 2030». Однако, несмотря на актуальность и крайнюю важность добиваться технологического суверенитета нашего государства, существуют образовательные траектории, которые не менее важны.

Кроме того, организация управления программами, включающая комплекс мер по обоснованию приоритетных целей, характеризуется недостаточной координацией действий лиц, участвующих в реализации государственной программы. В качестве негативных последствий слабой проработки координации действий ответственных подразделений и лиц выступает размывание ответственности исполнителей, снижение эффективности программы и недостижение целевых показателей.

Литература

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7598.
2. Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 17 февраля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3378.
3. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.05.2024).
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 мая 2021 года № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации» (ред. от 21 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 23. – Ст. 4042.
5. Постановление Правительства РФ от 13 мая 2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 22. – Ст. 3823.
6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 года // Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 24.05.2024).
7. Информационный бюллетень о реализации национального проекта «Наук и университе-

ты» // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/nac_project/ (дата обращения: 24.05.2024).

8. Корнюшкина А.Ю. Федеральная программа в системе конституционных гарантий субъективных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2018. – 35 с.
9. Стус Н.В., Намитокоев Ю.А. Классификационная характеристика функций судебной власти в диапазоне современных правовых подходов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2023. – № 4 (155). – С. 117–123.
10. Суханова А.А. Конституционные ценности как основа содержания и реализации государственных программ Российской Федерации: Автореф. дисс... докт. юрид. наук. – Челябинск, 2023. – 35 с.

PROGRAM-ORIENTED GUARANTEE OF THE RIGHT TO HIGHER EDUCATION

Gavrilina T.A.

Belgorod State National Research University

The article presents an analysis of the legal regulation of the implementation of state targeted programs in the system of guaranteeing the right to higher education. The article emphasizes that the actual nature of the program-oriented guarantee of the right to study at universities and the acquisition of higher education is due to the human rights potential of state targeted programs, which formulate priority directions for the development of the higher education system. The legal regulation of the adoption and implementation of state program documents in the field of higher education is related to the need to increase the accessibility of higher education. The article considers the application of a program-oriented approach, through which a set of institutional, legal, economic, social and organizational measures is formed. State programs in the field of higher education are designed to ensure the realization and protection of the constitutional rights of citizens to higher education by improving the efficiency of administrative and strategic management of higher education institutions.

Keywords: guarantee, the right to higher education, targets, priorities, government programs, program-target approach, strategic planning document.

References

1. Federal Law № . 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 53 (part I). – Article 7598.
2. Federal Law № . 172 of June 28, 2014 «On Strategic Planning in the Russian Federation» (ed. dated February 17, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – № . 26 (part I). – Article 3378.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 № . 474 «On National development goals of the Russian Federation for the period up to 2030» // Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of appeal: 30.05.2024).
4. Resolution of the Government of the Russian Federation dated May 26, 2021 № . 786 «On the management system of State programs of the Russian Federation» (ed. dated December 21, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 23. – Article 4042.
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 13, 2021 № . 729 «On measures to implement the strategic academic leadership program «Priority 2030» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – № . 22. – Article 3823.
6. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation on February 29, 2024 // Official website of the Presidential Administration of the Russian Federation [Electronic resource] Access mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (date of application: 05/24/2024).
7. Information bulletin on the implementation of the national project «Sciences and Universities» // Official website of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [Electronic resource] Access mode: https://minobrnauki.gov.ru/nac_project/ (date of application: 05/24/2024).
8. Kornyushkina A. Yu. Federal program in the system of constitutional guarantees of subjective rights: abstract. ... cand. Jurid. Sciences'. – Belgorod, 2018. – 35 p.
9. Stus N.V., Namitokov Yu.A. Classification characteristics of the functions of the judiciary in the range of modern legal approaches // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2023. – № 4 (155). – Pp. 117–123.
10. Sukhanova A.A. Constitutional values as the basis for the content and implementation of state programs of the Russian Federation: Abstract. diss... doct. Jurid. sciences. – Chelyabinsk, 2023. – 35 p.

Совершенствование законодательства в сфере прокурорского надзора за исполнением природоохранного законодательства: на примере Байкальской природной территории

Зайцева Виктория Владимировна,

студент, Международный юридический институт

E-mail: gs@oksiszf.ru

Цель статьи заключается в определении направлений совершенствования правового регулирования деятельности Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратуры. Автором исследуются вопросы совершенствования законодательства, связанного с прокурорским надзором за исполнением природоохранного законодательства на Байкальской природной территории. Полученные результаты исследования заключаются в выявлении недостатков существующего законодательства в экологической сфере. В статье обоснована необходимость совершенствования законодательства таким образом, чтобы оно охватывало все элементы природных экосистем, а не только отдельные виды, внесенные в Красную книгу. Также предложено расширить меры прокурорского надзора на более широкий спектр экологических объектов, что позволило бы улучшить сохранение природных ресурсов Байкальской территории. Показано, что перспективы развития законодательства в экологической сфере заключаются в создании более всеобъемлющей системы регулирования, включающей все элементы экосистем, и усилении специализированных институтов, обеспечивающих эффективную охрану природных ресурсов России.

Ключевые слова: Байкальская межрегиональная природоохранная прокуратура, Байкальская природная территория, прокурорский надзор, природоохранная деятельность, природоохранное законодательство.

Введение

В условиях современного мира проблемы экологии приобретают особую важность, что во многом обусловлено непреодолимым влиянием природной среды на жизнедеятельность человека и других живых существ. Экологическая безопасность регионов России напрямую зависит от реализуемой государственной политики в данной сфере и от количества совершаемых и пресекаемых правонарушений [1].

Отдельные природные территории представляют собой природные системы исключительной важности, особое место среди которых принадлежит Байкальской природной территории. Необходимо при этом отметить, что негативные факторы внешней среды (в том числе противоправная деятельность человека и масштабные климатические изменения) оказывают негативное влияние на состояние природного объекта, в связи с чем возникает необходимость реализации ряда мер, направленных на противодействие негативному воздействию. Таким образом, цель статьи заключается в определении направлений совершенствования правового регулирования деятельности Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратуры.

В качестве предмета исследования выступает правовое регулирование осуществления надзорных функций Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратуры и ее структурных подразделений в рамках Байкальской природной территории. Значимость деятельности указанного надзорного органа заключается в обеспечении поддержания и укрепления законности в отношении уникального природного объекта, полной реализации положений экологического законодательства в деятельности участников общественных отношений, а также в участии при формировании законодательных актов по вопросам, связанным с экологическими отношениями.

Актуальность темы исследования заключается в том, что Байкальская природная территория, являющаяся уникальным природным объектом, находится под воздействием негативных факторов, таких как антропогенные воздействия и климатические изменения. Необходимость усиления правового регулирования в природоохранной сфере связана с тем, что существующее законодательство не всегда обеспечивает должную защиту экосистемы в целом, сосредотачиваясь лишь на отдельных видах, внесенных в Красную книгу. Для

обеспечения устойчивости Байкальской экосистемы и защиты экологических прав граждан требуется совершенствование законодательства и надзорной деятельности, что делает данную тему особо значимой для защиты уникальных природных объектов России.

Результаты и обсуждение

В контексте достижения цели исследования важно подчеркнуть особое положение государства. За счет властного влияния обеспечивается реализация государственной политики в сфере экологии, что затрагивает и природные объекты, в том числе имеющие особое национальное и международное значение, а также реализацию экологических прав граждан. В действующей Конституции РФ закреплено, что Россия – правовое государство [5], в связи с чем решающее значение при решении задач организационно-управленческого характера принадлежит законам, подзаконным и иным нормативным правовым актам, устанавливающим меру допустимого и должного поведения участников общественных отношений, в той или иной форме взаимодействующих с природной средой.

Вместе с этим следует отметить, что сами по себе источники права в силу объективных причин не способны оказывать необходимого воздействия на волю и поведение участников общественных отношений. Указанная проблема разрешается органами государственной и муниципальной власти, которые посредством реализации установленных законом мер контролируют деятельность участников общественных отношений, а также обеспечивают поддержание и укрепление режима законности в государстве.

Ключевая роль в обеспечении поддержания и усиления режима законности принадлежит органам прокуратуры. Природоохранные прокуратуры сосредоточены на надзоре за соблюдением законов в сфере охраны окружающей среды и природопользования, а их деятельность направлена на обеспечение экологической безопасности с учётом специфики регионов. В компетенцию данных прокуратур входят экологические аспекты деятельности органов власти, без полномочий в других сферах. В настоящее время действуют три межрегиональных природоохранных прокуратуры со статусом прокуратур субъектов: Волжская межрегиональная природоохранная прокуратура, Амурская бассейновая природоохранная прокуратура, Байкальская межрегиональная природоохранная прокуратура [3].

В рамках проводимого исследования особый интерес представляет правовое регулирование надзорной деятельности природоохранных органов прокуратуры на территории Байкальской природной территории. Реализация указанной функции возложена на Байкальскую межрегиональную природоохранную прокуратуру, включающую в себя 9 подразделений, расположенных на территории нескольких субъектов РФ. Правовая основа де-

ятельности выделенных органов образуется Конституцией РФ и Федеральным законом № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» [10].

Действующая редакция ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» выделяет в качестве направлений надзорной деятельности сферы исполнения уголовных наказаний и уголовного судопроизводства. При этом законом прямо не указываются иные направления надзорной деятельности. Решение указанной проблемы отчасти осуществляется положениями Приказа Генпрокуратуры РФ от 15.04.2021 № 198, где устанавливаются особенности осуществления прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства [6].

Важно подчеркнуть, что в выделенных нормативных правовых актах применяются разные подходы к регулированию надзорной деятельности. Федеральный закон содержит в себе прямое указание на предмет надзорной деятельности, при этом формулируется он таким образом, что одновременно указывает на надлежащий результат осуществления надзорной функции, однако в упомянутом приказе Генпрокуратуры не приводится указаний ни относительно цели надзорной деятельности в отношении экологического законодательства, ни указаний на непосредственный предмет надзора, и отличным образом формулируется стоящая перед органами прокуратуры задача надзорной деятельности. Во втором абзаце п. 1 прямо указывается, что в сфере надзора за природоохранным законодательством ключевой задачей надзорных органов является обеспечение реализации гарантированных Конституцией РФ экологических прав населения, информирования его о состоянии окружающей среды, а также возмещение вреда, возникшего в результате экологического правонарушения.

Также следует выделить исчерпываемость по форме, но не по содержанию положения п. 3.1 Приказа Генпрокуратуры № 198. Указанной нормой определяются отрасли природоохранной деятельности, при этом в качестве элемента экологического законодательства не выделяются нормативные правовые акты, касающиеся царства грибов. При этом в дополнение к сугубо экологическим отраслям, в состав экологического законодательства также входят нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере обращения отходов, промышленной безопасности и рационального использования природных ресурсов.

Относительно перечисления природных сфер, касающихся отдельных элементов природной среды, в отношении которых осуществляется правовое регулирование, следует отметить, что по неизвестным причинам не идет речи о грибах, образующих самостоятельное царство живой природы, уступающее по своей численности лишь классу насекомых, входящих в царство животных. При этом, как следует из представленной на сайте Байкальского заповедника информации, на территории указанного природного объекта зафиксировано

367 видов грибов, что является неполным перечнем видовой составляющей. Из указанных видов в Красной книге Республике Бурятия закреплено 8 видов грибов, а 1 вид внесен в Красную Книгу РФ. В Красной книге Иркутской области закреплено 29 видов грибов, нуждающихся в охране [2].

Таким образом, можно обоснованно говорить о том, что в существующем виде специализированный приказ содержит существенный пробел в части обеспечения режима законности относительно природных ресурсов. Стоит при этом отметить, что проблема затрагивает не только правовое регулирование прокурорского надзора относительно Байкальской природной территории, но прокурорского надзора в сфере экологического законодательства в целом, так как существующее законодательство предоставляет уголовно-правовую [9] и административно-деликтную [4] охрану лишь тем видам, что включены в Красные книги, что несколько непоследовательно, поскольку природные экосистемы состоят в непосредственной и неразрывной взаимосвязи между различными классами, родами, видами, подвидами и иными классификационными единицами живых организмов, взаимообеспечивающих жизнедеятельность и существование друг друга. Фрагментированное регулирование оставляет без должной защиты важные компоненты экосистемы Байкальской природной территории.

Принимая во внимание вышеизложенное, в качестве перспективного направления совершенствования правового регулирования прокурорского надзора в сфере природоохранного законодательства следует выделить общее совершенствование законодательства о природных объектах и ресурсах в контексте существующих научных представлений об окружающей среде. В частности, представляется целесообразным предоставление защиты со стороны закона не просто в отношении отдельных видов природных ресурсов, а в отношении экологических систем, что позволит обеспечивать сохранность природного объекта как единого комплекса, а не просто формального набора видового представительства биологических царств.

Расширение мер прокурорского надзора за более широким спектром экологических объектов способно существенно улучшить охрану природных ресурсов на Байкальской территории. Дополнительно стоит отметить, что реализация предложения, вероятно, способна сформировать в правоприменительной практике подход, в силу которого ущерб любому роду, виду биологических объектов, будет включать в себя также сопутствующий ущерб экологической системе.

Далее рассмотрим Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 07.05.2008 № 84 [7]. Анализ данного ведомственного акта позволяет отметить, что в п. 4.1 законодательство, касающееся лесоустройства, именуется «природоохранным», в то время как в ранее рассмотренном Приказе правовое регулирование лесов охватывается «экологическим» законодательством. В данном случае пред-

ставляется целесообразным использование понятия «экологического» законодательства как более широкой категории, не ограничивающейся исключительно охраной лесных объектов и ресурсов, но действующей в отношении лесов как элемента экологической системы. Несмотря на кажущуюся малозначительность выделенного факта, следует отметить, что «охранение» как юридическая категория предполагает под собой некоторый механизм, направленный на защиту от противоправных действий, в то время как деятельность органов прокуратуры направлена на обеспечение поддержания и укрепления режима законности относительно отдельных сфер общественных отношений, в связи с чем определение защиты и охраны лесов через посредство экологического, а не природоохранного законодательства позволяет задействовать более широкий спектр мер реагирования органов прокуратуры без ожидания ситуации, когда в отношении охраняемого объекта, в силу деятельности третьих лиц, возникает необходимость осуществления охраны от противоправных действий.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что действующее правовое регулирование обеспечивает эффективное решение задач, связанных с охраной и защитой Байкальской природной территории. Вместе с этим также следует подчеркнуть, что современный этап развития правового регулирования характеризуется рядом проблем, что требует дальнейшего совершенствования законодательства и исследований в предметной сфере. Так, современное законодательство фрагментарно охватывает природные экосистемы, уделяя внимание лишь отдельным видам. Такое регулирование оставляет без должной защиты важные компоненты экосистемы, что в долгосрочной перспективе ведёт к её деградации.

Кроме того, в процессе достижения цели исследования также была выявлена необходимость совершенствования экологического законодательства в целях его приведения в соответствии с требованиями сложившихся научных представлений о природных ресурсах. Законодательство должно развиваться в сторону интеграции всех компонентов экосистем, включая защиту почв, водных ресурсов, атмосферного воздуха и биоразнообразия, а не только отдельных редких видов. Именно комплексный подход будет способствовать устойчивому развитию экологической системы в долгосрочной перспективе. Также необходимо обеспечить гармонизацию между разными правовыми актами, регулирующими природопользование, чтобы избежать фрагментации и конфликтов между различными действующими правовыми нормами.

Литература

1. Буряченко И.И. Современные тенденции правового регулирования осуществления проку-

рорского надзора за исполнением экологического законодательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12–4. С. 35–37.

2. Егорова А.В. Особенности Байкальской природной территории // Вектор ГеоНаук. 2020. Т. 3, № 2. С. 58–63.
3. Ермаченко С.В. Особенности деятельности природоохранных прокуратур на современном этапе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3. С. 170–180.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 29.08.2024).
5. Конституция Российской Федерации (от 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 15.08.2024).
6. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 апреля 2021 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400558868/> (дата обращения: 05.09.2024).
7. Приказ Генпрокуратуры России от 07.05.2008 N 84 (ред. от 11.09.2023) «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79085/ (дата обращения: 04.09.2024).
8. Саенко Г.М., Зеленцов С.В., Пивень В.Т. Царство грибов в системе организмов и современное определение вида *Macrohomina phaseolina* (Tassi) Goid // Масличные культуры. 2009. № 1 (140). С. 1–9.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 08.09.2024).
10. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202–1 (ред. от 29.05.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10164358/> (дата обращения: 02.09.2024).

IMPROVING LEGISLATION IN THE FIELD OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION: USING THE EXAMPLE OF THE BAIKAL NATURAL TERRITORY

Zaitseva V.V.

International Law Institute

The purpose of the article is to identify areas for improving the legal regulation of the Baikal Interregional Environmental Prosecutor's Office. The author examines the issues of improving legislation related to the prosecutor's supervision of the implementation of environmental legislation in the Baikal natural territory. The results of the study are to identify the shortcomings of existing legislation in the environmental field. The article substantiates the need to improve legislation in such a way that it covers all elements of natural ecosystems, and not only individual species listed in the Red Book. It is also proposed to expand the measures of prosecutor's supervision to a wider range of environmental facilities, which would improve the conservation of natural resources of the Baikal territory. It is shown that the prospects for the development of legislation in the environmental sphere lie in the creation of a more comprehensive regulatory system that includes all elements of ecosystems, and the strengthening of specialized institutions that ensure the effective protection of natural resources in Russia.

Keywords: Baikal Interregional Environmental Prosecutor's Office, Baikal Natural Territory, prosecutor's supervision, environmental protection activities, environmental legislation.

References

1. Buryachenko I.I. Modern trends in the legal regulation of the implementation of prosecutorial supervision over the implementation of environmental legislation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 12–4. pp. 35–37.
2. Egorova A.V. Features of the Baikal natural territory // Vector Geosciences. 2020. Vol. 3, No. 2. pp. 58–63.
3. Ermachenko S.V. Features of the activities of environmental prosecutor's offices at the present stage // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3. pp. 170–180.
4. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 08.08.2024) (with amendments and additions, intro. effective from 09/01/2024) // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (date of appeal: 08/29/2024).
5. The Constitution of the Russian Federation (dated 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (date of access: 08/15/2024).
6. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated April 15, 2021 No. 198 "On the organization of prosecutorial supervision of the implementation of legislation in the environmental sphere" // SPS Garant. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400558868/> (date of appeal: 09/05/2024).
7. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 05/07/2008 No. 84 (ed. dated 09/11/2023) "On the delimitation of the competence of prosecutors of territorial, military and other specialized prosecutor's offices" // SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79085/ (date of request: 04.09.2024).
8. Saenko G.M., Zelentsov S.V., Piven V.T. The kingdom of fungi in the system of organisms and the modern definition of the species *Macrohomina phaseolina* (Tassi) Goid // Oilseeds. 2009. No.1 (140). pp. 1–9.
9. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 08.08.2024) // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (date of appeal: 08.09.2024).
10. Federal Law No. 2202–1 of 17.01.1992 (ed. of 29.05.2024) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // SPS Garant. URL: <https://base.garant.ru/10164358/> (accessed 02.09.2024).

Информационная безопасность органов власти: проблемы правового обеспечения

Зиновьева Ирина Викторовна,

к.ф.н., доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарных наук Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: razrabin@yandex.ru

Федоскин Николай Николаевич

к.п.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: nnfedoskin@yandex.ru

Статья посвящена актуальным вопросам информационной безопасности исполнительных органов власти. Авторы исходят из положения, что обеспечение информационной безопасности является важнейшим приоритетом для властных структур различного уровня. Для эффективной политики в сфере информационной безопасности необходима современная законодательная база, отвечающая вызовам времени. В статье отмечается, что для понимания путей совершенствования законодательства необходимо определиться с проблемами в сфере информационной безопасности, выявить причины возникновения сложных ситуаций. Задачи по обеспечению безопасности должны включать разработку и внедрение политики безопасности, создание и поддержание эффективной системы управления, обучение сотрудников, мониторинг и анализ, а также взаимодействие с внешними организациями и постоянное улучшение системы защиты, совершенствование законодательства. Оценить эффективность деятельности законодательных и исполнительных органов государственной власти в сфере обеспечения защиты информации можно определившись с понятийным аппаратом, прежде всего с тем, что вкладывается в понятие «информация» и в каком именно состоянии её можно назвать «защищённой». Авторы приходят к выводу о необходимости анализа данной проблематики с целью совершенствования российского права.

Ключевые слова: информационное право, защита информации, понятийный аппарат, киберпреступность, органы государственной власти.

Актуальность исследования обусловлена значимостью защиты информационной безопасности органов государственной власти Российской Федерации и населения как одной из приоритетных государственных задач, как важнейшему элементу национальной безопасности. Насколько эффективно выстроена система защиты и обеспечена правовыми и техническими средствами, налажено взаимодействие органов исполнительной власти в данной сфере, зависит степень сохранности критически важных данных. Предпринимаемые решения должны адекватно противостоять появляющимся новым угрозам, которые требуют постоянного внимания и выстраивания алгоритмов реагирования. Прежде всего, защита информационного поля, граждан – это задача исполнительных органов власти, которая обладает необходимым инструментарием и полномочиями для того, чтобы осуществлять возложенные на неё функции. К её целям относятся, в том числе, «защита прав граждан и организаций, формирование условий, нацеленных на реализацию прав и свобод человека и гражданина, закреплённых в законодательстве» [1, с.67]. В российском законодательстве информационной сферы ключевым документом является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ [2]. В соответствии с его 16-й статьей, «защита информации подразумевает комплексный подход, направленный на предотвращение различных нарушений, включая незаконный доступ, уничтожение, изменение, блокировку, копирование, передачу и распространение информации». Кроме того, Закон подчеркивает важность обеспечения конфиденциальности ограниченного доступа к информации, одновременно закрепляя право на доступ к ней.

К основным проблемам в сфере защиты информации можно отнести организационные и правовые моменты. Существует острая необходимость постоянно совершенствовать кадровую систему, готовить специалистов, которые разбираются в информационной безопасности, компетентных в ряде смежных областей, тесно связанных с информационной безопасностью. Обучение новых специалистов затруднено постоянно обновляющимися угрозами, что требует постоянной адаптации образовательных программ. Более того, помимо отдельных специалистов, обладать достаточными навыками должны все сотрудники, связанные с передачей информации, что создаёт дополнительную нагрузку на образование в данной сфере. Существует проблематичность выработки единого алго-

ритма борьбы с определёнными угрозами в сфере утечки данных. Если появляется новая проблема, что происходит постоянно из-за темпа развития технологий, она зачастую требует немедленного принятия решений. Именно оперативное вмешательство может помешать выполнению планов злоумышленников. Особенно это важно в случае, если появляется новый вредоносный код или способ его распространения. Но длительность оценки угрозы и разный уровень подготовки могут помешать купировать проблему до того, как её последствия станут необратимыми.

Острой проблемой становится растущее количество угроз из внешних источников. Сайты и сервера органов власти становятся «мишенью», на которой многие злоумышленники стремятся опробовать новые технологии, которые созданы с целью обхода защитных систем.

Органы исполнительной власти ввиду особенностей своей деятельности часто становятся приоритетной целью для злоумышленников. Особый интерес для киберпреступников представляют данные, которыми обладают органы исполнительной власти, а также алгоритмы, позволяющие вести свою деятельность сотрудникам данных учреждений. Стоит также отметить, что многие потенциально опасные ситуации могут быть не связаны с прямой атакой на данные: например, DDoS-атаки могут иметь своей целью приостановить работу органа исполнительной власти на длительное время.

Для того, чтобы эффективно бороться с перечисленными угрозами, нужно обеспечивать достижение главной цели информационной безопасности, а именно – обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности данных. Задачи включают разработку и внедрение политики безопасности, создание и поддержание эффективной системы управления, обучение сотрудников, мониторинг и анализ, а также взаимодействие с внешними организациями и постоянное улучшение системы защиты.

Процесс оценки рисков включает несколько этапов: идентификация угроз, анализ уязвимостей, оценка рисков и выбор мер защиты. После этого следует регулярный мониторинг и аудит системы, чтобы поддерживать её актуальность и эффективность в условиях изменяющейся среды угроз.

Этот комплексный подход позволяет органам исполнительной власти обеспечивать надёжную защиту информации, сводя риски к минимуму и оперативно реагируя на возникающие угрозы.

Оценка рисков может проводиться как на регулярной основе, так и при возникновении новых угроз или изменении условий работы информационной системы. Важно учитывать, что риски не являются статичными и могут изменяться в зависимости от внешних факторов и действий злоумышленников.

Выбор и внедрение защитных мер является важным шагом в обеспечении информационной безопасности. Это включает в себя технические средства защиты, такие как антивирусное про-

граммное обеспечение, межсетевые экраны, системы обнаружения вторжений и т.д., а также организационные меры, такие как обучение персонала, контроль доступа к информации, регламентация работы с конфиденциальной информацией и т.п.

При выборе защитных мер необходимо учитывать множество факторов, таких как тип информационной системы, характер обрабатываемой информации, уровень угроз и уязвимостей, а также финансовые и технические возможности организации.

Разработка процедур и политик информационной безопасности также является важной задачей. Это включает в себя разработку и документирование процедур, которые определяют порядок действий в случае инцидентов информационной безопасности, правила работы с конфиденциальными данными, порядок реагирования на кибератаки и другие вопросы. Политики информационной безопасности устанавливают общие принципы и направления деятельности организации в области информационной безопасности.

Внедрение системы управления информационной безопасностью (СУИБ) также является важным шагом в обеспечении информационной безопасности. СУИБ может включать в себя различные компоненты, такие как системы обнаружения и предотвращения вторжений, системы управления доступом, системы шифрования данных и т.д. Одним из наиболее весомых факторов, которые необходимо учесть, является Указ Президента РФ от 01.05.2022 N 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» [3]. Он определяет построение СУИБ, а именно с 01.01.2025 г. использование иностранных средств защиты информации будет невозможно.

Мониторинг и анализ системы безопасности является важной частью процесса обеспечения информационной безопасности. Это включает в себя наблюдение и сбор данных о состоянии безопасности информационных систем, сетей и оборудования, а также анализ этой информации для выявления потенциальных угроз и уязвимостей.

Расследование инцидентов информационной безопасности является важным компонентом системы обеспечения информационной безопасности организации. Оно позволяет выявить уязвимости и проблемы в системе безопасности и принять меры по их устранению, что в свою очередь снижает вероятность возникновения подобных инцидентов в будущем. Регулярное обновление и совершенствование системы безопасности является важным шагом в обеспечении информационной безопасности.

Это включает в себя анализ уязвимостей, обновление программного обеспечения, обучение персонала, внедрение новых технологий, мониторинг и контроль, установку антивирусного ПО, физическую безопасность, разработку политик безопасности, оценку рисков и обратную связь. Регулярное обновление и совершенствование системы

безопасности требует постоянных усилий и внимания, но в результате обеспечивает более надежную защиту от различных видов киберугроз и несанкционированного доступа к информации.

Подобные меры могут показаться излишними. Однако следует учитывать, что современная реальность показывает достаточно большое количество проблем, связанных с безопасностью, особенно на них следует обратить внимание органам государственной власти, в том числе исполнительной. Дело в том, что современные системы, такие как нейросети и искусственный интеллект, помимо очевидных благ, которые они могут принести своим пользователям (упрощение деятельности различных организаций и отдельных граждан), приносят также и опасность, связанную с упрощением проведения кибератак, например, с помощью искусственного интеллекта. Это связано с тем, что для искусственного интеллекта можно задать соответствующую задачу по перебору данных или по поиску необходимого алгоритма для взлома того или иного сервиса [4, с.46].

К вызовам нового времени можно также отнести, ввиду популярности социальных сетей и мессенджеров, связанные с ними угрозы. Простой взлом аккаунта, о котором большинству работников известно, сейчас чаще всего предупреждается с помощью двухфакторных аутентификаций и других современных систем защиты, а также систем шифрования и выдачи личных рабочих аккаунтов [5]. Однако, следует помнить и о том, что есть различные системы, которые позволяют даже обычным пользователям, которые используют Интернет, пытаться искать данные о деятельности или представителях органов исполнительной власти, которые должны быть защищены в соответствии с законом. К примеру, существует сервис Get Contact и подобные ему, которые позволяют отслеживать тот или иной номер телефона. Следовательно, повышается шанс узнать информацию о представителе органов исполнительной власти Российской Федерации и уже используя эти данные и возможный круг общения этого человека, злоумышленники могут проводить на него или его окружение хакерские атаки, знать, где и когда могут быть оставлены те или иные конфиденциальные сведения, которые представляют интерес для злоумышленников, и проводить другие действия, которые направлены на нарушение конфиденциальности личной информации сотрудников органов исполнительной власти. Следовательно, органам исполнительной власти следует предусмотреть и подобные проблемы, связанные с информационной безопасностью. К примеру, выдавать всем сотрудникам только проверенные и защищаемые аккаунты в мессенджерах и социальных сетях с привязкой номера телефона не к личному номеру, а к выдаваемому непосредственно организацией.

Свежим вызовом, о котором ещё несколько лет назад никто не мог подумать, является использование нейросетей в качестве заменителя голоса

человека. Для этого злоумышленникам достаточно получить небольшую запись, где человек рассказывает о чём-либо. И разумеется, получить такую запись с голосом представителя органов исполнительной власти достаточно просто, чаще всего эти люди являются публичными, проводят выступления и так далее. Следовательно, есть риск того, что его голос может быть записан в виде изменен с помощью нейросети и может быть использован злоумышленниками в своих целях, например, представитель органов исполнительной власти, который обладает доверием у населения или же теми или иными полномочиями, представляет интерес для мошенников, как представляет потенциальную возможность для совершения преступления путём обмана связанных с ним лиц [6, с.66].

Нейросети уже достигли уровня, который позволяет обмануть людей, незнакомых близко с тем, чей голос подделан, или же тех, кто обладает слабым слухом, или же тех, кто в целом находится под давлением, которое обычно мастерски оказывают злоумышленники. Путь решения данной проблемы с точки зрения деятельности государственных органов видится как регламентирование данных ситуаций и выработка алгоритма действий для предотвращения угроз или же купирование их распространения в случае их появления. Нужно понимать, что представители органов исполнительной власти имеют доступ к разноуровневой информации, распространение которой может принести вред не только конкретному органу исполнительной власти, но и смежным органам, а также гражданам Российской Федерации в целом [7].

Также органам исполнительной власти следует уделить особое внимание тому, как проводится работа с населением в сфере предупреждения угроз в данной сфере. В связи с этими и другими актуальными проблемами, связанными с повышением уровня развития интернета и информационных технологий, повышается шанс на появление ситуаций, которые могут привести к потере тех или иных критически важных данных. В связи с этим важно обратить внимание на необходимость постоянного развития и переработки как нормативных актов, так и инструментов практического подхода к решению соответствующих задач.

Можно заметить, что законодательство уделяет достаточно внимание данной проблеме. К примеру, согласно Доктрине национальной безопасности Российской Федерации [8], уделяется повышенное внимание вопросам информационной безопасности, в особенности с учетом стратегических национальных приоритетов. Утверждение Доктрины стало важным шагом в этом направлении, подчеркнув актуальные проблемы и необходимость систематического противодействия деструктивной деятельности иностранных элементов в информационной сфере.

Доктрина выделяет обширный спектр информационных угроз для России, включая наращивание информационного воздействия на население в деструктивных целях, усиление возможностей

информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях, рост компьютерной преступности и недостаточный уровень развития конкурентоспособных информационных технологий.

Ещё одним вызовом является то, что в международной практике нет единого сформировавшегося подхода или даже понятия к тому, как и органы исполнительной власти, и другие государственные органы, и даже обычные предприятия должны реагировать на новые вызовы в сфере информационной безопасности. Помимо того, что это затрудняет взаимодействие органов исполнительной власти разных стран, к примеру, когда угроза кибер-атак или связанная со взломом аккаунтов несёт транснациональный характер, это также приводит к тому, что международные исследования в данной сфере, которые могли бы помочь выработать понятийный аппарат, также затруднены.

К примеру, даже единого понятия, какой именно вид гипотетического искусственного интеллекта может нести угрозу для безопасности и стабильности граждан, нет на международном уровне. Специалисты до сих пор ведут споры в этой отрасли. Ещё одним фактором риска является упрощение доступа к инструментам, которые могут нести вред информационной безопасности для отдельных граждан. Если раньше создание систем, которые могли быть направлены на изъятие тех или иных данных посредством взлома, распространения вирусов и так далее, было лишь у небольших групп злоумышленников, которые были вынуждены контактировать между собой, то по мере развития соответствующих технологий отдельные граждане также могут получить доступ к инструментам, которые несут большую потенциальную угрозу приватности.

Кроме того, ещё одним вызовом, с которым ещё только предстоит выработать алгоритм взаимодействия, является потеря большого количества данных, которые связаны с той или иной базой данных коммерческих предприятий. Здесь речь идёт о базах данных крупных сервисов, например, по доставке товаров, оказанию тех или иных услуг и так далее. Подобные сервисы зачастую получают доступ не только к количеству обращений к данным сайтам, но и информацию о адресе пользователя, его номере телефона, его привычной модели поведения, рекламных предпочтениях – всё это может нести большую угрозу для пользователя, если база данных будет взломана.

Несмотря на большое количество существующих новых проблем в сфере защиты данных, а также постоянной изменчивости современных технологий, стоит отметить, что органы исполнительной власти могут эффективно бороться с этими вызовами в случае, если у них есть соответствующая система, построенная для предупреждения или купирования последствий действий злоумышленников в данной сфере. Однако особое внимание следует уделить взаимодействию с обычными гражданами и повышению их уровня осведомлен-

ности, потому что именно они чаще всего могут стать жертвами из-за утечки тех или иных данных.

Литература

1. Зуев Е.Д., Минаев А.В. Понятие и признаки исполнительной власти в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2–3 (89) С. 63–71.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 29 июля 2006 г. N 165.
3. Указ Президента РФ от 1 мая 2022 г. N 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 13 июня 2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 мая 2022 г. N 18 ст. 3058
4. Самолкаева А.М., Шведова С.М. Искусственный интеллект в сфере информационной безопасности: преимущества, ограничения и перспективы // Вестник науки. 2024. № 3 (72) –С.45–53.
5. Антипов В.Е., Селифанов В.В. Проблемы формализации процессов систем управления информационной безопасностью // Интерэкспо. Гео-Сибирь. 2022. № . //cyberleninka.ru
6. Гильманова Э.А., Ахметшина Р.И. Роль аудита информационной безопасности в жизненном цикле системы обеспечения информационной безопасности объектов критической информационной инфраструктуры // Форум молодых ученых. 2022. № 2 (66).
7. Жуков Г.А. Значимость влияния аудита информационной безопасности в медицинской сфере // Вестник науки. 2024. № 3 (72).
8. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 25 декабря 2023 г. № 0001202312250083.

INFORMATION SECURITY OF AUTHORITIES: PROBLEMS OF LEGAL SUPPORT

Zinoveva I.V., Fedoskin N.N.

Smolensk branch of Financial University under the Government of the Russian Federation; Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to topical issues of information security of executive authorities. The authors proceed from the position that ensuring information security is the most important priority for government structures at various levels. An effective information security policy requires a modern legislative framework that meets the challenges of the time. The article notes that in order to understand ways to improve legislation, it is necessary to identify problems in the field of information security, identify the causes of difficult situations. Security tasks should include the development and implementation of a security policy, the creation and maintenance of an effective management system, employee training, monitoring and analysis, as well as interaction with external organizations and continuous improvement of the protection system, improvement of legislation. It is possible to evaluate the effectiveness of the activities of legis-

lative and executive bodies of state power in the field of information protection by determining the conceptual apparatus, first of all, what is meant by the concept of “information” and in what state it can be called “protected”. The authors conclude that it is necessary to analyze this issue in order to improve Russian law.

Keywords: information law, information protection, conceptual framework, cybercrime, public authorities.

References

1. Zuev E.D., Minaev A.V. The concept and signs of executive power in Russia // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No.2–3 (89) pp.63–71.
2. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 (ed. from 12.12.2023) “On Information, information Technologies and information Protection” // Rossiyskaya Gazeta. July 29, 2006, No. 165.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated May 1, 2022 No. 250 “On additional measures to ensure information security of the Russian Federation” (with amendments and additions dated June 13, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation dated May 2, 2022 No. 18, Article 3058
4. Samolkaeva A.M., Shvedova S.M. Artificial intelligence in the field of information security: advantages, limitations and prospects // Bulletin of Science. 2024. No.3 (72) –pp.45–53.
5. Antipov V.E., Selifanov V.V. Problems of formalization of information security management systems processes // Interexpo. Geo-Siberia. 2022. № . //cyberleninka.ru
6. Gilmanova E.A., Akhmetshina R.I. The role of information security audit in the life cycle of the information security system for critical information infrastructure facilities // Forum of Young Scientists. 2022. № 2 (66).
7. Zhukov G.A. The significance of the impact of information security audit in the medical field // Bulletin of Science. 2024. № 3 (72).
8. The Doctrine of information security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 No. 646 // Official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru) December 25, 2023 No. 0001202312250083.

Эволюция института опеки и попечительства в России: аспекты защиты прав несовершеннолетних

Зотов Кирилл Витальевич,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
E-mail: kirillvitzot@yandex.ru

Статья посвящена историко-правовому анализу некоторых периодов формирования, становления, развития системы опеки и попечительства в России в целях выявления закономерностей и предпосылок создания современной системы опеки и попечительства в Российской Федерации. Целью статьи является выявление закономерностей и предпосылок, которые привели к созданию современной системы опеки. Статья призвана описать основные вехи (допетровскую эпоху, имперский период, этап становления и развития советского правопорядка) эволюции института надзора над совершеннолетними, защиты их прав и интересов со стороны государства, а также практического совершенствования системы организации структуры опеки и попечительства с учетом анализа темпоральных аспектов развития указанной сферы правоотношений. В указанной статье рассматривается институт опеки и попечительства как важнейший механизм защиты прав несовершеннолетних при утрате попечения, особо отмечая его эволюцию в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: исторический анализ, органы власти, опека, попечительство, система опеки, система попечительства.

Опека и попечительство – один из важнейших институтов для общества. Семья, как социальный институт существует уже много веков, и его защита в различные периоды мировой истории так или иначе отражалась в системе права, поскольку государству было важно сохранять демографически стабильное положение общества. Со временем общество признало необходимость защиты не только семьи, но и прав опекаемых лиц, но при этом имеющих имущество, то есть граждан, которые лишились возможности получения защиты в природной среде и самостоятельного распоряжения своим имуществом, в связи с чем государство взяло на себя обязательства защите этого имущества и по поддержанию в целом лиц, лишенных семьи. Со временем такая традиция нормативно кристаллизовалась. Указанный институт прежде всего был создан не столько для заботы о детях-сиротах и детях без попечения родителей, то есть самых незащищенных группах общества, сколько был призван обеспечивать прежде всего должную защиту их прав и интересов в отношении своего имущества.

Вместе с тем формирование структуры указанного института в перспективе можно анализировать и через призму истории создания сферы семейных правоотношений как общей отрасли права по отношению к рассматриваемому нами институту, поскольку опека так или иначе коррелирована с вопросами регулирования семейных связей. Представляется методологически верным рассмотреть несколько ключевых периодов эволюции института в отечественной доктрине исходя в целом из истории развития права в России: период Московского государства (XV–XVII века), период Российской империи (XVIII–XX века), период Советского государства (1917–1991 годы).

Для целей данной статьи необходимо понимать общеправовые корни развития института опеки и попечительства, а с учетом тесной связи отечественного правопорядка с римским правом именно к последнему мы обратимся для понимания основ формирования системы защиты опекаемых лиц. Римское право определяло несколько форм защиты интересов опекаемых, прежде всего в части сохранения их имущества, как мы указывали ранее, то есть формы по сути «охранения чужого интереса» – *tutela* (опека) и *cura* (попечительство) [1].

Разнообразие вариаций надзора за интересами подопечных отражает истинность представлений о причинах создания такой системы – общество воспринимало необходимость заботы о самых незащищенных группах людей как обязательство

и относилось с правовой точки зрения соответственно причинности недееспособности опекаемых. Безусловно, самым значительным в представленной системе был имущественный, однако в отношении отдельных категорий лиц за попечителем закреплялись и «эгалитарные» полномочия – по воспитанию несовершеннолетнего подопечного, по представлению интересов женщины при замужестве. В основной цели опеки в римском праве можно условно следующие структурные единицы – необходимость гарантирования безопасности имущества подопечных как государственного интереса и оказание помощи несовершеннолетним, лицам с ограниченной дееспособностью для удовлетворения их потребностей.

В начале формирования российской государственности не существовало кодифицированных источников права, в которых были бы урегулированы вопросы семейных правоотношений, однако существовали традиции и обычаи, в частности традиции взаимности, общности, которые изначально складывались в древнерусском обществе. В те времена славяне мыслили мифологически, что влияло на их действия, направленные на защиту всего рода и каждого его члена, помощь при этом носила скорее ритуальный характер. Древние славяне оказывали помощь прежде всего внутри общины, особенно нуждающимся: старикам, женщинам и детям. Для поддержки сирот по обычаю в обществе осуществлялся совместный надзор над такими лицами, своего рода «круговая порука», поскольку коллективная ответственность создавала своего рода гарантию защиты опекаемых. Более того, такая форма устройства малолетних помогала самому обществу, поскольку включала детей в совместный быт и обеспечивало преемственность опыта и традиций [4].

Первое упоминание в исторических правовых документах о рассматриваемом нами институте содержится в одном из основополагающих источников древнего обычного права – Русской Правде, в которой описывалась как раз опека над ребенком. Так статья 99 устанавливала случаи повторного брака матери и назначения в таком случае опекуном ребенка родственника или супруга матери (ввиду патриархальности древнего общества мать сама не могла осуществлять надзор за ребенком). Опекун получал временное право пользоваться имуществом ребенка, но был обязан выплачивать ему доход от него [12]. Опекун был обязан осуществлять уход за ребенком, его просвещение, имел право представления подопечного в гражданско-правовых сделках.

Из текста Русской Правды также можно выявить, что само понятие «опеки» документ не содержал, лицом – родственником, который должен был осуществлять опеку над сиротой, являлся «печальником». Термин «опека» более поздний и происходит от западнославянских языков – польск. *opieka* – то же, чеш. *péče* «забота», польск. *opiekun* «опекун», *opiekowa[ć]* *się* «заботиться» и связаны с др.-русск. *пекуся* «забочусь» [15].

Несмотря на несовершенство юридической системы того времени, опека в Древней Руси представляла собой важный инструмент защиты осиротевших детей. Стремление сохранить семью для сироты было главной задачей попечительства, отражая глубокие моральные ценности того времени [3].

Следующим необходимым для рассмотрения периодом становления института нам видится имперский период истории России, который начинается с правления Петра Великого. Реформы императора, коснувшиеся и указанной нами сферы отношений, внесли существенные изменения в привычный уклад. Указ «О единонаследии» (1714 г.) определил новую структуру государственной власти, были учреждены магистраты, на которых была возложена ответственность за вопросы попечительства. Магистраты имели полномочия по определению и надзору над указанной сферой, что так или иначе можно назвать предтечей государственного регулирования прав органов власти в отношении института опеки. При этом необходимо отметить, что по положениям указа на опекуна возлагался долг по защите не только собственности опекаемого, но и непосредственно личности самого ребенка [10].

Реформы Петра I в области опеки, безусловно, отражали общую тенденцию к систематизации и централизации государственной власти в тот период, однако законодательство о сиротах, что имеет для нас большое значение, обрело более четкие и конкретные формы, что делало его более эффективным.

Эпоха золотого века российского дворянства не могла не отразиться на рассматриваемой нами сфере правоотношений, значительные преобразования в системе регламентирования попечения произошли с появлением Указа «Учреждений для управления губерний» императрицы Екатерины Великой (1775 г.).

В представленный период попечительство устанавливалось исключительно для имущих групп населения. При отсутствии у несовершеннолетнего имущественных благ необходимость в назначении надзора отсутствовала [3]. При этом в целях обеспечения гарантий прав лиц, оставшихся без попечения, была создана соответствующая система. Государство учредило специальные органы, такие как «Дворянская опека» при каждом земском суде в отношении жен и детей дворян, оставшихся без главы семьи (ст. 209) [2], «Городовой сиротский суд» и система сиротских судов для иных сословий – купцов и мещан (ст. 30) [2]. При этом система все также подчинялась губернскому магистрату как представителю исполнительной власти в губерниях Российской империи (ст. 314) [2].

Для других сословий требования к опекунам были схожими с дворянскими. Кроме того, впервые были установлены исчерпывающие требования к кандидатам в попечители, ими могли быть только порядочные и честные люди, имеющие кровные или свойственные связи с ребенком.

После правления императрицы ее преемником Павлом Петровичем был создан специфический орган, в компетенцию которого, в том числе, входили вопросы обеспечения системы опеки – Юстицких гражданских дел Департаменту Городского Правления, что следует, например, из принятого в 1798 году Устава Столичного города Санкт-Петербурга [14].

Таким образом, при Павле I продолжается развитие системы опеки в рамках государственных органов местного уровня, с учетом ее централизации.

Впервые разграничение понятий опеки и попечительства было установлено в Своде Законов Российской Империи (статья 213 Отделения 1 главы 1 раздела 3) [13], и устанавливало возрастные ограничения для установления опеки – 17 лет и попечительства – до 21 года.

Необходимо отметить, что законодательство того периода не стремилось пространить действия гражданского законодательства на отношения крестьянской опеки, и не имело цели ликвидации сословного разделения опеки, что являлось краеугольным камнем во всей сфере этих правоотношений.

Нельзя, однако, сказать, что в законотворческой среде в целом отсутствовали мотивы «бессловности». Так, в России, предпринимались попытки создать единую систему опеки, не зависящую от сословия, предполагалось передать опеку в ведении земских учреждений [9]. Однако эти попытки не завершились принятием каких-либо законоположений.

Исследуя законодательство в представленный период, можно сделать вывод о его безусловной корреляции с общим подходом имперского правопорядка, исходящего из самой структуры общества с тот период, а именно с сословной системой, пронизывающей все сферы жизни России, где опека не явилась исключением и базировалась также на принципе общественной иерархии.

Однако такой подход, безусловно, был обусловлен как имущественным интересом государства, так и ролью каждой социальной группы в поддержании стабильности и развитии общества. Сословная направленность опеки была изменена исключительно после событий 1917 года.

В логике советского правопорядка институт опеки и попечительства перестал иметь «собственнический элемент» и преобразовался в уже в сфере административных правоотношений. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (1918) стал первым правовым документом советского периода, регулирующим опеки. В КоАГС был включен целый раздел, посвященный институту (статьи 184–246) [6]. Именно он заложил основы правового регулирования этой сферы в условиях новой власти.

Кодекс установил прочную связь между институтом опеки и семейным правом. Особое внимание советским правительством в этом законе уделялось опеке над лицами с психологическими забо-

леваниями исходя из большей необходимости заботы над ними. При этом КоАГС – это отражение эпохи и субъективизм все еще наличествовал в его положениях, поскольку были продиктованы необходимостью максимального охвата все возможных категорий лиц, нуждающихся в надзоре или помощи.

Именно на идеологическую основу КоАГС, на наш взгляд необходимо обратить особое внимание. Значительный вклад в разработку Кодекса внес известный советский юрист Александр Гойхбарг, который рассматривал КоАГС не столько как высшее достижение семейного законодательства, сколько «временный закон» переходного периода, полагая, что лишь некоторые его нормы останутся актуальными и после установления социалистического строя. Это была своего рода идеологическая основа для будущей системы всеобщего социального надзора государства над нуждающимися.

В продолжении анализа развития идеологического вмешательства в систему опеки важно обратить внимание на одно из важнейших приобретений новой формации семейного надзора – институт установления опеки не только по фактическим, но и по юридическим основаниям в рамках оценки достаточности исполнения родительских обязанностей (статья 153 КоАГС), которые дошли и до наших дней.

Система опеки была довольно гибкой и предусмотрительной с точки зрения потенциальных рисков. Например, устанавливались исключения из обязанности несения «общественной повинности» по надзору за детьми, что было продиктовано логикой потенциальной эффективности опекуна. Так, могли отказать от принятия опеки: лица, старше 60 лет, лица «с телесными недостатками», лица, имеющие более четырех детей и уполномоченные лица в сфере опеки (статья 214) [6].

Впервые в КоАГС появляется разграничивающий признак определения понятий «опекун» и «попечитель», а именно вопрос государственного интереса, а не только вопрос наличия возрастного признака, присутствовавшего ранее. Опекун – непосредственно законный представитель опекаемого, гарантирующий все его права и интересы (аналог родителя в сущности) (статья 188) [6], а попечитель – назначаемое лицо в целях охраны имущества и для представления подопечного в гражданско-правовых отношениях (статья 189) [6].

Также важнейшими институтами, непосредственно закрепленными Кодексом в качестве новелл советского правопорядка, являлись прообраз института алиментов (статья 130), порядок установления места жительства несовершеннолетнего после развода (статья 158) и статья 159 КоАГС установила впервые возможность определения порядка общения лишенных прав родителей со своими детьми.

Таким образом, Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве стал значимым памятником развития

не только гражданского и семейного права России, но и государственного института опеки и попечительства. Авторы КоАГС смотрели, безусловно, на этот закон, как на идеологический продукт, в определенной мере идеализированный вариант построения социалистического общества, где опека – это механизм определенного идеологического просвещения.

Следующим, хоть и не столь значительным, этапом формирования института опеки был принятый в 1926 году Кодекс законов о браке, семье и опеке [5], который вводил конкретные ограничения к кандидатам в опекуны, сказались события Гражданской войны, поскольку в отличии от логически выстроенных цензов, которые при этом остались в положениях закона, такие как, например, душевнобольные, осужденные, лишённые родительских прав по суду, несовершеннолетние (пункты «а», «б», «г» пункта 77), КоБСО устанавливал довольно дискриминационные ограничения (пункт «а» пункта 77), хотя и обусловленные идеологическими мотивами – лица, указанные в пп. «г», «д», «е» и «ж» ст. 69 Конституции РСФСР [8] (исходя из исторического анализа можно предположить, что имелась ввиду Конституция РСФСР 1925 года). Следовательно запрещалось иметь указанный статус священнослужителям, представителям имперской власти и правоохранительных органов дореволюционного периода.

Если исследовать такой подход системно, то можно понять, что такого рода пусть и дискриминационные, однако ценностно оправданные ограничения исходили из недопущения возможности предоставления идеологически чуждым взглядам, которые разделяли указанные категории лиц, проникать в мировоззрение опекаемых лиц. Советское правительство по сути ограничивало не столько конкретных лиц от возможного осуществления ими благородной деятельности (хотя нужно отметить, что их знания, опыт и умения могли принести больше пользы обществу через научение несовершеннолетних элементарным средствам существования), сколько ограничивало возможность влияния «старой» формации на новое поколение граждан, считавшихся уже основой советского поколения.

Завершающим этапом развития советской системы опеки и попечительства явился Кодекс о браке и семье РСФСР (КоБС) 1969 года и уделял особое внимание регулированию отношений опеки и попечительства, обеспечивая усыновленному, опекаемому ребенку права и статус, равные правам родных детей. Хотя КоБС считается максимально унифицированным актом, имеющим, безусловно, общесоюзное применение, Кодекс позволял устанавливать особенности в целях обеспечения гибкости правоприменения на уровне «регионального» правотворчества исходя из национальных и культурных особенностей союзных республик.

КоБС унаследовал практически все достижения существовавшего до этого советского правопоряд-

ка, хотя и устанавливал значимые нововведения. Так, вновь были установлены признаки определения основных понятий не только по возрастному признаку (опека в отношении лиц до 15 лет; попечительство – до 18 лет), но и дополнительно по критерию определенной категории лиц (опека над недееспособными, а попечительство над дееспособными, но не имеющими возможность самостоятельного обслуживания, а также ограниченно дееспособными) [7].

Положения КоБС установили возможность осуществления опеки исключительно с согласия опекуна, попечителя (статья 126) [7], что исходило не столько от необходимости изменения идеологического фундамента, сколько от завершения социальных потрясений российского общества, отсутствия угрозы «тотальной» беспризорности (которые являлись доминирующими факторами обязанности граждан обеспечивать защиты опекаемых ввиду тяжелых социально-экономических последствий революции, Гражданской войны, Великой Отечественной войны).

Негативные же последствия такого подхода, в частности возникающие сложности с нахождением опекуна или попечителя для нуждающегося, нивелируются значительными благами, которые предоставляла заинтересованность самих опекунов осуществлять должный уход и обеспечивать защиту, поскольку эффективность мотивированного оказания поддержки нуждающимся несоизмеримо больше потенциального вреда, который мог бы быть нанесен подопечным при всех их устройстве в семье с ненадлежащим уходом ввиду безразличного отношения.

Нельзя обойти стороной и не проанализировать иные значимые новеллы КоБС, такие как: право деда и бабушки на взаимодействие с внуками (ст. 57), уход от абстрактности оснований для лишения родительских прав и установление конкретных критериев оценки для принятия соответствующего решения (неисполнение обязанностей по воспитанию, злоупотребление правами или недопустимое обращение с детьми, оказание отрицательного влияния на детей своим поведением, наличие зависимостей) (статья 59) [7], конкретизация и деидеологизация оснований для отобрания ребенка из семьи исключительно при наличии опасности для ребенка при оставлении его у родителей (статья 64) [7], а также создание института восстановления родительских прав, хотя и при наличии ограничения в случае усыновления ребенка (статья 63) [7].

Все указанные законоположения имеют отражение в действующем законодательстве Российской Федерации и вплоть до настоящего времени являются важнейшими гарантиями защиты прав и интересов детей, обеспечивающие стабильность семьи и общества, ставящие во главу угла прежде всего не имущественный вопрос, а необходимую заботу о жизни, здоровье, физической и психологической безопасности детей.

Подводя краткие выводы можно установить, что с начала формирования советского законодательства развитие института опеки и попечительства в России было, если уместно сказать, идеологически ангажировано, что, по объективным причинам, входило в общую логику построения новой формации страны. Однако все дискриминационные ограничения в отношении кандидатов в попечители, пространные и неопределенные критерии их назначения, равно как и отсутствие объективности в правовом регулировании, не приводили в итоге к главной цели даже советского правопорядка – обеспечению единства подхода к защите нуждающихся. При этом нельзя не отметить, что все достижения советской правовой науки, положенной в основу новой структуры опеки, нашли свое отражение в действующем правопорядке. Возможные крайности при регулировании таких сложных правоотношений, которые в разные периоды достигались советским правотворчеством, нивелировались безусловными благами, создающими стабильную и эффективную основу для дальнейшего развития института уже в современном мире.

История развития института опеки и попечительства показывает, что его цели существенно изменились со времен Древнего Рима. Изначально опека и попечительство применялись для защиты имущественных интересов подопечных, акцент на защиту самого опекаемого лица не делался.

Развитие же опеки и попечительства в России было определено достижениями науки (медицины, социологии, философии), а также влиянием идеологических установок, как в дореволюционный период, так и с приходом советской власти и явилось уникальной правовой системой. Как мы увидели, исследовав различные правовые акты российского правопорядка на протяжении всей ее истории, эти факторы подготовили почву для создания баланса частного (семейного) и государственного (общественного) интересов, прежде всего в целях охраны и заботы за наиболее незащищенными группам социума.

История эволюции опеки и попечительства в России на протяжении всего существования государства – это отражение меняющихся социальных и идеологических реалий. С одной стороны, развитие психологической и правовой мысли влияло на понимание потребностей детей, оставшихся без попечения, и способов их защиты. С другой стороны, как до революции (сословность), так и в советское время (определение «классовых врагов», не имеющих возможности участвовать в жизни общества), идеология и государственный интерес играли ключевую роль, определяя подходы к опеке и попечительству.

Изучая историю любого социального или правового института в ретроспективе невозможно не замечать определенную тенденциозность и преемственность времени. Сфера опеки и попечительства в России исключением не стала – различные факторы политической и социальной жизни страны, имели значительное влияние на построение

важнейшей системы обеспечения безопасности тех, кто сам не способен себя защитить.

Литература

1. Азаревич, Д.И. О различии между опекой и попечительством по римскому праву / Д.И. Азаревич. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 323 с.
2. Благочестивейшая самодержавнейшая великая государыня имп. Екатерины Второя. учреждения для управления губерний Всероссийския империи. – [Москва]: [Сенат. тип.], [1775]. – 215 с.
3. Быкова О.Н., Склярова Т.В. Призрение детей в России: патронат, опека, усыновление. // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2007. № 3 (6). С. 92–109.
4. Грибков, Антон Михайлович. Договорное регулирование отношений по устройству детей, оставшихся без попечения родителей: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Грибков Антон Михайлович; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. – Москва, 2010. – 207 с.
5. Кодекс законов о браке, семье и опеке, введенного в действие постановлением ВЦИК от 19.11.1926 «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3552#qgc5fOU0oV5EBn2T4> (дата обращения 22.08.24)
6. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принятого ВЦИК 16.09.1918). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2902#OQ97fOU PRxoMLRM2>. (дата обращения 22.08.24)
7. Кодекс о браке и семье РСФСР, утвержденного Верховным советом РСФСР от 30.07.1969 (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1969 г., № 32, ст. 1086). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3261/. (дата обращения 22.08.24)
8. Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» (вместе с «Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2898#f506fOUY5w32EhdL4>. (дата обращения 22.08.24)
9. Проект устава об опеках и попечительствах, с объяснительною к нему запискою. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1891. – [2], IV, 594, 81 с.
10. Российское законодательство 10–20 веков / под ред. Олега Чистякова. Москва, 1984–1994. 9 т. Т. 4: Законодательство периода становле-

ния абсолютизма / под ред. Анатолия Манькова. 1986. – 511 с.

11. Русская правда. «Правда Русская»: учебное пособие: [для исторических факультетов, университетов и педагогических институтов] / Акад. наук СССР, Ин-т истории; [отв. ред. Б.Д. Греков]. – М., Л.: Акад. наук СССР, 1940. – 112 с.
12. Свод законов Российской империи. Свод законов гражданских. Т. 10. Ч. 1. Книга 1. СПб., 1832. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire&nochache>. (дата обращения 22.08.24)
13. Устав столичного города Санкт-Петербурга: [Утвержден сентября 12 дня 1798 года. В Гатчине]. – [Санкт-Петербург]: [Тип. Гос. воен. коллегии], [1798]. – 23 с.
14. Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / М. Фасмер; пер. О.Н. Трубачев; под ред. Б.А. Ларин. – 3-е изд., стер. – Санкт-Петербург: Азбука, 1996. – 573 с.

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF GUARDIANSHIP AND TRUSTEESHIP IN RUSSIA: ASPECTS OF PROTECTING THE RIGHTS OF MINORS

Zotov K.V.

Saint Petersburg State University of Economics

This article is devoted to the historical and legal analysis of some periods of the formation, establishment, development of the guardianship and trusteeship system in Russia in order to identify patterns and prerequisites for the creation of a modern guardianship and trusteeship system in the Russian Federation. The purpose of the article is to identify patterns and prerequisites that led to the creation of a modern guardianship system. The article is intended to describe the main milestones (pre-Petrine era, imperial period, stage of formation and development of the Soviet legal order) of the evolution of the institution of supervision over adults, protection of their rights and interests by the state, as well as practical improvement of the system of organizing the structure of guardianship and trusteeship, taking into account the analysis of the temporal aspects of the development of this area of legal relations. This article considers the institution of guardianship and trusteeship as the most important mechanism for protecting the rights of minors in the event of loss of custody, especially noting its evolution in historical retrospect.

Keywords: historical analysis, authorities, guardianship, trusteeship, guardianship system, trusteeship system.

References

1. Azarevich, D.I. On the difference between guardianship and trusteeship under Roman law / D.I. Azarevich. – M.: DirectMedia, 2014. – 323 p.

2. The most pious autocratic great sovereign empress Catherine the Second. institutions for governing the provinces of the All-Russian Empire. – [Moscow]: [Senate type.], [1775]. – 215 p.
3. Bykova O.N., Sklyarova T.V. Child care in Russia: patronage, guardianship, adoption. // Bulletin of PSTGU. Series 4: Pedagogy. Psychology. 2007. No. 3 (6). P. 92–109.
4. Gribkov, Anton Mikhailovich. Contractual regulation of relations on the placement of children left without parental care: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Gribkov Anton Mikhailovich; [Place of protection: Moscow Academy of Economics and Law]. – Moscow, 2010. – 207 p.
5. The Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship, put into effect by the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 19.11.1926 “On the introduction of the Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship”. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3552#qgc5fOU0oV5EBn2T4>. (date of access 22.09.24)
6. The Code of Laws on Acts of Civil Status, Marriage, Family and Guardianship Law (adopted by the All-Russian Central Executive Committee on 16.09.1918). [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2902#OQ97fOU PRxoMLRM2>. (date of access 22.09.24)
7. The Code on Marriage and Family of the RSFSR, approved by the Supreme Council of the RSFSR on July 30, 1969 (Bulletin of the Supreme Council of the RSFSR, 1969, No. 32, Art. 1086). [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3261/. (date of access 22.09.24)
8. Resolution of the XII All-Russian Congress of Soviets of 11.05.1925 “On approval of the text of the Constitution (Basic Law) of the RSFSR” (together with the “Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic”). [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2898#f506fOUY-5w32EhdL4>. (date of access 22.09.24)
9. Draft charter on guardianship and trusteeship, with an explanatory note to it. – St. Petersburg: State type., 1891. – [2], IV, 594, 81 p.
10. Russian legislation of the 10th-20th centuries / edited by Oleg Chistyakov. Moscow, 1984–1994. 9 v. V. 4: Legislation of the period of formation of absolutism / edited by Anatoly Mankov. 1986. – 511 p.
11. Russian Truth. “Russian Truth”: a textbook: [for history departments, universities and pedagogical institutes] / USSR Academy of Sciences, Institute of History; [editor B.D. Grekov]. – M., L.: USSR Academy of Sciences, 1940. – 112 p.
12. Code of Laws of the Russian Empire. Code of Civil Laws. V. 10. Part 1. Book 1. St. Petersburg, 1832. [Electronic resource]. – Access mode: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire&nochache>. (date of access 22.09.24)
13. Charter of the capital city of St. Petersburg: [Approved on September 12, 1798. In Gatchina]. – [St. Petersburg]: [Typ. State military Collegium], [1798]. – 23 s.
14. Vasmer, Max. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. T. 3 / M. Vasmer; lane O.N. Trubachev; edited by B.A. Larin. – 3rd ed., erased. – St. Petersburg: Azбука, 1996. – 573 p.

Цифровые права граждан и защита персональных данных в условиях развития информационного общества

Кеклис Александр Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: a@kekliis.ru

Кукушкин Илья Дмитриевич,

студент Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: archeage34992@mail.ru

Развитие информационной сферы открывает перед обществом широкий спектр перспектив для прогресса в экономике и общественной жизни, однако этот же прогресс таит в себе определённые сложности и опасности, касающиеся как защиты личных прав и свобод человека и гражданина, так и безопасности государственных структур. В настоящей статье авторы анализируют возможности легального закрепления категории «цифровые права», включающей в себя ряд прав, появлению которых способствовало развитие информационных технологий, и приходят к выводу, что цифровые права представляют собой лишь новые способы осуществления традиционных конституционных прав индивидов. Авторы указывают, что в эпоху цифровой трансформации актуализируется вопрос о сохранности личной информации индивида и отмечают, что российское законодательство наделяет субъекта персональных данных возможностью ограничить использование личных данных. Стремительное развитие информационных технологий подтверждает важность реализации мероприятий, предусмотренных Концепцией защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве.

Ключевые слова: цифровые права, персональные данные, информационное общество, информационная сфера.

С развитием информационного общества всё больше поднимается вопросов, касающихся безопасности личных данных и прав личности в цифровом пространстве. Существуют различные взгляды на то, что такое цифровые права человека, а также отсутствует «консенсус по вопросам их будущего законодательного урегулирования и теоретического прогресса» [1, с. 142]. В международном научном сообществе принято считать, что процесс цифровизации является неотъемлемым аспектом прогресса человечества, играя ключевую роль в эволюции «как общества в целом, так и юридической системы в особенности, переводя их в новую эру» [2, р.18].

Многочисленные исследования целенаправленно затрагивают тему того, как цифровые технологии оказывают влияние на государственные структуры и общественные институты, а также их воздействие на индивидуальные права и свободы. Так, Ю.А. Чернышова акцентирует внимание на важности защиты прав человека в условиях информационных технологий, подчеркивая основную проблему: «недостаток унифицированного понимания и применения законодательства, а также отсутствие комплексного подхода к разработке юридических механизмов, которые бы предотвращали нарушения прав человека» [3, с. 95]. С.И. Глушкова подтверждает данный тезис констатируя, что понимание категории цифровых прав человека в настоящее время характеризуется размытостью и неопределенностью, что препятствует созданию устойчивого и четкого образа этого юридического явления в общественном сознании [4, с. 13].

Определение, приведенное в ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ, касающееся цифровых прав, кажется недостаточно широким и не полностью раскрывает их суть и уникальность. Кроме того, кажется, что толкование, принятое в отечественном законодательстве, отличается от более глубоких и ранее сформированных пониманий этого концепта, которые можно встретить в международных академических работах, связанных с цифровизацией [4, с. 15].

Интересен тот факт, что прежде, чем понятие «цифровые права человека» приобрело известность и стало использоваться в российском законодательном контексте и академических кругах, в научных дискуссиях уже фигурировали такие термины, отражающие правовые аспекты использования сети интернет, как «интернет-права» и «права в рамках киберпространства» [5, с. 40] и др.

Цифровые технологии, хотя и трансформируют подходы к защите и актуализации прав граждан, но не влияют на фундаментальное содержа-

ние этих прав и свобод. Важность инновационных информационных и телекоммуникационных решений, которые улучшают возможности людей в защите их интересов и привлечении внимания к важным вопросам, неоспорима. Однако для обеспечения законной ясности, важно с юридической точки зрения тщательно анализировать и различать правовые аспекты данных изменений.

В этом контексте представляется спорным утверждение о том, что к традиционным категориям прав человека якобы присоединился новый сегмент, так называемые «цифровые права». К каковым относят: право на анонимность в интернете, право на возможность создавать и пользоваться цифровым контентом, право на неограниченное владение и эксплуатация новейших компьютерных устройств и гаджетов, а также право на беспрепятственный доступ к сетям связи и различным мессенджерам [6, с. 29].

Считаем, что в современной правовой практике цифровые права еще не обрели независимого статуса и, по сути, представляют собой лишь новые способы осуществления традиционных конституционных прав индивидов.

Значительные дискуссии ведутся вокруг, так называемого, «права на анонимность» в сети Интернет. Не все согласны с тем, что пользователи должны иметь возможность полностью скрывать свою идентичность в интернете, поскольку это может утвердить концепцию безличной активности в случае, если пользователь не желает раскрывать свою личность.

На сегодняшний день наблюдается устоявшаяся тенденция: граждане могут анонимно действовать в интернете, скрывая свои личные данные и местоположение через VPN и подобные технологии, что позволяет даже обходить ограничения доступа к определённым сайтам. Это сочетание поддерживает баланс между частным правом на анонимность и общественной необходимостью соблюдения российского законодательства в цифровом пространстве. Людям необходимо следовать установленным законодательным регламентам, и в случае, если они стремятся воспользоваться услугами на уровне государства или местного самоуправления, осуществить покупки или принять участие в действиях, имеющих общественное значение, им придется раскрыть определенную личную информацию. В дополнение к этому, важно осознавать ограничения применения VPN-технологий в вопросах анонимности, учитывая потенциальную возможность сбора и последующей продажи (передачи) данных о пользователях сторонним компаниям или зарубежным государственным структурам. Обширные и достоверные статистические данные, включая сведения о пользовательских предпочтениях, их активности на веб-сайтах, выборе продукции и времени, затраченном на страницах, чрезвычайно ценны для рекламных и крупных бизнес-структур [7].

В случае если законодатели решат признать независимое право на свободный доступ в интернет,

то возникнет необходимость в создании новых правовых инструментов для его осуществления. Это приведет к выделению этого права из существующих конституционных положений. Вместе с тем, право на доступ к интернету представляет собой, на наш взгляд, развитие закрепленного в части 4 статьи 29 Конституции РФ права на информацию – «право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».

Данный тезис подтверждает тот факт, что, несмотря на широкий спектр вопросов, которые затрагивала комплексная поправка к Конституции РФ, принятая в 2020 году, конкретное внимание на право доступа в интернет в ней не было обращено. В пункте «м» ст. 71 Конституции РФ (вопросы исключительного ведения Российской Федерации) появилось новое положение, касающееся гарантии безопасности индивидов, общества и государственной структуры в контексте использования информационных технологий и управления цифровыми данными. Тем не менее, конкретные положения, касающиеся прав, связанных с этим дополнением, остались неопределенными.

Исходя из статьи 18 Конституции РФ, права и свободы индивида имеют прямое воздействие на закон, формируя основы законодательных актов, направления деятельности властных структур и поддерживаются системой правосудия. С учетом этого, попытки ввести так называемые «цифровые права» как отдельную категорию не находят обоснования, учитывая, что они не получают полного признания даже от тех, кто их активно защищает. Следовательно, нет смысла обсуждать создание нового класса прав, когда они не могут быть четко определены и признаны на уровне фундаментальных прав человека. Скорее, кажется, что такие ненадежные права ослабляют концепцию прав человека в целом, ведь они стирают необходимость в ясном и точном определении каждого из этих прав в рамках законодательных актов. Авторы разделяют мнение В.Д. Зорькина, который утверждает, что традиционные права личности получили «новое содержание через процесс цифровизации, тем самым превратившись в актуализированные цифровые права» [8].

В контексте текущих тенденций можно утверждать, что цифровые и информационно-технологические инновации представляют собой ключевые инструменты, которые служат для осуществления личных прав и свобод в современном обществе. Цифровое информационное пространство открывает перед людьми новые, как возможности, так и угрозы. Виртуальные границы здесь не имеют юридической силы, что делает регуляцию данных сложной задачей.

В современных условиях становится очевидным, что обеспечение безопасности личных сведений пользователей необходимо рассматривать как основополагающее право каждого индивида. Инциденты утечки данных, как было замечено в случаях с компаниями «Яндекс.Еда», Delivery

Club, «Гемотест» и СДЭК, происходят с постоянной регулярностью, и уже сам факт утечки может создать угрозу для частной жизни людей, даже если украденная информация еще не использовалась с целью совершения преступлений. Собранная информация часто становится товаром на черном рынке, где она попадает в руки тех, кто заинтересован в ее реализации [9, с. 20].

В условиях популяризации удаленного формата работы наблюдается возрастающая тенденция компрометации конфиденциальной информации в крупных организациях, когда базы данных, содержащие личные данные, места проживания, контакты и финансовые сведения пользователей, становятся объектом посягательства, это может нанести серьёзный урон интересам отдельных лиц.

В России регулирование вопросов, связанных с персональными данными, опирается на ряд ключевых положений, выраженных в соответствующих правовых документах. Центральным элементом в данной системе является Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – «закон 152-ФЗ»), который устанавливает параметры для использования, сохранения и предоставления доступа к информации личного характера. Этот закон направлен на защиту конфиденциальности и личных прав каждой личности, устанавливая границы для сохранения частной жизни и секретности личной информации.

В нашей стране принято широкое толкование того, что считается персональными данными. Это означает, что под описание персональных данных могут подпадать разнообразные элементы информации о человеке. К таким элементам относятся, но не ограничиваются ими, личное имя, место жительства, контактные реквизиты, изображения лица, отпечатки пальцев и другие биометрические характеристики, сведения о финансовом состоянии, а также данные о состоянии здоровья и прочее, что напрямую связано с идентификацией личности.

Персональная информация охватывает не только данные, явно указывающие на человека, но и отдельные данные, которые можно связать с конкретным человеком. В качестве примера можно привести ситуации, когда веб-профиль человека выдает информацию о его предпочтениях или покупках, что косвенно позволяет установить его идентичность.

Очень важной в законе 152-ФЗ является статья 14, которая упрощает процедуру для людей, желающих ограничить доступ или полностью стереть свои личные сведения из баз данных операторов. Они больше не обязаны подтверждать, что информация о них является неактуальной, неверной, полученной нелегально или неполной. Владельцы данных теперь имеют безоговорочное право на их блокирование или уничтожение, основываясь на том, что это их собственная информация.

Субъект, чьи персональные данные находятся в обработке, обладает возможностью инициировать изменение этих сведений в случае их уста-

рвания, ошибочности или неполного характера, а также в ситуации, если они были собраны незаконным путем. Эта возможность позволяет поддерживать информацию в актуальном и достоверном состоянии. Кроме того, лицо обладает правом на изучение информации, касающейся его личных данных, и может запросить копии данных для проверки их содержания и обработки, что дает ему контроль за их точностью и полнотой.

Субъект имеет возможность наложить ограничения на доступ к своим данным. В случае, когда информация либо неполная, устаревшая, либо приобретена нелегальным путем, либо она некорректна или излишня для цели, для которой она собиралась, лицо, к которому эти данные относятся, может воспользоваться своим правом и запросить ограничить доступ к данным или их удаление. Эта возможность предоставляет лицу власть над информацией о себе и дает ему возможность регулировать, как она будет использоваться [10, с. 177]. Также, субъект может инициировать процесс переноса своих данных от одного оператора к другому. Это предоставляет ему возможность без препятствий переходить между различными платформами и учреждениями, не теряя при этом управления над своей персональной информацией.

Когда субъект подозревает, что с его персональной информацией обращаются незаконно или это, нарушает его личные права, он вправе инициировать процесс защиты своих интересов. Он может обратиться для защиты прав в судебные инстанции или к государственным органам, ответственным за контроль над оборотом личных данных.

Таким образом, граждане обладают необходимыми инструментами для контроля использования сведений о себе, а также для реализации собственных прав и свобод, предусмотренных законодательством о персональных данных.

С правами граждан корреспондируются обязанности компаний, оперирующих частными данными, которые должны без промедления уведомлять соответствующие органы о любых инцидентах в сфере кибербезопасности, включая нарушения защиты информации. Уведомление осуществляется в два этапа: сначала, в пределах одного дня, предоставляется краткий отчет о пострадавших данных, за которым следует детальная отчетность о результатах проведенной аудиторской проверки в течение следующих 72 часов. Кроме того, перед тем как осуществить трансграничную передачу частных данных «организации должны оповещать об этом (Роскомнадзор – прим. авт.), причем в определенных обстоятельствах, такая экспортная деятельность может подвергаться ограничению» [11, с. 19].

Важным инструментом регулирования оборота персональных данных в цифровом пространстве является Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В рамках данного закона предусмотрена разработка специального реестра, в который вносятся сведения о тех, кто обра-

бывает информацию в нарушении установленных правил по персональным данным. Чтобы противодействовать таким нарушениям, статья 15.5 определяет механизмы, при помощи которых ограничивается доступ к информационным ресурсам, замешанным в неправомерной обработке данных.

В эпоху цифровизации на передний план выходит вопрос защиты личной информации из-за её растущего объёма, спровоцированного расширением цифровых сервисов, под управлением ведущих интернет-организаций. Эти сервисы, охватывающие области от социальных медиа до онлайн-игр и экономических систем, стали местами сбора огромных массивов данных. Крупные интернет-компании устанавливают собственные правила в отношении данных, которые применяются автоматически и без ведома клиентов, содержащиеся в лицензионных соглашениях и политиках приватности. Права на выбор у пользователей ограничены: их роль сводится к принятию уже сформированных корпоративных политик.

Самостоятельное управление в области конфиденциальности данных сталкивается с рядом сложностей. Прежде всего, условия политик конфиденциальности часто остаются неопределёнными, предоставляя широкий диапазон для интерпретаций из-за их отсутствия жесткости. Далее, понимание и осознание пользователем последствий согласия на обработку его данных осложняется из-за того, что условия сформулированы или слишком абстрактно, или с применением специфической юридической терминологии. Кроме того, хотя политика конфиденциальности может ссылаться на законодательные акты, часто эти ссылки ведут к внутренним регламентам сервисов, что может вызвать противоречия с национальными и международными стандартами защиты данных.

Самостоятельное установление правил внутри компаний не всегда соответствует международным стандартам. Хотя многие ориентируются на Генеральный регламент по защите данных (GDPR), далеко не все сервисы в полной мере придерживаются этих жестких критериев. В разных организациях пользовательские договоренности и методы сохранения конфиденциальности могут заметно отличаться. В то время как одни фирмы тщательно описывают условия и цели использования личной информации, другие могут предоставлять документы с более обобщённым содержанием.

Сейчас, регулирование защиты личной информации сталкивается с различными препятствиями, включая разночтения в саморегуляции онлайн-платформ, различия в стандартах защиты данных и несоответствие международным нормам. Это ставит под сомнение возможность эффективного управления и контроля над личными данными, особенно когда речь заходит о международной передаче информации. Пользователям часто недостает понимания относительно того, какая информация о них собирается и для каких целей она может быть использована, что усугубляет проблематику в сфере их конфиденциальности.

Необходимо признать важность синхронизации международных усилий для разработки общих принципов, которые будут поддерживать права индивидов в отношении их личной информации в интернете. Из-за разнообразия законодательных подходов к защите личных данных и проблем с определением юрисдикции в виртуальном пространстве, данные часто пересекают границы, что повышает внимание к их защите. Объединение усилий для создания унифицированных стандартов может обеспечить более надежную защиту личных данных в электронной среде, а также способствовать усовершенствованию законодательных рамок на национальном уровне.

Вместе с тем, несмотря на применяемые меры проблематика, «связанная с правонарушениями, осуществляемыми через применение новейших информационных технологий, по-прежнему остается насущной и требует внимания» [12, с. 12]. Хотя, справедливо отмечается, что «операторы персональных данных стараются использовать современные технологии для их защиты, поскольку информация об утечке персональных наносит существенный вред репутации компании..» [13, с. 97].

Неправомерный доступ к частным данным, обман, распространение ложной информации или клевета, незаконная торговля наркотиками и другие правонарушения создают серьезные риски для стабильности и защиты общества и государственной безопасности. Из-за беспрецедентных санкций западных стран возникли серьезные препятствия в использовании определенных информационных технологий, что влечет за собой ряд проблем для государства и граждан. Основная сложность в том, что зависимость от импорта IT-решений, включая программное обеспечение, компоненты для устройств, облачные сервисы и прочее, создаёт уязвимость из-за необходимости поддержки от международных поставщиков. При дальнейшем ужесточении санкций, если наша страна не реализует принятые меры по самообеспечению и не найдёт замену зарубежным компаниям, государству и гражданам предстоит столкнуться с затруднениями в поддержке и обслуживании некоторых IT-систем.

Для комплексного решения проблем, связанных с функционированием информационных систем и низким уровнем их освоения среди населения, государственные органы должны реализовать ряд инициатив:

- улучшить техническое обслуживание и обновление информационных систем, а также обучение квалифицированных кадров для работы в данной области;
- проводить работу по повышению информационной грамотности среди граждан, организуя соответствующее обучение, особенно, среди социально уязвимых слоёв населения, предоставляя им доступ к образовательным ресурсам и необходимому оборудованию для участия в информационном обществе.

Необходимо подчеркнуть, что недавно представленный в интернете проект, касающийся концепции законодательных инициатив, направленных на защиту личных прав в эпоху цифровых технологий, в целом вызывает положительную реакцию [14].

Документ содержит список потенциальных проблем, однако из-за отсутствия ясности и детализации, термины, такие как риски и угрозы, используются взаимозаменяемо, что приводит к путанице и может помешать эффективной разработке законопроектов. Вопросы какие опасности могут нести более быстрые изменения в цифровизации, например, медицинских услуг, остаются без ответов, хотя именно эти инновации являются ключевыми для улучшения уровня здравоохранения и должны быть приветствованы обществом.

Данный документ, пока что не имеющий нормативного закрепления, оставляет многое неопределённым, в том числе и что такое «цифровые права человека», а также не указывает конкретные юридические и экономические шаги вместе с их временными рамками для реализации в России. Однако, в случае одобрения и последующей реализации, этот проект приобретёт огромную важность, став отправной точкой для развития законодательства в данной области. Поэтому сейчас, важно, чтобы юридическое сообщество и Правительство России, которое может стать соисполнителем этого процесса, уделили должное внимание данному документу для его дальнейшей детализации и обдумывания.

Сегодняшний день, для успешного устранения проблем, связанных с осуществлением личных прав и свобод, требует реализации указанной концепции. Мероприятия могут включать в себя следующие ключевые элементы:

- на уровне законодательства требуется внести изменения, которые будут определять обязанности и права сторон в цифровом пространстве, а также установить сбалансированные ограничения на использование цифровых технологий;
- непрерывное улучшение юридических инструментов для защиты прав человека, что будет стимулироваться внедрением Концепцией защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации и плана мероприятий по её реализации [15];
- формирование автономных цифровых платформ на основе отечественного программного обеспечения, которое будет способствовать реализации прав жителей через прогрессивные информационные технологии. Такие инновации должны быть интегрированы в процессы, происходящие в государственных учреждениях и на муниципальном уровне;
- необходимо уделять внимание развитию информационной и юридической грамотности населения;

- важно проводить осознанную стратегию в управлении информацией, которая может быть признана неприемлемой, и регулировать доступ к таким данным в интернете, стремясь к балансу;

- необходимо значительно повысить уровень правовой ответственности, включая и тех, кто применяет информационные и телекоммуникационные технологии для совершения преступлений, и тех, кто ненадлежащим образом защищает конфиденциальные данные, которые были им доверены для хранения.

Цифровизация проникает в каждый аспект жизни в нашей стране и за её пределами, принося в большинстве своем положительные изменения. Однако, если не принимать во внимание потенциальные опасности, игнорировать уникальные культурные и духовные характеристики народов, кибернетическое развитие может стать источником новых угроз.

Стремление к реализации Концепции защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве будет способствовать защите личных прав граждан и поддерживать национальный суверенитет. Это требует создания соответствующей институциональной основы и общественного консенсуса. Важно найти справедливое равновесие, с одной стороны, стимулируя интеграцию современных информационных технологий в жизнь общества, а с другой – гарантируя защиту безопасности частной жизни, общественного порядка и государственных интересов.

Литература

1. Варламова, Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? (окончание) / Н.В. Варламова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14, № 5. – С. 141–167. – DOI 10.35427/2073–4522–2019–14–5-varlamova. – EDN UQSXLY.
2. Bastin R., Hurtaud S., Senequier L. Senequier Digitisation of documents and legal archiving // Inside-Luxemburg: Deloitte, 2014. P. 18.
3. Чернышева, Ю.А. Права человека в условиях цифровизации общества / Ю.А. Чернышева // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 90–102. – EDN PLEMXL.
4. Глушкова, С.И. Развитие прав человека в условиях цифровизации общества: современные тенденции в цифровой реальности / С.И. Глушкова, Е.Д. Летунов // Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – Т. 10, № 5А. – С. 11–27. – DOI 10.34670/AR.2021.23.96.002. – EDN IKVRTG.
5. Умнова И.А. Информационное право, как отрасль права нового поколения: ответ на технократизацию / Сб. науч. тр.; Отв. ред. Е.В. Алферова, Д.А. Ловцов. М.: РАН ИНИОН, 2018. С. 38–52.

6. Гайворонская Я. В., Мирошниченко О.И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 27–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.3>
7. VPN вас не спасет: как собирают персональные данные через SuperCookies. // <https://habr.com/ru/companies/ruvds/articles/540664/> (дата обращения: 01.09.2024).
8. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-pravagrazhdan.html> (дата обращения: 01.09.2024).
9. Дмитриева, Е.Г. Проблемы защиты персональных данных в цифровом мире и пути их решения / Е.Г. Дмитриева // *Право и бизнес*. – 2021. – № 3. – С. 18–23. – EDN MQYBJB.
10. Сычева М.И. Проблемы правового регулирования защиты персональных данных в сети Интернет // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2022. – № 10–3 (73). – С. 175–178
11. Соколова, М.Е. Защита персональных данных: международный и отечественный опыт / М.Е. Соколова // *Интеллектуальный капитал*. – 2016. – № 2(4). – С. 17–20. – EDN XIEVRV.
12. Талапина, Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э.В. Талапина // *Журнал российского права*. – 2018. – № 2(254). – С. 5–17. – DOI 10.12737/art_2018_2_1. – EDN YNJEIF.
13. Волков Д.В. Информационное право в схемах и определениях: Учебное наглядное пособие / Д.В. Волков, А.Ю. Кеклис. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. – 154 с. – ISBN 978-5-00220-084-9. – EDN UTKHYP.
14. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве // *Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека*. Москва, 2021 // <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).
15. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека • Президент России // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70046> (дата обращения: 01.09.2024).

DIGITAL RIGHTS OF CITIZENS AND PROTECTION OF PERSONAL DATA IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SOCIETY

Keklis A.Yu., Kukushkin I.D.

Saint-Petersburg branch of the All-Russian State University of Justice

The development of the information sphere opens up to society a wide range of prospects for progress in the economy and public life, but this same progress is fraught with certain difficulties and dangers related to both the protection of personal rights and freedoms of man and citizen, and the security of state structures. In this article, the authors analyze the possibilities of legally consolidating

the category of “digital rights”, which includes a number of rights, the emergence of which was facilitated by the development of information technology, and conclude that digital rights are only new ways of exercising traditional constitutional rights of individuals. The authors point out that in the era of digital transformation, the issue of the safety of an individual’s personal information is being updated and note that Russian legislation gives the subject of personal data the opportunity to restrict the use of personal data. The rapid development of information technologies confirms the importance of implementing measures provided for by the Concept of Protecting Human and Civil Rights and Freedoms in the Digital Space.

Keywords: digital rights, personal data, information society, information sphere

References

1. Varlamova, N.V. Digital rights – a new generation of human rights? (ending) / N.V. Varlamova // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. – 2019. – Vol. 14, No. 5. – pp. 141–167. – DOI 10.35427/2073–4522–2019–14–5-varlamova. – EDN UQSXYL.
2. Bastin R., Hurtaud S., Senequier L. Senequier Digitisation of documents and legal archiving // *Inside-Luxembourg: Deloitte*, 2014. P. 18.
3. Chernysheva, Yu.A. Human rights in the context of digitalization of society / Yu.A. Chernysheva // *Psychology and Law*. – 2019. – Vol. 9, no. 4. – Pp. 90–102. – EDN PLEMXL.
4. Glushkova, S.I. The development of human rights in the context of digitalization of society: modern trends in digital reality / S.I. Glushkova, E.D. Letunov // *Theories and problems of political research*. – 2021. – Vol. 10, No. 5A. – pp. 11–27. – DOI 10.34670/AR.2021.23.96.002. – EDN IKVRTG.
5. Umnova I.A. Information law as a branch of new generation law: a response to technocratization / *Collection of scientific tr.*; Ed. by E.V. Alferova, D.A. Lovtsov. M.: RAS INION, 2018. pp. 38–52.
6. Gaivoronskaya Ya. V., Miroshnichenko O.I. Legal problems of digitalization: theoretical and legal aspect // *Legal Concept = The legal paradigm*. – 2019. – Vol. 18, No. 4. – pp. 27–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.3>
7. VPN will not save you: how personal data is collected through Supercookies. // <https://habr.com/ru/companies/ruvds/articles/540664/> (date of request: 09/01/2024).
8. Zorkin V.D. Law in the digital world. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-pravagrazhdan.html> (date of application: 09/01/2024).
9. Dmitrieva, E.G. Problems of personal data protection in the digital world and ways to solve them / E.G. Dmitrieva // *Law and Business*. – 2021. – No. 3. – pp. 18–23. – EDN MQYBJB.
10. Sycheva M.I. Problems of legal regulation of personal data protection on the Internet // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2022. – № 10–3 (73). – Pp. 175–178.
11. Sokolova, M.E. Protection of personal data: international and domestic experience / M.E. Sokolova // *Intellectual capital*. – 2016. – № 2(4). – Pp. 17–20. – EDN XIEVRV.
12. Talapina, E.V. Law and digitalization: new challenges and prospects / E.V. Talapina // *Journal of Russian Law*. – 2018. – № 2(254). – Pp. 5–17. – DOI 10.12737/art_2018_2_1. – EDN YNJEIF.
13. Volkov D.V. Information law in schemes and definitions: An educational visual aid / D.V. Volkov, A. Yu. Keklis. – St. Petersburg: St. Petersburg Institute (branch) VGUY (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2023. – 154 p. – ISBN 978-5-00220-084-9. – EDN UTKHYP.
14. Digital transformation and protection of citizens’ rights in the digital space // *Report of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights*. Moscow, 2021 // <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> (date of application: 09/01/2024).
15. Meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights • President of Russia // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70046> (date of application: 09/01/2024).

Кузнецов Константин Александрович,

аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

E-mail: spbkka@mail.ru

Цифровая эпоха привела к концептуальным изменениям в содержании, понимании, реализации и защите прав. В статье изучается вопрос, как изменяется концепция политических прав гражданина с появлением цифрового пространства. Исходя из того, что концепция политических прав неразрывно связана с концепцией демократии, исследуется проблема реализации цифровых прав в реалиях электронной (цифровой) демократии и электронного (цифрового) правительства. Анализируется концепция цифровых прав и цифровых политических прав как прав четвертого поколения. Сделан вывод, что к цифровым правам в настоящее время можно отнести право на доступ в Интернет, право на электронное гражданство и право на цифровую личность; говорить о существовании политических цифровых прав в настоящее время несколько преждевременно. Сформулированы пять ключевых направлений трансформации концепции политических прав в условиях цифровизации политико-правового пространства.

Ключевые слова: политические права и свободы; право доступа в Интернет; цифровые права; цифровые политические права; электронная демократия; цифровое гражданство.

Введение

Человеческая цивилизация переживает цифровую трансформацию, которая затрагивает все ценности общества: права и свободы человека и гражданина не являются исключением. Исследователи все больше интересуются влиянием Интернета на конституционно-правовое регулирование политических прав и свобод человека и гражданина [1], анализируют изменения механизмов реализации и защиты этих прав и свобод под воздействием процессов цифровизации [2,3], задумываются о формировании новой правовой категории – цифровых политических прав граждан [4].

Целью данной статьи является изучение взаимосвязи между использованием Интернета и развитием концепции политических прав, определение направлений трансформации концепции политических прав в условиях масштабной цифровизации политико-правового пространства.

Методика исследования базируется на диалектическом методе в сочетании с формально-юридическим методом и методом моделирования.

Результаты и обсуждение

Концепция политических прав неразрывно связана с концепцией демократии. Институциональная основа, в которой политические права обретают полный смысл – это демократия. Как политический режим, организованный по любой из формул – «власть народа, осуществляемая народом и для народа» либо «власть, осуществляемая с согласия народа» [5, с. 137] – демократия требует активного и эффективного участия граждан в политической жизни. И подходящим правовым инструментом для этого являются политические права. Таким образом, в условиях демократии политические права выполняют функцию, которая делает их фундаментальными: воплощать в жизнь принцип народного суверенитета; их признание и гарантия являются непременным условием существования демократии.

Взаимосвязь политических прав и демократии проявляется в двойном измерении: индивидуальном, через признание государством права каждого на равенство и индивидуальную свободу, и коллективном, через гарантии свободного и равного участия всех граждан в формировании и легитимации органов государственной власти.

Общее содержание политических прав и их перечень в конституционно-правовой науке остается вопросом дискуссионным [6, с. 548]. В самом общем смысле это тот набор прав, который позволяет гражданину непосредственно или опосредованно формировать государственную волю. Таким обра-

зом, подход к определению содержанию политических прав должен предусматривать политическое участие граждан в трех аспектах:

а) непосредственно (через референдум, плебисцит, народную законодательную инициативу и аналогичные процедуры);

б) косвенно, путем выборов представителей, которые будут выражать его волю в представительных органах государства (активное избирательное право);

в) путем прямого участия гражданина в работе государственных органов (пассивное избирательное права, поступление на государственную службу). Совокупность таких прав на участие делает возможной материализацию принципа, лежащего в их основе: принципа народного суверенитета. Суть политических прав, которая делает их параметром легитимности власти в демократическом государстве, состоит в том, чтобы наделить граждан правоспособностью вмешиваться в управление государственными делами.

Вместе с тем, в категорию политических прав достаточно часто включают право слова, право на объединение, на информацию и др., которые далеко не всегда используются с политической целью и могут быть отнесены к группе личных прав [6, с. 549, 550]. Отметим, что группировка прав по категориям всегда является скорее условной, чем строгой, но как с исторической, так и с концептуальной точек зрения можно рассматривать права собраний, ассоциаций, голоса, петиций и т.п. в группе политических с той точки зрения, что они представляют собой канал влияния граждан на политическую сферу. В таком случае они будут выступать в качестве вспомогательных к правам на участие.

Быть гражданином означает иметь право свободно участвовать в жизни политического сообщества, к которому он принадлежит. Это участие происходит сначала посредством обсуждения с другими членами сообщества для определения параметров общего блага, поскольку диалог, основанный на принципах свободы слова, мнений, уважении участников, позволяет лучше согласовывать индивидуальные и общие интересы в духе гармоничного и мирного сосуществования. Это также способствует развитию национального единства, которое требует доверия, сотрудничества и компромисса между людьми. В конечном итоге это улучшает процесс принятия политических решений, делая его более справедливым, более рациональным, более эффективным и более приемлемым.

Нынешняя модель представительной демократии, преобладающая в современных демократических государствах, признается явно недостаточной для удовлетворения требований граждан о более широком и эффективном участии в принятии общественных решений [7]. Вместе с тем эта модель базируется на непреодолимом факте: невозможно представить себе организацию государственной власти посредством участия всех граждан во всех решениях и на всех их этапах, особенно

если принять во внимание масштабы современных обществ и территорий государств. Вместе с тем в современных исследованиях подчеркивается необходимость публичного обсуждения важнейших политических тем и открытость этого обсуждения для «простых граждан»; вовлечении этих «простых граждан» посредством новых механизмов, позволяющих создавать разнообразные публичные пространства [4,7].

Рассматриваемый в контексте ослабления классической представительной демократии, Интернет сегодня предлагает каждому электронные площадки для свободного выражения мнений, проведения онлайн-избирательных кампаний, реализации активного избирательного права, неограниченного поиска и доступа к множеству источников информации, подачи петиций в электронной форме, общественных консультаций, электронного общения граждан и представителей власти в режиме реального времени. Эти технические возможности радикально меняют отношения с властью, разрушают привычные схемы принятия решений и побуждают к новым видам участия в политической жизни, формируют новые механизмы реализации прав на участие. Цифровизация политико-правового пространства повлекла зарождение и формирование таких политико-правовых явлений как электронная (цифровая) демократия, электронное (цифровое) правительство, цифровые политические права, пока, правда, не получивших в конституционно-правовой науке единого концептуального понимания и законодательного закрепления.

Большинство авторов рассматривают электронную (цифровую) демократию и электронное (цифровое) правительство с точки зрения использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) для улучшения и расширения демократического процесса, организации взаимодействия органов публичной власти и гражданина в электронно-цифровой среде [4, с. 68; 8, с. 18]. Электронная (цифровая) демократия не является новой формой демократии: смена средств выражения мнений и реализации избирательного права не меняет демократическую парадигму, ограниченную альтернативой представительной и прямой модели. Однако она ведет к переосмыслению классических понятий свободы выражения мнений, равенства, прав на участие, применяемых в цифровом формате.

Ключевая дискуссия развернулась относительно вопроса, послужила ли цифровизация (и появившиеся под ее влиянием электронная демократия и правительство) толчком к появлению принципиально новых прав – цифровых и, в частности, цифровых политических прав.

В настоящее время сложилось три ключевых подхода к решению данного вопроса.

1) Цифровые права не являются самостоятельной правовой категорией либо принципиально новым поколением прав [9], они – цифровые преломления уже существующих конституционных

прав человека: политических, экономических, социальных и проч. [10].

- 2) Цифровые права – это права нового поколения [11], выделение их в отдельную правовую категорию допустимо в том случае, если «объект правоотношения является исключительно цифровым и находится в информационно-цифровом пространстве» [4, с. 69].
- 3) Концепт «цифровые права» охватывает как уже существующие права, адаптированные к реализации в цифровой реальности, так и принципиально новые права, характерные для цифровой эпохи.

Чтобы ответить на вопрос, являются ли цифровые права правами четвертого поколения, необходимо вспомнить историческую эволюцию прав человека. Гражданские и политические права первого поколения, те, которые влияют на выражение свободы личности, происходят из либеральной конституционалистской традиции и включены во Всеобщую декларацию прав человека 1948 года и Международный пакт 1966 года [11, с. 16]. Право на достоинство личности, на ее автономию и свободу от государства, ее физическую неприкосновенность и процессуальные гарантии рождены Просвещением. Либерализм способствовал включению этих прав в конституции многих национальных государств в XIX веке, способствуя тем самым универсализации основных гражданских и политических прав. Ограничение власти государства над отдельными лицами гарантировало определенный баланс между институтами и гражданами.

Права второго поколения рождаются из традиции гуманистической и социалистической мысли, носят экономический и социальный характер и влияют на равенство людей, распространяя на всех граждан права на образование, труд, здоровье и т.д. Права первого поколения защищали граждан от власти государства, но теперь именно государство должно гарантировать равный доступ к вышеупомянутым правам, компенсируя естественное неравенство, созданное преимуществами и недостатками класса, этнической принадлежности и религии, которые характеризуют социальную жизнь.

Так называемые «права солидарности» представляют собой третье поколение, сформировавшееся во второй половине XX века. Это коллективные права на мир и международную справедливость, безопасность, здоровую окружающую среду, и др. [11, с. 16].

Развитие прав и свобод линейно, их признание позитивным правом происходило в соответствии с проблемами той или иной эпохи. Права человека четвертого поколения переводят нас в другое измерение, не охваченное первыми тремя: цифровые технологии, которые создают новую реальность – виртуальную среду. Право должно реагировать на трансформацию реальности. Рассуждение о правах с использованием термина «поколения» может приводить нас к мысли, что каждое новое поколение инструментов заменяет предыдущие,

которые устарели и от которых можно отказаться. Однако это не так – в юридической науке давно не оспаривается тезис, подчеркивающий неделимость прав, иными словами появление новых поколений прав – это кумулятивный и интеграционный процесс, а не замена устаревшего. Таким образом, при рассмотрении концепции цифровых прав как нового поколения, мы, во-первых, признаем их взаимосвязь с тремя предыдущими, а во-вторых, должны отметить, что уже сейчас формируются права, существование и реализация которых возможно только посредством цифровых технологий и которые не охватываются содержанием уже признанных прав. К таким правам мы можем отнести право на доступ в Интернет, право на электронное гражданство и право на цифровую личность.

Явно право на доступ в Интернет еще не признано ни в одном международном договоре и в российском правовом поле. Это стало источником многочисленных споров, аргументов за и против права на доступ к Интернету приводится множество [1,3,4,].

Аргументы в пользу доступа в Интернет как права человека приводятся следующие. Существует некоторый консенсус в отношении полезности Интернета, как «незаменимого инструмента» для реализации прав человека. Следствием этого является то, что те, кто не имеет доступа к Интернету, лишены возможности в полной мере пользоваться этими правами, т.е. будут дискриминированы. Современные стандарты жизни предполагают, что подключение к Интернету есть необходимое для достойной жизни социальное благо.

Противники признания доступа в Интернет как права человека, аргументируют свою позицию следующим образом. Рассматривая доступ в Интернет как проявления права на коммуникацию, следует признать, что не существует права на телефон, телевидение, радио, печатные средства массовой информации, которые налагают на государства обязательство предоставлять их своим гражданам. Доступ в Интернет представляет собой доступ к технологии, которая является инструментом реализации отдельных прав, причем всегда есть альтернативный механизм реализации права в реальности; его нельзя считать неотъемлемой частью человеческой жизни. Нет необходимости «создавать» новые права в дополнение к уже признанным, но необходимо гарантировать их реализацию в меняющихся технологических контекстах.

Рассматривая право на доступ в Интернет во взаимосвязи с концепцией политических прав, отметим следующее. Нельзя отрицать незаменимость электронных площадок для таких форм политического участия как обсуждение законопроектов, сбор голосов для подписания петиций, обращений граждан. Некоторые формы участия в политической жизни очень трудно, если не невозможно, эффективно реализовать офф-лайн, к примеру, общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов, которое организовано на портале regulation.gov.ru. М.А. Егупова и А.В. Егупов так-

же указывают, что участие в голосовании по вопросам отбора территорий для благоустройства возможно только на общедолевой платформе za.gorodsreda.ru, и на портале государственных услуг Российской Федерации (pos.gosuslugi.ru) [4, с. 73].

Соответственно, отсутствие доступа к Интернету не позволит гражданину, в вышеуказанных случаях, полноценно реализовать свое право на участие, то есть можно говорить о дискриминации в политической сфере и нарушении принципа равенства.

Можно ли отнести право на доступ в Интернет к категории политических прав? Считаем, что нет. Специфический характер этого права в том, что многие другие права и свободы человека, а не только политические, не могут быть адекватно реализованы без него в условиях, когда значительный сегмент общественных отношений переместился в цифровую среду. На наш взгляд, именно этот момент позволяет с уверенностью отнести рассматриваемое право к четвертому поколению прав.

Полагаем, что говорить о существовании политических цифровых прав, отличающихся от традиционных по критерию возможности их реализации исключительно в цифровом публично-правовом пространстве [4, с. 69] в настоящее время несколько преждевременно. Мы можем лишь с некоторой долей вероятности допустить их появление в более или менее отдаленном будущем, наблюдая устойчивую тенденцию к цифровизации механизмов реализации политических прав. При цифровой реализации политических прав неизбежно возникают классические проблемы демократического голосования, в частности, обеспечение личного и тайного характера голосования; достоверная идентификация избирателя; сохранение их персональных данных; сбои технического характера; риски получения ложной информации. Следует признать, что эффективная защита политических прав в условиях цифровизации механизмов их реализации лежит не столько в правовой плоскости (хотя, бесспорно адекватное правовое регулирование, учитывающее технические особенности процедуры необходимо), сколько в технической.

Цифровое гражданство следует рассматривать не как категорию, заменяющую традиционные формы гражданства, а как расширение концепции гражданства, понимаемой как набор прав и полномочий, доступных каждому, где бы он ни находился в мире. Это концепция не является устоявшейся, многие авторы связывают ее с правом на цифровую личность (как систему идентификации и аутентификации, содержащую сведения об индивидуумах) и активной деятельностью в сети Интернет, отвечающую принципам нейтральности, безопасности, конфиденциальности, защиты личности [12]. В таком контексте один из векторов цифрового гражданства – политический, фактически связан с процедурами электронной демократии и деятельностью электронного правительства, а так же

с возможной перспективой появления виртуальных наций с новыми формами прав участия [12, с. 128]. Таким образом, цифровой гражданин будет регулярно подключаемым физическим лицом с виртуальной личностью, способным и желающим играть активную роль в процессах формирования мнения, обсуждения и принятия решений в режиме онлайн, а также иметь права и свободы, принимаемые во внимание в цифровом пространстве, и чьи отношения с национальным государством могут быть ослаблены. Вопрос о механизмах регулирования такого статуса остается крайне неопределенным, особенно в контексте государственного суверенитета.

Выводы

С учетом изложенного, можно определить пять ключевых направлений трансформации концепции политических прав в условиях цифровизации политико-правового пространства.

Во-первых, концепция политических прав развивается в тесной взаимосвязи с концепцией электронной (цифровой) демократии и электронного (цифрового) правительства. Технические возможности сети Интернет радикально меняют отношения гражданина с властью, разрушают привычные схемы принятия решений, побуждают к новым видам участия в политической жизни, формируют новые механизмы реализации прав на участие.

Во-вторых, в настоящее время сосуществуют два механизма реализации политических прав: традиционный и цифровой. Некоторые формы права на участие очень трудно эффективно реализовать офлайн, что ведет к постепенному формированию нового правового явления – цифровых политических прав.

В-третьих, специфика защита политических прав, реализуемых посредством цифровых механизмов в том, что акцент следует делать не на правовых механизмах, а на технических способах.

В-четвертых, цифровой механизм реализации политических прав зависит от признания доступа в Интернет правом человека.

В-пятых, дополнительного изучения требуют политические права цифрового гражданина. Концепция цифрового гражданства в настоящее время не является устоявшейся, но можно моделировать различные варианты ее развития политическом векторе.

Литература

1. Невирко Д.Д. К вопросу о трансформации политических прав и свобод в условиях развития цифровых технологий // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография под ред. И.В. Воронцовой. Казань: Отечество, 2020. С. 24–31.

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF POLITICAL RIGHTS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Kuznetsov K.A.

Leningrad State University named after A.S. Pushkin

The digital era has led to conceptual changes in the content, understanding, implementation and protection of rights. The article studies the issue of how the concept of political rights of a citizen changes with the advent of digital space. Based on the fact that the concept of political rights is inextricably linked with the concept of democracy, the problem of implementing digital rights in the realities of electronic (digital) democracy and electronic (digital) government is studied. The concept of digital rights and digital political rights as fourth-generation rights is analyzed. It is concluded that digital rights currently include the right to access the Internet, the right to electronic citizenship and the right to a digital identity; It is somewhat premature to talk about the existence of political digital rights at the present time. Five key areas of transformation of the concept of political rights in the context of digitalization of the political and legal space are formulated.

Keywords: political rights and freedoms; right of access to the Internet; digital rights; digital political rights; electronic democracy; digital citizenship.

References

1. Nevirko D.D. On the issue of transformation of political rights and freedoms in the context of development of digital technologies // Transformation and digitalization of legal regulation of public relations in modern realities and conditions of the pandemic: collective monograph edited by I.V. Vorontsova. Kazan: Otechestvo, 2020. Pp. 24–31.
2. Maksimov A.A. Features of constitutional and legal regulation of the implementation of certain political rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation on the Internet: diss. ... Cand. of Law: 5.1.2. Moscow, 2021. 233 p.
3. Ostapovich I. Yu., Nechkin A.V. Implementation and protection of human rights on the Internet: problems of correlation and balance // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2022. Vol. 13. Issue 2. Pp. 565–580. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.217>
4. Egupova M.A., Egupov A.V. Digital political rights as a new reality of the digital public-legal space: political and legal aspect. South-Russian Journal of Social Sciences. 2023. Vol. 24. No. 2. Pp. 65–77. DOI: [10.31429/26190567-24-2-65-77](https://doi.org/10.31429/26190567-24-2-65-77)
5. Gorodnina O.S. On the issue of democracy: an overview of the main theories and concepts // Abyss (Problems of philosophy, political science and social anthropology). 2017. No. 2(2). Pp. 130–150.
6. Presnyakov, M.V. Political rights and freedoms: problems of certainty of content // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2022. Vol. 13. Issue. 2: 547–564. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.216>
7. Bronnikov I.A. The Crisis of Representative Democracy and New Practices of Civil Activism // PolitBook. 2018. No. 1. Pp. 64–78.
8. Dzidzoev R.M., Lolaeva A.S. Digital (Electronic) Democracy in Russia: Concept and Limits. Legal Bulletin of the Kuban State University. 2022. No. 14(2). Pp. 14–20. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-2-14-20>
9. Maslovskaya T.S. Digital Sphere and Constitutional Law: Facets of Interaction // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 9. P. 18–22.
10. Nevinsky V.V. “Digital Rights” of a Person: Essence, System, Meaning // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 10. P. 26–32.
11. Glushkova S.I., Letunov E.D. Development of a New Generation of Human Rights in the Digital Age // Bulletin of the Humanitarian University. 2020. No. 4 (31). P. 16–28.
12. Bronnikov I.A., Karpova V.V. Digital Citizenship in the Russian Federation: Political Risks and Prospects // Bulletin of VolS U. Series 4, History. Regional Studies. International Relations. 2021. No. 3. P. 123–133. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.11>

Современный взгляд на перемещение объекта культурного наследия: правовой аспект

Курьякова Венера Фердинандовна,

преподаватель кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева

Статья посвящена правовым вопросам, связанным с сохранением объектов культурного наследия (ОКН) посредством их перемещения.

В условиях быстрого развития городов, увеличения туристического потока и изменения климатических условий возникает ряд проблем, касающихся сохранности и целостности ОКН. Значительная часть таких объектов продолжает использоваться по своему прямому назначению, что требует обеспечения их нормального функционирования и создания комфортной городской среды. Исследование показывает, что изменение границ территории ОКН позволяет достигать несколько целей: сохранение историко-культурного потенциала и интеграция этих объектов в городское пространство.

В соответствии с требованиями Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» выявлены проблемы, возникающие при реализации процесса переноса ОКН. Автор приходит к выводу о необходимости разработки правового механизма перемещения как способа сохранения объектов культурного наследия в рамках Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об ОКН).

Перемещение ОКН способствует восстановлению исторической среды и оживлению объектов культурного наследия через развитие туристической, образовательной, просветительской и исторической деятельности.

Ключевые слова: перемещение объектов культурного наследия, историческая городская среда, прекращение существования границ территории ОКН, изменение границ территории ОКН, правовой режим территории памятника, зоны охраны.

Введение

Сохранение объектов культурного наследия (далее – ОКН) – это одна из ключевых задач для современной градостроительной политики. В мегаполисах, особенно в городах-миллионниках, этот вопрос приобретает особую актуальность. «Старинные здания, усадьбы, храмы – это зримое воплощение нашей национальной идентичности, неразрывной связи поколений» [6].

Однако в условиях динамичного развития городов и изменяющихся экономических потребностей возникает острая потребность в пересмотре подходов к обеспечению охраны и надлежащего использования ОКН.

Сегодня в России располагается около 200 000 памятников истории и культуры, имеющие федеральное и региональное значение [14], но не все из них находятся в состоянии, которое можно назвать удовлетворительным. Соответственно, все более актуальным становится вопрос по сохранению ОКН и вовлечению их в современное городское пространство. В городах, являющихся административными центрами, потребность в развитии комфортной среды и адаптации ее к современным реалиям и требованиям, зачастую, вступает в полное противоречие с потребностью ОКН.

Актуальным следует считать периодически поднимаемый вопрос о возможности перемещения ОКН. Как показывает практика, упомянутый вопрос напрямую связан со следующим контекстом:

- потребность в развитии нынешней городской среды (далее – ГС). В условиях стремительно растущей урбанизации и имеющейся потребности создания комфортной и при этом безопасной ГС, прилегающие к территории ОКН земли, зачастую рассматриваются как потенциальные площадки для новых строительных проектов. Это может включать строительство парков, жилых комплексов и иных объектов инфраструктуры. В подобных ситуациях, перемещение ОКН рассматривается, как способ освободить конкретную территорию для современного использования и сохранить сам ОКН в соответствующем и надлежащем состоянии изменив лишь его месторасположение;
- возможность минимизировать причинение вреда ОКН. Современное месторасположение ОКН не всегда удачно с точки зрения его сохранности и доступности для людей. В отдельных случаях ОКН находятся в таких условиях, которые могут способствовать их непосред-

ственному разрушению или ухудшению внешнего состояния.

Перемещение ОКН в иное «градостроительное окружение» может служить решением этой проблемы. Создание новых территорий ОКН способствует их сохранению, а помимо этого даёт возможность сделать его более доступным для более широкой аудитории. Помимо этого, указанное обстоятельство способствует интеграции в обновлённую культурно- историческую среду. На сегодняшний день в большинстве крупнейших городов ОКН находятся в утраченной исторической среде. Разрозненно расположенные объекты культурного наследия становятся «невидимыми» в современной застройке, поскольку инвесторы часто не готовы вкладывать денежные средства в реставрацию объектов культурного наследия. В конечном счете такое положение вещей приводит к разрушению объектов культурного наследия.

Вместе с тем, для обеспечения сохранения объектов культурного наследия возможность их переноса в условиях интенсивного развития городов и урбанизации становится актуальной. Современные города сталкиваются с проблемой утраты исторической среды, что делает актуальным создание музеев под открытым небом, например, Квартал 130 в Иркутске. Сибирские авторы предложили выделить некоторый перечень проектных и исполнительских задач, а именно:

- реставрация памятников;
- реконструкция средовых объектов;
- перенос памятников с иной стороны расширяющейся улицы 3-го Июля и вполне возможно и иных мест;
- новодел (иными словами, изготовление деревянных домов согласно старой технологии и внешнему виду исторических построек; по чертежам, которые сняты с иных памятников, возможно даже тех, которые уже давно уничтожены/разрушены);
- современные строительные объёмы (создание подземного эксплуатируемого пространства, а помимо этого и надземного перехода от Музыкального театра через ул. Седова) [9].

Таким образом, проблема перемещения ОКН в городах- административных центрах представляет собой многогранный процесс, требующий комплексного подхода. При всем при этом следует принимать в особое внимание потребности современного градостроительства и требования, предъявляемые к сохранению исторической аутентичности и культурной ценности ОКН. Особо подчеркивается, что перемещение ОКН открывает совершенно новое направление в вопросе исследования правовых механизмов их сохранения и образования территорий, не имеющих исторической связи в условиях нынешнего градостроительного развития.

Вопросы, связанные с перемещением ОКН обсуждаются продолжительное время и в научной среде. Уже в 2010 году автор Панфилов А.Н. подчеркивал актуальность данной темы. Он отмечал

значительную роль норм международного законодательства в рассматриваемом вопросе. Согласно этим нормам, изменение местоположения ОКН запрещено. Исключение – ситуации, когда это необходимо для их сохранения [3, с. 85].

В ст. 5 Конвенции об охране архитектурного наследия Европы (далее – Конвенция Европы) определено, что каждая из сторон-участников данной Конвенции Европы берет на себя обязательство по запрету перемещения, полностью или частично, абсолютно любого памятника, находящегося под охраной. Исключением являются только такие случаи, когда материал, обеспечивающий всестороннюю сохранность подобных памятников, делает перемещение важным и остро необходимым. В подобных обстоятельствах компетентный орган власти принимает все меры предосторожности при его непосредственном демонтаже, переносе и последующем восстановлении в новом, подходящем месте [10].

Кроме того, например работы иных авторов Бердугиной Ю.М. [1], Ивановой Ж.Б. [2] посвящены анализу правовых и практических аспектов сохранения ОКН при изменении границ их территории, которые обязательно должны быть предприняты для обеспечения всесторонней сохранности ОКН.

При рассмотрении вопроса, связанного непосредственно с перемещением ОКН следует принимать во внимание правовой режим территории ОКН и всех прилегающих к нему земель. Указанный режим закреплен в ст. 3, 3.1, 5 и 34 ФЗ от 25.06.2002 № 73-ФЗ (далее – ФЗ № 73-ФЗ)[4].

Вполне очевидно, что подобное изменение месторасположения ОКН и границ ее территории, влечёт за собой прекращение существования границ территории ОКН на старом месте. Поэтому требует признания утратившим силу ранее принятого правового акта об утверждении этих границ и режима их использования, а на новом месте возникает необходимость заново оформить особый правовой режим территории.

Определение границ территории ОКН – ключевой элемент в системе охраны исследуемого наследия, обеспечивающий пространственную локализацию охранных мер, а помимо этого и режимов использования.

Эта проблематика актуализирует вопрос о соотношении принципа неприкосновенности исторической среды, закрепленного в ст. 3.1 ФЗ № 73-ФЗ, и возможности изменения пространственной локализации ОКН для его непосредственного сохранения.

В условиях динамичного развития ГС и изменяющихся экономических условий возникает вопрос о допустимости, а помимо этого и имеющихся правовых основаниях перемещения ОКН.

Принимая во внимание вышеуказанное, целесообразно рассмотреть правовые и экономические аспекты, а помимо этого и последствия перемещения ОКН на территории, которые не относятся к категории исторических. По причине того, что

сам процесс перемещения включает юридические процедуры и согласования, он еще включает временные (свыше 5 лет) и финансовые затраты, связанные между собой. Важно понимать, что каждый шаг требует координации между различными органами власти и подрядчиками, что значительно влияет на сроки и бюджет проекта.

Первоначальным этапом является приобретение земельного участка необходимой площади для перемещения ОКН. Это включает анализ доступных земельных ресурсов, проведение переговоров с собственниками и оформление прав собственности на новый участок. Для новой территории ОКН необходимо создать соответствующую инфраструктуру, включающую системы водоснабжения, водоотведения, электроснабжения и транспортные пути. Эти мероприятия предполагают проведение проектирования и строительства необходимых инженерных сетей и коммуникаций.

Следующим важным шагом является внесение изменений в документы территориального планирования и градостроительного зонирования, предусматривающие корректировку функциональной и территориальной зон. Данная процедура требует согласования с различными ведомствами и может занять значительное время.

Этап подготовки всей необходимой документации для фактического перемещения ОКН включает ряд основных моментов. Прежде всего, проводится тщательное и всестороннее обследование ОКН. После этого проводится разработка проектной документации, которая в дальнейшем подлежит обязательной экспертизе (ГИКЭ). После того, как будет получено положительно заключение экспертизы, все документы подлежат обязательному согласованию с органами власти. Этот процесс обеспечивает юридическую и техническую обоснованность перемещения ОКН.

Непосредственное перемещение ОКН включает комплекс строительных и монтажных работ по переносу объекта на новый участок. После перемещения необходимо обеспечить объект подключением к инфраструктуре, что требует координации с коммунальными службами и подрядчиками. Некоторые этапы процесса перемещения ОКН могут быть выполнены параллельно, позволяя сократить срок окончания работ по проекту.

Требование сохранения памятников без их перемещения закреплено в отраслевом законодательстве [4], отражая принцип неприкосновенности исторической среды, устанавливает, что ОКН подлежат охране в их первоначальном местоположении. Это положение направлено на предотвращение каких-либо повреждений, разрушений и изменений облика и интерьера ОКН, а помимо этого на защиту от противозаконного перемещения и иных действий, которые могут причинить вред ОКН. Следовательно, законодательство делает акцент на важности сохранения исторической аутентичности памятников в их первоначальной среде.

В п. 1 ст. 33 ФЗ № 73-ФЗ определено, что ОКН подлежат обязательной охране со стороны госу-

дарства для предотвращения их повреждения, разрушения или уничтожения, изменения облика и интерьера, нарушения порядка их непосредственного использования, противозаконного перемещения и предотвращения иных действий, способных нанести вред ОКН, а помимо этого для обеспечения их всесторонней защиты от отрицательного влияния окружающей среды и иных негативных воздействий [4].

Принимая во внимание ст. 33 ФЗ № 73-ФЗ, представляется возможным сформулировать следующее научно-юридическое определение такого понятия, как перемещение ОКН, а помимо этого выделить его отличительные особенности.

Перемещение ОКН – это процесс изменения пространственного расположения объекта, обладающего историко-культурным потенциалом, осуществляемый в исключительных случаях, при соблюдении установленных законодательством требований, направленный на сохранение объекта и предотвращение его повреждения, разрушения или уничтожения.

Особенности перемещения ОКН обусловлены их уникальной историко-культурной ценностью, а помимо этого потребностью в обеспечении их должной сохранности:

- допускается лишь в исключительных случаях, когда отсутствуют иные способы сохранения ОКН;
- осуществляется согласно нормам закона и установленному порядку, и обязательно при наличии соответствующих разрешений;
- должны предприниматься все меры по предотвращению какого-либо повреждения, разрушения или изменения исходного облика ОКН;
- учитывается воздействие окружающей среды на сохранность ОКН на новой локации, включая защиту от негативного воздействия;
- документируется и сохраняется историческая информация об изначальном расположении ОКН;
- решение, принимаемое о перемещении ОКН обязательно должно основываться на результатах научных исследований и имеющихся экспертных оценках;
- сохранение культурной ценности, иными словами, перемещение ни в коем случае не должно привести к утрате или снижению первоначальной значимости ОКН.

В ст. 22 ФЗ № 73-ФЗ [4] определено, что Минкультуры России наделено должностными полномочиями по принятию решения о перемещении ОКН, а региональный орган охраны ОКН осуществляет рассмотрение вопроса о выдаче разрешения на проведение работ по сохранению (с перемещением) ОКН. Например, Приказ Минкультуры РФ от 08.11.2016 № 2422 [11].

Когда подобное перемещение является необходимым для обеспечения публичных интересов (например, для сохранности ОКН), то перемещение всегда допускается.

Следует особо отметить, что решение о перемещении ОКН может быть принято и когда это напрямую связано с потребностью предотвращения повреждения, разрушения или уничтожения ОКН от неблагоприятного воздействия окружающей среды или иных отрицательных неустраняемых воздействий. Соответственно, перемещение ОКН, выполненное согласно требованиям законодательства, возможно.

В Постановлении Правительства РФ от 12.09.2015 № 972 (далее – Постановление № 972) [5] определено, что при перемещении ОКН, ранее утвержденные границы его охраны, а помимо этого режимы использования земель и требования, предъявляемые к градостроительным регламентам в рамках этих зон, перестают действовать в отношении данного ОКН. Следовательно, после определения границ территории ОКН на новом месторасположении, следует заново утвердить и границы, а помимо этого установить новые режимы и регламенты, упомянутые ранее, для обеспечения его всесторонней сохранности.

Следует подчеркнуть, что в законодательстве процедура перемещения ОКН не определена. По этой причине, при реализации исследуемого процесса, следует принимать в особое внимание текущую позицию Минкультуры России. Согласно информации, опубликованной на сайте Минкультуры России, для рассмотрения возможности перемещения ОКН федерального, регионального и местного (муниципального) значения в Минкультуры России направляется обращение высшего исполнительного органа власти субъекта РФ. К этому обращению прилагаются документы:

- утвержденный предмет охраны ОКН;
- заключение регионального органа охраны ОКН, четко обосновывающее потребность в перемещении отдельного ОКН по причине невозможности его сохранения на текущем месторасположении в виду наличия ряда отрицательных неустраняемых воздействий, содержащее в себе информацию об источнике финансирования работ по перемещению и новом месторасположении ОКН;
- официально заверенная копия решения органа власти об отнесении объекта к ОКН (указание регистрационного номера в АИС ЕГРОКН);
- акт государственной историко-культурной экспертизы (далее – ИКЭ) научно-проектной документации на проведение работ, связанных с сохранением ОКН (включая сводку результатов общественного обсуждения);
- согласованная со стороны регионального органа охраны ОКН проектная документация на проведение работ, связанных с сохранением (перемещением) ОКН;
- правоустанавливающая документация на земельные участки или заверенные копии и т.д. [8].

Так, примером является ситуация с одноэтажным деревянным зданием, признанным ОКН, по адресу: ул. Татищева, 57 в Екатеринбург-

ге. В преддверии Чемпионата Мира по футболу 2018 года здание разобрали и перенесли на соседнюю улицу Синяева, 58. В результате, территория ОКН по адресу Татищева, 57 прекратила своё существование, а новая была образована на улице Синяева, 58 [13].

Согласно заключению ИКЭ, для обеспечения сохранности (защита от уничтожения) предлагается перемещение памятника на участок, расположенный на расстоянии 350 м в двух кварталах севернее от существующего места. Новое место расположения памятника ограничено бывшей ул. Синяева и пер. Полежаевским. Памятник будет установлен с разворотом на 180 градусов относительно сторон света в сравнении с его прежним местоположением на улице Татищева. Эскизным проектом предлагается приспособление памятника для современного использования в виде жилого дома муниципального маневренного фонда, а помимо этого реставрация фасадов с воссозданием резных оконных наличников [12].

Следует особо подчеркнуть, что такие случаи – единичны, и требуют особого градостроительного, архитектурного и юридического подхода и тщательного документирования для обеспечения сохранности ОКН.

При отсутствии факторов отрицательного воздействия на ОКН, которые способны привести к его физическому повреждению или утрате, приоритетом выступает сохранение ОКН на историческом месторасположении.

Следовательно, перемещение ОКН – это сложный, многоаспектный процесс, требующий тщательного планирования, научного обоснования и законодательного регулирования.

Помимо всего вышеуказанного, сегодня отсутствуют какие-либо требования, определяющие виды ОКН, которые могут быть подвергнуты перемещению. Ранее, а именно в 2017 году уже поднимался вопрос, связанный с внесением соответствующих изменений в отраслевой закон в части порядка перемещения ОКН. Минкультуры России разработало Проект ФЗ о внесении соответствующих изменений по вопросу перемещения ОКН, включенных в ЕГРОКН [7]. Указанным законопроектом предусмотрено, что проектная документация на проведение работ, связанных с сохранением ОКН, предусматривающая его перемещение подлежит обязательному общественному обсуждению, учитывая требования норм закона.

В положениях упомянутого ранее проекта отсутствовали какие-либо критерии, определяющие отнесение ОКН, включенного в ЕГРОКН, к категории таких объектов, которые прибывают под влиянием отрицательного воздействия окружающей среды и иных отрицательных неустраняемых влияний. Вместо этого в положениях указано, что эти критерии будут определяться Правительством РФ.

На данный момент правовая ситуация в законодательстве не изменилась, правовой пробел влечёт юридическую неопределенность для тре-

тых лиц, включая правообладателей ОКН при развитии территорий в ГС.

Чтобы улучшить отраслевое законодательство в сфере перемещения ОКН, следует учесть следующие рекомендации:

1. Комплексный подход к перемещению ОКН: перемещение ОКН – это сложный и многоаспектный процесс. Он требует тщательного планирования, научного обоснования и четкого законодательного регулирования. Важно учитывать все аспекты, чтобы минимизировать риски и сохранить историческую ценность объектов.

2. Перемещение возможно только при угрозе утраты: перемещать следует те ОКН, которые находятся под угрозой разрушения или утраты и расположены вне исторической среды, среди современного окружения.

3. Следует разработать концепцию сохранения перемещаемых ОКН. В этой концепции должны быть четко определены функции использования этих ОКН после перемещения. Концепция должна найти отражение в правилах землепользования и застройки муниципального образования, тем самым обеспечить интеграцию перемещаемых ОКН в новые условия и их дальнейшую охрану.

4. Научно-исследовательская документация и экспертиза – перед перемещением ОКН (или его части) необходимо разработать полный объем научно-исследовательской документации. Помимо этого требуется провести ИКЭ этой документации, что поможет убедиться в целесообразности и безопасности перемещения, а помимо этого и в том, что абсолютно все действия будут выполнены согласно научным и правовым нормам.

В целом же перемещение отдельных видов ОКН в крупнейших городах при условии соблюдения законодательных ограничений могло бы стать способом сохранения ОКН, располагающихся в утраченной исторической среде. Данный механизм позволил бы воссоздать историческую среду и наполнить ОКН жизнью с помощью развития туристической и образовательной деятельности.

Литература

1. Бердюгина Ю.М. Перемещение объектов культурного наследия как вид приспособления в крупнейших городах // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2018. № 4 (39). С. 67–71. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36913818> (дата обращения: 26.07.2024).
2. Иванова Ж.Б. Правовое регулирование недвижимых объектов культурного наследия как крайней необходимости их сбережения // Культура: управление, экономика, право. 2021. № 3. С. 28–33. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47128911> (дата обращения: 26.07.2024).
3. Панфилов А.Н. Перемещение объекта культурного наследия: сохранение или уничтожение? // Журнал российского права. 2010. № 11. С. 84–
92. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/peremeschenie-obekta-kulturnogo-naslediya-sohranenie-ili-unichtozhenie?ysclid=lub0uz24er470922215> (дата обращения: 26.07.2024).
4. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 25.07.2024).
5. Постановление Правительства РФ от 12.09.2015 № 972 (ред. от 20.10.2021) «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации» // СПС Консультант плюс (дата обращения: 25.07.2024).
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 26.07.2024).
7. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части принятия решения о перемещении объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации). // URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=63657> (дата обращения: 25.07.2024).
8. Вопрос: «Перемещение объекта культурного наследия. Что для этого нужно?» // «Официальный сайт Минкультуры России». // URL: [https://culture.gov.ru/desk/faq/?FAQ\[SECTION_ID\]=15575](https://culture.gov.ru/desk/faq/?FAQ[SECTION_ID]=15575) (дата обращения: 26.07.2024).
9. Иркутск. Идеология комплексной регенерации квартала № 130 исторической деревянной застройки (ул. 3-го Июля, Седова, Кожова) // URL: <http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/4255.html> (дата обращения: 26.07.2024).
10. Конвенции об охране архитектурного наследия Европы (Гранада, 3 октября 1985 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901746444?ysclid=m0dpvp7a9l274251271> (дата обращения: 26.07.2024).
11. Приказ Министерства культуры РФ от 8 ноября 2016 г. № 2422 «О перемещении объекта культурного наследия регионального значения «Жилой дом», нач. XX в. (Свердловская область). URL: <https://base.garant.ru/71532636/> (дата обращения: 25.07.2024).
12. Акт ГИКЭ научно-проектной документации «Проект реставрации и приспособления объекта культурного наследия «Жилой дом» по адресу: г. Екатеринбург, ул. Татищева, 57»

от 29.06.2018 // URL: [https://mugiso.midural.ru/upload/iblock/161/Татищева, %2057%20ИКЭ.pdf?ysclid=lzwbtyjl4c669183855](https://mugiso.midural.ru/upload/iblock/161/Татищева,%2057%20ИКЭ.pdf?ysclid=lzwbtyjl4c669183855) (дата обращения: 23.07.2023).

13. Жилой дом на Татищева, 57 // URL: <https://ru.ru-wiki.ru/wiki/> (дата обращения: 23.07.2023).
14. В России насчитывают около 200 тыс. объектов культурного наследия // URL: <https://news.rambler.ru/community/50586438-v-rossii-naschityvayut-okolo-200-tys-obektov-kulturnogo-naslediya/?ysclid=luuue273ej433794115> (дата обращения 28.07.2024)

A MODERN PERSPECTIVE ON THE RELOCATION OF A CULTURAL HERITAGE SITE: THE LEGAL ASPECT

Kuryakova V.F.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article is devoted to legal issues related to the preservation of cultural heritage sites through their relocation.

In conditions of rapid urban development, increased tourist flow and changing climatic conditions, a number of problems arise regarding the safety and integrity of windows. A significant part of such facilities continues to be used for their intended purpose, which requires ensuring their normal functioning and creating a comfortable urban environment. The study shows that changing the boundaries of the cultural heritage sites territory allows achieving several goals: the preservation of historical and cultural potential and the integration of these objects into urban space.

In accordance with the requirements of the Federal Law "On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation", the problems arising during the implementation of the window transfer process have been identified. The author comes to the conclusion that it is necessary to develop a legal mechanism for relocation as a way to preserve cultural heritage objects within the framework of the Federal Law "On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation".

The relocation of the windows contributes to the restoration of the historical environment and the revitalization of cultural heritage sites through the development of tourism, educational, educational and historical activities.

Keywords: relocation of cultural heritage sites, historical urban environment, termination of the existence of the boundaries of the Objects of Cultural Heritage territory, change of the boundaries of the Objects of Cultural Heritage territory, legal regime of the monument territory, protection zones.

References

1. Berdyugina Y.M. Relocation of cultural heritage objects as a type of adaptation in the largest cities // Academic Bulletin of UralNIiproekt RAASN. 2018. № 4 (39). С. 67–71. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36913818> (access date: 26.07.2024).
2. Ivanova J.B. Legal regulation of immovable objects of cultural heritage as an extreme necessity for their saving // Culture: management, economics, law. 2021. № 3. С. 28–33. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47128911> (access date: 26.07.2024).
3. Panfilov A.N. Relocation of a cultural heritage object: preservation or destruction? // Journal of Russian Law. 2010. № 11. С. 84–92. [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/peremeschenie-obekta-kulturnogo-naslediya-sohranenie-ili-unichtozhenie?ysclid=lub0uz24er470922215> (access date: 26.07.2024).
4. Federal Law of 25.06.2002 № 73-FZ "On objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus (access date: 25.07.2024).
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of 12.09.2015 № 972 (ed. from 20.10.2021) "On Approval of the Regulations on zones of protection of objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation and on invalidation of certain provisions of regulatory legal acts of the Government of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus (access date: 25.07.2024).
6. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 29.02.2024 "Message of the President to the Federal Assembly" // SPS Consultant Plus (access date: 26.07.2024).
7. Draft Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (in terms of making a decision to relocate an object of cultural heritage included in the Unified State Register of Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation). // URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=63657> (access date: 25.07.2024).
8. Question: "Relocation of an object of cultural heritage. What is necessary for this?" // "Official website of the Ministry of Culture of Russia". // URL: [https://culture.gov.ru/desk/faq/?FAQ\[SECTION_ID\]=15575](https://culture.gov.ru/desk/faq/?FAQ[SECTION_ID]=15575) (access date: 26.07.2024).
9. Irkutsk. Ideology of complex regeneration of the neighbourhood No. 130 of historical wooden buildings (3rd July, Sedova, Kozhova Streets) // URL: <http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/4255.html> (access date: 26.07.2024).
10. Convention for the Protection of the Architectural Heritage of Europe (Granada, 3 October 1985) // Electronic fund of legal and normative-technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901746444?ysclid=m0dpvp7a9l274251271> (access date: 26.07.2024).
11. Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation of 8 November 2016 № 2422 "On relocation of the object of cultural heritage of regional significance "Dwelling House", early XX century (Sverdlovsk region). URL: <https://base.garant.ru/71532636/> (access date: 25.07.2024).
12. GIKE act of scientific and design documentation "Project of restoration and adaptation of the object of cultural heritage "Dwelling house" at the address: Ekaterinburg, Tatishcheva street, 57" from 29.06.2018 // URL: [https://mugiso.midural.ru/upload/iblock/161/Татищева, %2057%20ИКЭ.pdf?ysclid=lzwbtyjl4c669183855](https://mugiso.midural.ru/upload/iblock/161/Татищева,%2057%20ИКЭ.pdf?ysclid=lzwbtyjl4c669183855) (access date: 23.07.2023).
13. Residential building on Tatishcheva, 57 // URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/> (access date: 23.04.2023).
14. There are about 200 thousand cultural heritage sites in Russia // URL: <https://news.rambler.ru/community/50586438-v-rossii-naschityvayut-okolo-200-tys-obektov-kulturnogo-naslediya/?ysclid=luuue273ej433794115> (date of access 07/28/2024)

Правовой режим использования водных объектов экологического туризма: аспекты регулирования отношений общества и предпринимательства

Лубнина Анастасия Вячеславовна,

аспирант кафедры земельного и экологического права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия»

E-mail: astreya.96@yandex.ru

В статье рассмотрены вопросы правового регулирования использования водных объектов в рамках оказания услуг в сфере экологического туризма, определены основные механизмы установления правового режима водных объектов, используемых для экологического туризма: создание особо охраняемой природной территории, в границах которой находится водный объект, утверждение правил наблюдения за дикими животными, ареал обитания которых включает в себя конкретный водный объект, закрепление в правилах использования водных объектов в рекреационных целях, утверждаемых органами местного самоуправления, ограничений и запретов, связанных с использованием водного объекта для экологического туризма. Также в статье дана оценка эффективности применения указанных выше механизмов установления правового режима водных объектов с точки зрения соблюдения баланса интересов локального сообщества и лиц, заинтересованных в оказании услуг в сфере экологического туризма, при использовании водных объектов общего пользования.

Ключевые слова: правовое регулирование, экотуризм, водные объекты общего пользования.

В настоящее время наблюдается устойчивый рост числа туристических поездок по территории Российской Федерации, а внутренний туризм рассматривается не только как отрасль экономики, обладающая мультипликативным потенциалом, но и как стратегический ресурс. Вместе с тем развитие туризма значительно повышает риск оказания негативного антропогенного воздействия на природные объекты и экосистемы, объекты культурного и исторического наследия, выступающие в роли объектов туристского показа, а также вероятность роста социального напряжения между туристами и местным населением [8, с. 5]. При этом возможно снижение указанных рисков при смещении вектора интересов потребителей туристских услуг от массового туризма к экологическому туризму, характеризующемуся использованием в качестве туристских ресурсов преимущественно природных объектов, ориентированностью участников туристской деятельности на получение новых знаний о природных объектах и заинтересованностью в их сохранении, а также вовлеченностью местных жителей в формирование и продвижение туристского продукта. Стоит отметить, что в качестве основного признака экологического туризма выступает минимизация негативного антропогенного воздействия на природные объекты, используемые при оказании туристских услуг, в совокупности с положительным природоохранительным эффектом, достигаемым путем формирования у туристов бережного отношения к природе, в результате получения услуг, входящих в туристский продукт. Таким образом, для отнесения той или иной деятельности в сфере оказания туристических услуг к экологическому туризму недостаточно декларации о заинтересованности в сохранении природных объектов и экосистем, а необходимо фактическое обеспечение минимизации негативного антропогенного воздействия. Одним из инструментов, позволяющих снизить негативное антропогенное воздействие на природные объекты и экосистемы, используемые при оказании туристских услуг, выступает определение перечня ограничений и запретов на использование конкретного вида природных объектов, то есть установление правового режима природного объекта. В данной статье рассмотрены особенности правового режима водных объектов, используемых для экологического туризма.

На текущий момент для оказания услуг в сфере экологического туризма на территории России преимущественно используются такие водные объекты общего пользования как моря, реки, ру-

чи, озёра, болота, родники, гейзеры, а наиболее распространенные варианты туристского продукта включают экскурсию вдоль береговой линии (экскурсию с использованием плавательных средств, подводную экскурсию), наблюдение за представителями флоры и фауны, рыбалку по принципу «поймал-отпусти», размещение на ночлег в непосредственной близости от водоема, предоставление на маршруте питания с использованием локальных продуктов.

Вовлечение водного объекта в экономическую деятельность не должно ограничивать возможности неопределенного круга лиц, в первую очередь местных жителей, на использование такого объекта [3, с. 29], в то же время бесконтрольная реализация населением права общего водопользования способно значительно снизить туристическую привлекательность конкретного водоема. Высокая рекреационная привлекательность и особенности правового режима водных объектов, связанные с их принадлежностью к природным ресурсам, то есть к объектам народного достояния [1, с. 5, 6], создают предпосылки для одновременного использования водного объекта и в рамках экотуризма, и в процессе рекреации. В связи с изложенным важным аспектом для формирования у туристов бережного отношения к природе в ходе получения услуг, входящих в туристский продукт, является соизмеримость соблюдаемых местными жителями правил поведения при использовании водного объекта с требованиями к поведению туристов в рамках экологического тура. В свою очередь, отсутствие такого соответствия выступает предпосылкой роста социального напряжения между путешественниками и локальным сообществом, и обесценивания самого явления экологического туризма. Таким образом, для эффективного использования водного объекта в экотуризме необходимо установить такой правовой режим, который позволит достигнуть компромисс между удовлетворением потребностей лиц, заинтересованных в оказании услуг в сфере экологического туризма, и локального сообщества.

Действующее законодательство предусматривает несколько вариантов установления специального правового режима использования водных объектов:

создание особо охраняемой природной территории (далее – ООПТ), в границах которой находится водный объект;

утверждение правил наблюдения за дикими животными, ареал обитания которых включает в себя конкретный водный объект;

закрепление в правилах использования водных объектов для рекреационных целей дополнительных ограничений и запретов в отношении водных объектов, используемых для экологического туризма.

Рассмотрим подробнее каждый из перечисленных вариантов. Решение о признании природной территории, в границах которой находится водный объект общего пользования, особо охра-

няемой согласно преамбуле Федерального закона от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» может быть принято при наличии на указанной территории природных комплексов и объектов, нуждающихся в особой охране в связи с их повышенной ценностью для науки, культуры, рекреации, искусства, а также высокой значимостью для сохранения природного потенциала местности. Стоит отметить, что статус ООПТ может быть присвоен как водному объекту, так и его части, водоохранной зоне водного объекта и земельным участкам, непосредственно граничащим с водным объектом. При принятии решения о создании ООПТ органам власти публично-правового образования необходимо заранее прогнозировать экономические и социальные последствия изъятия из оборота на неопределенный срок земельного участка, в границах которого создается ООПТ. Установление статуса ООПТ в отношении территории, в границах которой расположен водный объект, в значительной степени сокращает возможности заинтересованных лиц на реализацию прав общего водопользования. Так посещение ООПТ предполагает не только получение разрешения и оплату пребывания на территории, но и соблюдение ограничений и запретов, установленных отдельно для каждой территории. Как правило, наиболее распространенными запретами и (или) ограничениями, связанным с использованием водных объектов в границах ООПТ, являются запрет на проезд и стоянку всеми видами транспорта за пределами дорог общего пользования, запреты и (или) ограничения на использование моторных плавательных средств, сбор растений и лишайников, охоту и ловлю рыбы. Таким образом, присвоение территории, в границах которой находится водный объект, активно используемый местным населением, статуса ООПТ исключительно в целях развития экотуризма может вызвать значительную социальную напряженность и привести к формированию негативного отношения населения к создаваемой ООПТ [4, с. 94]. В то же время создание ООПТ потребует выделения дополнительного финансирования из бюджета публично-правового образования на проведение мероприятий по обеспечению соблюдения режима особой охраны конкретной территории, а также может повлечь сокращение доходов бюджета, в том числе в связи со снижением инвестиционной привлекательности земельных участков, граничащих с охранной зоной ООПТ. Следовательно, наделение территории, в границах которой находится водный объект, статусом ООПТ не стоит рассматривать в качестве приоритетного варианта правового регулирования режима использования водоема в целях экотуризма.

Практика утверждения региональных правил наблюдения за дикими животными в соответствии с Федеральным законом от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» еще не получила широкого распространения, на текущий момент подобные правила действуют только в Камчатском крае.

Вместе с тем в 2021 году экспертным сообществом сформулированы рекомендации по наблюдению в рекреационных целях за ластоногими, каланами и китообразными на Дальнем Востоке [5, с. 290]. Упомянутые рекомендации не обладают юридической силой, но могут применяться при организации экологических туров, целью которых является наблюдение за морскими млекопитающими, и выступать в качестве основы для разработки соответствующих подзаконных актов. Независимо от того носят ли правила наблюдения за дикими животными рекомендательный характер или являются обязательными к соблюдению, они направлены на регулирование общественных отношений по охране и использованию объектов животного мира и среды их обитания. Положения подобных правил распространяются не на конкретный ареал обитания животных, а на все территории региона, на которых обитают соответствующие виды диких животных. Соблюдение правил наблюдения за дикими животными означает применение ряда ограничений по использованию водного объекта и его береговой полосы, но не препятствует осуществлению доступа к водному объекту. В частности, могут быть ограничены возможность подъезда к водоему на транспортном средстве и возможность передвижения на определенном расстоянии от животных, являющихся объектом наблюдения, купание, водопой сельскохозяйственных животных, размещение туристического лагеря в непосредственной близости от водного объекта [6, 7]. Утверждение правил наблюдения за животными, ареал обитания которых включает в себя конкретный водный объект или его часть, в меньшей степени ограничивает права общего природопользования неопределенного круга лиц, чем присвоение водоему статуса ООПТ, кроме того, процедура разработки и утверждения правил наблюдения за дикими животными требует значительно меньших временных и организационных затрат по сравнению с проведением процедуры по признанию природной территории особо охраняемой. В то же время указанный механизм установления правового режима водного объекта нельзя назвать общеприменимым, так как оказание услуг в сфере экологического туризма не ограничивается проведением наблюдения за дикими животными.

Правила использования водных объектов для рекреационных целей в отличие от правил наблюдения за дикими животными устанавливаются отдельно для каждого муниципального образования и должны содержать требования к определению водных объектов или их частей, территорий и зон, предназначенных для осуществления рекреационной деятельности, порядок проведения мероприятий в рекреационных целях, требования к срокам открытия и закрытия купального сезона и охране водных объектов (ч. 2, 3 ст. 50 ВК РФ). Водным кодексом Российской Федерации определен закрытый перечень рекреационных целей использования водного объекта, в который наряду с иными видами деятельности входит туризм (ч. 1

ст. 50 ВК РФ). Стоит отметить, что определяя содержание понятия «рекреационные цели использования водного объекта» законодатель не указывает на обязательный массовый характер деятельности по использованию водных объектов, таким образом, правила использования водных объектов для рекреационных целей применимы к отношениям в сфере экологического туризма.

Предложенное толкование ч. 1 ст. 50 ВК РФ соотносится с положениями иных нормативных правовых актов, регулирующих осуществление рекреационной деятельности. Так в Перечне объектов, предназначенных для осуществления рекреационной деятельности на землях рекреационного значения, утвержденном распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.06.2024 № 1372-р, наряду с объектами инфраструктуры, предназначенными для массового туризма (гостиницы, лыжные трассы, горнолыжные комплексы и др.) присутствуют пункты наблюдения, смотровые площадки, наблюдательные вышки, укрытия для наблюдения за животными, востребованные преимущественно при оказании услуг в сфере экологического туризма. В свою очередь, классификатор видов разрешенного использования земельных участков, утвержденный приказом Росреестра от 10.11.2020 № П/0412, содержит не только вид разрешенного использования земельного участка «Отдых (рекреация)», но и его подвид «Природно-познавательный туризм», включающий в себя ряд мероприятий, характерных для экологического туризма, что свидетельствует о возможности осуществления деятельности в рекреационных целях, не только в рамках массового отдыха.

Вместе с тем применение органами местного самоуправления положений ч. 1 ст. 50 ВК РФ при разработке и утверждении Правил использования водных объектов для рекреационных целей не является единообразным. В ряде случаев при определении содержания рекреационной деятельности уполномоченные органы муниципалитетов фактически отождествляют рекреационную деятельность с массовым отдыхом (постановление администрации муниципального образования «Наримановский муниципальный район Астраханской области от 09.08.2024 № 1506, решение Представительного Собрания Тимского района Курской области от 16 августа 2024 г. № 116), что не позволяет в дальнейшем распространить указанные правила на отношения в сфере экологического туризма, в то же время ряд муниципальных образований при определении содержания рекреационной деятельности не использует признак массовости (решение Совета депутатов Заокского сельского поселения от 12.08.2024 г. № 105, постановление администрации Володарского муниципального округа от 26.07.2024 г. № 2652).

В то же время Правила использования водных объектов для рекреационных целей, содержат ряд общих положений: перечень водных объектов, используемых для рекреационных целей утверждается отдельным муниципальным правовым актом,

в отношении отдельных водных объектов общего пользования могут быть установлены дополнительные запреты и ограничения, прямо не предусмотренные указанными правилами, при определении территорий, связанных с использованием водных объектов или их частей для рекреационных целей, в обязательном порядке учитывается назначение такой территории, закрепляется положение о достаточности рекреационной емкости территорий и водных объектов. Практическая реализация упомянутых положений создает условия обеспечения баланса интересов лиц, заинтересованных в использовании водных объектов для создания оказания услуг в сфере экологического туризма, и местного сообщества. В частности закрепление в одном правовом акте наименований водных объектов для организации массового отдыха и водных объектов для экотуризма при сопоставимости рекреационной ценности указанных водоемов позволит наглядно продемонстрировать учет потребностей местных жителей при определении путей развития территории, а также подчеркнуть обоснованность установления специальных ограничений и запретов при использовании водоемов для экологического туризма. Кроме того, именно при утверждении правил использования водных объектов для рекреационных целей, местное население имеет больше всего возможностей повлиять на разработку и содержание нормативного правового акта, в том числе путем участия в публичных слушаниях и публичных обсуждениях по проектам генерального плана и проектам планировки территории.

Высокая рекреационная привлекательность водных объектов, их значимость как природного ресурса, являющегося частью народного достояния [2, с. 6], обуславливают необходимость детальной регламентации границ допустимого поведения всех лиц, заинтересованных в использовании водного объекта, необходимо, чтобы особенности правового режима водного объекта, в том числе в используемого в целях экологического туризма, были понятны всем участникам правовых отношений. Таким образом, именно закрепление в правилах использования водных объектов в рекреационных целях ограничений и запретов, связанных с использованием водного объекта для экологического туризма, является приоритетным механизмом определения правового режима такого объекта.

Литература

1. Бринчук М.М. Специальный правовой режим природных ресурсов: концепция природы как народного достояния // Экологическое право. 2021. № 6. С. 3–10;
2. Бринчук М.М. Специальный правовой режим природных ресурсов: существенная особенность природы – быть естественным ресурсом // Экологическое право. 2022. № 3. С. 3–9
3. Васильева М.И. О правовом обеспечении доступности водных объектов и береговых полос

для граждан // Правовые вопросы недвижимости. 2013. № 1. С. 29–32);

4. Рой О.М. Особо охраняемые природные территории: от консервации к развитию // Антиномии. 2021. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobo-ohranyaemye-prirodnye-territorii-ot-konservatsii-k-razvitiyu> (дата обращения: 18.09.2024);
5. Примак, Т. И. О необходимости правового регулирования наблюдений за дикими животными в сфере туризма / Т.И. Примак // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов: Материалы международной научно-практической конференции, приуроченной к 120-летию со дня рождения профессора В.Н. Скалона, в рамках XII международной научно-практической конференции «Климат, экология, сельское хозяйство Евразии», Иркутск, 24–28 мая 2023 года. Том Часть I. – Молодежный: Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, 2023. – С. 289–296;
6. Рекомендации по наблюдению за китообразными в рекреационных целях на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] URL: <https://marham.ru/about/documents/> (дата обращения: 18.09.2024);
7. Рекомендации по наблюдению за ластоногими и каланами в рекреационных целях на лежбищах и в местах скопления на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] URL: <https://marham.ru/about/documents/> (дата обращения: 18.09.2024);
8. Рэнкинг устойчивости развития туризма и индустрии гостеприимства в субъектах РФ 2023 [Электронный ресурс] URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=91705&p=attachment> (дата обращения: 18.09.2024).

LEGAL REGIME FOR THE USE OF WATER BODIES OF ECOLOGICAL TOURISM: ASPECTS OF REGULATING RELATIONS BETWEEN SOCIETY AND ENTREPRENEURSHIP

Lubnina A.V.

Russian State University of Justice

This article considers the issues of legal regulation of the use of water bodies in the provision of services in the sphere of ecological tourism, identifies the main mechanisms for establishing the legal regime of water bodies used for ecological tourism: the creation of a specially protected natural area, within the boundaries of which the water body is located, the approval of the rules of observation of wild animals, the habitat of which includes a particular water body, fixing in the rules of use of water bodies for recreational purposes. The article also assesses the effectiveness of the above mechanisms for establishing the legal regime of water bodies in terms of balancing the interests of the local community and persons interested in providing services in the field of ecotourism, when using public water bodies.

Keywords: legal regulation, ecotourism, public water bodies.

References

1. Brinchuk M.M. Special legal regime of natural resources: the concept of nature as a national treasure, Environmental law, 2021, no. 6, pp. 3–10;

2. Brinchuk M.M. The Special Legal Regime of Natural Resources: An Essential Feature of Nature Is to Be a Natural Resource, *Environmental law*, 2022, no. 3, pp. 3–9;
3. Vasilyeva M.I. About legal provision of accessibility of water bodies and coastal strips for citizens // *Legal issues of real estate*, 2013, no 1, pp. 29–32;
4. Roy O.M. Protected Areas: From Conservation to Development, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 90–108;
5. Primak T.I. Wildlife watching needs regulation measures/ T.I. Primak // Protection and rational use of animal and plant resources: Proceedings of the international scientific-practical conference, timed to the 120th anniversary of the birth of Professor V.N. Skalon, within the framework of the XII International Scientific Conference «Climate, ecology, agriculture of Eurasia» Irkutsk, May 24–28, 2023. Volume Part I. – Youth: Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Jezhevsky, Irkutsk, May 24–28, 2023. A.A. Jezhevsky, 2023. – pp. 289–296;
6. Recommendations on Cetacean Observation for Recreational Purposes in the Far East [Electronic resource] URL: <https://marmam.ru/about/documents/> (date of access: 18.09.2024);
7. Recommendations on surveillance of pinnipeds and wild boars for recreational purposes at rookeries and aggregation sites in the Far East [Electronic resource] URL: <https://marmam.ru/about/documents/> (date of access: 18.09.2024);
8. Ranking of sustainability of tourism and hospitality industry development in the constituent entities of the Russian Federation, 2023 [Electronic resource] URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=91705&p=attachment> (date of access: 18.09.2024).

Маргорина Варвара Сергеевна,

аспирант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: vsmarg@yandex.ru

Активное развитие городов приводит к необходимости создания комфортной городской среды с учётом интересов жителей городов. В статье исследуется понятие комфортной городской среды через призму изучения существующих в науке и законодательстве подходов к пониманию терминов «город» и «городская среда», а также проводится анализ правового регулирования комфортной городской среды. Особое внимание уделяется вопросам правового регулирования требований к комфортной городской среде.

Комфортную городскую среду можно определить, как совокупность природных и антропогенных условий, которые характеризуются высоким уровнем доступности и качества, а также оказывают положительное влияние на население города. Особенностью нормативных правовых актов, являющихся источником правового регулирования института комфортной городской среды, выступает их многоуровневость, которая наглядно показывается автором в рамках настоящего исследования.

Ключевые слова: город, городская среда, благоустройство городских поселений, комфортная городская среда, правовое регулирование индекса качества городской среды.

Вопрос истории появления и развития понятия «комфортная городская среда» изучен мало. Что касается дефиниции рассматриваемого понятия, то стоит отметить, что не существует как легального определения «комфортной городской среды», так и единого доктринального научного подхода.

В результате анализа основных научных исследований в данной области можно выделить следующие ключевые подходы к пониманию определения понятия города:

- 1) Политико-административный подход, который определяет город с точки зрения его правового статуса. Так, город представляет собой объединение граждан, которое контролируется специальными административными органами в соответствии с установленными процедурами, созданное с целью удовлетворения потребностей общества.
- 2) Топографически-территориальный: это определенная социально-территориальная организация людей, которую характеризуют социальные признаки. Кроме того, в соответствии с данным подходом город получает свой статус при соответствии численному критерию населения и при наличии территории определенного размера.
- 3) Экономический подход; город – это центр экономической жизни, которому присуще наличие собственного бюджета. Именно город представляет собой сосредоточение различного рода рынков.
- 4) Культурно-исторический, где город воспринимается как скопление определенных ценностей, социальных и культурных кодов, которые сформировались как результат общей деятельности сообществ и индивидов, населяющих определенную территорию.

Законодательство Российской Федерации пошло по пути первого подхода: согласно п. 2 Методики формирования индекса качества городской среды, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 23.03.2019 N 510-р (далее – Методика формирования индекса качества городской среды), город – населенный пункт, имеющий статус города, в соответствии с нормативным правовым актом, принятым субъектом РФ [17].

Правила отнесения населенного пункта к городу установлены также в рамках регионального законодательства, которое будет рассмотрено далее. Так, в качестве примера можно обратиться к законодательству Оренбургской области, в рамках которого к критериям отнесения населенного пункта к городу отнесены:

- Численный критерий – население не менее 10 000 человек.

- Наличие различного рода инфраструктуры, использующейся в экономической и социальной сферах.
- Наличие программ дальнейшего развития территории в экономическом и социальном аспектах.

Субъекты РФ придерживаются смешанного подхода при определении критериев отнесения населенного пункта к городу.

В рамках настоящего исследования центральное место занимает такое понятие как «городская среда». Данный термин в рамках российского законодательства появился сравнительно недавно, что обуславливает динамичность развития законодательства о городской среде. В основе формирования данного понятия лежит такой институт как индекс качества городской среды, который определяется специально утвержденной Методикой. Именно данная методика устанавливает критерии, по которым проводится анализ конкретного города: архитектура, транспортная инфраструктура, экологические факторы, уровень экономического развития и многие другие. Однако автор с таким определением городской среды в полной мере не согласен ввиду следующего. Во-первых, оно предполагает открытый перечень факторов, что мешает точному установлению сущности городской среды. Во-вторых, применение данного понятия приводит к смещению двух понятий «городская среда» и «комфортная городская среда».

Понятие городская среда занимает центральное место в исследованиях различных ученых и правоведов. Например, В.Л. Глазычев также исследует сущность городской среды. По мнению исследователя, она представляет собой совокупность предметно-пространственного окружения, а также поведенческого элемента. То есть городская среда характеризуется не только имеющейся инфраструктурой, но и существующими социальными связями между членами общества.

Так что же такое «комфортная городская среда»? Следует отметить, что в рамках доктрины права до настоящего момента не сформировалось единообразного подхода. В зарубежной литературе используются другие понятия, например, *liveability* или *quality of living*, которые хоть и схожи по смыслу с рассматриваемой концепцией, но включают в себя больше элементов. Именно данный широкий подход был использован С. Райтером и А. Де Хердом. Авторы непосредственно не раскрывают понятие «комфорт городской среды», они одними из первых разработали перечень критериев комфорта. К качественным критериям, по их мнению, относятся параметры адаптации человека к окружающей среде. А что касается количественных критериев, то среди них авторы выделяют температуру воздуха, скорость ветра, уровень солнечной радиации и влажность воздуха – то есть климатические параметры.

Анализ научных доктрин и действующего законодательства показал, что Российская Федерация придерживается, в большей степени, узкого подхо-

да. В рамках данного подхода в рассматриваемое понятие включается определение общих правил содержания города, осуществление работ по благоустройству.

Важную роль играет определение качества городской среды и ее характеристик. Для этого необходимо обратиться к специально установленным показателям, которые закреплены в нормативных правовых актах. В частности, таким источником правового регулирования выступает Методика формирования индекса качества городской среды, утвержденная Правительством Российской Федерации.

Качество городской среды определяется на основании индекса, предельное значение которого устанавливается для каждого года. Индекс исчисляется в специальных баллах на основании комплексного анализа индикаторов, указанных в Методике. Например, индекс Санкт-Петербурга 270 баллов, Москва – 304 балла, Сочи – 238 баллов, Екатеринбург – 213 баллов. Максимальное количество баллов – 360.

На основании индекса определяется относится ли к городской среде к благоприятной (индекс свыше 180) или к неблагоприятной (индекс ниже 160 баллов). Например, к городам с неблагоприятной городской средой можно отнести Кызыл (индекс 159 баллов), Киселевск (индекс 156 баллов), Усть-Джегута (индекс 132 баллов).

Конституция Российской Федерации прямо не регулирует вопросы городского управления вообще и формирования комфортной городской среды, в частности [1, 4, 6]. Особое значение в рамках системы правового регулирования процесса создания комфортной городской среды играют принципы градостроительного законодательства, указанные в ст. 2 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ).

В рамках судебной практики указано, что «правила благоустройства основываются на обеспечении комплексного и устойчивого развития территории на основе территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории, обеспечении сбалансированного учета экологических, социальных и иных факторов при осуществлении градостроительной деятельности с соблюдением технических регламентов, требований безопасности территорий, инженерно-технических требований, обеспечения охраны окружающей среды, экологической безопасности, с соблюдением требований сохранения объектов культурного наследия» [11, 14]. Правила благоустройства судебная практика относит к законодательству о градостроительной деятельности [12].

П. 25 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливает, что благоустройство территории относится к предмету ведения муниципальных образований [7, 12, 16].

Формирование комфортной городской среды выступает одним из приоритетных направле-

ний внутренней политики. Принимается большой пласт нормативных правовых актов, направленных на создание такой среды. Примером может послужить Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», который предписывает улучшить качество и безопасность городской среды в 1,5 раза [2, 9]. Для обеспечения реализации данного Указа был издан также Указ Президента Российской Федерации № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [10]. Необходимость принятия данного нормативного правового акта была обусловлена контрольными функциями государства. Возложение определенных обязанностей без осуществления специального контроля невозможно и может привести к злоупотреблениям. Именно поэтому необходимо проводить оценку деятельности уполномоченных должностных лиц.

Особую роль в формировании комфортной городской среды играет Правительство РФ, которое разрабатывает различные программы, которые направлены на практическую реализацию положений законов. Так, основной программой выступает программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 30.12.2017 № 1710 [15]. Данная программа направлена на решение жилищно-коммунальных вопросов и обеспечение граждан жилыми помещениями.

Кроме того, Правительство РФ также принимает активное участие в разработке различных методик, применяемых в сфере определения уровня комфортности городской среды. В частности, Правительством были разработаны методики определения эффективности деятельности должностных лиц, в должностные обязанности которых входит проведение мероприятий по созданию комфортной городской среды [16, 18].

Автор уделил особое внимание анализу следующего Постановления Правительства РФ: «О Всероссийском конкурсе «Лучшая муниципальная практика» [13, 20]. Рассматриваемый конкурс проводится ежегодно с целью обмена опытом. Обмен происходит посредством представления наиболее удачных программ по благоустройству территории. Субъекты РФ не только представляют свои программы, но и показывают, как были реализованы предыдущие проекты и какие результаты они принесли. В рамках будущего проекта также раскрываются его основные показатели и возможные результаты. Кроме того, в рамках данного конкурса предполагается выплата межбюджетных трансферов победителям конкурса. Данные денежные средства используются для создания и поддержания городской инфраструктуры.

Важно отметить, что деятельность по созданию комфортной городской среды курируются специальным государственным органом – Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (далее – Минстрой). Например, Минстрой разработал правила по благоустройству городской среды (Приказ Минстроя России от 29.12.2021 № 1042/пр «Об утверждении методических рекомендаций по разработке норм и правил по благоустройству территорий муниципальных образований»).

Необходимо уделить внимание также Приказу Минстроя России от 18.03.2019 N 162/пр «Об утверждении методических рекомендаций по подготовке государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды» [3, 19].

Кроме того, Минстрой издал важные приказы, касающиеся обеспечения комфортной городской среды – Приказ Минстроя России от 01.02.2019 N 73/пр «Об утверждении Методических рекомендаций по созданию и развитию региональных центров компетенций по вопросам городской среды» [20]

На основе проведенного анализа сделаны следующие основные выводы. Комфортная городская среда – это определенные природные, антропологические и техногенные условия, при которых на социум оказывается положительное влияние. Именно поэтому государство должно уделять особое внимание формированию такой среды. Ее существование невозможно без точной нормативной базы, которая бы регламентировала четкие правила обеспечения и поддержания такой среды, а также устанавливала бы ответственность за нарушения. В настоящее время правовая база представлена нормами федерального, регионального и местного законодательства. Особое значение имеют нормы конституционного и международного права, которые устанавливают общие условия правового регулирования.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // «Официальный интернет-портал правовой информации» (<http://www.pravo.gov.ru>), 04.07.2020.
2. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. N 1 (часть 1). ст. 16
3. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. N 40. ст. 3822»
4. Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 14.05.2018. N 20. ст. 2817

5. Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 27.07.2020. N 30. ст. 4884
6. Указ Президента РФ от 04.02.2021 N 68 (ред. от 09.09.2022) «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 08.02.2021. N 6. ст. 966
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 No 10-АПА19–8. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25062019-n-10-apa19-8/> (дата обращения: 01.09.2024)
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 27.11.2018 No 44-АПГ18–25. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27112018-n-44-apg18-25/> (дата обращения: 28.08.2024)
9. Постановление Правительства РФ от 18.08.2016 N 815 (ред. от 09.12.2022) «О Всероссийском конкурсе «Лучшая муниципальная практика» (вместе с «Положением о Всероссийском конкурсе «Лучшая муниципальная практика»)» // Собрание законодательства РФ. 29.08.2016. N 35. ст. 5335
10. Постановление Правительства РФ от 10.02.2017 N 169 (ред. от 16.12.2017) «Об утверждении Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды» // Собрание законодательства РФ. 20.02.2017. N 8. ст. 1242
11. Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 N 1710 (ред. от 06.02.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 15.01.2018. N 3. ст. 54
12. Постановление Правительства РФ от 03.04.2021 N 542 (ред. от 30.11.2022) «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. N 915» // Собрание законодательства РФ. 19.04.2021. N 16 (Часть III). ст. 2770
13. Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2019 N 510-р (ред. от 30.12.2020) «Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды» // Собрание законодательства РФ. 01.04.2019. N 13. ст. 1453
14. Приказ Минстроя России от 01.02.2019 N 73/пр «Об утверждении Методических рекомендаций по созданию и развитию региональных центров компетенций по вопросам городской среды». URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/139386/> (дата обращения: 01.09.2024)
15. Приказ Минстроя России от 18.03.2019 № 162/пр «Об утверждении методических рекомендаций по подготовке государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды в рамках реализации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды». URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/139388/> (дата обращения: 01.09.2024)
16. Приказ Минстроя России от 30.12.2020 № 913/пр «Об утверждении методических рекомендаций по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решение вопросов развития городской среды». URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/139399/> (дата обращения: 01.09.2024)
17. Приказ Минстроя России от 29 декабря 2021 г. № 1042/пр «Об утверждении методических рекомендаций по разработке норм и правил по благоустройству территорий муниципальных образований». URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/138187/> (дата обращения: 20.02.2023)
18. Карпова, Н.В. Основные подходы к определению сущностного содержания дефиниции «город» как многоаспектного понятия // Экономика и экология территориальных образований. 2020. № 3. С. 46–52
19. Кодолова Алена Владимировна Экологические права человека в документах «Мягкого» международного права // Антиномии. 2010. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-prava-cheloveka-v-dokumentah-myagkogo-mezhdunarodnogo-prava> (дата обращения: 01.09.2024).
20. Романова О.А. О правовых механизмах обеспечения экологических прав при осуществлении градостроительной деятельности: теоретические и практические аспекты // Lex russica. 2020. N 3. С. 33–44.

LEGAL DEFINITION OF THE CONCEPT AND CRITERIA OF A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT

Margorina V.S.

O.E. Kutafin University (MSAL)

Active development of cities leads to the need to create a comfortable urban environment taking into account the interests of city residents. The article examines the concept of a comfortable urban en-

vironment through the prism of studying existing approaches in science and legislation to understanding the terms “city” and “urban environment”, and also analyzes the legal regulation of a comfortable urban environment. Particular attention is paid to the issues of legal regulation of requirements for a comfortable urban environment. A comfortable urban environment can be defined as a set of natural and anthropogenic conditions that are characterized by a high level of accessibility and quality, and also have a positive impact on the city’s population. A feature of regulatory legal acts that are the source of legal regulation of the institution of a comfortable urban environment is their multi-level nature, which is clearly shown by the author in the framework of this study.

Keywords: city, urban environment, improvement of urban settlements, comfortable urban environment, legal regulation of the quality index of the urban environment.

References

1. Constitution of the Russian Federation // “Official Internet Portal of Legal Information” (<http://www.pravo.gov.ru>), 04.07.2020.
2. “Urban Planning Code of the Russian Federation” of 29.12.2004 N 190-FZ (as amended on 19.12.2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. 03.01.2005. N 1 (Part 1). Art. 16
3. Federal Law of 06.10.2003 N 131-FZ (as amended on 14.07.2022) “On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” / Collected Legislation of the Russian Federation. 06.10.2003. N 40. Art. 3822”
4. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 N 204 “On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024” // Collected Legislation of the Russian Federation. 14.05.2018. N 20. Art. 2817
5. Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 N 474 “On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030” // Collected Legislation of the Russian Federation. 27.07.2020. N 30. Art. 4884
6. Decree of the President of the Russian Federation of 04.02.2021 N 68 (as amended on 09.09.2022) “On assessing the effectiveness of the activities of senior officials of the constituent entities of the Russian Federation and the activities of executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 08.02.2021. N 6. Art. 966
7. Appellate ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.06.2019 No. 10-APA19–8. URL: <https://legallacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25062019-n-10-apa19-8/> (date of access: 01.09.2024)
8. Appellate ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.11.2018 No. 44-APG18–25. URL: <https://legallacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27112018-n-44-apg18-25/> (date accessed: 28.08.2024)
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 18.08.2016 N 815 (as amended on 09.12.2022) “On the All-Russian competition “Best Municipal Practice” (together with the “Regulations on the All-Russian competition “Best Municipal Practice”) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 29.08.2016. N 35. Art. 5335
10. Resolution of the Government of the Russian Federation of 10.02.2017 N 169 (as amended on 16.12.2017) “On approval of the Rules for the provision and distribution of subsidies from the federal budget budgets of the constituent entities of the Russian Federation to support state programs of the constituent entities of the Russian Federation and municipal programs for the formation of a modern urban environment” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 20.02.2017. N 8. Art. 1242
11. Resolution of the Government of the Russian Federation of 30.12.2017 N 1710 (as amended on 06.02.2023) “On approval of the state program of the Russian Federation “Provision of affordable and comfortable housing and utilities to citizens of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 15.01.2018. N 3. Art. 54
12. RF Government Resolution of 03.04.2021 N 542 (as amended on 30.11.2022) “On approval of methods for calculating indicators for assessing the performance of senior officials of constituent entities of the Russian Federation and the activities of executive bodies of constituent entities of the Russian Federation, as well as on recognizing as invalid certain provisions of the RF Government Resolution of 17.07.2019 N 915” // Collected Legislation of the Russian Federation. 19.04.2021. N 16 (Part III). Art. 2770
13. RF Government Order of 23.03.2019 N 510-r (as amended on 30.12.2020) “On approval of the Methodology for forming the urban environment quality index” // Collected Legislation of the Russian Federation. 01.04.2019. N 13. Art. 1453
14. Order of the Ministry of Construction of Russia dated 01.02.2019 N 73/pr “On approval of Methodological recommendations for the creation and development of regional competence centers for urban environment issues”. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/139386/> (date of access: 01.09.2024)
15. Order of the Ministry of Construction of Russia dated 18.03.2019 N 162/pr “On approval of methodological recommendations for the preparation of state programs of constituent entities of the Russian Federation and municipal programs for the formation of a modern urban environment within the framework of the implementation of the federal project “Formation of a comfortable urban environment”. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/139388/> (date of access: 01.09.2024)
16. Order of the Ministry of Construction of Russia dated 30.12.2020 No. 913/pr “On approval of methodological recommendations for the involvement of citizens, their associations and other persons in resolving issues of urban environment development”. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/139399/> (date of access: 01.09.2024)
17. Order of the Ministry of Construction of Russia dated December 29, 2021 No. 1042/pr “On approval of methodological recommendations for the development of norms and rules for the improvement of the territories of municipalities”. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/138187/> (date accessed: 20.02.2023)
18. Karpova, N.V. Basic approaches to determining the essential content of the definition of “city” as a multi-aspect concept // Economy and ecology of territorial entities. 2020. No. 3. P. 46–52
19. Kodolova Alena Vladimirovna Environmental human rights in the documents of “Soft” international law // Antinomies. 2010. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-pravacheloveka-v-dokumentah-myagkogo-mezhdunarodnogo-prava> (date of access: 09/01/2024).
20. Romanova O.A. On legal mechanisms for ensuring environmental rights in the implementation of urban planning activities: theoretical and practical aspects // Lex russica. 2020. N 3. Pp. 33–44.

Эволюция публично-правового механизма управления сферой физической культуры и спорта

Метельков Илья Витальевич,

аспирант, Институт государственной службы и управления
РАНХиГС

E-mail: ilyametelkov@mail.ru

Учитывая стремительное развитие общественных отношений, соответствующей актуализации требуют и публично-правовые механизмы управления данными отношениями, в том числе и в сфере физической культуры и спорта. В свою очередь качественная актуализация не может быть проведена без полноценного анализа, изучения причин и факторов, на основе которых формировались ранее существующие механизмы. В этой связи целью настоящей статьи является анализ эволюции публично-правового механизма управления сферой физической культуры и спорта в Российской Федерации. Автор статьи исследует три этапа формирования данной системы: этап зарождения, советский этап развития, формирование современной системы. Проводится анализ развития нормативных правовых актов, управленческих практик, успешных подходов, а также недостатков, которые могут послужить ценным опытом для текущего и будущего планирования политики публично-правового управления в данной сфере. Обозначаются основные тенденции дальнейшего развития государственной политики в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: публично-правовые науки, государственное управление, Министерство спорта Российской Федерации, публично-правовые механизмы, эволюция, этапы развития, тенденции, физическая культура, спорт, проблемы.

Исследование эволюции публично-правовых механизмов государственного управления позволяет обнаружить корни современной системы управления, провести анализ развития правовых норм и управленческих практик, а также определить наиболее успешные подходы и ошибки прошлого, которые могут служить ценным уроком для текущего и будущего планирования политики в этой сфере. Кроме того, понимание исторического контекста способствует формированию эффективной и гибкой с правовой точки зрения системы управления спортом, способной приспособиться к постоянно изменяющемуся социально-экономическому ландшафту и новым глобальным вызовам.

Вопросы развития сферы физической культуры и спорта на отдельных исторических этапах затрагивались различными авторами. Так Самойловой А.А. в статье «Историко-правовое исследование развития физкультурно-спортивных отношений в Российской империи: междисциплинарный аспект» проведен анализ особенностей развития и государственного участия в сфере физической культуры и спорта в период Российской империи. Автор статьи выражает точку зрения, согласно которой в это время законодатель впервые разграничивает правовое регулирование физической культуры и спорта на военную подготовку и физическое воспитание учащихся [11, С. 386–389].

Свои труды посвятили изучению данного вопроса также Смирнова М.А., Стряпихина А.А., Бегидова М.В., Коваленко Е.Ю. и др. Существующие в настоящее время научные труды преимущественно посвящены описанию, анализу этапов развития физической культуры и спорта как социальных явлений. Вместе с тем, стоит обратить внимание на недостаточное внимание к вопросу анализа эволюции физической культуры и спорта, в аспекте публично-правовых механизмов управления данной сферой. Поэтому мы смело можем заявлять о наличии недостаточной степени научной разработанности данного вопроса.

Этим обстоятельством объясняется потребность в раскрытии историко-правовых сторон в развитии публично-правовых механизмов управления сферой физической культуры и спорта.

Этап зарождения системы управления в сфере физической культуры и спорта

Первые предпосылки участия государства в управлении физической культурой и спортом прослеживаются на этапе перехода к буржуазным экономи-

ческим отношениям в XVII веке. В данный период физическая культура рассматривалась государством в контексте военной сферы – развитие физической культуры требовалось для подготовки армии. Вплоть до XVIII века ключевым государственным органом в данной сфере выступал Разрядный приказ, в чье ведение входило руководство дворянским войском. В рамках данного учреждения происходило обучение военному делу, в основу которого была заложена, в том числе, и физическая культура [8, С. 24]. Однако, в отношении остальной части населения, не имеющей отношения к армии, продолжали преобладать народно-семейные формы физического воспитания в отсутствие кого-либо централизованного управления данной сферой со стороны государства.

В данный период также активно начинает развиваться доктрина в области физической культуры и спортивного воспитания. Формируется позиция о необходимости физического воспитания девушек. Кроме того, Н.И. Новиков в статье «О воспитании и наставлении детей» [10, С. 417–506] начинает пропагандировать идеи практического применения физической активности в целях воспитания, отрицая тем самым популярную в то время «теорию уединения» представленную Ж.Ж. Руссо. В аналогичном ключе высказывает свою позицию и А.Н. Радищев. Он в своих трудах часто делает акцент на необходимости организации физического воспитания крестьян.

Для рассматриваемой эпохи эти идеи были прогрессивными. В середине XVII века было принято решение о включении физического воспитания в образовательный процесс. Первыми нормативными правовыми актами государства, в которых можно найти упоминание о физическом воспитании в контексте образовательной системы, являются: «Правила для учащихся народных училищ» 1782 года и руководство «О должностях человека и гражданина» 1791 года [8, С. 25]. В Правилах можно встретить положение о необходимости развития привычки к ЗОЖ у молодежи, приобщения к спортивным играм. Также указано, что заниматься этим нужно строго в свободное от учебы время.

В дальнейшем уже в период XIX–XX веков начинает создаваться материально-техническая база, отмечается активизация финансирования данной сферы из средств государственного бюджета.

Развитие публично-правовых механизмов управления на данном этапе строго разделялось на два направления. Во-первых, это физическая культура в стенах военных ведомств Российской империи, что было вызвано необходимостью физического развития солдат и офицерского состава. Во-вторых, это внедрение физического воспитания в общий образовательный процесс.

В этот период страна начинает развивать межгосударственное сотрудничество в сфере спорта [12, С. 423]. Так в конце XIX века возобновляется регулярное проведение Олимпийских игр, что оказало влияние на всю систему управления спортом в мире, так как Олимпийское движение вплоть

до настоящего времени продолжает занимать одну из ключевых позиций в структуре управления спортом на международном уровне.

В дореволюционный период был издан перечень законодательных актов, регулирующих сферу физической культуры и спорта:

Циркуляр «О создании врачебно-санитарного отдела»;

Императорский Указ «Положение о внешкольной подготовке русской молодежи к военной службе».

На уровне данных документов устанавливались механизмы государственного обеспечения физического воспитания молодых людей и их физической подготовки. Также, в данный период создаются два основных государственных органа, функции которых непосредственно связаны с государственным управлением рассматриваемой сферы.

В 1911 году учреждается Российский олимпийский комитет, что сыграло значительную роль в развитии государственного регулирования сферы физической культуры и спорта. Это знаковое событие позволило российским спортсменам принимать участие в Олимпийских играх

С началом функционирования в стране указанных выше организаций в структуре государственного управления произошел ряд изменений. В Российской империи был запущен новый этап развития публично-правового механизма управления рассматриваемой сферы.

В 1912 году наша страна впервые приняла официальное участие в Олимпийских играх. Полученный опыт подтвердил целесообразность разработки нормативной правовой базы и государственного регулирования рассматриваемой сферы. В качестве одной из мер, направленных на достижение поставленных целей, стала организация собственных спортивных мероприятий на территории государства. Их проведение оказалось достаточно эффективным. Регионы также переняли успешную практику и начали организовывать спортивные соревнования на местном уровне. Сфера физической культуры и спорта получила заметный толчок в своем развитии, стала приобретать популярность среди масс. В стране появилось собственное олимпийское движение, что породило процесс развития механизмов государственного управления и правового регулирования.

Таким образом, мы можем констатировать, что предпосылки формирования системы государственного регулирования закладывались еще с древних времен, в результате чего в начале XX века начинает складываться прообраз публично-правовых механизмов, которые составили организационно-управленческую основу для развития отечественной системы физкультурно-спортивного воспитания населения. Тем не менее до образования советского государства физическая культура и спорт все же занимали незначительное место в системе государственного управления и представляли интерес в большей степени для просвещенной прогрессивной буржуазии, ко-

торая составляла узкую прослойку населения, однако в послереволюционный период ситуация коренным образом изменилась.

Советский этап развития публично-правовых механизмов регулирования сферы физической культуры и спорта

Возникновение советского государства обусловило коренную перестройку всего общественного строя, что потребовало изменения ключевых институтов и механизмов в государстве. Данное обстоятельство затронуло организационно-правовые основы функционирования всех сфер общественной жизни.

На начальном этапе развитие физического воспитания все также воспринималось государством с точки зрения нужд армии. В 1918 году принято решение о создании Главного управления всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной Армии. На его базе занимались специализированной военной подготовкой кадров. В этом же году Совет Народных Комиссаров (далее – СНК) подписывает Декрет «О волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах по военным делам» [1].

ВЦИК РСФСР в 1923 году разрабатывает Декрет «О Высшем и местных советах физической культуры трудящихся РСФСР» [2]. Стремительное развитие законодательства свидетельствует об усложнении системы публично-правовых механизмов государственного управления сферы физической культуры и спорта.

В 1953 году ответственным за управление рассматриваемой сферой стало Министерство здравоохранения, однако чуть позднее это решение было отменено. В середине 60-х гг. в стране действует Центральный совет Союза спортивных обществ и организаций, но и он спустя непродолжительное время был упразднен.

Созданная в стране система механизмов публично-правового управления просуществовала фактически до распада советского государства [8, С. 62].

Отдельно стоит отметить, что долгое время советская физическая культура и спорт рассматривались в качестве инструмента социального воздействия. Так, в Постановлении ЦК ВКП (б) 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» было указано, что усилия представителей власти и науки в СССР важно сконцентрировать на развитии спорта высших достижений, который считался одним из эффективных способов в противостояния социалистической и капиталистической систем [3].

Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» (далее – ГТО) до 80-х годов признавался в стране главной спортивной программой, руководством в области спорта и спортивных достижений. В документе были зафиксированы конкретные спортивные нормативы, которым должны соответствовать граждане разных

возрастных категорий в сфере физической подготовки. По мере исторического развития Союза, изменялось и прикладное содержание Комплекса ГТО [9, С. 189–193].

Отдельным вызовом для всей сферы физической культуры и спорта стала Великая Отечественная война [13, С. 184–186]. Публично-правовые механизмы управления физической культурой были акцентированы вновь исключительно на обеспечение военной подготовки личного состава. В этот период кардинально изменена привычная деятельность физкультурно-спортивных учреждений. Все силы брошены на обеспечение военной подготовки советской армии.

Развитие физической культуры в СССР отражала «Единая всесоюзная спортивная классификация» (далее – ЕВСК). Изначально ЕВСК охватывала десять самых популярных дисциплин того времени, но к 1980-м годам каталог видов спорта расширился до ста. Обновление этого нормативного документа происходило каждые четыре года, что позволяло актуализировать его требования, увеличивать популярность физической культуры и спорта среди населения.

Для того чтобы активизировать интерес масс к физической культуре и спорту Советом Министров СССР в 1947 году разработаны постановления, в которых говорится о необходимости поощрения советских граждан в случае наличия у них спортивных успехов. Для реализации этой задачи им вручались значки и медали за выдающиеся достижения, что с учетом значимости в тот период социального одобрения и поддержки активности граждан имело ощутимый эффект.

Представляется, что после окончания Великой Отечественной войны развитие физической культуры и спорта в СССР приобретает приоритетное значение, так как данная сфера по-прежнему является особым способом идеологической борьбы с государствами капиталистического строя. Государство активно содействовало развитию физической культуры и спорта, так как достижения советских спортсменов на международных соревнованиях демонстрировали превосходство СССР.

Знаковым событием, конечно, стал 1980 год – проведение в Москве XXII-летних Олимпийских игр. Уровень подготовки и организации игр продемонстрировал актуальность политики проводимой советским правительством и достаточную эффективность имеющихся на тот период публично-правовых механизмов государственного управления физической культурой и спортом.

Уровень и качество соответствующих политико-правовых механизмов значительно возросли [14, С. 36–45]. Общегосударственная стратегическая концепция, в основу которой положена идея «быть только первыми», привела к тому, что все управленческие организации устремили свои силы на достижения в области советского спорта. Безусловно, подобная амбициозная задача, поставленная перед государством, требовала развития и внедрения новейших инновационных подходов с точ-

ки зрения правового сопровождения организации управления. На данном этапе в СССР был запущен процесс индустриализации сферы спорта. Он проявлялся открытием корпоративных служб, специализирующихся в области строительства и проектирования спортсооружений. Помимо этого, в разных уголках страны именно в этот период была открыта целая серия научно-исследовательских институтов, занимающихся проблемами в области физической культуры и спорта, развитием данной сферы жизни социума. В советский период появились и врачебно-физкультурные учреждения, предоставляющие услуги по лечению, профилактике, диагностике спортсменов. Советский спорт показывал выдающиеся достижения и результаты, однако с распадом СССР перед государством возникли новые вызовы, которые потребовали полного пересмотра сложившейся системы. Тем не менее советские публично-правовые механизмы управления сформировали прочную основу для дальнейшей модернизации и адаптации данной системы.

Формирование современной системы публично-правовых механизмов управления сферой физической культуры и спорта

Отказ от плановой экономики и переход к экономике рыночного типа с существенным уменьшением государственной поддержки социальной сферы, оказали колоссальное влияние на развитие спорта. В целях дальнейшего функционирования физкультурно-спортивные организации стали вынуждены привлекать частные инвестиции, что привело к коммерциализации физической культуры и спорта и вызвало необходимость соответствующих изменений нормативной правовой базы, а также актуализации сформировавшейся на протяжении столетия системы регулирования анализируемой сферы.

Влияние на развитие правовых механизмов государственного управления в данной сфере также оказала проблема нехватки финансирования физической культуры и спорта в 90-е годы, что оказало отрицательное влияние на качество подготовки профессиональных спортсменов, спортивные федерации, получившие автономию, не смогли оперативно адаптироваться к новым условиям в отсутствии поддержки со стороны государства. Перед государством встала задача, связанная с построением новой системы управления физической культурой и спортом.

Руководство уже нового государства разрабатывает в 1993 г. Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте № 4868-Р [4], которые уже в 1999 году были заменены Федеральным законом № 80-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [5].

Отходя от ранее существовавшей в Российской империи и СССР парадигмы разделения на физическое развитие в рамках военной подготовки и физическое воспитание в рамках образователь-

ного процесса, возникает новый подход. Так приоритетной функцией физкультуры и спорта становится именно увеличение продолжительности жизни населения и формирование здорового образа жизни у молодежи, что в свою очередь является реакцией на соответствующие вызовы определенного исторического периода, в том числе демографическую ситуацию, сложившуюся в России после 90-х годов.

Так, например, в Концепции развития физической культуры и спорта в Российской Федерации [6], срок действия которой был определен до 2005 года, выделялись следующие проблемы:

1. Сокращение физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений (на 20% с 1991 по 2001 год).

2. Несоответствие нормативной правовой базы условиям развития и состоянию физической культуры и спорта.

3. Снижение уровня граждан, регулярно занимающихся физической культурой и спортом до 8–10%, для сравнения в развитых странах мира – 40–60% и т.д.

Также разработчики Концепции обращают внимание на проблему слабой физической подготовки и физического развития учащихся. На этом фоне отмечается рост заболеваемости школьников и студентов. Многие современные болезни подрастающего поколения напрямую связаны с отсутствием необходимой физической активности (например, гиподинамия).

В свою очередь Концепцией предлагается комплексный подход к решению вышеуказанных проблем. Перечисляются конкретные рекомендации и варианты совершенствования правового регулирования рассматриваемой сферы. Также в Концепции говорится о необходимости в кратчайшие сроки разработать федеральные и региональные программы развития у граждан мотивации к физкультурно-оздоровительным, спортивным и туристическим мероприятиям.

Развитие государственного регулирования в сфере физической культуры и спорта на данном этапе было направлено, на:

Усиление эффективности публичного управления рассматриваемой отрасли.

Обновление законодательной базы, которая будет соответствовать условиям современных реалий и вызовов.

Развитие механизмов государственно-частного партнерства.

Приобщение граждан к ведению здорового образа жизни.

Модернизация спортивной инфраструктуры.

С тех пор были созданы многочисленные проекты в области физической культуры и спорта. По мере усложнения и развития данной отрасли на всей территории страны властям не осталось ничего другого как инициировать модернизацию отраслевого законодательства. В 2007 году появляется действующий по сей день Федеральный за-

кон № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [7].

Кроме того, федеральный закон также определяет вопросы противодействия допингу в спорте и мерах по предотвращению нарушений антидопинговых правил. Стремление к честной игре и борьба с допингом стали важной частью международной спортивной практики, и Россия в своем законодательстве также закрепила эти принципы. Таким образом, данный закон призван укрепить здоровье населения России и обеспечить повышение международного авторитета российского спорта.

В последующие годы особое внимание уделялось развитию олимпийского спорта, подготовке к крупным международным соревнованиям. Так, в 2014 году Россия бросила все силы на подготовку к Зимним Олимпийским играм в Сочи. С этой целью в Сочи была модернизирована спортивная инфраструктура, появились новые современные международные площадки.

Сегодня российская система публично-правовых механизмов государственного управления физической культурой и спортом представлена тремя звеньями: федеральным, региональным и муниципальным.

Начиная с 2022 года российские спортсмены исключены из международных соревнований, что стало значительным событием в мире спорта. Сегодня формирование обновленной системы публично-правовых механизмов государственного управления спортом в условиях повестки «отмены» российских спортсменов является ключевым вызовом для Российской Федерации. В целях минимизации негативных последствий данной ситуации, была основана организация под названием «Мы выступаем как один». Эта инициатива призвана поддерживать атлетов, столкнувшихся с запретом на участие в соревнованиях.

Кроме того, по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта, состоявшегося 19 октября 2023 года, можно выделить *основные тенденции государственной политики в данной сфере на сегодняшний день*. Так большая часть поручений данных после вышеуказанного заседания затрагивает три основных вопроса, имеющих на повестке текущего периода.

Во-первых, *укрепление технологического и организационного суверенитета* Российской Федерации в области физической культуры и спорта, что включает в себя наращивание объема производства и ассортимента отечественной спортивной продукции, поэтапное снижение зависимости от ее импортных аналогов (технологический суверенитет) и совершенствование деятельности Национального центра спортивного арбитража в целях повышения заинтересованности российских и иностранных субъектов физической культуры и спорта в рассмотрении споров, возникающих в профессиональном спорте и спорте высших достижений (организационный суверенитет).

Во-вторых, *пропаганда здорового образа жизни и повышение уровня вовлеченности в физкультурные и спортивные мероприятия*, в целях повышения двигательной активности населения, улучшения общего состояния здоровья нации.

В-третьих, *развитие современной спортивной инфраструктуры*, строительство новых спортивных площадок и ФОКов в малых городах и сельских поселениях. Реализовать такую задачу предполагается на основе активного вовлечения частных инвестиций, развития механизмов государственно-частного партнерства.

Кроме того, с целью повышения темпов физического воспитания нации руководством страны в 2014 г. принят указ, главной целью которого является возрождение всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО).

Таким образом, сегодня в отношении системы публично-правовых механизмов государственного управления в сфере физической культуры и спорта можно говорить о скоординированной работе различных уровней власти, включая органы местного самоуправления для развития физических и интеллектуальных качеств граждан через спорт. Эта деятельность способствует росту командного и личного мастерства, укреплению общественных и государственных интересов и также включает официальное признание спортивных достижений, что ведет к присвоению спортивных званий и наград. Развивающееся законодательство в области спорта требует продуманного и систематического подхода к своему изучению и применению.

Литература

1. Декрет СНК РСФСР «О волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах по военным делам» // СУ РСФСР. 1918. № 31. Ст. 413. (Утратил силу).
2. Декрет ВЦИК от 27.06.1923 «О Высшем и местных советах физической культуры трудящихся Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1923. № 62. Ст. 602. (Утратил силу).
3. Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 года «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» // «Правда». 1936. № 183.
4. Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте (утв. ВС РФ 27.04.1993 N 4868–1) (ред. от 24.12.1993) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 22. Ст. 784. (Утратил силу).
5. Федеральный закон от 29 апреля 1999 г. № 80-ФЗ (ред. от 10.01.2003) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2206. (Утратил силу).
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2002 года № 1507-р «Об одобрении Концепции развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2005 года» // СЗ РФ. 2002. № 44. (Утратил силу).

7. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.
8. Алексеев С.В. Спортивное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Физическая культура и спорт» / под ред. П.В. Крашенинникова. 3-е изд. – М.: Юнити-Дана, 2017. – 671 с.
9. Григоркевич А.А., Сактаганова З.Г. История влияния комплекса ГТО на жизнь и здоровье советского человека в повседневности городов Советского Союза // Актуальные проблемы современности. – 2019. – № 1 (23). – С. 189–193.
10. Новиков Н.И. О воспитании и наставлении детей // Новиков Н.И. Избранные произведения. – М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. – С. 417–506.
11. Самойлова А.А. Историко-правовое исследование развития физкультурно-спортивных отношений в Российской империи: междисциплинарный аспект // Образование и право. 2023. № 2.
12. Столбов В.В., Финогонова Л.А., Мельникова Н.Ю. История физической культуры и спорта: учебник / под ред. В.В. Столбова. – М.: ФИС, 2001. – 423 с.
13. Стряпикина А.А. Политика советского правительства в области физической культуры и спорта в годы Великой отечественной войны (по материалам газеты «Красный спорт») // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Серия: Педагогика, психология. – 2015. – № 1 (20). – С. 184–186.
14. Шевелева Л.А. Особенности спортивного профессионализма в Советском Союзе // Человек в мире культуры. – 2015. – № 3. – С. 36–45.

EVOLUTION OF THE PUBLIC-LEGAL MECHANISM FOR MANAGING THE SPHERE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Metelkov I.V.
RANEPA

Given the rapid development of public relations, public-law mechanisms for managing these relations, including in the field of physical culture and sports, also require appropriate updating. In turn, high-quality updating cannot be carried out without a full analysis, study of the causes and factors on the basis of which previously existing mechanisms were formed. In this regard, the purpose of this article is to analyze the evolution of the public-law mechanism for managing the sphere of physical culture and sports in the Russian Federation. The author of the article examines three stages of the formation of this system: the stage of inception, the Soviet stage of development, the formation of a modern system. An analysis is

made of the development of regulatory legal acts, management practices, successful approaches, as well as shortcomings that can serve as valuable experience for current and future planning of public-law management policy in this area. The main trends in the further development of state policy in the area under consideration are outlined.

Keywords: public law sciences, public administration, Ministry of Sports of the Russian Federation, public law mechanisms, evolution, stages of development, trends, physical culture, sports, problems.

References

1. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On volost, district, provincial and district military commissariats" // SU RSFSR. 1918. No. 31. Art. 413. (No longer in effect).
2. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of June 27, 1923 "On the Supreme and Local Councils of Physical Culture of Workers of the RSFSR" // SU RSFSR. 1923. No. 62. Art. 602. (No longer in effect).
3. Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of July 4, 1936 "On Pedagogical Perversions in the System of People's Commissars of Education" // Pravda. 1936. No. 183.
4. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Physical Culture and Sports (approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 27.04.1993 N 4868-1) (as amended on 24.12.1993) // Vedomosti SND and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. No. 22. Art. 784. (No longer in effect).
5. Federal Law of April 29, 1999 No. 80-FZ (as amended on 10.01.2003) "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 18. Art. 2206. (No longer in effect).
6. Order of the Government of the Russian Federation of October 29, 2002 No. 1507-r "On Approval of the Concept for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation through 2005" // SZ RF. 2002. No. 44. (No longer in effect).
7. Federal Law of December 4, 2007 No. 329-FZ (as amended on December 25, 2023) "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" // SZ RF. 2007. No. 50. Art. 6242.
8. Alekseev S.V. Sports Law of Russia: a textbook for university students studying in the areas of "Jurisprudence" and "Physical Culture and Sports" / edited by P.V. Krasheninnikov. 3rd ed. – M.: Unity-Dana, 2017. – 671 p.
9. Grigorkevich A.A., Saktaganova Z.G. History of the influence of the GTO complex on the life and health of a Soviet person in the everyday life of the cities of the Soviet Union // Actual problems of our time. – 2019. – No. 1 (23). – P. 189–193.
10. Novikov N.I. On the upbringing and guidance of children // Novikov N.I. Selected works. – M.; L.: State publishing house of art. literature, 1951. – P. 417–506.
11. Samoilova A.A. Historical and legal study of the development of physical culture and sports relations in the Russian Empire: interdisciplinary aspect // Education and Law. 2023. No. 2.
12. Stolbov V.V., Finogenova L.A., Melnikova N. Yu. History of physical education and sports: textbook / edited by V.V. Stolbov. – M.: Physical Culture and Sports, 2001. – 423 p.
13. Stryapikhina A.A. Policy of the Soviet government in the field of physical education and sports during the Great Patriotic War (based on the materials of the newspaper "Red Sport") // Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology. – 2015. – No. 1 (20). – P. 184–186.
14. Sheveleva L.A. Features of sports professionalism in the Soviet Union // Man in the World of Culture. – 2015. – No. 3. – P. 36–45.

Правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления Шотландии: аспекты создания благоприятных условий для развития туризма

Пахомов Михаил Михайлович,

соискатель кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: misha-pakhomov@yandex.ru

В научной статье рассматриваются основные черты правового регулирования деятельности органов местного самоуправления Шотландии по созданию благоприятных условий для развития туризма. Особое внимание уделяется практике преодоления кризиса туристической отрасли, вызванного пандемией Covid-19, а также анализу конкретных мер, предпринятых органами местного самоуправления Шотландии для поддержки туристической отрасли во время пандемии. Кроме того, рассматривается роль Закона Шотландии о местном управлении 1973 года и Закона Шотландии о местном управлении и планировании 1982 года в регулировании туристической деятельности. Оценка эффективности действий органов местного самоуправления Шотландии позволяет уточнить роль муниципалитетов в создании благоприятных условий для развития туризма и сформулировать направления для дальнейшего развития и совершенствования системы управления туризмом.

Ключевые слова: туризм, местное самоуправление, правовое регулирование, развитие туризма, полномочия местного самоуправления.

В тенденции расширяющейся глобализации туризм приобрел статус наиболее динамично развивающейся отрасли экономики, способствующей социально-экономическому развитию стран и регионов. Создание благоприятных условий для привлечения туристов и развития туристической инфраструктуры становится одним из основных направлений деятельности органов местного самоуправления как в России, так и в зарубежных странах.

Правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления по созданию благоприятных условий для развития туризма является сложной и многоаспектной сферой, которая требует особого внимания со стороны законодателей и органов исполнительной власти. В данной статье мы рассмотрим основные черты правового регулирования этой деятельности на примере автономной административно-политической части Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии – Шотландии.

В Великобритании туристическая индустрия является саморегулируемой. Глобальный этический кодекс туризма, не смотря на его ратификацию, не является обязательным и введён для добровольного применения. Шотландский парламент имеет право решать вопросы, связанные с туризмом на территории Шотландии, включая разработку туристической политики, определение функций и полномочий управления по туризму Шотландии. Любые изменения в структуре и функциях Британского управления по туризму, не могут быть внесены без согласования с шотландскими властями.

Закон Шотландии о местном управлении 1973 года возложил на районные и областные советы, а также советы островов ответственность за продвижение туризма на своей территории. Однако, согласно рекомендациям отчета Комиссии по аудиту работы местных властей Шотландии от 1981 года (Cmnd 8115), целью которого было устранить дублирование полномочий, в 1982 году был принят Закон Шотландии о местном управлении и планировании, который отменил полномочия районных советов по вопросам туризма¹. В соответствии с этим законом, советы островов и областные советы (индивидуально или коллективно с любыми другими лицами или организациями) получили полномочия, позволяющие: привлекать туристов на свои территории для отдыха,

¹ McQuaid, Ronald W. (1993) 'Economic development and local authorities: The Scottish case', *Local Economy*, 8: 2, 100–116

оздоровления, участия в конференциях, ярмарках и других мероприятиях; обеспечивать (наличие инфраструктуры для отдыха, конференций, ярмарок и других мероприятий); улучшать существующую инфраструктуру для этих целей.

Для выполнения этих полномочий советы островов и областные советы могут использовать рекламу и другие средства как внутри Великобритании, так и за ее пределами.

После Пандемии Covid-19 по инициативе представителей индустрии туризма и местных властей была сформирована целевая группа по туризму Шотландии. Она была сформирована как рабочая группа с краткосрочным сроком действия для предоставления независимых рекомендаций министрам Шотландии и правительству Великобритании относительно основных действий по поддержке восстановления туризма и гостиничного бизнеса в Шотландии¹.

Целевой группой были даны отдельные рекомендации для следующих субъектов туристической деятельности:

1. Для Шотландского правительства:
 - a. Поддерживать инвестиции в повышение безопасности на рабочем месте и защиту работников, чтобы предприятия могли оставаться открытыми без вреда для сотрудников и открываться снова после пандемии;
 - b. Оказывать поддержку сотрудникам для повышения производительности и удержания работников. На раннем этапе следует рассмотреть потенциальный пакет мер по развитию навыков, заключения договоров с колледжами и университетами для развития и поддержания новых талантов и развития лидерства. Это было бы наиболее полезно, если бы сочеталось с субсидированием заработной платы для решения неотложных проблем с удержанием персонала по мере окончания пандемии;
 - c. Поддерживать существующие программы ученичества и обучения на рабочем месте, чтобы защитить более молодую рабочую силу. Схема начального трудоустройства может быть использована для привлечения большего числа молодых людей в сектор на краткосрочной основе, помогая снизить потенциальную нехватку персонала в будущем по мере восстановления сектора.
 - d. Работать с предприятиями индустрии над внедрением добросовестной работы в реалистичные сроки.
 - e. Обеспечить достаточную поддержку для повторного открытия и поддержания в рабочем состоянии достопримечательностей.
 - f. Укрепить ключевую туристическую инфраструктуру, например аэропорты, порты, паромы, которые облегчают поездки как внутренним, так и международным путешественникам по Шотландии.

¹ Целевая группа по туризму Шотландии [Электронный ресурс] URL: <https://scottishtourismalliance.co.uk/tourism-recovery/> Дата обращения 25.02.2024

- g. Поддерживать туроператоров, которые играют важную роль как в посредничестве, так и в содействии программам размещения и досуга, а также в координации поездок как внутренних, так и международных путешественников по Шотландии.
 - h. Расширять цифровые возможности предприятий, чтобы обеспечить предприятиям доступ к средствам онлайн-бронирования, а со временем и цифровые возможности для быстрого реагирования на потребности клиентов и бизнеса.
 - i. Улучшить связь в сельских и отдаленных районах.
2. Для Британского правительства:
 - a. Схема поддержки занятости не отвечает потребностям сектора. Приоритетом является продление поддержки туристического сектора и цепочки поставок (включая продукты питания и напитки) после октября 2020 года. Сектор нуждается в поддержке для сохранения ключевых сотрудников и навыков.
 - b. Будущая миграционная политика после выхода из ЕС должна поддерживать доступ граждан ЕС ниже предлагаемых пороговых значений для решения проблемы потенциальной нехватки рабочей силы и специальных навыков.
 3. Для представителей индустрии туризма:
 - a. Предприятиям следует сотрудничать на местном уровне, чтобы совместно использовать кадровый потенциал для найма.
 - b. Приверженность кадровой стратегии, направленной на максимизацию возможностей трудоустройства на местном уровне, основанной на принципах честного труда.

Шотландская стратегия преодоления кризиса туристической индустрии, отраженная в указанных рекомендациях, а также распределение антикризисных мероприятий между различными уровнями власти и представителями бизнеса наглядно демонстрирует, что именно местные власти обладают наибольшим уровнем возможностей по консолидации в своих руках управления рисками и принятию мер оперативного реагирования. Именно местное самоуправление, осуществляя власть на местах, реализуя свои права и полномочия способно наиболее оперативно решать проблемы туристической отрасли.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс. В 2-х томах. Изд. 7-е. М.: Норма, 2021.
2. Бабикова В. Н., Радионова М.В. Сравнительный анализ состояния туризма РФ [Электронный ресурс]: URL: <http://ismme.esrae.ru/pdf/2014/6/339.pdf>
3. Баглай М.В. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. чл.- корр. РАН, проф. М.В. Баглая, д.ю.н., проф.

Ю.И. Лейбо и д.ю.н., проф. Л.М. Энтина. –М.: Норма, 2004 – С. 309.

4. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. – 13-е изд., изм. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2018. – 768 с.
5. Завьялова С.В. Проблемы гражданского правового регулирования туристской деятельности в Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2016. 112 с.
6. Мошняга Е.В. Основные тенденции развития туризма в современном мире // Вестник РМАТ. – 2013, № 3. С. 20–34.
7. Муталиева А.А. Правовое регулирование туристской деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2012.
8. Сладких Л.С. Основные проблемы развития внутреннего туризма в России / Л.С. Сладких // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 4(44). – С. 368–371.
9. Писаревский Е.Л. Туризм и обеспечение его безопасности: административно-правовой аспект: монография. М.: Юрист, 2011. 496 с.
10. Писаревский Е.Л. Правовое обеспечение туризма: учебник / коллектив авторов; под общ. Е.Л. Писаревского. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. – 336 с.
11. Писаревский Е.Л. Государственное и муниципальное управление в сфере туризма: учебник / коллектив авторов; под общ. ред. Е.Л. Писаревского. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. – 192 с.

LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENT BODIES IN SCOTLAND: ASPECTS OF CREATING FAVORABLE CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF TOURISM

Pakhomov M.M.

Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

This scientific article examines the key features of the legislative framework governing the operations of local authorities in Scotland with the goal of creating favorable conditions for tourism growth. Special emphasis is placed on how local authorities have responded

ed to the challenges presented by the COVID-19 pandemic, including specific measures implemented to support the tourism industry during this period.

Additionally, the study analyzes the significance of two crucial pieces of legislation – the Scottish Local Government Act (1973) and the Scottish Local Authorities and Planning Act (1982) – in regulating activities related to tourism. By evaluating the effectiveness of local government initiatives, we can gain a better understanding of their role in promoting tourism development and identify areas for further improvement in the tourism management system. These findings can inform the formulation of strategies and policies aimed at fostering a more sustainable and thriving tourism industry in Scotland.

Keywords: tourism, local government, legal regulation, tourism development, powers of local government.

References

1. Avakyan S.A. Constitutional law of Russia. Study course. In 2 volumes. 7th ed. Moscow: Norma, 2021.
2. Babikova V.N., Radionova M.V. Comparative analysis of the state of tourism in the Russian Federation [Electronic resource]: URL: <http://ismme.esrae.ru/pdf/2014/6/339.pdf>
3. Baglai M.V. Constitutional law of foreign countries: Textbook for universities / Under the general editorship of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, prof. M.V. Baglai, D.Sc. (Law), prof. Yu.I. Leibo and D.Sc. (Law), prof. L.M. Entin. – Moscow: Norma, 2004 – P. 309.
4. Baglai M.V. Constitutional law of the Russian Federation: textbook. – 13th ed., amended and supplemented – М.: Norma: Инфра-М, 2018. – 768 p.
5. Zavyalova S.V. Problems of civil-legal regulation of tourist activity in the Russian Federation: monograph. М.: Prospect, 2016. 112 p.
6. Moshnyaga E.V. Main trends in tourism development in the modern world // Bulletin of the Russian Theatre of Trade. – 2013, No. 3. P. 20–34.
7. Motalieva A.A. Legal regulation of tourist activity in the Russian Federation: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. М., 2012.
8. Sladkikh L.S. Main problems of domestic tourism development in Russia / L.S. Sladkikh // Problems of modern economy. – 2012. – No. 4 (44). – P. 368–371.
9. Pisarevsky E.L. Tourism and its security: administrative and legal aspect: monograph. Moscow: Jurist, 2011. 496 p.
10. Pisarevsky E.L. Legal support of tourism: textbook / collective of authors; under the general editorship of E.L. Pisarevsky. – Moscow: Federal Agency for Tourism, 2014. – 336 p.
11. Pisarevsky E.L. State and municipal administration in the field of tourism: textbook / collective of authors; under the general editorship of E.L. Pisarevsky. – Moscow: Federal Agency for Tourism, 2014. – 192 p.

Вопросы правового регулирования разграничения предметов ведения в Конституции Российской Федерации и конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации

Сенников Дмитрий Эдуардович,

соискатель ученой степени кандидата наук кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука, Российский государственный университет правосудия
E-mail: dmsennkov@gmail.com

Обеспечение реализации принципа правовой определенности является важнейшим звеном в выстраивании эффективной системы правового регулирования любой отрасли права. Не исключением является и правовое регулирование конституционных правоотношений, в том числе в части разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами.

Статья посвящена результатам анализа содержания предметов ведения, закрепленных в Конституции Российской Федерации и затрагивающих вопросы образования, подходам к определению собственных предметов ведения субъектами Российской Федерации. В статье сформулированы выводы о неоднозначности формулировок, закрепляющих предметы ведения, а также о допустимости применения отдельных практик определения собственных предметов ведения субъектами Российской Федерации. Результаты исследования могут стать основой для дальнейшего изучения вопросов разграничения предметов ведения и выработки предложений по актуализации положений нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: предметы ведения, федерация, федеративное устройство, образование, конституция.

В основе государственного устройства любого федеративного государства лежит разграничение вопросов, в которых уровни государственной власти обладают определенным уровнем автономности. Формы, сбалансированность и структура такого разграничения, как представляется, могут различаться в разных федерациях в зависимости от множества факторов: экономических, социальных, историко-культурных и пр. Наряду с этим при выстраивании федеративной модели важным является не только сбалансированная структура разграничения компетенций, отвечающая вызовам и задачам государственного строительства, но и достижение ситуации однозначного понимания границ собственных полномочий сторонами федеративных отношений. Иными словами, соблюдение принципа правовой определенности при выстраивании правового регулирования разграничения полномочий является важным шагом в развитии стабильно функционирующей и развивающейся федерации.

Не является исключением и Российская Федерация. Извилистая история построения современной модели федеративного устройства, включая советский период существования государства, содержит различные подходы к правовому регулированию разграничения компетенций (или, как будет правильнее отметить, предметов ведения). Представляется, что сформированная модель правового регулирования той части федеративных отношений, которая затрагивает основы формирования компетенции федерации и ее частей, является достижением и положительным итогом развития как государственного строительства в целом, так и законодательного процесса в России. Однако, некоторые положения законодательства требуют дополнительного совершенствования как в части повышения уровня правовой определенности вопросов определения компетенций, так и в части гармонизации положений нормативно-правовых актов различного уровня между собой.

Представляется, что соответствующие вопросы и задачи являются актуальными в том числе для конкретизации полномочий органов государственной власти различного уровня в области образования. Решение государственных задач в соответствующей области охватывает все уровни публичной власти – федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, местных органов власти.

Говоря о конституционном регулировании разграничения полномочий необходимо отметить, что вопросы образования разграничиваются между органами государственной власти уже на этапе разграничения предметов ведения: так, согласно положениям Конституции Российской Федерации к предметам исключительного ведения Российской Федерации отнесено установление единых правовых основ системы воспитания и образования, в том числе непрерывного образования, когда как к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов отнесены общие вопросы воспитания, образования.

Представляется, что «смежность» формулировок конституционного текста, устанавливающих соответствующие предметы ведения, не позволяют однозначно определить границы потенциальных возможностей для реализации собственных полномочий по таким предметам ведения, в том числе в части установления нормативного правового регулирования.

Примечательно, что в настоящее время федеральное законодательство предусматривает разные подходы к пониманию содержания «правовых основ».

Действующее законодательство Российской Федерации разного уровня раскрывает содержание дефиниции «правовые основы» различных в соответствующих федеральных конституционных законах и федеральных законах. Федеральный конституционный закон «О военном положении» [2] устанавливает перечень видов нормативных правовых актов (кроме того, указание на общепризнанные принципы и нормы международного права), которые составляют правовую основу военного положения (особого правового режима) в Российской Федерации. Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» [3] определяет как правовую основу перечень видов нормативных правовых актов, на основе которых осуществляет свою деятельность Правительство Российской Федерации. Наряду с этим Федеральный закон «О газоснабжении в Российской Федерации» [4] содержит такие главы и статьи как «Правовые основы функционирования и развития единой системы газоснабжения» и «Правовые основы развития единого рынка газа на территории Российской Федерации», которые регулируют вопросы правового статуса участников рынка газоснабжения, полномочия органов государственной власти и местного самоуправления и пр. Аналогичное понимание содержания понятия «правовая основа» можно встретить в Федеральном законе «О финансовой аренде (лизинге)» [5], Федеральном законе «Об экспортном контроле» [6].

В свою очередь ключевой для рассматриваемой области Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [7] не позволяет однозначно определить, какой подход применен при установлении правовых основ системы образования и воспитания, поскольку, во-первых, не содер-

жит структурных элементов, предусматривающее соответствующее наименование, во-вторых, определяет в качестве структуры области образования, так и правовое положение элементов системы образования в России.

Формулировка же такого предмета ведения как «общие вопросы» относительно давно является объектом критики со стороны научного сообщества. Например, В.Е. Чиркин отмечает [12], что формулировка «общие вопросы» оставляет неопределенность в практической реализации полномочий в рамках такого предмета ведения, поскольку любой из уровней власти, устанавливающий соответствующее регулирование, не предусматривает возможностей для дальнейшего регулирования другими уровнями власти. В свою очередь И.А. Умнова-Конюхова указывает [13], что общие вопросы «имманентно присущи федеральному регулированию», поскольку включают в себя «общие» для всех субъектов федерации вопросы, что, очевидно, следует из лингвистического смысла самой формулировки конституционного текста.

Применительно к предмету ведения «общие вопросы образования» исследователем вопросов правового регулирования вопросов образования В.М. Сырых была предпринята попытка охарактеризовать указанный предмет ведения следующим образом: «общие вопросы образования как вопросы, связанные с определением предмета, метода, целей и задач, источников, принципов и основных понятий законодательства об образовании как целостной и самостоятельной отрасли права» [14].

На взгляд автора, содержание такого предмета ведения как «общие вопросы» по умолчанию включает в себя вопросы правовых основ образования, тем самым создавая почву для пересечения предметов ведения между собой. Соответственно, конституционный текст предполагает, что к предметам совместного ведения относятся общие вопросы образования, за исключением установления единых правовых основ соответствующей системы. Принимая во внимание отсутствие однозначного понимания содержания предмета ведения «установление единых правовых основ системы образования и воспитания» сущность предмета ведения «общие вопросы образования» становится еще более расплывчатым.

Помимо прочего, представляется примечательным, что Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество» по вопросам исключительного ведения Российской Федерации (соответственно, в рамках рассмотренного ранее предмета ведения Российской Федерации) с 2020 года (то есть с момента выделения указанного предмета ведения) был внесен только один законопроект, касающийся наделения Правительства Российской Федерации полномочиями [15]. Соответственно, либо более по данному предмету ведения законопроектов не разрабатывалось (однако необходимо подчеркнуть относительно высокую интенсивность внесения изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Фе-

дерации»), либо у акторов законотворческого процесса также отсутствует единое понимание по вопросам разграничения таких предметов ведения.

Таким образом, однозначное отграничение одного предмета ведения от другого исходя из положений конституционного текста представляется достаточно проблематичным. Сложившаяся ситуация предполагает почву для раздумий о совершенствовании конституционного текста в целях последовательного развития к повышению уровня правовой определенности.

Неоднозначность формулировок конституционного текста, разграничивающих компетенции в области образования, не могло не отразиться на единстве подходов к пониманию собственных полномочий у субъектов Российской Федерации, что иногда проявляется, на взгляд автора, в некорректности формулировок конституций (уставов) некоторых субъектов Российской Федерации в части конкретизации самостоятельных предметов ведения субъектов.

Так, Конституция Карачаево-Черкесской Республики предусматривает положение о том, что в ведении Республики находится образование [9]. Однако, принимая во внимание конституционные формулировки статей 71 и 72 Конституции России, затрагивающие вопросы образования, данное положение представляется не вполне соответствующим положениям Конституции Российской Федерации. Аналогичное, но чуть более конкретное допущение содержится в Конституции Республики Саха (Якутия), которая отнесла к ведению Республики управление системой образования, когда как в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» система образования включает в себя элементы, подверженные исключительно федеральному регулированию, например, федеральные государственные образовательные стандарты [8].

Наряду с тем, что существенная часть субъектов Российской Федерации предпочитает не конкретизировать собственные предметы ведения в своих конституциях (уставах) представляется, что в отечественном правовом пространстве существуют, на взгляд автора, вполне удачные попытки конкретизировать собственные предметы ведения в сфере образования. Так, в соответствии с Конституцией Чеченской Республики Чеченская Республика [10] в пределах своей компетенции решает вопросы в сфере образования, а Устав Брянской области относит областные вопросы образования к предмету ведения Брянской области [11].

Таким образом представляется, что правовое регулирование разграничения предметов ведения на различных уровнях находится на определенном уровне взаимоувязанности, а уровень правовой определенности формирует основу для стабильно функционирующей системы государственного управления системой образования, в том числе в части установления нормативно-правового регулирования в соответствующей области. Кроме того, высокий уровень правовой определенности

снижает риски возникновения конфликтных ситуаций между федеральным центром и субъектами федерации в части вероятных споров о компетенции и обеспечивает почву для полноценного учета интересов как Российской Федерации в целом, так и субъектов Российской Федерации в частности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения 13.09.2024);
2. Федеральный конституционный закон от 31 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения 13.09.2024);
3. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения 13.09.2024);
4. Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения 13.09.2024);
5. Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения 13.09.2024);
6. Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения 13.09.2024);
7. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения 13.09.2024);
8. Конституция (Основной Закон) Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 1992 г. // ЭПЦ «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс] (дата обращения 01.06.2024);
9. Конституция Карачаево-Черкесской Республики от 5 марта 1996 г. // ЭПЦ «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс] (дата обращения 01.06.2024);
10. Конституция Чеченской Республики от 23 марта 2003 г. / ЭПЦ «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс] (дата обращения 01.06.2024);
11. Устав Брянской области от 20 декабря 2012 г. № 91-3 // ЭПЦ «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс] (дата обращения 01.06.2024);
12. Чиркин В.Е. Современный федерализм: сравнительный анализ. М. 1995. С. 52;
13. Умнова (Конюхова) И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. Учебно-методическое пособие. – М.: Дело, 1998. (2-е издание 2000 г.) – С. 170–175;
14. Сырых В.М. Принцип федерализма в российском законодательстве об образовании // Право и образование, 2004, № 1, С 39–54;
15. Система обеспечения законодательной деятельности государственной автоматизирован-

ной системы «Законотворчество» <https://sozd.duma.gov.ru/> [Электронный ресурс] (дата обращения 01.06.2024)

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE DELIMITATION OF OBJECTS OF JURISDICTION IN THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CONSTITUTIONS (CHARTERS) OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sennikov D.E.

Russian State University of Justice

Ensuring the implementation of the principle of legal certainty is the most important link in building an effective system of legal regulation of any branch of law. Legal regulation of constitutional legal relations is no exception, including in terms of delimitation of areas of jurisdiction between the Russian Federation and its subjects.

This article is devoted to the results of the analysis of the content of areas of jurisdiction enshrined in the Constitution of the Russian Federation and affecting education issues, approaches to defining their own areas of jurisdiction by subjects of the Russian Federation. The article formulates conclusions about the ambiguity of the wording that enshrines areas of jurisdiction, as well as the admissibility of the use of certain practices in defining their own areas of jurisdiction by subjects of the Russian Federation. The results of the study can become the basis for further study of issues of delimitation of areas of jurisdiction and the development of proposals for updating the provisions of regulatory legal acts.

Keywords: subjects of jurisdiction, federation, federal structure, education, constitution

References:

1. Constitution of the Russian Federation // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource] (date of access 09/13/2024);
2. Federal Constitutional Law of January 31, 2002 No. 1-FKZ "On Martial Law" // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource] (date of access 09/13/2024);
3. Federal Constitutional Law of November 6, 2020 No. 4-FKZ "On the Government of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource] (date of access 09/13/2024);
4. Federal Law of October 29, 1998 No. 164-FZ "On Financial Lease (Leasing)" // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource] (date of access 09/13/2024);
5. Federal Law of March 31, 1999 No. 69-FZ "On Gas Supply in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource] (date of access 09/13/2024);
6. Federal Law of July 18, 1999 No. 183-FZ "On Export Control" // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource] (date of access 09/13/2024);
7. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource] (date of access 09/13/2024);
8. Constitution (Basic Law) of the Republic of Sakha (Yakutia) of April 4, 1992 // EPC "GARANT System" [Electronic resource] (date of access 06/01/2024);
9. Constitution of the Karachay-Cherkess Republic of March 5, 1996 // EPC "GARANT System" [Electronic resource] (date of access 06/01/2024);
10. Constitution of the Chechen Republic of March 23, 2003 // EPC "GARANT System" [Electronic resource] (date of access 01.06.2024);
11. Charter of the Bryansk Region of December 20, 2012 No. 91-Z // EPC "GARANT System" [Electronic resource] (date of access 01.06.2024);
12. Chirkin V.E. Modern federalism: a comparative analysis. Moscow, 1995. Page 52;
13. Umnova (Konyukhova) I.A. Constitutional foundations of modern Russian federalism. Study guide. – Moscow: Delo, 1998. (2nd edition 2000) – Pages 170–175;
14. Syrykh V.M. The principle of federalism in Russian legislation on education // Law and education, 2004, No. 1, pp. 39–54;
15. The system of ensuring legislative activity of the state automated system "Lawmaking" <https://sozd.duma.gov.ru/> [Electronic resource] (date of access 01.06.2024)

Конституционность ограничения свободы предпринимательской деятельности в российских и международных правовых системах

Синица Андрей Иванович,

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: sinita.andrew.ivanovich@gmail.com

В статье представлена характеристика правовых основ государственного вмешательства в свободу предпринимательской деятельности, поставлена проблема о допустимых формах вторжения государственных институтов в бизнес-процессы, где проанализирован отечественный и зарубежный опыт. Государственное вмешательство охарактеризовано как вид правового регулирования осуществления предпринимательской деятельности. По итогам проведенного исследования сделаны следующие выводы: положения Конституции Российской Федерации позволяют федеральным органам власти вводить ограничения свободы предпринимательской деятельности. Современная отечественная юриспруденция обосновывает такие ограничительные меры публичными и частными интересами. Зарубежный опыт (стран Европы и США) настаивает на исключительном характере такого вмешательства. В Российской Федерации конституционно допустимые формы государственного вмешательства находятся в постоянном процессе совершенствования. Государство использует не только прямые административные формы (лицензирование), но и смешанные, основанные на частно-публичном партнерстве (например, обязательное членство в профессиональной саморегулируемой организации). Введение второго вида формы государственного вмешательства позволяет снизить «давление» бюрократического аппарата на бизнес и расширить границы свободы предпринимательской деятельности. Выделены признаки придания формам государственного вмешательства в бизнес-процессы допустимый характер: адекватность, соразмерность, пропорциональность, исключительность, законность. Конституционность проявляется в соответствии вводимых форм конституционным нормам. Объектом правового регулирования являются пределы (границы) вмешательства государства в осуществление предпринимательской деятельности, а не ее свободу.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, свобода предпринимательской деятельности, вмешательство, лицензирование, страхование ответственности, саморегулирование.

Введение

В Российской Федерации на конституционном уровне гарантировано «свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» (статья 34 Конституции Российской Федерации [1]). Конституционные акты многих стран, прежде всего, стран с развитой рыночной экономикой, «так же в том или ином виде закрепляют свободу предпринимательской деятельности» [7, с. 100]. Пределы и формы влияния государства на развитие бизнес-процессов являются одними из ключевых вопросов развития экономических отношений, при этом в условиях становления и функционирования рыночной экономики государственное вмешательство должно быть минимизировано. В то же время в XXI веке, как отмечает Е.М. Якимова, в Российской Федерации существенно изменилась концепция (цели и задачи, направления, формы) государственно-правового регулирования предпринимательской деятельности [17, с. 48]. Даже в условиях действующего моратория на проведение плановых проверок субъектов малого и среднего бизнеса, осуществляемых в рамках Федерального закона от 31.07.2020 N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [3], в научной литературе обосновывается позиция об усилении административных барьеров к развитию в России бизнеса. «Предпринимательская деятельность характеризуется как объект жесткого государственного контроля (надзора), что актуализирует изучение свободы предпринимательской деятельности» [17, с. 49] с позиции государственного вмешательства в бизнес-процессы. Как отмечает Н.Ю. Челышева, «изменение геополитической обстановки обусловило ужесточение ограничительных или специальных мер государственной политики в различных отраслях экономики России» [15, с. 18].

Свобода предпринимательской деятельности, как и свобода в целом, предполагает самостоятельный выбор средств достижения поставленной цели (в данном случае – получение прибыли). Но любое поведение ограничено, прежде всего, нормами действующего законодательства, гарантирующего не только права (возможности), но и устанавливающего определенные требования, ограничения и запреты. Основу правового государства составляет принцип законности, распространяющий свое действие на всех субъектов, в том числе на органы публичной власти и предпринимателей. При этом актуальным является решение вопроса о границах

(пределах) вторжения государства в деятельность субъектов предпринимательства, его допустимых и обоснованных формах в соответствии с нормами Конституции. Чрезмерное давление государства и необоснованное множество форм такого вмешательства являются предпосылкой для снижения интереса к ведению предпринимательства и его исчезновению.

Основная часть

Законность является одним из фундаментальных принципов ведения бизнеса в России и других государствах. Следовательно, деятельность субъектов предпринимательской деятельности должна соответствовать определённым нормативным требованиям, вводимым российским государством. Закрепляя свободу предпринимательской деятельности, «государство лишь обозначает вектор развития, направленный на предоставление человеку возможности путем применения своего и наемного труда создать интеллектуальный или материальный продукт и реализовать его на свободном рынке товаров и услуг» [17, с. 49].

Рассматривая свободу предпринимательской деятельности как предмет правового регулирования, отечественный и зарубежный законодатель в условиях рыночной экономики осуществляет правотворческую деятельность в направлении определения пределов и форм государственного вмешательства как исключительных мер, предотвращая возможный произвол и злоупотребление со стороны государственных органов, незаконное воздействие на бизнес-процессы. Государство, вводя определенные ограничения, запреты и требования, учитывает их исключительный характер применения, одновременно признавая другие меры неспособными обеспечить защиту публичных и частных интересов.

При формировании современных воззрений на данный вопрос учитываются не только экономические теории и взгляды, но и политические интересы государств (конституционные основы, обеспечение национальной безопасности, направленность внешней и внутренней политики, политический режим), отечественный и зарубежный опыт (положительный и негативный) правового регулирования предпринимательской деятельности. Следует отметить, что в Российской Федерации свобода предпринимательской деятельности неабсолютна. Наиболее полно причины и цели такого ограничения зафиксированы в Федеральном законе от 04.05.2011 N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [4]. Именно в данном нормативно-правовом акте российским государством обоснованы предпосылки (причины, основания) установления дополнительных повышенных требований к ведению отдельных видов предпринимательской деятельности. Так, государственное вмешательство в осуществлении бизнес-процессов возможно в целях «предотвращения ущерба правам, законным интересам, жизни или

здоровью граждан, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, обороне и безопасности государства, возможность нанесения которого связана с осуществлением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями отдельных видов деятельности» (п. 1 ст. 2 Федерального закона от 04.05.2011 [4]).

Конституционность (правомерность) ограничения, введения дополнительных требований к предпринимательской деятельности на системной основе обосновывал Конституционный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях. При этом вывод субъекта конституционного контроля по данному вопросу в течение всего периода его функционирования неизменен. В 2005 году Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении указал на критерии, которые должны учитываться Правительством Российской Федерации в процессе «разработки и введения новых форм государственного вмешательства в свободу предпринимательской деятельности и их совершенствования» [10; 11]. В качестве базовых критериев орган конституционного контроля называет соразмерность, адекватность и пропорциональность. Необходимо учитывать не только потребности государства, общества и неограниченного круга лиц в защите их прав и интересов, но и финансово-экономические возможности субъектов предпринимательской деятельности выполнить данные требования. Следовательно, по отношению к каждой форме государственного вмешательства должны быть определены причины, предпосылки, цели и задачи установления повышенных требований к осуществлению предпринимательской деятельности, пределы (границы) такого государственного вмешательства в бизнес-процессы.

В современной отечественной научной литературе отсутствует единый терминологический ряд, связанный с описанием механизма ограничения свободы предпринимательской деятельности. Ученые-правоведы определяют сущность государственного вмешательства через его соотношение с иными понятиями и институтами, описывающими процесс государственного влияния на бизнес. Так, О.Н. Ермолова «под ограничениями свободы предпринимательской деятельности рассматривает установление любых обязательных требований к предпринимательской деятельности, в том числе предусмотренных законодательством о техническом регулировании, о лицензировании, а также противопожарных, ветеринарных, санитарно-эпидемиологических, экологических и иных» [8, с. 143].

Необходимо соотнести такие понятия, как «государственное вмешательство» и «правовое регулирование», «государственное вмешательство» и «ограничение свободы предпринимательской деятельности». Например, Т.В. Приходько предлагает «ограничение прав рассматривать с позиции «вмешательства» государства в права и свободы человека и гражданина» [13, с. 84].

Полагаем, что правовое регулирование и государственное вмешательство соотносятся как общее и частное, так как цель первого заключается в воздействии на общественные отношения с помощью государственного нормативного регулятора, не только ограничивая свободу предпринимательской деятельности, но и вводя меры поддержки субъектов малого и среднего бизнеса. В то же время слово «вмешательство» по своей сущности имеет негативный оттенок, и его использование в правовом поле связывают с введением ограничений и запретов, применением прямых административных методов воздействия в регулировании предпринимательской деятельности. Ограничение свободы предпринимательской деятельности следует рассматривать как один из форматов проявления государственного вмешательства в осуществлении бизнес-процессов. Наряду с ограничениями, конституционно допустимые формы государственного вмешательства достаточно часто реализуются в качестве дополнительных требований к ведению определенного вида деятельности. В своих исследованиях М.В. Блошенко отождествляет ограничение с препятствиями, которые вводятся государством в интересах иных субъектов [5, с. 6]. Позволим не поддержать данное мнение ученого. С философской или экономической точки зрения такие ограничения являются, конечно, барьером для абсолютной свободы предпринимательской деятельности. Однако с позиции юриспруденции конституционно обоснованные ограничения позволяют бизнесу развиваться в рамках правового поля, не принося вред публичным и частным интересам. При этом введение федеральным законодателем определенных форм государственного вмешательства (ограничений, запретов и требований) должно быть соразмерным и обоснованным, не влечь за собой увеличение государственного сектора, сохраняя предпринимательство как фундаментальный (неотъемлемый) элемент рыночной экономики.

Установление ограничений, запретов и требований к ведению определенных видов предпринимательской деятельности направлено на защиту двух видов интересов: публичных (например, обеспечение национальной безопасности и государственного суверенитета) и частных (предоставление со стороны предпринимателей качественных товаров, работ и услуг, не причиняющих вред человеку).

Рыночная экономика основана на минимальном уровне вмешательства государства в регулировании предпринимательской деятельности. Так, «западная правовая доктрина исходит из преимущественного признания экономических отношений и поэтому делает акцент на ограничение публичной власти в целях развития предпринимательства» [13, с. 144]. Идеология государств Западной Европы, США, Канады исходит из принципа «ограничения власти в целях развития предпринимательства» [13, с. 145].

Не только представители западной науки, но и правоприменители исходят из приоритетности свободы предпринимательской деятельности перед многими другими гарантированными конституциями и иными правами. Социально-экономическое и юридическое значение для формирования американской концепции государственного вмешательства в свободу предпринимательской деятельности имеет судебный прецедент (дело Лохнера против Нью-Йорка, 1905 г.), утвердивший более 100 лет «приоритет интересов бизнеса в сравнении с трудовыми правами наемных работников» [9, с. 157].

В то же время и западная концепция защиты абсолютной свободы предпринимательской деятельности на современном этапе трансформируется в принцип баланса публичных и частных интересов при ведении бизнеса.

Следует отметить, что и западное, и российское право запрещает произвольное (необоснованное и неправомерное) вмешательство в свободу предпринимательской деятельности. Основанием для введения мер, направленных на установление определенных границ и пределов, выступают законные публичные и частные интересы, например, обеспечение национальной безопасности и государственного суверенитета, здоровья и жизни потребителей таких услуг, работ и товаров. Формы государственного вмешательства в свободу предпринимательской деятельности допустимы только в том случае, если они по всей экономико-правовой сущности адекватны сложившимся общественным отношениям, соразмерны и необходимы для защиты конституционных прав других контрагентов [18, с. 751].

И в западной, и отечественной науке вмешательство государства в развитие бизнес-процессов рассматривается как исключительная мера. Одним из приоритетных направлений проводимой в России административной реформы являлось ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регламентирования, а также развитие системы саморегулируемых организаций в области экономики.

В Конституции Российской Федерации прямо не перечислены допустимые формы государственного вмешательства в свободу предпринимательской деятельности. Они определены на уровне федеральных законов. В качестве таковых следует назвать: лицензирование, обязательное членство в специализированной саморегулируемой организации, страхование гражданско-правовой ответственности, запрет доминирующего положения и монопольной деятельности.

На первоначальном этапе развития предпринимательства в России наиболее часто Правительство Российской Федерации применяло институт лицензирования. Но как показала практика, не всегда наличие лицензии надежно защищало права потребителей и интересы государства. Постепенно количество лицензируемых видов пред-

принимательской деятельности сокращалось, вводились новые формы государственного вмешательства в свободу предпринимательской деятельности в формате установления дополнительных требований к осуществлению бизнеса, например, путем установления обязательного страхования гражданско-правовой ответственности отдельных видов деятельности. Замена лицензирования другими формами, с одной стороны, является результатом поиска эффективных и действенных форм защиты интересов, ради которых они вводятся. Но, с другой стороны, позволяет снизить административное давление на бизнес с вовлечением в данный процесс профессиональных предпринимателей [16, с. 67]. Как отмечено в правовой доктрине, «при введении саморегулирования законодатель рассчитывал, что данный институт позволит снизить степень влияния государственных органов исполнительной власти на свободные рыночные предпринимательские отношения» [14, с. 64]. Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что «саморегулирование является альтернативой институту лицензирования, при этом в такой замене находит выражение конституционный принцип соразмерности в правовом регулировании экономической деятельности» [12].

В лицензировании прослеживается прямое административное регулирование процесса открытия и осуществления предпринимательской деятельности (государство самостоятельно устанавливает требования к ведению определенных направлений бизнеса). Саморегулирование представляет собой формат частно-публичного партнерства в установлении таких требований. Именно профессиональное сообщество наделяется полномочиями осуществлять контроль за деятельностью субъектов конкретного вида предпринимательской деятельности.

Негативные последствия цифровизации общества потребовали установления дополнительных требований при осуществлении предпринимательской деятельности, связанной с применением новейших информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта [6]. В качестве допустимой формы государственного вмешательства в данной сфере органы государственной власти признали обязательное страхование гражданской ответственности субъектов экспериментального правового режима [2].

Таким образом, совершенствуя формы государственного вмешательства в свободу предпринимательской деятельности, Правительство Российской Федерации ориентируется на передачу таких полномочий определенным предпринимательским сообществам, тем самым демонстрируя снижение государственного влияния на бизнес-сектор. При этом виды предпринимательской деятельности, подлежащие лицензированию, практически не расширяются, активно также применяется страхование гражданской ответственности.

Следует отметить, что правительства различных государств в обязательном порядке анализи-

руют эффективность применяемых форм (ограничений, запретов и дополнительных требований), уровень защищенности интересов по итогам государственного вмешательства и востребованности данного вида деятельности у субъектов бизнеса. При получении отрицательного эффекта государства обычно заменяют «непригодную» форму на более эффективную. Как правило, в отношении отдельных видов деятельности применяется только одна форма государственного вмешательства. По сути, их коллаборация недопустима, так как применение двух и более форм влечет за собой увеличение необоснованной нагрузки на бизнес.

Заключение

Тема государственного влияния на бизнес-процессы неоднократно выступала предметом научно-прикладных исследований, правового регулирования и конституционного контроля.

Формы государственного вмешательства допустимы, если они адекватны, соразмерны, пропорциональны, обоснованы, установлены федеральным законодателем и направлены на обеспечение национальной и личной безопасности. Ограничения свободы предпринимательской деятельности, установленные государством, должны служить целям защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности страны.

Конституционность проявляется в том, что их введение и реализация соответствует нормам основного закона государства (конституции). Возможность ограничения свободы предпринимательской деятельности неоднократно подтверждал в своих правовых позициях Конституционный Суд Российской Федерации.

Представители отечественной и зарубежной юриспруденции указывают на исключительный характер государственного вмешательства (когда защита прав и свобод человека, интересов государства не может быть достигнута путем применения иных мер и способов).

Государственное вмешательство в свободу предпринимательской деятельности проявляется в форме ограничений, запретов и требований.

В течение всего периода становления рыночной экономики российское правительство совершенствует систему конституционно допустимых форм государственного вмешательства, постепенно переходя от прямых административных форматов к частно-публичному партнерству в данной сфере, например, от лицензирования к институту саморегулирования.

Отечественные и зарубежные исследователи указывают, что в процессе правового регулирования необходимо помнить, прежде всего, об обеспечении свободы предпринимательской деятельности и установлении пределов (границ) государственного вмешательства. Но обеспечение национальной безопасности и государственного сувере-

нитета требует поиска баланс заинтересованных в этом субъектов и представителей бизнеса. Важно обосновать введение каждой формы государственного вмешательства в свободу предпринимательской деятельности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. – 2022. – 06.10. (дата обращения: 03.09.2024)
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Российская газета. – 2020. – 06.08. – № 173.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Российская газета. – 2020. – № 171. – 05.08.
4. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – 09.05. – № 19. – Ст. 2716.
5. Блошенко М.В. Пределы и ограничения права на осуществление предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011. – 217 с.
6. Власти разработали механизм защиты от причиненного технологиями ИИ вреда. Расследованием таких случаев будет заниматься специальная комиссия URL: [Электронный ресурс] <https://www.rbc.ru/economics/07/12/2023/657063269a79470fdb112ac3> (дата обращения: 18.08.2024).
7. Губин Е.П. Использование позитивных обзвываний и запретов в предпринимательской деятельности // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права / Под общ. ред. В.Ф. Попондопуло, О.Ю. Скворцова. – М., 2005. – 567 с.
8. Ермолова О.Н. Принципы свободы и ограничения предпринимательской деятельности: реализация в нормативном регулировании и правоприменении // Вестник СГЮА. – 2017. – № 3 (116). – С. 142–146.
9. Лоуренс Ф. Введение в американское право. – М., 1993. – 234 с.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 ноября 2003 г. № 17-П «По делу о проверке ряда положений статьи 19 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» в связи с запросом Арбитражного Суда Псковской области и жалобой гражданина А.Н. Ганована» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 47. – Ст. 4586.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 мая 2005 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросами Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданки С.Н. Шевцова» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 23. – Ст. 2311.
12. Постановление КС РФ от 19 декабря 2005 г. N 12-П по делу о проверке конституционности абзаца восьмого п. 1 ст. 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – 16.01. – № 3. – Ст. 335.
13. Приходько Т.В. Современная модель ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2017. – 200 с.
14. Фархутдинов Р.Д. Эффективность саморегулирования в строительстве: монография. – М., 2016. – 128 с.
15. Чельшева Н.Ю. Защита прав предпринимателей в условиях применения государством мер, ограничивающих свободу экономической деятельности // Хозяйство и право. – 2023. – № 9. – С. 17–31.
16. Шувалов И.И. Проблемы определения пределов свободы усмотрения субъектов предпринимательской деятельности // Журнал российского права. – 2021. – № 6. – С. 66–74.
17. Якимова Е.М. Концепция свободы предпринимательской деятельности как элемент экономической основы конституционного строя в России и в мире: поиск оптимального решения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 1. – С. 47–51.
18. Amelin, R., Channov, S., Churikova, A., Lipchanskaya, M., Shindina, A., Sinitsa, A. The digital transformation of local government: notion and peculiarities // Revista Jurídica Unicuritiba I Curitiba I V.2, n.74 I e-4511 I abril-junho I p.751–766.

CONSTITUTIONALITY OF RESTRICTIONS ON FREEDOM OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN RUSSIAN AND INTERNATIONAL LEGAL SYSTEMS

Sinitsa A.I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article presents the characteristics of the legal foundations of state interference in the freedom of entrepreneurial activity, raises the problem of acceptable forms of intrusion of state institutions into business processes, where domestic and foreign experience is analyzed. State intervention is characterized as a type of legal regulation of entrepreneurial activity. Based on the results of the study, the following conclusions were drawn: the provisions of the Constitution of the Russian Federation allow federal authorities to im-

pose restrictions on the freedom of entrepreneurial activity. Modern domestic jurisprudence justifies such restrictive measures by public and private interests. Foreign experience (in Europe and the USA) insists on the exceptional nature of such intervention. In the Russian Federation, constitutionally permissible forms of state intervention are in a constant process of improvement. The state uses not only direct administrative forms (licensing), but also mixed ones based on private-public partnership (for example, mandatory membership in a professional self-regulatory organization). The introduction of the second type of form of state intervention makes it possible to reduce the “pressure” of the bureaucratic apparatus on business and expand the boundaries of freedom of entrepreneurial activity. The signs of making forms of government intervention in business processes acceptable are highlighted: adequacy, proportionality, proportionality, exclusivity, legality. Constitutionality is manifested in accordance with the introduced forms of constitutional norms. The object of legal regulation is the limits (boundaries) of state interference in the conduct of entrepreneurial activity, and not its freedom.

Keywords: entrepreneurial activity, freedom of entrepreneurial activity, intervention, licensing, liability insurance, self-regulation.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>. – 2022. – 06.10. (date of address: 09/03/2024)
2. Federal Law No. 258-FZ dated 07/31/2020 (as amended on 07/02/2021) “On Experimental Legal Regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation” // *Rossiyskaya Gazeta*. – 2020. – 06.08. – № 173.
3. Federal Law No. 248-FZ of 07/31/2020 (as amended on 08/08/2024) “On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation” // *Rossiyskaya Gazeta*. – 2020. – № 171. – 05.08.
4. Federal Law No. 99-FZ dated 05/04/2011 (as amended on 08/08/2024) “On licensing of certain types of activities” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – 09.05. – № 19. – Article
5. 2716.5. Bloshenko M.V. Limits and limitations of the right to conduct entrepreneurial activity: dis. ... cand. Jurid. sciences’. – Krasnodar, 2011. – 217 p.
6. The authorities have developed a mechanism to protect against the harm caused by AI technologies. A special commission will investigate such cases URL: [Electronic resource] <https://www.rbc.ru/economics/07/12/2023/657063269a79470fdb112ac3> (date of address: 08/18/2024).
7. Gubin E.P. The use of positive obligations and prohibitions in entrepreneurial activity // *Actual problems of science and practice of commercial law / Under the general editorship of V.F. Ponomopulo, O.Y. Skvortsova*. – M., 2005. – 567 p.
8. Ermolova O.N. Principles of freedom and restriction of entrepreneurial activity: implementation in regulatory regulation and law enforcement // *Bulletin of the SSU*. – 2017. – № 3 (116). – Pp. 142–146.
9. Lawrence F. Introduction to American law. – M., 1993. – 234 p.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 12, 2003 No. 17-P “In the case of verification of a number of provisions of Article 19 of the Federal Law “On State Regulation of production and Turnover of Ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products” in connection with the request of the Arbitration Court of the Pskov region and the complaint of citizen A.N. Hasanov” // *Assembly legislation of the Russian Federation*. – 2003. – No. 47. – Article 4586.
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 31, 2005 No. 6-P “On the case of checking the constitutionality of the Federal Law “On Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners” in connection with the requests of the State Assembly – El Kurultai of the Altai Republic, the Volgograd Regional Duma, a group of deputies of the State Duma and the complaint of citizen S.N. Shevtsov” // *Collection of legislation of the Russian Federation*. – 2005. – No. 23. – Article 2311.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 19, 2005 N 12-P in the case of checking the constitutionality of paragraph eight of paragraph 1 of Article 20 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” // *Collection of legislation of the Russian Federation*. – 2006. – 16.01. – № 3. – 335.
13. Prikhodko T.V. Modern model of restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany: constitutional and legal research: dissertation of the Candidate. Jurid. sciences’. – Irkutsk, 2017. – 200 p.
14. Farkhutdinov R.D. The effectiveness of self-regulation in construction: monograph. – M., 2016. – 128 p.
15. Chelysheva N. Yu. Protection of the rights of entrepreneurs in the context of the application by the state of measures restricting the freedom of economic activity // *Economy and law*. – 2023. – No. 9. – pp. 17–31.
16. Shuvalov I.I. Problems of determining the limits of discretion of business entities // *Journal of Russian Law*. – 2021. – No. 6. – pp. 66–74.
17. Yakimova E.M. The concept of freedom of entrepreneurial activity as an element of the economic basis of the constitutional system in Russia and in the world: the search for an optimal solution // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. – 2018. – No. 1. – pp. 47–51.
18. Amelin, R., Channov, S., Churikova, A., Lipchanskaya, M., Shindina, A., Sinitsa, A. The digital transformation of local government: notion and peculiarities // *Revista Jurídica Unicuritiba I Curitiba I V.2, n.74 I e-4511 I abril-junho I p.751–766*.

Законодательная реновация условий досрочного выхода на пенсию с помощью имущественных инструментов гражданина

Соколова Юлиана Евгеньевна,

старший преподаватель кафедры Трудового права и права социального обеспечения, Российский государственный университет правосудия
E-mail: sokolova.yuliana.91@mail.ru

Феськова Ольга Юрьевна,

старший преподаватель кафедры Трудового права и права социального обеспечения, Российский государственный университет правосудия
E-mail: olya.feskova@mail.ru

Статья посвящена теме законодательная реновация условий досрочного выхода на пенсию с помощью имущества. Автор проанализировал допустимость законодательной реновации, механизмы досрочного выхода на пенсию для граждан в части установления особых условий, в соответствии с которыми данное право будет зависеть от наличия у гражданина имущества, в первую очередь, недвижимого, которое по специальному договору может быть передано в собственность государства и впоследствии реализовано в качестве покрытия финансовых издержек, в связи с досрочным выходом гражданина на пенсию. Автор отмечает, что указанные законодательные векторы должны быть развиты в законотворческом процессе и конкретизированы после проведения общественных слушаний. Но необходимость введения указанного компенсаторного механизма для предоставления гражданам возможности осуществления досрочного выхода на пенсию за счет имеющихся у них активов, включая объекты недвижимости, сомнения не вызывает. В качестве единственного обязательного условия следует предусмотреть, что подобный чендж между государством и гражданином может быть осуществлен лишь только в том случае, если объект недвижимости у лица не является его единственным жильем.

Ключевые слова: досрочная пенсия, социальный фонд, недвижимость, имущество, пенсионное законодательство, гражданин.

В настоящей научной статье автору необходимо проанализировать допустимость законодательной реновации механизмы досрочного выхода на пенсию для граждан в части установления особых условий, в соответствии с которыми данное право будет зависеть от наличия у гражданина имущества, в первую очередь, недвижимого, которое по специальному договору может быть передано в собственность государства и впоследствии реализовано в качестве покрытия финансовых издержек, в связи с досрочным выходом гражданина на пенсию. Отметим, что целью настоящей научно – практической статьи является не формулирование и конкретизация законодательных предложений в данной сфере, а лишь установление общих векторов и подходов относительно обоснованной законодательной реновации механизма досрочного назначения пенсии гражданину с учетом индивидуальных размеров пенсии.

Современное нормативно – правовое регулирование общественных отношений, связанных с пенсионными механизмами уже пятый год как действует в новом ракурсе. Существенные изменения касаются постепенного увеличения пенсионного возраста российских граждан – по смыслу действующего законодательства такой возраст для лиц мужского пола составляет 65 лет, а для лиц женского пола – 60 лет.^[2] В соответствии с законодательством получить страховую пенсию по старости назначат с 65 лет мужчинам и с 60 лет женщинам[8]. А пенсию по государственному пенсионному обеспечению граждане Российской Федерации, достигшие возраста 70 и 65 лет (соответственно мужчины и женщины)[9]. Очевидно, что увеличение срока трудовой деятельности и как следствие оттягивание возможности выхода на пенсию по старости, в связи с увеличением допустимого возраста, встретило крайне противоречивую реакцию среди населения. Между тем, постепенное увеличение пенсионного возраста, на наш взгляд, требует от федерального законодателя предусмотреть впоследствии новые формы и механизмы реализации каждым лицом своего права в данной сфере и безусловно, новейшие механизмы реализации прав граждан в пенсионных правоотношениях не должны быть формализованными. Наоборот, реновация пенсионного законодательства должна быть более толерантной и чувствительной к индивидуальным потребностям конкретной личности, при этом, не забывая и о публично – правовых задачах и интересах. Полагаем, что важным шагом для установления баланса между частными и публичными интересами стала разработка факультета

тивных механизмов досрочного прекращения трудовой деятельности и оформления пенсии.

Высокая скорость развития общественных отношений несет не только положительные моменты, но и порождает обоснованные риски для российских граждан, которые в условиях как правовой, так и фактической жизненной неопределенности могут, к примеру, потерять работу, в том числе и из-за ухудшения состояния здоровья и так далее. В подобных ситуациях особой актуальностью у частных лиц пользуются вопросы возможного досрочного выхода на пенсию.

В научно – практической литературе на данный счет имеется множество мнений и замечаний, но все из них обладают общим лейтмотивом, в соответствии с которым установление новых альтернативных механизмов, позволяющих гражданину при наличии определенных условий обеспечить себе досрочный выход на пенсию, должно учитывать интересы всех заинтересованных лиц, к которым следует относить и органы государственного контроля, и социальный фонд и фонд медицинского страхования, федеральный бюджет, и конечно же самого гражданина.^[7]

Во многом подобные научно – практические воззрения относительно допустимой реновации пенсионного законодательства относительно возможности досрочного выхода на пенсию обусловлены требованиями соблюдения конституционного принципа равенства, в соответствии с которым все граждане равны перед законом и никому не может быть предоставлено больше возможностей или преимуществ, если только это не обусловлено объективными обстоятельствами, связанными с его правовым статусом.^[5] Кроме того, указанные научно – практические воззрения продиктованы требованиями конституционного принципа пропорциональности, установленного в части 3 статьи 55 Конституции РФ.^[4]

Применительно к пенсионному законодательству, данный принцип, раскрытый в многочисленных правовых позициях Конституционного Суда РФ, подразумевает, что любые дополнительные или факультативные механизмы, установленные федеральным законодателем, предоставляющие отдельным гражданам более выгодные или привилегированные полномочия, используя которые человек получает возможность видоизменения своего правового (пенсионного) статуса и тем самым, может по исключительно самостоятельному волеизъявлению прекратить свою трудовую деятельность, перейдя на социальное и финансовое государственное обеспечение, должны быть введены под условием, в соответствии с которым органы публичной власти взамен получали бы какое то возмещение (то есть компенсаторные активы).^[6]

Не забегая вперед отметим, что подобные факультативные механизмы, регламентирующие порядок досрочного выхода на пенсию в настоящее время существуют во многих зарубежных правовых порядках и в особенности пользуются большой популярностью в пенсионной системе США. Более того,

правоприменительный опыт пенсионной системы США свидетельствует о том, что сам по себе размер назначаемых пенсии, которой отнюдь не сопоставим с размером стандартной пенсии по старости, так как представляется весьма не большим, никак не отпугивает граждан, желающих воспользоваться правом досрочного выхода на пенсию; мотивом в данном случае, который преобладает перед финансовыми интересами, выступает желание как можно скорее заняться собственным здоровьем и отдыхом.^[3]

Примечательно, что ранее в практической юриспруденции уже производились исследования на предмет того, в каком размере граждане должны компенсировать государству в лице его публичных органов власти денежные потери в случае инициирования процедуры по досрочному выходу на пенсию. Подобные исследования в качестве общей закономерности указывают на то, что суммы денежных компенсаций являются значительными и фактически равнозначны стоимости объектов недвижимости. В научной литературе на данный счет справедливо отмечается, что большой объем компенсаций, который потребует возместить государству позволяет отдельным категориям граждан, согласных на производство манипуляции с недвижимым имуществом, реализовать свое право на досрочный выход на пенсию.^[10]

Представляется, что механизм реализации подобной даже не привилегии, а взаимовыгодного обмена между частным лицом и публичной властью в лице социального фонда и федерального бюджета, в собственность которого бы обращалась данная недвижимость или денежные средства от ее реализации с публичных торгов, есть допустимое законодательное явление, отвечающее современным реалиям. Представляется очевидным необходимость установления подобных механизмов, позволяющих осуществлять операции с недвижимым имуществом лица, желающего реализовать свое право на досрочную пенсию и как следствие регламентировать размер его досрочной пенсии. По крайней мере, многочисленные социальные опросы населения относительно целесообразности выхода на пенсию раньше срока свидетельствуют о том, что такой запрос в обществе имеется.

К слову, если немного абстрагироваться от вопросов пенсионного законодательства и обеспечения, то стоит сказать и о том, что в жилищном секторе социального жилья государство испытывает серьезную проблему, поскольку обеспечить каждого нуждающегося квартирой или хотя бы комнатой возможности не имеется – главной причиной подобной ситуации выступает банальная нехватка объектов в жилищном фонде. Полагаем, что введение в пенсионное законодательство механизма обращения в собственность жилья гражданином в качестве компенсации за предоставления ему права осуществления досрочного выхода на пенсию, может решить указанную жилищную проблему, позволив государству надлежащим и эффек-

тивным образом выполнять свои обязательства по предоставлению социального жилья нуждающейся категории граждан.^[1] Таким образом, введение в пенсионное законодательство компенсаторного механизма, предоставляющего гражданам возможность досрочного выхода на пенсию позволит решить несколько публичных задач.

Представляется, что для эффективной законодательной реновации пенсионного законодательства, следует разработать и методику исчисления пенсии, и организационные, технические меры, которые бы позволяли рассчитать объем необходимых затрат, подлежащих возмещению гражданами в доход государства за предоставление права на досрочный выход на пенсию, и допустимые источники финансирования, которые бы обеспечили покрытие имущественных публичных затрат.

Для разрешения задач, связанных с установлением механизма досрочного оформления пенсии гражданину по его личным мотивам и соображениям, желаниям, необходимо будет разработать методику, которая бы консолидировала и усилила взаимодействие между гражданином, социальным фондом, субъектами РФ и заинтересованными представителями бизнес сообщества.

Важно понимать, что вектор подобной пенсионной модели должен быть направлен и на удовлетворение потребностей государства, в частности на удовлетворение финансовых нужд бюджета, и не должен чересчур ущемлять финансовые интересы частных лиц, которые конечно же не могут в таком механизме рассчитывать на полноценный объем получаемых пенсионных выплат, но при этом, граждане не должны получать сугубо символические деньги.

Полагаем, что вектор установления и становления компенсаторного механизма досрочного выхода на пенсию гражданина за счет передачи в собственность государства своего недвижимого имущества следует развить в рамках следующих трех этапов пенсионного процесса.

Изначально, следует предусмотреть для граждан возможность самостоятельного определения размера желаемой в будущем пенсии, а также срок выхода на пенсию, равно как и желание использовать льготы или иные социальные услуги. Для удобства формирования волеизъявления гражданина следует разработать специальную форму на сайте региональных социальных фондов, результат заполнения которой оперативным образом бы отправлялся на рассмотрение ответственному должностному лицу, которое бы в свою очередь, исходя из запросов и потребностей гражданина, производило бы предварительный расчет и финансовый анализ потенциальных издержек, которые государство вынуждено будет понести вследствие предоставления конкретному гражданину права на досрочную пенсию.

Далее, данный предварительный отчет о количестве финансовых издержек и затрат со стороны государства направлялся бы гражданину либо в письменном, либо в электронном виде для озна-

комления с разъяснением правовых последствий оформления такой пенсии; с предоставлением конкретного и разумного срока для ответа по данному запросу (то есть для принятия окончательного волеизъявления). Представляется, что в случае получения от гражданина письменного согласия на стремление к несению установленных финансовых издержек, уполномоченный работник социального фонда начинает так называемый Due Diligence имущества гражданина, в процессе которого совместно с органами федеральной налоговой службы, Росреестра, будет установлен перечень недвижимого имущества гражданина, оценка которого бы позволила решить обоснованность желаний гражданина по досрочному выходу на пенсию.

На следующем этапе, переход к которому будет обусловлен наличием положительного заключения органов федеральной налоговой службы о финансовой (имущественной) состоятельности, достаточной для реализации права на досрочный выход на пенсию. При данном положительном заключении федеральной налоговой службы, руководитель территориального подразделения социального фонда дает поручение о разработке проекта досрочного выхода на пенсию в отношении конкретного гражданина; в рамках работы над данным проектом осуществляется взаимодействие с гражданином, в ходе которого еще раз работники социального фонда в письменном виде получают от последнего согласие на инициирование процедуры добровольного изъятия (перевода собственности) недвижимости, а также для уточнения и конкретизации сроков выхода на пенсию. Также, в рамках работы над проектом представляется важным оценить не только формальное наличие на право собственности у гражданина недвижимого имущества (его кадастровую стоимость, метраж, срок владения и количество собственников), но и произвести его личный визуальный осмотр для того, чтобы предварительно оценить его ликвидность и рентабельность, потенциальную потребность для потребителя. После документального анализа и визуального осмотра объекта недвижимости, который может осуществить конкретная риэлторская (юридическая) фирма, уполномоченный работник социального фонда устанавливает конкретную сумму, которая подлежит возмещению со стороны гражданина государству посредством манипуляции с объектом недвижимости.

К слову, следует предусмотреть в законодательстве, в том числе и в процессуальном (в первую очередь, в КАС РФ), возможность для гражданина в установленном законом порядке оспорить результат указанной проверки объекта недвижимости, осуществленной работниками социального фонда с привлечением ФНС и частной организации, в случае, если гражданин не согласен с порядком проведения проверки и(или) полагает, что финансовая оценка его объекта (то есть потенциального источника финансирования) является как необоснованно заниженной, так и завышенной.

На следующем заключительном этапе, когда окончательная сумма финансовых потерь государства в связи с утратой активной трудовой функции конкретным гражданином установлена, работник социального фонда окончательно выясняет у гражданина какой именно источник финансирования государственных убытков он желает выбрать. Дело в том, что сумма финансовых убытков может быть значительно ниже, чем стоимость объекта недвижимости и при таких обстоятельствах, осуществлять добровольное изъятие объекта просто нецелесообразно и вряд ли это будет пропорционально и справедливо по отношению к гражданину, который в пенсионных взаимоотношениях является слабой стороны. Вполне разумно при такой ситуации выяснить у гражданина о наличии у него иных источников финансирования, за счет которых он может покрыть убытки государству – это могут быть личные денежные сбережения, кредитные (заемные) средства, имущественные права требования и так далее.

Как только гражданином и социальным фондом будет определен источник финансирования убытков, проект досрочного выхода на пенсию отправляется на утверждение руководителю социального фонда в конкретном субъекте РФ.

В заключении отметим, что указанные законодательные векторы должны быть развиты в законодательном процессе и конкретизированы после проведения общественных слушаний. Но необходимость введения указанного компенсаторного механизма для предоставления гражданам возможности осуществления досрочного выхода на пенсию за счет имеющихся у них активов, включая объекты недвижимости, сомнения не вызывает. В качестве единственного обязательного условия следует предусмотреть, что подобный чендж между государством и гражданином может быть осуществлен лишь только в том случае, если объект недвижимости у лица не является его единственным жильем.

Литература

1. Балтина А.М. Оценка потребности в социальном жилье населения Российской Федерации // «Фундаментальные исследования». 2016. № 9–3 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Благодир, А.Л. Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации» (постатейный) / А.Л. Благодир, А.А. Кирилловых. – Москва: Юстицинформ, 2010. – 400 с. – ISBN 978-5-7205-1054-1. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/10509> (дата обращения 20.08.24)
3. Гущина М.В. Модель обоснования условий выхода на граждан ранее установленного срока с использованием источников финансирования, реализующих недвижимое имущество: финансовые инструменты, правовые реалии // «Социальное и пенсионное право». 2020 год. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Рос. газ. – 1993. – 25 декабря // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2019 года № 854-О // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.02.2019 года № 8-П // СПС «КонсультантПлюс».
7. Смирнова Н.В., Гущина М.В. К вопросу о развитии современной пенсионной системы России с целью обоснования возможности досрочного выхода на пенсию: методический аспект // «Экономика образования». 2019 год. № 6 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 28.12.2013 N 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 15.12.2001 N 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Якушкин, С.А. ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ / С.А. Якушкин // Бюллетень науки и практики. – 2017. – № 8. – С. 222–226. – ISSN 2414-2948. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/301636> (дата обращения 20.08.24)

LEGISLATIVE RENOVATION OF THE CONDITIONS OF EARLY RETIREMENT WITH THE HELP OF PROPERTY INSTRUMENTS OF A CITIZEN

Sokolova Ju.E., Feskova O.Yu.
Russian State University of Justice

The article is devoted to the topic of legislative renovation of early retirement conditions with the help of property. The author analyzed the permissibility of legislative renovation of early retirement mechanisms for citizens in terms of establishing special conditions, according to which this right will depend on the availability of a citizen's property, primarily real estate, which, under a special agreement, can be transferred to state ownership and subsequently implemented as coverage of financial costs, in connection with early retirement of a citizen. The author notes that these legislative vectors should be developed in the legislative process and specified after public hearings. But the need to introduce this compensatory mechanism to provide citizens with the opportunity to retire early at the expense of their existing assets, including real estate, is not in doubt. As the only mandatory condition, it should be provided that such a change between the state and a citizen can be carried out only if the real estate object of a person is not his only dwelling.

Keywords: early retirement, social fund, real estate, property, pension legislation, citizen.

References

1. Baltina A.M. Assessment of the need for social housing of the population of the Russian Federation // "Fundamental research". 2016. No. 9–3 // SPS "ConsultantPlus".
2. Blagodir, A.L. Commentary to Federal Law No. 111-FZ dated July 24, 2002 "On Investing funds to finance the funded part of a labor pension in the Russian Federation" (article by article) / A.L. Blagodir, A.A. Kirillov. – Moscow: Justicinform, 2010. – 400 p. – ISBN 978-5-7205-1054-1. – Text: electronic // Lan: electronic library system. – URL: <https://e.lanbook.com/book/10509> (date of access 20.08.24)
3. Gushchina M.V. Model of substantiation of conditions for access to citizens before the deadline using sources of financing that sell real estate: financial instruments, legal realities // "Social and pension law". The year 2020. No. 3 // SPS "ConsultantPlus".
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 05, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ) // Russian Gas. – 1993. – December 25 // SPS "ConsultantPlus".
5. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04/02/2019 No. 854-O // SPS "ConsultantPlus".
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/04/2019 No.8-P // SPS "ConsultantPlus".
7. Smirnova N.V., Gushchina M.V. On the issue of the development of the modern pension system in Russia in order to substantiate the possibility of early retirement: a methodological aspect // "Economics of education". The year is 2019. No.6 // SPS "ConsultantPlus".
8. Federal Law No. 400-FZ of 12/28/2013 "On Insurance pensions" // SPS "ConsultantPlus".
9. Federal Law No. 166-FZ dated 12/15/2001 "On State pension provision in the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus.
10. Yakushkin, S.A. PENSION REFORM IN RUSSIA: PROSPECTS FOR DEVELOPMENT / S.A. Yakushkin // Bulletin of Science and practice. – 2017. – No. 8. – pp. 222–226. – ISSN 2414-2948. – Text: electronic // Lan: electronic library system. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/301636> (date of access 20.08.24)

Правовое и организационное регулирование интеграции новых регионов в научно-образовательное пространство России

Сурилов Меир Нисонович,

к.э.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
E-mail: Surilov.MN@rea.ru

В статье рассматривается текущее состояние и перспективы дальнейшей интеграции новых регионов в отечественную образовательную и научную систему. Цель научной работы заключается в выработке, на основе содержательного анализа современной нормативной правовой базы, текущего состояния науки и системы образования в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Херсонской и Запорожской областей оптимальных путей дальнейшего их развития и интеграции в российское научное и образовательное пространство. В качестве методологической основы исследования использовались общенаучные и специальные методы познания: диалектико-материалистический, логический, компаративистский, герменевтический и иные. Результаты и предложения, отраженные в исследовании, могут найти свое широкое применение как на региональном, так и федеральном уровне с целью корректировки и улучшения действующего механизма интеграции научной и образовательной системы новых субъектов России. Выводы исследования заключаются в необходимости разработки и внедрения Стратегии развития системы образования и науки новых регионов до 2030 года и принятие на ее основе концепций для каждого из регионов.

Ключевые слова: интеграция, наука, научно-образовательное пространство, новые регионы, образование.

Осенью 2022 года произошло одно из знаменательных событий для новейшей истории российского государства – вхождение в состав четырех новых регионов в качестве полноправных субъектов Российской Федерации. Как показывает практика для их полноценной интеграции требуются значительные усилия, как федеральной, так и региональной власти. Опыт принятия Республики Крым и города Севастополя является прямым тому подтверждением. Вместе с тем необходимо отметить и одно из ключевых отличий – активная фаза боевых действий, военное положение, что обуславливает довольно специфический характер интеграционных процессов в указанных условиях.

Вхождение новых субъектов затрагивает без исключения все сферы общественных отношений, но особую значимость занимают образование и наука, которые представляют собой довольно сложную систему, где ключевыми целями являются: получение качественного образования жителями новых регионов, восстановление и развитие научного потенциала, повышение общей квалификации по значительному спектру профессий. Именно развитие образования и кадрового потенциала новых регионов России является залогом успешного развития как государства в целом, так и непосредственно новых субъектов, поскольку для реализации амбициозных планов развития страны необходимо наличие достаточного количества высококвалифицированных специалистов во всех сферах – от науки и технологий до государственного управления и социальной сферы. В связи с чем, развитие кадрового потенциала должно осуществляться в строгом соответствии с текущими и будущими интересами государства, а именно кадры должны обладать высоким уровнем компетенций для внедрения инноваций и технологического прогресса.

В то же время в самих субъектах также есть своя специфика. В частности, до начала СВО Запорожская и Херсонская области имели украинские образовательные стандарты, которые значительно отличаются от российских. В свою очередь в ДНР и ЛНР, ставшие независимыми еще в 2014 году, сформировали свои республиканские органы власти в сфере образования и науки, разработали и приняли соответствующие нормативные правовые акты взяв за основу ключевые принципы отечественного федерального законодательства.

Коренным переломом в научном и образовательном пространстве Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей стало их вхождение в состав Российской

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Федерации. По каждому из новых субъектов был принят отдельный федеральный конституционный закон, который, в том числе касался вопросов образования и науки. На примере такого законодательного акта – «О принятии в Российскую Федерацию ДНР ...» (№ 5-ФКЗ) [9], рассмотрим особенности правового регулирования научно-образовательных правоотношений.

Согласно положениям ч. 1 ст. 12 № 5-ФКЗ на территории России в полной мере, как признаются, так и действуют бессрочно, без необходимости наличия какого-либо подтверждения, за исключением случаев установленных рассматриваемым законом или самим документом, документы об образовании, которые были выданы в Украине или аналогичные документы об образовании и (или) о квалификации, выданные республиканскими должностными органами (организациями), действовавшие в ДНР на момент ее принятия. Аналогичные положения по своему содержанию и расположению в соответствующих федеральных конституционных законах касаются остальных новых субъектов.

Кроме того, следует отметить, довольно длительный период – до 1 января 2028 года, предоставленный для правового регулирования определения поставщика (подрядчика, исполнителя) в рамках осуществления закупок товаров, работ, услуг для выполнения научно-исследовательских и иных работ в сфере науки и высшего образования осуществляемый на основе нормативных правовых актов ДНР, принимаемых по согласованию с уполномоченными федеральными органами исполнительной власти – ч. 3 ст. 24 № 5-ФКЗ. Тождественный подход применяется и в отношении ЛНР, Запорожской и Херсонской областей.

Также на переходный период в ДНР, равно как и в других новых субъектах предусмотрена возможность установления отдельными нормативными правовыми актами порядка правового регулирования отношений в сфере образования и науки – ч. 15 ст. 31 (для Херсонской области – ч. 13 ст. 31 № 8-ФКЗ [10]).

В качестве юридических основ, закладывающих особый порядок правового регулирования, в рассматриваемой сфере стал принятый 17 февраля 2023 года соответствующий федеральный закон [12], в рамках которого законодательно установлено соответствие образовательных (образовательно-квалификационных) уровней, ученых степеней и званий присвоенных ранее в новых субъектах, их признание; обеспечены дополнительные гарантии для обучающихся, педагогических и научно-педагогических работников. Установлен переходный период (до 2026/27 года) для проведения государственной итоговой аттестации, приема абитуриентов и иных целей.

Значимым стало и распоряжение Правительства РФ [11], благодаря которому тридцать высших учебных заведений и одиннадцать научных организаций в новых субъектах были приняты в федеральную собственность, с наделением ключевы-

ми функциями и полномочиями в качестве учредителей выступили 11 федеральных министерств и агентств. Данная мера позволила полноценно запустить процесс профессиональной переподготовки преподавательских и управленческих кадров высшей квалификации.

Относительно возможностей подготовки научных кадров, то здесь следует отметить, что в течении 2015–2022 гг. в ДНР прошла успешная защита и присуждение ученых степеней 600 соискателям на основании решений высшей аттестационной комиссии республики [1]. В свою очередь в ЛНР с 2017 года состоялась защита 156 диссертаций [2]. В переходный период – до конца 2025 года определены особенности, присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий в новых субъектах [13]. То есть в данной сфере также происходит активная интеграция в российское научное пространство.

К тому же со стороны Минобрнауки России подготовлен целый пакет ведомственных приказов [6], направленных на урегулирование вопросов вхождения новых субъектов в образовательную сферу, а также план первоочередных мер [3]. Ключевые векторы данной деятельности определены на правительственном уровне [8]. В целом можно отметить, что в настоящее время созданы правовые основы для поэтапного вхождения новых регионов в российское научное и образовательное пространство.

Помимо позитивных аспектов, следует отметить ряд проблем организационного и правового характера в новых субъектах, текущее состояние интеграции и ближайшие перспективы. Для этого необходимо уточнить административно-экономические особенности функционирования научных и образовательных кластеров, которые сосредоточены именно в крупных городах. Для ДНР и ЛНР – это проблема не имеет такого значения, как для Запорожской и Херсонской областей, где региональные центры, в настоящее время находятся в отрыве от остальной территории субъекта. Экономический потенциал регионов довольно разнообразный, для народных республик – это в большей степени индустриальная сфера, относительно областей, то в их прерогативе аграрный сектор. Также необходимо отметить, что в течении 2014–2022 годов в ДНР и ЛНР уже сложилась система общего и профессионального образования, которая основывается на отечественных подходах. В свою очередь для Херсонской и Запорожской области вопрос перехода на новые стандарты стал довольно остро, так как принципы построения системы образования и науки, действовавшие при украинской власти в последнее десятилетие значительно разнятся с отечественными.

Также необходимо планомерно увеличивать текущие затраты на обучение и проведение научных исследований в новых регионах. Эта проблема не решается сугубо правовыми средствами, а требует значительного финансового и должного методического обеспечения, непрерывной

подготовки (переподготовки) профессорско-преподавательского состава, полноценного возрождения региональных научных школ. Зачастую заказчиком на проведение научно-исследовательских работ выступают региональные органы власти и коммерческие организации, при наличии у них потребности и материальных ресурсов. Но в условиях активных боевых действия на территории каждого из субъектов, данное направление уходит на второй план и местные ресурсы направлены в иное русло, поэтому здесь требуется поддержка федерального центра и целевое финансирование.

Для обеспечения безопасности участников образовательного процесса возникает насущная необходимость применения дистанционных систем обучения, что свойственно как для общего, так и профессионального образования. Однако данные вопросы требуют централизованного правового урегулирования, предоставление расширенного технического сопровождения по эффективному внедрению цифровых сервисов, обеспечение обучающихся и профессорско-преподавательского состава техническими средствами.

Кроме того, остро стоит вопрос о необходимости дополнительного финансирования оплаты труда научных и педагогических кадров в новых регионах для исключения их миграции в иные регионы. Это позволит активизировать процесс возвращения научных и педагогических кадров высшей квалификации, которые переехали в другие регионы, привлечь профессорско-преподавательский состав с иных регионов, сохранить молодых исследователей – выпускников, для развития научного потенциала, а также для качественного обеспечения высококвалифицированными специалистами предприятий и учреждений ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей.

Также необходимо несколько изменить существующие подходы по организации и проведению курсов повышения квалификации для профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений в новых субъектах. Наиболее целесообразным является механизм краткосрочной (на 4–5 месяцев) ротации научно-педагогических кадров с ведущими ВУЗами Российской Федерации. Например, в течении семестра профессор (доцент) находится постоянно и осуществляет трудовые функции на кафедре образовательного учреждения в новом регионе. Одновременно с этим на его место отправляется на стажировку сотрудник из соответствующего нового региона. Это позволит значительно повысить качество образовательного процесса, проводить постоянный обмен опытом и в течении 5–7 летнего периода планомерно обеспечить не только юридический, но и фактический переход на общероссийские стандарты высшего образования. С целью координации данного процесса необходимо создать в структуре центрального аппарата Минобрнауки России отдельный департамент, который будет специализироваться на сопровождении и коорди-

нации интеграции новых регионов в российское научно-образовательное пространство. В итоге это обеспечит более качественный процесс интеграции, оперативное реагирование на возникающие проблемы.

Немаловажным является и научная составляющая, в частности необходимо предусмотреть в императивном порядке создание объединенных диссертационных советов на новых территориях с привлечением в них ведущих ученых Российской Федерации. Действующим приказом Минобрнауки России [7], такая возможность предоставлена, в том числе установлен особый порядок для новых субъектов, однако он имеет диспозитивный характер. Создание только объединенных диссертационных советов, позволит достичь качественно нового уровня защиты диссертационных исследований, осуществить регулярный обмен опытом между членами научного сообщества рассматриваемых регионов и ведущих научных и образовательных учреждений России.

Также целесообразно пролонгировать процесс интеграции новых регионов за счет увеличения переходного периода. Текущие сроки не в полной мере соответствуют объему решаемых задач, их глубине. Большинство контрольных дат определяется периодом 2026/27 годов, однако этого недостаточно, наиболее оптимальным является увеличить данный период до 2030 года. И по итогу планомерно и качественно осуществить все этапы интеграции новых субъектов в научное и образовательное пространство России, а также гарантировать их полноценное участие, на общих условиях, во всех сферах общественной жизни, в том числе в новых программах, рассчитанных на период 2030–2036 годов.

Актуальным является и вопрос замены научного оборудования, обновление аудиторного фонда, доведения его до соответствия самым высоким стандартам. Особенно это значимо в условиях санкционного давления, когда профессорско-преподавательский состав новых субъектов по определению не может принимать участие в большинстве научных мероприятий за пределами Российской Федерации, как в силу действующих ограничений, так и довольно двойственной политики подавляющего большинства государства к представителям рассматриваемых регионов России.

О необходимости дальнейшего развития научного и образовательного пространства в новых регионах, согласно федеральным стандартам указывает и руководитель Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи, Л.А. Сиволап, для чего крайне необходимо техническое переоснащение, обеспечение инновационности образования, его соответствие запросам общества, а также взаимодействие с работодателями будущих выпускников. В качестве отправной точки данного процесса высказывается предположение о необходимости принятия стратегического акта, с целью выработки вектора дальнейшего

развития образовательных процессов [14, с. 170, 172]. В начале прошлого учебного года такая позиция была озвучена и на заседании Совета ректоров вузов ДНР, где руководитель ДонГУ, профессор С.В. Беспалова предложила разработать единую Концепцию развития высшего образования и науки в республике [5]. К тождественным выводам пришли представители образовательных учреждений ЛНР [4]. Исходя из этого необходимо отметить, что авторами упускается необходимость подготовки в первую очередь именно общей Стратегии развития системы образования и науки новых регионов, на период до 2030 года, с последующим включением в нее концептуальных направлений по каждому субъекту. Только после этого можно ставить вопрос о создании полноценного механизма интеграции новых территорий в научно-образовательное пространство России. Нормативные правовые основы в данной сфере, как отмечено ранее уже созданы, осталось решить организационные вопросы и задать вектор дальнейшего развития, с установлением ключевых маркеров, ответственных должностных лиц, реальных сроков выполнения поставленных задач, источников финансирования. Считаем оптимальным также рассмотреть возможность реализации на базе такого документа пилотный проект по всеобщей цифровизации системы образования и науки в новых регионах с возможностью распространения полученного опыта на территорию всего государства.

Литература

1. В ДНР с 2015 года ученые степени были присуждены более чем 650 соискателям. URL: <https://dan-news.ru/science/v-dnr-s-2015-goda-uchenye-stepeni-byli-prisuzhdeny-bolee-chem-650-soiskateljam/> (дата обращения: 22.09.2024).
2. Высшая аттестационная комиссия при Минобрнауки ЛНР прекратила свои полномочия. URL: <https://sovminlr.ru/novosti/31003-vyshshaya-attestacionnaya-komissiya-pri-minobrazovaniya-lnr-prekratila-svoi-polnomochiya.html> (дата обращения: 22.09.2024).
3. Дмитрий Чернышенко: Разработан план первоочередных мер по интеграции вузов новых территорий в научно-образовательное пространство России. URL: <http://government.ru/news/46714/> (дата обращения: 22.09.2024).
4. Концепцию развития образовательной системы ЛНР разработали в Центре знаний «Машук». URL: <https://znaniyerussia.ru/news/konceptiyu-razvitiya-obrazovatelnoj-sistemy-lnr-razrabotali-v-centre-znaniy-mashuk> (дата обращения: 22.09.2024).
5. На заседании Совета ректоров вузов обсудили работу в соответствии со Стратегией возрождения и развития ДНР. URL: <https://news.donnu.ru/2023/09/06/na-zasedanii-soveta-rektorov-vuzov-obsudili-rabotu-v-sootvetstvii-so-strategiej-vozhrozhdeniya-i-razvitiya-dnr/> (дата обращения: 22.09.2024).
6. Новые инициативы Минобрнауки России позволяют ускорить интеграцию новых территорий в российское образовательное пространство. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/63323/> (дата обращения: 22.09.2024).
7. О внесении изменений в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093: Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 21.06.2023 № 623. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240065> (дата обращения: 22.09.2024).
8. О порядке осуществления федеральными государственными образовательными организациями высшего образования, научными организациями в 2023–2026 годах отдельных функций по организации образовательной деятельности, научной деятельности, материально-техническому обеспечению образовательных организаций высшего образования и научных организаций, расположенных на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области: Постановление Правительства РФ от 14.04.2023 № 599 // СЗ РФ от 2023 г., № 17, ст. 3138.
9. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ // СЗ РФ от 2022 г., № 41, ст. 6930.
10. О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 8-ФКЗ // СЗ РФ от 2022 г., № 41, ст. 6933.
11. О принятии в федеральную собственность образовательных организаций высшего образования и научных организаций, находящихся на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.03.2023 № 750-р // СЗ РФ от 2023 г., № 14, ст. 2510.
12. Об особенностях правового регулирования отношений в сферах образования и науки в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской

области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 17.02.2023 № 19-ФЗ // СЗ РФ от 2023 г., № 8, ст. 1197.

13. Об особенностях присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий, предусмотренных системой государственной научной аттестации Российской Федерации, лицам, указанным в части 1 статьи 6 Федерального закона «Об особенностях правового регулирования отношений в сферах образования и науки в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 18.03.2023 № 415 // СЗ РФ от 2023 г., № 13, ст. 2272.
14. Сиволап Л.А. Реализация процесса перехода на единые стандарты Минобрнауки в новых субъектах Российской Федерации: определение основ проектирования будущего // Евразийская интеграция: современные тренды и перспективные направления: материалы международной научно-практической конференции (Омск, 14 марта 2023 года). – Омск, 2023. – С. 168–174.

LEGAL AND ORGANIZATIONAL REGULATION OF THE INTEGRATION OF NEW REGIONS INTO THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPACE OF RUSSIA

Surilov M.N.

Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the current state and prospects for further integration of new regions into the domestic educational and scientific system. The purpose of the scientific work is to develop, based on a meaningful analysis of the modern regulatory legal framework, the current state of science and the education system in the DPR, LPR, Kherson and Zaporizhia regions, optimal ways for their further development and integration into the Russian scientific and educational space. General scientific and special methods of cognition were used as the methodological basis of the study: dialectical-materialistic, logical, comparative, hermeneutic, etc. The results and proposals reflected in the study can be widely applied both at the regional and federal levels in order to adjust and improve the current mechanism for integrating the scientific and educational system of new subjects of the Russian state. The conclusions of the study are the need to develop and implement a Strategy for the development of the education and science system of new regions until 2030 and the adoption of concepts based on it for each of them.

Keywords: integration, science, scientific and educational space, new regions, education.

References

1. Since 2015, academic degrees have been awarded to more than 650 applicants in the DPR. URL: <https://dan-news.ru/>

- science/v-dnr-s-2015-goda-uchenye-stepeni-byli-prisuzhdeny-bolee-chem-650-soiskateljam/ (accessed: 09/22/2024).
2. The Higher Attestation Commission under the Ministry of Education of the LPR has ceased its powers. URL: <https://sovminlnr.ru/novosti/31003-vyssshaya-attestacionnaya-komissiya-priminobrazovaniya-lnr-prekratila-svoi-polnomochiya.html> (accessed: 09/22/2024).
3. Dmitry Chernyshenko: A plan of priority measures for integrating universities in new territories into the scientific and educational space of Russia has been developed. URL: <http://government.ru/news/46714/> (date of access: 09/22/2024).
4. The concept for the development of the LPR educational system was developed at the Mashuk Knowledge Center. URL: <https://znanierussia.ru/news/koncepciyu-razvitiya-obrazovatelnojsistemy-lnr-razrabotali-v-centre-znanij-mashuk> (date of access: 09/22/2024).
5. The work in accordance with the DPR Revival and Development Strategy was discussed at a meeting of the Council of University Rectors. URL: <https://news.donnu.ru/2023/09/06/nazasedanii-soveta-rektorov-vuzov-obsudili-rabotu-v-sootvetstvii-so-strategiej-vozhrozhdeniya-i-razvitiya-dnr/> (date of access: 09/22/2024).
6. New initiatives of the Ministry of Education and Science of Russia will speed up the integration of new territories into the Russian educational space. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/63323/> (date of access: 09/22/2024).
7. On Amendments to the Regulation on the Council for the Defense of Dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, for the Degree of Doctor of Sciences, approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated November 10, 2017 No. 1093: Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated June 21, 2023 No. 623. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240065> (date of access: September 22, 2024).
8. On the procedure for the implementation by federal state educational organizations of higher education, scientific organizations in 2023–2026 of certain functions for the organization of educational activities, scientific activities, material and technical support of educational organizations of higher education and scientific organizations located in the territories of the Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Zaporizhia region, Kherson region: Resolution of the Government of the Russian Federation of 14.04.2023 No. 599 // Collected Legislation of the Russian Federation of 2023, No. 17, Art. 3138.
9. On the admission of the Donetsk People's Republic to the Russian Federation and the formation within the Russian Federation of a new subject – the Donetsk People's Republic: Federal Constitutional Law of 04.10.2022 No. 5-FKZ // Collected Legislation of the Russian Federation of 2022, No. 41, Art. 6930.
10. On the admission of the Kherson region to the Russian Federation and the formation of a new subject within the Russian Federation – the Kherson region: Federal Constitutional Law of 04.10.2022 No. 8-FKZ // SZ RF of 2022, No. 41, Art. 6933.
11. On the acceptance into federal ownership of higher education institutions and scientific organizations located in the territories of the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, the Zaporizhia region and the Kherson region: Order of the Government of the Russian Federation of 29.03.2023 No. 750-r // SZ RF of 2023, No. 14, Art. 2510.
12. On the specifics of legal regulation of relations in the spheres of education and science in connection with the admission of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia Oblast, Kherson Oblast to the Russian Federation and the formation of new entities within the Russian Federation – the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia Oblast, Kherson Oblast and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 17.02.2023 No. 19-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation of 2023, No. 8, Art. 1197.
13. On the specifics of awarding academic degrees and conferring academic titles, provided for by the system of state scientific certification of the Russian Federation, to persons specified in Part 1 of Article 6 of the Federal Law “On the specifics of legal regulation of relations in the spheres of education and science in connection with the admission of the Donetsk People's

Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia Oblast, Kher-
son Oblast to the Russian Federation and the formation of new
subjects within the Russian Federation – the Donetsk People's
Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia Oblast, Kher-
son Oblast and on amendments to certain legislative acts of the
Russian Federation⁹, and on amendments to certain acts of the
Government of the Russian Federation: Resolution of the Gov-
ernment of the Russian Federation of 18.03.2023 No. 415 // Col-

lected Legislation of the Russian Federation of 2023, No. 13,
Art. 2272.

14. Sivolap L.A. Implementation of the process of transition to uni-
form standards of the Ministry of Education and Science in new
subjects of the Russian Federation: definition of the foundations
for designing the future // Eurasian integration: modern trends
and promising directions: materials of the international scientif-
ic and practical conference (Omsk, March 14, 2023). – Omsk,
2023. – P. 168–174

Информационные потребности органов публичной власти в сфере правоохранительной деятельности

Терентьев Александр Викторович,

профессор, кандидат юридических наук, Московский педагогический государственный университет
E-mail: aterentev063@gmail.com

В статье изложены научные обоснования о необходимости дальнейшего изучения и безотлагательного разрешения проблем, связанных с постоянно возникающими потребностями органов публичной власти в информировании их органами правопорядка о состоянии преступности и её влиянии на социальные, экономические и политические процессы в современном обществе. Как показывает практика возникают определённые трудности в получении необходимых сведений по запросам тех или иных представителей властных структур из информационной базы МВД России, в связи с чем достаточно часто запросы остаются неудовлетворёнными.

Внедрение новейших IT технологий привело к значительным изменениям на всех этапах прохождения информации от непосредственного исполнителя до потребителя, принятии управленческих решений в ходе планирования и прогнозирования дальнейших событий, принимаемых мер по поддержанию правопорядка. Модернизация указанных процессов послужила дополнительным импульсом к пересмотру общего методологического подхода в разработке специальных методик, предписывающих конкретные действия по работе с информацией и предоставление её в аппараты власти.

Автор предлагает ряд выводов и предложений, направленных на совершенствование системы информационного обеспечения ОВД.

Ключевые слова: информационные потребности, публичная власть, информационное обеспечение, правопорядок, правовое регулирование, соблюдение законности, взаимодействие, органы внутренних дел.

Российское правовое государство предполагает усиление роли всех органов публичной власти по выработке конкретных мер, гарантирующих защиту личности, общества и государства от преступных посягательств [1, ст. ст. 2, 18, ч. 3 ст. 35]. Обеспечение национальной безопасности зависит от реализации ими правовых, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам её безопасности [2, ст. 5]. В государственных документах указывается, что решения и меры, принимаемые органами публичной власти в области борьбы с преступностью, должны быть открытыми, конкретными и понятными каждому гражданину [3]. Автор убеждён, что именно на таком, законодательно обоснованном фундаменте и должны формироваться все информационные потребности комиссий и отдельных должностных лиц, представляющих аппараты государственной власти, в том числе представительной и исполнительной.

Важное значение имеет комплексный системный подход к организации профилактической работы органами всех ветвей власти на местах, используя свои властные полномочия на правоохранительные структуры, учреждения, организации, они способны объединить и сконцентрировать усилия всех уполномоченных лиц на предупреждение правонарушений. Роль органов внутренних дел в этих условиях основополагающая. Ведь только они обладают полной и качественной информацией о состоянии преступности и правопорядка, причинах и условиях правонарушений.

Внедрение новейших IT технологий привело к значительным изменениям на всех этапах прохождения информации от непосредственного исполнителя до потребителя, принятии управленческих решений в ходе планирования и прогнозирования дальнейших событий, принимаемых мер по поддержанию правопорядка. Модернизация указанных процессов послужила дополнительным импульсом к пересмотру ряда положений, касающихся правовых и организационных вопросов методики подготовки и предоставления ОВД информационных материалов в соответствующие властные структуры. В общем виде под информацией следует понимать сведения, данные, снимающие неопределённость с какого-либо вопроса, связанного с познанием реального процесса [4].

Как показывает практика имеются сложности в получении необходимых сведений по запросам тех или иных представителей властных структур из информационной системы органов внутренних дел. При подготовке запросов руководители тех

или иных властных структур, направляют запрос, некорректно или не точно формулируя свои требования, порой направляя запрос без достаточного знания возможностей информационной системы, в свою очередь правоохранительные органы стремительно совершенствуя базы данных, отказываясь от устаревшего программного обеспечения, не информируя своевременно властные структуры о внесении ими изменений и имеющихся возможностях, в связи с чем достаточно часто запросы остаются неудовлетворёнными.

В связи с чем возникла необходимость дальнейшего изучения и безотлагательного разрешения проблем, связанных с постоянно возникающими потребностями органов публичной власти в информировании их органами правопорядка о состоянии преступности и её влиянии на социальные и политические процессы в современном обществе. Особое значение необходимо уделить характеристике указанных потребностей.

Поступающие в ОВД запросы от органов публичной власти как потребителей информационного продукта должны основываться, прежде всего, на конкретных требованиях к подготовке информации и их видения решения данной проблемы, с учётом реальных возможностей органов внутренних дел, и как к изготовителю и поставщику информационного продукта должны учитывать также имеющиеся у них ресурсы (силы и средства в качественном и количественном отношении, а также время подготовки и предоставления запрашиваемых данных). Поэтому очевидно, что без учета людских возможностей в области борьбы с преступностью ничего делать нельзя [5]. Данные обстоятельства представляет существенный момент в общей проблеме выявления и анализа потребностей рассматриваемых органов по созданию информационной системы.

В ходе работы специальных подразделений ОВД информация обрабатывается и анализируется, с её помощью выявляются определённые тенденции, имеющими место в системе, за её пределами, на основании которых формулируются выводы, предложения и рекомендации. Их содержание направлено на своевременное устранение встающих перед обществом проблем (противоречий и несоответствий), правильной их оценке, определение объективных целей и взвешенных реально выполнимых задач, выбор наиболее целесообразных путей и средств их решения, поиск ответов на вопросы.

Что касается последовательности технологических этапов, то она, как правило, существенно сложнее, поскольку после завершения ввода данных и начала их обработки чаще всего поступают дополнительные и корректирующие данные, отражающие меняющуюся ситуацию и исправление ошибок, неизбежно в виде какой-то доли присутствующих в составе ранее поступивших данных. Из сказанного вытекает, в частности, необходимость на основе вышеприведенного общего методологического подхода в разработке специальных

методик, отражающих эти сложности и учитывающих их в предписываемых конкретных действиях по работе с информацией.

Уровень информационного обеспечения того или иного органа (должностного лица) во многом зависит не только от соответствия качества и объёма поставляемой информации объективным потребностям в ней, но и от налаженной организации процесса обслуживания, чёткого разграничения компетенции служб, поставляющих информацию, от использования рациональных форм и сроков её предоставления, технического переоснащения и управленческой культуры.

Одной из наиболее важных проблем, стоящих перед нашим обществом сегодня том, что всё новое и прогрессивное, продолжают служить старым целям, тогда как складывающаяся глобальная ситуация требует нового набора всевозможных вариантов ценностных ориентиров. Необходимо внести совместные с представителями органов власти на различных уровнях коррективы в организацию деятельности ОВД, обеспечить аналитические обоснования путей и средств разрешения существующих проблем, включая оценку достоинств и слабостей различных вариантов, возможные негативные последствия от их реализации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 23.08.2024).
2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669 (дата обращения: 15.09.2024).
3. Кононов А.М. О разграничении полномочий государства и местного самоуправления в области охраны общественного порядка / Теория и практика управления органами внутренних дел в условиях реформирования системы МВД России: сборник статей. – М.: Академия Управления МВД России, 2003. С. 48.
4. Ребрий В.А. Социологическое измерение в информационном обеспечении управленческой деятельности органов внутренних дел. – М. Академия управления. 2004. С. 12, 111.
5. Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. – М., Юрид. лит., 1996. С. 159.

INFORMATION NEEDS OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE FIELD OF LAW ENFORCEMENT

Terentyev A.V.

Moscow Pedagogical State University

The article presents scientific justifications for the need for further study and urgent resolution of problems related to the constantly emerging needs of public authorities in informing them by law enforcement agencies about the state of crime and its impact on social, economic and political processes in modern society. As practice shows, there are certain difficulties in obtaining the necessary information at the request of certain representatives of government

structures from the information base of the Ministry of Internal Affairs of Russia, in connection with which requests often remain unsatisfied.

The introduction of the latest IT technologies has led to significant changes at all stages of passing information from the direct contractor to the consumer, making managerial decisions during planning and forecasting further events, and taking measures to maintain law and order. The modernization of these processes served as an additional impetus to the revision of the general methodological approach in the development of special techniques prescribing specific actions for working with information and providing it to government offices.

The author in his article offers a few conclusions and suggestions aimed at improving the information support of the Department of Internal Affairs on the state of law and order.

Keywords: Information needs, public authority, information support, law and order, legal regulation, observance of legality, interaction, internal affairs bodies.

References

1. Constitution of the Russian Federation https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (date of access: 23.08.2024).
2. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669 (date of access: 15.09.2024).
3. Kononov A.M. On the delimitation of powers of the state and local government in the field of public order protection / Theory and practice of management of internal affairs bodies in the context of reforming the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: collection of articles. – M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. P. 48.
4. Rebriy V.A. Sociological dimension in information support for the management activities of internal affairs bodies. – M. Academy of Management. 2004. P. 12, 111.
5. Karpets I.I. Modern problems of criminal law and criminology. – M., Legal lit., 1996. P. 159.

Реализация принципов государственной политики в сфере занятости населения в системе правового регулирования трудовых отношений

Хабибуллина Гульнара Рушановна,

профессор, д.н. (доцент), кафедра конституционного и административного права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
E-mail: gulnarakh@inbox.ru

Галеев Руслан Ильгизярович,

аспирант, кафедра конституционного и административного права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
E-mail: moyopismo@gmail.com

В статье рассматриваются публичные социальные отношения, которые возникают в процессе правового обеспечения, организации и реализации государственной политики в области трудовой деятельности населения – это принципы государственной политики. Именно принципы становятся определяющими началами для понимания сущности правовых норм и механизмов функционирования государства в сфере занятости. Задача понимания их содержания – это фундаментальный вопрос не только для теории, но и для практической деятельности, направленной на формирование гарантий реализации и защиты конституционных прав граждан, в частности права на труд. Методологическая основа исследования – следующие методы исследования: синтеза, анализа, дедукции и иные. Новизна исследования определяется установлением значения сущности политики, проводимой государством, направленной на обеспечение занятости населения через анализ ключевых принципов, которые заложены в ее основу.

Ключевые слова: государство, население, политика, принцип, занятость, защита, труд.

Концепции прав и свобод человека формировались на протяжении многих столетий, отражая ключевые потребности каждой эпохи. Например, в XVIII веке были закреплены гражданские и политические права, а после завершения Второй мировой войны получили признание и утверждение права, связанные с трудом и занятостью.

Первым международным актом, признающим трудовые права, стала Всеобщая декларация прав человека 1948 года, в частности ее статьи 22–26. Эти положения были позже использованы в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, а также в Европейской социальной хартии и других документах международного права.

Обязанности правительства:

- Защита своих граждан от безработицы, отрицательных последствий неуправляемого рынка.
- Выполнение мер, чтобы обеспечивать социальные экономические права, в т.ч. гарантии в сфере труда, занятости.
- Предоставлять гражданам необходимый доход, чтобы обеспечивать достойное качество жизни, возможности для личностного развития.
- Помощь в создании требуемых условий, чтобы удовлетворять базовые потребности.

Отмечено, что долговременная безработица может нанести настолько серьезный ущерб здоровью человека, при этом влияя на его психическое и физическое состояние, что его последствия сопоставимы с лишением гражданских и политических прав.

Таким образом, работа и возможности занятости играют важную роль в гармоничном развитии личности, позволяя ей реализовать себя в экономической сфере.

Они удовлетворяют стремления человека самовыражаться с помощью духовного удовлетворения, физического здоровья, материального благополучия.

Государство должно принимать активные меры для создания благоприятной среды для занятости, поощрять предпринимательство и инновации, развивать образование и профессиональную подготовку, чтобы граждане имели возможность реализовывать свои трудовые права.

Учитывая стратегические планы развития России на предстоящее десятилетие, особое внимание уделяется вопросам безработицы и бедности как серьезным социальным вызовам, которые требуют принятия срочных мер.

Конституция Российской Федерации утверждает основополагающее право граждан на защиту от безработицы, подразумевая тем самым гарантированную возможность каждого человека зарабатывать средства к жизни посредством личного труда [3].

Эти гарантии находят отражение в федеральном законе «О занятости населения в РФ» от 19 апреля 1991 года № 1032–1, который закладывает фундамент для государственной политики в области трудоустройства и предотвращения безработицы.

Ст. 5 данного Закона указывает на наличие потребности в создании государством условий для продуктивной, полной занятости граждан.

Выполнение указанной политики ориентируется на решение следующих задач:

- Защита национального рынка труда и обеспечение его стабильности.
- Развитие и оптимизация использования трудовых ресурсов при увеличении их мобильности.
- Обеспечение равенства шансов для всех граждан в достижении трудовых прав, включая право на выбор профессии и места работы.
- Поддержка индивидуальной инициативы в области труда и предпринимательской деятельности населения.

Цель реализации указанных мер заключается в интеграции каждого человека в экономически и социально здоровый коллектив, что выступает в качестве основы для стабильного развития общества, государства.

Государственная политика занятости на территории РФ стремится:

1. Поддерживать трудовую занятость и обеспечивать эффективную защиту граждан в поиске работы, обеспечивая необходимые условия для обеспечения наиболее успешного трудоустройства.

2. Основываться на установленных принципах (конституционных), требовать подхода (комплексного) и включать соответствующие меры, в частности, организационного, а также экономического и правового характера.

Уровень занятости населения представляет собой один из ключевых экономических показателей для каждого государства, который охватывает широкий диапазон общественной жизни и затрагивает все сферы экономики. Значимость такой проблемы, как уровень занятости населения, объясняется не только закреплением в Конституции РФ прав граждан на труд и свободный выбор занятости, но также и развитием правового регулирования рынка труда и кодификацией трудового законодательства на территории РФ.

Государственная политика занятости населения реализует важнейшие стратегии, ориентированные на современные требования рынка труда. Ключевыми областями действия являются:

1. Повышение гибкости трудового рынка: акцентируется внимание на стимулировании мобильности рабочей силы и улучшении её приспособля-

емости к изменениям экономики для оптимизации распределения трудовых ресурсов.

2. Стимулирование трудовой и предпринимательской активности: разрабатываются новые программы и инструменты, цель которых – поддержка граждан в осуществлении их профессиональных планов и бизнес-инициатив.

3. Поддержка профессионального обучения и развитие квалификаций: выполняются действия, направленные на обеспечение гражданам возможностей для профессионального и карьерного развития, что способствует достижению стабильности и качества на рынке труда [4].

Один из основных векторов реализации социально-экономической политики государства традиционно образует работа по обеспечению занятости населения, формированию рабочих мест и сокращению количества граждан, обладающих статусом безработных. Задача государства состоит в формировании такого рынка труда, который способен установить баланс отношений занятости населения на основе партнерства с другими участниками рынка.

Современное развитие государства в условиях санкций и распространения коронавирусной инфекции Covid-19 стали факторами значительно повлиявшими на качественные и количественные изменения в рассматриваемой сфере. Ситуация усугубилась с началом проведения специальной военной операции на Украине, вызвавшей уход с российского рынка зарубежных инвесторов и предпринимателей во всех сферах жизнедеятельности и хозяйствования, некоторые категории граждан лишились своих рабочих мест и постоянного заработка. Масштабы прибывших в Российскую Федерацию беженцев косвенно затронули безработицу.

Государственное управление в сфере занятости населения воздействует на социально-экономические и демографические показатели развития страны, а также становится залогом успешного воспроизводства рабочей силы. Занятость становится ключевым фактором для развития общества в целом и удовлетворения нужд и потребностей отдельно взятой личности [1].

Политика государства, направленная на стимулирование занятости граждан, является неотъемлемым аспектом конституционных прав граждан в социальном государстве. Она необходима для регулирования свободного использования имеющихся способностей для предпринимательской и иной деятельности. Политика направлена на удовлетворение потребностей общества и рыночных требований, а также на достижение баланса непосредственно между предложением рабочей силы и рабочими местами, а также повышением уровня эффективности существующих уже рабочих мест.

Государственная политика по стимулированию занятости также способствует развитию трудового и интеллектуального потенциала населения. Она призвана улучшить систему обучения и переобучения, чтобы граждане могли развивать свои навыки и адаптироваться к изменениям на рынке труда.

Поэтому важно создать условия для постоянного обучения и повышения квалификации работников, чтобы они могли успешно конкурировать на рынке труда.

Политика занятости определяется задачами, целями и принципами, включая основные принципы, утвержденные в Конституции РФ (ст. 39), Законе о занятости в РФ (ст. 5) и других законодательных актах.

1-ый принцип – свобода труда. Это означает, что каждый гражданин имеет право свободно выбирать вид деятельности и место работы. Государство обязано создавать условия для реализации этого права.

2-ой принцип – обеспечение для каждого гражданина России равных возможностей в реализации права на добровольную трудовую деятельность. Это означает, что никто не должен быть дискриминирован при поиске работы или в процессе трудоустройства.

3-ий принцип – свободный выбор занятости. Каждый человек имеет право самостоятельно выбирать вид деятельности и трудоустройство в соответствии со своими интересами и способностями.

4-ый принцип – обеспечение в сфере занятости граждан требуемой социальной защиты. В обязанности государства входит создание механизмов для оказания социальной поддержки каждому, кто не имеет работы или имеет ограниченные возможности здоровья.

5-ый принцип – установление гарантий от государства защите трудовых прав работников, обеспечение надзора и контроля непосредственно за их соблюдением. Государство должно гарантировать соблюдение трудовых прав работников и контролировать их соблюдение со стороны работодателей.

Важно отметить, что эти принципы не являются исчерпывающим списком, и государство может принимать дополнительные меры и программы для содействия занятости населения [7].

В сфере занятости Государственная политика основана непосредственно на принципе дифференцированного подхода к соцзащите различных групп безработных, с акцентом на тех, кто нуждается в особой поддержке. Также учитываются ситуации кризисного характера на рынке труда в проблемных районах.

Второй принцип заключается непосредственно в обеспечении безработных приемлемым уровнем социального благосостояния с использованием основанных на науке и закрепленных в законе социально-экономических нормативов, таких как потребительская корзина, прожиточный минимум и бюджеты потребления.

Третий принцип – это гибкость и эффективность в соцзащите безработных. Очень важно оперативно регулировать законодательство, основываясь на возможностях экономики. Следует избегать декларативности, определять механизмы реализации прав безработных и их обеспечение.

Четвертый принцип социальной защиты безработных предполагает успешное сочетание цен-

трализованного и локального регулирования. Эта система обеспечивает полное покрытие потребностей населения благодаря взаимодействию различных уровней власти.

Основной акцент сделан на системе социального партнерства (ключевой для решения проблем занятости и поддержки безработных). Заключение договоров (отраслевых, генеральных, а также коллективных) обеспечивает гибкий подход к изменяющимся условиям на рынке труда.

На местном уровне активную роль играют координационные комитеты, способствуя более точному и оперативному реагированию на местные особенности и потребности, что обеспечивает эффективное достижение четвертого принципа.

Пятый принцип – обеспечение системности непосредственно каждой меры соцзащиты безработных. Получается, что система по оказанию безработным социальной защиты, должна являться частью общей политики государства с решением разных задач, проблем.

Государственная стратегия, направленная на поддержку занятости граждан, опирается на социальную стабильность, поддержку лиц без работы. Среди них [5]:

- Верховенство выполняемого эффективного управления разными механизмами занятости, что создает условия для занятости граждан, которые способны обеспечить допустимый социально низкий уровень безработицы.
- Стремление к реализации данного принципа путём достижения баланса между экономической выгодой и социальным благополучием трудящихся.
- Ответственность перед новыми вызовами рыночной экономики, выдвигающими требования к повышению эффективности профессиональной ориентации, обучения и переподготовки кадров, а также развитию личных компетенций работников.
- Направленные действия государства на предоставление гарантий для достойной жизни граждан, причём критерий эффективной занятости становится одним из основополагающих аспектов трудовой политики [6].

Всё это ведет к созданию системы эффективной занятости, которая способствует непрерывному обновлению рабочей силы, синхронизированной с качеством жизни, социально ориентированными приоритетами государства и требованиями динамического рынка труда [8].

Указанный принцип обеспечивается через осуществление стратегии занятости, которая характеризуется выполнением мероприятий по предоставлению рабочих мест каждому желающему трудиться, а также формированием условий при которых происходит максимальная вовлеченность трудоспособного населения во все сферы общественного производства для их оптимизации [2].

Современный рынок труда характеризуется уникальными правовыми механизмами, способствующими достижению равновесия между пред-

ложением и спросом на рабочую силу. Такое состояние рынка труда является оптимальным, отражая замысел современных доктрин в области занятости.

В данном случае государство является гарантом важности, эффективности занятости граждан.

Программы государственной поддержки играют важную роль, особенно в тех регионах нашей страны, которые на протяжении долгого времени страдают от проблем с обеспечением достаточной занятости населения. Вследствие этого, люди испытывают трудности в удовлетворении своих профессиональных потребностей.

Государства, имеющие развитую экономику, реформируют трудовое законодательство за счет регулирования, гармонизации законодательных норм, пересмотра роли, функций трудового права.

Сегодня наблюдается повышение роли форм занятости, которые являются нестандартными.

Чрезвычайные обстоятельства, такие как пандемия, привели к особенному вниманию законодателя к таким аспектам, как: дистанционная работа. Это дает возможности для дальнейшего расширения сферы применения трудового права, открывая новые горизонты для занятости населения.

Задача государственной политики в этих условиях – обеспечение стабильности на рынке труда и защита прав граждан, как наемных работников, так и тех, кто вовлечен в нестандартные формы занятости.

Отношения в сфере занятости и их правовая поддержка охватываются различными нормами правовых актов, формируя комплексный межотраслевой институт права. Конституционным нормам отведена основная роль в работе и совершенствовании института права. В конституционном регулировании важную роль играют вопросы труда и занятости, имеющие социально-экономическое значение.

Основания включения упомянутых выше вопросов в конституционное регулирование:

Во-первых, наличие у государства социального характера:

- Права граждан в социальной, трудовой сфере.
- Положения Конституции РФ о наличии у Российского государства социального характера.

Во-вторых, принципы политики занятости, реализуемой государством:

- Свободный выбор занятости, труда.
- Формирование условий, чтобы обеспечивать достойную жизнь, свободное развитие человека.
- Право на получение защиты от безработицы, наличие социального обеспечения.

Данные принципы закреплены в ст. 7, ст. 37, ст. 39 Конституции РФ. Тогда как иные принципы можно вывести из положений Конституции, норм Закона о занятости.

Следует обратить внимание, что изложенный в ст. 7 Конституции РФ принцип социального государства требует уточнения критериев, которые определяют социальную характеристику государ-

ства. В области труда и занятости эти критерии включают в себя:

1) Права граждан в сфере труда и занятости, гарантированные Основным Законом, обеспечиваемые через различные механизмы (организационные, правовые, экономические) и соответствующий комплекс социальных стандартов.

2) Расширенное социальное партнерство, играющее важную роль в поддержке занятости и принятии определенных решений по трудовым отношениям и условиям работы.

В области занятости конституционно-правовое регулирование направлено непосредственно на обеспечение равных возможностей граждан в трудоустройстве, а также на защиту их прав и создание необходимых условий для обеспечения свободного развития личности и достойной жизни человека. Мероприятия по борьбе с безработицей и обеспечению социального обеспечения лиц с временными или постоянными трудностями в поиске работы включает в себя конституционно-правовое регулирование.

Таким образом, конституционно-правовое регулирование в сфере занятости является важным инструментом обеспечения социальных прав граждан и создания справедливых условий для всех участников рынка труда. Оно основывается на принципах социального государства и широкого социального партнерства, которые способствуют развитию экономики и обеспечению благосостояния общества.

Литература

1. Выжимова, Н.Г., Колесниченко, Е.А., Радюкова, Я.Ю., Иванова, Е.Ю. Поддержка занятости населения как условие развития экономики государства // Евразийский юридический журнал. 2019. № 12 (139). С. 389–391.
2. Колесникова, О.А. О некоторых подходах к оценке и достижению эффективной // Журнал: Международный научный вестник (Вестник объединения православных ученых). 2015. № 4. С. 30–32.
3. Манкиева, А.В. Государственная политика в сфере занятости населения и меры содействия занятости граждан // Вестник экспертного совета. 2022. № 3 (30). С. 36–45.
4. Нестеренко, И.Н., Ляшенко, В.А. анализ мер по содействию занятости населения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 100–105.
5. Орлова, Е. Понятие и принципы правового регулирования занятости населения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2015, № 5–6, С. 293–298
6. Путин, В. Заведомо невыполнимые социальные обязательства государства – тяжелый недуг, от которого мы постепенно излечиваемся / В. Путин – Текст: электронный // Человек и труд. 2002. № 1. С. 5.

7. Петюкова, О.Н. Занятость населения и реализация прав граждан на свободное использование своих способностей для предпринимательской и иной экономической деятельности // Современный юрист. 2021. N 4. С. 8–20.
8. Саралинова, Д.С. Управление занятостью населения как реализация принципа достижения эффективной занятости населения // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 66–2. С. 144–147.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF STATE POLICY IN THE FIELD OF EMPLOYMENT IN THE SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF LABOR RELATIONS

Habibullina G.R., Galeev R.I.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines public social relations that arise in the process of legal support, organization and implementation of state policy in the field of labor activity of the population – these are the principles of state policy. It is the principles that become the defining principles for understanding the essence of legal norms and mechanisms of functioning of the state in the field of employment. The task of understanding their content is a fundamental issue not only for theory, but also for practical activities aimed at creating guarantees for the realization and protection of constitutional rights of citizens, in particular the right to work. The methodological basis of the research is the following research methods: synthesis, analysis, deduction and others. The novelty of the research is determined by the establishment of the significance of the essence of the policy pursued by the

state, aimed at ensuring employment of the population through the analysis of the key principles that form its basis.

Keywords: state, population, politics, principle, employment, protection, labor

References

1. Vyzhimova, N.G., Kolesnichenko, E.A., Radyukova, Y.Y., Ivanova, E.Y. Support for employment as a condition for the development of the state economy // Eurasian Law Journal. 2019. No. 12 (139). pp. 389–391.
2. Kolesnikova, O.A. On some approaches to assessment and achievement of effective // Journal: International Scientific Bulletin (Bulletin of the Association of Orthodox Scientists). 2015. No.4. pp. 30–32.
3. Mankieva, A.V. State policy in the field of employment and measures to promote employment of citizens//Bulletin of the Expert Council. 2022. No. 3 (30). pp. 36–45.
4. Nesterenko, I.N., Lyashenko, V.A. analysis of measures to promote employment//State and municipal administration. Scientific notes. 2022. No. 4. pp. 100–105.
5. Orlova, E. The concept and principles of legal regulation of employment // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2015, No. 5–6, pp. 293–298
6. Putin, V. Obviously impossible social obligations of the state are a serious illness from which we are gradually recovering / V. Putin – Text: electronic // Man and Labor. 2002. No. 1. p. 5.
7. Petyukova, O.N. Employment of the population and the realization of citizens' rights to the free use of their abilities for entrepreneurial and other economic activities // Modern lawyer. 2021. N 4. pp. 8–20.
8. Saralinova, D.S. Employment management as the implementation of the principle of achieving effective employment of the population // Trends in the development of science and education. 2020. No. 66–2. pp. 144–147.

Институт принуждения в конституционном праве: принципы и цели применения

Цветков Глеб Эдуардович,

аспирант кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ

Институт правового принуждения в конституционном праве является объектом многих научных исследований как российских ученых, так и зарубежных. Данная тема включает в себя обширный перечень спорных вопросов, рисков как для институтов публичной власти, так и прав и свобод человека гражданина. В первую очередь это связано с тем, что институт принуждения связан с введением различного вида ограничений, которые при неправильном обращении, имеют риск нарушения конституционных прав, которые устанавливаются Конституцией Российской Федерации. Особенность принуждения в конституционном праве связана также с тем, что в вышеназванной отрасли права отсутствует такой нормативно-правовой акт, который включает в себя перечень правонарушений (деликтов) и вводимые санкции за нарушение таких запретов, как существует в иных сферах публичного права, в частности, в административном праве.

В данной статье рассматриваются основные элементы конституционно-правового принуждения, такие как правовые основания, принципы применения и основные цели этой сферы. В работе приводились популярные и разные в своей трактовке точки зрения на эту проблему. Были подвергнуты анализу различные точки зрения на цели института принуждения в конституционной отрасли права, перечислены аргументы в пользу мнения автора.

Ключевые слова: конституционное право, институт принуждения, государственное принуждение, принципы, рамки применения.

Институт принуждения в публичном праве, в частности, в конституционном праве, является ключевым вопросом теории права и правоприменения в законодательстве Российской Федерации. Применение государственного принуждения является, в основном, прерогативой исполнительной ветви власти, целью которой является защита и сохранение установленных нормами права условий и правоотношений, в том числе функций государственного управления, государственной целостности и суверенитета. Учитывая сложность данной темы, необходимо установить точную и четкую структуру законодательства, для полного и эффективного регулирования данной сферы.

Конституционно – правовое принуждение, как принято считать, относится к серьезным инструментам государственных институтов, который при нарушении установленных законом границ, в виде превышения полномочий должностными лицами, может стать серьезной угрозой правовой природы государства. Развитие и модернизация института принуждения стало важнейшим аспектом отечественной юриспруденции, целью которого является создание условий, которые будут прозрачными, при которых возможен контроль за государственным принуждением со стороны гражданского общества, укрепления принципа разделения властей (системы «сдержек» и «противовесов», в частности) и гарантированная ответственность должностных лиц за нарушение таких норм, равно как и исполнение установленных законодательством правил поведения субъектами конституционных правоотношений.

Институт правового принуждения является объектом многих научных исследований, как российских ученых, так и зарубежных. В первую очередь, необходимо определить смысл конституционного принуждения, его цели и принципы, на которых строится данная сфера. Под конституционным принуждением подразумевается не только определенные, установленные правом меры, но и общественный (социальный) и политический аспекты.

Конституционно-правовое принуждение представляет из себя самостоятельное сочетание принудительных положений. Такая группа имеет как юридическое основание, так и практическое, что позволяет определить метод принуждения, качество и меры такого процесса, равно как и последования вводимых мер, так и их отсутствие. С такой позицией согласна Суркова И.С., которая считает, что «... состоящий в применении в особом процессуальном порядке установленных нормами конституционного права принудительных мер, преи-

мущественно организационного характера, к субъектам конституционно-правовых отношений, обладающим публично-властными полномочиями, либо имеющим (пытающимся приобрести) специальный конституционно-правовой статус»¹.

Согласно иной точки зрения, классификация конституционно-правового принуждения состоит из нескольких мер, в числе которых есть предупредительные меры, меры восстановления, которые должны предупреждать возможные нарушения законодательства, меры, целью которых является защита прав и обеспечение обязанностей субъектов правоотношений, а также меры правовой ответственности за нарушение положений законодательства².

Ключевая особенность конституционных мер принуждения заключается в содержании в этой отрасли мер «сдержки» и «противовесов», которые обеспечивают правовую и равноправную государственную систему. Также, важнейшей ролью конституционного права является признание применяемых нормативно-правовых актов действительными (соответствующие) или недействительными (несоответствующие) Конституции Российской Федерации.

Исходя из вышенаписанного, можно сделать вывод, что принуждение в конституционной отрасли права определяется как вид государственного принуждения, который применяется при нарушении норм вышеуказанного права, в числе которых нарушение прав и свобод человека и гражданина, а также несоблюдение законодательства в сфере публичной власти. Меры конституционного принуждения (воздействия) в отношении государственной власти, должностным лицам различных государственных институтов, законодательных, исполнительных и судебной ветвей власти, и иных субъектов государственного управления применяются на основании осуществления публичной деятельности либо к субъектам, которые совершают определённые действия по получению публичной власти³.

Цель конституционно-правового принуждения, согласно смыслу данной статьи, заключается, в первую очередь, в обеспечении условий и защиты конституционных прав граждан, а также восстановлении нарушенных прав. К иной цели можно отнести понуждение органов публичной власти к соблюдению порядка, установленного Конституций РФ и конституционно-нормативными актами. Можно сказать, что Конституция является неким «гарантом» соблюдения государственными орга-

нами условий, при которых гражданину возможно осуществлять свои права без преследования со стороны государственных органов. Конституционное принуждение имеет схожие элементы, которые присущи иным отраслям права, однако именно на основе конституционно-правового принуждения основываются иные виды принуждения. При этом восстановление как законных интересов граждан, так и общественного порядка, тоже относится к целям конституционной ответственности, однако не является ключевой.

Особенность цели такого регулирования вызвана также на специальном субъекте принуждения – органы государственной власти, местного управления и должностных лиц. Именно из-за того, что нормы конституционного принуждения направлены на вышеперечисленные субъекты, можно сделать вывод, что такой тип принуждения является важнейшим элементом обеспечения реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина⁴.

Другую особенность отметила Серегина В.В., которая заключается в государственном и общественном осуждении и порицанием личности и деяния виновного⁵. Данная цель является спорной, так как под осуждением, понимает не только сам факт отрицательной оценки совершенного деяния, но и несение лишений и страданий⁶, равно как и лишение лица, которое совершило правонарушение, в некоторой степени, конституционного статуса. Данная позиция не является в полной мере адекватным ответом на нарушение конституционных норм, так как лишает лицо части неотъемлемых (естественных) прав и свобод, что противоречит смыслу самой Конституции. Как представляется, конституционно-правовая ответственность должна носить общий, абстрактный характер, в то время как конкретная санкция должна быть назначена иными отраслями права. Важно отметить, что данное положение актуально для физических лиц, так как в правоотношениях «человек – государство», именно человек является стороной с меньшими возможностями, чем государство. Однако и к публичным институтам отнести факт «страданий и лишений» сложно, так как особенность государственного института (как и юридического лица), имеют «обезличенный» статус, что приводит к размыванию ответственности между членами конкретного органа публичной власти или учреждения. К тому же некоторые должностные лица защищены законодательством, в некоторой степени, от государственного преследования.

Иной точкой зрения на цели конституционно-правового принуждения, является процесс «перевоспита-

¹ Суркова И.С. Конституционно-правовое принуждение, применяемое к органам государственной власти субъектов Российской Федерации в системе федеративных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2008.

² Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1968.

³ Сидельников Д. Е., Грачев В.С., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н., Серов К.Н. Классификация мер конституционно-правового принуждения, применяемых за совершение конституционных правонарушений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4.

⁴ Николаев Александр Геннадьевич ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ, ЗАТРАГИВАЮЩЕЕ СФЕРУ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ, СВОБОД И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ // Право и государство: теория и практика. 2017. № 8 (152).

⁵ Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1991.

⁶ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – М.: Астрель, 2006.

ния» субъекта данной отрасли. Данную цель тоже можно подставить под сомнение, так как учитывая специфику субъектов, а именно коллективный способ учреждения институтов, процесс «перевоспитания» становится невозможен.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что цель конституционного принуждения состоит не столько в применении санкций к конкретному субъекту (что характерно для административного права, например), сколько сформировать среду, в которой совершение деликта будет означать несение ответственности согласно иным отраслям права. Однозначно можно сказать, что меры конституционного принуждения применяются к нарушению установленных правил осуществления публичной власти, из-за которой был нанесен законным интересам граждан.

Учитывая изначальный дисбаланс в возможностях и полномочиях между государством и человеком, для соблюдения прав и свобод последних, необходимо было разработать четкие принципы, в рамках которых такое принуждение становится возможным для применения. Основой для всех принципов конституционно-правового принуждения, является «принцип пропорциональности/соразмерности¹».

Данный принцип является основным элементом защиты человека от превышения государственными учреждениями своих полномочий, ограничивая возможность государственного принуждения. Принцип пропорциональности включает в себя²:

- цель, при которой может быть введено ограничение (принуждение), должна быть законной, легитимной, соответствующей Конституцией РФ;
- ограничение определённых конституционных прав должно привести к результату, быть релевантным;
- наличие необходимости, основания, при которых применение принуждения является обоснованным, с целью минимализации нанесенного правам человека и гражданина ущерба;
- пропорциональность введённых ограничений, которое соблюдает соотношение между целью, для которых вводилось ограничение, и степени тяжести понесенного лицом ущерба, которое претерпело в следствие таких ограничений.

Вышеперечисленные правила «принципа соразмерности», являются критериями, с помощью которых можно определить законность вводимых ограничений. Особенность такого метода заключается в последовательности критериев – в случае, если один из этапов не соответствует действительности, то нужды в последующую оценку на соответствие правилам отсутствует, так как нарушение одного из правил приводит вводимые средства принуждения к нарушению прав и свобод человека и гражданина. Данный принцип возник из самого

смысла Конституции Российской Федерации, которая постулирует обеспечение прав человека одной из главных целей государства. Принцип пропорциональности был создан для того, чтобы соблюдать законные права членов общества с минимальными ограничениями для соблюдения интересов государства³.

Подводя итоги, можно сказать, институт принуждения в конституционном праве является, в основном, общими правилами, на основании которых строится принуждение в других отраслях права, которое является более адресным. Можно отметить, что, независимо от абстрактной природы конституционного принуждения, в нем присутствует системность, классификация и принципы, что ставит конституционное принуждение в ряд с принуждаем другими отраслями права, при этом, не лишая уникальной природы конституционного права.

Литература

1. Суркова И.С. Конституционно-правовое принуждение, применяемое к органам государственной власти субъектов Российской Федерации в системе федеративных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2008.
2. Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1968.
3. Сидельников Д. Е., Грачев В.С., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н., Серов К.Н. Классификация мер конституционно-правового принуждения, применяемых за совершение конституционных правонарушений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4.
4. Николаев Александр Геннадьевич ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ, ЗАТРАГИВАЮЩЕЕ СФЕРУ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ, СВОБОД И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ // Право и государство: теория и практика. 2017. № 8 (152).
5. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1991.
6. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – М.: Астрель, 2006.
7. Бажанов А.А. Проблемы реализации принципа соразмерности в судебной практике // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 6
8. Лапаева В.В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации // Государство и право. – М., 2013. – № 2.
9. Митюкова Юлия Александровна, Кимачев Андрей Николаевич, Бушмакин Антон Сергее-

¹ В российской доктрине используются оба термина.

² Бажанов А.А. Проблемы реализации принципа соразмерности в судебной практике // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 6

³ Лапаева В.В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации // Государство и право. – М., 2013. – № 2.

вич ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ // Право и государство: теория и практика. 2021. № 10 (202).

10. Володько Ирина Александровна Виды мер конституционно-правового принуждения // Вестник ОмГ У. Серия. Право. 2014. № 3 (40).
11. Третьяк Ирина Александровна Механизм сдержек и противовесов как способ предупреждения и разрешения конституционно-правовых конфликтов: сравнительно-правовой аспект // Правоприменение. 2018. № 4.
12. Колотыркина Софья Ивановна Карательная функция конституционной ответственности и ее санкции // Труды Института государства и права РАН. 2014. № 2.
13. Третьяк И.А. Конституционная конфликтология в системе конституционно-правовой науки // Правоприменение. 2019. № 3.
14. Трофимова С.А., Трофимова И.Б. Проблемы конституционно-правовой ответственности и совершенствование конституционно-правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2.

THE INSTITUTE OF COERCION IN CONSTITUTIONAL LAW: PRINCIPLES AND SCOPE OF APPLICATION

Tsvetkov G.E.

St. Petersburg State University of Economics

The institute of legal coercion in constitutional law is the subject of many scientific studies, both by Russian and foreign scientists. This topic includes an extensive list of controversial issues, such as risks for public institutions, as well as human rights and freedoms. First of all, this is due to the fact that the institution of coercion is associated with the introduction of a permanent type of change, which, if the outcome is incorrect, causes the risk of violating constitutional rights that make up the Constitution of the Russian Federation. The peculiarity of coercion in constitutional law is also associated with the fact that in this area of law there is no such normative legal act that includes a list of offenses (torts) and sanctions imposed for violating such prohibitions, as exist in other principles of public law, in particular, in administrative law. In this article, the main elements of constitutional and legal coercion are the legal grounds, fundamental application and goals of the spherical sphere. The work provided different and different points of view on this problem. In accordance with the analysis of various issues concerning the goals of the institution of coercion in the field of constitutional rights, arguments are presented that are in the author's opinion.

Keywords: constitutional law, institution of coercion, state coercion, principles, scope of application.

References

1. Surkova I.S. Constitutional and legal coercion applied to state authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the system of federal relations: diss. ... candidate of legal sciences. – Omsk, 2008.
2. Kozhevnikov S.N. Protective measures in Soviet law: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. – Sverdlovsk, 1968.
3. Sidelnikov D. E., Grachev V.S., Gurbanov A.G., Kondrat I.N., Serov K.N. Classification of measures of constitutional and legal coercion applied for the commission of constitutional offenses // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2006. No. 4.
4. Nikolaev Aleksandr Gennadievich DISCIPLINARY COERCION AFFECTING THE SPHERE OF CONSTITUTIONAL RIGHTS, FREEDOMS AND RESPONSIBILITIES OF A PERSON AND A CITIZEN OF THE RUSSIAN FEDERATION // Law and State: Theory and Practice. 2017. No. 8 (152).
5. Seregina VV State coercion under Soviet law. – Voronezh: Publishing house of Voronezh. University, 1991.
6. Sorokin PA Crime and punishment, feat and reward: a sociological study on the main forms of public behavior and morality. – M.: Astrel, 2006.
7. Bazhanov AA Problems of implementing the principle of proportionality in judicial practice // Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 6
8. Lapaeva V.V. Criteria for limiting human and civil rights in the Constitution of the Russian Federation // State and Law. – M., 2013. – No. 2.
9. Mityukova Yulia Aleksandrovna, Kimachev Andrey Nikolaevich, Bushmakin Anton Sergeevich CONCEPT AND TYPES OF LIABILITY IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY // Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 10 (202).
10. Volodko Irina Aleksandrovna Types of measures of constitutional and legal coercion // Bulletin of Omsk State University. Series. Law. 2014. No. 3 (40).
11. Tretyak Irina Aleksandrovna The mechanism of checks and balances as a way of preventing and resolving constitutional and legal conflicts: comparative legal aspect // Law enforcement. 2018. No. 4.
12. Kolotyrkina Sofia Ivanovna Punitive function of constitutional responsibility and its sanctions // Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 2.
13. Tretyak I.A. Constitutional conflictology in the system of constitutional and legal science // Law enforcement. 2019. No. 3.
14. Trofimova S.A., Trofimova I.B. PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITY AND IMPROVEMENT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL POLICY // Legal policy and legal life. 2016. No. 2.

Оценка эффективности взаимодействия органов государственного контроля и надзора с гражданами и организациями: аспекты административно-правового регулирования

Чежидов Максим Сергеевич,

аспирант кафедры административного и финансового права
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

E-mail: maksim-chezhidov@yandex.ru

В статье рассмотрены актуальные аспекты реализации института государственного контроля (надзора) в свете правовых новелл последнего времени. Развитие современных форм взаимодействия контрольно-надзорных органов государства и граждан при осуществлении соответствующих мероприятий является конструктивным средством определения эффективности и результативности контроля (надзора). Однако недостатки административного законодательства не всегда позволяют эффективным образом осуществлять правовое регулирование взаимодействия контрольно-надзорных органов и граждан. В результате предлагается дополнить существующую систему оценки результативности государственного контроля (надзора) параметрами их оценки со стороны самих граждан и организаций как главных выгодоприобретателей реализации рассматриваемой функции государственного управления.

Ключевые слова: контрольно-надзорные мероприятия, обращения граждан, информирование, социальные ожидания.

Постановка вопроса о взаимодействии органов государственного контроля (надзора) с гражданами и организациями приобретает особую актуальность в свете реформирования конституционного и административного законодательства Российской Федерации. С момента закрепления в тексте Конституции Российской Федерации [1] принципа единства публичной власти возникла необходимость в переосмыслении доктринальных подходов к пониманию природы и структуру публичной администрации, представление о которой существенно расширилось за счет объединения в единую властную вертикаль органов государственной власти и местного самоуправления. Трансформация представлений о структурной организации и функциях публичного управления в государства также поднимает вопрос о функционале каждого отдельного органа публичной администрации, который также должен быть переосмыслен в контексте конституционных новелл. Обращение к проблемам правового регулирования исполнения административных функций государственного контроля (надзора) при взаимодействии с гражданами и организациями задает векторы для анализа путей совершенствования законодательство по данной проблеме.

Реализация контрольно-надзорной функции государства тесно связано с различными формами взаимодействия органов власти с гражданами и институтами гражданского общества, в частности, с общественными организациями. Контрольно-надзорные мероприятия призваны не только обеспечить достижение соответствующих целей государственного управления в той или иной области, но и удовлетворить определенный социальный запрос на поддержание режима законности в обществе. Вопросы определения сущности и форм контрольно-надзорной деятельности все еще носят дискуссионный характер, а существующие проблемы правового регулирования подчеркивают актуальность и своевременность обращения к данной теме.

Традиционным подходом для доктрины административного права на протяжении длительного периода времени было представление о функциях органа исполнительной власти как базовом атрибуте звена публичной администрации. Контрольно-надзорные полномочия органа публичного управления выступают значимым атрибутом его административного статуса, позволяющего в полной мере раскрыть как содержание его деятельности в рам-

ках механизма государства, так и сущность инструментов управленческого воздействия, которыми достигается значимая цель административно-правового регулирования общественных отношений – стабилизация социальной среды и исполнение предназначения публичной администрации [9, с. 12].

В итоге в доктрине административного права можно встретить отождествление основных направлений деятельности органов государственного контроля (надзора) то с задачами данного органа публичного управления, то с его функциями. Отсутствие единого подхода к пониманию административных функций органов государственного контроля (надзора) порождает проблемы доктринальной неопределенности содержания данной категории и, как следствие, придает теоретическую значимость новым попыткам прояснения ее природы и содержания [2, с. 11].

Административное законодательство содержит широкий перечень юридических инструментов, которые может применять государства при осуществлении контрольно-надзорных мероприятий. Однако все еще актуальным остается соответствие результатов деятельности органов государственного контроля (надзора) тем социальным ожиданиям, которые существуют обществе. Конструктивное взаимодействие государства с гражданами и организациями призвано обеспечить эффективность контрольно-надзорной деятельности, а также определить соответствие ее результатов указанным социальным ожиданиям.

Взаимодействие органов государственного контроля (надзора) с гражданами и организация можно признать своеобразной формой обратной связи, в результате которой государство получает достоверную информацию о характере контрольно-надзорной деятельности, ее результативности и желаемых направлениях совершенствования механизма административно-правового регулирования в этой области. Развитие административного законодательства в рассматриваемой сфере было предметом для особого внимания со стороны законодателя, который на протяжении длительного периода времени искал средства повышения эффективности для государственного контроля (надзора) [7, с. 35].

Результатом этой деятельности стала разработка и принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [2] (далее – Закон о контроле (надзоре)), который ознаменовал новый этап в развитии административного законодательства. Осуществление контрольно-надзорной деятельности должно происходить с учетом минимизации ущерба для публичных интересов граждан, а также тех ценностей, которым может быть причинен вред в рамках государственного контроля (надзора).

Обращают на себя внимание многочисленные определения контроля, сформулированные, в первую очередь, специалистами в сфере финансово-

го, налогового, бюджетного права. Естественно, определения контроля сформулированы в соответствующих исследовательскому интересу авторов целях и имеют специфику, однако, могут быть использованы для выявления общих, родовых признаков контроля (надзора). Государственный контроль может быть определен посредством указания на его сущностные признаки. Например, в качестве существенных признаков государственного контроля можно выделить следующие: во-первых, это государственный контроль, во-вторых, он осуществляется в целях обеспечения интересов государства заключающихся в соблюдении установленных обязательных требований [5, с. 32].

При использовании функционального подхода, позволяющего рассматривать государственный контроль с точки зрения реализации им своего сущностного предназначения, в том числе, и как способ обеспечения законности деятельности подконтрольных субъектов. В этом случае под государственным контролем следует понимать реализацию нрава государства законными путями защищать свои публичные интересы и интересы своих граждан, а также его обязанности реагировать на рода нарушения и отклонения от установленных государством обязательных требований.

Целью контроля является повышение ответственности государственного административного аппарата за надлежащее выполнение своих задач. Надзор неразрывно связан с деятельностью инспекционных органов, которые наделены рядом полномочий: давать контролируемым объектам обязательные инструкции по устранению выявленных недостатков; представить компетентным органам информацию, следует ли привлекать виновных к ответственности к ответственности; и в некоторых случаях также применять дисциплинарные меры косвенно. Контроль (надзор) должен способствовать повышению социального благополучия, а не уменьшению его, что особенно чувствительно в социально значимых областях государственного управления.

Базовой формой взаимодействия контрольно-надзорных органов и гражданина является институт обращения в органы публичной власти, посредством которой чаще всего граждане сообщают государству значимую информацию о нарушениях, допускаемых в тех или иных сферах социального управления. Пресечение правонарушений, а также восстановление нормального течения общественной жизни, то есть устранение негативных последствий, составляет органичную часть контрольно-надзорной деятельности государства [10, с. 11].

С одной стороны обращение граждан в государственные органы и учреждения, собственно говоря, само по себе является правом граждан, закрепленным в Конституции Российской Федерации, а соответственно его реализация в числе прочих является вектором взаимодействия органов государственного контроля и надзора с гражданами и организациями. С другой стороны, институт обращений граждан служит одной из наиболее эф-

фективных форм контроля за эффективностью деятельности органов государственной власти по реализации ими работы по обеспечению прав и свобод граждан. Обращения граждан, зачастую, могут указать на те или иные проблемные аспекты в деятельности данных органов, скорректировать их работу по другому направлению.

Складывающаяся практика взаимодействия органов государственного контроля (надзора) и граждан свидетельствует о том, что люди обращаются к соответствующим инстанциям в наиболее острых, критических ситуациях, когда отражение непосредственной угрозы для своих интересов невозможно без вмешательства государства. Как правило, речь идет о защите наиболее значимых социальных ценностях, хотя даже для их защиты в определенных социальных ситуациях граждане могут прибегать к помощи общественных организаций, а не государства.

Оперативность реагирования органов государственного контроля (надзора) на случаи нарушений наиболее значимых публичных интересов часто ставится в зависимость от масштаба угрозы. Наиболее результативным оказывается обращения граждан в ситуациях, угрожающих жизни и здоровью, а также в случаях невозможность реализации отдельных социально-обеспечительных прав. Между тем закрепленная в тексте Закона о контроле (надзоре) система профилактических действий по предотвращению нарушения обязательных требований все еще является скорее моделью контрольно-надзорной деятельности, которой еще предстоит реальное внедрение в практику органов государственной власти. Среди заметных недостатков организационно-правовой основы института государственного контроля (надзора) специалистами отмечается заметная сложность юридического текста Закона о контроле (надзоре), который труден для понимания даже профессионалов в сфере контрольно-надзорной деятельности [6, с. 55].

Необходимость формальной фиксации моделей взаимодействия органов государственного контроля (надзора) с гражданами и организациями обусловлена потребностями стратегического планирования и повышения эффективности административной деятельности властно-распорядительных органов, которые не могут быть удовлетворены исчерпывающим образом механизмом административно-правового регулирования. Государственное администрирование опирается в своей основе не только на содержание нормативных предписаний, но и на соображения политической целесообразности, требующих применения иного набора средств инструментального воздействия. Разработка государственным механизмом конкретных программ взаимодействия органов государственного контроля (надзора) и граждан является, безусловно, необходимым компонентом системы государственного управления. Важнейшим направлением реализации административной политики в той или иной сфере также являет-

ся процесс управленческой коммуникации, предполагающих взаимодействие и координацию органов публичного управления, которые невозможно достигнуть и обеспечить в надлежащей степени одним лишь набором правовых средств регулирования.

Результативным средством взаимодействия органов государственного контроля (надзора) с гражданами и организациями является информирование, наиболее известной формой которого является экологическое информирование, осуществляемое, в частности, органами природоохранной прокуратуры. Важным условием реализации данного права является наличие соответствующей информации у органов государственного контроля (надзора) власти, поскольку государством может также несвоевременно получать сведения об угрозах для экологического благополучия человека. Эта достаточно объемная дефиниция по существу сводиться к сведениям о качестве окружающей среды, а все сопутствующие обстоятельства – мероприятия, угрозы со стороны хозяйственной деятельности, чрезвычайные ситуации – лишь отражают возникающие угрозы, способные повредить данному качеству [4, с. 36].

В структуре экологической информации иногда выделяются отдельные блоки, например, информация об экологической безопасности или информация об окружающей среде. При различиях в предложенных выше определениях, все дефиниции указывают на два ключевых обстоятельства, определяющих содержание информации об окружающей среде. Во-первых, речь идет о сведения, которые характеризуют актуальное состояние окружающей среды в контексте ее влияния на благополучие человека. Во-вторых, в состав данной информации входят сведения о потенциальных и актуальных угрозах для окружающей среды как факторе безопасности человека и общества, а также о мерах, направленных на отражение этих угроз и восстановлении первоначального состояния [8, с. 63].

Любая экологическая информация обладает социальной ценностью в силу своего значения для жизни человека и общества, то есть принципиальной возможностью для данных сведений влиять на условия проживания на определенной территории. В этом контексте практически все сведения об окружающей среде, так или иначе, направлены на обеспечения экологической безопасности населения или отдельных кластеров хозяйственной деятельности. Реализацию права на экологическое информирование следует рассматривать как возможность для человека получать от органов государственного контроля (надзора) сведения указанных выше типов. Предоставляемая государством экологическая информация должна носить достоверный характер, то есть фактически соответствовать объективному состоянию окружающей среды. Как и в отношении любого другого вида публичной информации, сведения об окружающей среде могут быть ограничены в обороте – к ним может быть

ограничен доступ, исходя из соображений общественной и государственной безопасности.

Перспективным направлением для развития законодательства в сфере государственного контроля (надзора) при взаимодействии с гражданами и организациями является формирование административно-правовых механизмов оценки результатов контрольно-надзорной деятельности в зависимости от их оценки со стороны самих граждан и организаций как главных выгодоприобретателей реализации рассматриваемой функции государственного управления. На практике функционирование такого механизма может быть связано с осуществлением интеграции в предусмотренную модель определения показателей результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности показателей, связанных с долей граждан, удовлетворенных результатами осуществления контрольно-надзорных мероприятий при их обращении в соответствующие органы публичного управления.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144. 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Российская газета. № 171. 05.08.2020.
3. Баранов М.Л. Соотношение понятий «государственный контроль» и «государственный надзор»: теория и практика вопроса // Новый юридический журнал. 2011. № 3. С. 9–25.
4. Вершило Н.Д. К вопросу о государственном экологическом контроле и надзоре // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 6. С. 35–38.
5. Гулягин А.Ю. Государственный контроль и прокурорский надзор: правовое соотношение понятий и процедур // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 5. С. 31–35.
6. Дехтярь И.Н. О необходимости законодательного разграничения функций государственного контроля и надзора в аспекте административной реформы // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 54–56.
7. Евдокимов А.С. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»: организационно-правовой анализ // Административное право и процесс. 2022. № 2. С. 34–40.
8. Зубарев С.М. Цифровизация государственного управления: новая административная форма? // Административное право и процесс. 2020. № 7. С. 62–66.
9. Клименко А.В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 8–51.
10. Летуновский В.В. От сплошного надзора к умному контролю // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 3 (125). С. 6–18.

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF INTERACTION BETWEEN STATE CONTROL AND SUPERVISION BODIES AND CITIZENS AND ORGANIZATIONS: ASPECTS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION

Chezhidov M.S.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article discusses the current aspects of the implementation of the institute of state control (supervision) in the light of recent legal novelties. The development of modern forms of interaction between the control and supervisory authorities of the state and citizens in the implementation of appropriate measures is a constructive means of determining the effectiveness and effectiveness of control (supervision). However, the shortcomings of administrative legislation do not always allow for effective legal regulation of the interaction of control and supervisory authorities and citizens. As a result, it is proposed to supplement the existing system of evaluating the effectiveness of state control (supervision) with the parameters of their assessment by citizens and organizations themselves as the main beneficiaries of the implementation of the considered function of public administration.

Keywords: control and supervisory measures, citizens' appeals, information, social expectations.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. № 144. 04.07.2020.
2. Federal Law No. 248-FZ of 07/31/2020 (as amended on 12/25/2023) "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. № 171. 05.08.2020.
3. Baranov M.L. Correlation of the concepts of "state control" and "state supervision": theory and practice of the issue // New Law Journal. 2011. No. 3. pp. 9–25.
4. Vershilo N.D. On the issue of state environmental control and supervision // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2017. No. 6. pp. 35–38.
5. Gulyagin A.Y. State control and prosecutorial supervision: the legal relationship of concepts and procedures // State power and local self-government. 2012. No. 5. pp. 31–35.
6. Dekhtyar I.N. On the need for legislative differentiation of the functions of state control and supervision in the aspect of administrative reform // Administrative law and process. 2020. No. 3. pp. 54–56.
7. Evdokimov A.S. Federal Law "On State Control (supervision) and municipal control in the Russian Federation": organizational and legal analysis // Administrative Law and Process. 2022. No. 2. pp. 34–40.
8. Zubarev S.M. Digitalization of public administration: a new administrative reform? // Administrative law and process. 2020. No. 7. pp. 62–66.
9. Klimenko A.V. Decade of administrative reform: results and new challenges // Issues of state and municipal management. 2014. No. 1. pp. 8–51.
10. Letunovsky V.V. From continuous supervision to smart control // Public Service. 2020. Vol. 22. No. 3 (125). pp. 6–18.

Отдельные вопросы применения судами Конституции Российской Федерации: практический подход

Шаповалов Виктор Дмитриевич,

аспирант кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: lightsource54@mail.ru

Статья посвящена анализу актуальных проблем, возникающих при применении судами Конституции Российской Федерации. В ней рассматриваются отдельные аспекты конституционного правосудия, затрагивающие вопросы толкования и реализации конституционных норм в судебной практике. Основной целью статьи является анализ практики имплементации в решения судов различных положений Конституции, принципов их применения в судебной практике и основных проблем толкования конституционных норм, когда судам приходится углубляться в самую суть норм при их неоднозначности. Особое внимание в статье уделяется вопросам применения судами некоторых субъектов Российской Федерации положений основного закона. Актуальность представленного исследования заключается в описании на конкретных примерах практики различных подходов судов к интерпретации и применению конституционно-правовых норм и выявление закономерностей их развития в целях обеспечения их потенциального практико-ориентирования.

Ключевые слова: Конституция РФ, анализ правоприменения, основной закон, судебная практика, судебная система, судебное толкование.

Конституция Российской Федерации [4], как высший закон государства, является фундаментом правовой системы, определяющим структуру организации властной вертикали, основные гарантии людей. Использование Конституции судами прежде всего позволяет достигать ее главенство в правопорядке, защиты конституционных прав и свобод граждан, а также гармонизировать отношения между гражданами и государством. Однако, реальность часто отличается от идеала, и в практике применения Конституции судами возникает ряд проблем.

Несмотря на то, что Конституция РФ является верховным законом страны, ее использование в судебных процессах не всегда гладко. Судьи часто упоминают Конституцию в своих решениях, но редко опираются на ее конкретные статьи, особенно в случаях, когда отсутствуют соответствующие законы или сложно найти подходящие статьи. Это создает проблемы с толкованием и применением Конституции в реальной судебной практике [1].

Однако конституционные нормы часто формулируются в абстрактных терминах, что делает их многозначными и открывает пространство для различных точек зрения при их интерпретации. Судьи, применяя Конституцию, должны прибегать к ее толкованиям, что может привести к разным решениям в аналогичных ситуациях.

Вячеслав Дмитриевич Зорькин, возглавляющий Конституционный Суд России, подчеркивает ключевую роль верховенства права в российской правовой системе [2]. Он настаивает на том, что любой закон должен быть согласован с Основным Законом страны – Конституцией, которая является фундаментом правовой системы. Конституция устанавливает незыблемые принципы и нормы, которым должны следовать все остальные законы, гарантируя соблюдение прав и свобод каждого гражданина [3].

Однако, Конституция, будучи высшим законом, не всегда может в полной мере регулировать все аспекты общественных отношений. Ее положения слишком общие, чтобы охватить всю сложность современной жизни. Поэтому необходимы дополнительные законы, которые конкретизируют конституционные принципы и регулируют более узкие сферы жизни. При этом не исключена возможность возникновения противоречий между новыми законами и Конституцией.

Хотя гарантирование интересов граждан является ключевой задачей органов власти, и Конституция является основой для этой защиты, ее прямое применение в судебных решениях не всег-

да эффективно. Иногда для того, чтобы обеспечить реальную защиту прав, нужно использовать не только Конституцию, но и другие законы, которые разъясняют ее положения и применяют их к конкретным ситуациям. Это означает, что судьям подлежит уметь видеть не только букву закона, но и его дух, то есть понимать глубинный смысл конституционных норм и применять их к реальным жизненным ситуациям [23].

Применение Конституции в судах – это не просто формальное следование ее буквальному тексту, а глубокое понимание ее роли в правовой системе. Судьи должны уметь применять конституционные принципы на практике, гармонично сочетая их с существующими законами, чтобы обеспечить действительную охрану интересов людей.

В этом исследовании мы анализируем практику судов в некоторых регионах России, изучая, как они решают правовые вопросы с помощью аналогии права или закона. Особое внимание мы уделяем спорам о согласовании места и времени проведения публичных мероприятий. Этот вопрос является одним из важнейших в сфере общественного порядка и требует пристального внимания.

Начнем с первой проблематики. Нами было проанализировано семь решений судов Республики Башкортостан (3 дела [8, 11, 15]) и Тверской области (4 дела [10, 20, 21, 22]) по делам, истекающих из гражданских, жилищных, семейных, административных и арбитражных вопросов, суды изначально анализируют правовую базу по конкретному делу, определяя максимальное количество нормативных правовых актов, применимых в данном деле. В ходе подобной «правовой подборки» суды находят пробел в законодательстве. Как правило такой пробел не является уникальным и встречается достаточно часто, будь то толкование «разумного предела» или «размера компенсации морального вреда». Существование пробела в законодательстве обосновывается как существование непреложного правового факта, к которым необходимо применить заранее подготовленный шаблон. Суд прибегает к выводу о существовании пробела самостоятельно или, используя практику Верховного суда (чаще всего его Пленумов, которые констатируют о наличии пробела). Невозможность применения «аналогии закона» ограничивается лишь упоминанием, так как суд ранее выяснил, что ни один из приведённых правовых актов не позволяют разрешить ситуацию.

В своих решениях суды нередко опираются на фундаментальные принципы права, такие как добросовестность, разумность и справедливость. Эти принципы являются основой правовой системы и закреплены не только в конкретных законах, но и в Конституции РФ, а также в общепризнанных принципах международного права (ч. 1 ст. 17 Конституции). Судьи, ссылаясь на эти принципы, подчеркивают, что они являются не просто формальными правилами, а основополагающими ценностями, которые должны руководить применением законов.

В большинстве случаев принципы добросовестности, разумности и справедливости уже описаны в законодательстве, и судьи просто ссылаются на уже существующие нормы. Однако в некоторых ситуациях законы не могут дать однозначный ответ, и судьи вынуждены опираться на более общие принципы, закрепленные в Конституции и международном праве.

Такое обращение к основополагающим документам подчеркивает, что правовая система не ограничивается только конкретными законами, но также основывается на общечеловеческих ценностях и принципах. В таких случаях судьи не просто применяют закон, но и интерпретируют его в свете более широких принципов, что делает их решения более справедливыми и соответствующими духу закона.

Можно отметить, что, например, при определении разумных пределов оплаты услуг представителя судьи руководствуются принципом разумности. Этот принцип, в свою очередь, опирается на конституционные нормы и правовую позицию Конституционного Суда РФ [6].

Основная задача суда – обеспечить справедливое распределение финансовых обязательств между сторонами спора, не допуская необоснованного завышения гонораров представителя. Это соответствует не только принципу разумности, но и требованию части 3 статьи 17 Конституции, запрещающему злоупотребления в правоприменительной практике. Судьи не всегда прямо цитируют конкретные законодательные нормы. Иногда они опираются на основополагающие принципы, толкуя их в целом.

Судебные решения при этом основываются не только на строгих юридических нормах, но и на фундаментальных ценностях права. Это гарантирует, что право применяется справедливо, опираясь на принципы правосудия, а не только на формальные правила. В процессе разрешения споров, судьи не ограничиваются национальным законодательством, а обращаются к глобальным институциям – Всеобщая декларация прав человека и Конвенция о защите прав человека.

При рассмотрении споров, связанных с жилищными правами, судьи, помимо Конституции РФ, могут опираться на положения Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах и Европейской конвенции. Такой комплексный подход обеспечивает справедливое решение, соответствующее международным стандартам защиты прав человека.

Таким образом, судьи при рассмотрении дел социальной направленности не ограничиваются внутренним законодательством, а учитывают также международные правовые нормы, что делает их решения более справедливыми и соответствующими духу международного права.

Анализ представленной судебной практики показывает, что судьи активно применяют принципы добросовестности, разумности и справедливости при разрешении споров и активным образом при

обнаружении пробелов в законодательстве стремятся к наиболее справедливому решению, опираясь на общие начала и смысл законодательства, включая Конституцию РФ и международные правовые акты. Кроме того, некоторые положения Конституции формулируются размыто, что создает почву для судебных прецедентов, однако российская правовая система не признает этого института. Данная ситуация, по нашему мнению, требует законодательных изменений, обусловленных особенностями и сложностью российской правовой системы. Именно положения законодательства являются основным источником права в России, в то время как основой правовой системы являются принципы формального равенства и верховенства закона.

Право должно рассматриваться как единая и непротиворечивая система, регулируемая государством. Благодаря такой структуре, пробелы в законах могут быть заполнены на основании общих принципов и смысла правовых норм и с привлечением механизма судебного правотворчества.

Изучая судебные решения по спорам о проведении публичных мероприятий, мы выявили несколько важных особенностей. Проанализировав 7 дел (4 из Севастополя [16, 17, 18, 19] и 3 из Республики Марий Эл [12, 13, 14]), мы обратили внимание на наиболее распространенные причины отказа органов власти в согласовании мероприятий: 1) конфликт с другим мероприятием: в заявленное время и месте уже запланировано другое официальное мероприятие; 2) ожидаемое количество участников: предполагается, что большое количество участников вызовет неудобства для пешеходов и гостей города, а использование звукоусиливающей аппаратуры может нарушить покой других граждан; 3) расположение планируемых мероприятий вблизи объектов с особым режимом работы; 4) прямое несоответствие региональному законодательству: мероприятие может нарушать законы конкретного региона.

Принимая решения в отношении указанного вида спора суды опираются на законы и решения высших судебных инстанций. Одним из важных критериев при этом является защита интересов детей.

В соответствии с постановлением Конституционного Суда [9] запрещается пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Однако, этот запрет не является абсолютным и применяется только к конкретным случаям явно пропагандистской информации, направленной на детей и распространяемой в местах, доступных детям.

Кроме того, суды уделяют большое внимание соблюдению установленных процедур при подаче заявки на проведение мероприятия. Если организатор не выполнил все необходимые формальности, суд может отказать в удовлетворении его заявления.

В делах о проведении публичных мероприятий суды часто не учитывают предлагаемые органами

власти альтернативные места и время, хотя Конституционный Суд несколько раз указывал на необходимость таких предложений [5, 7].

Судьи нередко пишут в решениях, что органы власти должны предлагать организатору мероприятия альтернативные варианты, которые позволили бы реализовать цели мероприятия. Именно поэтому при решении соответствующего вопроса суды оценивают потенциальную способность реализации таких возможностей.

Положительная практика в отношении истцов по таким спорам минимальна – из 14 рассмотренных дел только в трех случаях суды признали нарушения со стороны органов власти. Ключевым фактором, который влияет на решение суда, является отсутствие альтернативы. Если органы власти отказывают в проведении мероприятия, они должны предложить другое место или время проведения, или дать обоснованное объяснение своего отказа.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ [5], органы власти не могут запретить проведение мероприятия, но могут предложить изменить его место и время. Однако, это должно быть мотивированным решением, основанным на защите общественных интересов.

При анализе соответствующих решений нами не могло не быть обращено внимание на относительно редкое использование заявителями правовой позиции Конституционного Суда [9] в качестве аргумента в своих исках. Это постановление имеет прямое отношение к пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, что является важным фактором при решении вопросов о согласовании публичных мероприятий.

В единственном рассмотренном нами случае заявитель неверно толковал позицию Конституционного Суда, считая, что органы власти не могут отказать в проведении мероприятий, организованных представителями сообщества, пропагандирующего нетрадиционные ценности, если они не направлены на вовлечение несовершеннолетних. Это свидетельствует о недостаточной осведомленности заявителей в правовой сфере и неправильном понимании юридических норм.

В представленном виде споров суды исходят из позиции Конституционного Суда РФ [4], требуя от организатора доказательства наличия альтернатив, достижения целей и обоснованности отказа. Они проверяют, предлагался ли организатору другой вариант места и времени, позволяющий достичь целей мероприятия без ограничения свободы выражения мнений, формирования мнений, выдвижения требований, в том числе политического характера, и получения обратной связи.

Также суд анализирует, учитывались ли при выборе места и времени мероприятия возможности достижения его целей, такие как свободный обмен идеями, выражение мнений и выдвижение требований в различных сферах жизни.

Кроме того, судебное разбирательство должно определить, основано ли запрещение мероприятия на обоснованных причинах, связанных с об-

щественной безопасностью. Отказ в согласовании должен быть не только мотивирован, но и подкреплен весомыми аргументами, исключающими субъективное нежелание чиновников.

При рассмотрении споров о проведении публичных мероприятий, судебные органы руководствуются главным принципом – защитой прав и свобод каждого человека. Их решения базируются при этом не только на рядовых правовых актах, но и на положениях основного закона и зарубежных институций.

В своих решениях они опираются на разъяснения Конституционного Суда РФ, которые детально раскрывают конституционно-правовой смысл процедур, регулирующих проведение публичных мероприятий, включая обязательность предложения альтернативных вариантов организаторам.

Подводя итоги необходимо отметить, в исследовании отражен подход к проведению анализа того, как российские суды применяют конституционные нормы. Этот метод учитывает особенности различных видов конституционных норм и направлен на повышение эффективности их использования в правоприменении.

Литература

1. Бережной, А. С. К вопросу о применении Конституции РФ в судебной практике / А.С. Бережной. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 49 (339). – С. 175–177.
2. Зорькин В.Д. Выступление Председателя КС РФ. Аксиологические аспекты Конституции России // Официальный сайт Конституционного суда Российской Федерации URL: www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=1 (дата обращения: 25.07.2024).
3. Зорькин В.Д. Проблемы законодательных пробелов выступление председателя КС РФ 2008 года в Вильнюсе // Официальный сайт Конституционного суда Российской Федерации URL: www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=19 (дата обращения: 25.07.2024).
4. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 29.01.2022).
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2009 № 484-О-П «По жалобе граждан Лашманкина Александра Владимировича, Шадрина Дениса Петровича и Шимоволоса Сергея Михайловича на нарушение их конституционных прав положением части 5 статьи 5 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89424/.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2007 № 382-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Понедельникова Виталия Васильевича, Поповой Юлии Сергеевны и Школьной Нины Юрьевны на нарушение их конституционных прав частью первой статьи 100 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12054712/?ysclid=m18beusziv517288961>.
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.12.2014 № 2975-О «По жалобе граждан Алешина Василия Викторовича, Елаева Ивана Александровича и других на нарушение их конституционных прав частью 5 статьи 5 и пунктом 2 части 1 статьи 12 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70753020/?ysclid=m18b8x4ryc867719887>.
8. Определение Туймазинского районного суда (Республика Башкортостан) от 22 января 2014 г. № 11–136/2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-tuimazinskii-raionnyi-sud-respublika-bashkortostan/?page=5&ysclid=m18c918ccw506176920>.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169047/?ysclid=m18bidrvts196164879.
10. Решение Бологовского городского суда (Тверская область) от 10 февраля 2012 г. № 2–1578/2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-69RS0004-2-5-2012-2-1578-2011-m-1486-2011-2011-11-09-0-0/?ysclid=m18c18tc3v768378909>.
11. Решение Давлекановского районного суда (Республика Башкортостан) от 26 июня 2013 г. № 2–561/2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-03RS0038-2-561-2013-m-457-2013-2013-06-05-0-0/?ysclid=m18c99kmfe12282256>.
12. Решение Звениговского районного суда (Республика Марий Эл) в составе судьи Александровой Е.П. по делу № 2А-980/2016 от 05 сентября 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-zvenigovskii-raionnyi-sud-respublika-mariiel/?ysclid=m18cohxsr5256435206>.

13. Решение Йошкар-Олинского городского суда (Республика Марий Эл) в составе судьи Юмановой Е.В. по делу № 2А-4517/2017 от 20 октября 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-yoshkar-olinskii-gorodskoi-sud-respublika-mariiel/?ysclid=m18crovojk666016297>.
14. Решение Йошкар-Олинского городского суда (Республика Марий Эл) в составе судьи Юмановой Е.В. по делу № 2А-4519/2017 от 19 октября 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-yoshkar-olinskii-gorodskoi-sud-respublika-mariiel/?ysclid=m18cnsaca943937209>.
15. Решение Калининского районного суда г. Уфы (Республика Башкортостан) от 6 октября 2016 г. № 2–8225/2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/io9f4MTdXD5r/?page=2®ular-txt=®ular-case_doc=2-8225%2F2016®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=.
16. Решение Ленинского районного суда города Севастополя в составе судьи Кукурекина К.В. по делу № 2А-2116/2017 от 14 июля 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-92RS0003-2a-2116-2017-m-1972-2017-2017-07-12-0-0/?ysclid=m18ckfnhig74823538>.
17. Решение Ленинского районного суда города Севастополя в составе судьи Калгановой С.В. по делу № 2А-567/2017 от 24 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/reshenie_-2a-567-2017-ot-24.03.2017-leninskogo-rayonogo-suda-\(gorod-sevastopol\)?ysclid=m18ckn9qz16278645](https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/reshenie_-2a-567-2017-ot-24.03.2017-leninskogo-rayonogo-suda-(gorod-sevastopol)?ysclid=m18ckn9qz16278645).
18. Решение Ленинского районного суда города Севастополя в составе судьи Калгановой С.В. по делу № 2А-3134/2016 от 4 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-92RS0003-2a-3134-2016-m-3420-2016-2016-09-26-0-0/?ysclid=m18ckvqcb0977719673>.
19. Решение Ленинского районного суда города Севастополя в составе судьи Прохорчук О.В. по делу № 2А-2429/2016 от 29 июля 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-92RS0003-2-698-2017-2-2526-2016-m-2630-2016-2016-07-29-0-0/?ysclid=m18clhyhus464851860>.
20. Решение Нелидовского городского суда (Тверская область) от 8 апреля 2013 г. № 2–743/2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-69RS0021-2-28-2013-2-743-2012-m-680-2012-2012-12-07-0-0/?ysclid=m18c78t0ep66535695>.
21. Решение Тверского гарнизонного военного суда (Тверская область) от 3 ноября 2017 г. № 2А-155/. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-77GV0011-2a-155-2017-m-146-2017-2017-09-26-0-0/?ysclid=m18cbesrr5877569762>.
22. Решение Центрального районного суда г. Твери (Тверская область) от 8 октября 2012 г. № 2–1707/2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-69RS0039-2-1707-2012-materialy-dela-2012-10-08-0-0/?ysclid=m18c6sqv2i962236400>.
23. Якименко Д.В. Применение судами Российской Федерации Конституции Российской Федерации // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 2 (27). – С. 197–200.

CERTAIN ISSUES OF APPLICATION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: A PRACTICAL APPROACH

Shapovalov V.D.

St. Petersburg State economic university

The article is devoted to the analysis of actual problems arising in the application of the Constitution of the Russian Federation by the courts. It examines certain aspects of constitutional justice that affect the interpretation and implementation of constitutional norms in judicial practice. The main purpose of the article is to analyze the practice of implementing various provisions of the Constitution into court decisions, the principles of their application in judicial practice and the main problems of interpreting constitutional norms when courts have to delve into the very essence of norms with their ambiguity. The article pays special attention to the issues of application by the courts of some subjects of the Russian Federation of the provisions of the basic law. The relevance of the presented research lies in describing, using concrete examples of practice, various approaches of courts to the interpretation and application of constitutional legal norms and identifying patterns of their development in order to ensure their potential practice orientation.

Keywords: The Constitution, analysis of law enforcement, the basic law, judicial practice, judicial system, judicial interpretation.

References

1. Berezhnoy, A. S. (2020), «To the question of the application of the Constitution of the Russian Federation in judicial practice», Young scientist, Kazan, № 49 (339), pp. 175–177.
2. Zorkin V. D. «Speech by the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation. Axiological aspects of the Constitution of Russia», Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation, available at: www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=1.
3. Zorkin V. D. «Problems of legislative gaps speech of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation 2008 in Vilnius», Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation, available at: www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=19.
4. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the nationwide vote on July 01, 2020], Official Internet portal of legal information, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.
5. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation from 02.04.2009 № 484-О-Р «On the complaint of citizens Lashmankin Alexander Vladimirovich, Shadrin Denis Petrovich and Shimovolos Sergey Mikhailovich on violation of their constitutional rights by the provision of part 5 of article 5 of the Federal Law 'On meetings, rallies, demonstrations, marches and pickets'», available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89424/.
6. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation from 17.07.2007 № 382-О-О «On refusal to accept for consideration the complaint of citizens Ponedelnikov Vitaly Vasilievich, Popova Julia Sergeevna and Shkolnaya Nina Yurievna on violation of their constitutional rights part one of article 100 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation», available

- at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12054712/?ysclid=m18beusziv517288961>.
7. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation from 23.12.2014 № 2975-O «On the complaint of citizens Alyoshin Vasily Viktorovich, Elaev Ivan Alexandrovich and others on the violation of their constitutional rights in part 5 of article 5 and paragraph 2 of part 1 of article 12 of the Federal Law 'On meetings, rallies, demonstrations, marches and pickets'», available at: mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70753020/?ysclid=m18b8x4ryc867719887>.
 8. Definition of Tuimazinskiy district court (Republic of Bashkortostan) from January 22, 2014 № 11–136/2013, available at: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-tuimazinskii-raionnyi-sud-respublika-bashkortostan/?page=5&ysclid=m18c918cw506176920>.
 9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation from 23.09.2014 № 24-P «On the case of verification of the constitutionality of part 1 of Article 6.21 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the complaint of citizens N.A. Alekseev, Y.N. Yevtushenko and D.A. Isakov», available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169047/?ysclid=m18bidrvts196164879.
 10. Decision of the Bologovskiy city court (Tver region) from February 10, 2012 № 2–1578/2011, available at: <https://actofact.ru/case-69RS0004-2-5-2012-2-1578-2011-m-1486-2011-2011-11-09-0-0/?ysclid=m18c18tc3v768378909>.
 11. Decision of Davlekanovsky district court (Republic of Bashkortostan) from June 26, 2013 № 2–561/2013, available at: <https://actofact.ru/case-03RS0038-2-561-2013-m-457-2013-2013-06-05-0-0/?ysclid=m18c99kme12282256>.
 12. Decision of the Zvenigovsky District Court (Republic of Mari El) in the composition of Judge Aleksandrova E.P. in case № 2A-980/2016 of September 05, 2016, available at: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-zvenigovskii-raionnyi-sud-respublika-marii-el/?ysclid=m18cohxsr5256435206>.
 13. Decision of the Yoshkar-Ola City Court (Republic of Mari El) in the composition of Judge Yumanova E.V. in case № 2A-4517/2017 of October 20, 2017, available at: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-ioshkar-olinskii-gorodskoi-sud-respublika-marii-el/?ysclid=m18crovojk666016297>.
 14. Decision of the Yoshkar-Ola City Court (Republic of Mari El) in the composition of Judge Yumanova E.V. in case № 2A-4519/2017 of October 19, 2017, available at: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-ioshkar-olinskii-gorodskoi-sud-respublika-marii-el/?ysclid=m18cnsca943937209>.
 15. Decision of the Kalininsky district court of Ufa (Republic of Bashkortostan) from October 6, 2016 № 2–8225/2016, available at: https://sudact.ru/regular/doc/io9f4MTdXD5r/?page=2®ular-txt=®ular-case_d oc=2-8225%2F2016®ular-lawchunkinfo=®ular-date_fr om=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=.
 16. The decision of the Leninsky district court of the city of Sevastopol in the composition of Judge K.V. Kukurekin on the case № 2A-2116/2017 of July 14, 2017, available at: <https://actofact.ru/case-92RS0003-2a-2116-2017-m-1972-2017-2017-07-12-0-0/?ysclid=m18ckfnhig74823538>.
 17. The decision of the Leninsky district court of the city of Sevastopol in the composition of Judge Kalganova S.V. on the case № 2A-567/2017 of March 24, 2017, available at: [https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/reshenie-_2a-567_2017-ot-24.03.2017-leninskogogo-rayonnogo-suda-\(gorod-sevastopol\)?ysclid=m18ckn9qnz16278645](https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/reshenie-_2a-567_2017-ot-24.03.2017-leninskogogo-rayonnogo-suda-(gorod-sevastopol)?ysclid=m18ckn9qnz16278645).
 18. The decision of the Leninsky district court of the city of Sevastopol in the composition of Judge Kalganova S.V. in case № 2A-3134/2016 of October 4, 2016, available at: <https://actofact.ru/case-92RS0003-2a-3134-2016-m-3420-2016-2016-09-26-0-0/?ysclid=m18ckvqcb0977719673>.
 19. Decision of the Leninsky district court of the city of Sevastopol in the composition of Judge Prokhorchuk O.V. on the case № 2A-2429/2016 of July 29, 2016, available at: <https://actofact.ru/case-92RS0003-2-698-2017-2-2526-2016-m-2630-2016-2016-07-29-0-0/?ysclid=m18clhyhus464851860>.
 20. Decision of the Nelidovsky city court (Tver region) from April 8, 2013 № 2–743/2012, available at: <https://actofact.ru/case-69RS0021-2-28-2013-2-743-2012-m-680-2012-2012-12-07-0-0/?ysclid=m18c78t0ep66535695>.
 21. Decision of the Tver garrison military court (Tver region) from November 3, 2017 № 2A-155/2017, available at: <https://actofact.ru/case-77GV0011-2a-155-2017-m-146-2017-2017-09-26-0-0/?ysclid=m18cb688w2346919256>.
 22. Decision of the Central District Court of Tver (Tver region) from October 8, 2012 № 2–1707/2012. available at: <https://actofact.ru/case-69RS0039-2-1707-2012-materialy-dela-2012-10-08-0-0/?ysclid=m18c6sqv2i962236400>.
 23. Yakimenko, D.V. (2019), «Application of the Constitution of the Russian Federation by the courts of the Russian Federation», *Baltic Humanitarian Journal, Toliatti*, № 2 (27), pp. 197–200.

Договор подряда: теория и практика, правовые проблемы

Булгатов Иван Викторович,

магистрант Университета «Синергия»

E-mail: alden@inbox.ru

В статье рассмотрена сущность, цели, ключевые параметры такого правового института, как договор подряда. Рассмотрены такие свойства договора подряда, как консенсуальность, возмездность, направленность на результат; выделены возможные стороны договора подряда. Представлен подход российского законодателя в отношении существенных условий договора, обозначен диспозитивный вектор законодательства в регулировании договора подряда. Выделена проблема заключения договоров подряда с несуществующими организациями. Обозначена проблема разграничения трудового договора и договора подряда. Ошибки в квалификации договора могут возникать из-за использования неправильных формулировок или попыток скрыть трудовые отношения под видом гражданско-правовых договоров. Выделены различия между договором подряда и договором возмездного оказания услуг. Отмечена проблема взаимосвязи договоров. Сделан вывод о том, что взаимосвязь договоров при выполнении подряда, особенно в сложных проектах, где участвуют несколько сторон и третьих лиц – подрядчик, субподрядчики, поставщики и другие участники – может привести к эффекту «принципа домино», когда нарушение обязательств по одному из договоров вызывает цепочку негативных правовых последствий для всех связанных договоров. Все эти договоры считаются самостоятельными и не связанными с точки зрения права, но с точки зрения практики отказ от договора подряда по какой-либо причине приводит к отказу от всех других вышеперечисленных договоров.

Ключевые слова: подряд, договор подряда, договор возмездного оказания услуг, трудовой договор, строительный подряд, недобросовестная сторона, злоупотребление, трудовые отношения, доктрина связанных договоров.

Договор подряда в российском законодательном массиве представляет собой самостоятельный, правовой институт, имеющий различные формы – виды договоров: договор бытового подряда; строительный подряд; подряд на выполнение проектных и изыскательских работ; подрядные работы для государственных или муниципальных нужд [7, с. 43]. Несмотря на общие черты, свойственные всем вышеперечисленным видам договоров, каждый из этих видов обладает уникальной спецификой и направлен на решение разных задач.

Несмотря на то, что договор подряда имеет достаточно долгую историю в отечественной юриспруденции и юридической практике, динамика современных гражданских правовых отношений генерирует множество законодательных и правоприменительных «пробелов» и проблем, которые нуждаются в разрешении. В данной связи изучение правовых особенностей, сущностных черт и проблем, связанных с договором подряда, представляется нам особенно актуальной научной задачей. По мнению Д.Д. Самсонова, важность научного осмысления потенциально проблемных аспектов функционирования института договора подряда обусловлена также и тем, что договор подряда остается наиболее важным механизмом для субъектов права (физических, юридических и публичных лиц) для реализации предпринимательской деятельности повышения качества жизни граждан (как в случае и бытовым договором подряда) [21, с. 272]. Схожий тезис выражает А.А. Ильенко: договор подряда, в силу специфики его предмета, существенных условий, правового регулирования, «занимает центральное место в группе обязательств по выполнению работ, и в системе хозяйственных договоров, заключаемых субъектами хозяйствования» [11, с. 18]. Кроме того, как и любой другой институт права, имеющий больше диспозитивных начал, чем императивных, договор подряда может существенно варьироваться по своей форме, по содержанию, по «жесткости» условий и возможности их исполнения.

Функционирование института договора подряда

Договор подряда имеет место в широком спектре сфер деятельности человека, существенно варьируется по масштабам производимых работ и степени изменения исходного объекта. Договор подряда заключается как в целях создания новых объектов, так и для модернизации, видоизменения существующих. Все эти факторы обуславливают наличие множества подходов как к заключению договоров, их исполнению, так и к разрешению судебных споров, возникающих в связи с договорами подряда.

В результате на современном этапе в нашей стране сформировалась весьма разнородная и, можно сказать, не единообразная судебная практика, в рамках которой законодательные положения, касающиеся договора подряда, интерпретируются современно по-разному [11, с. 19]. Г.С. Сариев говорит о том, что споры, вытекающие из договора подряда, выступают одним из наиболее распространенных видов споров в судебной практике, будучи, при этом, наиболее сложной с позиции доказывания категорией гражданско-правовых дел [22, с. 205].

В текущих условиях договор подряда может быть заключен в отношении процессов и работ, обладающих колоссальным или даже общестрановым масштабом. Так, в частности, существенная доля научных работ, посвященных рассматриваемой нами предметной области, посвящены подряду. Колоссальное число участников, задействованных в исполнение подобного рода договоров, сложные механизмы привлечения субподрядчиков и поставщиков, частые срывы сроков сдачи объектов, большие объемы затраченных средств – все это вызывает особый интерес современных правоведов. Среди новейших публикаций в данной области можно отметить статьи Н.В. Чарыковой [30], К.А. Хапчаевой [27], П.В. Надтачаева и С.В. Мельника [16], Е.Ю. Харисовой [28], К.А. Середы [23] и др.

Договор подряда в общем виде можно определить, как гражданско-правовой договор, в рамках которого одна сторона (подрядчик) обязуется по поручению другой стороны (заказчика) выполнить определённую работу или предоставить определённый результат труда, а заказчик, в свою очередь, обязуется принять этот результат и оплатить выполненную работу. Существенными условиями данного договора являются объект работы, сроки её выполнения, а также стоимость и порядок оплаты. С юридической точки зрения основными параметрами договора подряда выступает, во-первых, его возмездный характер (подрядчик получает оплату за свою работу) и, во-вторых, консенсуальность (договор считается заключённым с момента достижения соглашения сторонами). В отличие от трудового договора, который регулирует продолжительный характер трудовых отношений, договор подряда направлен на достижение конкретного результата – выполнения работы или оказания услуги.

Как отмечено выше, сторонами договора подряда выступают заказчик и подрядчик. Российский законодатель предусматривает наличие диспозитивных норм о том, кто может выступать стороной договора подряда. Так, и заказчиком, и подрядчиком могут быть юридические лица, индивидуальные предприниматели, граждане.

Правовой статус сторон в рамках условий договора подряда идентифицируется и описывается посредством четкой фиксации взаимных прав и обязанностей сторон договора. Заказчиком, в любом случае, будет являться лицо, которое приобретает результат работ, имеющий для него цен-

ность. В абсолютном большинстве случаев реальной практики договор подряда содержит условие о том, что заказчик имеет право контролировать процесс выполнения работ и их качество. В ситуации, когда работы произведены некачественно, не в полном объеме или не произведены в принципе, заказчик вправе требовать от подрядчика выполнения условий договора – устранения недостатков, «доисполнения» работ до условленной меры на безвозмездной основе. Как заказчик, так и подрядчик имеют право на то, чтобы отказаться от договора.

Законодатель, как отмечено выше, предоставляет субъектам гражданско-правовых отношений достаточно большую степень свободы в определении условий договора подряда. При этом существуют также и существенные условия договора, которые должны содержаться в его тексте обязательно; в разных типах договоров существенные условия могут быть разными. Как пишет И.В. Гинзбург, в ситуации отсутствия одного из существенных условий договор может быть признан незаключенным – хотя, как показывает судебная практика, данное правило не является абсолютным и суды все чаще рассматривают, какие взаимоотношения были установлены между сторонами договора фактически, а не только де юре [6, с. 228].

Среди прочих специфических черт договора подряда В.С. Давидов указывает на следующие: во-первых, договор подряда в любом случае предполагает согласование индивидуального заказа, процесс выполнения работы и сдачу результата, следовательно, моменты заключения и исполнения данного договора априорно не совпадают; во-вторых, договор подряда, если следовать положениям п. 1 ст. 703 Гражданского Кодекса Российской Федерации, может затрагивать лишь изготовление вещи, либо на ее существенную переработку (ст. 703). Переработка предполагает такую степень изменения исходного объекта, при которой возникает объект с новыми параметрами и свойствами [8, с. 34].

Таковы, собственно, основные сущностные черты договора подряда. Представляется целесообразным рассмотреть наиболее противоречивые и потенциально проблемные аспекты, связанные с функционированием данного гражданско-правового института.

Проблема дефекта воли одной из сторон – недействительный договор подряда

В ситуации заключения договора подряда одним из важных аспектов является проверка того, чтобы каждая из сторон обладала дееспособностью (для физических лиц) или действительностью (для юридических лиц или индивидуальных предпринимателей). В большинстве случаев проблемы возникают при заключении договоров подряда, где одной из сторон (чаще всего – подрядчик) выступает недействующее юридическое лицо. Речь идет о насущной проблеме заключения договоров подряда с несуществующими хозяйствующими субъектами.

Случаи заключения договоров с несуществующими организациями, как указывает И.В. Гинзбург, особенно участились в последнее время [6, с. 228]. Можно предположить, что это связано с цифровизацией существенной доли гражданско-правовых отношений и увеличением дистанционного формата взаимодействия между субъектами правооборота. Речь идет о том, что, к примеру, договор подряда может заключаться в цифровом виде, либо же без физического визита в офис компании-подрядчика. Кроме того, сегодня для того, чтобы создать впечатление функционирующей и серьезной коммерческой организации, компании требуется лишь создать «правдоподобный сайт» – достаточно небольшое число заказчиков будут осведомляться о регистрационных данных и статусе конкретного юридического лица перед заключением договора подряда.

Все это влечет за собой заключение договоров подряда с мошенниками, не имеющими правосубъектности и, соответственно, не способными выступать полноценной стороной договора подряда. Правосубъектность юридического лица, как известно, начинается исключительно с момента его регистрации в едином государственном реестре – в противном случае заключенный с таким юридическим лицом договор будет ничтожным. Несмотря на то, что суд по требованию добросовестной стороны может принудить исполнить соглашение лицом, подписавшим договор от имени несуществующей организации, это в любом случае накладывает на добросовестную сторону бремя долгих судебных разбирательств, в ряде случаев, затягиваемых невозможностью оперативной идентификации фактической локации недобросовестной стороны.

Разграничение типов договоров. Трудовой договор vs договор подряда

В юридической науке, законодательном массиве и судебной практике одной из наиболее актуальных проблем связана с тем, что договор подряда имеет множество схожих черт с другими типами договоров, и зачастую квалификация конкретного договора в качестве договора подряда сталкивается с тем, что наличие в нем прямых или косвенных признаков и условий не позволяет считать его таковым – вместо этого суд может признать такой акт договором на оказание услуг, трудовым договором и проч. Вопросам разграничения и взаимопересечения договоров посвящено немало диссертационных, монографических исследований и публикаций в научных периодических изданиях. Среди новейших можно отметить работы Т. Дж. Арсанукаева [2], Т.В. Богдановой [3], А.Н. Данчиновой [9], Д.А. Кириллова [12], И.С. Онищенко и А.Е. Кабановой [17], В.Ю. Полушкиной [18], А.В. Скобелевой [24], Я.В. Чаплыгиной [29] и др.

Т. Дж. Арсанукаев указывает, в частности, на то, что российские суды в разбирательствах нередко ошибаются в вопросах квалификации договоров, имеющих одновременно признаки разных

типов договорных конструкций [2, с. 186]. Вопрос разграничения договора подряда и смежных видов договоров, таких как трудовой договор и договор возмездного оказания услуг, занимает важное место как в правоприменительной практике, так и в теории гражданского права. Отсутствие четкого разделения этих типов договоров приводит к возникновению споров в российских судах, что, в свою очередь, требует глубокого анализа правовой природы данных договоров и критериев их разграничения.

Особенно актуальной выступает проблематика разграничения трудовых отношений, где приоритетными являются регулярное выполнение трудовой функции и подчинение внутреннему распорядку, и отношений подряда, направленных на достижение конкретного материального результата. Данная тема особенно актуальна в контексте борьбы с практиками недобросовестного сокрытия трудовых отношений под видом гражданско-правовых договоров.

О.А. Анферова указывает на то, что крайне важной является форма оформления договорных отношений – т.е. вербализация конкретных формулировок в тексте договоров. Нередко квалифицировать договор подряда становится затруднительным уже по причине того, что в его тексте встречаются термины и категории, которые могут иметь место исключительно в трудовых контрактах. Так, в частности, договор подряда не может включать в себя формулировки, прямо указывающие на отношения между сторонами по модели «работник – работодатель» [1, с. 87]. Так, стороны могут именоваться в таких договорах как «работодатель» и «работник», тогда как в договоре подряда сторонами выступают заказчик и подрядчик; кроме того, ошибочным будет именование сторон как «заказчик» и «исполнитель» – это может стать в последующем основанием для квалификации договора как договора на оказание услуг. Указание на фиксированный объем ежемесячной оплаты выступает еще одним признаком трудовых отношений, как и сроки выплаты, привязанные не к конкретным этапам предоставления результата, а к календарным датам. И проверяющие органы, и суд могут усмотреть в таких договорах указание на трудовой характер отношений и рассматривать дело уже в контексте трудового права.

То ли по причине использования готовых шаблонов документов, то ли по невнимательности при заключении договора подряда часто допускается ошибка указания трудового распорядка – в договоре подряда «не должны фигурировать ссылки на трудовой распорядок компании, локальные акты, правила трудовой дисциплины» [1, с. 88]. Текст п. 1 ст. 704 Гражданского Кодекса предусматривает свободу выбора подрядчиком способа выполнения работы и его графика, тогда как положения ст. 15 Трудового Кодекса предписывают исполнять рабочие обязанности «...под управлением и контролем работодателя...».

Договор подряда и трудовой договор имеют немало общих параметров, но, при этом, их цели разнятся: трудовой договор, пишет В.В. Жукавин с соавт., заключается с целью осуществления трудовых функций без направленности на достижение какого-либо единократного материального результата. Следовательно, оплата по трудовому договору, в отличие от договора подряда, производится не за выполненную работу, а за процесс ее выполнения [10, с. 544]. Разграничение договора подряда и трудового договора важно и с той точки зрения, что рабочие функции исполняются единолично работником, тогда как в рамках подряда подрядчик чаще всего получает право привлечь субподрядчиков.

Разница между договорами имеет колоссальное прикладное значение: к примеру, если работник не соблюдает график, трудовую дисциплину, работает используя непредусмотренные работодателем способы и инструментарий, работодатель имеет право применить к нему меры дисциплинарной ответственности. Подрядчик же несет ответственность исключительно за соблюдение срока сдачи результата работы или ее части.

Ошибки, связанные со смешением трудовых и нетрудовых отношений, часто вызваны недостаточной квалификацией кадрового специалиста/юриста, который производит оформление договора. Тем не менее, гораздо важнее нам представляется рассмотрение ситуаций злоупотреблением нормами права. Речь идет о том, что работодатели могут в попытках максимизации прибыли и сокращения издержек «замаскировать» трудовые отношения под конструкцией договора подряда. Работодатель, в условиях современной рыночной экономики, стремится увеличить собственную прибыль и минимизировать свои издержки. Достижение подобных целей нередко происходит посредством сознательной замены договорных конструкций. Ч. 5 ст. 15 Трудового Кодекса, при этом, воспрещает применять гражданско-правовое соглашение для урегулирования трудовых отношений.

Е.В. Сливинский с соавт. пишет о том, что стремление к «маскировке» трудовых отношений подрядом объясняется существенным сокращением объемом гарантий работника. Так, недобросовестный работодатель, заключая с работником договор подряда, избавляет себя от бремени налогообложения за работника; а также от ответственности за предоставление гарантий, predetermined императивами отечественного трудового права; сокращает издержки на исполнение требований по охране труда работника [25, с. 137]. Трудовой договор, таким образом, предоставляет работнику более высокий уровень защиты, в том числе через нормы трудового законодательства, регулирующие увольнение, условия труда, оплату и социальные гарантии. В случае договора подряда правовые отношения регулируются нормами гражданского законодательства, что значительно уменьшает уровень социальной защищенности подрядчика. Российские суды нередко сталкива-

ются с ситуациями, когда работодатели пытаются замаскировать трудовые отношения под договоры подряда, чтобы избежать исполнения обязательств перед работниками, предусмотренных Трудовым кодексом. В таких случаях суды применяют комплексный подход, оценивая фактические обстоятельства отношений между сторонами договора, включая степень подчиненности работника и характер выполнения работы.

Договор возмездного оказания услуг vs договор подряда

Разграничение договора возмездного оказания услуг и договора подряда является еще одной проблемной областью правовой науки и практики. Несмотря на тот факт, то оба типа договора призваны урегулировать отношения, связанные с выполнением работ или предоставлением услуг за вознаграждение, они, при этом, имеют существенные отличия в своих характеристиках и целях.

Ключевым различием между договором подряда и договором возмездного оказания услуг выступает цель и характер результата выполнения работ. Договор подряда направлен на достижение конкретного, материального результата, который имеет осязаемую форму (готовое здание, ремонт помещения, кулинарная продукция и т.п.). Договор возмездного оказания услуг направлен на осуществление действий или выполнение определенных услуг, результат которых может быть нематериальным или не оценимым в объективной, денежной форме (это касается, к примеру, консультационных, медицинских, образовательных услуг). Акцент, по всей видимости, в данном случае локализуется на самом процессе оказания услуг, а не на достижении осязаемого результата.

В правовом контексте в договоре подряда деятельность подрядчика направлена на выполнение работ, которые завершаются созданием или модификацией материального объекта. Результат подобной работы передается заказчику. В договоре возмездного оказания услуг основной акцент делается на процесс выполнения определенных действий. Следовательно, в договоре подряда подрядчик получает вознаграждение только за достигнутый и переданный результат; если результат работы не соответствует условиям договора или не достигнут, подрядчик может не получить оплату. В договоре возмездного оказания услуг оплата производится за сам процесс оказания услуг, даже если результат не виден или не может быть гарантирован. В российской судебной практике разграничение двух данных типов договоров часто вызывает затруднения, особенно в случаях, когда не видно четкого разграничения между услугами и результатом работы.

Согласно положениям ст. 702 Гражданского Кодекса предметом договора подряда являются «работа и ее результат» (в других статьях есть указание лишь на работу – п. 1 ст. 704, ст. ст. 708–710). Данное обстоятельство сближает «процессный» характер подряда и услуги. Тем не менее, как указывает А.А. Ильенко, российский законодатель

предполагает, что выполняемая по подряду работа направлена на достижение определенного результата [11, с.21]. Договоры, которые не имеют вещественного результата, следует квалифицировать как договоры оказания услуг.

По мнению Т. Дж. Арсанукаева, критерием разграничения работ и услуг выступает то, что в услугах действие и его результат неотделимы друг от друга: «при оказании услуги продается не сам результат, а действия к нему приведшие» [2, с. 187]. Еще одним критерием выступает разграничение степени изменения объекта: работа (договор подряда) предполагает либо создание новой вещи, объекта, либо существенное ее (его) изменение. Услуга, понимаемая в подобном контексте, может быть интерпретирована в качестве усилий, не связанных с прямым, необратимым или существенным воздействием на вещь/объект [2, с. 190].

Увеличение стоимости выполнения работ и издержек по договору подряда

Проблема увеличения стоимости выполнения работ и издержек по договору подряда является одной из наиболее спорных в практике исполнения договоров подряда. Зачастую при выполнении крупных подрядов возникают ситуации, когда фактическая стоимость работ или затраты на их выполнение превышают ту сумму, которая была изначально согласована сторонами в договоре. Подобные обстоятельства нередко приводят к возникновению споров между подрядчиком и заказчиком – в том числе в судебном порядке.

Увеличение стоимости выполнения работ может быть вызвано рядом факторов. Так, в процессе выполнения работ могут быть обнаружены условия, не учтенные на этапе планирования, такие как изменения в технологии, инфляция, повышение стоимости материалов, ухудшение погодных условий или форс-мажорные обстоятельства. В ряде случаев заказчик инициирует изменения в проекте, которые требуют дополнительных ресурсов или времени, соответственно – стоимость выполнения работ может пропорционально увеличиться [20, с. 180]. Если после заключения договора стоимость материалов, оборудования или услуг возросла по причинам, не зависящим от подрядчика, подрядчик может требовать увеличения цены, если иное не предусмотрено договором (ст. 709 Гражданского Кодекса). Подрядчик обязуется незамедлительно уведомить заказчика о возникших обстоятельствах, которые могут повлиять на стоимость или сроки выполнения работ. В противном случае подрядчик утрачивает право требовать компенсации за такие изменения.

Заказчики, как правило, стараются минимизировать свои затраты и переложить риски на подрядчика, что особенно заметно при изучении текстов договоров, содержащих указание на фиксированные цены и объемы выплат.

Вопросом, тесно связанным с увеличением стоимости работ, является выполнение дополнительных работ по подряду. Согласимся с М.В. Чарыко-

вой в том, что споры, связанные с оплатой дополнительных работ, не согласованных с заказчиков, выступают одними из наиболее сложных в судебной практике [30, с. 112].

Тот факт, что подрядчик выполнил дополнительные работы, едва ли способен генерировать обязательство заказчика по их оплате. В данной связи российский законодатель в рамках ст. 743 Гражданского Кодекса регламентирует порядок и условия проведения дополнительных работ. В целях профилактики будущих споров – и для того, чтобы стоимость дополнительных работ была оплачена заказчиком, представляется целесообразным указывать дополнительные работы в тексте договора, а также детализировать смету на подобные работы в рамках дополнительного соглашения. Подобная мера позволит, помимо прочего, минимизировать риски злоупотребления формулировкой «дополнительные работы» со стороны их исполнителя с целью неоправданного завышения итоговой стоимости работ по подряду.

Взаимосвязь договоров при выполнении подряда: «принцип домино» в отказе от исполнения условий связанных с подрядом договоров

Взаимосвязь договоров при выполнении подряда, особенно в сложных проектах, где участвуют несколько сторон и третьих лиц – подрядчик, субподрядчики, поставщики и другие участники – может привести к эффекту «принципа домино», когда нарушение обязательств по одному из договоров вызывает цепочку негативных правовых последствий для всех связанных договоров. Подобное явление можно наблюдать в ситуациях, когда сбой в одном элементе цепочки приводит к задержкам, финансовым потерям и даже к прекращению выполнения подряда.

Безусловно, при наличии договора подряда на создание крупного объекта подрядчик привлекает субподрядчиков, заключает договоры с поставщиками, трудовые договоры с новыми работниками. Все эти договоры считаются самостоятельными и не связанными с точки зрения права, но с точки зрения практики отказ от договора подряда по какой-либо причине приводит к отказу от всех других вышеперечисленных договоров. Фактически речь идет, пишет К.И. Волощико, «о едином договоре, так как все действия развиваются в рамках договора подряда» [5, с. 6]. С юридической точки зрения возникает противоречивый вопрос: если существует два связанных в практике договора, юридически не образующих единую договорную конструкцию, может ли немотивированный отказ от одного договора обосновать немотивированный отказ от второго договора?

Согласно постулатам т.н. доктрины связанных контрактов, если договоры являются связанными определенными условиями, а стороной является потребитель, то он получает право на отказ от любого из договоров, даже если у него есть право на немотивированный отказ только от одного договора. Тем не менее, данные постулаты нельзя при-

менять в отношении рассматриваемой нами ситуации. Согласно гражданскому праву, каждый договор является самостоятельной сделкой и не зависит формально от других договоров, даже если они заключены в рамках одного проекта. Однако с точки зрения практической реализации, эти договоры функционально и экономически взаимосвязаны. Например, субподрядчики и поставщики зависят от выполнения обязательств по основному договору подряда: если подрядчик не может выполнить работы из-за расторжения договора с заказчиком, он прекращает обязательства по субподряду и закупке материалов. Трудовые договоры с новыми работниками также могут быть расторгнуты в связи с невозможностью дальнейшего выполнения работ. Решением данной проблемы может стать лишь детальная регламентация условий самого договора подряда – исходной точки для формирования новых договорных отношений подрядчика с третьими лицами.

Выводы

Перечень проблемных аспектов, возникающих в рамках заключения, исполнения, отказа, разбирательства по договору подряда не исчерпывается вышепредставленными. Так, внимание современных российских исследователей также сфокусировано на вопросе злоупотреблением условий о неустойке и ее непропорциональном объеме [19, с. 37], [15, с. 47], [26, с. 61], на вопросе детализации качества итогового результата работ [4, с. 103], отсрочки и поэтапной сдачи результатов работ [13, с. 100], на специфических чертах бытового подряда [14, с. 450]. Эти и другие аспекты требуют тщательного научного осмысления и анализа – как с точки зрения модернизации законодательных положений, так и с позиции систематизации судебной практики.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Договор подряда представляет собой гражданско-правовую сделку, в рамках которой подрядчик обязуется выполнить конкретную работу или предоставить определённый результат труда по поручению другой стороны – заказчика, который, в свою очередь, обязуется принять результат и оплатить выполненные работы. Этот вид договора характеризуется возмездным характером и консенсуальностью.
- Проблема дефекта воли при заключении договора подряда связана с недействительностью договора, если одна из сторон не обладает дееспособностью или правосубъектностью. Часто это происходит при заключении договоров с несуществующими юридическими лицами.
- Разграничение трудового договора и договора подряда представляет собой актуальную проблему в юридической науке и практике. Судебная практика демонстрирует необходимость тщательного анализа условий договоров и их фактического исполнения, чтобы предотвра-

тить злоупотребления работодателей и защитить права работников.

- Ключевым различием между договором подряда и договором возмездного оказания услуг выступает цель и характер результата выполнения работ. Договор возмездного оказания услуг направлен на осуществление действий или выполнение определённых услуг, результат которых может быть нематериальным или не оценимым в объективной, денежной форме.
- При наличии договора подряда на создание крупного объекта подрядчик привлекает субподрядчиков, заключает договоры с поставщиками, трудовые договоры с новыми работниками. Все эти договоры считаются самостоятельными и не связанными с точки зрения права, но с точки зрения практики отказ от договора подряда по какой-либо причине приводит к отказу от всех других вышеперечисленных договоров.

Литература

1. Анферова, О.А. Проблемные вопросы договора подряда в российском законодательстве / О.А. Анферова // Вестник экспертного совета. – 2022. – № 3 (30). – С. 87–95.
2. Арсанукаев, Т. Дж. Разграничение договора подряда и договора об оказании услуг / Т. Дж. Арсанукаев // Скиф. – 2020. – № 8 (48). – С. 186–192.
3. Богданова, Т.В. Разграничение договора подряда и трудового договора: теоретический и практический аспекты / Т.В. Богданова // Вестник СГЮА. – 2021. – № 1 (138). – С. 69–75.
4. Братищев, И.Д. Договор подряда в современном гражданском праве / И.Д. Братищев, Р.И. Наибханова // Вестник Института мировых цивилизаций. – 2019. – Т. 10, № 3(24). – С. 101–103.
5. Волощенко, К.И. Взаимосвязанность договоров и возможность преобразования одностороннего отказа от договора подряда / К.И. Волощенко // StudNet. – 2021. – № 5. – 9 с.
6. Гинзбург, И.В. Договор подряда: общая характеристика и проблемы правоприменения / И.В. Гинзбург // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 2. – С. 227–231.
7. Гогин, А.А. Договор подряда: историко-правовые периоды становления, развития и современного состояния / А.А. Гогин, А.Н. Федорова // Основы ЭУП. – 2021. – № 2 (27). – С. 38–44.
8. Давидов, В.С. Правовая природа договора подряда / В.С. Давидов // Вестник НИБ. – 2020. – № 39. – С. 33–39.
9. Данчинова, А.Н. Правовые аспекты отграничения договора подряда от договора возмездного оказания услуг в российском законодательстве / А.Н. Данчинова // Молодой ученый. – 2020. – № 47 (337). – С. 271–273.

10. Жукавин, В. В. К вопросу о разграничении договора подряда и трудового договора / В.В. Жукавин, С.В. Жукавин // E-Scio. – 2020. – № 10 (49). – С. 540–546.
11. Ильенко, А.А. Существенные особенности договора подряда / А.А. Ильенко // Теория и практика современной науки. – 2021. – № 8 (74). – С. 18–22.
12. Кирилов, Д. А. сравнительный анализ договора подряда с трудовым договором.ч. 1 / Д.А. Кириллов // Современные инновации. – 2021. – № 2 (40). – С. 52–55.
13. Кривушин, А.В. Риски заказчика при заключении договора подряда / А.В. Кривушин, В.М. Петроченко, А.Г. Федоров // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМ У. – 2021. – № 21. – С. 97–105.
14. Лебедева, А.С. Понятие, существенные условия и порядок заключения договора подряда / А.С. Лебедева // Вестник науки. – 2023. – № 5 (62). – С. 445–452.
15. Макарова, Л.А. Некоторые вопросы практики возмещения убытков / Л.А. Макарова, Е.Л. Невзгодина // Вестник ОмГ У. Серия. Право. – 2024. – № 1. – С. 45–50.
16. Надтачаев, П. В. К вопросу о понятии договора строительного подряда / П.В. Надтачаев, С.В. Мельник // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 11 (215). – С. 150–151.
17. Онищенко, И. С. К вопросу о соотношении договора подряда и договора возмездного оказания услуг / И.С. Онищенко, А.Е. Калабанова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 4 (220). – С. 210–212.
18. Полушкина, В.Ю. Договор поручения: сравнительно-правовая характеристика со смежными договорами / В.Ю. Полушкина // Экономика и социум. – 2022. – № 7 (98). – С. 313–316.
19. Разсудов, В.А. Способы обеспечения обязательств в договоре подряда / В.А. Разсудов // Вестник науки. – 2024. – № 8 (77). – С. 34–38.
20. Рябикин, А.А. Характерные черты договора подряда / А.А. Рябикин // Скиф. – 2023. – № 2 (78). – С. 177–181.
21. Самсонов, Д.Д. Особенности и правовая характеристика договора подряда / Д.Д. Самсонов // Скиф. – 2022. – № 5 (69). – С. 269–273.
22. Сариев, Г. С. К вопросу об исполнении договора подряда / Г.С. Сариев // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 30. – С. 204–214.
23. Середа, К.А. Договор строительного подряда в системе гражданско-правовых договоров / К.А. Середа // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 15. – С. 489–494.
24. Скобелева, А.В. Особенности признания отношений трудовыми в случае заключения договора гражданско-правового характера / А.В. Скобелева // SAF. – 2022. – № 1. – С. 9.
25. Сливинский, Е. В. К вопросу разграничения трудового договора и договора подряда / Е.В. Сливинский, Л.Г. Ворона-Сливинская // Colloquium-journal. – 2020. – № 4 (56). – С. 136–138.
26. Тамгдай, Б.Н. Установление договорной неустойки как мера гражданско-правовой ответственности или злоупотребление правом / Б.Н. Тамгдай // Вестник магистратуры. – 2023. – № 1–1 (136). – С. 60–62.
27. Хапчаева, К.А. Договор строительного подряда и его существенные условия / К.А. Хапчаева // Вестник науки. – 2020. – № 8 (29). – С. 26–29.
28. Харисова, Е.Ю. Договор генерального подряда в гражданском праве / Е.Ю. Харисова // Вестник магистратуры. – 2021. – № 5–1 (116). – С. 45–47.
29. Чаплыгина, Я.В. Разграничение договора возмездного оказания услуг и договора подряда / Я.В. Чаплыгина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 10–4. – 137–140
30. Чарыкова, Н.В. Дополнительные работы, не подлежащие оплате по договору подряда / Н.В. Чарыкова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 4. – С. 112–114.

CONTRACT FOR WORK AND LABOUR: THEORY AND PRACTICE, LEGAL PROBLEMS

Bulgatov I.V.
University "Synergy"

The article describes the essence, goals, key parameters of such a legal institution as a contract for work and labour. Such properties of the contract as consensuality, compensation, focus on the result are presented; possible parties to a contract for work are highlighted. The approach of the Russian legislator in relation to the essential terms of the contract, in relation to the optional vector in regulating a contract for work is presented. The problem of concluding contracts for work with non-existent organizations is highlighted. The problem of distinguishing between an employment contract and a contract for work is outlined. Errors in contract qualification may arise due to the use of incorrect wording or attempts to conceal labor relations under the guise of civil law contracts. The differences between a contract for work and a contract for the provision of services for a fee are highlighted. The problem of the interrelation of contracts is noted. It is concluded that the interrelation of contracts during the performance of a contract, especially in complex projects involving several parties and third parties – the contractor, subcontractors, suppliers and other participants – can lead to the effect of the “domino principle”, when a breach of obligations under one of the contracts causes a chain of negative legal consequences for all related contracts. All these contracts are considered independent and unrelated from a legal point of view, but from a practical point of view, the refusal of a contract for work for any reason leads to the refusal of all the other contracts listed above.

Keywords: contract, contract for work and labour, contract for services, employment contract, construction contract, fraudulent party, abuse, labor relations, doctrine of related contracts.

References

1. Anferova, O.A. Problematic issues of a contract for work in Russian legislation / O.A. Anferova // Bulletin of the expert council. – 2022. – No. 3 (30). – P. 87–95.
2. Arsanukaev, T.D. Distinction between a contract for work and a contract for the provision of services / T.D. Arsanukaev // Skif. – 2020. – No. 8 (48). – P. 186–192.
3. Bogdanova, T.V. Distinction between a contract for work and an employment contract: theoretical and practical aspects /

- T.V. Bogdanova // *Bulletin of the SSLA*. – 2021. – No. 1 (138). – P. 69–75.
4. Bratishchev, I.D. Contract for work in modern civil law / I.D. Bratishchev, R.I. Naibkhanova // *Bulletin of the Institute of World Civilizations*. – 2019. – Vol. 10, No. 3 (24). – P. 101–103.
 5. Voloschenko, K.I. Interrelatedness of contracts and the possibility of transforming a unilateral refusal from a contract for work / K.I. Voloschenko // *StudNet*. – 2021. – No. 5. – 9 p.
 6. Ginzburg, I.V. Contract for work: general characteristics and problems of law enforcement / I.V. Ginzburg // *Problems of Economics and Legal Practice*. – 2020. – No. 2. – P. 227–231.
 7. Gogin, A.A. Contract for work: historical and legal periods of formation, development and current state / A.A. Gogin, A.N. Fedorova // *Fundamentals of EUP*. – 2021. – No. 2 (27). – P. 38–44.
 8. Davidov, V.S. Legal nature of the contract for work / V.S. Davidov // *Bulletin of the Scientific and Research Library*. – 2020. – No. 39. – P. 33–39.
 9. Danchinova, A.N. Legal aspects of distinguishing a contract for work from a contract for the provision of services for a fee in Russian legislation / A.N. Danchinova // *Young scientist*. – 2020. – No. 47 (337). – P. 271–273.
 10. Zhukavin, V.V. On the issue of distinguishing between a contract for work and an employment contract / V.V. Zhukavin, S.V. Zhukavin // *E-Scio*. – 2020. – No. 10 (49). – P. 540–546.
 11. Iliencko, A.A. Essential features of a contract for work / A.A. Iliencko // *Theory and practice of modern science*. – 2021. – No. 8 (74). – P. 18–22.
 12. Kirilov, D.A. Comparative analysis of a contract for work and an employment contract. Part 1 / D.A. Kirilov // *Modern innovations*. – 2021. – No. 2 (40). – P. 52–55.
 13. Krivushin, A.V. Risks of the customer when concluding a contract / A.V. Krivushin, V.M. Petrochenko, A.G. Fedorov // *Scientific notes of the Tambov branch of the Russian Scientific and Technical University*. – 2021. – No. 21. – P. 97–105.
 14. Lebedeva, A.S. Concept, essential conditions and procedure for concluding a contract / A.S. Lebedeva // *Bulletin of science*. – 2023. – No. 5 (62). – P. 445–452.
 15. Makarova, L.A. Some issues of the practice of compensation for damages / L.A. Makarova, E.L. Nevzgodina // *Bulletin of Omsk State University. Series. Law*. – 2024. – No. 1. – P. 45–50.
 16. Nadtachaev, P.V. On the concept of a construction contract / P.V. Nadtachaev, S.V. Melnik // *Agrarian and land law*. – 2022. – No. 11 (215). – P. 150–151.
 17. Onishchenko, I.S. On the relationship between a contract and a contract for the provision of services for a fee / I.S. Onishchenko, A.E. Kalabanova // *Law and state: theory and practice*. – 2023. – No. 4 (220). – P. 210–212.
 18. Polushkina, V. Yu. Agency agreement: comparative legal characteristics with related agreements / V. Yu. Polushkina // *Economy and society*. – 2022. – No. 7 (98). – P. 313–316.
 19. Razsudov, V.A. Methods of securing obligations in a contract / V.A. Razsudov // *Bulletin of Science*. – 2024. – No. 8 (77). – P. 34–38.
 20. Ryabikin, A.A. Characteristic features of a contract / A.A. Ryabikin // *Skif*. – 2023. – No. 2 (78). – P. 177–181.
 21. Samsonov, D.D. Features and legal characteristics of a contract / D.D. Samsonov // *Skif*. – 2022. – No. 5 (69). – P. 269–273.
 22. Sariev, G.S. On the issue of execution of a contract / G.S. Sariev // *Issues of Russian Justice*. – 2024. – No. 30. – P. 204–214.
 23. Sereda, K.A. Construction contract in the system of civil contracts / K.A. Sereda // *Innovations. Science. Education*. – 2020. – No. 15. – P. 489–494.
 24. Skobeleva, A.V. Features of recognizing relations as labor relations in the case of concluding a civil contract / A.V. Skobeleva // *SAF*. – 2022. – No. 1. – P. 9.
 25. Slivinsky, E.V. On the issue of distinguishing between an employment contract and a contract / E.V. Slivinsky, L.G. Vorona-Slivinskaya // *Colloquium-journal*. – 2020. – No. 4 (56). – P. 136–138.
 26. Tamdagay, B.N. Establishment of a contractual penalty as a measure of civil liability or abuse of rights / B.N. Tamdagay // *Bulletin of the Magistracy*. – 2023. – No. 1–1 (136). – P. 60–62.
 27. Khapchaeva, K.A. Construction contract and its essential terms / K.A. Khapchaeva // *Bulletin of science*. – 2020. – No. 8 (29). – P. 26–29.
 28. Kharisova, E. Yu. General contract agreement in civil law / E. Yu. Kharisova // *Bulletin of the Magistracy*. – 2021. – No. 5–1 (116). – P. 45–47.
 29. Chaplygina, Ya.V. Distinction between a contract for the provision of services for a fee and a contract for work / Ya.V. Chplygina // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2020. – No. 10–4. – 137–140
 30. Charykova, N.V. Additional work not subject to payment under a contract for work / N.V. Charykova // *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law*. – 2020. – No. 4. – P. 112–114.

Дехтерёва Валерия Владимировна,

преподаватель кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: 10027079@mail.ru

Губанова Ольга Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

Османов Шамиль Абубакарович,

заместитель начальника отдела планирования, организации и координации научных исследований центра организации научно-исследовательской и редакционной деятельности, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: sh.osmanov@igps.ru

Завьялов Дмитрий Евгеньевич,

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник отдела информационного обеспечения населения и технологий информационной поддержки РСЧС и пожарной безопасности центра организации научно-исследовательской и редакционной деятельности, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: zavialov@igps.ru

Истории пожарной охраны на Руси посвящено много статей и книг. Но в данной статье обращено внимание на исторические этапы возникновения и модернизации противопожарного нормирования в России, на становление научной школы противопожарного нормирования в советский период и её основателях. Пожарная безопасность – это одна из ключевых составляющих безопасности жизни и здоровья граждан, а также защиты имущества. В России история пожарного нормирования имеет глубокие корни, уходящие в далекое прошлое. В частности в статье рассказано, как происходит обучение сотрудников МЧС России, в сферу деятельности которых входят вопросы регламентации пожарного нормирования в наши дни. Важно помнить, что соблюдение норм и правил пожарной безопасности – это залог безопасности каждого из нас.

Ключевые слова: пожарная охрана, строительство, документы, нормирование, переподготовка специалистов

Как известно из истории, инициатором создания пожарной службы в России был великий князь Иван III, создавший указ который ограничивал применение огня на производстве и в быту.

Позже, в 1649 в России были изданы два документа: «Наказ о городском благочинии» и «Соборное уложение», первый предписывал правила отопления жилья и бань и устанавливал меры наказания за их неисполнение, второй – вводил уголовную ответственность за поджоги. [1]

Остановимся на некоторых моментах из истории противопожарного нормирования и в частности при строительстве Санкт-Петербурга. Заканчивается Северная война, Россия получила выход в Балтийское море и в Устье Невы. Петр Первый в 1703 г. приступил к строительству новой столице. Для защиты невских земель были построены три крепости: Петропавловская с шестью бастионами, в 1704 г. на противоположном берегу – Адмиралтейская с пятью бастионами и третья – Кронштадтская на острове Котлин.

Под защитой трех крепостей стал застраиваться новый город. А ведь вокруг не было ни кирпичных заводов, ни каменных разработок, только строевой лес. И естественно, что первые дома были построены из дерева. Кирпичи стоили дорого, своего производства кирпичей в России не было, их привозили из Голландии. В связи с чем строились глинобитные мазанковые дома, а потом были запущены и кирпичные заводы. С естественным камнем тоже было плохо, поэтому был издан царский указ, чтобы каждая телега или баржа, прибывающие в город обязательно ввозила определенное число камней.

Для руководства строительством создается Канцелярия от строений (1709 г.), которую возглавил архитектор Доменико Трезини.

В 1728 году издается Указ «О построении домов в Санкт-Петербурге с соблюдением всевозможных предосторожностей от огня», предусматривающий правила установки печей и строительство зданий на достаточном расстоянии друг от друга.

В 1736 году вышел указ, вводящий нормы по строительству «брандмауэров» – противопожарных стен.

В 1737 года в Санкт-Петербурге для контроля за новым строительством была создана строительная комиссия, которая через несколько лет издает трактат «Должность архитектурной экспедиции», в котором были определены меры пожарной безопасности.

Комиссия «О Санкт-Петербургском строении», учрежденная 10 июля 1737 года, разработала генеральный план города. Это было первое в исто-

рии России целенаправленное градостроительство в Санкт-Петербурге.

Канцелярией от строений были разработаны проекты типовых зданий, прообраз современного типового строительства.

В 1832 году в России был опубликован первый Строительный устав, представляющий сборник законов и правил по проектированию и строительству зданий, включая меры пожарной безопасности.

Устав переиздавался в 1857 и 1900 годах с изменениями и добавлениями. Строительный Устав состоял из семи разделов, 18 глав, 242 статей и приложений.

Тем не менее, эти меры часто не соблюдались полностью, так как при строительстве возникали сложности с организацией проездов и улиц из-за отказов владельцев земли продавать свои участки городской администрации. [2]

В 1832 году были изданы «Строительный устав» и «Пожарный устав», в которых содержались предупредительные противопожарные меры.

В советское время декретом «Об организации государственных мер борьбы с огнем» от 17 апреля 1918 года предписывалось, что вопросы организации борьбы с пожарами относятся к государственным задачам.

В 1939 году был издан общесоюзный стандарт (ОСТ 90015–39), который упорядочивал требования пожарной безопасности и включал в себя классификацию строительных материалов, где здания и сооружения разделялись на огнестойкие, полугнестойкие, полусгораемые и сгораемые в зависимости от их способности противостоять огню. Там же были установлены требования к степени огнестойкости объектов. Документ также регламентировал установку противопожарных барьеров, путей эвакуации, расположение зданий и их внутреннюю планировку.

А теперь вспомним тех, кто стоял у истоков советского противопожарного нормирования и создал научную школу. Создателем научных основ противопожарного нормирования и основателем известной научной школы в области пожарной безопасности является Мирон Яковлевич Ройтман (1912–1998), выдающийся ученый в сфере обеспечения пожарной защиты зданий и сооружений, участник ВОВ.

Его труды получили международное признание и многие из них, включая монографию «Основы противопожарного нормирования», были переведены на различные иностранные языки и опубликованы за границей.

М.Я. Ройтман объединил достижения таких известных ученых, как В.А. Эллисона, К.М. Яичкова, а также других специалистов, работавших в этой области ранее.

Ученики М.Я. Ройтмана достигли значительных успехов в различных областях, связанных с пожарной безопасностью. Она стали известными учеными, руководителями и специалистами. Среди них стоит отметить таких выдающихся личностей, как

В.Ф. Кудаленкин, М.П. Башкирцев, Б.В. Грушевский, И.Н. Кривошеев, Е.Т. Шурин, Б.Б. Серков, В.М. Ройтман и многих других.

Человеком науки и соратником можно назвать и Петра Георгиевича Демидова, 110 лет дня рождения которого отмечалось в 2020 году. Петр Георгиевич был выдающимся деятелем науки, специалистом в области основ горения веществ и организации тушения пожаров, одним из основателей научной школы противопожарного нормирования.

И в настоящее время противопожарные нормы и стандарты являются важной частью строительных и производственных норм, предназначенных для обеспечения безопасности людей и имущества. [3]

В России 7 высших учебных заведений МЧС России готовят высококвалифицированных специалистов в данных областях и в том числе, сотрудников занимающихся пожарным нормированием. [4]

Например, в Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России на базе института развития разработан курс переподготовки для категории слушателей: «Должностные лица, осуществляющие профессиональную деятельность по государственному контролю в области пожарной безопасности за объектами нового строительства».

Обучающий курс рассчитан на приобретение компетенций по реализации профессиональной деятельности в соответствии с занимаемой должностью. В курсе, нацеленном на повышение теоретических и практических знаний слушателей данной категории, изучаются разделы: безопасности жизнедеятельности, надзорной деятельности, пожарной безопасности технологических процессов, экспертизы проектной документации, пожарной техники, организации пожарной охраны, пожарной техники, пожарной безопасности в электроустановках, пожарной автоматики и социально-правового обеспечения и т.д. [5,6,7,8,9,10,11,12,13,14,15,16,17,18]

История пожарного нормирования в России – это отражение изменений в обществе, экономике и технологиях. С каждым новым этапом развития страны вопросы пожарной безопасности становятся все более актуальными, и система нормирования продолжает адаптироваться к новым вызовам.

История пожарного нормирования в России. Важно помнить, что соблюдение норм и правил пожарной безопасности – это залог безопасности каждого из нас

Литература

1. Наказ царя Алексея Михайловича «О градском благочинии» 1649 г.
2. Князь А.Д. Львов «Городские пожарные команды. Опыт руководства к их устройству и отправлению ими службы» С.-Петербург, 1890 г.
3. Губанова О.А. Зарубежный опыт подготовки пожарных. Науч.-аналит. журн. «Вест-

- ник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2018 № 2. С. 169–174
4. Губанова О.А., Дехтерева В.В. Создание пожарно-технических учебных заведений в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2019 № 4 (45). С. 62–65
 5. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе дополнительного профессионального образования слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2022. 176 с.
 6. Губанова О.А., Зелинская И.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе дополнительного профессионального образования для слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2023. 248 с.
 7. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Правовые аспекты социальных гарантий сотрудников Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013 № 2(19) С. 58–63
 8. Губанова О.А. История и реформирование пенсионного обеспечения в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2018 № 2 (39). С. 79–82
 9. Губанова О.А. Реформирование пенсионной системы в Российской Федерации // Тезисы междунар. конф. // СПбУГПС 2019. СПб., 2019. С. 212–215
 10. Губанова О.А., Зуев А.В., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е. Пенсия за выслугу лет» // Юридическая наука, 2024, № 4. С. 37–40
 11. Губанова О.А., Бруевич М.Ю. Право на вторую пенсию // Закон и власть. 2023. № 1. С. 26–28.
 12. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Технологии по работе с резервом кадров в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России. Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2010 № 2. С. 62–70
 13. Губанова О.А., Бородин М.П., Алибеков А.А. Применение электронного учебно-методического комплекса при дистанционном освоении слушателями курса повышения квалификации // Педагогический журнал. 2021. № 5–1. С. 412–418.
 14. Губанова О.А. Модульное обучение в образовательной деятельности вуза // Педагогический журнал. 2022. № 1–1. С. 313–318.
 15. Лобжа М.Т., Романенко Н.В., Губанова О.А., Багреев С.Р. Модульный подход к формированию программ дополнительного профессионального образования // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2022. № 4. С. 42–47.
 16. Михайлов В.А., Михайлова В.В. Особенности адаптации молодых преподавателей образовательных организаций высшего образования МЧС России к профессиональной деятельности в области пожарной безопасности / Актуальные проблемы обеспечения пожарной безопасности защиты от чрезвычайных ситуаций. Железногорск. 2021. С. 649–652.
 17. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России: дис ... канд. пед. наук: 13.00.08 / О.А. Губанова. – СПб., 2008. – 154 с.
 18. Губанова О.А., Степанов Р.А., Шелепенькин А.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе повышения квалификации слушателей МЧС России» // Педагогический журнал, 2023, № 6–1. С. 265–271

FIRE SAFETY REGULATION IN RUSSIA

Dekhtereva V.V., Gubanova O.A., Osmanov Sh.A., Zavyalov D.E.

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

There are many articles and books devoted to the history of fire protection in Russia. But this article draws attention to the historical stages of the emergence and modernization of fire-fighting rationing in Russia, to the formation of the scientific school of fire-fighting rationing in the Soviet period and its founders. Fire safety is one of the key components of the safety of life and health of citizens, as well as the protection of property. In Russia, the history of fire rationing has deep roots going back to the distant past. In particular, the article describes how the training of employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia takes place, whose sphere of activity includes issues of regulation of fire rationing these days. It is important to remember that compliance with fire safety standards and regulations is the key to the safety of each of us.

Keywords: fire protection, construction, documents, rationing, re-training of specialists

References

1. The decree of Tsar Alexei Mikhailovich "On the Gradsy deanery" in 1649.
2. Prince A.D. Lviv "City fire brigades. The experience of leadership in their organization and administration of their service" St. Petersburg, 1890.
3. Gubanova O.A. Foreign experience in training firefighters. Scientific analysis. journal. "Bulletin of St. Petersburg State University of the Ministry of Emergency Situations of Russia". 2018 No. 2. pp.169–174
4. Gubanova O.A., Dekhtereva V.V. Creation of fire-technical educational institutions in Russia // Psychological and pedagogical problems of human and society safety. 2019 No. 4 (45). pp.62–65
5. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of additional professional education for students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2022. 176 p.
6. Gubanova O.A., Zelinskaya I.A. Electronic information and educational environment in the system of additional professional education for students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph St. Petersburg: St. Petersburg University of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2023. 248 p.
7. Vorobeichikova O.P., Gubanova O.A. Legal aspects of social guarantees for employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia // Law. Security. Emergencies. 2013 No. 2 (19) S.58–63
8. Gubanova O.A. History and reform of pension provision in Russia // Psychological and pedagogical problems of human and public safety. 2018 № 2 (39). Page 79–82
9. Gubanova O.A. Reforming the pension system in the Russian Federation // Theses international. conf. // SPbUGPS 2019. St. Petersburg, 2019. Page 212–215

10. Gubanova O.A., Zuev A.V., Osmanov Sh. A., Zavyalov D.E. Retirement pension //Legal Science, 2024, No. 4. S. 37–40
11. Gubanova O.A., Bruevich M. Yu. The right to a second pension// Law and power. 2023. № 1. S. 26–28.
12. Vorobeichikova O.P., Gubanova O.A. Technologies for working with the reserve of personnel at the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia. Scientific-analytical. journal. "Herald S.-Peterb. University of the State Fire Service EMERCOM of Russia. " 2010 № 2. P. 62–70
13. Gubanova O.A., Borodin M.P., Alibekov A.A. The use of electronic educational and methodological complex in remote development students of the advanced training course//Pedagogical Journal. 2021. № 5–1. S. 412–418.
14. Gubanova O.A. Modular training in the educational activities of the university//Pedagogical Journal. 2022. № 1–1. S. 313–318.
15. Lobzha M.T., Romanenko N.V., Gubanova O.A., Bagreev S.R. Modular approach to the formation of programs of additional professional education//Actual problems of physical and special training of power structures. 2022. № 4. S.42–47.
16. Mikhailov V.A., Mikhailova V.V. Peculiarities of adaptation of young teachers of educational institutions of higher education of the Ministry of Emergencies Russia to professional activities in the field of fire safety/Actual problems of ensuring fire safety protection against emergency situations. Zheleznogorsk. 2021. S. 649–652.
17. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the professional system
18. Gubanova O.A., Stepanov R.A., Shelepenkin A.A. Electronic information and educational environment in the system of advanced training for students of the EMERCOM of Russia //"Pedagogical Journal, 2023, No. 6–1. Page 265–271

Правовое регулирование договорных отношений инвестиционного товарищества

Джуплин Антон Андреевич,

аспирант, Юридический институт, Дагестанский
государственный университет
E-mail: adzhuplin@gmail.com

Статья посвящена анализу правовых аспектов договора инвестиционного товарищества в российском законодательстве. Рассматриваются ключевые особенности данного вида договора, включая требования к его оформлению, нотариальному удостоверению и публичному раскрытию информации. Особое внимание уделяется процедуре заключения договора, его юридической природе и месту в системе договорных отношений. Проанализирована инвестиционная товарищества как субъекта инвестиционного рынка и анализирует его роль в современной экономической системе. Рассмотрены вопросы классификации договора инвестиционного товарищества в контексте теории гражданского права. Отмечено, что внедрение и развитие свидетельствует о стремлении государства создать максимально благоприятные условия для привлечения инвестиций и реализации инновационных проектов, что в долгосрочной перспективе должно способствовать экономическому росту и укреплению позиций России на международной арене.

Ключевые слова: инвестиционное товарищество, договор, нотариальное удостоверение, публичное раскрытие информации, инвестиционная деятельность, институциональные инвесторы, гражданское право, предпринимательская деятельность, договорные отношения, инвестиционный рынок.

В рамках научного исследования правового регулирования инвестиционного товарищества в Российской Федерации следует отметить, что законодательное оформление данного института было обусловлено необходимостью стимулирования инвестиционной активности в национальной экономике. Федеральный закон «Об инвестиционном товариществе» (далее – Закон) кодифицировал правовые основы функционирования этой организационно-правовой формы, включая дефиницию договора инвестиционного товарищества, его юридическую природу, правовой статус участников и регламентацию правоотношений [2].

Анализ нормативно-правовой базы позволяет констатировать, что инвестиционное товарищество представляет собой модификацию простого товарищества, регулируемого главой 55 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Законодатель, интегрировав в правовое поле новую форму коллективного инвестирования, преследовал цель создания благоприятных условий для привлечения капитала и реализации инвестиционных проектов [1].

Согласно легальному определению, договор инвестиционного товарищества предполагает объединение вкладов двух или более лиц (товарищей) для осуществления совместной инвестиционной деятельности без образования юридического лица с целью извлечения прибыли. Данная дефиниция отражает ключевые характеристики рассматриваемого института: множественность участников, объединение имущественных вкладов, отсутствие статуса юридического лица и направленность на получение прибыли посредством инвестиционной деятельности.

Исследование нормативных положений позволяет заключить, что совместная инвестиционная деятельность в рамках инвестиционного товарищества подразумевает инвестирование общего имущества товарищей в законодательно допустимые объекты с целью реализации инвестиционных и инновационных проектов. Таким образом, инвестиционное товарищество выступает специализированным правовым механизмом для осуществления коллективных инвестиций в рамках российской юрисдикции [2].

В российском законодательстве закреплено определение договора инвестиционного товарищества как соглашения между двумя или более лицами об объединении вкладов и осуществлении совместной инвестиционной деятельности без образования юридического лица для извлечения прибыли.

В результате анализа правовой природы договора инвестиционного товарищества выявлены его отличительные характеристики, включающие специфическое соотношение волеизъявления участников и общей цели соглашения. Традиционно договорные отношения основываются на консенсусе волеизъявлений сторон, направленных на достижение определенного результата. Однако в большинстве случаев индивидуальные интересы контрагентов разнятся, несмотря на наличие общей цели [5]. Напротив, договор инвестиционного товарищества характеризуется конвергенцией воли и интересов участников. Данный инструмент не является самоцелью, а служит базисом для заключения последующих соглашений. В отличие от классических договорных конструкций с антагонистическими интересами сторон, рассматриваемое соглашение предполагает идентичность целеполагания контрагентов [9]. Легитимность и правомерность договора инвестиционного товарищества обусловлена наличием в нем тождественных интересов участников. Презумпция возникновения данного договора подразумевает одновременную разработку комплекса взаимосвязанных соглашений, направленных на реализацию инвестиционной деятельности с целью извлечения прибыли, что отражает консолидированную волю сторон.

В контексте правового регулирования договора инвестиционного товарищества наблюдается его особый статус, обусловленный спецификой нормативного регулирования, установленно Гражданским кодексом и профильным законодательством. Характерной чертой данного соглашения является строгая формализация процедуры его заключения, выходящая за рамки общих требований к форме сделок.

Отличительной особенностью рассматриваемого договора выступает императивное требование о его оформлении в виде единого документа с обязательным нотариальным удостоверением. Данное положение распространяется также на любые модификации и дополнения к основному соглашению, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Законодатель предъявляет особые требования к индивидуализации договора инвестиционного товарищества, что выражается в наличии специфических реквизитов. К ним относятся: уникальное наименование с обязательным включением словосочетания «инвестиционное товарищество», регистрационный номер в системе нотариального делопроизводства, идентификационные данные удостоверившего нотариуса и дата нотариального действия.

Процедура нотариального удостоверения договора инвестиционного товарищества, включая сопутствующие документы (инвестиционную декларацию, дополнительные соглашения, акты о передаче прав и обязанностей), характеризуется территориальной и персональной детерминированностью. Данные юридические действия осуществляются исключительно по месту нахождения

уполномоченного управляющего товарища и только одним нотариусом, что исключает возможность распределенного оформления документации между несколькими нотариальными конторами.

В контексте правового регулирования договора инвестиционного товарищества момент нотариального удостоверения знаменует начало ведения соответствующего дела нотариусом [4]. Формирование дела предполагает хранение одного экземпляра договора и сопутствующих документов, что обуславливает необходимость предоставления $n+1$ экземпляров для нотариального удостоверения, где n – количество участников.

Законодательство категорически запрещает включение в договор условия о его конфиденциальности для третьих лиц, квалифицируя подобные соглашения как ничтожные. С момента вступления договора в силу нотариус обязан обеспечить публичный доступ к определенному объему информации, включающему дату заключения, номер, наименование и сведения об управляющем товарище (товарищах). Процедура раскрытия информации регламентируется Министерством юстиции РФ. По взаимному согласию участников возможно расширение объема раскрываемых сведений, однако ряд условий подлежит охране в соответствии с законом и договором [3].

В научной литературе отмечается ряд специфических характеристик договора инвестиционного товарищества. Во-первых, доступ третьих лиц к документации строго регламентирован и требует санкции уполномоченного управляющего товарища, в то время как участники договора обладают неограниченным правом доступа. Во-вторых, законодательно установлен запрет на публичное рекламирование совместной инвестиционной деятельности и привлечение новых участников через публичную оферту. В-третьих, неотъемлемым компонентом договора является инвестиционная декларация, представляющая собой отдельный документ, определяющий политику ведения общих дел товарищества.

Кроме того, в рамках правового регулирования договора инвестиционного товарищества законодательством установлен ряд специфических ограничений и особенностей:

1. Лимитирование числа участников до 50.
2. Регламентация срока действия договора: максимум 15 лет, включая договоры с отменительным условием.
3. Ограничения на выход из договора: для управляющего товарища – только с согласия всех участников, для товарищей-вкладчиков – по условиям договора.
4. Сохранение действия договора при смене участников или присоединении новых.
5. Запрет на осуществление совместной деятельности, не связанной с инвестированием.
6. Ограничение для управляющего товарища на участие в нескольких договорах инвестиционного товарищества одновременно.

7. Обязательное включение установленных законом существенных условий в договоры, заключаемые управляющим товарищем.

8. Наделение уполномоченного управляющего товарища дополнительными обязанностями.

9. Определение совместной инвестиционной деятельности как объединения вкладов для инвестирования в установленные законом и договором объекты с целью реализации инвестиционных проектов.

10. Ограничение объектов инвестирования определенными видами ценных бумаг и долями в хозяйственных обществах, не обращающимися на организованном рынке.

Правовое регулирование договора инвестиционного товарищества отличается высокой степенью диспозитивности, что позволяет участникам гибко настраивать условия сотрудничества. Законодательством установлены определенные ограничения, в частности, максимальный срок действия договора (15 лет), обязательное нотариальное удостоверение договора и его изменений, а также лимит на количество участников (не более 50). Субъектный состав ограничен коммерческими организациями, некоммерческими организациями (в установленных законом случаях), индивидуальными предпринимателями и иностранными юридическими лицами, при этом участие физических лиц не допускается.

Структура управления инвестиционным товариществом предусматривает наличие обычных товарищей (инвесторов), управляющих товарищей и уполномоченного управляющего товарища. Управляющие товарищи, в отличие от товарищей-вкладчиков, имеют право вести общие дела товарищества. Уполномоченный управляющий товарищ наделяется дополнительными полномочиями, включая открытие банковских счетов, ведение учета доходов и расходов, налогового учета и реестра участников. Важно отметить, что в качестве управляющего товарища может выступать только юридическое лицо. Дифференциация ответственности предполагает полную имущественную ответственность управляющего товарища и ограниченную ответственность обычных товарищей в пределах их вкладов.

Субъектный состав инвестиционного товарищества регламентируется законодательством и включает коммерческие организации, а также некоммерческие организации в случаях, предусмотренных федеральным законом, при условии ответственности инвестиционной деятельности целям их создания. Индивидуальные предприниматели также могут выступать в качестве участников договора. Физические лица, достигшие совершеннолетия, вступившие в брак до 18 лет или эмансипированные, имеют право осуществлять предпринимательскую деятельность без образования юридического лица после регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Вопрос о возможности участия несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в предпринимательской деятель-

ности остается дискуссионным, однако они могут вносить в качестве вклада свои личные доходы без согласия законных представителей.

Договор инвестиционного товарищества характеризуется рядом юридических особенностей. Он является консенсуальным, требующим согласия участников по всем существенным условиям; организационным, направленным на осуществление совместной деятельности; возмездным, предполагающим объединение вкладов и усилий для извлечения прибыли; фидуциарным, основанным на доверительных отношениях; предпринимательским, ориентированным на получение прибыли; и срочным, с максимальным сроком действия 15 лет. Несмотря на распространенное мнение о многосторонности данного договора, более точным представляется определение его как двустороннего, поскольку все участники выступают, с одной стороны, объединяя свои вклады и усилия, при этом количество участников ограничено пятьюдесятью.

В научной литературе высказывается мнение о специфическом положении договора простого товарищества в системе гражданско-правовых договоров. Его организационный характер и сходство с учредительным договором хозяйственного товарищества отличают его от других видов договоров. Анализ структуры и содержания соответствующих статей ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель уделил большее внимание регламентации правового статуса объединения участников товарищества, нежели установлению правового режима самого договора [6].

Некоторые исследователи предлагают модифицировать существующую классификацию гражданско-правовых договоров путем выделения отдельной группы договоров об объединении лиц. Предлагается расширить данную категорию за счет включения в нее договоров о создании неправосубъектных образований, в том числе субъектов налоговых или конкурентных правоотношений. Такой подход позволяет более точно отразить сущность подобных объединений на концептуальном уровне [8].

В научном сообществе также существует точка зрения, согласно которой инвестиционное товарищество по способу организации может быть отнесено к объединениям горизонтального типа, базирующимся на принципах добровольной кооперации участников [7].

Анализ существующих мнений относительно природы договора инвестиционного товарищества выявляет общую тенденцию к использованию термина «объединение» в качестве ключевого элемента характеристики данного института. Однако следует отметить, что концепция «объединения» в контексте инвестиционного товарищества относится не к субъектам договора, а к объектам – вкладам, усилиям и иным материальным и нематериальным активам участников. Таким образом, использование термина «объединение» как фундаментального критерия для классификации и оценки данного правового института представля-

ется недостаточно обоснованным и не может служить исчерпывающим основанием для его квалификации.

Более глубокий анализ позволяет выделить ряд существенных характеристик договора инвестиционного товарищества, которые определяют его уникальное положение в системе гражданско-правовых отношений. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что данный договор представляет собой самостоятельный правовой институт, являясь специфической разновидностью договора простого товарищества. Эта особенность обуславливает его двойственную правовую природу: с одной стороны, он подчиняется общим нормам ГК РФ, регулирующим простое товарищество, а с другой – регламентируется специальным законодательством, которое детально определяет особенности его функционирования.

Ключевой отличительной чертой договора инвестиционного товарищества является его исключительная направленность на извлечение прибыли, что существенно отграничивает его от других форм простого товарищества, которые могут преследовать иные цели. Более того, сфера применения данного договора строго ограничена инвестиционной деятельностью, что подчеркивает его специализированный характер и целевое назначение в экономико-правовой системе государства.

Законодатель придает договору инвестиционного товарищества особое значение, рассматривая его как одну из важнейших организационно-правовых форм для привлечения инвестиций в национальную экономику. Это свидетельствует о стратегической роли данного института в контексте экономического развития страны и его потенциале как инструмента стимулирования инвестиционной активности.

Особого внимания заслуживает ограничение субъектного состава участников договора инвестиционного товарищества. В отличие от классического договора простого товарищества, участниками инвестиционного товарищества могут быть исключительно юридические лица, причем как коммерческие, так и некоммерческие организации (в случаях, предусмотренных законом). Данное ограничение, вероятно, направлено на обеспечение профессионального подхода к осуществлению инвестиционной деятельности и минимизацию рисков, связанных с участием физических лиц в подобных правоотношениях.

Резюмируя, в результате анализа правового регулирования инвестиционного товарищества в Российской Федерации можно сделать ряд важных выводов, которые подчеркивают значимость и уникальность данного института в современной экономико-правовой системе страны. Инвестиционное товарищество представляет собой инновационную и эффективную договорную конструкцию, специально разработанную для оптимизации инвестиционных процессов и достижения запланированных экономических результатов. Эта форма организации инвестиционной деятельности обе-

спечивает исключительно гибкий механизм объединения капиталов и управления совместными вложениями, что в значительной степени способствует минимизации рисков и максимизации потенциальной прибыли для всех участников.

Важно отметить, что инвестиционное товарищество является специфической модификацией простого товарищества, адаптированной под особенности коллективного инвестирования. Законодатель, интегрируя данный институт в правовое поле, преследовал стратегическую цель создания максимально благоприятных условий для привлечения капитала и реализации масштабных инвестиционных проектов в рамках национальной экономики. Правовое регулирование инвестиционного товарищества осуществляется на основе специального Федерального закона «Об инвестиционном товариществе», который кодифицировал все ключевые аспекты функционирования этой организационно-правовой формы, включая определение договора инвестиционного товарищества, его юридическую природу, правовой статус участников и детальную регламентацию возникающих правоотношений.

В контексте современной парадигмы инвестиционной деятельности, инвестиционное товарищество может и должно рассматриваться как один из наиболее перспективных специализированных субъектов инвестиционного рынка, обладающий целым рядом уникальных характеристик. Ключевой отличительной чертой договора инвестиционного товарищества является его исключительная направленность на извлечение прибыли посредством инвестиционной деятельности, что существенно отграничивает его от других форм простого товарищества и подчеркивает его специализированный характер и целевое назначение в экономико-правовой системе государства.

Таким образом, институт инвестиционного товарищества представляет собой чрезвычайно важный и эффективный инструмент стимулирования инвестиционной активности в национальной экономике, предоставляя участникам рынка оптимальный механизм для осуществления совместной инвестиционной деятельности в рамках российской юрисдикции. Его внедрение и развитие свидетельствует о стремлении государства создать максимально благоприятные условия для привлечения инвестиций и реализации инновационных проектов, что в долгосрочной перспективе должно способствовать экономическому росту и укреплению позиций России на международной арене.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 14.08.2024).
2. Федеральный закон от 28.11.2011 N 335-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об инвестиционном товариществе» [Электронный ресурс] // СПС

«Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 14.08.2024).

3. Приказ Минюста России от 15 августа 2012 г. N 160 «Об утверждении Порядка раскрытия нотариусом информации о существовании договора инвестиционного товарищества» // Российская газета. – 2012. – 29 августа.
4. Информационное письмо Федеральной нотариальной палаты от 9 ноября 2012 г. N 2398/03–16 «По отдельным вопросам, связанным с ведением нотариусом дел инвестиционного товарищества» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2024).
5. Гамбаров, Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. – Москва: Зерцало, 2003. – 816 с. – ISBN 5-8078-0084-5.
6. Гражданское право: учебник: в 2 т. / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо [и др.]; под ред. Б.М. Гонгало. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2018. – Т. 2. – 560 с. – ISBN 978-5-8354-1441-3.
7. Сулейменов, М.К. Коллективные образования в праве / М.К. Сулейменов // Цивилистические исследования. Вып. 1: Сборник научных трудов памяти профессора И.В. Федорова / Под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. – Москва: Статут, 2004. – С. 67–89.
8. Харитонов, Ю.С. Договоры об объединении как самостоятельный тип договоров / Ю.С. Харитонов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 3. – С. 167–179.
9. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права. Т. I: Введение. Торговые деятели / Г.Ф. Шершеневич. – Москва: Статут, 2003. – 480 с. – ISBN 5-8354-0150-8.

LEGAL REGULATION OF CONTRACTUAL RELATIONS OF AN INVESTMENT PARTNERSHIP

Dzhuplin A.A.

Dagestan State University

The article is devoted to the analysis of the legal aspects of the investment partnership agreement in Russian legislation. The key features of this type of agreement are considered, including the requirements for its execution, notarization and public disclosure of information. Particular attention is paid to the procedure for concluding the agreement, its legal nature and place in the system of contractual relations. The investment partnership is analyzed as a subject of the investment market and its role in the modern economic system is analyzed. The issues of classification of the investment partnership agreement in the context of the theory of civil law are considered. It is noted that the implementation and development testifies to the desire of the state to create the most favorable conditions for attracting investment and implementing innovative projects, which in the long term should contribute to economic growth and strengthening Russia's position in the international arena.

Keywords: investment partnership, agreement, notarization, public disclosure of information, investment activity, institutional investors, civil law, entrepreneurial activity, contractual relations, investment market.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, N 51-FZ (as amended on March 11, 2024) [Electronic resource] // SPS "Consultant Plus Prof" (accessed: August 14, 2024).
2. Federal Law of November 28, 2011, N 335-FZ (as amended on July 2, 2021) "On Investment Partnership" [Electronic resource] // SPS "Consultant Plus Prof" (accessed: August 14, 2024).
3. Order of the Ministry of Justice of Russia dated August 15, 2012, N 160 "On Approval of the Procedure for Disclosure by a Notary of Information on the Existence of an Investment Partnership Agreement" // Rossiyskaya Gazeta. – 2012. – August 29.
4. Information letter of the Federal Notary Chamber dated November 9, 2012, N 2398/03–16 "On Certain Issues Related to the Notary's Conduct of Investment Partnership Cases" [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus" (accessed: August 14, 2024).
5. Gambarov, Yu.S. Civil Law. General Part / Ed. and with a foreword by V.A. Tomsinov. – Moscow: Zertsalo, 2003. – 816 p. – ISBN 5-8078-0084-5.
6. Civil Law: textbook: in 2 volumes / O.G. Alekseeva, E.R. Aminov, M.V. Bando [et al.]; ed. by B.M. Gongalo. – 3rd ed., revised and expanded. – Moscow: Statut, 2018. – Vol. 2. – 560 p. – ISBN 978-5-8354-1441-3.
7. Suleimenov, M.K. Collective Formations in Law / M.K. Suleimenov // Civil Studies. Issue 1: Collection of scientific works in memory of Professor I.V. Fedorov / Ed. by B.L. Haskelberg, D.O. Tuzov. – Moscow: Statut, 2004. – pp. 67–89.
8. Kharitonova, Yu.S. Association Agreements as an Independent Type of Contracts / Yu.S. Kharitonova // Perm University Herald. Juridical Sciences. – 2012. – No. 3. – pp. 167–179.
9. Shershenevich, G.F. Course of Commercial Law. Vol. I: Introduction. Commercial Actors / G.F. Shershenevich. – Moscow: Statut, 2003. – 480 p. – ISBN 5-8354-0150-8.

Добровольская Анастасия Владимировна,

аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия»
E-mail: aleksa2808.aa@gmail.com

Кузнецов Максим Игоревич.

аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия»
E-mail: Mr.MaxibonXD@mail.ru

Криптовалюты, такие как Bitcoin и Ethereum, представляют собой новое явление в мире финансов, вызывая различные уголовно-правовые вопросы. Их анонимность и децентрализованный характер создают возможности для совершения преступлений, таких как мошенничество, отмывание денег и киберпреступления. Эти аспекты требуют внимательного анализа и разработки новых законодательных инициатив для эффективной борьбы с правонарушениями, связанными с криптовалютами.

Современные уголовные кодексы зачастую не успевают за инновациями в области цифровых активов, что затрудняет правоприменение. Проблемы международной юрисдикции и отсутствие унифицированных правил также усугубляют ситуацию.

Ключевыми темами исследования являются:

Мошеннические схемы и их признаки: изучение различных видов мошенничества с криптовалютами.

Отмывание денежных средств: анализ методов и инструментов, которые используют преступники.

Киберпреступления: рассмотрение угроз, создаваемых для бизнеса и индивидуумов.

Правоприменение: оценка существующих норм и необходимость в нововведениях.

Перспективы регулирования: обсуждение международных стандартов для эффективного контроля над криптовалютами.

Эта тема становится все более актуальной в свете того, что криптовалюты продолжают набирать популярность, и необходимы новые подходы к уголовному праву для защиты общества от потенциальных угроз.

Ключевые слова: криптовалюта, токены, мошенничество, финансирование терроризма, криптобиржа, киберпреступления, криптокошельки, фишинг.

Введение

Уголовно-правовая сторона криптовалюты представляет собой сложный и многоаспектный вопрос, охватывающий как правовые, так и практические аспекты использования цифровых валют. Криптовалюты, такие как Bitcoin, Ethereum и другие, представляют собой новые формы цифровых активов, которые становятся все более популярными в современном обществе. Однако их распространение вызывает серьезные вопросы с точки зрения уголовного права, связанных с возможностью использования криптовалют для совершения преступлений и уклонения от правоприменения.

Криптовалюта часто рассматривается как виртуальная или цифровая валюта, ни одно из которых не имеет четкого определения в большинстве юрисдикций. Это затрудняет её правовую квалификацию и применение существующего законодательства. Например, в некоторых странах криптовалюты могут рассматриваться как товар, в других – как финансовый инструмент или валюта.

Незаконные операции и мошенничество

Разнообразные схемы мошенничества, включая ICO (первичное предложение монет), могут вводить в заблуждение инвесторов и приводить к значительным финансовым потерям. Криптовалюты привлекают преступников из-за анонимности и децентрализованного характера. Их используют для различных форм мошенничества, включая Ponzi-схемы, фишинг и незаконные продажи. Распространение «тёмных» криптовалют (например, Monero) делает сложнее отслеживание финансовых потоков.

Вот несколько примеров уголовных дел, которые иллюстрируют различные схемы мошенничества в этой сфере:

1. Схема Ponzi в криптовалютах

Пример: BitConnect

Описание: в мире криптовалют история Bitconnect является одной из самых ярких и поучительных. Эта платформа, обещавшая своим инвесторам небывало высокие доходы, обрушилась в 2018 году, вызвав широкий резонанс. Она функционировала как схема Ponzi, где выплаты старым инвесторам осуществлялись за счёт средств новых участников. В 2018 году проект закрылся, и многие инвесторы потеряли свои средства. Регуляторы в нескольких странах начали расследование, и создатели BitConnect столкнулись с уголовными обвинениями.

По итогу жертвы криптопирамиды BitConnect получают возмещение в размере более \$17 млн. Это следует из пресс-релиза Министерства юстиции

США. Федеральный окружной суд в Сан-Диего постановил, что сумма компенсации будет распределена между примерно 800 пострадавшими от действий BitConnect из более чем 40 стран.

2. Фальшивые ICO

Пример: Pincoin и iFan

Описание: Эти проекты, запущенные во Вьетнаме, собирали средства через первичное предложение монет (ICO). Обещая инвесторам высокий доход, они привлекли более 660 миллионов долларов. Позже выяснилось, что это был мошеннический проект. Участники ICO потеряли свои вложения, а организаторы скрылись.

3. Криптограбежи через фишинг

Пример: Схемы фишинга

Описание: Преступники создают поддельные веб-сайты или используют электронные письма, чтобы обманом получить доступ к личным кошелькам пользователей. В одном из недавних случаев жители Австралии потеряли более 3 миллионов долларов из-за фишинговых атак, направленных на доступ к криптокошелькам.

Согласно расследованию Chainalysis, известному как операция Spincaster, мошенники взломали более двух тысяч криптокошельков австралийских пользователей. В Spincaster участвуют шесть стран – США, Великобритания, Канада, Испания, Нидерланды и Австралия.

В рамках инициативы по борьбе с мошенничеством на крипторынке, возглавляемой Chainalysis, правоохранители обнаружили порядка семи тысяч схем, которые привели к убыткам на \$162 млн.

4. Мошенничество с криптовалютными дарственными программами

Пример: Розыгрыши фальшивых криптовалют (например скам-токен Squid)

Описание: Мошенники создают фальшивые сайты или профили в социальных сетях, предлагая участие в розыгрышах, где обещают удвоить или утроить вложенные средства. В случае победы пользователи должны сначала перевести определенную сумму в криптовалюте, после чего все их средства исчезают.

В начале ноября 2021 года создатели фальшивой криптовалюты под названием Squid заработали более 3 миллионов долларов. На уловку мошенников попались сотни тысяч поклонников сериала «Игра в кальмара». Им пообещали онлайн-розыгрыш, похожий на тот, что был в сериале, однако стоимость токенов резко обвалилась до нуля [4].

По мере того, как афера раскрылась, инвесторы понесли существенные убытки, в то время как разработчики Squid Coin исчезли из поля зрения общественности, унеся с собой примерно 3,38 миллиона долларов [3].

5. Торговля на фальшивых платформах

Пример: Платформы с завышенными доходами

Описание: Некоторые мошеннические платформы предлагают торговлю криптовалютами с обещанием невероятно высоких доходов. После того как жертвы вводят свои средства, платформа блокирует доступ к счёту и исчезает. Одним из из-

вестных случаев был случай с платформой “Coin.mx”, которая потеряла более 50 миллионов долларов пользователей.

По итогу, Coin.mx была закрыта в 2015 году, когда был произведен арест группы подозреваемых в причастности к хакерской атаке на банк JP Morgan. Федеральный суд Манхэттена признал программиста из Нью-Джерси Юрия Лебедева и пастора из Флориды Тревона Гросса виновными в преступном сговоре и даче и получении взяток, в участии в преступной схеме, в рамках которой они помогали нелегальной биткоин-бирже Coin.mx скрывать свою деятельность от регуляторов.

Отмывание денег

Криптовалюты так же могут использоваться для скрытия источников незаконных доходов благодаря анонимности и децентрализованному характеру.

Преимущества криптовалют для отмывания денег.

Анонимность: многие криптовалюты обеспечивают высокий уровень анонимности, позволяя пользователям проводить транзакции, не раскрывая свои личные данные.

Отсутствие центрального контроля: децентрализованные платформы и технологии блокчейн уменьшают возможность вмешательства со стороны государственных или финансовых учреждений, что затрудняет отслеживание транзакций.

Глобальный доступ: криптовалюты можно использовать по всему миру, что позволяет преступникам легко перемещать средства между странами и континентами.

Методы отмывания денег с использованием криптовалют.

Фиктивные сделки: Преступники могут создавать поддельные бизнес-операции, в рамках которых криптовалюта «продается» или «покупается», насыщая сеть виртуальных транзакций.

Миксирование: Использование сервисов-миксеров (или блендеров) позволяет объединить множество транзакций и разорвать связь между отправителем и получателем. После этого мошеннические средства перемешиваются с другими, что усложняет отслеживание.

Обмен на легальные деньги: Преступники могут использовать криптобиржи или обменные пункты для конвертации криптовалюты в наличные средства или банковские депозиты, которые выглядят легальными.

Доски объявлений и P2P-платформы: Эти платформы позволяют осуществлять прямые обмены между пользователями, что усложняет процесс отслеживания транзакций.

Финансирование терроризма

Криптовалюты могут быть использованы для перевода средств террористическим группами, что создает дополнительные сложности для правоохранительных органов.

Так, примером может являться криптобиржа Veribit, которая попала под пристальное внимание правоохранительных органов, в связи с подозрением в финансировании исполнителей теракта в «Крокусе». Так, был задержан девятый фигурант Л.Н. по делу о теракте 22 марта, который в последствии частично признал вину [5].

Кроме того, ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в России) начала все чаще использовать криптовалюту для финансирования боевиков по всему миру. По данным Bloomberg, сейчас ИГ имеет доступ к активам на суммы от 10 до 20 миллионов долларов.

Киберпреступления

Криптовалюты становятся частью киберпреступлений, включая хакерские атаки на криптобиржи и кражу средств.

Одним из примеров является криптовалютная биржа Binance, где в октябре 2022 года был атакован межсетевой мост, связанный с ее цепочкой токена BNB, что позволило хакерам перемещать BNB-токены вне сети, в следствие чего хакеры украли токены BNB на общую сумму 570 миллионов долларов.

Самый первый взлом криптобиржи был зафиксирован в 2011 году на Mt.Gox, в ходе взлома хакеры смогли получить доступ к компьютеру, принадлежащему аудитору на бирже криптовалют. Хакер изменил цену биткойнов на 0,01 доллара, купил их по искусственно заниженной цене и скрылся с небольшим состоянием.

Правоприменение

Отсутствие четкой правовой базы о криптовалютах в ряде стран затрудняет правоприменение. Многие юристы сталкиваются с проблемами квалификации действий, связанных с цифровыми активами.

Юрисдикционная неопределенность усугубляет проблему, так как разные страны по-разному подходят к регулированию криптовалют.

Некоторые государства могут блокировать доступ к криптобиржам или ненадежному программному обеспечению для управления криптовалютами. Это создает дополнительные преграды для пользователей и инвесторов, которые могут быть вынуждены использовать нелегальные методы для доступа к рынкам.

Проблемы юрисдикции в контексте криптовалюты представляют собой сложный и многогранный вопрос, связанный с тем, как различные страны и регионы регулируют и контролируют операционные практики, связанные с цифровыми валютами. Вот основные аспекты, которые необходимо учитывать:

Отсутствие международных стандартов: на сегодняшний день нет глобальных стандартов, регулирующих использование криптовалюты. Каждая страна принимает свои собственные законы и правила, что создает правовой беспорядок и затрудня-

ет международное сотрудничество в борьбе с финансовыми преступлениями.

Неопределенность в правовой классификации: криптовалюты могут классифицироваться по-разному в зависимости от юрисдикции. В некоторых странах они рассматриваются как товары, в других – как ценные бумаги. Это неопределенное правовое положение может привести к юридическим спорам и стратегическим проблемам для компаний, работающих в международных масштабах.

Разные требования к регулированию: страны могут иметь различные требования к соблюдению норм. Например, в одной юрисдикции могут требовать строгую идентификацию пользователей (KYC – Know Your Customer), в то время как в другой такие требования могут отсутствовать. Это создает дополнительные сложности для компаний, стремящихся функционировать на международном уровне.

Налоговые обязательства: разные страны могут иметь разные подходы к налогообложению криптовалютных операций, что может приводить к двойному налогообложению или уклонению от уплаты налогов для пользователей.

Кроме того, так же остро стоит вопрос о том, где должен быть суд, если для решения спора задействованы пользователи из разных стран? Криптовалюты по своей природе децентрализованы, что создаёт сложности в определении юрисдикции. Например, если преступление связано с криптовалютой, использующей несколько стран или серверов, может возникнуть вопрос о том, в каком государстве должно рассматриваться дело и по какому законодательству.

Правовое регулирование

Некоторые государства разработали четкие правила регулирования криптовалют и связанных с ними услуг, в то время как другие полностью запрещают их использование. Выделяются такие основные подходы, как:

Лицензирование и регистрация: некоторые юрисдикции требуют от криптовалютных компаний получения лицензий и регистрации.

Прозрачность операций: законодательство может требовать идентификацию пользователей и отслеживание транзакций, чтобы уменьшить риски мошенничества.

Запреты: в некоторых странах, таких как Китай, уже введены строгие ограничения на использование криптовалют и майнинг.

В настоящее время разработаны новые законы и регламенты, требующие от криптобирж проводить верификацию клиентов, среди наиболее известных инициатив можно выделить:

«Знай своего клиента» (KYC): требования к финансовым учреждениям о необходимости идентификации клиентов и мониторинга их связанных транзакций, что может затруднить анонимность операций [6].

Системы мониторинга подозрительных транзакций: использование технологий и алгоритмов для выявления необычных финансовых операций. Используются специальные программы и технологии для анализа блокчейн-транзакций, что помогает выявлять подозрительную активность и отслеживать деньги.

Организации, такие как Финансовая действия по борьбе с отмыванием денег (FATF), работают над созданием международных стандартов для противодействия отмыванию денег в сфере криптовалют [9].

Выводы

Уголовно-правовая сторона криптовалют продолжает активно развиваться, и необходимы комплексные меры для решения возникающих проблем. Разработка единой правовой базы и международного сотрудничества может помочь разрешить многие из этих проблем, но это потребует времени и усилий со стороны правительств, регулирующих органов и участников рынка [2].

В результате сочетания всех факторов пользователи, инвесторы и компании должны вести тщательную правовую оценку и иметь понимание всех рисков, связанных с юрисдикцией для правильного ведения бизнеса и минимизации возможных правовых последствий.

С учетом роста популярности криптовалюты возникают вопросы и по защите прав инвесторов. Отсутствие четкого регулирования и стандартов может привести к значительным убыткам для инвесторов, что поднимает вопрос о необходимости внедрения защитных мер и создания прозрачной системы.

Важно, чтобы государства нашли баланс между защищенностью пользователей и предотвращением преступлений, связанных с использованием криптовалюты. Поскольку технологии продолжают развиваться, законодательства будут меняться, чтобы справиться с новыми вызовами и угрозами.

Литература

1. Научная статья «Криптовалюта: уголовно-правовой аспект.» Шарапов Р.Д., Минин Р.В., Капаева Е.О. 2018 г.
2. Научная статья «Перспективы использования криптовалюты для целей финансирования терроризма и мер по предупреждению указанной тенденции» Мурадян С.В. 2022 г.
3. «Криптовалюта на основе игры Squid рушится в результате мошенничества на 3 миллиона долларов». Yahoo Finance. 2021–11–02.
4. Пончиано, Джонатан. «Вирусная криптовалюта Squid Game рушится на 100% через несколько минут после того, как основатели, по сообще-

ниям, сбежали с 2,5 миллионами долларов». *Forbes*.

5. Новости Басманного районного суда г. Москвы <https://mos-gorsud.ru/rs/basmannyj/news>
6. Что такое требования KYC и AML в криптовалюте. *Банки.ру*.
7. <https://smart-lab.ru/>
8. <https://rg.ru/2023/04/19/koshelki-vne-dostupa.html>
9. Росфинмониторинг. <https://www.fedsfm.ru/activity/fatf>
10. Пол, Рональд Ф. (2020). «Борьба с отмыванием денег: наименее эффективный политический эксперимент в мире? Вместе мы сможем это исправить»

CRIMINAL AND LEGAL SIDE OF CRYPTOCURRENCY

Dobrovolskaya A.V., Kuznetsov M.I.

Moscow Financial-Industrial University 'Synergia'

Cryptocurrencies, such as Bitcoin and Ethereum, represent a new phenomenon in the world of finance, raising various criminal law issues. Their anonymity and decentralised nature create opportunities for crimes such as fraud, money laundering and cybercrime. These aspects require careful analysis and the development of new legislative initiatives to effectively combat cryptocurrency-related offences. Current criminal codes often fail to keep pace with innovations in digital assets, making enforcement difficult. Problems of international jurisdiction and the lack of harmonised rules also exacerbate the situation.

The key themes of the study are:

Fraudulent schemes and their attributes: examining different types of cryptocurrency fraud.

Money laundering: analysing the methods and tools that criminals use.

Cybercrime: looking at the threats posed to businesses and individuals.

Enforcement: assessing existing regulations and the need for innovation.

Regulatory perspectives: discussing international standards for effective control of cryptocurrencies.

This topic is increasingly relevant as cryptocurrencies continue to grow in popularity and new approaches to criminal law are needed to protect society from potential threats.

Keywords: cryptocurrency, tokens, fraud, terrorist financing, cryptocurrency exchange, cybercrime, crypto wallets, phishing.

References

1. Research article "Cryptocurrency: criminal-legal aspect." Shara-pov R.D., Minin R.V., Kapayeva E.O. 2018
2. Research article "Prospects for using cryptocurrency for terrorist financing purposes and measures to prevent this trend" Muradyan S.V. 2022
3. "Squid Game-Based Cryptocurrency Collapses as a Result of \$3 Million Fraud". Yahoo Finance. 2021–11–02.
4. Ponciano, Jonathan. "Squid Game Viral Cryptocurrency Collapses 100% Minutes After Founders Reportedly Flee with \$2.5 Million". *Forbes*.
5. News of the Basmanny District Court of Moscow <https://mos-gorsud.ru/rs/basmannyj/news>
6. What are KYC and AML requirements in cryptocurrency. *Banki.ru*.
7. <https://smart-lab.ru/>
8. <https://rg.ru/2023/04/19/koshelki-vne-dostupa.html>
9. Rosfinmonitoring. <https://www.fedsfm.ru/activity/fatf>
10. Paul, Ronald F. (2020). "The Fight Against Money Laundering: The World's Least Effective Policy Experiment? Together We Can Fix It"

Обеспечение информационной безопасности инфраструктуры цифрового пространства «умных городов»

Царегородцев Анатолий Валерьевич,

д.т.н., профессор, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации

Елин Владимир Михайлович,

к.п.н., Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, МОСУ МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье раскрываются некоторые аспекты обеспечения информационной безопасности информационной инфраструктуры «умных городов» как структурированных государственно-частных партнерств сформированных из информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления, сетей и систем связи в условиях отсутствия четких требований в данной сфере. Авторами проведена аналогия между информационной инфраструктурой «умных городов» и критической информационной инфраструктурой Российской Федерации и делается вывод о необходимости соотнесения указанных понятий.

Ключевые слова: информационная безопасность, цифровое пространство, технологии «умного города», информационные угрозы.

Необходимость функционирования проекта по созданию «умного города» связано с функционированием отраслевых индустриальных цифровых платформ для основных предметных областей экономики определенных Программой «Цифровая экономика Российской Федерации».

Цель проекта «Умный город» – увеличить долю жителей городов, участвующих с использованием цифровых технологий в процессе управления городом, до 60%, а среднее IQ городов – до 30%.

Ведомственный проект цифровизации городского хозяйства «Умный город» реализуется в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В проекте участвуют более 200 городов, численность жителей которых превышает 100 тысяч человек с подписанием соглашений с 87 городами-пилотами из 47 регионов, взявшими на себя повышенные обязательства по реализации мероприятий стандарта

«Умный город» – концепция интеграции нескольких ИКТ и IoT решений для управления городским имуществом. Целью создания «умного города» является улучшение качества жизни с помощью технологии городской информатики для повышения эффективности обслуживания и удовлетворения нужд резидентов. Но умные города умны не только применением технологий, но и в контроле, анализе, планировании и управлении¹.

Стандарт «Умного города» Минстроя России – это базовый документ, который определяет реализацию проекта в городах мероприятий, направленных на цифровую трансформацию городского хозяйства и системы управления и содержит предложения по применению интеллектуальных систем безопасности.

При этом использование информационных технологий ставит вопрос обеспечения информационной безопасности «умных городов», под которой, по аналогии, следует понимать состояние защищенности в информационной сфере, определяемое совокупностью сбалансированных интересов личности и общества.

Существует несколько подходов к формированию определения «умного города». Так, по замыслу разработчиков концепции, «Умный город» представляет собой интеграцию нескольких ИКТ и IoT решений для управления городским имуществом. Целью создания «умного города» является улучшение

¹ Mills, D.; Pudney, S.; Pevcin, P.; Dvorak, J. Evidence-Based Public Policy Decision-Making in Smart Cities: Does Extant Theory Support Achievement of City Sustainability Objectives? Sustainability 2022, 14, 3. <https://doi.org/10.3390/su14010003>

ние качества жизни с помощью технологии городской информатики для повышения эффективности обслуживания и удовлетворения нужд резидентов. Но умные города предполагают применением цифровых технологий также и в контроле, анализе, планировании и управлении¹. ИКТ умных городов структурно сформированы из следующих элементов: информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, сети и системы связи, – что представляет собой аналогию объектов КИИ.

Однако, с течением времени концепция «умных городов» претерпела существенные изменения как в базовых документах, определяющих реализацию проекта с уточнением мероприятий, направленных на цифровую трансформацию городского хозяйства и системы управления, так и в предложениях по применению интеллектуальных систем безопасности. По сути своей «умные города» представляют собой ярко выраженный пример государственно-частное партнерства (ГЧП) в сфере информационных технологий, которое позволяет разделить ответственность за успешность проекта с подрядчиком, тем самым делая его заинтересованным в эффективности, качестве и надежности проекта. Для государства это также может быть возможностью оптимизации одновременных инвестиций, разнесения их по времени и привязки к достижению нужных показателей.

Так, Стандарт Минстроя России ставит во главу угла показатели, связанные с функционированием системы жилищно-коммунального хозяйства и отнеся на вторые роли характеристики связанные с использованием ИКТ и Ио Т. Так, в качестве показателей для «умных городов» предлагается учитывать:

- изменение климата, стремительный рост населения, утрата политической и экономической устойчивости;
- применение методов совместного руководства во всех направлениях, затрагивая все системы и структуры городского хозяйства;
- использование реальных данных и современных технологий в целях совершенствования услуг и повышения качества жизни для горожан, представителей бизнеса и гостей города;
- создание условий жизни с постановкой интеллектуальных политик, практик и технологий на службу жителям города;
- использование инноваций для достижения устойчивости и целевых показателей состояния окружающей среды;
- выявление потребностей в интеллектуальной инфраструктуре и ее преимущества;
- выстраивание динамичной и инновационной экономики, готовой к вызовам завтрашнего дня.

¹ Mills, D.; Pudney, S.; Pevcin, P.; Dvorak, J. Evidence-Based Public Policy Decision-Making in Smart Cities: Does Extant Theory Support Achievement of City Sustainability Objectives? *Sustainability* 2022, 14, 3. <https://doi.org/10.3390/su14010003>

Практическая реализация представленной концепции нашла свое отражение в официальном определении понятия «умный город» (smart city) как город, который ускоренными темпами действует и (в настоящее время и в обозримом будущем), демонстрирует фундаментальные изменения в обеспечении социальной, экономической и экологической стабильности и готовность к таким вызовам, как изменение климата, стремительный рост населения, политическая и экономическая нестабильность за счет вовлечения общественности, применения методов совместного руководства, охвата всех направлений, всех систем и структур городского хозяйства, применения реальных данных и современных технологий для совершенствования услуг и повышения качества жизни горожан, представителей бизнеса и гостей города, не ущемляя права других, не нанося ущерб окружающей среде².

Всего в представленный стандарт входит 18 тематических блоков: по цифровизации городских услуг; блоки, связанные с инновациями в социальной сфере, в образовании и здравоохранении.

Дополнительно следует упомянуть ряд международных стандартов³ и три национальных стандарта в области «умных городов», подготовленных Техническим комитетом «Киберфизические системы» при участии коммерческих организаций, федеральных и региональных органов исполнительной власти⁴.

² ГОСТ Р ИСО 37122–2023 «Устойчивое развитие сообществ. Показатели для умных городов»//<https://protect.gost.ru/document1.aspx?control=31&baseC=6&page=2&month=9&year=2023&search=&id=254476>

³ Стандарт ISO 37122: 2019 «Устойчивое развитие городов и сообществ. Индикаторы умных городов» (Sustainable cities and communities – Indicators for smart cities), российский ГОСТ Р ИСО 37122–2023 «Устойчивое развитие сообществ. Показатели для умных городов» (ISO 37122:2019, Sustainable cities and communities – Indicators for smart cities, IDT) содержит набор индикаторов для измерения их эффективности в ряде областей деятельности, что позволяет им извлекать лучшие практики других городов по всему миру и находить инновационные решения проблем, с которыми они сталкиваются. содержит показатели, а также методы и практики, которые могут быстро и существенно изменить их социальные, экономические и экологические аспекты устойчивого развития. Стандарт применяется в сочетании с ISO 37101:2016 «Sustainable development in communities – Management system for sustainable development – Requirements with guidance for use», характеризующим систему управления устойчивым развитием в сообществах, и ISO 37120:2018 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели оценки услуг и городского качества жизни» (Sustainable cities and communities – Indicators for city services and quality of life) который определяет ключевые измерения оценки показателей предоставления услуг и качества жизни в городе, формирующие набор стандартизированных показателей, которые обеспечивают единый подход к тому, что измеряется и каким образом данные измерения должны осуществляться с возможностью сравнения по городу и стране. ISO 37122:2019 дополняется стандартом ISO 37123:2019 «Устойчивые города и сообщества – Показатели для оценки городских служб и качества жизни» (Sustainable cities and communities – Indicators for resilient cities).

⁴ ПНСТ 439–2020 «Информационные технологии. Умный город. Совместимость данных»; ПНСТ 441–2020 «Информационные технологии. Умный город. Онтология верхнего уровня для показателей умного города»; ПНСТ 445–2020 «Информацион-

Стандартов обеспечения информационной безопасности умных городов не существует. При обеспечении информационной безопасности краеугольным камнем выступает обеспечение целостности, доступности и конфиденциальности данных, безопасное функционирование информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления, сетей и систем связи, – составляющих компоненты цифровой инфраструктуры умных городов¹.

При обеспечении информационной безопасности ИКТ «умных городов» предстоит решить ряд задач, в том числе: выявление компьютерных атак и инцидентов; предупреждение компьютерных атак и инцидентов; реагирование на компьютерные атаки и инциденты ликвидация последствий компьютерных атак; поиск признаков компьютерных атак в сетях; обмен информацией с Федеральными органами исполнительной власти в сфере информационной безопасности; обеспечение защиты информации.

А в рамках выполнения перечисленных задач, субъектом должны быть обеспечены следующие функции:

- взаимодействие при решении задач, касающихся обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы и реагирования на компьютерные инциденты;
- разработка документов, регламентирующих процессы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных инцидентов и реагирования на компьютерные инциденты;
- эксплуатация средств, предназначенных для обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и реагирования на компьютерные инциденты, выявление ошибок в работе средств и направление производителю средств информации о выявленных ошибках, а также актуализация средств, используемых для обеспечения защиты информационных ресурсов, направление предложений по совершенствованию средств;
- прием сообщений об инцидентах от персонала и пользователей информационных ресурсов;
- регистрация компьютерных атак и компьютерных инцидентов;
- анализ событий информационной безопасности;
- инвентаризация информационных ресурсов;
- анализ угроз информационной безопасности, прогнозирование их развития и направление в НКЦКИ результатов;
- составление и актуализация перечня угроз информационной безопасности для информационных ресурсов;

ные технологии. Умный город. Общая схема развития и функционирования».

¹ Жарова, А. К. О конфликте интересов субъектов в информационных отношениях / А. К. Жарова // Государство и право. – 2011. – № 4. – С. 42–49. – EDN NRBMGP.

- выявление уязвимостей информационных ресурсов;
- формирование предложений по повышению уровня защищенности информационных ресурсов;
- составление перечня компьютерных инцидентов;
- ликвидация последствий компьютерных инцидентов;
- анализ результатов ликвидации последствий инцидентов;
- установление причин компьютерных инцидентов.

При этом в структуре «умных городов» следует уделить внимание формированию соответствующего органа исполнительной власти, осуществляющего деятельность в данной сфере, разработке соответствующих методик обеспечения информационной безопасности, установление требования к программному обеспечению и техническим устройствам и т.д.

Следует также учитывать возможность отнесения информационной инфраструктуры «умных городов» к субъектам критической инфраструктуры Российской Федерации, в перечень которых входят²:

- государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели;
- указанным юридическим лицам на праве собственности, аренды или на ином законном основании принадлежат информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления;
- функционирующие в 14 сферах народного хозяйства: здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности; а также российские юридические лица или индивидуальные предприниматели, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей.

Таким образом, просматривается аналогия между безопасностью ИКТ «умных городов» и безопасностью критической информационной инфраструктуры:

- безопасность критической информационной инфраструктуры
- безопасность ИКТ «умных городов»
- состояние защищенности критической информационной инфраструктуры, обеспечивающее ее устойчивое функционирование при проведении в отношении ее компьютерных атак

² Федеральный закон от 26.07.2017 N 187-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» /СПС «Консультант плюс»

– состояние защищенности ИКТ умных городов, обеспечивающее устойчивое функционирование при проведении компьютерных атак

С другой стороны, существующий Перечень показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений¹ включает в себя ряд показателей, имеющий прямое отношение к функционированию городской инфраструктуры: причинение ущерба жизни и здоровью людей; прекращение или нарушение функционирования объектов обеспечения жизнедеятельности населения; прекращение или нарушение функционирования объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств, в том числе высокоавтоматизированных транспортных средств; прекращение или нарушение функционирования сети связи; отсутствие доступа к государственной услуге; прекращение или нарушение функционирования государственного органа в части невыполнения возложенной на него функции (полномочия); -возникновение ущерба бюджету Российской Федерации и др.

Видится два возможных направления выхода из сложившейся ситуации:

1. Отнесение ИКТ умных городов к категории КИИ РФ с последующим категорированием в качестве значимого объекта КИИ и обеспечение взаимодействия с ГосСОПКА, обеспечивающее государственно-частное партнерство в области информационной безопасности либо путем создания собственного центра мониторинга инцидентов информационной безопасности (SOC) и подключения его к ГосСОПКА, либо подключение к уже готовому SOC сторонней организации и интеграция с его информационной инфраструктурой.

По сути своей, ГосСОПКА представляет новую ипостась государственно-частного партнерства в сфере безопасности информационных технологий, когда корпоративный центр ГосСОПКА автоматизирует выявление инцидентов, реагирование на них и взаимодействие с Национальным координационным центром по компьютерным инцидентам (НКЦКИ).

При этом корпоративный центр осуществляет следующую деятельность:

- передачу данных между центрами по вертикали иерархической структуры ГосСОПКА в форматах, отвечающих всем актуальным требованиям регулятора;
- анализ угроз и предупреждение компьютерных атак;
- анализ данных о событиях безопасности, принятие и регистрация сообщений о возможных инцидентах и обнаружение атак;
- помощь в реагировании на инциденты и ликвидация последствий атак, анализ результатов устранения последствий инцидентов;
- оценка защищенности контролируемых информационных ресурсов;
- расследование компьютерных инцидентов;

¹ УТВЕРЖДЕНЫ Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2018 г. N 127

2. Создание собственных систем информационной безопасности умных городов, что представляется не совсем целесообразным в связи с необходимостью разработки собственных норм правового и технического регулирования в данной сфере, невозможностью масштабирования опыта, значительными затратами на решение каждой задачи обеспечения информационной безопасности и т.д.

Литература

1. Mills, D.; Pudney, S.; Pevcin, P.; Dvorak, J. Evidence-Based Public Policy Decision-Making in Smart Cities: Does Extant Theory Support Achievement of City Sustainability Objectives? *Sustainability* 2022, 14, 3. <https://doi.org/10.3390/su14010003>
2. Распоряжение Правительства России от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении Программы «Цифровая экономика Российской Федерации»».
3. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» /СПС «Консультант плюс»
4. Стандарт ISO 37122: 2019 «Устойчивое развитие городов и сообществ. Индикаторы умных городов» (Sustainable cities and communities – Indicators for smart cities), российский ГОСТР ИСО 37122–2023 «Устойчивое развитие сообществ. Показатели для умных городов» (ISO 37122:2019, Sustainable cities and communities – Indicators for smart cities, IDT)
5. ISO 37101:2016 «Sustainable development in communities – Management system for sustainable development – Requirements with guidance for use», характеризующим систему управления устойчивым развитием в сообществах, и ISO 37120:2018 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели оценки услуг и городского качества жизни» (Sustainable cities and communities – Indicators for city services and quality of life)
6. ISO 37122:2019 дополняется стандартом ISO 37123:2019 «Устойчивые города и сообщества – Показатели для оценки городских служб и качества жизни» (Sustainable cities and communities – Indicators for resilient cities).
7. ПНСТ 439–2020 «Информационные технологии. Умный город. Совместимость данных»;
8. ПНСТ 441–2020 «Информационные технологии. Умный город. Онтология верхнего уровня для показателей умного города»;
9. ПНСТ 445–2020 «Информационные технологии. Умный город. Общая схема развития и функционирования».
10. Жарова, А. К. О конфликте интересов субъектов в информационных отношениях / А.К. Жарова // Государство и право. – 2011. – № 4. – С. 42–49. – EDN NRBMGP.

ENSURING INFORMATION SECURITY OF THE DIGITAL SPACE INFRASTRUCTURE OF “SMART CITIES”

Tsaregorodtsev A.V., Elin V.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article reveals some aspects of ensuring information security of the information infrastructure of “smart cities” as structured public-private partnerships formed from information systems, information and telecommunication networks, automated control systems, networks and communication systems in the absence of clear requirements in this area. The authors draw an analogy between the information infrastructure of “smart cities” and the critical information infrastructure of the Russian Federation and conclude that it is necessary to correlate these concepts.

Keywords: information security, digital space, “smart city” technologies, information threats.

References

1. Mills, D.; Pudney, S.; Pevcin, P.; Dvorak, J. Evidence-Based Public Policy Decision-Making in Smart Cities: Does Extant Theory Support Achievement of City Sustainability Objectives? *Sustainability* 2022, 14, 3. <https://doi.org/10.3390/su14010003>
2. Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-r “On approval of the Program “Digital Economy of the Russian Federation””.
3. Federal Law of 26.07.2017 No. 187-FZ (as amended on 10.07.2023) “On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation” /SPS “Consultant Plus”
4. Standard ISO 37122: 2019 “Sustainable cities and communities – Indicators for smart cities”, Russian GOST R ISO 37122–2023 “Sustainable development of communities. Indicators for smart cities” (ISO 37122:2019, Sustainable cities and communities – Indicators for smart cities, IDT)
5. ISO 37101:2016 “Sustainable development in communities – Management system for sustainable development – Requirements with guidance for use”, characterizing the sustainable development management system in communities, and ISO 37120:2018 “Sustainable communities. Indicators for city services and quality of life” (Sustainable cities and communities – Indicators for city services and quality of life)
6. ISO 37122:2019 is supplemented by the standard ISO 37123:2019 “Sustainable cities and communities – Indicators for resilient cities”.
7. PNST 439–2020 “Information technology. Smart city. Data interoperability”;
8. PNST 441–2020 “Information Technology. Smart City. High-Level Ontology for Smart City Indicators”;
9. PNST 445–2020 “Information Technology. Smart City. General Scheme of Development and Operation”.
10. Zharova, A.K. On the Conflict of Interests of Subjects in Information Relations / A.K. Zharova // *State and Law*. – 2011. – No. 4. – P. 42–49. – EDN NRBMGF.

Развитие модели регулирования инвестиционного товарищества России: возможности и ограничения адаптации опыта англосаксонской системы права

Джуплин Антон Андреевич,

аспирант, Юридический институт, Дагестанский государственный университет
E-mail: adzhuplin@gmail.com

Статья посвящена сравнительному анализу правового регулирования и статуса инвестиционного товарищества в Российской Федерации и его аналогов в зарубежных странах, в частности, в США. Рассматриваются особенности нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность инвестиционных партнерств в обеих странах, включая ключевые аспекты их функционирования, такие как права и обязанности партнеров, ответственность участников, процедуры создания и прекращения партнерств. Особое внимание уделяется сравнению подходов к регулированию права управляющего партнера на выход из партнерства и правового статуса ограниченного партнера. Анализируются преимущества и недостатки российской модели инвестиционного товарищества в сравнении с зарубежными аналогами, а также потенциальные пути совершенствования законодательства в данной сфере. Сделан вывод о том, что российская модель инвестиционного товарищества, хотя и имеет свои особенности, демонстрирует потенциал для дальнейшего развития и совершенствования. Реализация положений законопроекта позволит расширить число участников инвестиционных товариществ, сделает более удобными коллективные инвестиции в венчурные проекты, укрепит доверие инвесторского сообщества к российской правовой системе.

Ключевые слова: инвестиционное товарищество; ограниченное партнерство; венчурные инвестиции; сравнительный анализ; правовое регулирование; управляющий партнер; ограниченный партнер; ответственность инвесторов.

В целях стимулирования экономики и привлекательности для зарубежных инвестиций в 2011 году был принят Федеральный закон «Об инвестиционном товариществе» [1; 2], который внедрил особую форму бизнес-структуры, основанную на принципах простого товарищества, но адаптированную для реализации инвестиционных проектов.

До его принятия в России отсутствовали эффективные формы инвестирования и реализации венчурных бизнес-проектов. Между тем венчурные инвестиции играют ключевую роль в формировании инновационной экономики, обеспечивая финансирование высокорисковых технологических проектов с потенциально высокой доходностью. В 2023 году объем венчурных инвестиций в России снизился до минимального уровня за последние семь лет, составив 118 миллионов долларов, что является более чем десятикратным уменьшением по сравнению с предыдущим годом, когда было зарегистрировано 1,252 миллиарда долларов [5]. Однако, несмотря на значительное сокращение объема инвестиций, количество сделок увеличилось до 181, что на 10% выше, чем в 2022 году.

В структуре инвестиционных товариществ выделяются две основные категории участников: управляющие товарищи и товарищи-вкладчики. Функциональные обязанности первой группы включают администрирование совместной деятельности, ведение налогового учета и мониторинг финансовых потоков. Вторая категория преимущественно ограничивается финансовым участием в проектах товарищества.

Правовой статус управляющих товарищей характеризуется субсидиарной ответственностью по обязательствам товарищества в полном объеме их личного имущества. В отношении товарищей-вкладчиков действует принцип ограниченной ответственности в пределах их вклада, за исключением налоговых обязательств, где данное ограничение не применяется.

Популярность инвестиционных товариществ как организационно-правовой формы обусловлена, в частности, высокой степенью диспозитивности договорных отношений. Это предоставляет участникам значительную автономию в определении организационной структуры, механизмов управления и принципов функционирования товарищества.

Изучаемый вид договора в своей структуре содержит ряд важных элементов: документ о инвестиционных намерениях, который устанавливает направления и критерии для инвестиций; обяза-

тельства и права участвующих лиц; сроки проведения проектов; размеры и структуру вложений; управленческую структуру; условия работы управляющего партнера, в том числе его отчетность и вознаграждение; механизмы передачи прав и обязанностей; обязательства сторон по договору. Создание инвестиционного товарищества осуществляется через нотариальное подтверждение договора, который регистрируется в месте регистрации управляющего партнера.

Появление данной формы обусловлено ограничениями существующих законодательных альтернатив. Закрытые паевые инвестиционные фонды характеризуются жесткими требованиями к управляющим компаниям, включая лицензирование и капитализацию. Процедура регистрации правил доверительного управления в Банке России более сложна по сравнению с нотариальным удостоверением договора инвестиционного товарищества.

Товарищество на вере, несмотря на схожую структуру, имеет ограничения для профессиональных инвесторов, управляющих несколькими фондами. Кроме того, законодательство предоставляет участникам широкие возможности выхода из товарищества, что не всегда соответствует интересам долгосрочных инвестиционных проектов [10].

В научном дискурсе договор простого товарищества представляет собой соглашение между двумя или более лицами о совместной деятельности без образования юридического лица с целью извлечения прибыли или достижения иных законных целей. Однако данная форма имеет ряд существенных ограничений для инвестиционной деятельности:

- солидарная ответственность участников по общим обязательствам, не ограниченная размером вклада, что повышает риски для инвесторов.
- ограниченный субъектный состав: участниками могут быть только коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, исключая некоммерческие организации.
- законодательно закрепленное право свободного выхода из товарищества, затрудняющее долгосрочное планирование.

В качестве альтернативы можно рассмотреть организацию инвестиционной деятельности через юридическое лицо, таких как ООО или АО. Это позволяет обеспечить четкость в процессах перехода инвесторов, распределения доходов и управления компанией. Однако основным минусом такого подхода является двойное обложение налогами: налоги взимаются как при продаже долей в компании из портфеля, так и при разделении прибыли между участниками, что уменьшает общую рентабельность инвестиций [9].

Инвестиционное товарищество зарекомендовало себя как предпочтительный метод коллективного инвестирования, превосходя альтернативные варианты по ряду критериев. Это привело к его широкому распространению в качестве базовой структуры для инвестиционных фондов.

Научный интерес представляет специфика правового регулирования подобных партнерств в зарубежном законодательстве. Такой анализ позволит оценить преимущества и недостатки отечественной модели инвестиционного товарищества с целью последующего совершенствования нормативно-правовой базы.

В Российской Федерации регулирование деятельности инвестиционных товариществ осуществляется на федеральном уровне, что обеспечивает единообразие правоприменительной практики и минимизирует риски, связанные с региональными различиями в законодательстве.

Разнообразие законодательства в области ограниченных партнерств в США, обусловленное федеральной структурой страны, приводит к различиям в правилах в разных штатах. Для стандартизации законодательства действует Комиссия по унификации законодательства, некоммерческая организация, которая разработала Единый закон об ограниченных партнерствах в 2001 году [12]. Однако этот закон не внедрен повсеместно, что приводит к юридическим несоответствиям и увеличивает риски для участников экономической деятельности.

В Соединенных Штатах Америки процедуры формирования партнерств различаются в разных штатах. Штатные органы власти, конкретнее офисы секретарей штатов, отвечают за регистрационные действия. Интересно, что хотя учредительный договор является обязательным документом по закону, его предоставление при регистрации обычно не требуется. Во многих штатах также доступна опция подачи регистрационных документов в электронном виде.

В России процесс создания инвестиционного товарищества предполагает обязательное нотариальное удостоверение договора. Данное требование, с одной стороны, обеспечивает дополнительные гарантии для участников, но с другой – может рассматриваться как избыточное административное бремя [6].

Особенности российского законодательства включают отсутствие полного перечня условий, которые запрещено изменять договором, что связано со спецификой национальной правовой системы, где многие важные аспекты регулируются другими законодательными актами.

В контексте юридической науки, партнерство трактуется как договорное объединение компетентных лиц для совместной предпринимательской деятельности с целью извлечения прибыли, основанное на вкладе финансов, материалов и труда. Изучение правовых аспектов такого соглашения является центральным в анализе этого феномена. В США, согласно закону о партнерствах, такое соглашение охватывает аспекты отношений между партнерами, управленческие операции и процедуры модификации договора. При этом законодательство предоставляет сторонам свободу в формировании условий соглашения, однако устанавливает обязательные нормы, как, например, не-

изменность права, процессуальную правоспособность и требование добросовестности [4].

Интерес представляют различия в методах регулирования прав управляющего партнера на выход из бизнес-партнерства.

В российской законодательстве запрет на ограничение данного права отсутствует в отличие от американского права. Данное различие представляет собой существенный аспект в контексте сравнительного анализа правовых режимов инвестиционных товариществ в двух юрисдикциях и требует дальнейшего детального изучения с точки зрения его влияния на функционирование и стабильность инвестиционных структур [8].

В РФ по умолчанию управляющий товарищ не может покинуть инвестиционное товарищество, однако возможность такого выхода может быть предусмотрена в договоре, с определением процедуры и времени передачи полномочий [11]. В США законодательство гарантирует право управляющего партнера покинуть партнерство, при этом договор может наложить санкции за такой уход, рассматривая его как нарушение условий. Возможные основания для прекращения включают:

- наступление событий, предусмотренных договором;
- решение партнеров прекратить полномочия без объяснения причин, если это разрешено договором;
- изменение правового статуса управляющего партнера, например, банкротство или ликвидация;
- судебное решение из-за убытков, нанесенных партнерству, или действий, наносящих ущерб интересам партнерства;
- прекращение существования самого партнерства, такое как ликвидация или реорганизация [3].

Представляется, что российский подход в большей степени соответствует интересам инвесторов. Управляющий товарищ, обладающий профессиональной экспертизой и репутацией, часто является ключевым фактором привлекательности инвестиционного товарищества для вкладчиков. Законодательное закрепление права управляющего товарища на беспрепятственную передачу полномочий могло бы существенно снизить инвестиционную привлекательность данной формы партнерства.

В контексте сравнительного анализа правовых режимов ограниченных партнерств в США и инвестиционных товариществ в России особого внимания заслуживает вопрос правового статуса и ответственности ограниченного партнера.

В американской правовой системе положение ограниченного партнера схоже с ролью держателя привилегированных акций, обеспечивая право на дивиденды при ограниченном управлении. Отличительной чертой является ограничение ответственности партнера величиной его вложений, что направлено на защиту личных активов от кредиторов.

В России закон о инвестиционных товариществах также устанавливает ограничение ответственности товарищей-вкладчиков в пределах их вкладов, за исключением случаев, касающихся налогов, где предусмотрена солидарная ответственность. Законодательно запрещено товарищам-вкладчикам управлять общими делами товарищества, с возможностью создания инвестиционного комитета для этих целей. Ответственность за убытки, вызванные решениями товарищей, остается неуточненной в российском законодательстве, существует риск взыскания с личного имущества товарищей при недостаточности активов управляющего или общих активов товарищества. Указанные факторы могут потенциально снижать привлекательность инвестиционных товариществ для инвесторов.

Особого внимания заслуживает вопрос прекращения ограниченного партнерства как формы предпринимательской деятельности, которое может произойти по нескольким основаниям. В РФ прекращение инвестиционного товарищества может наступить по истечении срока договора, достижении цели, наличии только одного вкладчика или других условий, указанных в договоре.

В США ограниченное партнерство может прекращаться по условиям партнерского соглашения; по единогласному решению партнеров, контролирующих более 50% прибыли; из-за окончания полномочий управляющего партнера, при этом остальные могут принять решение большинством голосов; после 90 дней от утраты последнего управляющего или ограниченного партнера, если не приняты новые; или если партнерство осталось с одним партнером. Также возможно прекращение по судебному решению, при этом партнерство может продолжаться при наличии даже одного лица, выполняющего роли как управляющего, так и ограниченного партнера.

Российская модель, в свою очередь, фокусируется на целевом характере и временных рамках существования инвестиционного товарищества, в отличие от американской модели, которая предусматривает более детальную регламентацию оснований прекращения партнерства, уделяя особое внимание вопросам управления и структуры партнерства [7].

Существенным отличием является подход к ситуации с единственным участником: если американское законодательство допускает сохранение партнерства в такой ситуации при определенных условиях, то российское законодательство рассматривает наличие единственного товарища-вкладчика как основание для прекращения товарищества.

Проведенный сравнительный анализ регулирования и статуса инвестиционного товарищества в России и его аналогов в зарубежных странах, в частности ограниченных партнерств в США, выявил ряд существенных различий и особенностей в подходах к законодательному регулированию данных форм инвестиционной деятельности.

Ключевые выводы:

1. В Российской Федерации действует единый федеральный закон об инвестиционном товариществе. Нормативно-правовая база в США характеризуется большей дифференциацией на уровне отдельных штатов.

2. Российская модель инвестиционного товарищества, несмотря на ее относительную новизну, демонстрирует определенные преимущества, в частности, в вопросах стабильности управления.

3. Существуют различия в подходах к регулированию права управляющего партнера на выход из партнерства. В России отсутствуют такие ограничения, что может быть более привлекательным для инвесторов.

4. Отсутствие в России консолидированного перечня императивных норм для инвестиционных товариществ создает определенные трудности, но и позволяет избежать потенциальных правовых коллизий.

В целом, российская модель инвестиционного товарищества, хотя и имеет свои особенности, демонстрирует потенциал для дальнейшего развития и совершенствования. Об этом свидетельствует принятый в первом чтении проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 278 [2] и 286 [1] части второй Налогового кодекса Российской Федерации» о предоставлении налогового вычета для инвестиционных товариществ при инвестировании в малые технологические компании и венчурные проекты. Реализация положений законопроекта позволит расширить число участников инвестиционных товариществ, сделает более удобными коллективные инвестиции в венчурные проекты, укрепит доверие инвестсообщества к российской правовой системе.

Литература

1. Федеральный закон от 28.11.2011 N 335-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об инвестиционном товариществе» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 15.08.2024).
2. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 04.07.2024 «О проекте федерального закона № 598922–8 «О внесении изменений в статьи 278.2 и 286.1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.08.2024).
3. Горшков, Д.А. Соотношение договоров управления залогом и простого товарищества / Д.А. Горшков // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 12(187). – С. 215–217.
4. Мельникова, Т. В. К вопросу о правовом статусе товарищества на вере в праве России и США / Т.В. Мельникова // Вестник КрасГА У. – 2010. – № 8(47). – С. 152–156.

5. Объем инвестиций на венчурном рынке за год упал в 11 раз до \$118,2 млн [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/investments/news/2024/03/05/1023734-obem-venchurnom-rinke> (дата обращения: 15.08.2024).
6. Открытие юридического лица в США и вводные обстоятельства правового порядка [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/otkrytie-yuridicheskogo-lica-v-ssha-i-vvodnye-obstoyatelstva-pravovogo-poryadka1> (дата обращения: 15.08.2024).
7. Перова, М.К. Инвестиционные приоритеты США в соглашении о Транс-Тихоокеанском партнерстве / М.К. Перова // Законодательство и экономика. – 2015. – № 12. – С. 48–56.
8. Толстопятенко, Г.П. The roots of legal problems arising in the course of automatic exchange of information in tax matters between the EU and Russia / Г.П. Толстопятенко, С.Р. Агеев // Russian Law Journal. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-roots-of-legal-problems-arising-in-the-course-of-automatic-exchange-of-information-in-tax-matters-between-the-eu-and-russia> (дата обращения: 15.08.2024).
9. Тубанова, Ю.Б. Условия и особенности применения инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль организаций / Ю.Б. Тубанова // Налоговая политика и практика. – 2021. – № 1(217). – С. 72–76.
10. Чумакова, О.В. Особенности инвестиционных контрактов с участием публичных образований / О.В. Чумакова // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 8–1. – С. 92–99. – DOI 10.34670/AR.2019.89.8.012.
11. Якушева, Е.Е. Инвестиционные товарищества в контексте других существующих в России форм ведения совместной деятельности и в сравнении с limited partnership в США / Е.Е. Якушева // Lex russica. – 2021. – Т. 74, № 10. – С. 147–155. – DOI 10.17803/1729–5920.2021.179.10.147–155.
12. Limited Partnership Act (2001) (Last Amended 2013) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.uniformlaws.org/viewdocument/enactment-kit-67?CommunityKey=d9036976–6c90–4951–ba81–1046c90da035&tab=librarydocuments> (дата обращения: 15.08.2024).

DEVELOPMENT OF THE MODEL FOR REGULATING INVESTMENT PARTNERSHIPS IN RUSSIA: POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF ADAPTING THE EXPERIENCE OF THE ANGLO-SAXON LEGAL SYSTEM

Dzhuplin A.A.
Dagestan State University

The article is devoted to a comparative analysis of the legal regulation and status of an investment partnership in the Russian Federation and its analogues in foreign countries, in particular, in the United States. The article examines the features of the legal framework governing the activities of investment partnerships in both countries, including key aspects of their functioning, such as the rights and obligations of partners, the responsibility of participants, and the procedures for creating and terminating partnerships. Particular attention is paid to comparing approaches to regulating the right of a managing partner to withdraw from a partnership and the le-

gal status of a limited partner. The article analyzes the advantages and disadvantages of the Russian model of an investment partnership in comparison with foreign analogues, as well as potential ways to improve legislation in this area. It is concluded that the Russian model of an investment partnership, although it has its own characteristics, demonstrates the potential for further development and improvement. The implementation of the provisions of the draft law will expand the number of participants in an investment partnership, make collective investments in venture projects more convenient, and strengthen the trust of the investment community in the Russian legal system.

Keywords: investment partnership; limited partnership; venture investments; comparative analysis; legal regulation; managing partner; limited partner; investor liability.

References

1. Federal Law No. 335-FZ of November 28, 2011 (as amended on July 2, 2021) "On Investment Partnerships" [Electronic resource]. – Access from the legal reference system "Consultant-Plus" (date accessed: August 15, 2024).
2. Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated July 4, 2024 "On draft federal law No. 598922–8 "On amendments to Articles 278.2 and 286.1 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation" [Electronic resource]. – Access from the legal reference system "Consultant-Plus" (date accessed: August 15, 2024).
3. Gorshkov, D.A. The correlation of pledge management contracts and simple partnerships / D.A. Gorshkov // Eurasian Legal Journal. – 2023. – No. 12(187). – P. 215–217.
4. Melnikova, T.V. On the legal status of a religious partnership in the law of Russia and the USA / T.V. Melnikova // Bulletin of KrasGA U. – 2010. – No. 8(47). – P. 152–156.
5. Investment volume in the venture market fell 11 times to \$118.2 million over the year [Electronic resource]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/investments/news/2024/03/05/1023734-obem-venchurnom-rinke> (date accessed: August 15, 2024).
6. Opening a legal entity in the USA and introductory circumstances of the legal order [Electronic resource]. – URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/otkrytie-yuridicheskogo-lica-v-ssha-i-vvodnye-obstoyatelstva-pravovogo-poryadka1> (date accessed: August 15, 2024).
7. Perova, M.K. Investment priorities of the USA in the Trans-Pacific Partnership agreement / M.K. Perova // Legislation and Economy. – 2015. – No. 12. – P. 48–56.
8. Tolstopjatenko, G.P. The roots of legal problems arising in the course of automatic exchange of information in tax matters between the EU and Russia / G.P. Tolstopjatenko, S.R. Ageev // Russian Law Journal. – 2021. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-roots-of-legal-problems-arising-in-the-course-of-automatic-exchange-of-information-in-tax-matters-between-the-eu-and-russia> (date accessed: August 15, 2024).
9. Tubanova, Y.B. Conditions and peculiarities of applying the investment tax deduction for corporate income tax / Y.B. Tubanova // Tax Policy and Practice. – 2021. – No. 1(217). – P. 72–76.
10. Chumakova, O.V. Features of investment contracts involving public entities / O.V. Chumakova // Issues of Russian and International Law. – 2019. – Vol. 9, No. 8–1. – P. 92–99. – DOI 10.34670/AR.2019.89.8.012.
11. Yakusheva, E.E. Investment partnerships in the context of other existing forms of joint activity in Russia and in comparison with limited partnerships in the USA / E.E. Yakusheva // Lex Russica. – 2021. – Vol. 74, No. 10. – P. 147–155. – DOI 10.17803/1729–5920.2021.179.10.147–155.
12. Limited Partnership Act (2001) (Last Amended 2013) [Electronic resource]. – URL: <https://www.uniformlaws.org/viewdocument/enactment-kit-67?CommunityKey=d9036976–6c90–4951–ba81–1046c90da035&tab=librarydocuments> (date accessed: August 15, 2024).

Межотраслевое взаимодействие гражданского и уголовного права: некоторые теоретические и практические аспекты

Журавлева Мария Александровна,

аспирант Института государственной службы и управления
РАНХиГС

E-mail: ZhuravlevaMA16@yandex.ru

В статье рассматриваются отдельные теоретические и практические аспекты межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права. Дается определение межотраслевого метода правового регулирования, анализируется его отличие от междисциплинарного метода, обосновывается его влияние на формирование современной судебной практики. Автор анализирует наиболее актуальные направления межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права на примере бланкетности норм уголовного права. В исследовании затрагиваются вопросы конкретизации и юридического толкования норм уголовного права с применением норм гражданского права, а так же критерии разграничения гражданско-правовых отношений и уголовно-правовых отношений. Анализируется применение межотраслевого метода в условиях конкуренции уголовно-правовых норм. Рассматриваются практические примеры декриминализации некоторых экономических преступлений под влиянием развития гражданского права в системе российского права. Делается вывод, что изучение межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права является ведущей тенденцией юридических исследований в настоящее время.

Ключевые слова: межотраслевое взаимодействие, межотраслевой метод правового регулирования, гражданское право, уголовное право, бланкетные нормы, конкуренция правовых норм, межотраслевые коллизии, толкование, декриминализация экономических преступлений.

Юридическая наука долгое время считалась монодисциплинарной, консервативной частью научного знания. Во многом это было обусловлено консервативной номенклатурой юридических дисциплин. Каждая отрасль, имея свой собственный предмет и метод правового регулирования, обнаруживала междисциплинарные и межотраслевые связи, разве что, на уровне правовых принципов. Но с усложнением регулируемых правовых отношений, появлением новых институтов ситуация стремительно меняется. Практика настойчиво требует от юридической науки исследования проблем системности, взаимосвязи и взаимозависимости различных компонентов правовой системы, отраслей, дисциплин. Однако, несмотря на растущую популярность и растущий интерес, междисциплинарный подход по-прежнему сталкивается с эпистемологическими, институциональными, организационными и другими барьерами в научной среде. Основная причина – разные, а иногда и противоречивые взгляды на его потенциал, и значение в современном высшем образовании и юридических исследованиях.

Когда мы говорим о междисциплинарном подходе внутри юридической науки, мы имеем в виду «межотраслевой подход», основная задача которого раскрыть «межотраслевые связи». Вместе с тем некоторые исследователи полагают, что одна из основных проблем возникает уже на стадии формирования понятий, отражающих сущность межотраслевых и междисциплинарных связей различных юридических наук и отраслей.

Для правильности теоретического обоснования содержания межотраслевого взаимодействия, прежде всего, следует разграничивать понятия межотраслевой метод и междисциплинарный метод. Если первый направлен на исследование сущности связей между нормами различных отраслей права, то для второго предметом исследования выступают связи между различными науками, причем не только юридическими. При этом, и в том и в другом случае, исследуемые связи носят двусторонний характер, поскольку односторонняя связь не порождает взаимодействие в полном смысле этого слова. Межотраслевые связи в праве являются объектом межотраслевого метода научного познания. Он направлен на их выявление, изучение и совершенствование.

По мнению, Кузнецовой О.А. «существование такого метода в правоведении обусловлено системностью права. Изучение указанных связей не может быть ограничено использованием только общенаучных методов формальной и диалек-

тической логики и совокупностью классических частно-научных методов (юридико-догматический, историко-правовой, сравнительно-правовой, герменевтический и др.)». [4, с. 206]

Основное теоретико-практическое обоснование существования указанного метода в гражданском праве представлено в работах М.Ю. Челышева. Челышев М.Ю. первым в цивилистике обосновал комплексную природу указанного метода, выявил и описал проявления в рамках данного метода других общенаучных и специально-научных методов и приемов. Автор полагал, что «межотраслевые связи отрасли права являются критериями отраслевой дифференциации наряду с предметом, методом, функциями, задачами» [7, с. 135]. Научный вклад Челышева М.Ю. в теорию межотраслевого взаимодействия гражданского права трудно переоценить. Благодаря указанным исследованиям межотраслевой метод сегодня отнесен к одному из самых перспективных направлений гражданско-правовых исследований, поскольку именно гражданское право, как самая объемная и динамичная отрасль права, сильнее других испытывает на себе влияние других отраслей.

Некоторые авторы полагают, что межотраслевой метод это не просто метод научного познания, считают его методом правового регулирования, присущим всем отраслям права. Такой точки зрения придерживаются, например, Д.Х. Валеев и В.Г. Голубцов [1]. На наш взгляд, подобный подход научно не обоснован, посягает на классическое деление правовых методов на императивный и диспозитивный. Межотраслевой метод это, прежде всего, метод научного познания, а не правового регулирования. Вместе с тем, можно отчасти согласиться с мнением Кузнецовой О.А. «что межотраслевой правовой метод проявляется как результат взаимного и одновременного регулирования отношений императивными и диспозитивными методами, приобретающий при этом самостоятельный характер и значение» [4, с. 213].

Использование межотраслевого метода существенно раздвинуло, существующие ранее формальные границы для проведения, например, правовых исследований на стыке гражданского и уголовного права.

В настоящей статье, под межотраслевым методом мы понимаем метод научного познания, направленный на выявление специфики правовых явлений, являющихся предметом изучения одной отрасли права, но при этом испытывающих существенное влияние и формирующихся под воздействием правовых норм иной отрасли права.

Предметом научного интереса автора настоящей статьи являются межотраслевые связи гражданского и уголовного права. При этом изучение этих связей осуществляется в рамках цивилистического направления.

Стоит отметить, что проблематика межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права в большей степени разработана в рамках уголовно-правовой науки, а в цивилистике ей

уделялось гораздо меньше внимания. Отчасти это обусловлено тем, что уголовное право намного чаще сталкивается с проблемами заимствования норм гражданского права, в частности, в вопросах квалификации экономических преступлений. Это связано, прежде всего, с широкой распространённостью бланкетности норм уголовного права. Привести примеры обратного заимствования достаточно сложно, прежде всего, по причине того, что общая диспозитивность норм гражданского права не допускает жестких рамок правовых конструкций, присущих публичным отраслям права. Едва ли не единственным примером очевидного влияния уголовного права на гражданское право является конструкция гражданско-правовой ответственности. Полагаем, что в настоящее время вопрос влияния уголовного права на гражданское право практически не изучен. Вместе с тем, современная наука не может игнорировать принцип системности права, который не совместим с узким односторонним подходом к проблеме межотраслевого взаимодействия.

Если абстрагироваться от частных, то с точки зрения чистой теории права у гражданского и уголовного права мало общего, особенно в аспекте предмета и методов правового регулирования: метод диспозитивности и дозволения характерный для отраслей частного права прямо противопоставляется запретам императивного метода, характерного для уголовного права. Однако, право и правовая система, никогда не находятся в состоянии чистой теории. Являясь «живым организмом» правоотношений правовые нормы и практика их применения всегда испытывают на себе влияние всей системы права. В этих условиях в части гражданского и уголовного права можно обнаружить много общего: нормы этих отраслей зачастую направлены на одни и те же объекты защиты в сфере экономических отношений, каждая из них с позиции своей методологии описывают юридические составы и основания юридической ответственности, которые зачастую совпадают по фактическому содержанию (имущественные лишения), различаясь только по степени общественной опасности и субъективной стороне.

Межотраслевое взаимодействие возникает по ряду причин и имеет вполне обоснованные цели. В большинстве случаев, межотраслевое взаимодействие гражданского и уголовного права обнаруживает себя там и тогда, когда:

1. требуется конкретизация предмета ведения и разграничение гражданско-правовых отношений и уголовно-правовых, в частности в вопросах определения вины и конкретизацией запрещенного и разрешенного типа поведения в экономических правоотношениях;
2. требуется конкретизация юридического толкования норм в условиях бланкетности норм уголовного права;
3. для определения направлений совершенствования законодательства в условиях установленной конкуренции норм гражданского и уго-

ловного права, а так же в условиях межотраслевых коллизий.

Рассмотрим некоторые теоретические и практические аспекты вышеуказанного взаимодействия.

Вопросы разграничения гражданско-правовых и уголовно-правовых правоотношений, являются, пожалуй, наиболее востребованными и разработанными в науке как гражданского, так и уголовного права. В последние годы с ростом экономики и доходов участников гражданского оборота, все чаще уголовно-правовые средства стали использоваться в качестве инструмента недобросовестной конкуренции. Проявляется это, как правило, в форме уголовного преследования там где должны действовать нормы гражданского, гражданско-процессуального и арбитражного законодательства. Иными словами, типичные гражданско-правовые правоотношения обличаются в форму уголовного преступления. При этом основным признаком того, что деяние не может быть квалифицировано в качестве преступления, по причине того что оно фактически и юридически является правомерным с точки зрения гражданского права, игнорируется.

Можно согласиться с утверждением Жалинского А.Э. о том, что уголовный закон не должен сужать рамки конституционных прав и свобод, которые находят свою конкретизацию в рамках гражданского права. Уголовный закон должен применяться лишь там, где имеет место общественно-опасное нарушение гражданского законодательства, выраженное в форме действия или бездействия [2].

На наш взгляд общий подход к разграничению гражданско-правовых и уголовно-правовых отношений должен строиться на общем правиле: если при тождественности объекта правонарушения нарушенное право невозможно восстановить гражданско-правовыми средствами, а только путем вмешательства в гражданско-правовые отношения государства, то применение уголовного наказания объективно обоснованно.

Большинство авторов полагают, что разграничение между гражданско-правовыми и уголовно-правовыми отношениями должно производиться по нескольким критериям. Одним из основных критериев является объект правового регулирования. Надо четко понимать, что объектом уголовного права являются, прежде всего, общественные ценности: личность, ее конституционные права и свободы, конституционный строй, безопасность государства. Основная задача уголовного права – защита этих ценностей. Если мы говорим о гражданских правоотношениях, то по природе своей, будучи диспозитивными, они направлены на защиту частных экономических интересов. Такая защита может вступать в конфликт с интересами личности, ее конституционными правами, но при этом не выходит за рамки дозволенного. В связи с этим, очень важно найти такой критерий который является универсальным. По широко распространенному мнению таким критерием является критерий

общественной опасности. Считается, что именно общественная опасность является основным признаком уголовного преступления. Однако, общественная опасность сама по себе, в разной степени присуща разным правонарушениям, поэтому проводить разграничение только лишь опираясь на нее не правильно. Важно учитывать субъективную сторону правонарушений, а именно умысел и вину. Вот именно эти элементы субъективной стороны противоправного деяния позволяют разграничивать уголовные преступления от всех иных. Но именно в понимании вины зачастую и возникает самая большая практическая проблема при квалификации преступлений экономической направленности.

Некоторые авторы полагают, что при оценке действий субъектов важно учитывать диспозитивность гражданского права. Так свобода договора и общий предпринимательский риск, характерный для гражданско-правовых отношений предполагает определенную долю неудачных экономических решений. В некоторых случаях, эти решения влекут неблагоприятные последствия в виде убытков или неисполнения обязательств. По мнению Жалинского А.Э. в таких случаях правоприменитель должен оценивать именно предпринимательский риск, выбор экономического решения и их адекватность в конкретных условиях [3, с. 51]. По справедливому утверждению Смаиловой И.М. «в сферу уголовной юрисдикции должны подпадать особо коварные и ловкие обманы, уберечься от которых невозможно было бы при нормальном благоразумии и осмотрительности» [6]. На наш взгляд, в данном случае речь идет именно о ситуациях, выходящих за рамки нормального предпринимательского риска, когда очевидно, что лицо в момент заключения сделки, не стремилось выполнять принятые на себя обязательства, а имело умысел незаконно завладеть имуществом.

Спорные ситуации, требующие применения гражданско-правового толкования возникают и в условиях конкуренции уголовно-правовых норм. Под конкуренцией в данном случае стоит понимать такую ситуацию, при которой имеет место наличие нескольких уголовно-правовых норм, которые могут предусматривать наказание за одни и те же деяния. В отличии от конкуренции, коллизия норм предполагает противоречие, которое может быть разрешено методом толкования или путем совершенствования норм.

Влияние гражданского права может быть объективно решающим в вопросах юридического толкования объективной стороны преступления по экономическим составам.

В качестве примера можно привести конкуренцию норм общей статьи 159 Уголовного кодекса РФ «Мошенничество» и специальных составов мошенничества, предусмотренных статьей 159.1 «Мошенничество в сфере кредитования», статьей 159.2 «Мошенничество при получении выплат», статьей 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» и других.

Объективную сторону преступления в указанных составах могут составлять очень похожие действия. При этом для разграничения особенностей гражданско-правовых правоотношений, входящих в объективную сторону указанных преступлений правоприменитель должен обратиться к положениям страхового права, права социального обеспечения, цифрового права и других гражданско-правовых направлений. В данном случае применение норм гражданского права, в частности понятийного аппарата, необходимо в целях исключения свободного усмотрения правоприменителя.

Что касается проблем конкретизации юридического толкования уголовно-правовых с учетом их бланкетного характера, то здесь на первый план выходит вопрос первичности норм гражданского права. На наш взгляд, и при бланкетности и при разрешении коллизий необходимо исходить из приоритетности норм гражданского права и акцессорности норм уголовного права.

По некоторым данным, количество бланкетных норм, содержащихся в Уголовном кодексе РФ, составляет более 60%. С точки зрения Кузнецовой Н.Ф. «процесс «бланкетизации» все более интенсифицируется по мере развития системы законодательства, отражая процесс усложнения регулируемых общественных отношений» [5, с. 107]. Основной рост количества новых составов преступлений наблюдается на стыке уголовного и гражданского права – в сфере экономических преступлений. Например, статья 200.4 Уголовного кодекса РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» введена в 2018 году, статья 171.5 Уголовного кодекса РФ «Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)» введена в 2021 году, статья 172.4 Уголовного кодекса РФ «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц» введена в 2023 году. Все эти нормы требуют обращения к специальным нормам, регулируемым нормами частного права.

В заключении, хотелось бы рассмотреть такой аспект межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права как полная или частичная декриминализация преступлений под влиянием тенденций развития и совершенствования норм гражданского права.

Расширение количества экономических преступлений повлекло рост уголовного преследования предпринимателей. Некоторые составы стали средством давления на конкурентов, дела возбуждались там, где в этом не было объективной необходимости, при очевидности гражданско-правовых способов разрешения споров. При этом уголовно-правовое преследование, особенно если оно сопровождается арестом руководителя или собственника бизнеса, зачастую влечет убытки, закрытие хозяйствующего субъекта и потерю рабочих мест. Все это неблагоприятно влияет на гражданский оборот в целом, поскольку затрагивает

широкий круг субъектов, вовлеченных в договорные правоотношения. При этом уголовные дела, зачастую, прекращаются и не доходят до суда, однако, рыночные позиции экономического субъекта уже утрачены и нанесен урон стабильности гражданского оборота.

Складывается парадоксальная ситуация: защищая общественные отношения в рамках уголовного права, правоохранительные органы наносят им еще больший ущерб.

В научной и практической среде последние два года велись активные обсуждения вопросов сокращения экономических составов преступлений и смягчения видов наказаний по некоторым из них. Указанные дискуссии получили практическое разрешение в законопроекте Министерства юстиции Российской Федерации¹, который был разработан по поручению Президента РФ².

В связи с этим в настоящее время предлагается ряд мер:

- 1) декриминализация ряда экономических преступлений, в частности по тем составам, по которым либо никогда не назначали реального наказания, связанного с лишением свободы, либо оно вообще не предусматривалось санкцией статьи, например ст. 170 Уголовного кодекса РФ «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом», ст. 170.2 Уголовного кодекса РФ «Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории», ст. 185.1 Уголовного кодекса РФ «Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах».
- 2) Из части норм исключат преступления, которые дублируются нормами других отраслей права, например, предлагается из ст. 171 Уголовного кодекса РФ исключить уголовную ответственность за предпринимательскую деятельность без регистрации, поскольку очень трудно разграничить по степени общественной опасности такое же административное правонарушение.
- 3) Вводятся новые критерии ущерба. В частности по делам о мошенничестве, налоговым преступлениям. Пороговые уровни определения размера ущерба увеличат, в связи со сложившимися экономическими условиями, уровнем инфляции.

Безусловно, все эти направления декриминализации стали возможными благодаря развитию гражданского законодательства, росту правовой просвещенности общества и правоприменителя в гражданско-правовой сфере.

На наш взгляд, найти баланс в этом вопросе возможно, только если правоприменитель сможет

¹ Текст законопроекта опубликован на <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npalD=141901>

² Текст поручений опубликован на <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/69045>

объективно отграничить гражданско-правовые и административные правонарушения, от реальных уголовных преступлений, руководствуясь исключительно нормами закона и осуществляя его толкование с учетом норм гражданского права.

Таким образом, изучение межотраслевого взаимодействия гражданского и уголовного права является ведущей тенденцией юридических исследований в настоящее время.

Литература

1. Валеев Д.Х., Голубцов В.Г. Методологические аспекты межотраслевых связей гражданского процессуального права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 37
2. Жалинский А.Э. Избранные труды [Текст]: [в 4 т.] / А.Э. Жалинский; [сост. К.А. Барышева и др.]; Высшая шк. экономики, Нац. исслед. ун-т. – Москва: Изд. дом Высшей шк. экономики, 2014-.Т. 4: Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста: Т. 4: научно-ведческие проблемы правоведения. – 2016. – 584 с.
3. Жалинский А.Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики.//Государство и право. – 1999.- № 12 С. 51
4. Кузнецова О.А. Межотраслевой метод цивилистического познания / О.А. Кузнецова // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 206–225.
5. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» под науч. ред. В.Н. Кудрявцева. – М.2007. – С. 107.
6. Смаилова И.М.«К вопросу о межотраслевой конкуренции уголовного и гражданского законодательства при квалификации мошенничества // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2012. № 3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-mezhotraslevoy-konkurentsii-ugolovnogo-i-grazhdanskogo-zakonodatelstva-pri-kvalifikatsii-moshennichestva> (дата обращения: 17.07.2024).
7. Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права: Монография / М.Ю. Чельшев. – Казань: Изд-во Казан. гос.

ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008.С.135–136

INTERSECTORAL INTERACTION OF CIVIL AND CRIMINAL LAW: SOME THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Zhuravleva M.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines some theoretical and practical aspects of intersectoral interaction between civil and criminal law. The definition of the intersectoral method of legal regulation is given, its difference from the interdisciplinary method is analyzed, and its influence on the formation of modern judicial practice is substantiated. The author analyzes the most relevant areas of intersectoral interaction between civil and criminal law on the example of the blankness of criminal law norms. The study addresses the issues of concretization and legal interpretation of criminal law norms with the application of civil law norms, as well as criteria for distinguishing civil law relations and criminal law relations. The application of the intersectoral method in the context of competition of criminal law norms is analyzed. Practical examples of decriminalization of some economic crimes under the influence of the development of civil law in the Russian legal system are considered. It is concluded that the study of intersectoral interaction of civil and criminal law is the leading trend in legal research at the present time.

Keywords: intersectoral interaction, intersectoral method of legal regulation, civil law, criminal law, blanket norms, competition of legal norms, intersectoral conflicts, interpretation, decriminalization of economic crimes.

References

1. Valeev D.H., Golubtsov V.G. Methodological aspects of intersectoral relations of civil procedural law // Methodological problems of civil studies. 2019. No. 1. p. 37
2. Zhalinsky A.E. Selected works [Text]: [in 4 volumes] / A.E. Zhalinsky; [comp. K.A. Barysheva et al.]; Higher school. economics, National research. un-t. – Moscow: Publishing House of the Higher School. Economics, 2014-vol. 4: Legal thinking and professional activity of a lawyer: Vol.4: Scientific problems of jurisprudence. – 2016. – 584 p.
3. Zhalinsky A.E. On the correlation of criminal and civil law in the field of economics.//State and law. – 1999.- No. 12, p.51
4. Kuznetsova O.A. Intersectoral method of civilistic cognition / O.A. Kuznetsova // Methodological problems of civil studies. 2022. No. 4. pp. 206–225.
5. Kuznetsova N.F. Problems of crime qualification: Lectures on the special course “Fundamentals of crime qualification” under the scientific editorship of V.N. Kudryavtsev. – M.2007. – S.107.
6. Smailova I.M. “On the issue of inter-branch competition of criminal and civil legislation in qualifying fraud // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2012. No. 3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-mezhotraslevoy-konkurentsii-ugolovnogo-i-grazhdanskogo-zakonodatelstva-pri-kvalifikatsii-moshennichestva> (date of access: 17.07.2024).
7. Chelyshev M. Yu. Fundamentals of the doctrine of inter-branch relations of civil law: Monograph / M. Yu. Chelyshev. – Kazan: Publishing house of Kazan. state University named after V.I. Ulyanov-Lenin, 2008. pp. 135–136.

Эволюция понятия и типологии корпоративных конфликтов в российском праве

Карпенко Виталий Андреевич,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ)

E-mail: vkarpenko@live.ru

Статья представляет собой комплексное исследование эволюции понятия корпоративных конфликтов в России с дореволюционного периода до наших дней. В работе рассматриваются четыре ключевых этапа: дореволюционный (до 1917 года), советский (1917–1991), период становления рыночной экономики (1990-е годы) и современный период (с 2000-х годов).

Исследование фокусируется на изменениях в подходах к определению и классификации корпоративных конфликтов, прослеживая их трансформацию в контексте меняющихся экономических и политических реалий страны. Особое внимание уделяется сравнительному анализу различных концепций корпоративных конфликтов, сформировавшихся в каждый из рассматриваемых периодов.

В статье также анализируется влияние масштабных экономических и политических преобразований на восприятие и интерпретацию корпоративных конфликтов в российском обществе и законодательстве. Исследование направлено на выявление ключевых тенденций в развитии концепции корпоративных конфликтов и их отражения в правовой и деловой практике современной России.

Ключевые слова: корпоративный конфликт, корпоративное право, типология конфликтов, разрешение споров, эволюция правовых концепций.

Корпоративные конфликты являются неотъемлемой частью функционирования любого бизнеса и оказывают существенное влияние на эффективность корпоративного управления. Понимание природы, типологии и механизмов разрешения корпоративных конфликтов имеет ключевое значение для развития корпоративного права и практики корпоративного управления. В данной статье предпринята попытка проследить эволюцию понятия и типологии корпоративных конфликтов в российском праве с дореволюционного периода до наших дней.

Анализ эволюции понятия корпоративных конфликтов представляется особенно актуальным в контексте развития российской правовой системы и экономики. Исследование исторических аспектов позволяет лучше понять современные проблемы в данной сфере и наметить пути их решения.

Дореволюционный период (до 1917 года)

В дореволюционной России понятие «корпоративный конфликт» как таковое отсутствовало, однако существовали правовые механизмы регулирования отношений между участниками торговых товариществ и акционерных обществ. Основным источником корпоративного права в этот период был Устав торговый 1832 года с последующими редакциями [1, с. 45].

Наиболее распространенными видами конфликтов в дореволюционный период были:

- Споры между акционерами и правлением общества;
- Конфликты между мажоритарными и миноритарными акционерами;
- Споры о разделе прибыли и выплате дивидендов.
- Законодательная база того времени предусматривала следующие механизмы разрешения конфликтов:
- Общее собрание акционеров как высший орган управления;
- Судебное разбирательство в коммерческих судах;
- Третейское разбирательство.

Представляется, что дореволюционный период заложил основы корпоративного права в России. Несмотря на отсутствие четкого определения корпоративного конфликта, уже тогда сформировались базовые механизмы регулирования отношений между участниками корпораций. Важно отметить, что многие принципы, заложенные в то вре-

мя, нашли свое отражение в современном корпоративном праве.

Советский период (1917–1991)

В советский период понятие корпоративных конфликтов практически отсутствовало в правовом поле в связи с упразднением частной собственности и доминированием государственных предприятий. Однако некоторые элементы корпоративных отношений сохранялись в рамках кооперативов и других форм коллективных хозяйств.

Основные виды конфликтов в этот период:

- Споры между членами кооперативов;
- Конфликты между руководством предприятий и трудовыми коллективами;
- Разногласия по поводу распределения прибыли в кооперативах.
- Законодательная база включала:
- Закон СССР «О кооперации в СССР» 1988 года;
- Положения о социалистическом государственном производственном предприятии.
- Механизмы разрешения конфликтов:
- Общее собрание членов кооператива;
- Партийные органы и профсоюзы;
- Народные суды.

Можно прийти к выводу, что советский период характеризовался значительным сужением сферы корпоративных отношений и, соответственно, корпоративных конфликтов. Тем не менее, даже в условиях плановой экономики сохранялись определенные формы коллективного хозяйствования, в рамках которых возникали конфликты, схожие по своей природе с корпоративными. Это свидетельствует о универсальности проблемы согласования интересов в рамках коллективных форм хозяйственной деятельности.

Период становления рыночной экономики (1990-е годы)

С началом экономических реформ и приватизации в России вновь возникла потребность в регулировании корпоративных отношений. В этот период формируется современное понимание корпоративных конфликтов как столкновения интересов различных групп участников корпоративных отношений.

Основные виды конфликтов:

- Конфликты, связанные с перераспределением собственности в ходе приватизации;
- Споры между менеджментом и акционерами;
- Конфликты между мажоритарными и миноритарными акционерами;
- «Корпоративные захваты» и «гринмейл»;
- Ключевые законодательные акты:
- Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» 1990 года;
- Федеральный закон «Об акционерных обществах» 1995 года;
- Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» 1996 года;

- Механизмы разрешения конфликтов:
- Общее собрание акционеров;
- Арбитражные суды;
- Комиссия по ценным бумагам и фондовому рынку при Правительстве РФ (позднее ФКЦБ России).

Анализируя период 1990-х годов, можно заключить, что это было время формирования современного понимания корпоративных конфликтов в России. Стремительные экономические преобразования и несовершенство законодательной базы создали благоприятную почву для многочисленных корпоративных конфликтов. Именно в этот период были заложены основы современного корпоративного законодательства, хотя многие механизмы защиты прав участников корпоративных отношений оставались неэффективными.

Современный период (с 2000-х годов по настоящее время)

В современный период происходит дальнейшее развитие и уточнение понятия корпоративного конфликта. Согласно преобладающему в настоящее время подходу, корпоративный конфликт определяется как разногласия (споры) между участниками корпорации (акционерами, участниками) и самой корпорацией в лице ее органов управления и должностных лиц, а также между участниками корпорации по поводу ее создания, управления, деятельности, реорганизации и ликвидации [2, с. 12].

Основные виды конфликтов:

- Споры, связанные с созывом и проведением общих собраний участников
- Конфликты по поводу формирования органов управления корпорации
- Споры о крупных сделках и сделках с заинтересованностью
- Конфликты, связанные с выплатой дивидендов
- Споры о предоставлении информации участникам корпорации
- Ключевые законодательные акты:
- Гражданский кодекс РФ (в редакции с изменениями, внесенными Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ)
- Федеральный закон «Об акционерных обществах» (с многочисленными изменениями)
- Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»
- Федеральный закон «О рынке ценных бумаг»
- Кодекс корпоративного управления (рекомендован Банком России)
- Механизмы разрешения конфликтов:
- Досудебное урегулирование (медиация)
- Арбитражные суды
- Корпоративные процедуры (общее собрание участников, совет директоров)
- Административные механизмы (Банк России как регулятор)

Представляется, что современный период характеризуется значительным усложнением и детализацией регулирования корпоративных отноше-

ний. Законодатель стремится учесть разнообразие корпоративных конфликтов и создать эффективные механизмы их предупреждения и разрешения. Особое внимание уделяется защите прав миноритарных акционеров и повышению прозрачности корпоративного управления. При этом можно отметить тенденцию к расширению диспозитивности в регулировании корпоративных отношений, что позволяет участникам корпораций более гибко выстраивать систему внутренних отношений.

Сравнительный анализ подходов к определению и классификации корпоративных конфликтов в разные периоды

Анализируя эволюцию понятия и типологии корпоративных конфликтов в российском праве, можно выделить следующие ключевые тенденции:

1. От отсутствия четкого определения к детальной регламентации. Если в дореволюционный период понятие корпоративного конфликта отсутствовало, то в современном праве оно получило детальное определение и классификацию.
2. Расширение круга субъектов корпоративных конфликтов. С развитием корпоративного права расширялся круг лиц, которые могут быть вовлечены в корпоративные конфликты: от узкого круга акционеров до широкого спектра заинтересованных лиц, включая менеджмент, кредиторов, работников.
3. Усложнение типологии конфликтов. От простых споров о разделе прибыли в дореволюционный период до многообразия конфликтов в современный период, включающих сложные вопросы корпоративного управления и защиты прав миноритариев.
4. Развитие механизмов разрешения конфликтов. От преимущественно судебных механизмов к многоуровневой системе разрешения споров, включающей досудебные процедуры, медиацию, корпоративные механизмы и специализированные судебные процедуры.

Можно прийти к выводу, что эволюция понятия и типологии корпоративных конфликтов отражает общее развитие экономических отношений и правовой системы России. Каждый исторический период вносил свои коррективы в понимание природы корпоративных конфликтов и способов их разрешения. При этом наблюдается тенденция к усложнению и детализации правового регулирования, что соответствует возрастающей роли корпораций в экономике страны.

Влияние изменений в экономической и политической системе на понимание корпоративных конфликтов

Изменения в экономической и политической системе России оказывали непосредственное влияние на понимание и регулирование корпоративных конфликтов:

1. Переход от плановой экономики к рыночной в 1990-е годы привел к возрождению института частной собственности и, как следствие, к появлению новых видов корпоративных конфликтов, связанных с перераспределением собственности.
2. Процессы приватизации в 1990-е годы способствовали формированию класса крупных собственников и обострению конфликтов между мажоритарными и миноритарными акционерами [3, с. 78].
3. Усиление роли государства в экономике в 2000-е годы привело к появлению специфических конфликтов, связанных с участием государства в корпоративных отношениях.
4. Глобализация экономики и интеграция России в мировое экономическое пространство способствовали внедрению международных стандартов корпоративного управления и новых механизмов разрешения корпоративных конфликтов.

Представляется, что изменения в экономической и политической системе играли ключевую роль в эволюции понятия и типологии корпоративных конфликтов. Каждый этап развития страны создавал новые вызовы для корпоративного права, требуя адаптации законодательства и практики разрешения конфликтов к меняющимся реалиям. При этом можно отметить определенную преемственность в развитии корпоративного права, когда опыт предыдущих периодов учитывался при формировании новых правовых механизмов.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Эволюция понятия и типологии корпоративных конфликтов в российском праве прошла длительный путь от отсутствия четкого определения в дореволюционный период до детальной регламентации в современном законодательстве.
2. Каждый исторический период вносил свои особенности в понимание природы корпоративных конфликтов, что было обусловлено изменениями в экономической и политической системе страны.
3. Наблюдается тенденция к усложнению и детализации правового регулирования корпоративных конфликтов, что соответствует возрастающей роли корпораций в экономике страны.
4. Современное понимание корпоративных конфликтов характеризуется широким охватом субъектов, разнообразием типологии и многоуровневой системой механизмов их разрешения.
5. Развитие законодательства в сфере корпоративных конфликтов отражает стремление к балансу интересов различных участников корпоративных отношений и повышению эффективности корпоративного управления.

Представляется, что изучение эволюции понятия и типологии корпоративных конфликтов имеет не только теоретическое, но и практическое зна-

чение. Понимание исторических корней современных проблем в сфере корпоративного права позволяет более эффективно разрабатывать и применять механизмы предупреждения и разрешения корпоративных конфликтов. При этом важно учитывать, что процесс эволюции корпоративного права продолжается, и в будущем можно ожидать появления новых видов конфликтов и способов их урегулирования, обусловленных дальнейшим развитием экономических отношений и технологий.

В заключение следует отметить, что эффективное регулирование корпоративных конфликтов является одним из ключевых факторов развития корпоративного сектора экономики и повышения инвестиционной привлекательности российских компаний. Дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики в этой сфере должно основываться на глубоком понимании исторического опыта и современных тенденций развития корпоративных отношений.

Можно прийти к выводу, что изучение эволюции понятия и типологии корпоративных конфликтов в российском праве является важным направлением научных исследований, имеющим значительный потенциал для дальнейшего развития. Перспективными направлениями исследований в этой области могут стать сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию корпоративных конфликтов в различных правовых системах, изучение влияния цифровизации на природу и способы разрешения корпоративных конфликтов, а также разработка новых механизмов предупреждения конфликтов на основе анализа исторического опыта и современных технологий корпоративного управления.

Литература

1. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000. 666 с.
2. Корпоративное право: учебный курс / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2022. 1032 с.
3. Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). М.: Статут, 2014. 880 с.
4. Осипенко О.В. Корпоративные конфликты: проблемы теории и практики. М.: Инфотропик Медиа, 2019. 446 с.
5. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2006. 736 с.
6. Могилевский С.Д., Самойлов И.А. Корпорации в России: правовой статус и основы деятельности. М.: Дело, 2007. 480 с.
7. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
8. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
9. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
10. Кодекс корпоративного управления (рекомендован Банком России) // Вестник Банка России. № 40 (1518). 18.04.2014.

EVOLUTION OF THE CONCEPT AND TYPOLOGY OF CORPORATE CONFLICTS IN RUSSIAN LAW

Karpenko V.A.

Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (UMTE)

This article provides a comprehensive study of the evolution of the concept of corporate conflicts in Russia, spanning from the pre-revolutionary period to the present day. The work examines four key stages: the pre-revolutionary period (until 1917), the Soviet era (1917–1991), the period of the emergence of a market economy (1990s), and the modern period (from the 2000s onward).

The research focuses on the changing approaches to the definition and classification of corporate conflicts, tracing their transformation in the context of the shifting economic and political realities of the country. Special attention is given to the comparative analysis of various concepts of corporate conflicts that emerged during each of these periods.

The article also explores the impact of large-scale economic and political reforms on the perception and interpretation of corporate conflicts in Russian society and legislation. The study aims to identify key trends in the development of the corporate conflict concept and its reflection in the legal and business practices of modern Russia.

Keywords: corporate conflict, corporate law, conflict typology, dispute resolution, evolution of legal concepts.

References

1. Tarasov, I.T. (2000). The doctrine of joint-stock companies. Moscow: Statut.
2. Shitkina, I.S. (Ed.). (2022). Corporate Law: A Training Course. Moscow: KNORUS.
3. Gabov, A.V. (2014). Theory and practice of reorganization (legal aspect). Moscow: Statut.
4. Osipenko, O.V. (2019). Corporate conflicts: problems of theory and practice. Moscow: Infotropic Media.
5. Dolinskaya, V.V. (2006). Joint-stock law: main provisions and trends. Moscow: Wolters Kluwer.
6. Mogilevsky, S.D., & Samoilov, I.A. (2007). Corporations in Russia: legal status and foundations of activity. Moscow: Delo.
7. Sukhanov, E.A. (2014). Comparative corporate law. Moscow: Statut.
8. Federal Law No. 208-FZ of December 26, 1995, «On Joint-Stock Companies». (1996). Collection of Legislation of the Russian Federation, 1, Art. 1.
9. Federal Law No. 14-FZ of February 8, 1998, «On Limited Liability Companies». (1998). Collection of Legislation of the Russian Federation, 7, Art. 785.
10. Corporate Governance Code (recommended by the Bank of Russia). (2014, April 18). Bulletin of the Bank of Russia, 40(1518).

Манасян Жанна Арутюновна,

аспирант Всероссийского государственного университета Юстиции (РПА Минюста России), секретарь судебного заседания судебного участка № 363 района Хамовники города Москвы Департамента по обеспечению деятельности мировых судей города Москвы
E-mail: zhannet999@yandex.ru

В статье проводится анализ правового статуса протокола и аудиопотокола судебного заседания в контексте норм гражданского процессуального права. Особое внимание уделяется проблеме отсутствия законодательной регламентации приоритета одного вида протоколирования над другим, что создает потенциал для возникновения противоречий при рассмотрении замечаний к протоколу заседания. Предлагается рассмотрение возможности полного отказа от ведения письменного протокола в пользу аудиопотоколирования. Однако, подчеркивается, что принятие такого решения требует детального анализа правового статуса аудиопотокола в качестве доказательства, а также проработки механизмов решения проблем, связанных с неполнотой аудиозаписи (например, при отсутствии записи определенных фрагментов заседания). В заключение, автор выражает мнение относительно отказа от архаичной письменной формы протоколирования в свете развития научно-технического прогресса, подчеркивая важность законодательного урегулирования всех потенциальных сложностей для обеспечения эффективности и справедливости правосудия.

Ключевые слова: протокол судебного заседания, аудиопотокол, гражданский процесс, правовой статус доказательств, законодательное регулирование, научно-технический прогресс, эффективность правосудия, проблемы аудиопотоколирования.

Введение

Вопрос о соотношении протокола и аудиопотокола судебного заседания в рамках гражданского процессуального права представляет собой сложную и многогранную проблему, требующую внимательного рассмотрения. На сегодняшний день мы сталкиваемся с отсутствием четкой нормативной регламентации, касающейся приоритета одного вида протоколирования над другим. Это обстоятельство создает неопределенность в правоприменительной практике, что, в свою очередь, может приводить к конфликтам и спорам при подаче и рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания. С одной стороны, предложение о полном отказе от ведения письменного протокола в пользу аудиопотоколирования выглядит весьма привлекательным, особенно с учетом стремительного развития технологий и их внедрения в различные сферы жизни, включая юриспруденцию. Однако такая идея требует глубокого анализа, поскольку она поднимает множество вопросов, касающихся статуса аудиопотокола как доказательства в судебном процессе.

Аудиопотоколирование, безусловно, имеет свои преимущества. Оно может обеспечивать более точное и полное отражение хода судебного заседания, позволяя сохранить все нюансы и интонации, которые могут быть упущены в письменном виде. Тем не менее, необходимо учитывать и ряд потенциальных проблем, связанных с этим подходом. Например, если какая-либо часть судебного заседания не была зафиксирована в аудиопотоколе, это может стать основанием для подачи жалобы на его неполноту. В таких случаях возникает необходимость в разработке механизмов, которые позволят подтверждать истинность фактических обстоятельств, не отраженных в аудиозаписи. Ключевым аспектом реализации идеи полного отказа от письменного протоколирования является необходимость разработки четких механизмов, обеспечивающих достоверность и надлежащую доказательственную силу аудиопотокола. Это включает в себя определение правил хранения, доступа и использования аудиозаписей в судебном процессе. Важно, чтобы аудиозаписи были защищены от несанкционированного доступа и манипуляций, что требует внедрения современных технологий шифрования и защиты данных.

Кроме того, необходимо учитывать, что не все участники судебного процесса могут быть технически подготовлены для работы с аудиопотоколами. Это может создать дополнительные барьеры для сторон, особенно для тех, кто не имеет доступа к современным технологиям или не умеет с ними

работать. Поэтому важно обеспечить доступность и прозрачность процесса, чтобы все участники могли в полной мере реализовать свои права. Также следует рассмотреть вопрос о том, как аудиопrotocol будет использоваться в качестве доказательства в суде. Необходимо определить, каким образом суды будут оценивать достоверность аудиозаписей и какие критерии будут применяться для их допустимости. Это может потребовать введения новых норм и стандартов, которые помогут судьям и адвокатам ориентироваться в этом вопросе. Кроме того, стоит обратить внимание на возможность возникновения споров о содержании аудиопrotocolов. Например, могут возникнуть разногласия между сторонами относительно того, что именно было сказано в ходе заседания, и как это отражено в аудиозаписи. В таких случаях потребуются разработка механизмов для разрешения подобных споров, возможно, с привлечением экспертов в области аудиотехники.

Таким образом, вопрос о соотношении письменного и аудиопrotocolирования судебных заседаний требует комплексного подхода и тщательного анализа. Прежде чем принимать решение о полном отказе от письменного протоколирования, необходимо учесть все возможные риски и выработать соответствующие механизмы, которые обеспечат защиту прав всех участников судебного процесса. Это позволит не только повысить эффективность судебного разбирательства, но и гарантировать соблюдение принципов справедливости и правосудия.

Материалы и методы

Доктринально-теоретической базой изучения стали диссертационные труды, монографии, учебные и другие научно-правовые пособия, материалы многочисленных международных, научных конференций, статьи из периодических изданий различных авторов-правоведов и специалистов в области гражданско-правовой доктрины. Правовая база исследования: Гражданский кодекс Российской Федерации, а также другие кодифицированные акты и правовые документы. Установлено, что наилучший успех в достижении поставленной цели возможен при грамотно выбранных методах исследования. В этой связи, для достижения необходимых результатов в рамках данного изыскания были применены следующие методы: метод ретроспективного анализа, общеправовые методы изучения, такие как синтез, дедукция, гипотеза, анализ, частно-правовые методы: логико-правовой, статистический, формально-юридический и системные методы, метод правового прогнозирования и многие другие методы, наиболее часто применяемые в научных юридических исследованиях.

Результаты

В свете последних законодательных изменений в сфере гражданского судопроизводства, направ-

ленных на повышение прозрачности и объективности судебного процесса, актуализируется вопрос о роли протоколирования в обеспечении верховенства права. Согласно главе 21 ГПК РФ, фиксация судебных действий является неотъемлемой частью процедуры, гарантирующей достоверность и доступность информации о ходе судебного разбирательства. Статья 228 ГПК РФ закрепляет обязательность ведения протокола в каждой судебной инстанции, как в первой, так и в апелляционной, а также при осуществлении процессуальных действий вне рамок судебных заседаний. Внедрение аудиопrotocolирования как обязательного элемента наряду с традиционным письменным протоколом, несмотря на внешнюю схожесть, не подразумевает взаимозаменяемость, а, скорее, формирует дуальную систему фиксации. Введенная дуальность протоколирования, закрепленная законодательно, позволяет рассматривать фиксацию судебных процедур в комплексной плоскости, предоставляя возможность всестороннего анализа и проверки данных. Аудиопrotocolирование гарантирует точную и объективную фиксацию устных высказываний участников процесса, включая заявления, ходатайства, вопросы и ответы, обеспечивая полноту и достоверность отражения судебных действий. Письменный протокол, в свою очередь, играет роль структурированного описания ключевых событий судебного заседания, фиксируя хронологическую последовательность событий, принятые решения и процессуальные действия. Согласно ст. 230 ГПК РФ, протокол судебного заседания составляется в письменной форме с использованием технических средств, включая аудиозапись [1]. Таким образом, дуальная система протоколирования, обеспечивающая комплексное и многоуровневое отражение судебных действий, направлена на повышение уровня достоверности, объективности и прозрачности процесса. В заключение, необходимо подчеркнуть, что внедрение обязательного аудиопrotocolирования в дополнение к традиционному письменному протоколу является значимым шагом в направлении совершенствования механизмов обеспечения правосудия, позволяя создать более прозрачную и достоверную систему фиксации судебных процессов.

Внедрение аудиопrotocolирования, направленное на повышение точности фиксации судебного процесса, стало значимым элементом модернизации правосудия. Данная инновация обусловлена стремлением к объективному отражению хода заседания и минимизации искажений, которые могли быть допущены при составлении письменного протокола. Аудиозапись, функционирующая как непрерывный механизм документирования, фиксирует все происходящее в зале суда, что оказывает дисциплинирующее воздействие на всех участников процесса. Осознание фиксации всех высказываний и действий стимулирует соблюдение процессуальных норм и снижает вероятность некорректного поведения. Внедрение аудиопrotocolирования позволило устранить проблему неполного отражения в письменном протоколе дословных объясне-

ний сторон, показаний свидетелей, выступлений в прениях и т.д. Теперь возможность сверки текста протокола с аудиозаписью гарантирует обнаружение возможных несоответствий, что повышает достоверность судебных материалов. Однако, на практике, данная новация породила определенные последствия для организации работы аппарата суда. С целью исключения расхождений между письменным протоколом и аудиозаписью и минимизации возможности подачи замечаний, секретари судебных заседаний и помощники судей часто прибегают к перепечатыванию текста протокола, ориентируясь на имеющуюся запись. Это приводит к увеличению объема протокола, превращающегося в дословную транскрипцию устной речи. Такая практика, в свою очередь, влечет за собой значительное увеличение рабочей нагрузки сотрудников аппарата суда. Таким образом, можно констатировать, что аудиопотоколирование, являясь эффективным инструментом повышения точности и объективности документирования судебного процесса, не лишено некоторых недостатков. Увеличение объема работы, связанное с перепечаткой текста протокола по аудиозаписи, требует оптимизации процесса документирования, возможно, за счет внедрения автоматизированных систем транскрипции или пересмотра существующих методик составления протоколов. Дополнительно, следует рассмотреть возможность разработки и внедрения единых стандартов для составления протоколов, а также проведение исследований, направленных на изучение оптимальных методов использования аудиопотоколирования в контексте современных цифровых технологий.

Современная судебная практика, несмотря на отсутствие явных законодательных предписаний, фактически устанавливает обязательное требование полной идентичности содержания письменного и аудиопотокола судебного заседания. Данное требование, формулируемое сотрудниками аппарата суда как необходимость «полного соответствия» письменного протокола аудиозаписи, приводит к лишению письменного протокола его самостоятельной роли и противоречит изначальному замыслу законодателя.

Анализ норм ГПК РФ и Инструкции по судебному делопроизводству указывает на отсутствие прямого требования о полной идентичности содержания письменного и аудиопотокола. Законодательство определяет аудиопотоколирование как вспомогательный инструмент фиксации хода судебного заседания, направленный на упрощение работы секретаря судебного заседания. Введение аудиопотоколирования, как предполагалось, должно было сократить временные затраты на составление письменного протокола, позволив секретарю сконцентрироваться на выполнении других задач, таких как контроль за соблюдением процессуальных норм.

Однако существующая практика «полного соответствия» письменного протокола аудиозаписи фактически сводит на нет положительный эффект

от внедрения аудиопотоколирования. Следующие аргументы подтверждают данный тезис: полное соответствие письменного протокола аудиозаписи создает избыточность в документировании судебного заседания. При наличии полной аудиозаписи, письменный протокол становится излишним и дублирует информацию. Требование полной идентичности увеличивает временные затраты на составление письменного протокола. Секретарь вынужден переслушивать аудиозапись и вносить в протокол все детали, даже незначительные. Это отнимает время, которое могло бы быть направлено на выполнение других важных задач. Письменный протокол, будучи полным дубликатом аудиозаписи, теряет свою ценность как самостоятельный документ. Он перестает выполнять свою функцию – краткое и лаконичное изложение ключевых моментов заседания. Несовпадения между письменным протоколом и аудиозаписью могут возникать из-за несовершенства техники, ошибок секретаря при транскрипции или других факторов. В этом случае возникает риск возникновения противоречий и споров о достоверности материалов дела. Для решения данной проблемы необходимо пересмотреть существующие требования:

- Отменить требование «полного соответствия» письменного протокола аудиозаписи.
- Внести изменения в ГПК РФ и Инструкцию по судебному делопроизводству, которые определяют функциональную роль и содержание письменного протокола в контексте аудиопотоколирования.
- Создать четкие правила составления письменного протокола, которые будут учитывать наличие аудиозаписи и фокусироваться на ключевых моментах судебного заседания.

Существующая практика «полного соответствия» письменного протокола аудиозаписи противоречит законодательству и снижает эффективность работы судебного аппарата. Пересмотр существующей практики и внесение изменений в законодательство позволит оптимизировать документирование судебных заседаний и сосредоточить внимание на эффективном использовании ресурсов.

Возвращаясь к вышесказанному, вместо сокращения нагрузки на секретаря судебного заседания, эта практика увеличивает ее, поскольку секретарь вынужден тратить время на точную транскрипцию аудиозаписи, дублируя информацию, которая уже зафиксирована в письменном протоколе. Кроме того, такое требование приводит к искажению изначальному замыслу законодателя, поскольку письменный протокол, помимо фиксации фактических обстоятельств, призван также отражать логику и последовательность судебного процесса, а также выявлять процессуальные нарушения. Полная идентичность содержания письменного и аудиопотокола, во-первых, делает письменный протокол формальным, лишая его самостоятельной функции, и, во-вторых, не позволяет секретарю судебного заседания проявить ини-

циативу и использовать свои профессиональные навыки для более полной и точной фиксации хода судебного заседания [7]. Таким образом, существующая практика «полного соответствия» письменного протокола аудиозаписи не только не способствует упрощению работы секретаря судебного заседания, но и приводит к неэффективному использованию ресурсов, снижению качества правосудия и искажению изначального замысла законодателя. В целях оптимизации работы секретаря судебного заседания и повышения качества правосудия необходимо пересмотреть сложившуюся практику и дать возможность секретарю судебного заседания самостоятельно определять степень подробности письменного протокола, исходя из особенностей дела и с учетом наличия аудиозаписи.

В современной правовой науке вопрос о доказательственном значении протокола процессуального действия и произведенной в его ходе аудиозаписи остается предметом пристального внимания. Дискуссия, начавшаяся с широкого распространения доступных средств аудиофиксации и их активной интеграции в судопроизводство, продолжается и по сей день.

С.А. Шейфер, анализируя данную проблематику в середине прошлого века, утверждал, что протокол и прилагаемые к нему аудиозаписи образуют «комплексное доказательство» элементы которого взаимно дополняют и обогащают друг друга [9]. Такое утверждение акцентирует внимание на синергетическом эффекте, который достигается при сопоставлении вербальной фиксации действий и событий, отраженной в протоколе, с их звуковой записью. Современные исследователи, опираясь на концепцию «комплексного доказательства», развивают его значение в контексте новых информационных технологий и правовых реалий. В частности, актуальным становится вопрос о роли аудиозаписи как источника доказательств в условиях динамичного развития технологий записи и обработки звука. При этом особое внимание уделяется проблеме достоверности аудиозаписи, а также ее сопоставлению с текстовым описанием протокола, выявлению возможных несоответствий и противоречий, возникающих при синхронном анализе этих двух источников. Важным аспектом является и правовая регламентация процесса фиксации звуковой информации. В зависимости от типа процессуального действия, характера проводимой аудиозаписи, а также целей ее использования, законодательство устанавливает определенные требования к техническим средствам, порядку записи, условиям хранения и использования полученного материала. Соблюдение этих норм гарантирует допустимость аудиозаписи как доказательства в суде. Не менее значимым является вопрос об интерпретации аудиозаписи. Существуют различные подходы к ее анализу, от прямого восприятия до комплексного исследования с использованием специализированных программ и методов фонетического анализа. Интерпретация основана на совокупности факторов, включая кон-

текст процессуального действия, условия записи, характеристики голоса участников, а также языковые и невербальные аспекты речи.

Таким образом, соотношение доказательственного значения протокола и аудиозаписи в процессуальном действии является многогранным и требует внимательного анализа в контексте конкретного дела. В современном праве они рассматриваются как взаимодополняющие источники информации, которые в совокупности формируют комплексное доказательство. При этом необходимо учитывать правовые нормы, регламентирующие процесс фиксации, хранения и использования аудиозаписи, а также применять осторожный и комплексный подход к ее интерпретации.

В контексте обсуждения роли и значимости аудиозаписи в уголовном процессе, А.Н. Копьев выдвинул аргументированную позицию, альтернативную общепринятой, которая отдает приоритет письменным протоколам. Копьев, глубоко погруженный в проблематику уголовно-процессуального документооборота, справедливо подчеркивает ограниченность письменных протоколов в полной фиксации фактических данных, возникающих в процессе следственных действий [6]. Письменная форма, по его мнению, не способна отразить всю полноту информации, особенно когда речь идет о тонкостях интонации, эмоций и других нюансов, которые могут быть ключевыми для установления истины.

Копьев, анализируя современные реалии уголовного процесса, обращает внимание на увеличение количества сложных и многогранных дел, где простое описание действий и слов участников не способно создать объективную картину происходящего. В таких случаях, аудиозапись становится незаменимым инструментом, позволяющим фиксировать все тонкости и нюансы речи, которые могут быть упущены в письменном протоколе.

Довод Копьева о приоритете аудиозаписи подкрепляется несколькими важными аргументами. Во-первых, аудиозапись обеспечивает точную фиксацию слов, произнесенных участниками процесса, что исключает возможность субъективного искажения информации при ее переложении на бумагу. Во-вторых, аудиозапись позволяет сохранить интонационные характеристики речи, что может быть важным для определения истинных мотивов и намерений участников процесса. В-третьих, аудиозапись может быть использована в качестве доказательства в суде, поскольку она является непосредственным отображением действительности, а не ее интерпретацией, отраженной в письменном протоколе. Важно подчеркнуть, что позиция Копьева не является категоричным утверждением о полной замене письменного протокола аудиозаписью. Он подчеркивает необходимость комплексного подхода к документированию результатов следственных действий, где аудиозапись служит не только дополнительным источником информации, но и средством контроля за объективностью и полнотой письменных протоколов.

В контексте дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Советская юстиция», В.П. Герасимов выдвинул аргумент о приоритете фонограммы в качестве доказательства. Он определил фонограмму как доказательство с повышенной информационной ценностью, подчеркнув ее главную роль в процессе установления фактов [4]. В то же время, Герасимов рассматривал письменный протокол как вспомогательный документ, фиксирующий условия и методы применения звукозаписи.

Данная точка зрения подчеркивает изменения в практике применения доказательств в судебном процессе в условиях развития новых технологий. Фонограмма, как носитель звуковой информации, обладает рядом преимуществ перед традиционными письменными доказательствами. Во-первых, фонограмма обеспечивает фиксацию доказательственной информации в наиболее аутентичном виде, сохраняя тон голоса, интонацию и другие паралингвистические характеристики, которые могут иметь важное значение для установления истины. Во-вторых, фонограмма позволяет зафиксировать доказательства в реальном времени, что исключает возможность их искажения или фальсификации. В-третьих, фонограмма может содержать дополнительную информацию, не отраженную в письменных документах, например, окружающие шумы, голоса неизвестных лиц и т.д. Однако, несмотря на очевидные преимущества фонограммы, ее применение в судебном процессе требует соблюдения определенных условий и правил. Необходимо обеспечить аутентичность и достоверность записи, что требует использования специализированной аппаратуры, квалифицированных специалистов и соблюдения процедуры фиксации доказательств. По мнению Герасимова, письменный протокол остается важным документом, поскольку он фиксирует условия и методы применения звукозаписи, что необходимо для оценки достоверности и значимости полученного звукового материала. В.А. Белов, аргументируя преимущества аудиопrotocolирования над традиционным письменным протоколом, подчеркивает, что если протокол судебного заседания обладает статусом письменного доказательства, то он должен соответствовать критериям, предъявляемым к другим доказательствам, в частности, быть достоверным, то есть объективно отражать ход судебного процесса [3]. Автор утверждает, что недостатки письменной технологии ведения протоколов выступают ограничивающим фактором для доступности судопроизводства. Данная аргументация основана на понимании принципов доказательственного права и принципов доступности правосудия. Согласно теории доказательств, каждое доказательство должно быть достоверным, то есть соответствовать действительности. Письменный протокол, будучи письменным доказательством, обязан отражать реальный ход судебного процесса. Недостатки письменной технологии, такие как субъективность в записи, неполнота отражения деталей, возможность искажения информации, снижают

уровень достоверности протокола и, следовательно, его доказательственную ценность. В контексте принципа доступности правосудия, ограниченная доступность к информации о судебном процессе, зафиксированной в протоколе, является серьезным препятствием для полноценного участия сторон в судопроизводстве. Невозможность ознакомиться с полным и точным протоколом процесса затрудняет подготовку к судебному разбирательству, построение юридической позиции и представление доказательств. Таким образом, В.А. Белов, аргументируя необходимость перехода к аудиопrotocolированию, указывает на проблему достоверности и доступности в контексте ведения протоколов судебных заседаний. В современных условиях, когда правосудие стремится к большей открытости и прозрачности, использование аудиопrotocolирования, способного обеспечить более объективное и полное отражение хода судебного процесса, представляется необходимым для реализации принципов доказательственного права и принципа доступности правосудия.

Вопрос о соотношении доказательственного значения протокола и аудиозаписи, произведенной в ходе процессуального действия, остается актуальным и в наши дни. Несмотря на развитие технологий и повсеместное внедрение цифровых средств фиксации информации, дискуссия о приоритете одного из этих доказательственных средств не утихает, а, наоборот, приобретает новые грани. В современных реалиях, с одной стороны, аудиозапись обладает несомненным преимуществом в виде возможности зафиксировать полный спектр информации, включая интонацию, тембр голоса и другие невербальные элементы, что может быть критично важным для установления истины в судебном процессе. С другой стороны, отсутствие в аудиозаписи структурных элементов, свойственных протоколу (например, даты, времени, участников действия), делает ее менее удобной для поиска конкретной информации, а также открывает широкие возможности для искажения или фальсификации доказательств. В связи с этим, важно отметить, что протокол и аудиозапись не являются взаимоисключающими доказательствами, а скорее дополняют друг друга. Протокол предоставляет контекст для аудиозаписи, уточняя условия и обстоятельства ее получения, в то время как аудиозапись служит доказательством содержания протоколируемого события. В современных процессуальных законах осознается значение обеих форм документирования событий, что находит отражение в законодательных нормах, регламентирующих использование аудиофиксации в процессуальных действиях. При этом важно помнить о необходимости обеспечения сохранности аудиозаписи и ее достоверности, что может быть достигнуто путем использования специальных программных средств и систем шифрования. Нельзя также не учитывать субъективные факторы, влияющие на доказательственное значение аудиозаписи, такие как качество записи, уровень шума,

наличие помех и др [10]. Все эти факторы необходимо учитывать при оценке аудиозаписи как доказательства. Наряду с этим, соотношение между аудиозаписью и письменным протоколом в судебных заседаниях оставалось предметом обсуждений в юридических кругах до тех пор, пока аудиопрототолирование не стало обязательным. Этот шаг стал значимым, поскольку он привел к более четкому пониманию и применению этих двух способов фиксации судебного процесса. Научные дебаты, которые ранее носили теоретический характер, обрели практическую значимость, особенно в контексте рассмотрения замечаний к протоколам судебных заседаний [8].

Как мы упомянули ранее, статья 228 ГПК РФ устанавливает обязательное ведение протоколирования судебных заседаний с использованием средств аудиозаписи (аудиопрототолирование) и составление письменного протокола. Однако, анализ формулировки статьи выявляет существенную законодательную неопределенность в отношении соотношения и доказательственной силы письменного и аудиопрототола [1].

Проблема заключается в отсутствии четкого определения статуса и взаимосвязи этих двух видов протоколов. Формулировка «ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопрототолирование) и составляется протокол в письменной форме» не содержит указаний на приоритет одного вида протокола над другим, что порождает неясность в их роли в судебном процессе. Возможны различные трактовки данной нормы:

Оба вида протоколов рассматриваются как равнозначные доказательства, имеющие одинаковую доказательственную силу. В этом случае, суд может опираться как на письменный протокол, так и на аудиозапись, если они противоречат друг другу.

Письменный протокол является первичным и обязательным документом, отражающим официальную версию хода судебного заседания, в то время как аудиозапись играет второстепенную роль, являясь вспомогательным средством для подтверждения информации, отраженной в письменном протоколе. В этом случае, суд может отказать в рассмотрении замечаний к протоколу, основываясь на содержании аудиозаписи, если оно не было зафиксировано в письменной форме.

Аудиозапись является основным доказательством, отражающим фактическое содержание судебного заседания, а письменный протокол – вторичным документом, который может использоваться в качестве дополнения или для систематизации информации, содержащейся в аудиозаписи. В этом случае, суд должен опираться на аудиозапись, даже если письменный протокол содержит противоречащую информацию.

Отсутствие ясности в законодательном регулировании создает реальную угрозу возникновения конфликтных ситуаций. С одной стороны, суды могут отклонять замечания к протоколу, ссылаясь

на содержание аудиозаписи, игнорируя информацию, отраженную в письменном протоколе. С другой стороны, суды могут игнорировать информацию, зафиксированную в аудиозаписи, если она не была отражена в письменном протоколе, что может привести к искажению фактических обстоятельств дела.

Для решения этой проблемы необходимо внести изменения в законодательство, четко определив статус и взаимосвязь письменного и аудиопрототола судебного заседания. Возможные решения:

Законодательно закрепить, что письменный протокол является основным документом, подтверждающим ход судебного заседания, а аудиозапись используется в качестве вспомогательного доказательства для подтверждения информации, содержащейся в письменном протоколе.

Законодательно закрепить, что аудиозапись является основным доказательством, отражающим фактическое содержание судебного заседания, а письменный протокол – вторичным документом, который может использоваться в качестве дополнения или для систематизации информации, содержащейся в аудиозаписи.

Законодательно закрепить, что оба вида протоколов имеют равную доказательственную силу и могут использоваться для подтверждения фактических обстоятельств дела.

Вне зависимости от выбранного решения, законодательные изменения должны быть направлены на обеспечение однозначного и прозрачного понимания статуса и взаимосвязи письменного и аудиопрототола, что позволит избежать разночтений и обеспечить справедливое и обоснованное рассмотрение дел в судах.

Анализ действующего законодательства, в частности статьи 71 ГПК РФ, выявляет существенный пробел в правовом регулировании использования аудиозаписей в качестве доказательств. Согласно статье 71 ГПК РФ, признаются только письменные протоколы процессуальных действий, протоколы судебных заседаний и приложения к ним, такие как схемы, карты и чертежи. Отсутствие упоминания об аудиопрототолах в статье 71 ГПК РФ создает правовую коллизию, поскольку фактически аудиозапись может содержать ценную информацию, отсутствующую в письменном протоколе, и являющуюся значимой для рассмотрения дела [1].

Данная ситуация является противоречивой, поскольку в АПК РФ была разрешена аналогичная коллизия, связанная с аудиопрототолированием. Часть 2 статьи 155 АПК РФ определяет протокол судебного заседания как дополнительное средство фиксации информации о ходе судебного разбирательства, что дает право утверждать о приоритете аудиопрототолирования, закрепленном законодательно [2]. В этом контексте письменный протокол станет не единственным, а одним из способов фиксации хода заседания, что создает возможность использовать аудиозапись в качестве доказательства. В связи с этим необходимо провести анализ правовой природы аудиозаписей в гражданском

процессе, определив их юридическую силу и место в системе доказательств. Данное исследование позволит установить, каким образом аудиозаписи могут быть использованы в качестве доказательства в гражданском судопроизводстве, и какие условия необходимо выполнить для их признания.

Важно рассмотреть ряд вопросов, связанных с применением аудиозаписей в гражданском процессе:

Необходимо определить, является ли аудиозапись независимым доказательством, или же она может быть использована только в качестве дополнительного средства фиксации сведений, содержащихся в письменном протоколе.

Следует определить процедуру представления аудиозаписей в суд, установление их аутентичности и допустимости в качестве доказательства.

Важно рассмотреть влияние аудиозаписей на принцип состязательности в гражданском процессе и возможность их использования для нарушения прав и свобод участников процесса.

Решение данных вопросов имеет практическое значение для обеспечения более полного и эффективного рассмотрения гражданских дел, предотвращая неправомерное отрицание доказательственного значения аудиозаписей и обеспечивая правовую защиту участников процесса.

В заключение следует отметить, что проблема применения аудиозаписей в качестве доказательств в гражданском процессе требует внимательного и всестороннего анализа. Определение юридической природы аудиозаписей и установление процессуальных гарантий их использования является важнейшей задачей для обеспечения справедливого и эффективного рассмотрения гражданских дел.

Обсуждение

Аудиопротоколирование в судебных заседаниях представляет собой важный инструмент, значение которого трудно переоценить. Прежде всего, оно обеспечивает более точную и полную фиксацию всех аспектов судебного разбирательства. Это особенно актуально в случаях, когда рассматриваются сложные юридические вопросы или когда стороны представляют обширные доказательства. Аудиозаписи позволяют зафиксировать каждое слово, произнесенное в зале суда, что значительно снижает вероятность возникновения недоразумений и ошибок в интерпретации судебных актов.

Кроме того, аудиозаписи могут служить важным дополнительным источником информации для апелляционных инстанций. В случае необходимости пересмотра дела, наличие качественной аудиозаписи позволяет более точно оценить, как именно проходило судебное разбирательство, что, в свою очередь, повышает качество правосудия и снижает риск судебных ошибок. Это особенно важно в контексте обеспечения справедливости и защиты прав граждан. Использование аудиопротоколов также может значительно оптимизировать процесс

подготовки письменных протоколов. Судьи и секретари, освобожденные от необходимости вести детальные записи вручную, могут сосредоточиться на сути дела и более эффективно участвовать в судебном процессе. Это становится особенно актуальным в условиях перегруженности судебных учреждений, где каждое заседание может иметь критическое значение. Оптимизация процесса протоколирования, таким образом, не только желательна, но и жизненно необходима для повышения общей эффективности судебной системы. Тем не менее, внедрение аудиопротоколирования вызывает и определенные опасения. Одним из основных рисков является возможность неправомерного использования аудиозаписей, что может привести к нарушениям прав участников процесса. В связи с этим необходимо разработать и внедрить четкие правила и процедуры, касающиеся хранения, доступа и использования аудиозаписей. Эти меры должны быть направлены на защиту конфиденциальности информации и прав всех сторон, участвующих в судебном разбирательстве. Важным аспектом является также необходимость создания системы контроля за использованием аудиозаписей, что позволит предотвратить их несанкционированное распространение. Необходимо учитывать, что аудиозаписи могут содержать чувствительную информацию, и их использование должно быть строго регламентировано. В этом контексте следует рассмотреть возможность внедрения специальных технологий шифрования и аутентификации, которые обеспечат безопасность данных.

В современном судебном процессе все большее внимание уделяется аудиопротоколированию, которое законодательно признано приоритетным по сравнению с традиционным письменным протоколированием. Это нововведение не только упрощает процесс фиксации судебных заседаний, но и значительно снижает нагрузку на судебные органы. Письменный протокол теперь выполняет вспомогательную функцию, фиксируя лишь ключевые моменты, предусмотренные законом. К таким моментам относятся устные заявления сторон, ходатайства, консультации с экспертами, а также определения, принятые судом без удаления из зала. Таким образом, письменный протокол не обязан воспроизводить весь ход заседания в деталях, что позволяет избежать множества споров и замечаний со стороны участников процесса. Упрощение процесса протоколирования может привести к более эффективному ведению дел в судах, так как это освобождает судей и секретарей от необходимости фиксировать каждую деталь заседания. Это также позволяет сосредоточиться на сути дела, а не на формальностях. Важным аспектом является то, что закон не требует абсолютного совпадения между аудиопротоколом и письменным, что еще больше снижает вероятность возникновения конфликтов и недопонимания среди участников судебного разбирательства. На пленарном заседании Совета судей Российской Федерации, состоявшемся 24 мая 2022 года, Председатель Верховного

Суда РФ В.М. Лебедев предложил более радикальный шаг – обсуждение возможности полного исключения обязательного составления письменных протоколов в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Он обосновал эту инициативу тем, что современные технологии аудиопроотолирования позволяют обеспечить объективную и полную фиксацию всех этапов судебного разбирательства. Это, в свою очередь, может повысить прозрачность и доступность судебного процесса для всех участников.

Внедрение аудиопроотолирования также открывает новые горизонты для использования технологий в судебной системе. Например, записи заседаний могут быть легко доступны для анализа, что позволит улучшить качество судебных решений и повысить уровень доверия к судебной системе. Кроме того, это может способствовать созданию единой базы данных судебных решений, что облегчит работу юристов и исследователей. Таким образом, переход к аудиопроотолированию и возможное исключение письменных протоколов могут значительно изменить подход к судебному разбирательству, сделав его более современным, эффективным и прозрачным. Это также может способствовать улучшению правовой культуры в стране, так как участники процесса будут иметь больше возможностей для понимания и анализа судебных решений. В конечном итоге, такие изменения могут привести к более справедливой и эффективной судебной системе, что является важной целью для любого правового государства.

Заключение

Таким образом, дискуссия о соотношении доказательственного значения протокола и аудиозаписи продолжается и, вероятно, будет актуальна еще долго. Однако в контексте современных реалий и развития технологий, можно с уверенностью сказать, что оба эти доказательственных средства являются необходимыми и дополняющими друг друга элементами установления истины в судебном процессе. С учетом всех вышеизложенных аспектов, можно утверждать, что будущее судебного протоколирования будет зависеть от того, насколько эффективно будут интегрированы аудиопроотоколы в судебную практику и как будет решена проблема их соотношения с традиционными письменными протоколами.

Литература

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, N 46, ст. 4532
2. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, N 30, ст. 3012

3. Белов, В.А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики в 2 т. Том 2 / В.А. Белов; ответственный редактор В.А. Белов. – 2-е изд., стер. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 525 с.
4. Герасимов В.П. Доказательственное значение воспроизведения фонограмм в суде // Советская юстиция. 1970. N 9. С. 11–12.
5. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики в 2 т. Том 1 / В.А. Белов [и др.]; ответственный редактор В.А. Белов. – 2-е изд., стер. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 484 с.
6. Копьев А.Н. К вопросу о доказательственном значении звукозаписи в уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью: труды Иркутского гос. ун-та. Т. 85. Вып. 10. Иркутск, 1970. С. 105.
7. Муромцев, С.А. Очерки общей теории гражданского права / С.А. Муромцев. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 219 с.
8. Шаблова, Е.Г. Гражданское право: учебное пособие для вузов / Е.Г. Шаблова, О.В. Жевняк; под общей редакцией Е.Г. Шабловой. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 131 с.
9. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 34.
10. Шершеневич, Г.Ф. Наука гражданского права в России / Г.Ф. Шершеневич. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 206 с.

THE OBLIGATION TO KEEP A RECORD IN CIVIL PROCEEDINGS

Manasian Zh.A.

All-Russian State University of Justice

The article analyzes the legal status of the protocol and the audio protocol of the court session in the context of the norms of civil procedure law. Particular attention is paid to the problem of the lack of legislative regulation of the priority of one type of logging over another, which creates the potential for contradictions when considering comments on the minutes of the meeting. It is proposed to consider the possibility of completely abandoning the maintenance of a written protocol in favor of audio recording. However, it is emphasized that making such a decision requires a detailed analysis of the legal status of the audio protocol as evidence, as well as working out mechanisms for solving problems related to incomplete audio recordings (for example, in the absence of recording certain fragments of the meeting). In conclusion, the author expresses optimism about the rejection of the archaic written form of logging in the light of the development of scientific and technological progress, emphasizing the importance of legislative regulation of all potential difficulties to ensure the effectiveness and fairness of justice.

Keywords: minutes of the court session, audio protocol, civil procedure, legal status of evidence, legislative regulation, scientific and technological progress, efficiency of justice, problems of audio recording.

References

1. “Civil Procedure Code of the Russian Federation” of 14.11.2002 N 138-FZ (as amended on 08.08.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024) // “Collected Legislation of the Russian Federation”, 18.11.2002, N 46, Art. 4532
2. “Arbitration Procedure Code of the Russian Federation” of 24.07.2002 N 95-FZ (as amended on 08.08.2024) // “Collected Legislation of the Russian Federation”, 29.07.2002, N 30, Art. 3012

3. Belov, V.A. Civil Law. Actual Problems of Theory and Practice in 2 Volumes. Volume 2 / V.A. Belov; editor-in-chief V.A. Belov. – 2nd ed., reprinted – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 525 p.
4. Gerasimov V.P. Evidentiary Value of Reproducing Phonograms in Court // Sovetskaya Yustitsiya. 1970. N 9. Pp. 11–12.
5. Civil Law. Current Problems of Theory and Practice in 2 Volumes. Volume 1 / V.A. Belov [et al.]; editor-in-chief V.A. Belov. – 2nd ed., reprinted – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 484 p.
6. Kopyev A.N. On the Evidentiary Value of Sound Recordings in Criminal Proceedings // Issues of Combating Crime: Works of the Irkutsk State University. Vol. 85. Issue. 10. Irkutsk, 1970. P. 105.
7. Muromtsev, S.A. Essays on the general theory of civil law / S.A. Muromtsev. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 219 p.
8. Shablova, E.G. Civil law: textbook for universities / E.G. Shablova, O.V. Zhevnyak; under the general editorship of E.G. Shablova. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 131 p.
9. Shafer S.A. The essence and methods of collecting evidence in Soviet criminal proceedings. M., 1972. P. 34.
10. Shershenevich, G.F. The science of civil law in Russia / G.F. Shershenevich. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 206 p.

Развитие института регулирования правоотношений в сфере рекламной деятельности

Митрохович Никита Дмитриевич,

аспирант Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: n.mitrokhovich@gmail.com

В публикации с опорой на действующий нормативный массив отрасли информационного права раскрывается содержание понятий рекламы и рекламной деятельности. Обозначаются ключевые направления правовая регламентация рекламы и рекламной деятельности в Российской Федерации, предлагается авторское определение рекламной деятельности как генерации рекламного контента и его последующего распространения путем каналов массовой коммуникации и лидеров общественного мнения с целью продвижения товара, работы или услуги на рынке, описываются и характеризуются рамочные стандарты, запреты и ограничения для фактического упорядочивания правоотношений в рекламной сфере, раскрывается субъектный состав участников рекламных правоотношений. Выявляются пробелы в законодательстве в части регулирования недопустимости скрытой рекламы, связанной с неосознаваемым воздействием на психический фон потребителей рекламного контента. В заключении статьи делается общий вывод о текущем состоянии правового регулирования рекламы и рекламной деятельности

Ключевые слова: реклама, рекламная деятельность, информационное право, недобросовестная реклама, манипуляции, скрытая реклама.

Институт рекламы и рекламная деятельность в условиях постиндустриального общества являются полноценными и самостоятельными объектами правового регулирования комплексной отрасли информационного права, что актуализирует разработку проблематики рекламной отрасли в разрезе юридических отношений.

В настоящее время правовая регламентация рекламы и рекламной деятельности в Российской Федерации происходит по следующим ключевым направлениям, согласующимся с профильным нормативным правовым актом в данной части – Федеральным законом от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» [1]:

- легальное определение рекламы и субъектов рекламной деятельности, категоризация вариаций ненадлежащей рекламы;
- введение зонтичных требований, предъявляемых к рекламе;
- указание перечня объектов, признающихся недопустимыми для освещения в рекламных кампаниях;
- раскрытие особенностей рекламы отдельных видов продукции;
- предъявление законодательных требований к рекламе в контексте отдельных способов ее трансляции массовому потребителю.

Легальное определение рекламы является неизбежной предпосылкой общего содержания правового регулирования института рекламы и рекламной деятельности. Дефиниция рекламы, закреплённая в профильном федеральном законе, указывает на пределы юридического охвата регулирования.

Согласно действующей отечественной нормативной правовой базе, реклама представляет собой распространяемую всевозможными способами информацию, адресованную неопределённому кругу лиц и направленную на каналирование восприятия потребителей на свойства рекламируемой продукции и на стимулирование интереса к последней. Из данного определения следует, что основное предназначение рекламы – конструирование позитивного образа объекта рекламирования в массовом измерении, который, в свою очередь, побуждает потенциальных клиентов к потреблению рекламируемой продукции или получению полезной услуги. В то же время нельзя обойти стороной то обстоятельство, что законодательное определение рекламы видится некоторым авторам неполным. Так, по мнению А.В. Дашина и В.П. Тукмакова, к понятию рекламы «можно отнести различную деятельность, которая аналогично влияет

на ее потребителей, как и реклама» [4]. В частности, исследователи ссылаются на «отзывы блогеров с большой аудиторией в социальных сетях» [4].

При определении признаков рекламы в юридической печати акцентируется внимание на том обстоятельстве, что «реклама – это всегда информация, т.е. сведения, которые один человек передает другому» [3]. Следовательно, рекламные правоотношения надлежит также поместить в более широкий контекст информационных правоотношений, что предопределяет допустимость и возможность категоризации рекламы в соответствии с некоторыми направлениями кластеризации информационной продукции в целом (общедоступная информация, информация ограниченного доступа, информация, доступ к которой запрещен [2]).

Законодательно закрепленное определение рекламной деятельности в российской системе информационного права отсутствует. Однако на основе логического толкования норм профильного федерального закона мы можем установить, что рекламную деятельность следует определять как генерацию рекламного контента и его последующее распространение путем каналов массовой коммуникации и лидеров общественного мнения с целью продвижения товара, работы или услуги на рынке.

Субъектами рекламной деятельности, согласно профильному акту о рекламе, являются рекламоделец, рекламопроизводитель, рекламораспространитель, спонсор и потребители рекламы. Рекламодатель – это бенефициар рекламирования товара, работы или услуги, который предлагает объект рекламирования и определяет содержание соответствующей рекламной акции. Рекламопроизводитель – это физическое лицо или организация, которые занимаются созданием рекламного продукта в пригодном для распространения виде. Рекламораспространитель – это организатор трансляции рекламного продукта для неопределенного круга лиц. Спонсор – это лицо, внесшее вклад в финансирование какого-либо мероприятия или в создание информационной передачи, которое получает взамен позитивное рекламное освещение от организатора мероприятия или куратора распространяемой информационной передачи. Потребители рекламы – это адресаты конечного рекламного контента.

Категоризация вариаций ненадлежащей рекламы необходима для предварительного отсеивания всевозможных форм упречной рекламы, нарушающей права потребителей, подрывающей основы добросовестной конкуренции и посягающей на основы государственного строя и общественной нравственности. В этом контексте законодатель выделяет две разновидности ненадлежащей рекламы – недобросовестную и недостоверную.

Недобросовестная реклама является, с нашей точки зрения, следствием злоупотребления правами на свободу распространения информации и свободу экономической деятельности. Она включает в себя некорректные сравнения объекта рекламирования с похожей продукцией конкурирую-

щих структур, сведения, направленные на подрыв деловой репутации конкурентов, рекламирование со злоупотреблением авторскими правами, сведения, распространяемые вразрез с требованиями антимонопольного права.

Недостоверная реклама, как явствует из названия, предполагает трансляцию сведений, не соответствующих действительности. К ним относятся информация о несуществующих преимуществах собственного товара в сравнении с товаром конкурентов, о стоимости и порядке приобретения, о характере гарантийного обслуживания, о комплектности, об установленном общественном признании объекта рекламирования и пр. Несмотря на то, что законодательно закреплен закрытый перечень оснований для отнесения рекламы к категории недостоверной, считаем, что в данную категорию, согласно базовой дефиниции, должна включаться любая информация об объекте рекламирования и рекламодателе, которая не может быть проверена путем выдвижения достаточных оснований.

Введение зонтичных требований, предъявляемых к рекламе, предполагает установление рамочных стандартов, запретов и ограничений для фактического упорядочивания правоотношений в рекламной сфере. К таким зонтичным требованиям относятся:

- запрет на искажение смысла рекламы посредством использования иностранной лексики;
- недопустимость демонстрации алкогольной и табачной продукции и в том числе их потребления;
- запрет ссылки на официальное одобрение объекта рекламирования со стороны публичной власти;
- недопустимость указания на лечебные свойства товаров, не относящихся к категориям лекарственных средств и медицинских изделий;
- запрет на использование ненормативной и порочащей лексики, запрет на использование негативных рекламных образов, направленных на социально значимые символы, смыслы и объекты;
- недопустимость сокрытия в рекламе информации о существенных сторонах объекта рекламирования, порядка его приобретения и особенностей эксплуатации.

Отдельного внимания в контексте зонтичных требований, предъявляемых к рекламе, заслуживает ограничение распространения скрытой рекламы, «которая оказывает не осознаваемое потребителями рекламы воздействие на их сознание» [1]. С одной стороны, законодатель оставляет перечень способов скрытого неосознаваемого рекламирования открытым, что позволяет трактовать данное ограничение расширительно. Но, с другой стороны, потребитель рекламы по-прежнему остается незащищенным от манипуляций – «формы подавляющего воздействия на психику, связанной с имплицитным насаждением объекту манипулятивной практики идей, ценностей и поведенческих паттернов, выгодных манипулирующему субъекту,

но чуждых интересам самого объекта вредоносного вмешательства» [6], притом что «манипулятивный инструментарий представляет собой комбинацию методов различной степени сложности» [7]. В этой связи считаем, что в законодательство о рекламе должен быть внесен запрет на использование форм скрытого манипулятивного воздействия в ходе рекламирования товаров, работ и услуг, а также внесены четкие формы манипуляций в рекламе, что не только защитит интересы потребителей соответствующей информационной продукции, но и станет препятствием для волюнтаристских трактовок законодательства со стороны правоприменителей.

Указание перечня объектов, признающихся недопустимыми для освещения в рекламных кампаниях, развивает проблематику ограничений в рекламной деятельности. Так, согласно актуальной российской нормативной правовой базе, не допускается рекламирование товаров, запрещенных к производству на территории страны, наркотических средств и психотропных веществ, взрывчатых веществ и материалов, сертифицируемой, лицензируемой или регистрируемой продукции при отсутствии прохождения регламентируемых процедур согласования, табачной и никотинсодержащей продукции и устройств потребления табака, услуг аборта, информационных ресурсов иностранных агентов, цифровой валюты.

Раскрытие особенностей рекламы отдельных видов продукции устанавливается для специфических товаров и услуг, выходящих за рамки типичного и/или нормального потребления. Речь идет о рекламе алкогольной продукции, лекарственных средств и изделий медицинского характера, биологически активных добавок, алеаторных мероприятий, оружия и военной продукции, цифровых активов, ценных бумаг и пр.

Предъявление законодательных требований к рекламе в контексте отдельных способов ее трансляции массовому потребителю означает введение специальных требований к рекламе посредством отдельных способов ее трансляции, таких как радио, телевидение, периодические печатные издания, интернет-ресурсы, кинопередачи, наружная реклама, реклама на общественном транспорте. Так, например, для рекламы на телевидении вводятся требования к бегущей строке: она не должна занимать более 7% площади кадра и накладываться на субтитры.

Таким образом, в завершение статьи можем сделать следующие выводы. В настоящее время в российском правовом поле довольно четко определяется содержание дефиниции рекламы и очерчивается круг субъектов рекламной деятельности. Легальное определение рекламной деятельности отсутствует, что не препятствует его логическому конструированию на основе имеющейся юридической базы. Законодатель вводит пространственный перечень требований и ограничений для процедуры рекламирования, что должно способствовать поддержанию чистоты рекламного рынка, защи-

те прав потребителей и стимулированию формата добросовестной конкуренции. В то же время профильный федеральный закон, как мы показали в основной части публикации, содержит пробелы в части регулирования запрета на неосознаваемое воздействие на потребителей рекламы, что может быть восполнено путем разработки антимаанипулятивного инструментария в рекламе.

Литература

1. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 20 марта 2006 г. № 12 ст. 1232.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3448.
3. Баринов А.Г. Правовое регулирование распространения рекламы в сети Интернет: постановка проблемы // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 7 (223). С. 241–244.
4. Дашин А. В., Тукмаков В.П. Актуальные проблемы правового регулирования рекламы и рекламной деятельности по российскому законодательству // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 8 (224). С. 62–64.
5. Новиков О. Г., Филиппов А.Р. Механизмы манипуляции общественным сознанием // *Власть*. 2024. № 3. С. 94–100.
6. Филиппов А.Р. Падение информационной резистентности как предпосылка практик политического манипулирования // *Социально-политические науки*. 2024. Т. 14. № 2. С. 38–44.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION FOR REGULATING LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF ADVERTISING ACTIVITIES

Mitrokhovich N.D.

Moscow financial and industrial university “Synergy”

In this publication, based on the current regulatory array of the information law industry, the content of the concepts of advertising and advertising activities is disclosed. The key areas of legal regulation of advertising and advertising activities in the Russian Federation are designated, the author’s definition of advertising activities as the generation of advertising content and its subsequent distribution through mass communication channels and opinion leaders in order to promote a product, work or service on the market is proposed, framework standards, prohibitions and restrictions for the actual regulation of legal relations in the advertising sphere are described and characterized, the subject composition of participants in advertising legal relations is disclosed. Gaps in the legislation in terms of regulating the inadmissibility of hidden advertising associated with the unconscious impact on the mental background of consumers of advertising content are identified. In conclusion of the article, a general conclusion is made about the current state of legal regulation of advertising and advertising activities

Keywords: advertising, advertising activities, information law, unfair advertising, manipulation, hidden advertising.

References

1. Federal Law of March 13, 2006 No. 38-FZ “On Advertising” // *Collection of Legislation of the Russian Federation* of March 20, 2006 No. 12, Art. 1232.

2. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation of July 31, 2006 No. 31 (Part I), Art. 3448.
3. Barinov A.G. Legal regulation of advertising distribution on the Internet: problem statement // Law and state: theory and practice. 2023. No. 7 (223). P. 241–244.
4. Dashin A. V., Tukmakov V.P. Actual problems of legal regulation of advertising and advertising activities under Russian legislation // Law and state: theory and practice. 2023. No. 8 (224). P. 62–64.
5. Novikov O. G., Filippov A.R. Mechanisms of manipulation of public consciousness // Power. 2024. No. 3. P. 94–100.
6. Filippov A.R. The decline in information resistance as a prerequisite for political manipulation practices // Social and political sciences. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 38–44.

Формирование института регулирования правоотношений между правообладателем игры и организатором соревнований по компьютерному спорту

Николаев Андрей Алексеевич,

аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

E-mail: nickolaewandriy@yandex.ru

Целью исследования является анализ правовых аспектов использования видеоигр в контексте проведения соревнований по компьютерному спорту, выявление проблем и разработка предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы исследования: анализ научной литературы и нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере киберспорта; обобщение и систематизация полученной информации.

Выделяется публично-правовая и частно-правовая составляющие компьютерного спорта. Нормы публичного (спортивного) права регулируют порядок проведения соревнований, а также правовой статус спортсменов, а нормы частного права устанавливают особенности использования при проведении соревнований объекта интеллектуальной собственности – видеоигры. Особое внимание уделяется анализу правоотношений между правообладателем игры и организатором соревнований по компьютерному спорту. Также предлагаются пути по совершенствованию законодательства в части использования.

Результаты исследования могут быть полезны для дальнейшего развития киберспорта, повышения его прозрачности и справедливости, а также для защиты прав и интересов всех участников этого процесса.

Ключевые слова: киберспорт, компьютерный спорт, видеоигра, виртуальная реальность, интеллектуальная собственность.

Введение

В настоящее время мало у кого остаются сомнения в том, что киберспорт перестает быть исключительно нишевым развлечением. По данным аналитиков, число активных геймеров на 2024 год уже составляет более 3 миллиардов человек [6], а объем заинтересованной в просмотре киберспорта аудитории достигает больше полумиллиарда человек [7]. По оптимистичному прогнозу Precedence Research, объем рынка к 2032 году достигнет 33 млрд долларов [8].

В Россия по данным исследования Mediascore, около 10 процентов населения в возрасте 12–64 лет так или иначе вовлечены в киберспорт, при этом Россия занимает 6-е место по количеству киберспортсменов [4]. Учитывая, что популярность киберспорта с каждым годом будет только расти как в мире, так и на территории России, то в совокупности эти факты обуславливают необходимость более тщательного, углубленного и многостороннего правового исследования данного явления.

Правовая природа киберспорта

Как верно отмечают Гапанович А.В. и Гапанович И.В. киберспорт представляет собой сложное, междисциплинарное явление, которое находится на пересечении двух систем: норм публичного и частного права [2, с. 31]. Публично-правовая природа компьютерного спорта связана с регулированием общественных отношений, касающихся организации и проведению спортивных соревнований, а также подготовке спортсменов. Частно-правовая природа киберспорта проявляется в использовании объекта интеллектуальных прав при проведении соревнований, а именно видеоигры.

Современная видеоигра является сложным объектом и может включать в себя различные результаты интеллектуальной деятельности, в том числе объекты авторского права (например, музыка, звуковые эффекты, графика, дизайн персонажей, сценарий и т.д.) объекты патентного права (например, уникальные игровые механики и алгоритмы). Некоторые видеоигры также могут включать в себя товарные знаки известных брендов, например, как в игре «PepSiman».

Таким образом, следует согласиться с Архиповым В.В., что, в отличие от обычных видов спорта, в киберспорте присутствует правообладателя [1, с. 89]. Само по себе разрешение проводить такие

соревнование является прерогативой правообладателя видеоигры распоряжаться своим исключительным правом и разрешать такое использование. Вот почему важно обратить внимание как в индустрии существуют подходы среди правообладателей к регулированию правоотношений по использованию видеоигр при проведении соревнований по компьютерному спорту, а также выяснить какие существуют проблемы в регулировании.

Регулирование отношений между правообладателем и организатором киберспортивных соревнований

В индустрии киберспорта можно выделить две наиболее часто встречающихся модели организации соревнований по компьютерному спорту. Первая модель подразумевает полный контроль правообладателя видеоигры над процессом. Он самостоятельно организует турниры и даже целые киберспортивные лиги. Для второй модели характерно либо полное, либо минимальное участие правообладателя видеоигры в развитии своего киберспортивного направления, а проведение турниров занимаются группы любителей определенной игры или целые профессиональные организации – турнирные операторы.

К примеру, разработчик Riot Games известный такими популярными соревновательными играми как Valorant и League of Legends, самостоятельно осуществляет контроль над процессом проведения соревнований. Компания также определяет по каким критериям проводится отбор игроков и формируются команды для, организуемых ими турниров. Такая модель, предполагающая значительную степень контроля правообладателя над процессом организации киберспортивных соревнований позволяет минимизировать риски, связанные с использованием видеоигры нежелательным для него способом. Например, если проведение турнира третьим по игре разработчика может нанести репутационный ущерб правообладателю.

Представителем другой модели является компания Valve, которая придерживается принципа невмешательства в киберспортивную часть бизнеса (laissez-faire), то есть дает возможность безвозмездно (fully-paid-up, royalty-free license) использовать принадлежащие ей игры третьим лицам на основании одобренной Valve заявки на проведение такого турнира и в соответствии с условиями Limited Game Tournament Licenses (далее – LGTL) [9]. При этом организатор турнира согласно п.п. «а» п. 3.5 LGTL обязан также соблюдать правила проведения турниров для каждой игры, выпущенные Valve в их действующей на тот момент версии, например, для турниров по Counter Strike [10].

Для организаторов турниров по компьютерному спорту важно заранее ознакомиться с условиями такой лицензии, чтобы избежать рисков, связанных с внесением изменений в изначальный план

турнира. Например, в 2019 году организаторам Moscow Cyber Cup по FIFA 2019 пришлось спешно вносить изменения и отказаться от приглашения именитых команд. Организатор заранее не ознакомился с условиями лицензии, по которым призовой фонд не мог превышать определенной суммы. В итоге вместо изначально заявленных 1 миллиона рублей, размер призовых пришлось снизить до 160 тысяч [3].

Одним из первых известных случаев спора в сфере киберспорта, возникший между правообладателем и турнирным оператором возник между компанией Blizzard, разработчиком известным такими играми как World of Warcraft, Overwatch и Starcraft и Korean e-Sports Players Association (далее – KeSPA) – одной из первых национальных киберспортивных федераций [11]. Предметом спора являлись права на вещание соревнований по игре Starcraft 2. По мнению Blizzard права на трансляцию однозначно принадлежат ей, как правообладателю игры. Однако такой подход не устраивал KeSPA. Хотя организация не оспаривала очевидный факт, что исключительные права на видеоигру принадлежат Blizzard, но с другой стороны KeSPA заявила, что благодаря тем усилиям, которые были вложены с их стороны, удалось создать не просто качественно новый продукт, а даже новую индустрию – киберспортивную сцену Starcraft. Хотя спор и длился с 2007 по 2011 год и Blizzard решились на обращение в суд, но в конечном итоге KeSPA смогла договориться с правообладателем и найти компромиссный вариант, который устроил обе стороны.

Другой знаковый пример противостояния участников киберспортивной индустрии с правообладателями случился в начале 2024 года. Компании Activision – правообладателю серии игр Call of duty был предъявлен антимонопольный иск группой киберспортсменов. В своем заявлении они указали, что правообладатель фактически монополизировал рынок турниров по Call of duty после покупки в 2016 году крупнейшего турнирного оператора серии – компанию Major League Gaming. Благодаря этому компания получила возможность навязывать участникам лиги невыгодные условия, в том числе обязывают уплачивать внушительный взнос за участие [5].

Такие споры наглядно демонстрирует зависимость рынка киберспорта от правообладателей видеоигр и указывает на необходимость поиска альтернативных подходов к регулированию отношений по использованию видеоигр в индустрии киберспорта.

Альтернативы турнирной лицензии

Для российского рынка вопрос поиска альтернативного механизма является актуальным с точки зрения текущей политической ситуации, когда часть крупных разработчиков официально заявили, что их игры не будут доступны в российском регионе. При этом с разработчиками чьи игры остались до-

ступны в России заключение турнирной лицензии осложняется санкционными барьерами, связанными с проведением расчетов с правообладателями.

При этом несмотря на ограничения в России оборот активно проводятся соревнования по компьютерному спорту, а также появляются новые форматы, такие как, «Игры будущего». Они представляют собой уникальное сочетание традиционных видов спорта и современных технологий, что делает их привлекательными как и для аудитории классических киберспортивных соревнований, так и для поклонников более привычных видов спорта, например, футбола и хоккея. Вот почему, важно изучить какие потенциальные альтернативные варианты турнирным лицензиям, с учетом соблюдения баланса интересов правообладателя игры и организатора соревнований.

Одним из вариантов может быть закрепление в статье 1274 Гражданского кодекса РФ нового способа свободного использования произведения в целях проведения спортивных соревнований. Такое предложение и ранее высказывалось в научной литературе, например, Архиповым В.В., который как раз отмечал возможность правообладателем запретить использование игры для киберспортивных соревнований, в которых могут быть заинтересованы спортивные федерации, спортсмены и зрители [1, с. 86].

В последнее время на уровне государства активно рассматривается возможность введения механизма принудительного лицензирования для объектов авторских и смежных прав, включая видеоигры. Анализируя применимость данного института к правам на видеоигры следует рассмотреть существующее нормативное регулирование, закрепленное, как на уровне международных договоров, так и национальное законодательство. Так, если обратиться к содержанию статьи 9 (2) Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (далее – «Бернская Конвенция»), то в ней предусмотрено право государств-участников конвенции в отдельных случаях разрешать третьим лицам воспроизведение произведений авторов при условии, что это не нарушит их законные интересы и не нанесёт ущерба нормальной эксплуатации произведения. Следовательно на уровне международной конвенции государства участники допускают случаи, когда произведения возможно использовать без согласия автора в исключительных случаях. Сами случаи при этом предусматриваются на уровне национального законодательства.

На уровне национального законодательства институт принудительной лицензии получил наибольшее развитие в патентном праве. При анализе условий предоставления принудительных лицензий из статьи 1362 Гражданского кодекса РФ возможно выделить следующие общие условия таких лицензий:

1. Направленность на предотвращение злоупотребления правом;

2. Ограничительный характер, выражающегося в определённых изъятиях из абсолютного исключительного права правообладателя;
3. Обеспечение баланса между интересами правообладателя и лицензиата, и общественными интересами;
4. Особый субъектный состав, а именно: правообладатель, который необоснованно отказывается от заключения лицензионного договора и в то же время препятствуют распространению объекта интеллектуальной собственности на внутреннем рынке; заинтересованные лица, которые пытаются получить право на использование объекта интеллектуальной собственности на рыночных условиях, но получают необоснованный отказ.

Данным признакам удовлетворяют видеоигр, принадлежащих иностранным правообладателям, покинувшим российский рынок. В связи с таким поведением представляется целесообразным введение в Российской Федерации системы принудительного лицензирования при осуществлении Российской Федерацией прав, предусмотренных статьёй 9(2) Бернской конвенции, рассмотренной выше в отношении прав на объекты авторских прав, в числе которых видеоигры иностранных правообладателей, неправомерно покинувших российский рынок.

При расширении института принудительной лицензии на видеоигры следует обеспечить отсутствие нарушений их нормального использования. Для этого целесообразным представляется одновременно включить в следующие ограничения: максимального срока действия принудительных лицензий и порядок его продления, наличие исключений из права на обход технических средств защиты авторских прав, запрет на сублицензирование прав по принудительным лицензиям, а также ограничение территории такой лицензии.

Таким образом, введение системы принудительного лицензирования прав на видеоигры в случаях, когда государство подвергается чрезмерному правоприменительному давлению, приводящему к изъятию видеоигр иностранного происхождения с внутреннего рынка, может быть осуществлено без нарушения международных норм в области авторского права при условии соблюдения разумных ограничений применения такого института, предложенных в рамках данного исследования.

Заключение

В данной статье был проведён анализ правовой природы киберспорта, рассмотрено каким образом выстраиваются отношения между правообладателями видеоигр и организаторами соревнований по компьютерному спорту и предложены конкретные альтернативные модели использования видеоигр, а именно расширение способов свободного использования объектов авторских прав и введение института принудительной лицензии.

Особое внимание было уделено вопросу принудительного лицензирования прав на видеоигры в контексте текущей политической ситуации, когда некоторые крупные разработчики видеоигр ограничивают доступ к своим продуктам в определённых регионах. Введение системы принудительного лицензирования может стать эффективным инструментом для поддержания развития киберспорта в условиях, когда правообладатели видеоигр ограничивают доступ к своим продуктам. Однако для успешного внедрения такой системы необходимо исходить из принципа баланса между интересами правообладателей видеоигр и организаторов соревнований по компьютерному спорту.

Литература

1. Архипов В.В. Киберспортивное право: миф или реальность? / В.В. Архипов // Закон. 2018. N 5. С. 80–92.
2. Гапанович А.В., Гапанович И.В. Киберспорт vs компьютерный спорт: к вопросу о понятийном аппарате // Юрист. – 2023. – № 3. – С. 29–33.
3. Лебедев, Д.Н. Пять федераций и пустота. Петербург среди лидеров по числу функционеров киберспорта, но остается глубокой провинцией / Д.Н. Лебедев. – Текст: электронный // www.fontanka.ru: [сайт]. – URL: <https://www.fontanka.ru/2019/06/18/106/> (дата обращения: 14.08.2024).
4. Сколько людей играют в видеоигры? // Инклиент URL: <https://inclient.ru/video-games-stats/> (дата обращения: 14.08.2024).
5. 'Call of Duty' gamers sue Activision for monopolizing leagues, tournaments // Reuters URL: <https://www.reuters.com/legal/call-duty-gamers-sue-activision-monopolizing-leagues-tournaments-2024-02-16/> (дата обращения: 14.08.2024).
6. How Many Gamers Are There? (New 2024 Statistics) // EXPLODING TOPICS URL: <https://explodingtopics.com/blog/number-of-gamers> (дата обращения: 14.08.2024).
7. eSports Statistics 2024 (Market Size, Growth & Viewers) // Demandsage URL: [https://www.demandsage.com/esports-statistics/#:~: text=Esports%20has%20a%20global%20audience, will%20watch%20Esports%20by%202025.&text=Over%2040%%20of%20the%20total, from%20China%20and%20the%20Philippines.](https://www.demandsage.com/esports-statistics/#:~:text=Esports%20has%20a%20global%20audience,will%20watch%20Esports%20by%202025.&text=Over%2040%%20of%20the%20total,from%20China%20and%20the%20Philippines.) (дата обращения: 14.08.2024).
8. Esports Market Size, Share, and Trends 2024 to 2033 // Precedence Research URL: <https://www.precedenceresearch.com/esports-market> (дата обращения: 14.08.2024).
9. Limited Game Tournament Licenses. – Текст: электронный // store.steampowered.com: [сайт]. – URL: https://store.steampowered.com/tourney/limited_license (дата обращения: 14.08.2024).
10. tournament-operation-requirements.md // Github URL: [https://github.com/ValveSoftware/counterstrike_rules_and_regs/blob/main/tournament-](https://github.com/ValveSoftware/counterstrike_rules_and_regs/blob/main/tournament-operation-requirements.md)

operation-requirements.md (дата обращения: 14.08.2024).

11. Rogers, J. Crafting an Industry: An Analysis of Korean Starcraft and Intellectual Properties Law / J. Rogers. – Текст: электронный // jolt.law.harvard.edu: [сайт]. – URL: <https://jolt.law.harvard.edu/digest/crafting-an-industry-an-analysis-of-korean-starcraft-and-intellectual-properties-law> (дата обращения: 14.08.2024).

FORMATION OF THE INSTITUTE FOR REGULATING RELATIONS BETWEEN THE RIGHT HOLDER OF A VIDEGAME AND THE ORGANIZER OF ESPORTS COMPETITIONS

Nikolaev A.A.

Moscow Financial-Industrial University «Synergy»

The purpose of the study is to analyze the legal aspects of the use of video games in the context of computer sport competitions, identify problems and develop proposals to improve legislation in this area. The following research methods were used to achieve the set goal: Analysis of scientific literature and normative-legal acts regulating relations in the sphere of cybersport; generalization and systematization of the obtained information.

The public-legal and private-legal components of computer sport are distinguished. The norms of public (sports) law regulate the procedure for holding competitions, as well as the legal status of athletes, and the norms of private law establish the peculiarities of the use of intellectual property object – video game – in conducting competitions. Special attention is paid to the analysis of legal relations between the right holder of the game and the organizer of computer sport competitions. Ways to improve the legislation in terms of use are also suggested.

The results of the study can be useful for further development of cybersport, increasing its transparency and fairness, as well as for the protection of the rights and interests of all participants of this process.

Keywords: esport, computer sport, video game, virtual reality, intellectual property.

References

1. Arkhipov V.V. Cybersports law: myth or reality? / V.V. Arkhipov // Law. 2018. N 5. pp. 80–92.
2. Gapanovich A.V., Gapanovich I.V. Cybersport vs. computer sports: on the issue of the conceptual apparatus // Jurist. – 2023. – No. 3. – pp. 29–33.
3. Lebedev, D.N. Five federations and emptiness. St. Petersburg is among the leaders in the number of cybersport functionaries, but remains a deep province / D.N. Lebedev. – Text: electronic // www.fontanka.ru: [site]. – URL: <https://www.fontanka.ru/2019/06/18/106/> (date of access: 08/14/2024).
4. How many people play video games? // Inclient URL: <https://inclient.ru/video-games-stats/> (date of access: 08/14/2024).
5. 'Call of Duty' gamers sue Activision for monopolizing leagues, tournaments // Reuters URL: <https://www.reuters.com/legal/call-duty-gamers-sue-activision-monopolizing-leagues-tournaments-2024-02-16/> (date of access: 08/14/2024).
6. How Many Gamers Are There? (New 2024 Statistics) // EXPLODING TOPICS URL: <https://explodingtopics.com/blog/number-of-gamers> (date of access: 08/14/2024).
7. eSports Statistics 2024 (Market Size, Growth & Viewers) // Demandsage URL: [https://www.demandsage.com/esports-statistics/#:~: text=Esports%20has%20a%20global%20audience, will%20watch%20Esports%20by%202025.&text=Over%2040%%20of%20the%20total, from%20China%20and%20the%20Philippines.](https://www.demandsage.com/esports-statistics/#:~:text=Esports%20has%20a%20global%20audience,will%20watch%20Esports%20by%202025.&text=Over%2040%%20of%20the%20total,from%20China%20and%20the%20Philippines.) (access date: 08/14/2024).
8. Esports Market Size, Share, and Trends 2024 to 2033 // Precedence Research URL: <https://www.precedenceresearch.com/esports-market> (access date: 08/14/2024).
9. Limited Game Tournament Licenses. – Text: electronic // store.steampowered.com: [site]. – URL: https://store.steampowered.com/tourney/limited_license (date of access: 08/14/2024).

10. tournament-operation-requirements.md // Github URL: https://github.com/ValveSoftware/counter-strike_rules_and_regs/blob/main/tournament-operation-requirements.md (date of access: 08/14/2024).

11. Rogers, J. Crafting an Industry: An Analysis of Korean Starcraft and Intellectual Properties Law / J. Rogers. – Text: electronic // jolt.law.harvard.edu: [site]. – URL: <https://jolt.law.harvard.edu/digest/crafting-an-industry-an-analysis-of-korean-starcraft-and-intellectual-properties-law> (accessed: 14.08.2024).

Юридические аспекты инноваций в закупках: правовые вызовы и финансовые перспективы

Савин Денис Александрович,
Индивидуальный предприниматель
E-mail: savin_da@mail.ru

В статье описано правовое регулирование инновационных методов в закупках, определены ключевые финансово-правовые риски, рассмотрены вопросы их управления в рамках инноваций в закупки, а также даны рекомендации по правовому сопровождению инноваций в закупках с целью минимизации финансовых рисков и обеспечения правовой безопасности. Установлено, что в настоящее время ключевыми правовыми вызовами инноваций в закупках являются: неопределенность в оценке стоимости инноваций, финансовая нестабильность поставщиков, превышение бюджета на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, нарушение сроков выполнения обязательств, несоответствие продукции техническим требованиям, риски мошенничества. Ключевыми рекомендациями по правовому сопровождению инноваций в закупках являются: привлечение независимых экспертов, оценка финансового состояния участников до заключения контракта, строгий контроль за расходами, продление сроков, проведение претензионной работы, расширение цифровых инструментов для мониторинга.

Ключевые слова: инновации, закупки, правовое регулирование, правовые вызовы, финансовые перспективы.

Введение

Инновационные процессы играют значимую роль в развитии российской экономики, что требует совершенствования правового регулирования закупок, направленных на интеграцию новых технологий и продуктов. Государственная контрактная система выступает важнейшим механизмом обеспечения государственных нужд, а также стимулирования спроса на инновационную продукцию [1]. Развитие технологического сектора напрямую зависит от эффективности правового сопровождения в данной сфере, в которой возникают правовые вызовы, связанные с неопределенностью оценок стоимости инноваций, рисками финансовой нестабильности участников, а также правовой защитой интересов всех сторон.

Результаты и обсуждение

Правовое регулирование инновационных методов в закупках

Под инновацией в отечественном законодательстве понимается любой «введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях» [2]. Инновационные методы реализуются в рамках бизнес-деятельности, что означает, что в рамках правового поля регулирование инновационных методов следует относить к инновационной деятельности, под которой понимается «деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности» [2].

Ключевыми нормативными правовыми актами, регулирующими особенности использования инновационных методов в закупках, выступают два российских федеральных закона: федеральный закон № 44-ФЗ [3] и федеральный закон № 223-ФЗ [4]. Целесообразно рассмотреть основные аспекты данных федеральных законов, которые отражают правовое регулирование инновационных методов в закупках.

Так, правовое регулирование инновационных методов в сфере закупок опирается на положения ФЗ № 44-ФЗ. Применение инновационных решений направлено на повышение эффективности закупок посредством интеграции новых технологий, процессов и продуктов в рамках государственных и муниципальных контрактов [3].

Законодательная основа контрактной системы предусматривает необходимость обеспечения государственных нужд посредством конкурентных закупок, что предполагает использование инновационных методов на всех стадиях закупочной деятельности. Особое внимание в ФЗ № 44-ФЗ уделяется применению информационных технологий, которые закреплены в законе в качестве инструмента для повышения прозрачности и оптимизации процедур закупок. В частности, единая информационная система (далее – ЕИС) представляет собой ключевой элемент, посредством которого осуществляется контроль за закупками, что позволяет ускорить процессы заключения контрактов и повысить их прозрачность [3].

Федеральный закон № 44-ФЗ также определяет, что закупка инновационной продукции или услуг может проходить посредством контракта жизненного цикла. Контракт такого типа закрепляет возможность выполнения работы или поставки товара с последующим обслуживанием, что позволяет реализовать долгосрочные проекты, включающие создание, эксплуатацию и утилизацию инновационных продуктов или технологий [3].

Особое внимание в правовом регулировании уделяется вопросам мониторинга и аудита. Инновационные закупки требуют постоянного мониторинга исполнения контрактов, а также интеграции новых методов контроля за качеством и сроками выполнения обязательств. Контрольная функция осуществляется посредством специализированных электронных площадок, что позволяет обеспечить высокую степень ответственности участников контрактной системы.

Кроме того, отечественный законодатель закрепляет возможность привлечения экспертов для оценки технической и инновационной составляющей закупок. Экспертная организация или эксперт, привлекаемые к процессу оценки, должны обладать специальными компетенциями и квалификацией в области инноваций, что подчеркивает значимость данного аспекта в контрактной системе. Федеральный закон № 44-ФЗ определяет экспертные заключения в качестве обязательной части для оценки предмета закупки в случаях, когда требуется научно-техническая экспертиза [3].

Основным инновационным методом, закрепленным в федеральном законе № 44-ФЗ, является использование электронных процедур, в том числе конкурсных способов определения поставщиков. Электронные торги позволяют снизить затраты на проведение закупок и способствуют увеличению конкуренции среди участников. При этом использование специализированных электронных площадок в рамках закрытых процедур выступает гарантией конфиденциальности и безопасности информации, что особенно важно при закупках, связанных с инновационными технологиями и продукцией [3].

В целях интеграции инноваций в сфере закупок правовое регулирование предусматривает обязательное использование единой информационной

системы для формирования и обработки данных, а также для взаимодействия с участниками закупочной деятельности. Интеграция информационных систем с электронной площадкой и специализированными электронными площадками обеспечивает автоматизацию процессов сбора и обработки информации, что снижает временные затраты и риски, связанные с человеческим фактором.

Правовое регулирование инновационных методов закупок в рамках федерального закона № 223-ФЗ основывается на принципах открытости, конкуренции и эффективности, при этом особенности закупок инновационной продукции и методов её стимулирования играют важную роль в формировании инновационной экономики. Законодательное закрепление положений о закупках у отдельных видов юридических лиц создает гибкие механизмы для интеграции инноваций в деятельность субъектов с государственным участием.

Одним из ключевых аспектов правового регулирования инновационных методов закупок является формирование и реализация политики в отношении инновационной продукции с использованием системы планирования закупок. Так, положения ст. 4 федерального закона № 223-ФЗ предусматривают необходимость формирования плана закупок, который может включать в себя информацию о закупках инновационной продукции и высокотехнологичных товаров, что позволяет планировать закупочную деятельность с учетом потребностей в инновационных решениях – важным элементом долгосрочной стратегии развития предприятий с государственным участием. Кроме того, данный механизм включает в себя обязательную публикацию планов закупок в единой информационной системе, что способствует повышению прозрачности и открытости инновационных закупок [4].

Значимую роль в регулировании инновационных методов играет возможность заказчиков применять различные формы конкурентных процедур, описанных в федеральном законе № 223-ФЗ. Такие процедуры включают в себя открытые конкурсы и аукционы, которые на основе конкурентного отбора позволяют привлекать поставщиков, предлагающих инновационные решения. При этом заказчикам предоставляется возможность устанавливать дополнительные критерии оценки, направленные на анализ уровня инновационности товаров, работ или услуг, что позволяет учитывать технологическую составляющую продукции при выборе поставщика [4].

Особый режим регулирования относится к взаимодействию с малыми и средними предприятиями (далее – МСП), которые нередко являются источниками инноваций. Так, федеральный закон № 223-ФЗ обязывает заказчиков устанавливать квоты на закупки у субъектов МСП, что стимулирует участие инновационных субъектов МСП в тендерах. Данный федеральный закон также закрепляет возможность проведения специализированных процедур закупок, в которых могут участвовать исключительно субъекты МСП. Таким образом, данная

правовая норма создает благоприятные условия для развития инновационных стартапов и компаний, разрабатывающих высокотехнологичные решения [4].

Кроме того, ст. 82 Федерального закона № 223-ФЗ закрепляет нормы, относящиеся к закупкам инновационной и высокотехнологичной продукции. Правительство Российской Федерации наделено полномочиями устанавливать перечни заказчиков, которые обязаны осуществлять закупки инновационной продукции, а также порядок и формы отчетности по данным закупкам. Данное правовое положение способствует формированию единого подхода к развитию инновационных закупок среди крупных государственных корпораций и компаний с государственным участием [4].

Федеральный закон № 223-ФЗ также предусматривает возможность заключения долгосрочных контрактов, включая контракты жизненного цикла, что позволяет стимулировать внедрение инноваций в процессе создания, эксплуатации и обслуживания сложных технологических решений. Долгосрочные контракты обеспечивают гибкость в закупках инновационной продукции, так как они позволяют учитывать особенности разработки и внедрения новых технологий в течение длительного времени [4].

Важным элементом инновационного регулирования закупок выступает контроль за их исполнением. В федеральном законе № 223-ФЗ прописаны механизмы мониторинга исполнения контрактов и отчетности по результатам закупок, что создает систему обратной связи между заказчиком и поставщиком, что позволяет контролировать выполнение обязательств, связанных с внедрением инновационных методов и технологий, а также проводить оценку их эффективности [4].

В качестве ещё одного федерального закона следует отметить федеральный закон № 258-ФЗ, посвященный экспериментальным правовым режимам в сфере цифровых инноваций [5]. В рамках данного закона цифровые инновации определяются следующим образом: «новые или существенно улучшенные продукт (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новые метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, введенные в употребление, созданные или используемые по направлениям» [5] разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций (рис. 1) с использованием технологий, определённых в специальном перечне постановления Правительства Российской Федерации № 1750 [6]. Следует отметить, что для направления финансовых рынков применяется иной перечень, а именно перечень технологий, определённый указанием Банка России № N 5634-У [7], который представлен ниже (рис. 2).

В настоящее время перечень Правительства Российской Федерации включает в себя следующие группы технологий:

- нейротехнологии и технологии искусственного интеллекта;
- технологии работы с большими данными;
- квантовые технологии;
- производственные технологии;
- технологии робототехники и сенсорики
- технологии беспроводной связи;
- технологии виртуальной и дополненной реальности;
- технологии промышленного интернета (интернет вещей) [6].

Рис. 1. Направления разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций в рамках ФЗ № 258-ФЗ

Источник: ч. 2 ст. 1 ФЗ № 258-ФЗ [5]

Важно отметить, что федеральный закон № 258-ФЗ вводит более узкое понятие – «цифровые инновации», в котором правовой акцент ставится на применение технологий, включенных в специальный перечень. Здесь ключевым моментом является связь с цифровыми технологиями, что делает это определение более специализированным по сравнению с общим понятием инноваций, определенном в федеральном законе № 127-ФЗ. Несмотря на то, что цифровые инновации включают те же правовые конструкции, что и в общем

определении, они обязательно включают в себя использование цифровых технологий, что связано с их правовой и нормативной апробацией в условиях «регуляторных песочниц». Общим элементом обоих определений является улучшение и новизна, однако различие заключается в том, что цифровые инновации в федеральном законе № 258-ФЗ имеют привязку к конкретным направлениям технологической разработки, что расширяет рамки их применения и обуславливает необходимость разработки механизмов контроля и внедрения.

Технологии систем распределенного реестра	Биометрические технологии	Технологии роботизации
Технологии цифровой идентификации и аутентификации	Платежные технологии и технологии, используемые для перевода электронных денежных средств	Технологии электронной подписи и обеспечения информационной безопасности
Технологии обработки и анализа данных, включая технологии искусственного интеллекта	Технологии хранения данных, включая облачные технологии	Квантовые технологии
Технологии связи и обмена данными, включая технологии интернета вещей	Технологии виртуальной и дополненной реальности	Технологии, направленные на цифровую трансформацию финансового рынка

Рис. 2. Перечень технологий, с применением которых вводятся в употребление, создаются или используются цифровые инновации на финансовом рынке в рамках ФЗ № 258-ФЗ

Источник: Указание Банка России № N 5634-У [7]

Кроме того, к области правового регулирования инновационных методов в закупках относится постановление Правительства РФ N 1442 [8]. Правовое регулирование инновационных методов в сфере закупок в соответствии с данным постановлением направлено на создание условий для эффективного внедрения инноваций посредством системы закупок. В постановлении сделан акцент на конкретных видах юридических лиц, которые обязаны обеспечивать закупку инновационной и высокотехнологичной продукции.

Так, отечественный законодатель устанавливает четкие требования к формированию годового объема закупок инновационной продукции. Правительство Российской Федерации обязало отдельные категории заказчиков, утверждённые специальным перечнем, осуществлять закупки инновационной продукции. Объем закупок устанавливается на основе совокупного годового стоимостного объема договоров за предыдущие периоды. Такой подход позволяет стимулировать планирование закупочной деятельности с учётом роста доли инновационных решений в общей структуре закупок.

Особо значимым моментом является привязка объёма закупок к результатам предыдущего года, что предполагает обязательное увеличение доли инновационных решений на ежегодной основе.

Отечественный законодатель также регламентирует требования к составлению годового отчёта о закупках инновационной продукции. Данный отчёт должен содержать сведения о количестве заключённых договоров, их стоимости, а также доле инновационных закупок в общем объёме всех заключённых договоров. Регламентированы и требования к учёту закупок, осуществляемых у субъектов МСП, что подчёркивает важность их привлечения в процессы интеграции инноваций. Отечественный законодатель выделяет отдельные нормы, регулирующие взаимоотношения с малыми предприятиями, которые должны получить приоритетное право участия в инновационных закупках.

Согласно постановлению, особую роль играет мониторинг исполнения закупок, который предусматривает размещение информации в ЕИС до 1 февраля каждого года, следующего за отчётным периодом, что позволяет обеспечить прозрач-

ность закупочных процедур и усилить контроль за выполнением договорных обязательств по инновационным контрактам.

Вместе с тем в постановлении Правительства РФ N 1442 регулируется порядок формирования и расчёта годового объёма закупок у субъектов МСП. Установлены конкретные требования к закупкам высокотехнологичной продукции у данных субъектов, которые могут быть увеличены на основании предыдущих результатов. Таким образом, данный закон стимулирует интеграцию малых предприятий в инновационную экономику, поскольку предоставляет им возможность активного участия в государственных закупках.

Также можно выделить постановление Правительства РФ N 814 [9]. Правовое регулирование инновационных методов в закупках по данному постановлению направлено на мониторинг и оценку закупочных процедур с использованием цифровых технологий. Ключевую роль в автоматизации процессов играет ЕИС, которая обеспечивает прозрачность и доступ к данным. Обязательная подготовка аналитических отчетов по результатам мониторинга позволяет корректировать стратегию закупок и стимулирует развитие отечественных технологий. Постановление Правительства РФ N 814 также предусматривает механизмы общественного контроля и независимые гарантии, что снижает риски в сфере закупок инновационной продукции.

Финансово-правовые риски и их управление при внедрении инноваций в закупки

Вследствие сочетания неопределенности, связанной с новыми технологиями, и обязательств, закрепленных законодательством РФ о закупках, в рамках интеграции инноваций в закупки могут возникать финансово-правовые риски. Такие риски могут повлиять на все стороны контрактной системы, включая заказчиков, поставщиков и органы контроля, а управление ими требует применения специальных финансово-правовых механизмов.

Первым и наиболее значимым риском является неопределенность в оценке стоимости инновационной продукции. Так, в отличие от традиционных товаров, инновационные решения, как правило, не имеют аналогов на рынке, что затрудняет их оценку по критериям, закрепленным в законодательстве, что может привести к необоснованному завышению цены контракта или, напротив, к её занижению, что создает угрозу недофинансирования проекта. Отечественный законодатель обязывает участников системы закупок руководствоваться принципами экономической обоснованности цены контракта, что требует от заказчиков и поставщиков использования экспертных оценок и анализа рыночной конъюнктуры.

Другим важным риском является риск финансовой нестабильности поставщиков. Инновационные компании, особенно субъекты МСП, могут иметь ограниченные финансовые ресурсы, что увеличи-

вает вероятность их банкротства или неспособности выполнить контрактные обязательства. Законодательством предусмотрены механизмы обеспечения исполнения контракта, которые позволяют уменьшать этот риск. Однако такие меры могут привести к дополнительным финансовым нагрузкам на поставщиков, что требует от органов закупок внимательного анализа финансового состояния участников до заключения контракта.

Отдельное место занимают риски, связанные с финансированием научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР). В тех случаях, когда контракт предусматривает создание инновационной продукции с нуля, риск превышения бюджета становится важнейшим. НИОКР нередко сопровождаются непредсказуемыми затратами, что затрудняет планирование расходов и сроков выполнения обязательств. Для управления такими рисками отечественное законодательство предусматривает возможность заключения контрактов жизненного цикла, которые включают в себя все этапы разработки, производства, эксплуатации и утилизации продукции. Такой подход позволяет распределить финансовую нагрузку и риски по всей длительности проекта, однако требует грамотной юридической и финансовой проработки условий договора.

Правовые риски также возникают при несоблюдении сроков исполнения обязательств. Так, инновационные проекты могут потребовать больше времени на реализацию, чем это первоначально предусмотрено в контракте. Российское законодательство о контрактной системе предусматривает механизм неустоек (штрафов, пеней) за нарушение сроков, что может существенно увеличить финансовые затраты для поставщика. Управление данными рисками возможно посредством заключения договоренностей о продлении сроков или изменении условий контракта в ходе его исполнения, однако такие изменения также требуют строгого соблюдения правовых норм, регламентированных контрактной системой.

Ещё один риск, который может возникнуть, – это несоответствие продукции или услуг техническим условиям, или требованиям контракта. Инновационные решения могут оказаться не соответствующими первоначально заявленным характеристикам, что может повлечь за собой юридическую ответственность поставщика и необходимость компенсации убытков заказчику. В данном случае отечественное законодательство предусматривает механизмы претензионной работы и судебной защиты интересов заказчика, что также может привести к финансовым потерям поставщика.

Финансово-правовые риски, связанные с управлением контрактами, требуют активного применения цифровых инструментов контроля и мониторинга, в первую очередь, ЕИС, которая позволяет отслеживать исполнение обязательств, финансовые потоки и сроки выполнения работ. Интеграция цифровых технологий помогает уменьшать риски мошенничества и нецелевого использования

средств, что особенно актуально при осуществлении закупок для государственных нужд.

Для эффективного управления финансово-правовыми рисками в рамках закупок инновационной продукции целесообразно не только строгое соблюдение законодательства, но и активное

использование юридических механизмов обеспечения исполнения контрактов, включая гарантии, страхование рисков и претензионную работу.

Таким образом, можно обобщить финансово-правовые риски и управление ими в рамках внедрения инноваций в закупки (табл. 1).

Таблица 1. Финансово-правовые риски и их управление при внедрении инноваций в закупки

Финансово-правовой риск	Описание	Механизмы управления
Неопределенность стоимости инноваций	Инновационная продукция, как правило, не имеет аналогов	Привлечение экспертов, анализ рынка, использование независимых оценок и аудитов
Финансовая нестабильность поставщиков	Поставщики, особенно МСП, могут не иметь устойчивой финансовой базы	Введение авансирования, независимые гарантии исполнения обязательств, оценка финансового состояния поставщиков
Превышение бюджета на НИОКР	Научно-исследовательские работы нередко сопровождаются непредсказуемыми расходами	Применение контрактов жизненного цикла, строгий контроль за расходами, корректировка условий договора
Финансово-правовой риск	Описание	Механизмы управления
Несоблюдение сроков исполнения	Инновационные проекты могут требовать больше времени на реализацию	Возможность продления сроков при соблюдении юридических процедур, заключение соглашений
Несоответствие продукции условиям контракта	Инновационные решения могут не отвечать заявленным техническим характеристикам	Претензионная работа, судебная защита интересов заказчика, компенсация убытков
Риски мошенничества	Мошеннические действия поставщиков или заказчиков могут привести к потере средств или нецелевому их использованию	Цифровые инструменты мониторинга (ЕИС), прозрачность данных о закупках, применение аудита и проверок

Источник: составлено автором

Рекомендации по правовому сопровождению инноваций в закупках с целью минимизации финансовых рисков и обеспечения правовой безопасности

Правовое сопровождение инноваций в закупках направлено на обеспечение стабильности и безопасности процесса интеграции инновационных решений в контрактную систему. Для минимизации финансовых рисков и обеспечения правовой безопасности целесообразно учитывать специфику инновационных товаров и услуг, а также правовые требования, предъявляемые к участникам закупочных процедур.

Одним из ключевых аспектов в этом отношении является обеспечение правовой защиты заказчиков и поставщиков в рамках заключения и исполнения контрактов на закупку инновационной продукции. Долгосрочные проекты, связанные с инновациями, требуют разработки гибких механизмов договорного регулирования, которые учитывают неопределенность рынка и возможные изменения в процессе разработки и внедрения новых технологий. В этой связи правовое сопровождение должно предусматривать возможность внесения изменений в контракты, в том числе продления сроков их исполнения, при условии соблюдения всех норм российского законодательства.

Финансовые риски при закупках инновационной продукции в значительной степени связаны с отсутствием аналогов продукции на рынке, что усложняет оценку ее стоимости и конкурентоспособности. Для правовой защиты сторон рекоменду-

ется включение в договорные отношения условий обязательного независимого аудита и оценки стоимости продукции, а также привлечение экспертов, обладающих специализированными знаниями в области инновационных технологий, что позволит уменьшить риски завышения или занижения цены контракта и повысить прозрачность закупочных процедур.

Кроме того, включение в контракты жизненного цикла положений о мониторинге выполнения работ и аудите промежуточных результатов способствует снижению правовых и финансовых рисков, связанных с непредвиденными расходами и нарушением сроков выполнения обязательств.

Не менее важным является активное развитие цифровых инструментов правового сопровождения инноваций в закупках, которые позволяют своевременно выявлять отклонения от графиков выполнения работ или нецелевое использование средств, что снижает вероятность возникновения правовых споров и претензий. Безусловно, использование ЕИС для мониторинга исполнения контрактов, а также для обмена информацией между заказчиками и поставщиками, повышает эффективность контроля за выполнением обязательств, однако в условиях стремительной цифровизации в область правового сопровождения инноваций в закупках возможно включение современных цифровых технологий и решений.

Также правовое сопровождение инноваций в закупках также должно учитывать возможные

риски несоответствия продукции заявленным характеристикам. Так, защита интересов заказчиков и обеспечение компенсации убытков в случае неисполнения обязательств со стороны поставщиков позволит включение в контракты положений о претензионной работе и ответственности за нарушение технических условий. При этом не менее важно предусмотреть механизмы досудебного урегулиро-

вания споров, что способствует снижению финансовых издержек, связанных с судебными разбирательствами.

Таким образом, можно обобщить рекомендации в их взаимосвязи с правовыми вызовами, финансовыми перспективами и инновациями в закупках (табл. 2).

Таблица 2. Правовые вызовы, финансовые перспективы и рекомендации по правовому сопровождению инноваций в закупках

Правовые вызовы	Финансовые перспективы	Рекомендации по правовому сопровождению
Неопределенность в оценке стоимости инноваций	Оптимизация расходов за счет точного определения стоимости продукции	Привлечение независимых экспертов для оценки стоимости и обоснованности цены контракта
Финансовая нестабильность поставщиков	Увеличение доли успешных проектов за счет отбора стабильных поставщиков	Оценка финансового состояния до заключения контракта; введение независимых гарантий
Превышение бюджета на НИОКР	Повышение рентабельности благодаря гибкости в управлении затратами	Использование контрактов жизненного цикла; строгий контроль за расходами на всех этапах контракта
Нарушение сроков выполнения обязательств	Возможность долгосрочных финансовых выгод посредством корректировки сроков	Включение в контракт условий о возможности продления сроков при соблюдении нормативных процедур
Несоответствие продукции техническим требованиям	Улучшение качества продукции за счет строгого контроля за соответствием	Претензионная работа и установление ответственности за нарушение требований контракта; компенсация убытков заказчика
Правовые вызовы	Финансовые перспективы	Рекомендации по правовому сопровождению
Риски мошенничества	Повышение прозрачности финансовых потоков и снижение убытков	Использование цифровых инструментов для мониторинга исполнения контрактов и повышения прозрачности закупочных процедур

Источник: составлено автором

Выводы

Таким образом, юридические аспекты инноваций в закупках являются значимым фактором, определяющим эффективность и безопасность процессов интеграции новых технологий в экономику. Современное российское законодательство направлено на создание условий для стимулирования инновационной деятельности посредством контрактной системы, однако требует учета множества специфических рисков. Среди них выделяются неопределенность в оценке стоимости инновационной продукции и сложность оценки финансовой устойчивости поставщиков.

Для минимизации данных рисков предусмотрено использование экспертных оценок, обязательных аудитов и независимых финансовых гарантий. Важное значение имеют механизмы управления бюджетными рисками в ходе выполнения НИОКР, что обеспечивается применением контрактов жизненного цикла. Инструменты контроля за выполнением обязательств, включающие цифровые платформы мониторинга, позволяют снизить вероятность мошенничества и повысить прозрачность закупочных процедур. Кроме того, государственное регулирование стимулирует участие субъектов МСП в инновационных закупках, что расширяет доступ к передовым технологиям и укрепляет взаимодействие между государственными заказчиками и бизнесом.

Эффективность правового сопровождения инноваций в закупках во многом зависит от гибкости договорных механизмов и конструкций, позволяющих учитывать особенности разработки и внедрения сложных технологических решений, что требует оперативного управления изменениями в условиях исполнения контрактов.

Литература

1. Тирская Н. Б., Николаева И. В., Цынзак М. П. Инновации в государственных закупках: современное состояние и проблемы // *Управленческий учет*. – 2021. – № 12–1. – С. 258–265.
2. О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон N 127-ФЗ от 23.08.1996 (последняя редакция) / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 27.09.2024)
3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон N 44-ФЗ от 05.04.2013 (последняя редакция) / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 27.09.2024)
4. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федеральный закон

№ 223-ФЗ от 18.07.2011 (последняя редакция) / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 27.09.2024)

5. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций: федеральный закон N 258-ФЗ от 31.07.2020 (последняя редакция) / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 13.09.2024)
6. Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций: Постановление Правительства РФ N 1750 от 28.10.2020 / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366246/ (дата обращения: 27.09.2024)
7. О перечне технологий, с применением которых вводятся в употребление, создаются или используются цифровые инновации на финансовом рынке в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций: Указание Банка России N 5634-У от 25.11.2020 (зарегистрировано в Минюсте России 31.12.2020 N 62006) / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374332/5d55a86dad99e4a5dbd4a0f81e4c4558ed5443f2/ (дата обращения: 27.09.2024)
8. О закупках инновационной продукции, высокотехнологичной продукции отдельными видами юридических лиц и внесении изменений в отдельные акты Правительства Российской Федерации / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191547/ (дата обращения: 27.09.2024)
9. О мониторинге закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, а также об оценке эффективности деятельности органов контроля, осуществляющих контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 27.05.2021 N 814 (ред. от 27.01.2022) / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_386229/ (дата обращения: 27.09.2024)

The article describes the legal regulation of innovative methods in procurement, identifies key financial and legal risks, considers issues of their management within the framework of innovations in procurement, and provides recommendations on legal support for innovations in procurement in order to minimize financial risks and ensure legal security. It has been established that currently the key legal challenges of innovations in procurement are: uncertainty in the assessment of the cost of innovations, financial instability of suppliers, excess budget for research and development work, violation of deadlines for fulfilling obligations, non-compliance of products with technical requirements, fraud risks. The key recommendations for legal support of innovations in procurement are: the involvement of independent experts, assessment of the financial condition of participants before the conclusion of the contract, strict cost control, extension of deadlines, conducting claim work, expansion of digital monitoring tools.

Keywords: innovations, procurement, legal regulation, legal challenges, financial prospects.

References

1. Tirsкая N. B., Nikolaeva I. V., Tsyndzak M. P. Innovations in public procurement: current state and problems // Managerial accounting. – 2021. – No. 12–1. – pp. 258–265.
2. On Science and State scientific and Technical policy: Federal Law No. 127-FZ of 08/23/1996 (latest edition) / SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (accessed date: 27.09.2024)
3. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs: Federal Law No. 44-FZ dated 04/05/2013 (latest edition) / SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (accessed date: 27.09.2024)
4. On the procurement of goods, works, and services by certain Types of Legal entities: Federal Law No. 223-FZ dated 07/18/2011 (latest edition) / SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (accessed date: 27.09.2024)
5. On experimental legal regimes in the field of digital innovations: Federal Law No. 258-FZ of 07/31/2020 (latest edition) / SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (accessed date: 27.09.2024)
6. On approval of the list of technologies used within the framework of experimental legal regimes in the field of digital innovations: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1750 dated 10/28/2020 / SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366246/ (accessed date: 27.09.2024)
7. On the list of technologies that are used to introduce, create or use digital innovations in the financial market within the framework of experimental legal regimes in the field of digital innovations: Instruction of the Bank of Russia No. 5634-U dated 11/25/2020 (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 12/31/2020 No. 62006) / SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374332/5d55a86dad99e4a5dbd4a0f81e4c4558ed5443f2/ (accessed date: 27.09.2024)
8. On purchases of innovative products, high-tech products by certain types of legal entities and amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation / SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191547/ (accessed date: 27.09.2024)
9. On monitoring purchases of goods, works, and services for state and municipal needs and purchases of goods, works, and services by certain types of legal entities, as well as on evaluating the effectiveness of control bodies monitoring compliance with the legislation of the Russian Federation and other regulatory legal acts on the contract system in the field of procurement of goods, works, and services to ensure state and municipal needs, on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation and invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation and certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/27/2021 No. 814 (ed. from 01/27/2022) / SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_386229/ (accessed date: 27.09.2024)

Осведомленность участников антиконкурентных согласованных действий о поведении друг друга

Сулименко Анна Дмитриевна,

соискатель кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: ya-anna-sulimenko@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению публичного заявления хозяйствующего субъекта как одного из признаков согласованных действий, ограничивающих конкуренцию. Анализ нормативного материала, а также практики применения статьи 11.1 ФЗ «О защите конкуренции» свидетельствует о том, что публичное заявление является не единственно возможной формой распространения сведений о будущем поведении конкурентов. Во-первых, заявление инициатора согласованных действий необязательно должно быть публичным. Информация о поведении на товарном рынке может быть доведена до сведения ограниченного круга лиц. Также в литературе высказана позиция о том, что тайная форма передачи сведений должна рассматриваться как одна из возможных форм информационного обмена между участниками согласованных действий. Во-вторых, для совершения антимонопольного правонарушения хозяйствующим субъектам не требуется знать о поведении друг друга именно заранее. На основании вышесказанного автор делает вывод о необходимости реформирования признака публичного заявления.

Ключевые слова: конкурентное право, согласованные действия, публичное заявление, антиконкурентные соглашения.

Российское антимонопольное законодательство содержит запрет на согласованные действия, ограничивающие конкуренцию (ст. 11.1 ФЗ «О защите конкуренции» [1]). Данная форма неправомерного поведения предполагает координацию действий хозяйствующих субъектов – конкурентов без достижения ими предварительной договоренности, которая имеет место при заключении антиконкурентного соглашения. При этом такая координация становится возможной благодаря информированности участников товарного рынка о планируемом поведении друг друга. Таким образом, хозяйствующие субъекты, имея представление о будущем поведении своих конкурентов, при желании могут «подстроиться» под него, что на практике выражается в осуществлении на товарном рынке единообразных и синхронных действий (как правило, речь идет о повышении цен на товар).

В соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции», согласованные действия должны быть заранее известны каждому из участвующих в них хозяйствующих субъектов в связи с публичным заявлением одного из них о совершении таких действий (признак публичного заявления).

Несмотря на отсутствие законодательной дефиниции публичного заявления, в качестве такового в правоприменительной практике стало рассматриваться размещение информации о планируемом поведении хозяйствующего субъекта (в частности, о повышении цен) в открытом доступе: заявления должностных лиц компаний в СМИ, сообщения об изменении цен на сайтах в сети «Интернет».

Разъяснения Президиума ФАС России № 9, изданные после завершения разбирательства в отношении участников рынка линейных контейнерных перевозок [2], гласит следующее:

«Публикация» означает распространение морскими контейнерными перевозчиками информации, в том числе размещение информации на своем официальном сайте..., в форме новостных рассылок и информационных бюллетеней для клиентов, в средствах массовой информации или другими способами предоставления информации в открытый доступ.

Не являясь Публикацией любая непубличная форма сообщения контейнерными перевозчиками информации о своих Ценах и их возможном изменении, в частности, передача этой информации посредством направления сообщений электронной почтой, телефонных переговоров, личных встреч, путем указания этой информации в личном кабинете... или иным образом, предполагающем не-

возможность ознакомления неограниченного круга лиц с содержанием Сообщения» [3].

Полагаем, что несмотря на специфику рынка морских перевозок грузов, приведенная выше позиция актуальна и для других сфер предпринимательской деятельности.

Однако представляется, что для осуществления согласованных действий принципиально доведение информации о планируемом поведении на товарном рынке не столько до неопределенного круга лиц, сколько до хозяйствующих субъектов – конкурентов, которые являются потенциальными участниками такого неправомерного поведения. В этом смысле заявления, сделанные в ходе собраний с ограниченным кругом участников, также могут способствовать осуществлению согласованных действий. В их число могут входить собрания ассоциаций (союзов) и любые иные мероприятия, в рамках которых происходит взаимодействие конкурирующих хозяйствующих субъектов.

Более того, передача информации о планируемом поведении хозяйствующего субъекта может носить тайный характер, т.е. может быть доведена до сведения конкурентов в частном порядке в рамках личных встреч, переговоров, переписки. На данный момент такая форма информационного обмена между конкурентами изъята из сферы действия запрета, установленного статьей 11.1 ФЗ «О защите конкуренции». Поведение хозяйствующих субъектов, которое сопровождается тайной передачей информации о будущих действиях на товарном рынке, рассматривается как антиконкурентное соглашение, заключенное в устной форме (статья 11 ФЗ «О защите конкуренции»).

Связана такая квалификация с тем, что наличие антиконкурентного соглашения может быть доказано не только прямыми, но и совокупностью косвенных доказательств. Вместе с тем стандарт доказывания по делам о картелях в российской правоприменительной практике, хотя и повышается со временем [7], но все же не настолько высок, как, например, в наднациональном праве Европейского Союза. Так, в соответствии со сложившейся практикой Суда Европейского Союза, не всегда возможно сделать вывод о наличии между участниками товарного рынка соглашения (картеля) даже в том случае, если имели место встречи между представителями соответствующих юридических лиц [4, 5]. В России же подобное поведение, если оно приводит (может привести) к указанным в законе последствиям, рассматривается как нарушение запрета на антиконкурентные соглашения.

Однако в литературе можно встретить позицию, согласно которой тайный информационный обмен также должен квалифицироваться как согласованные действия в том случае, если антимонопольному органу не удастся собрать необходимые и достаточные доказательства картеля [8, с. 90–93].

Признавая, что тайный обмен сведениями о планируемом рыночном поведении делает крайне затруднительным достоверное установление факта достижения сторонами договоренности,

мы бы также не стали полностью исключать возможности его квалификации (вместе с последующими действиями хозяйствующих субъектов) как согласованных действий.

Критика признака публичного заявления связана еще и с тем, что, по мнению авторитетных представителей экономической науки, для осуществления согласованных действий хозяйствующим субъектам необязательно знать о поведении друг друга именно заранее [6, с. 263].

Приведенная точка зрения представляется вполне логичной: для квалификации поведения в качестве антиконкурентного основное значение имеет факт необоснованного повышения цены товара несколькими хозяйствующими субъектами, а не их осведомленность о планах друг друга заранее. В частности, несложно представить ситуацию, при которой один хозяйствующий субъект фактически увеличил стоимость товара, и другие участники товарного рынка последовали за ним (хотя заранее им не было известно о том, что инициатор планировал подобное повышение цены). В данном случае, если новая цена не может быть обоснована объективными экономическими факторами, то справедливо было бы задуматься о легальности соответствующего поведения.

Более того, реализовать подобную схему в цифровом обществе становится все проще: об увеличении цены товара, который продается онлайн, моментально становится известно всем желающим. Доступ к этой информации в сети «Интернет» открыт как для покупателей, так и для конкурентов продавца. При этом хозяйствующий субъект – инициатор повышения цены не уведомляет других участников рынка о таком повышении заранее, а размещает соответствующую информацию в открытый доступ одновременно с началом продаж по новой цене. В этой связи открытое размещение данных о стоимости товара даже одновременно с моментом начала продаж можно рассматривать как заявление хозяйствующего субъекта.

Таким образом, признак согласованных действий, содержащийся в пункте 2 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции», можно было бы изложить следующим образом: действия известны каждому из участвующих в них хозяйствующих субъектов в связи с заявлением одного из них о совершении таких действий.

Литература

1. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. № 126.
2. Решение ФАС России от 15 декабря 2015 г. по делу № 1–11–313/00–22–13.
3. Разъяснения Президиума ФАС России от 14 июня 2017 г. № 9 «О порядке публикации международными морскими контейнерными перевозчиками стоимости перевозок» [Электронный ресурс] // Официальный

сайт ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/documents/611492> (дата обращения: 20.08.2024).

4. Case C-235/92 P, Montecatini SpA v Commission of the European Communities // ECR. 1999 -4539.
5. Case C-8/08, T-Mobile Netherlands BV, KPN Mobile NV, Orange Nederland NV and Vodafone Libertel NV v Raad van bestuur van de Nederlandse Mededingingsautoriteit // ECR. 2009 4529.
6. Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта // Экономический журнал ВШЭ. – 2007. – № 2. – С. 234–270.
7. Бузин М.А. Картель или не картель: проблемы доказывания соглашений между конкурентами после принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 года № 2 // Российское конкурентное право и экономика. – 2022. Спец. выпуск. – С. 70–76.
8. Хохлов Е.С. Некоторые вопросы совершенствования понятия согласованных действий в российском конкурентном праве // Актуальные вопросы современного конкурентного права: сборник научных трудов. Выпуск 1. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 75–94.

AWARENESS OF THE CONCERTED ACTIONS PARTICIPANTS OF EACH OTHER'S BEHAVIOUR

Sulimenko A.D.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article addresses the issue of a business entity's public announcement as one of the features of anticompetitive concerted actions. The analysis of the regulatory material and the practice of applying Article 11.1 of the Federal Law "On Protection of Competition" show that a public announcement is not the only possible

form of dissemination of information on the future competitors' behavior. Firstly, the announcement of the concerted actions' initiator does not necessarily have to be public. Information on behavior in the commodity market can be brought to the attention of a limited circle of entities. The literature also expresses the position that a secret form of data dissemination should be considered as one of possible forms of information exchange between concerted actions' participants. Secondly, in order to commit an antitrust offense, economic entities do not need to know about each other's behavior in advance. Based on the above, the author concludes that it is necessary to reform the feature of a public announcement.

Keywords: competition law, concerted actions, public announcement, anticompetitive agreements.

References

1. Federal Law of June 26, 2006 № 135-FZ "On the Protection of Competition" // Russian newspaper. 2006. № 126.
2. Decision of the Federal Antimonopoly Service of Russia of December 12, 2015 on the Case № 1–11–313/00–22–13.
3. Clarifications of the Presidium of the Federal Antimonopoly Service of Russia "On the procedure for publishing the cost of transportation by international sea container carriers" [Electronic resource] // Official website of Russian FAS. URL: <https://fas.gov.ru/documents/611492> (date of access: 20.08.2024).
4. Case C-235/92 P, Montecatini SpA v Commission of the European Communities // ECR. 1999 4539.
5. Case C-8/08, T-Mobile Netherlands BV, KPN Mobile NV, Orange Nederland NV and Vodafone Libertel NV v Raad van bestuur van de Nederlandse Mededingingsautoriteit // ECR. 2009 4529.
6. Avdasheva S.B., Shastitko A.E., Kalmychkova E.N. Economic foundations of antimonopoly policy: Russian practice in the context of world experience // Economic journal of the HSE. – 2007. – № 2. – P. 234–270 (In Russ.).
7. Buzin M.A. Cartel or non-cartel: problems of proving agreements between competitors after the adoption of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 4, 2021 No. 2 // Russian Competition Law and Economy. – 2022. Sp V. – P. 70–76 (In Russ.).
8. Khokhlov E.S. Some issues of improving the concept of concerted actions in Russian competition law // Actual problems of modern competition law: collection of scientific papers. Issue 1. – М.: Yustitsinform, 2017. – P. 75–94 (In Russ.).

Возможности применения института мирового соглашения при урегулировании корпоративных споров в арбитражных судах

Третьяков Роман Вадимович,

аспирант, кафедра арбитражного процесса ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: roman.tretyakov.97@mail.ru

В рамках исследования поднимается вопрос о применимости института мирового соглашения при урегулировании корпоративных споров в арбитражных судах Российской Федерации. Исследования проводилось посредством изучения научно-правовой литературы и правоприменительной практики. При этом в статье дается общая характеристика мировых соглашений, заключаемых при рассмотрении корпоративного спора, анализируется соответствующая нормативно-правовая база, судебные разъяснения и правоприменительная практика, дается оценка имеющемуся правовому механизму заключения мировых соглашений. Также автор рассматривает альтернативный способ урегулирования корпоративного спора – заключение между участниками разногласий корпоративного договора. В результате автор статьи приходит к выводу о том, что процедура заключения мирового соглашения по корпоративному спору осложнена препятствиями, не позволяющим участникам выразить свою правовую позицию и защитить свои законные права и интересы, что обусловлено жесткостью правовых норм, регулирующих вопросы заключения мировых соглашений. В качестве предложения по улучшению законодательства автор предлагает создать нормы, позволяющие заключать подписанный всеми участниками спора корпоративный договор во время судебного рассмотрения корпоративного спора арбитражным судом.

Ключевые слова: корпоративный спор, мировое соглашение, дуалистичность, групповой иск, корпоративный договор.

Введение

Одним из векторов современной судебно-правовой политики является широкое применение альтернативных способов разрешения цивилистических правовых коллизий [4, с. 42]. Одним из таких способов является заключение мирового соглашения между сторонами при рассмотрении возникшего между ними спора.

Закрываемое в судебном порядке мировое соглашение как правовое явление объединяет в себе как материально-правовые, так и процессуально-правовые начала. Стороны, используя данный вид примирительной процедуры, не только заканчивают рассмотрение спора по существу без применения механизма судебного принуждения, но и определяют для себя наиболее выгодные условия построения дальнейших отношений или их завершения.

Основная часть исследования

Материальная и процессуальная природа мирового соглашения образует такой его важнейший признак как дуалистичность, существующая вне зависимости от конкретной категории спора. При этом его наличие признается большим количеством современных ученых [7, с. 145–146; 5, с. 256].

При более детализированном исследовании правовой природы мирового соглашения можно обозначить и другие его признаки, такие как:

- 1) Направленность сторон на продолжение отношений или на их гармоничное завершение;
- 2) Наличие волеизъявления сторон;
- 3) Возможность заключить его на любой стадии судебного разбирательства;
- 4) Оформление результатов договоренности не только в виде сделки, но и в виде судебного акта по результатам рассмотрения спора.

Вышеуказанные признаки свойственны для мировых соглашений, заключаемых в ходе корпоративного спора. Вместе с тем, их заключение сопряжено с особенностями рассмотрения таких споров, в связи с чем имеется возможность выделить дополнительные признаки:

- 1) Множественность опосредующих друг друга отношений между участниками корпоративного конфликта. Как уже говорилось ранее, корпоративный спор является финальной стадией корпоративного конфликта, который выходит в процессуальную плоскость. Сам корпоративный конфликт включает в себя множество процессов, подлежащих урегулированию другими

отраслями законодательства [6, с. 127]. Например, участникам приходится параллельно вести как споры в арбитражных судах, так и в судах общей юрисдикции, взаимодействовать с профильными органами государственной власти, принимать участие в возбужденных уголовным делом и так далее. Такая сложность и многоаспектность корпоративного конфликта затрудняет процесс мирного урегулирования в рамках корпоративного спора, и зачастую приводит к невозможности договориться. При этом не исключается риск злоупотребления со стороны недобросовестных лиц своими процессуальными правами.

2) Множественность участников мирового соглашения. Целостность форм корпоративного конфликта порождает большое количество сторон мирового соглашения, поскольку часто сторонами мировых соглашений в корпоративных спорах выступают лица, не участвующие в деле, но прочно связанные своими правами и законными интересами с инициаторами судебного разрешения корпоративного спора.

Особенности мирового соглашения по корпоративным спорам зачастую проявляются с негативной стороны, поскольку на уровне отечественного законодательства появляется множество препятствий, значительно усложняющих участникам возможность договориться. Так, кандидат юридических наук, сопредседатель Коллегии адвокатов «Регионсервис» Сергей Учитель утверждает, что в большинстве корпоративных споров мировое соглашение либо не утверждает суд, либо отменяет вышестоящий. При этом он выделяет три ситуации, в которых, вероятнее всего, у сторон получится прийти к мировому соглашению, а именно:

- споры, связанные с обязанностью провести внеочередное общее собрание акционеров;
- споры, связанные с действительной стоимостью доли.
- споры, связанные с выкупом акций [11].

По многим корпоративным спорам сторонам затруднительно прийти к удовлетворяющему все интересы решения. Если же они достигли определенных договоренностей, то им предстоит столкнуться с законодательными препятствиями, которые выражаются, прежде всего, в фактическом ограничении возможности третьих лиц, принимать соответствующее решение в рамках судебного заседания.

Для того, чтобы участники смогли активнее участвовать в корпоративных спорах, законодатель ввел институт группового иска посредством принятия Федерального закона от 18.07.2019 № 191-ФЗ [2], которым были внесены изменения в АПК РФ – статья 225.2 была дополнена частью 3.

В соответствии с ч. 3 ст. 225.2 АПК РФ корпоративные споры по требованиям о защите прав и законных интересов группы лиц рассматриваются по правилам главы 28.2 настоящего Кодекса с особенностями, предусмотренными настоящей главой. В делах по корпоративным спорам о возмещении убытков, причиненных юридическому

лицу, признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и (или) применении последствий недействительности таких сделок, об обжаловании решений органов управления юридического лица участник юридического лица вправе не присоединяться к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, а самостоятельно вступить в дело на стороне истца. В этом случае участник юридического лица пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца [1].

Данная норма была введена законодателем с целью обеспечения процессуальных прав и законных интересов участников корпоративных отношений на участие в процессе, заявление своих требований и вынесение судебного акта, учитывающего интересы как самой корпорации, так и ее членов и представителей управленческого звена. Вместе с тем, согласно п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» корпорация в лице соответствующего органа и присоединившиеся к иску участники не имеют права без согласия участника, предъявившего иск, полностью или частично отказаться от иска, изменить основание или предмет иска, заключить мировое соглашение и соглашение по фактическим обстоятельствам. Обратившийся в суд с требованием участник корпорации в случае присоединения к иску иных участников также не имеет права совершать указанные действия без согласия всех таких участников [9].

Как видим, системное толкование нормы АПК РФ и позиции ВС РФ позволяет сделать вывод о том, что права лиц, присоединившихся к групповому иску, на совершение процессуальных действий, в том числе заключение мирового соглашения, существенно ограничиваются. Правоприменительный механизм сконструирован таким образом, что у них остается только один способ влияния на содержание договоренностей – переговоры непосредственно с представителем, подавшим исковое заявление в суд. В то же время для того, чтобы обладать полным объемом процессуальных прав, у участников корпоративных отношений имеется возможность самостоятельно вступить в дело на стороне истца.

Вышесказанное показывает, что эффективность правового института группового иска, используемого в контексте корпоративного спора, практически нивелируется, поскольку стороны в случае присоединения к требованию, рискуют потерять процессуальные права. Ситуация может обостриться, если между лицом, заявившим иск, и лицами, присоединившимися к нему, имеется корпоративный конфликт. В таком случае вероятность того, что они придут к условиям потенциального мирового соглашения, устраивающим всех участников, становится минимальной. Таким образом, существующий подход законодателя к распределению процессуальных прав между

участниками отношений в рамках корпоративного спора не соответствует духу арбитражного законодательства.

Кроме того, на практике могут возникать и другие вопросы. Так, Президиум ВАС РФ в Постановлении от 11.05.2005 № 1662/05 указал, что в условиях существующего в акционерном обществе неразрешенного конфликта, препятствующего нормальному функционированию единоличного исполнительного органа общества, и несогласия одного из руководителей общества с иском подписание мирового соглашения по делу о признании недействительными решений высшего органа управления общества другим его руководителем нельзя рассматривать как волеизъявление самого акционерного общества, а также считать такое мировое соглашение соответствующим Закону об акционерных обществах. При указанных обстоятельствах мировым соглашением могут быть нарушены права других акционеров, голосовавших за оспариваемые решения. Таким образом, по делам об оспаривании решений общих собраний юридического лица крайне спорной является возможность заключения мирового соглашения [3, с. 128].

Поскольку обстоятельства, изложенные выше, являются трудноразрешимыми в контексте заключения мирового соглашения, участники неизбежно будут искать другие способы достижения баланса интересов без проведения спора. К ним относится, в том числе и корпоративный договор. Под ним понимается соглашение, заключаемое между участниками корпоративных отношений, направленное на установление порядка реализации ими прав и законных интересов.

Корпоративный договор как средство разрешения конфликтов может способствовать достижению баланса интересов, поскольку сторонам предоставляется возможность спрогнозировать конфликтные ситуации и определить порядок их разрешения.

Корпоративный договор имеет много схожих черт с мировым соглашением, заключаемым в рамках корпоративного спора. Так, прежде всего, стоит отметить следующие:

1. Обладают признаками, присущими гражданско-правовой сделке;
2. Имеют определенный предмет, по поводу которого возник или может возникнуть спор;
3. Определяют способ удовлетворения противоречащих друг другу интересов сторон;
4. Отличаются диспозитивным характером, поскольку формируются на основе свободного волеизъявления сторон;
5. Результатом заключения мирового соглашения и корпоративного договора является разрешение корпоративного конфликта или его предотвращение.

Корпоративный договор отличается отсутствием процессуальной природы и, соответственно, дуализмом, свойственным мировому соглашению. Как правило, он заключается во внесудеб-

ной форме и может предусматривать такие формы разрешения, которые обычно не встречаются в текстах мировых соглашений. Так, например, среди средств разрешения корпоративных конфликтов можно выделить следующие: «техасская стрельба» (Texas shoot-out); «голландский аукцион» (Dutch auction); «русская рулетка» (Russian roulette); урегулирование корпоративного конфликта совместно с приглашенным посредником; проведение переговоров; ликвидация корпорации в судебном порядке по требованию участника, владеющего более чем половиной акций компании; привлечение в совет директоров независимых директоров [8, с. 45–46].

Кроме того, внесудебная форма корпоративного договора позволяет согласовывать интересы всех участников корпоративных отношений. Следовательно, каждый участник на переговорах может выразить более активную позицию, не отягощаясь, по крайней мере, рассмотренными выше процессуальными препятствиями, чего не наблюдается в процессе утверждения мирового соглашения в судебном порядке.

Правоприменительная практика также демонстрирует эффективность корпоративного договора в условиях разгоревшегося конфликта. Например, ЗАО обратилось в арбитражный суд с иском заявлением к ООО и физическому лицу, в котором просит перевести на истца права и обязанности покупателя на эмитированные им акции. Суд первой инстанции иск удовлетворил. Однако затем стороны, похоже, помирились и предложили суду второй инстанции утвердить мировое соглашение. Суд пошел им навстречу. Любопытно, что одним из доводов послужил факт подписания участниками процесса корпоративного договора, который, по сути, был ими интегрирован в мировое. Более того, данный мотив оказался для коллегии судей настолько серьезным, что он нашел отражение не только в мотивировочной, но и в резолютивной части судебного акта [10]. Впоследствии было утверждено мировое соглашение на условиях, согласно которым все права и обязанности сторон регулировались корпоративным договором. Анализируя данное дело, можно сделать вывод, что по формальным правилам хоть и было заключено мировое соглашение, фактически суд утвердил корпоративный договор, которым уже были разрешены все разногласия.

Вышеуказанный случай является показательным для правоприменительной практики, поскольку заключение корпоративного договора сильно облегчило процедуру утверждения мирового соглашения, включающего в себя одни и те же условия.

Результаты исследования

Таким образом, процедура заключения мирового соглашения по корпоративному спору осложнена препятствиями, не позволяющим участникам выразить свою правовую позицию и защитить свои

законные права и интересы. Права лиц, присоединившихся к групповому иску, на совершение процессуальных действий, в том числе заключение мирового соглашения, существенно ограничиваются. В связи с этим нивелируется эффективность соответствующих правовых норм. Поскольку процедура согласования корпоративного договора носит более гибкий характер, по нашему мнению, в рамках арбитражного процессуального законодательства необходимо создать правовой механизм, позволяющий утверждать корпоративный договор, который еще до его утверждения должен подписываться всеми участниками корпоративных отношений.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с изм. и доп. От 06.04.2024, № 74-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.
2. Федеральный закон от 18.07.2019 № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 22.07.2019. № 29 (часть I), ст. 3858.
3. Алексеева, Н.В., Аргунов, А.В., Арифупин, А.А. и др. Арбитражный процесс: учебник [Текст] / Н.В. Алексеева, А.В. Аргунов, А.А. Арифупин. – М.: РГУП, 2017. – 324 с.
4. Афанасьев, С.Ф. Значение медиации в условиях осуществления судебной политики [Текст] / С.Ф. Афанасьев // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 6. – С. 38–46.
5. Карелина, С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности [Текст] / С.А. Карелина. – М., 2008. – 290 с.
6. Лаптев, В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография [Текст] / В.А. Лаптев. – М.: Проспект, 2019. – 384 с.
7. Попондопуло, В.Ф. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) предпринимателей [Текст] / В.Ф. Попондопуло. – СПб., 2001. – 285 с.
8. Ростовский, А.П. Способы разрешения тупиковых ситуаций в рамках акционерного соглашения [Текст] / А.П. Ростовский // Корпоративный юрист. – 2010. – № 10. – С. 45–46.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
10. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2015 по делу № А55–25911/2014 // Федеральные арбитражные суды. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (дата обращения: 05.08.2024).
11. Сергей Учитель: «Мировые соглашения утверждают только по трем видам корпоративных споров». – URL: <https://www.law.ru/news/20419-sergey-uchitel-mirovye-soglasheniya-utverdayut-tolko-po-trem-vidam-korporativnyh-sporov> (дата обращения: 17.08.2024).

law.ru/news/20419-sergey-uchitel-mirovye-soglasheniya-utverdayut-tolko-po-trem-vidam-korporativnyh-sporov (дата обращения: 17.08.2024).

POSSIBILITIES OF USING THE INSTITUTION OF SETTLEMENT AGREEMENT IN THE SETTLEMENT OF CORPORATE DISPUTES IN ARBITRATION COURTS

Tretyakov R.V.

Saratov State Law Academy

This study raises the issue of the applicability of the institution of a settlement agreement in the settlement of corporate disputes in arbitration courts of the Russian Federation. The research was conducted through the study of scientific and legal literature and law enforcement practice. At the same time, the article provides a general description of settlement agreements concluded when considering a corporate dispute, analyzes the relevant regulatory framework, judicial clarifications and law enforcement practice, and assesses the existing legal mechanism for concluding settlement agreements. The author also considers an alternative way of settling a corporate dispute – the conclusion of a corporate agreement between the parties to the disagreement. As a result, the author of the article comes to the conclusion that the procedure for concluding a settlement agreement on a corporate dispute is complicated by obstacles that do not allow the participants to express their legal position and protect their legal rights and interests, which is due to the rigidity of the legal norms governing the issues of concluding settlement agreements. As a proposal for improving the legislation, the author proposes to create rules that allow a corporate agreement signed by all parties to the dispute to be concluded during the judicial consideration of the corporate dispute by the arbitration court.

Keywords: corporate dispute, settlement agreement, duality, class action, corporate agreement.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended and supplemented on April 6, 2024, No. 74-FZ) // SZ RF. 2002. No. 30, Art. 3012.
2. Federal Law of July 18, 2019 No. 191-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SZ RF. July 22, 2019. No. 29 (Part I), Art. 3858.
3. Alekseeva, N.V., Argunov, A.V., Arifulin, A.A. et al. Arbitration Process: Textbook [Text] / N.V. Alekseeva, A.V. Argunov, A.A. Arifulin. – M.: RGUP, 2017. – 324 p.
4. Afanasyev, S.F., The Importance of Mediation in the Context of the Implementation of Judicial and Legal Policy [Text] / S.F. Afanasyev // Bulletin of Civil Procedure. – 2012. – No. 6. – P. 38–46.
5. Karelina, S.A. The Mechanism of Legal Regulation of Insolvency Relations [Text] / S.A. Karelina. – M., 2008. – 290 p.
6. Laptev, V.A. Corporate Law: Legal Organization of Corporate Systems: Monograph [Text] / V.A. Laptev. – M.: Prospect, 2019. – 384 p.
7. Popondopulo, V.F. Legal regulation of insolvency (bankruptcy) of entrepreneurs [Text] / V.F. Popondopulo. – St. Petersburg, 2001. – 285 p.
8. Rostovsky, A.P. Methods for resolving deadlock situations within the framework of a shareholder agreement [Text] / A.P. Rostovsky // Corporate lawyer. – 2010. – No. 10. – P. 45–46.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.
10. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated July 24, 2015 in case No. A55–25911/2014 // Federal Arbitration Courts. – URL: <http://kad.arbitr.ru>. (date of access: August 5, 2024).
11. Sergey Uchitel: "Settlement agreements are approved only for three types of corporate disputes." – URL: <https://www.law.ru/news/20419-sergey-uchitel-mirovye-soglasheniya-utverdayut-tolko-po-trem-vidam-korporativnyh-sporov> (date of access: August 17, 2024).

Правовой статус письменного протокола судебного заседания в условиях цифровизации арбитражного и гражданского процесса

Эрзин Алексей Дмитриевич,

преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: alexerzin@yandex.ru

Автор указывает на укрепляющуюся тенденцию перехода к аудиопротоколированию как основной форме ведения протокола как в арбитражном, так и в гражданском процессе, приводя мнение учёных-представителей судебной системы и последние изменения в законодательстве. Несмотря на преобладание указанной тенденции автор указывает на недопустимость отказа от письменного протокола судебного заседания поскольку последний является значимым средством фиксации хода исследования доказательств. Фиксация хода исследования доказательств в свою очередь выступает важной гарантией принципа непосредственности. Свои доводы автор подкрепляет многочисленными примерами из судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, которые иллюстрируют ситуации, когда сведения об исследовании доказательств, отраженные в протоколе судебного заседания, позволили установить допущенные судами первой и апелляционной инстанций нарушения.

Ключевые слова: принцип непосредственности, гражданский процесс, исследование доказательств, протокол судебного заседания, аудиопротокол.

В судебном сообществе в последние годы прочно укореняется мнение, что аудиопротокол способен полностью заменить письменный и от него нужно отказаться. Так, судья Арбитражного суда города Москвы В.А. Лаптев предлагает вести протокол судебного заседания исключительно в электронном виде и в форме аудиопротокола [2, с. 180]. Судья Волгоградского областного суда С.А. Гордейчик аналогично указывает, что письменный протокол судебного заседания должен уступить своё место аудиопротоколу [1, с. 56]. Аналогичного мнения придерживаются судья Змеиногорского городского суда Алтайского края А.Ю. Сафронов [4, с. 114], судья Арбитражного суда Калужской области Е.А. Пашкова [3, с. 62] и многие иные представители судебной системы.

Законодатель также выбрал путь, при котором приоритет отдаётся аудиопротоколу, а не письменному протоколу судебного заседания. Последний становится «дополнительным средством фиксации», отсутствие которого по общему правилу теперь не влечет за собой наличие безусловных оснований для отмены решения суда. Сперва такие правила нашли закрепление в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (ч. 2 ст. 155), а с принятием Федерального закона от 12.06.2024 № 135-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации», и в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (ч. 1 ст. 229).

Нам полный отказ от письменного протокола судебного заседания представляется неприемлемым. В первую очередь, фиксация хода исследования доказательств является одной из важнейших гарантий реализации принципа непосредственности. Именно отражение хода исследования доказательств в протоколе судебного заседания, а также, при его отсутствии, в решении суда, вынесенном в результате рассмотрения дела в порядке упрощенного производства, позволяет судам проверочных инстанций оценить фактическое соблюдение правил исследования отдельных средств доказывания и правильность процесса познания доказательств судом первой инстанции с позиций принципа непосредственности. Проиллюстрируем данное утверждение некоторыми примерами из судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ).

Рассматривая кассационную жалобу по делу об административном правонарушении судья Верховного Суда Российской Федерации в постановлении ВС РФ от 29 мая 2024 г. № 18-АД23–30-К4 указал на допущенные судом первой инстан-

ции процессуальные нарушения, связанные с правилами о непосредственном исследовании доказательств: «... из содержания протокола судебного заседания следует, что судьей районного суда при рассмотрении жалобы исследованы только материалы, находящиеся в томе 2 и фактически не имеющие доказательственного значения (постановление, жалоба, извещение, сопроводительное письмо, ответ на обращение, возражение). Доказательства, положенные в основу решения судьи районного суда (т. 2, л.д. 83–85) и находящиеся в томе 1, предметом исследования в судебном заседании не были. Данное обстоятельство свидетельствует о нарушении судьей районного суда частей 2, 3 статьи 29.7, пунктов 7, 8 части 2 статьи 30.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, определяющих требования о непосредственности исследования доказательств. Состоявшееся по результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении решение, в основу которого положены доказательства, которые не были исследованы в рамках судебного разбирательства, не может быть признано законным».

Примечательно в данном деле и то, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях «по умолчанию» не требует от судьи ведения протокола судебного заседания, но именно инициатива судьи первой инстанции в его ведении в данном конкретном деле позволила вышестоящему суду усмотреть нарушения при исследовании доказательств.

В другом деле, рассмотренном Верховным Судом Российской Федерации, при отмене решений нижестоящих судов в определении судебной коллегии по гражданским делам по гражданским делам ВС РФ от 30 июля 2019 г. № 58-КГ19–6 указывалось, что о существенном нарушении норм процессуального права свидетельствует тот факт, что «из материалов дела не усматривается, что суд апелляционной инстанции при отклонении названных выше доводов ответчика непосредственно исследовал содержание заключенного между Манакиным С.С. и страховой компанией договора о комплексном ипотечном страховании от 23 ноября 2015 г. на предмет того, что в названном договоре его стороны предусмотрели в качестве страхового случая... из протоколов судебных заседаний судов первой и апелляционной инстанций не следует, что данный договор судами обзревался». Между тем, без исследования такого договора вынесение решения в данном деле в принципе не представлялось возможным поскольку от содержания условий договора напрямую зависела возможность удовлетворения требований о расторжении кредитного договора, взыскании задолженности по договору, а также обращении взыскания на заложенное имущество.

Нередко нарушения судами апелляционной инстанции правил исследования доказательств, дополнительно приобщенных в суде апелляционной инстанции, устанавливаются также исходя

из содержания протоколов судебных заседаний. В определении СК по гражданским делам ВС РФ от 21 ноября 2016 г. № 5-КГ16–155 указывается: «как следует из протокола судебного заседания суда апелляционной инстанции от 10 февраля 2016 г., после приобщения к материалам дела дополнительных доказательств, они судом апелляционной инстанции не оглашались и не исследовались (т. 5, л.д. 226), в связи с чем также и по этой причине не могли быть положены в обоснование выводов суда по обстоятельствам дела». На аналогичные нарушения указывается и в определении СК по гражданским делам ВС РФ от 21 апреля 2015 г. № 18-КГ15–23: «из протокола судебного заседания следует, что это новое доказательство судом апелляционной инстанции не исследовалось (т. 2 л.д. 89–90). При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что данное доказательство принято судом апелляционной инстанции незаконно».

В 2017 году Верховный Суд Российской Федерации при направлении дела на новое рассмотрение дело установил следующую ошибку суда первой инстанции. Суд, рассматривая требования о взыскании компенсации морального вреда, пришел к выводам о наличии у истцов нравственных страданий, а также сопределил размер компенсации и оценивал обстоятельства, касающиеся степени их физических и нравственных страданий в отсутствие объяснений самих истцов, и, как указано в определении СК по гражданским делам ВС РФ от 10 июля 2017 г. № 24-КГ17–15 – в нарушение принципа непосредственности судебного разбирательства. «Так, из материалов дела, в том числе из протокола судебного заседания Красногвардейского районного суда Республики Адыгея от 17 мая 2016 г., видно, что истцы Кудрявцева Т.В. и Клименко М.В. присутствовали на этом судебном заседании и могли дать пояснения суду о своих нравственных или физических страданиях по поводу гибели их брата Чеботарева Н.Е., связанных с их индивидуальными особенностями, однако суд эти обстоятельства не выяснял, никаких вопросов истцам по данному поводу не задавал». Затем суд указывает: «вместе с тем, в материалах дела содержатся письменные объяснения всех трех истцов – Кудрявцевой Т.В., Клименко М.В. и Чеботарева Н.Н. ... Кроме того, из протоколов судебных заседаний Красногвардейского районного суда Республики Адыгея от 17 мая 2016 г. и от 31 мая 2016 г. усматривается, что суд в нарушение приведенных норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации указанные письменные объяснения не исследовал».

В указанном деле письменный протокол также позволил установить, что истцы не давали устные объяснения, а также тот факт, что письменные объяснения не исследовались вовсе. Между тем, при рассмотрении спора о взыскании компенсации морального вреда именно личные объяснения сто-

рон, воспринятые судом непосредственно, имеют ключевое значение.

В завершении иллюстрации значения письменного протокола судебного заседания рассмотрим ещё одно дело, которое рассматривалось в 1995 году в Тамбовской области. Рассматривая иск об устранении препятствий в пользовании земельным участком и признании частично недействительным, выданного свидетельства о праве собственности на землю, в связи с тем, что ответчик захватил часть земли истца и возвел на ней строения, судья Рассказовского районного суда Тамбовской области самостоятельно вышел на место и произвёл замеры земельных участков. Однако, результаты замеров не были отражены в протоколе судебного заседания, на что судьи Верховного Суда Российской Федерации указали в определении СК по гражданским делам ВС РФ от 13 мая 1999 г. № 13-В99-1, отменяя решения нижестоящих судов. Представить, что современный судья будет выезжать на место для проведения замеров земельного участка довольно сложно. Однако, ещё сложнее представить, что судьи судов проверочных инстанций будут заслушивать аудиозапись, которую сделает судья, осуществляющий осмотр доказательств, ещё сложнее.

Даёт ли в этом случае прогресс те преимущества, которые от него ожидаются? Представляется, что нет.

Нам кажется, что из приведенных примеров становится очевидно, что значение письменного протокола судебного заседания, в котором отражается ход исследования судом доказательств, трудно переоценить.

Установить подобные обстоятельства при отсутствии письменного протокола будет возможно только при заслушивании аудиопотока по каждому делу. Однако, с сожалением приходится констатировать что в большинстве случаев, ни судьи апелляционных, ни судьи кассационных инстанций, аудиопотоки не заслушивают. Во-первых, не всегда это возможно в силу недостаточного технического оснащения судов. Во-вторых, прослушивание аудиопотока по каждому гражданскому делу требует значительных временных затрат и не является привычной практикой для большинства судей, которые обычно изучают материалы дела в бумажной и электронной форме.

Нам представляется, что необходимо идти иным путём и изготавливать текстовый протокол судебного заседания с использованием технологий рас-

познавания речи (нейросетей), что сохранит реализацию принципа непосредственности судебного разбирательства.

Литература

1. Гордейчик С.А. Аудиопротоколирование судебных заседаний: вопросы, требующие разъяснений // Законность. – 2019. – № 12 (1022). – С. 55–56.
2. Лаптев В.А. Пути развития цифрового правосудия в России в сфере арбитражного судопроизводства // Вестник экономического правосудия РФ. – № 5. – 2023. – С. 168–187.
3. Пашкова Е.А. Протоколирование неявочных судебных заседаний в арбитражном суде // Судья. – 2022. – № 9. – С. 61–64.
4. Сафронов А.Ю. Использование информационных технологий в суде по уголовным делам // Lex russica. – 2022. – Т. 75. – № 3. – С. 105–118.

LEGAL STATUS OF THE WRITTEN MINUTES OF THE COURT HEARING IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF ARBITRATION AND CIVIL PROCEEDINGS

Erzin A.D.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The author points to the growing trend towards audio-recording as the main form of record keeping in arbitration and civil proceedings, citing the opinion of scientists-representatives of the judiciary and recent changes in the legislation. Despite the prevalence of this trend, the author points out that it is inadmissible to refuse from the written record of the court session, since the latter is a significant means of fixing the course of investigation of evidence. The fixation of the course of investigation of evidence, in turn, is an important guarantee of the principle of immediacy. The author supports his arguments with numerous examples from the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, which illustrate situations where information about the study of evidence, reflected in the written protocol, allowed to establish violations committed by the first and appeal courts.

Keywords: principle of immediacy, civil procedure, examination of evidence, court hearing records, audio protocol.

References

1. Gordeychik S.A. Audio recording of court hearings: issues requiring clarification // Legality. – 2019. – № 12 (1022). – С. 55–56.
2. Laptev, V. A. Ways to develop digital justice in Russia in the field of arbitration proceedings // Vestnik of Economic Justice of the Russian Federation. – № 5. – 2023. – С. 168–187.
3. Pashkova, E. A. Protocolization of non-available court sessions in the arbitration court // Sudya. – 2022. – № 9. – С. 61–64.
4. Safronov A. Yu. Use of information technologies in the court on criminal cases // Lex russica. – 2022. – Т. 75. – № 3. – С. 105–118.

Правовой статус международных компаний, учрежденных в процессе редомициляции

Эшпулатов Тимур Авазович,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права, Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: eshpulatov99@mail.ru

В статье рассматривается правовой статус международной компании, учрежденной в процессе прохождения процедуры редомициляции. Автор анализирует легальное понятие, признаки международной компании, причины роста популярности процедуры редомициляции, то есть смену юрисдикции иностранными корпоративными коммерческими организациями, конечными бенефициарами которых являются российские резиденты, на территорию специальных административных районов на островах Русский и Октябрьский, приводит статистические данные за 2023 года количества иностранных компаний, успешно прошедших процедуру редомициляции. Особое внимание уделяется правовой природе международной компании со специальными правовым регулированием, условиям, которым она должна соответствовать, ограниченному количеству организационно-правовых форм, в которых может учреждаться международная компания, а также новому специальному полномочию Президента РФ по учреждению, реорганизации, ликвидации юридических лиц. Помимо этого, автор находит пробелы правового регулирования деятельности международных компаний и предлагает способы законодательного устранения найденных пробелов. В заключение, автор приходит к выводу, что современное российское законодательство, регулирующее процедуру редомициляции и правовой статус международной компании, достаточно часто подвергается изменениям в положительную сторону, что благоприятно влияет на повышение инвестиционной привлекательности для иностранных компаний, конечными бенефициарами которых являются российские резиденты.

Ключевые слова: международная компания, специальный административный район, редомициляция, особые экономические зоны, личный закон, правовой статус.

Международные компании (далее – «МК»), созданные в порядке редомициляции, возникли в российском правовом поле в 2018 году вместе с принятием Федерального закона от 03 августа 2018 года № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» (далее – Закон № 290-ФЗ) [1]. Появление института редомициляции в России связано с политикой деофшоризации государства, начавшейся в 2013 году, отправной точкой которой послужило Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ [2]. Для реализации Послания Президента РФ Министерство экономического развития РФ приняло меры по деофшоризации российской экономики, которые успешно реализуются на практике [3]. Важную роль в довольно быстром развитии названных мер сыграли принятые меры ограничительного характера после вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации 18 марта 2014 года и после февральских событий 2022 года [4].

Понятие «правовой статус» является многоаспектным и среди учёных-правоведов нет единого понимания данного термина. Упрощённо, правовой статус – это положение субъекта права в правоотношениях с другими субъектами в соответствии с санкционированными от государства правилами поведения. Например, Н.И. Матузов, рассматривает правовой статус как самостоятельный элемент правовой системы и называет статус «комплексной категорией, которая отражает правовые отношения общества и личности, гражданина и государства и другие социальные связи» [5, 6]. С ним соглашается и С.А. Комаров, называя правовой статус «специфическим ореолом функционирования правовой системы» [7]. Примерно такой же позиции придерживается С.С. Алексеев, раскрывая правовой статус как «правовое положение субъектов во взаимоотношениях с государством» [8].

Если правовой статус раскрывается через правовое положение субъектов права во взаимоотношениях с другими субъектами, государством, то правовой статус МК в настоящей работе будет рассмотрен в сравнении международной компании как особого вида юридического лица со своим правовым регулированием и обычного юридического лица, учреждённого на территории Российской Федерации в соответствии с гражданским законодательством.

В научной литературе отмечают, что международные компании – это специальный вид юридического лица, где происходит раздвоение личного закона юридического лица [9]. С одной стороны, с момента государственной регистрации в едином

государственном реестре юридических лиц личным законом МК становится российское право, но с другой – устав новой МК позволяет применять нормы иностранного права к корпоративным отношениям между участниками (акционерами) МК до 1 января 2039 года.

Иностранная коммерческая корпоративная организация может приобрести статус МК на территории так называемых специальных административных районов: на территории острова Русский на Приморском крае и на территории острова Октябрьский в Калининградской области (далее – «САР») в соответствии с Федеральным законом от 03 августа 2018 года № 291 «О специальных административных районах на территории Калининградской области и Приморского края» (далее – Закон № 291-ФЗ). Статистика за 2023 год показывает, что 156 иностранных организаций приобрело статус международных компаний на территории САР, что больше по сравнению с 2022 годом, когда количество переехавших компаний равнялось 83 [10]. Важно отметить, что кредитные организации, не кредитные финансовые организации, операторы платёжных систем не могут быть участниками САР, и управляющие компании САР не заключают с ними договоров об осуществлении деятельности на территории САР (п. 4 Закона № 291-ФЗ).

Хозяйственное общество приобретает статус МК с момента государственной регистрации в едином государственном реестре юридических лиц в порядке инкорпорации либо в связи с изменением иностранным юридическим лицом своего личного закона в порядке редомициляции (п. 1 ст. 1 Закона № 290-ФЗ). Необходимо отметить, что до внесения изменений ст. 1 Закона № 290-ФЗ такой способ образования МК как инкорпорация отсутствовал и был введён только в августе 2023 года Федеральным законом от 04 августа 2023 года № 452-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11].

Иностранное юридическое лицо, получающее статус МК в порядке редомициляции, должно отвечать установленным Законом № 290-ФЗ условиям. К ним в соответствии с п. 3 Закона № 290-ФЗ относятся:

1) иностранное юридическое лицо должно быть зарегистрировано на территории иностранного государства не позднее 1 марта 2024 года (до изменений – не позднее 1 марта 2022 года);

2) иностранное юридическое лицо подало заявку на заключение договора об осуществлении деятельности на территории САР в соответствии с Законом № 291-ФЗ;

3) иностранное юридическое лицо принимает на себя обязательство осуществить инвестиции на территории РФ;

4) иностранное юридическое лицо зарегистрировано в государстве, являющемся членом одной из Групп разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег: ФАТФ, Манивэл, (ЕАГ), АТГ, ЕСА-АМЛГ, ГАФИЛАТ, МЕНАФАТФ, КФАТФ, ГИАБА, ГА-БАК;

5) учредители создаваемой международной компании приняли на себя обязательство осуществить инвестиции в размере 50 миллионов рублей.

Международная компания может быть создана только в виде хозяйственного общества в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью или акционерного общества. Личным законом МК с момента её регистрации становится российское право с учётом предусмотренных Законом № 290-ФЗ особенностей (ст. 4 Закона № 290-ФЗ). Фирменное наименование МК на русском и английском языках обязательно должно содержать указание на статус «международной компании».

МК приобретает гражданские права и обязанности иностранного юридического лица с момента её государственной регистрации на территории САР, несёт ответственность по обязательствам, возникшим до редомициляции. Однако Закон № 290-ФЗ прямо предусматривает, что в отношении к редомицилировавшейся МК не применяются правопреемственные отношения между иностранным юридическим лицом и новой МК (п. 5 ст. 4 Закона № 290-ФЗ). В этом случае складывается следующая ситуация. С одной стороны, законодатель прямо закрепляет отсутствие правопреемства от прежней редомицилировавшейся компании к новой МК, то есть новая МК – это та же самая иностранная компания, которая получает все те же права и обязанности. Но, с другой стороны, МК получает все те же права и обязанности без правопреемства вне зависимости от того, будет ли вычеркнута иностранная компания из реестра другого государства. И ввиду осложнённых международных отношений после февральских событий 2022 года на практике часто возникает ситуация, когда органы публичной власти иностранных государств не предпринимают каких-либо юридических действий по удалению из реестра компаний, конечными бенефициарами которых являются российские резиденты. В конечном итоге, образуется коллизия: в двух реестрах существует одно и то же юридическое лицо.

Отсутствие правопреемственных отношений при редомициляции влечет такие важные юридически значимые последствия, как досрочное погашение задолженностей перед кредиторами иностранного юридического лица, выплата неустойки и иных штрафных санкции при ликвидации или реорганизации. Полагаем, что при таком раскладе событий имеется большой риск утраты движимого и недвижимого имущества иностранной компании за рубежом. Практике уже известны случаи блокировки счетов и введение иных запретов в отношении имущества российских резидентов [12].

Проблемным вопросом в части правового регулирования деятельности МК является исключение последних из иностранного реестра. По общему правилу, на сегодняшний день иностранное юридическое лицо после процедуры редомициляции на территорию САР должно быть исключено из иностранного реестра в течение двух лет со дня

внесения в ЕГРЮЛ сведений о регистрации (п. 14 ст. 5 Закона № 290-ФЗ). И как отмечает Министерство финансов РФ в Письме № 03–12–11/5/65305 от 12 июля 2024 г. регистрация МК в едином реестре юридических лиц в России не будет означать утраты гражданской правоспособности иностранным юридическим лицом в соответствии с законодательством иностранного государства [13]. В настоящее время даже обычное исключение из иностранного реестра для российских резидентов практически невозможно ввиду санкционных ограничений. Именно поэтому у Президента РФ появились дополнительные полномочия с 19 декабря 2023 года, которые позволяют главе государства устанавливать особенности создания, реорганизации, ликвидации и правового статуса российских юридических лиц [14, 15]. Для реализации предоставленных полномочий Президент РФ издал Указ № 1 от 3 января 2024 года и признал выход прошедших процедуру редомициляции МКАО «Вандл Холдинге Лимитед», МКООО «Адорабелла», МКООО «Хлодвиг» из иностранного реестра «приняв во внимание, что указанным иностранным юридическим лицам необоснованно или по независящим от них причинам отказано от такового исключения, несмотря на своевременное ими необходимых для этого действий (принятие необходимых решений)» [16]. Приведенные примеры наглядно показывают особую актуальность правового регулирования редомициляции в целом, а также особый статус учреждения МК, в частности.

Налоговый режим для международных компаний

Правовой статус включает в себя в том числе определенные гарантии или права. Для МК, учрежденных в процессе редомициляции, в силу их особого статуса законодателем были предоставлены налоговые льготы. К таким налоговым преференциям, в частности, относятся:

- 1) запрет на проведение налоговых проверок в РФ в отношении налоговых периодов до редомициляции,
- 2) отсутствие транспортных налогов,
- 3) определенные налоговые льготы для международных холдинговых компаний, соответствующих требованиям ст. 284. НК РФ, и другие преференции, установленные налоговым законодательством РФ.

Названные налоговые льготы схожи с установленными в офшорных юрисдикциях льготами.

Отдельные правовые особенности

В качестве еще одного дискуссионного вопроса на практике обсуждается вопрос о том, какова правовая природа заверений об отсутствии препятствующих обстоятельств. Подобные заверения предоставляются в виде документа, удостоверенного иностранным юридическим лицом при редомициляции.

В настоящий момент институт заверений об обстоятельствах закреплён только в Гражданском ко-

дексе РФ в ст. 431.2 ГК и работает в случае нарушения одной из сторон договора своих обязательств путём выплаты неустойки или убытков. Однако возникающие правоотношения в процессе редомициляции не являются гражданскими и, соответственно, возникает дискуссия о том, можно ли применять ст. 431.2 ГК РФ к заверениям, предусмотренным в ст. 5 Закона № 290-ФЗ.

На практике такие заверения предоставляются как письменная гарантия иностранного юридического лица и подписываются им в одностороннем порядке. Тогда возникает вопрос – в каком объёме МК будет возмещать убытки (выплачивать неустойку) в случае нарушения этих заверений? Будут ли здесь учтены объективные причины, препятствующие редомициляции и не зависящие от самого иностранного юридического лица ввиду наложения запрета совершения юридически значимых действий на территории недружественных стран? Полагаем, что до реального применения штрафных мер из-за нарушения заверений может не дойти в связи с санкциями в отношении российских резидентов. Возможно, было бы уместным предусмотреть в Законе № 290-ФЗ отсылку на ст. 431.2 ГК РФ, чтобы не возникало правовых пробелов в части применения института заверений при редомицилировании иностранных компаний.

МК прекращает свой статус в случае нарушения требований, установленных Законом № 290-ФЗ, а также в случае реорганизации в форме присоединения, выделения, слияния, разделения.

Рассмотрев особенности правового статуса МК, можем отметить, что у МК имеются существенные отличия от обычных российских юридических лиц. К таким особенностям относятся:

- 1) наличие только двух организационно-правовых форм (АО или ООО),
- 2) особые условия деятельности,
- 3) специальное правовое регулирование,
- 4) специальный порядок создания,
- 5) в некоторых случаях исключение из иностранного реестра юридических лиц по Указу Президента,
- 6) существенные налоговые преференции,
- 7) МК в соответствии с законодательством о валютном регулировании и валютном контроле не являются резидентами РФ.

В завершение отметим, что Закон № 290-ФЗ, который закрепляет правовой статус МК, с момента его принятия претерпел важные изменения. Вносимые поправки связаны в основном с ответной реакцией российского законодателя на вводимые санкции недружественными странами. Множество подзаконных актов принимаются Президентом РФ и профильными министерствами. Каждое вносимое изменение в Закон № 290 направлено на эффективное и быстрое достижение поставленных институтом редомициляции целей. В числе таких значимых поправок можно выделить Федеральный закон 26 ноября 2019 года № 378 «О внесении изменений в Федеральный закон «О международных компаниях» и отдельные законодатель-

ные акты Российской Федерации, например, Федеральный закон от 26 ноября 2019 г. № 378-ФЗ, который, который добавил главу 3 в Закон № 290-ФЗ о международных фондах, Федеральный закон от 04 августа 2023 года № 452, который установил возможность создания МК путём инкорпорации, а не только через редомициляцию [17]. Все названные меры в совокупности приведут к росту инвестиционной привлекательности на территории САР для зарубежных компаний, конечными бенефициарами которыми являются российские резиденты, развитию регионов – территорий САР, преодолению негативных последствий от введённых мер ограничительного характера в отношении российских резидентов.

Литература

1. Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» // Российская газета. 2018. № 170.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 «Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию» // «Российская газета». 2013. № 282.
3. «Обзор вопросов, содержащихся в обращениях граждан, представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, поступивших в Минэкономразвития России, и принимаемых мер» (утв. Минэкономразвития России).
4. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Российская газета. 2014. № 66.
5. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 25.
6. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. Курс лекций. М., 2001. С. 145.
7. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Курс лекций. М.: Манускрипт, 1998. С. 111–112.
8. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1998. С. 49.
9. Канашевский В.А. Международная компания как особый вид юридического лица в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6. С. 106.
10. В «русские офшоры» за год переехало 156 новых компаний. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/12/05/1009537-v-russkie-ofshori-pereehalo> [дата обращения: 28.08.2024].
11. Федеральный закон от 04 августа 2023 г. № 452-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2023. № 175.
12. Стало известно о блокировке счетов россиян в ЕС с суммой свыше 125 тыс. евро. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/07/21/20916164.shtml> [дата обращения: 02.09.2024].
13. Вопрос: О статусе иностранной организации, в порядке редомициляции которой зарегистрирована международная компания, в целях налогообложения. (Письмо Минфина России от 12.07.2024 N 03–12–11/5/65305) // СПС «КонсультантПлюс».
14. Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 600-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2023. № 291.
15. Федеральный закон от 04 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // Российская газета. 2018. № 121.
16. Указ Президента РФ от 03 января 2024 г. № 1 «Об особенностях правового положения хозяйственных обществ со статусом международной компании» // СЗ РФ. 08.01.2024. № 2. Ст. 387.
17. Федеральный закон от 26 ноября 2019 г. № 378-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О международных компаниях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регистрации международных фондов» // Российская газета. 2019. № 269.

LEGAL STATUS OF INTERNATIONAL COMPANIES ESTABLISHED THROUGH REDOMICILIATION

Eshpulatov T.A.

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article deals with the legal status of an international company established in the process of undergoing the redomiciliation procedure. The author analyses the legal concept, signs of an international company, the reasons for the growing popularity of the redomiciliation procedure, i.e. the change of jurisdiction by foreign corporate commercial organisations, the ultimate beneficiaries of which are Russian residents, to the territory of special administrative districts on the Russian and Oktyabrsky islands, provides statistical data for 2023 on the number of foreign companies that have successfully passed the redomiciliation procedure. Particular attention is paid to the legal nature of an international company with special legal regulations, the conditions it must meet, the limited number of organisational and legal forms in which an international company can be established, as well as the new special power of the President of the Russian Federation to establish, reorganise and liquidate legal entities. In addition, the author finds gaps in the legal regulation of international companies and proposes ways of legislative elimination of the gaps found. In conclusion, the author concludes that modern Russian legislation regulating the redomiciliation procedure and the legal status of an international company is quite often subject to positive changes, which favourably affects the increase of investment attractiveness for foreign companies, the ultimate beneficiaries of which are

Keywords: international company, special administrative region, redomiciliation, special economic zones, personal law, legal status.

References

1. Federal Law "On special administrative districts in the territories of the Kaliningrad region and Primorsky Krai" dated August 3, 2018, № 291-FZ // "Rossiyskaya Gazeta". 2018. № 170.
2. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated December 12, 2013 "Message of the President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Federal Assembly" // "Rossiyskaya Gazeta". 2013. № 282.
3. Review of issues contained in appeals from citizens, representatives of organizations (legal entities), public associations received by the Ministry of Economic Development of Russia, and measures taken (approved by the Ministry of Economic Development of Russia).
4. Federal constitutional law "On the admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the formation of new entities within the Russian Federation – the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol" dated March 21, 2014, № 6-FKZ // "Rossiyskaya Gazeta". 2014. № 66.
5. Matuzov N.I. (1987). Legal system and personality. Saratov.
6. Matuzov N.I., Malko A.V. (2001). Theory of State and Law. Course of lectures. Moscow.
7. Komarov S.A. (1998). General Theory of State and Law: Course of Lectures. Moscow: Manuscript.
8. Alekseev S.S. (1998). Law. ABC. Theory. Philosophy. Experience of complex research. Moscow.
9. Kanashevsky V. A. (2018). International company as a special type of legal entity in Russia. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, vol.6. pp. 106.
10. 156 new companies moved to 'Russian offshore' for the year. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/12/05/1009537-v-russkie-ofshori-pereehalo> [accessed 28.08.2024].
11. Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated August 4, 2023, № 452-FZ // "Rossiyskaya Gazeta". № 175.
12. It became known that the accounts of Russians in the EU with amounts over 125 thousand euros were blocked. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/07/21/20916164.shtml> [access date: 09/02/2024].
13. Question: About the status of a foreign organization, through the procedure of redomiciliation of which an international company is registered, for tax purposes. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated July 12, 2024 № 03–12–11/5/65305. // SPS "ConsultantPlus".
14. Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated December 19, 2023 № 600-FZ // "Rossiyskaya Gazeta". № 291.
15. Federal Law "On measures of influence (counteraction) against unfriendly actions of the United States of America and other foreign states" dated June 4, 2018 № 127-FZ // "Rossiyskaya Gazeta". № 121.
16. Decree of the President of the Russian Federation "On the peculiarities of the legal status of business entities with the status of an international company" dated January 3, 2024 № 1 // SZ RF. 01/08/2024. № 2. Art. 387.
17. Federal Law "On amendments to the Federal Law "On International Companies" and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the registration of international funds" dated November 26, 2019 № 378-FZ // Rossiyskaya Gazeta. № 269.

Развитие правового института регулирования дееспособности несовершеннолетних

Андреев Руслан Викторович,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
E-mail: workmessegeria@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению особенностей и проблем правового регулирования дееспособности несовершеннолетних. Акцентируется внимание на отдельных проблемах в данной сфере и определены общие направления по их преодолению. Целью написания данной статьи является проведение комплексного анализа особенностей и проблемных аспектов регулирования дееспособности несовершеннолетними. Поставленная цель обуславливает необходимость решения следующих задач: рассмотреть понятие и содержание дееспособности как категории гражданского права; охарактеризовать специфические черты дееспособности несовершеннолетних; а также обратить на проблемные аспекты в данной сфере. Гипотеза исследования заключается в том, что выявление специфических и проблемных аспектов дееспособности несовершеннолетними дает возможность выявить недостатки и предложить направления по их устранению. По результатам проведенного исследования установлено, что до достижения 14-летнего возраста ребенок считается недееспособным. Это значит, что он не может самостоятельно создавать для себя права и обязанности, за исключением некоторых случаев. Гражданская дееспособность лиц младше 18 лет ограничена, что формирует их уникальный юридический статус. До совершеннолетия они часто выступают в правоотношениях через представителей.

Ключевые слова: дееспособность, правосубъектность, несовершеннолетний, малолетний, сделки.

Дееспособность – важнейший элемент правосубъектности гражданина, который играет ключевую роль в любых правоотношениях. Дееспособность как один из элементов гражданского права обладает собственной спецификой, она возникла еще на раннем этапе развития гражданского права.

На современном этапе каждый гражданин обладает правосубъектностью, важнейшим элементом которой, наряду с правоспособностью, является дееспособность.

Определение первой представлено в ст. 17 Гражданского кодекса РФ [1] (далее – ГК РФ), согласно ему правоспособность гражданина представляет собой его способность обладать юридическими правами и обязанностями. Каждый гражданин Российской Федерации обладает правоспособностью. Определение дееспособности также представлено в ст. 21 ГК РФ. В соответствии с определением, представленным в ГК РФ, дееспособность представляет собой способность гражданина использовать собственные права обязанности, создавать и исполнять их. Вместе с тем, не все граждане обладают равной дееспособностью, полная дееспособность наступает в возрасте 18 лет.

Дееспособность отличается от правоспособности тем, что дееспособный гражданин понимает и осознает действия, которые он совершает, а также их последствия. Указанная характерная черта дееспособности обусловлена тем, что гражданин должен адекватно выражать собственную волю и интерес, понимать к чему могут привести его действия, а также осознавать последствия их совершения для общества. Защитой интересов гражданского общества служит ограничение, либо лишение дееспособности лица, обладающего психическим заболеванием, действия которого могут нанести непоправимый вред другим членам гражданского общества.

Значимость дееспособности как категории гражданского права обусловлена следующими положениями:

- дееспособный гражданин наделен полным объемом прав и может участвовать в различных сферах жизни общества;
 - другие члены гражданского общества могут быть уверены в том, что их права защищены, поскольку к дееспособному лицу, действия которого нарушили права других членов гражданского общества, будут применены меры административной или уголовной ответственности.
- В отличие от правоспособности, дееспособность не возникает с рождения, ее нельзя лишить-

ся либо приобрести по воле гражданина. Важным условием приобретения гражданской дееспособности является полное осознание гражданином своих действий, их последствий. Для этого гражданин должен быть полностью психически здоровым.

Таким образом, дееспособность представляет собой одну из наиболее важных категорий гражданского права. Значимость данной категории проявляется в том, что дееспособность позволяет гражданину реализовывать свои права и участвовать в различных сферах жизни общества. Дееспособность является главным свойством, определяющим лицо как субъект гражданского права.

Несмотря на законодательное закрепление дееспособности, среди исследователей до сих пор существуют споры относительно понимания этой категории [9, с. 92].

Дееспособность предполагает совершение лицом волевых действий, а соответственно, необходимо наличие психической зрелости. Возраст служит критерием, который предполагает, что гражданин достиг возможности за счет собственных действий приобретать права, а также нести обязанности. В России наступление полной дееспособности связано с достижением 18 лет. Принято выделять и возраст полной недееспособности – до шести лет, дееспособность малолетних – до 14 лет, частичную дееспособность – до 18 лет [6, с. 54]. Законодатель предусмотрел и ряд исключительных условий, при наличии которых возраст достижения дееспособности может быть снижен. Во-первых, в случае, если лицо вступает в брак, не достигнув 18 лет. Во-вторых, эмансипация [8, с. 101].

Итак, возникает правовая дискуссия. Если брак, в котором один из супругов несовершеннолетний, признается недействительным, этот супруг возвращается к правовому статусу, который у него был до брака. Только суд имеет полномочия решать вопрос об аннулировании полной дееспособности несовершеннолетнего. При этом закон не накладывает на суд обязанность автоматически лишать несовершеннолетнего дееспособности, и судебное решение будет основываться на интересах ребенка. Например, если в результате брака у несовершеннолетнего есть ребенок, суд скорее всего не ограничит его дееспособность. Но в случае, когда брак заключался с корыстными целями, например, для сделок с недвижимостью, суд может лишить несовершеннолетнего гражданской дееспособности [5, с. 170].

Спорным в данном случае можно считать момент, с которого несовершеннолетнее лицо утрачивает дееспособность. Так, суд может это устанавливать:

- с момента признания заключенного брака недействительным;
- с момента вынесения судебного решения;
- с момента иного периода [10, с. 48].

Несмотря на то, что институт эмансипации служит объектом многочисленных исследований, его правовая оценка неоднозначна. Например, ряд исследователей полагают, что в условиях интенсив-

ного развития рыночной экономики приобретение несовершеннолетними навыков предпринимательской деятельности выступает залогом успеха. Другие правоведы считают, что эмансипация – исключительная мера, которая может быть применена при наличии крайне неблагоприятного положения у несовершеннолетнего, что и побудило его заниматься трудовой или предпринимательской деятельностью.

Подводя итог, можно утверждать, что дееспособность позволяет на правовом уровне обеспечить активное участие личности в рамках экономического оборота, хозяйственной жизни. Именно дееспособность обеспечивает реализацию имущественных прав, права собственности, неимущественных прав, что видится значимым с практической стороны. Все это позволяет говорить о большой практической ценности категории «дееспособность», что проявляется и в имущественных, и неимущественных отношениях. Вместе с тем сегодня ощущается необходимость конкретизации положений законодательства в целях исключения беспредела при ограничении дееспособности.

Согласно ГК РФ, дети признаются не полностью дееспособными до достижения совершеннолетия, которое наступает в 18 лет. Тем не менее, ГК РФ предусматривает несколько ступеней дееспособности для лиц младше этого возраста.

Вступление в брак означает наступление полной дееспособности, что прямо следует из положений семейного законодательства [2].

Исходя из ГК РФ дети до 6 лет полностью ограничены возможности совершения сделок и участия в гражданском обороте, т.е. законные представители в полной мере несут за них права, обязанности и ответственность [4, с. 264].

До достижения 14-летнего возраста ребенок считается недееспособным. Указанные субъекты правоотношений имеют возможность совершать только мелкие бытовые сделки, а также распоряжаться своими заработками или стипендиями.

Правоприменительная практика указывает на то, что все остальные юридически значимые действия для лиц этой возрастной категории должны осуществляться через законных представителей – родителей или опекунов.

С наступлением 14-летнего возраста у ребенка появляется частичная дееспособность. Помимо вышеуказанных операций, он может самостоятельно осуществлять более широкий спектр сделок. Так, у подростков появляется возможность распоряжаться своими доходами или имуществом, которое они получили в дар, либо же по наследству. У них появляется возможность вкладывать свои средства. Также они могут быть членом кооперативов и пр..

В п. 2 ст. 26 ГК РФ установлены возможности для самостоятельных сделок 14–18летних (к примеру, сделки, направленные на распоряжение собственными различными доходами) [7, с. 74]. Ну а во всех иных случаях их полагается заручиться родительским согласием. Помимо обретения

указанной сделкоспособности, 14–18летние обретают и деликтоспособность, т.е. в строго указанных законом случае они становятся субъектами гражданско-правовой ответственности (ст. 1074 ГК РФ) [3].

Если ребенок в возрасте 14–18 лет проводит транзакцию без нужного разрешения от своих опекунов, они могут потребовать ее аннулирования через суд. Но если подросток официально работает или женат/замужем, он получает полные права, как взрослый, хотя некоторые ограничения из-за возраста все же сохраняются.

Гражданская дееспособность подразумевает способность личности младше 18 лет самостоятельно осуществлять и защищать свои права и обязанности, включая ответственность за нанесенный ущерб. Этот объем прав и обязанностей соответствует возрастной категории несовершеннолетнего.

Исследователи в области гражданского права подчеркивают, что законодательство регламентирует поэтапное расширение дееспособности человека с учетом его возраста. Проявляется это в изменениях возможностей совершать юридически значимые действия и нести ответственность за них. Анализируя правовой статус несовершеннолетних, можно заметить, что с возрастанием их физической и умственной зрелости, закон предоставляет им больше прав и ответственности.

Гражданская дееспособность лиц младше 18 лет ограничена, что формирует их уникальный юридический статус. До совершеннолетия они часто выступают в правоотношениях через представителей. Хотя несовершеннолетние имеют те же права, что и взрослые, самостоятельная защита этих прав им недоступна. Они также сталкиваются с недостатком знаний о своих правах и отсутствием доступа к информационным ресурсам. Это подчеркивает необходимость особой защиты их прав в рамках гражданского права.

Таким образом, могут быть сделаны следующие выводы:

1. Определение правоспособности представлено в ст. 17 ГК РФ, согласно ему правоспособность гражданина представляет собой его способность обладать юридическими правами и обязанностями. Каждый гражданин Российской Федерации обладает правоспособностью. Определение дееспособности также представлено в ст. 21 ГК РФ. В соответствии с определением, представленным в ГК РФ, дееспособность представляет собой способность гражданина использовать собственные права обязанности, создавать и исполнять их.

2. Правоспособность и дееспособность имеют собственные специфические черты, отличающие их друг от друга. В первую очередь, дееспособность отличается от правоспособности тем, что дееспособный гражданин понимает и осознает действия, которые он совершает, а также их последствия. Указанная характерная черта дееспособности обусловлена тем, что гражданин должен

адекватно выражать собственную волю и интерес, понимать к чему могут привести его действия, а также осознавать последствия их совершения для общества. Защитой интересов гражданского общества служит ограничение, либо лишение дееспособности лица, обладающего психическим заболеванием, действия которого могут нанести непоправимый вред другим членам гражданского общества.

3. В отличие от правоспособности, дееспособность не возникает с рождения, ее нельзя лишиться либо приобрести по воле гражданина. Важным условием приобретения гражданской дееспособности является полное осознание гражданином своих действий, их последствий. Для этого гражданин должен быть полностью психически здоровым. Таким образом, дееспособность представляет собой одну из наиболее важных категорий гражданского права. Значимость данной категории проявляется в том, что дееспособность позволяет гражданину реализовывать свои права и участвовать в различных сферах жизни общества. Дееспособность является главным свойством, определяющим лицо как субъект гражданского права.

4. Можно утверждать, что дееспособность позволяет на правовом уровне обеспечить активное участие личности в рамках экономического оборота, хозяйственной жизни. Именно дееспособность обеспечивает реализацию имущественных прав, права собственности, неимущественных прав, что видится значимым с практической стороны. Все это позволяет говорить о большой практической ценности категории «дееспособность», что проявляется и в имущественных, и неимущественных отношениях. Вместе с тем сегодня ощущается необходимость конкретизации положений законодательства в целях исключения нарушений при ограничении дееспособности.

5. До достижения 14-летнего возраста ребенок считается недееспособным. Это значит, что он не может самостоятельно создавать для себя права и обязанности, за исключением некоторых случаев. Они могут совершать только мелкие бытовые сделки, а также распоряжаться своими заработками или стипендиями. Правоприменительная практика указывает на то, что все остальные юридически значимые действия для лиц этой возрастной категории должны осуществляться через законных представителей – родителей или опекунов. С наступлением 14-летнего возраста у ребенка появляется частичная дееспособность.

6. Гражданская дееспособность лиц младше 18 лет ограничена, что формирует их уникальный юридический статус. До совершеннолетия они часто выступают в правоотношениях через представителей. Хотя несовершеннолетние имеют те же права, что и взрослые, самостоятельная защита этих прав им недоступна. Они также сталкиваются с недостатком знаний о своих правах и отсутствием доступа к информационным ресурсам. Это подчеркивает необходимость особой защиты их прав в рамках гражданского права.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Бурцева Е.В. К вопросу о дееспособности несовершеннолетних // E- Scio. – 2021. – № 6 (57). – С. 263–268.
5. Глимейда В.В. О правовых последствиях эмансипации несовершеннолетнего гражданина в РФ // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 6–1. – С. 169–175.
6. Рябинин Н.А., Казанцева К.Ю. Совершенствование законодательства, регулирующего правовой статус лица, ограниченного в дееспособности // Современное право. – 2017. – № 7. – С. 54–60.
7. Станецкая В.В. Теоретико-правовые вопросы дееспособности несовершеннолетних в России // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2020. – № 7. – С. 73–75.
8. Швец А.В., Чубукина А.Е. Правовое регулирование эмансипации несовершеннолетних // Хозяйство и право. – 2022. – № 6. – С. 101–108.
9. Шубин А.А. Осуществление защиты прав детей посредством изменения оснований ограничения физического лица в дееспособности // В сборнике: Сибирские юридические студенческие чтения. Материалы XXI международной научной конференции студентов, посвященной 25-летию Сибирского юридического университета. – Омск, 2024. – С. 92–95.
10. Яковенко Е.В. Некоторые проблемы гражданско-правового регулирования дееспособности несовершеннолетних // Юридический мир. – 2023. – № 7. – С. 47–53.

DEVELOPMENT OF THE LEGAL INSTITUTION FOR REGULATING THE LEGAL CAPACITY OF MINORS

Andreev R.V.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article is devoted to the consideration of the features and problems of legal regulation of the legal capacity of minors. Attention is focused on individual problems in this area and general directions for overcoming them are identified. The purpose of writing this article is to conduct a comprehensive analysis of the features and problematic aspects of the regulation of legal capacity by minors. The set goal necessitates the solution of the following tasks: to consider the concept and content of legal capacity as a category of civil law; to characterize the specific features of the legal capacity of minors; and also to draw attention to problematic aspects in this area. The hypothesis of the study is that the identification of specific and problematic aspects of legal capacity by minors makes it possible to identify shortcomings and suggest ways to eliminate them. According to the results of the study, it was found that before the age of 14, the child is considered incapacitated. It means.

Keywords: legal capacity, legal personality, minor, minor, transactions.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on July 31, 2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Art. 16.
3. Civil Code of the Russian Federation (part two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 24, 2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.
4. Burtseva E.V. On the issue of legal capacity of minors // E-Scio. – 2021. – No. 6 (57). – pp. 263–268.
5. Glimeida V.V. On the legal consequences of the emancipation of a minor citizen in the Russian Federation // Questions of Russian and international law. – 2021. – Т. 11. – No. 6–1. – pp. 169–175.
6. Ryabinin N.A., Kazantseva K. Yu. Improving legislation regulating the legal status of a person with limited legal capacity // Modern law. – 2017. – No. 7. – P. 54–60.
7. Standetskaya V.V. Theoretical and legal issues of legal capacity of minors in Russia // Vestn. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 7. – P. 73–75.
8. Shvets A.V., Chubukina A.E. Legal regulation of the emancipation of minors // Economy and Law. – 2022. – No. 6. – P. 101–108.
9. Shubin A.A. Implementation of the protection of children's rights by changing the grounds for limiting the legal capacity of an individual // In the collection: Siberian legal student readings. Materials of the XXI international scientific conference of students dedicated to the 25th anniversary of the Siberian Law University. – Omsk, 2024. – pp. 92–95.
10. Yakovenko E.V. Some problems of civil law regulation of the legal capacity of minors // Legal World. – 2023. – No. 7. – P. 47–53.

Полезность применения медиации за совершенные экологические преступления в Российской Федерации

Горошко Олег Евгеньевич,

аспирант, Югорский государственный университет
E-mail: 79124154182@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы о применении процедуры медиации как способа снижения нагрузки на правоохранительные органы, что особенно актуально на современном этапе развития. Проводится анализ применения медиации по отношению к экологическим преступлениям. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что медиация является весьма эффективным методом разрешения споров, однако его регламентация на современном этапе развития совершенной не является. Для достижения целей, поставленных перед исследованием, была решена широкая совокупность задач, состоящих в анализе как истории развития медиации, так и ее современного состояния. Гипотезой исследования является утверждение о том, что правовое регулирование правового института медиации нуждается в совершенствовании. Были применены такие методы, как исторический метод, а также методы синтеза и анализа. Результатом исследования выступило формирование вывода о том, что медиация способствует снижению нагрузки на правоохранительные органы, а также повышает исполнимость вынесенных решений, однако есть направления развития, которым сегодня стоит следовать.

Ключевые слова: экологические преступления, незаконная рубка, уголовная медиация, расследование, посредничество, судебный примиритель.

Введение

На территории нашей страны разные экологические правонарушения не являются какой-либо редкостью, в связи с чем, вполне закономерно актуализируется вопрос, который связан с разрешением экологических конфликтов с помощью процедуры медиации. Как отмечается в научной, а также в юридической литературе, с помощью данной процедуры все экологические конфликты могут быть решены не только быстрее, но и эффективнее, по сравнению с тем, как бы они были решены в судебном порядке. В связи с этим, стоит планомерно развивать данное направление в практической деятельности, однако для этого нужно устранить те пробелы, которые сегодня наблюдаются в правовой регламентации данного института.

Материалы и методы

Для написания представленной статьи использованы все основные методы, применяемые в научных исследованиях. В частности, был использован исторический метод, методы синтеза и анализа. Среди материалов стоит отметить нужные для написания исследования нормативно-правовые акты и теоретические труды по теме. В частности, был обобщен тот исследовательский опыт, который ранее отражен в научных периодических изданиях.

Результаты и обсуждения

Первые упоминания о медиации встречаются еще во времена Древней Руси. Так, именно в данный период времени возник институт посредничества (медиации), который достаточно активно применялся для разрешения конфликтов между крестьянами и князьями. Как правило, посредниками в конфликтах выступали священнослужители.

Развитие медиации в России можно разделить на шесть основных этапов:

Так, первый этап ознаменовался началом достаточно активного применения медиации в период с XIII века и вплоть до XVIII века. В данный период времени указанная процедура уже начала применяться в судах, к участию в которых и были привлечены посредники [7].

Следующий этап связан с правлением династии Романовых и длился он с конца XVIII и до середины XIX века включительно. Так, в данный период был создан институт Совестного суда при Екатерине II, а системный анализ регламента его деятельности показывает, что суды должны осуществлять

не устрашение, а оказание помощи. Вышеупомянутый орган руководствовался принципами милосердия и человеколюбия, а в его практической деятельности участие нередко принимал посредник. Помимо Совестного суда были и коммерческие суды. Самый первый коммерческий суд в России был создан в городе Одессе в начале XIX века. Этот орган разрешал коммерческие споры, а также иные споры, возникающие из-за экономических правоотношений. Вышеупомянутые суды были схожи с процедурой медиации тем, что разрешали конфликты путем мирных переговоров [5].

Этап, озаглавленный концом династии Романовых, предшествует этапу наступления советской власти. Именно в этот период времени активно использовалось посредничество во всех сферах деятельности и практически все нормативные акты того времени регламентировали возможность применения примирения сторон при участии третьего лица. Устав гражданского дореволюционного устава, созданный в середине XIX века, содержал отдельную главу, регламентирующую завершать спор по взаимному согласию. Более того, в нем было указано, что суд должен активно способствовать примирению сторон, в то время как сами стороны объясняли, как можно решить проблему без вмешательства данного суда [4].

Советский этап начался с революционных событий 1917 года и окончился с распадом СССР в 1991 году. В данный период советское право не развивало медиацию как способ разрешения конфликтов и в основном применяло карательный метод против преступников. Ситуация осложнялась тем, что качественное расследование по уголовным делам не всегда проводилось качественно, что нельзя оценить с положительной точки зрения. В то же время, хорошим примером служили так называемые «Тройки», которые создавались в довоенный период и позволяли власти облегчать и ускорять процесс расследования, но при этом отсутствовал принцип невиновности.

Предпоследний этап тесно связан с распадом СССР и продолжался данный этап с 1991 года до 2010 год. Так, известный ученый-юрист В.Ф. Яковлев в своем докладе «Значение внедрения и распространения внесудебных методов разрешения споров, в частности медиации» указал на необходимость развития медиации, но на тот период времени существовало огромное сопротивление других ученых-юристов и депутатов. Полагаем, что это могло быть обусловлено тем, что на тот период времени так остро не стояла необходимость развития медиации, так как наша страна находилась в экономическом упадке и возможно такие новшества привели бы к дестабилизации России [3].

Начало последнего этапа связывают с принятием в 2011 году Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее-ФЗ № 193-ФЗ) [1]. Данный этап продолжается и сегодня, едва ли можно го-

ворить о его завершении. Относительно развития медиации можно сказать лишь то, что она весьма существенно облегчила нагрузку на правоохранительные органы, так как стороны достаточно часто стали применять процедуру медиации. Известны случаи, когда один медиатор заключает более 100 мировых соглашений, что выступает в качестве весьма высокого показателя. Полагаем, что это явно говорит о том, что необходимо в СМИ распространять метод медиации, сокращая использование судебных примирителей, так как институт судебных примирителей более эффективен по сравнению с медиацией. Стоит отметить, что медиатор является третьим лицом и независим от судебного органа, что нельзя сказать о судебном примирителе. Однако на практике могут возникать и такие ситуации, при которых судебный примиритель не совсем объективен, что нельзя оценить с положительной точки зрения [6].

Полагаем, что для оптимизации данной сфере нужно расширять перечень возможностей для медиации и внести соответствующие изменения в ФЗ № 193, а также достаточно активно использовать медиацию с целью урегулирования споров по уголовным делам, если речь идет о преступлениях небольшой и средней тяжести. В качестве исключения могут выступать уголовные дела, которые вызвали общественный резонанс, так как они требуют более детального изучения и оценки. Что касается медиации по делам, которые связаны с экологическими преступлениями, то необходимо, к примеру, за незаконную вырубку лесных насаждений заставлять виновное лицо возмещать вред путем посадок лесных насаждений определенных количеств вырубленных кустов и деревьев. Представляется, что только этот способ возмещения вреда уменьшает общественную опасность деяния, так как неизвестно, действительно ли все денежные средства, направленные для посадки лесных насаждений, дойдут по назначению [8].

Также для правового института медиации характерным является наличие такой проблемы, как необязательность исполнения требований, указанных в мировом соглашении. Полагаем, что позже это влечет волокиту и ухудшает положение медиатора и всей процедуры медиации в целом.

На сегодняшний день существует статья 25 и статья 76 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее-УПК РФ), которые допускают медиацию, однако указанные нормы нуждаются в планомерном совершенствовании [2]. Так, для их оптимизации предлагаем отнести полномочия по примирению специальному органу. Срок на примирение установить в 3 месяца с условием предварительно собранных доказательств [10].

Выводы

Статистика Верховного суда РФ гласит, что лица, по которым уголовные дела были прекращены в связи с примирением с потерпевшим, составили 48,3 тыс., или 68,0% от указанной категории лиц,

в отношении которых были прекращены уголовные дела [9]. Можем сделать вывод о том, что улучшить метод примирения можно путем создания или делегирования полномочий по примирению специалистам по медиации внутри следственных органов.

Таким образом, процедуру медиации необходимо оптимизировать, а соответствующие поправки внести в ФЗ № 193.

Литература

1. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // Парламентская газета. 2001. № 241–242.
3. Градский В.Е. Предпосылки внедрения процедуры медиации в уголовном процессе России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2(26). С. 11–15.
4. Денисова Ю.В. История развития медиации с XIX века по настоящее время // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7(182). С. 221–223.
5. Новикова Е.А. Медиация в российском уголовном процессе: вопросы истории // Вестник. Государство и право. 2021. № 3(30). С. 72–75.
6. Омаров М.О. Медиация в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7(158). С. 362–363.
7. Пантелеева А.В. История медиации как института отечественного процессуального права // Научный аспект. 2024. Т. 10. № 2. С. 1165–1169.
8. Сергеев А.А. Медиация в разрешении конфликтов между обществом и природой // В сборнике: управление экономикой, системами, процессами. 2023. С. 680–685.
9. Степанова П.И. К вопросу о медиации в уголовном процессе Российской Федерации // Символ науки: международный научный журнал. 2024. Т. 3. № 4–2. С. 81–83.
10. Хафизов М.М. Перспективы института медиации в уголовном процессе Российской Федерации // Интернаука. 2023. № 7–2(277). С. 43–46.

USEFULNESS OF USING MEDIATION FOR COMMITTED ENVIRONMENTAL CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Goroshko O.E.
Ugra State University

The article considers the issues of using the mediation procedure as a way to reduce the burden on law enforcement agencies, which is especially relevant at the current stage of development. An analysis of the use of mediation in relation to environmental crimes is conducted. As a result of the study, the author comes to the conclusion that mediation is a very effective method of dispute resolution, but its regulation at the current stage of development is not perfect. To achieve the goals set for the study, a wide range of tasks was solved, consisting in the analysis of both the history of the development of mediation and its current state. The hypothesis of the study is the assertion that the legal regulation of the legal institution of mediation needs to be improved. Such methods as the historical method, as well as the methods of synthesis and analysis were used. The result of the study was the formation of a conclusion that mediation helps to reduce the burden on law enforcement agencies, and also increases the enforceability of decisions made, but there are directions of development that are worth following today.

Keywords: environmental crimes, illegal logging, criminal mediation, investigation, mediation, judicial conciliator.

References

1. Federal Law “On an Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)” dated July 27, 2010 No. 193-FZ (as amended on July 26, 2019) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 31. Article 4162.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on May 29, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on July 1, 2024) // Parliamentary Newspaper. 2001. No. 241–242.
3. Gradsky V.E. Prerequisites for the introduction of the mediation procedure in the criminal proceedings of Russia // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (26). P. 11–15.
4. Denisova Yu.V. History of the development of mediation from the 19th century to the present // Eurasian Law Journal. 2023. No. 7 (182). P. 221–223.
5. Novikova E.A. Mediation in Russian criminal proceedings: historical issues // Bulletin. State and Law. 2021. No. 3 (30). P. 72–75.
6. Omarov M.O. Mediation in criminal proceedings // Eurasian Law Journal. 2021. No. 7 (158). P. 362–363.
7. Panteleeva A.V. History of Mediation as an Institute of Domestic Procedural Law // Scientific Aspect. 2024. Vol. 10. No. 2. Pp. 1165–1169.
8. Sergeev A.A. Mediation in Resolving Conflicts between Society and Nature // In the Collection: Management of Economy, Systems, Processes. 2023. Pp. 680–685.
9. Stepanova P.I. On the Issue of Mediation in Criminal Procedure of the Russian Federation // Symbol of Science: International Scientific Journal. 2024. Vol. 3. No. 4–2. Pp. 81–83.
10. Khafizov M.M. Prospects of the Institute of Mediation in Criminal Procedure of the Russian Federation // Internauka. 2023. No. 7–2 (277). Pp. 43–46.

Пределы уголовной ответственности за использование искусственного интеллекта

Дроздов Владимир Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса, Донбасского государственного университета юстиции
E-mail: idroz dov@me.com

В статье рассматривается вопрос возможности признания искусственного интеллекта и роботов субъектами уголовной ответственности в контексте их когнитивных способностей и автономии. Вопрос юридической ответственности не «создателя» робота как автора соответствующего программного кода, а именно самого искусственного интеллекта и робота активно обсуждается с начала двадцать первого века, когда человечество вступило в новую информационную эпоху. Технологическое развитие ставит перед юридическим сообществом все новые и новые вопросы, что обуславливает обсуждение предложений о создании правового статуса «электронных лиц» для роботов, а также проблемы определения субъективной составляющей преступлений, совершаемых с использованием систем ИИ. Рассматривается перспектива законодательной адаптации для возможного учета ИИ как новой категории субъектов права в свете его развития и потенциального самосознания.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъекты права, электронные лица, юридическая ответственность, когнитивные способности, автономия, уголовная ответственность, правовой статус роботов.

Современное развитие общества характеризуется активным прогрессом в области искусственного интеллекта (ИИ), который, несмотря на положительные аспекты, влечет за собой новые риски и угрозы. Г.Г. Камалова отмечает, что прогресс в робототехнике и ИИ способствует увеличению высокотехнологичной преступности, включая мошенничество, терроризм, нарушения в дорожной безопасности и нарушения частной жизни [5]. Согласно М.А. Иващенко, преступления с использованием ИИ становятся формой организованной преступности, и в российском уголовном законодательстве отсутствуют нормы для защиты от таких деяний. М.А. Иващенко предлагает ввести в УК РФ статью, направленную на борьбу с преступлениями, совершаемыми с использованием ИИ [4].

Обсуждение ответственности за преступления, совершенные системами ИИ, выдвигает на передний план вопрос о возможности признания ИИ субъектом уголовного права. И.Н. Мосечкин поднимает вопрос о том, могут ли системы ИИ совершать активные действия или бездействия, которые представляют собой реальную угрозу обществу, и следует ли рассматривать ИИ как потенциального участника преступления [7]. В контексте уголовного права, активности ИИ могут причинять ущерб общественным отношениям, защищенным законом. Примером может служить инцидент 2018 г., когда беспилотный автомобиль Uber нарушил правила дорожного движения, что привело к смерти пешехода, подчеркивая потенциальную угрозу ИИ для общественной безопасности.

Исследования показывают, что использование систем ИИ может приводить к ошибкам с серьезными последствиями. Например, в одном из случаев в США медицинская система ИИ неверно диагностировала грипп у ребенка с тяжелой бактериальной инфекцией, что привело к его смерти. С увеличением применения ИИ в различных областях жизни учащаются инциденты, связанные с ошибками систем, что, в свою очередь, усиливает потенциал причинения вреда обществу [6]. Это обстоятельство подчеркивает необходимость внесения существенных изменений в уголовное законодательство и правовую систему для адаптации к новым вызовам, связанным с расширением сферы использования ИИ.

В последние годы в юридической науке как в России, так и за рубежом активно обсуждается вопрос о предоставлении роботам и другим системам искусственного интеллекта статуса субъектов права. Исследования указывают на возможные когнитивные способности роботов, такие как спо-

способность к обучению и проявление эмоциональных реакций, что влияет на их поведение и принимаемые решения. Анализируется возможность признания искусственных систем юридическими лицами, что позволило бы им участвовать в судебных процессах как истцам и ответчикам. В Европейском союзе предлагалось создать специализированное агентство по вопросам робототехники и ИИ. В России рассматривалась возможность аналогичного юридического статуса роботов с животными и юридическими лицами, включая создание специального реестра. Также обсуждаются сценарии, в которых действия роботов могут рассматриваться как преступные, например, когда они изначально созданы для совершения противоправных действий или когда функции предотвращения вреда отключены или не предусмотрены [1].

Текущее использование ИИ в основном управляется заложенными разработчиками целями, не предусматривающими вред общественным интересам, и можно говорить о виде «преступной небрежности» при случайном нанесении ущерба. Однако динамичное развитие технологий затрудняет точное предсказание всех последствий их функционирования. Признание роботов субъектами права, способными нести уголовную ответственность, актуализирует вопрос о наличии субъективной стороны противоправного деяния, что является неотъемлемой частью уголовного состава.

В современных международных исследованиях акцентируется внимание на сложности определения субъективной составляющей преступлений, совершаемых с использованием систем ИИ. Это связано с тем, что, хотя объективные аспекты таких преступлений могут быть четко определены, установление намерений или сознательной небрежности ИИ представляет собой значительную трудность. Редкие случаи противоправных действий, совершаемые ИИ, обычно характеризуются как результаты ошибок из-за несовершенства алгоритмов. И.Н. Мосечкин утверждает, что ответственность за такие ошибки следует возлагать на разработчиков систем, поскольку они могли предвидеть и минимизировать риски непредсказуемых последствий. В свете этих аргументов, предложение о возможности привлечения ИИ к уголовной ответственности кажется маловероятным и нелогичным [8].

В современной практике возникают сложности с уголовной ответственностью в контексте использования систем искусственного интеллекта и робототехники. Роботы, оснащенные высокоразвитыми ИИ, могут стать инструментами в совершении преступлений, аналогично традиционным средствам, таким как оружие. Уже известны случаи, когда современные технологии использовались как инструмент геополитической борьбы [2]. В таких случаях ответственность обычно ложится на создателя или пользователя робота.

Дополнительные проблемы возникают, когда преступление происходит из-за нарушений в процессе разработки или программирования

устройств, как в случае с авариями автономных автомобилей. Здесь ответственность может быть приписана лицу, использующему технологию, или разработчикам, нарушившим технологические стандарты.

Самый сложный случай связан с преступлениями, совершенными полностью автономными ИИ, способными к самообучению и действиям без человеческого вмешательства. В соответствии с мнением исследователя В.Н. Некрасова, при определении уголовной ответственности за такие преступления необходимо опираться на основные положения национального и международного права, признавая, что любая инновационная разработка является продуктом человеческой деятельности [9]. Учёные-экономисты также сходятся во мнении, что инновационная деятельность направлена на разработку продуктов, способных повысить благосостояние владельцев компании, занимающейся исследованиями и разработками [3]. Таким образом, вина должна быть установлена у лиц, ответственных за нарушения в разработке или программировании устройства.

Согласно мнению некоторых исследователей, обсуждение возможности внесения изменений в уголовное законодательство для включения роботов и систем ИИ в качестве субъектов уголовной ответственности зависит от их дальнейшего развития. На современном этапе технологического развития такие системы не обладают достаточным уровнем самосознания, чтобы рассматриваться как независимые уголовные субъекты, сравнимые с человеческими преступниками. Аналогично, домашние животные, которые могут быть обучены совершать противоправные действия, в законодательстве не рассматриваются в качестве субъектов преступления. Их действия, так же, как и действия роботов, регулируются через ответственность их владельцев или операторов. Таким образом, уголовная ответственность должна применяться к физическим лицам, которые могут контролировать или использовать роботов для совершения преступлений.

Актуальная юридическая доктрина касательно уголовной ответственности ИИ предполагает, что пока данные системы остаются в значительной степени зависимым от человека или находится под его прямым контролем, его нельзя считать полноправным субъектом уголовной ответственности. Согласно преобладающему взгляду в отечественном уголовном праве, любой технический объект, вне зависимости от сложности, контролируемый человеком и связанный с его действиями, должен рассматриваться как инструмент причинения вреда. Это положение подтверждается в работах исследователей В.А. Лаптева, которые утверждают, что нет юридической разницы между ущербом, вызванным простым бытовым предметом, как утюг, или более сложным механизмом, включая роботов и системы ИИ [7]. Изменение этой правовой позиции возможно только в случае, если ИИ обретет полную автономию и будет способен самостоя-

тельно осмысливать свои действия, предвидеть их последствия и управлять собой.

В научной литературе выделяются различные мнения относительно роли ИИ в уголовном праве. Преобладающая точка зрения утверждает, что ИИ не может считаться субъектом преступления, поскольку любые действия, осуществляемые системой ИИ, напрямую зависят от программ, созданных людьми. Следственно, ответственность за противоправные действия, совершенные с помощью ИИ, должны нести разработчики этих программ.

Однако, существует альтернативная перспектива, согласно которой будущее развитие ИИ может позволить таким системам превзойти человеческие когнитивные способности, достичь уровня самосознания и самостоятельного восприятия. В этом контексте ИИ могут начать осмысливать правовые и этические нормы, что потенциально позволит им действовать как независимые личности с собственными убеждениями и моральными принципами. С учетом таких изменений, законодательство может потребовать адаптации для инкорпорации ИИ как новой категории «искусственного лица», что в свою очередь предполагает возможность уголовно-правового регулирования таких сущностей.

Исследователи подчеркивают, что реализация такой возможности пока что кажется преждевременной, поскольку ИИ не достигли необходимой степени автономии и самосознания, чтобы быть признанными полноправными субъектами права. В связи с этим, на текущем этапе представляется нецелесообразным наделять ИИ правосубъектностью.

Подводя итоги настоящего исследования, следует заключить, что проблематика пределов уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием ИИ породило в профессиональном сообществе множество дискуссий и предложений. На данном этапе развития технологий, как подчеркивается в литературе, ИИ не обладает достаточным уровнем самосознания и автономии, чтобы быть признанным полноценным субъектом уголовного права. Существующая правовая доктрина склоняется к мнению, что ответственность за действия ИИ должна возлагаться на разработчиков, операторов или пользователей систем. Однако растущая интеграция ИИ в повседневную жизнь и его влияние на общественные отношения требуют дальнейших размышлений и возможной адаптации законодательства. Возможно, в будущем, с увеличением автономности и когнитивных способностей ИИ, его статус как уголовного субъекта будет пересмотрен, но до того момента ответственность остается за человеком, стоящим за машиной.

Литература

1. Владимирова З.В. О возможных способах наделяния искусственного интеллекта право-

субъектностью // Вестник магистратуры. – 2021. – № 8(119). – С. 50–55.

2. Восканян Р.О. Финансовые угрозы национальной безопасности государства // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 61–65.
3. Восканян Р.О. Прогнозирование стоимости инновационной компании с использованием реального опциона в условиях нестабильного развития экономики // Финансовый бизнес. – 2015. – № 5(178). – С. 38–42.
4. Иващенко М.А. Искусственный интеллект в уголовном законодательстве России // Академическая мысль. – 2020. – № 4(13). – С. 62–65.
5. Камалова Г.Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2020. – № 3. – С. 382–388.
6. Кашкин С.Ю., Тищенко С.А., Алтухов А.В. Правовое регулирование применения искусственного интеллекта для борьбы с распространением COVID-19: проблемы и перспективы с учетом мирового опыта // Lex Russica. – 2020. – № 7. – С. 105–114.
7. Лапаева В.В. Международное регулирование отношений в сфере биомедицины: взаимодействие права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 22–44.
8. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования: [монография]. – Киров: Вятский государственный университет, 2020. – 111 с.
9. Некрасов В.Н. Искусственный интеллект как вид общественно опасной инновации в уголовном праве России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 10. – С. 179–181.

THE LIMITS OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Drozdov V.Yu.

Donbass State University of Justice

The article raises the question of the possibility of recognizing artificial intelligence and robots as subjects of criminal liability in their ten cognitive abilities and autonomy. The issue of legal liability not of the “creator” of the robot as the author of the red program code, but of artificial intelligence and the robot has been actively discussed since the beginning of the twenty-first century, when the emergence arose in the new information period. Technological development poses more and more new questions to the legal community, which determines the discussion of proposals to create a legal effect of “electronic persons” for robots, as well as the problem of determining the differential induction of oscillations implemented using the AI system. The prospect of legislative adaptation for the possible consideration of AI as a new category of subjects’ rights in the world of its development and guaranteed self-awareness is considered.

Keywords: artificial intelligence, legal entities, electronic persons, legal responsibility, cognitive abilities, autonomy, criminal liability, legal status of robots.

References

1. Vladimirova Z.V. On possible ways of granting artificial intelligence legal personality // Bulletin of the Magistracy. – 2021. – No. 8 (119). – P. 50–55.
2. Voskanyan R.O. Financial threats to the national security of the state // Problems of Economics and Legal Practice. – 2019. – Vol. 15, No. 1. – P. 61–65.
3. Voskanyan R.O. Forecasting the value of an innovative company using a real option in the context of unstable economic development // Financial business. – 2015. – No. 5 (178). – P. 38–42.
4. Ivaschenko M.A. Artificial Intelligence in the Criminal Legislation of Russia // Academic Thought. – 2020. – No. 4 (13). – P. 62–65.
5. Kamalova G.G. Some Issues of Criminal Liability in the Sphere of Application of Artificial Intelligence Systems and Robotics // Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. – 2020. – No. 3. – P. 382–388.
6. Kashkin S.Yu., Tishchenko S.A., Altukhov A.V. Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence to Combat the Spread of COVID-19: Problems and Prospects Taking into Account World Experience // Lex Russica. – 2020. – No. 7. – P. 105–114.
7. Lapayeva V.V. International Regulation of Relations in the Sphere of Biomedicine: Interaction of Law and Morality // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2019. – No. 2. – P. 22–44.
8. Mosechkin I.N. Artificial Intelligence in Criminal Law: Prospects for Improving Protection and Regulation: [monograph]. – Kirov: Vyatka State University, 2020. – 111 p.
9. Nekrasov V.N. Artificial Intelligence as a Type of Socially Dangerous Innovation in the Criminal Law of Russia // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. – 2019. – No. 10. – P. 179–181.

Регулирование в гражданском законодательстве ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними

Андреев Руслан Викторович,

аспирант Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

E-mail: workmessegeria@gmail.com

В рамках настоящей статьи автор рассматривает особенности процедуры привлечения к гражданско-правовой ответственности в случае причинения вреда несовершеннолетним гражданином. В ходе исследования устанавливаются проблемы правового регулирования и предлагаются пути их преодоления. Исследование показывает, что внедрение личной ответственности способствует снижению числа правонарушений среди молодежи. Акцентировано внимание на отдельных проблемах в данной сфере и определены общие направления по их преодолению. Целью написания данной статьи является проведение комплексного анализа специфики современного гражданско-правового регулирования правоотношений в сфере ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними. Поставленная цель обуславливает необходимость решения следующих задач: рассмотреть понятия и основания данной ответственности; охарактеризовать условия ее наступления; а также обратить на проблемные аспекты в данной сфере. Гипотеза исследования заключается в том что, выявление специфических и проблемных аспектов гражданско-правового регулирования ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними дает возможность в лучшей степени обеспечить защищенность их прав. Результаты исследования заключаются в том, что предложено понятие данной ответственности, охарактеризованы ее основания и условия ее наступления, а также выделены специфические черты гражданско-правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: ответственность в гражданском праве; деликтная ответственность; особенности правового статуса несовершеннолетних; причинение вреда.

Несовершеннолетние обладают определённым кругом прав и обязанностей согласно гражданскому законодательству. Лица, не достигшие совершеннолетия, обладают определенной юридической способностью и могут участвовать в юридических отношениях, где они приобретают права и берут на себя обязанности. Однако бывают ситуации, когда они ненадлежащим образом исполняют свои долги или вовсе их игнорируют, что может привести к нанесению вреда другим людям. Это влечёт за собой наступление ответственности, установленной гражданским правом.

Гражданско-правовая ответственность представляет собой особый вид юридической ответственности, обладающий своими особенностями. Так, гражданско-правовая ответственность представляет собой метод воздействия на правонарушителя с целью прекращения противоправного поведения, а также компенсации причиненных убытков. Компенсация в большинстве случаев носит материальный характер [8, с. 431]. Подинститут гражданской ответственности несовершеннолетних лиц также обладает характерными чертами.

В рамках Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) раскрывается множество мер ответственности, применяемых по отношению к лицу, совершившему правонарушение. Анализ практики показывает. Что в большинстве случаев применяется такой вид ответственности как возмещение вреда, предусмотренный ст. 15 ГК РФ, и уплата неустойки, предусмотренная ст. 381 ГК РФ.

Особенности привлечения к ответственности несовершеннолетних лиц обусловлены их гражданско-правовым статусом. Данные субъекты относятся с специальным субъектам права. Так, в соответствии с действующим законодательством до достижения возраста 18 лет за действия лица несут ответственность родители или опекуны/попечители. Важно отметить, что ч. 3 ст. 28 ГК РФ содержит условие, при котором указанные лица могут быть освобождены от ответственности: невиновность законных представителей в возникновении правонарушения в результате совершения сделки.

Чтобы избежать юридической ответственности, законный представитель должен будет убедительно показать, что он проявил всю необходимую тщательность и бдительность в процессе выполнения своих обязательств, а равно предпринял все возможные шаги для их должного исполнения. Это положение основывается на ст. 401 ГК РФ, которая устанавливает базовые принципы ответственности за неисполнение обязательств, включая дого-

воры, заключаемые от имени несовершеннолетних [7, с. 18].

Согласно российскому законодательству, конкретно ст. 1073 ГК РФ [3], родители или лица, осуществляющие опеку над малолетними, обязаны возместить ущерб, причиненный их подопечными. Это касается усыновителей и лиц, исполняющих функции опекунов, включая учреждения, заботящиеся о детях без попечения родителей. Ответственность за действия малолетнего также возлагается на образовательные и медицинские учреждения в случае, если ребенок находился под их присмотром. Опровергнуть обвинения в причинении ущерба – это обязанность тех, кто отвечает за контроль, будь то организация или отдельный человек. Это правило также применяется к тем, кто следит за детьми, например, к няне или воспитателю. Чтобы этих людей привлечь к ответственности, необходимо доказать их вину в совершенных действиях [11, с. 281].

Обязанности родителей и лиц или учреждений, в чьи обязанности входит надзор за детьми по закону или соглашению, не одно и то же. В то время как родители несут ответственность не просто за адекватное наблюдение за действиями своего ребенка, но и за качество воспитательного процесса и защиту от неподобающего обращения. Плохое воспитание или забота, приводящие к противоправным действиям ребенка и вызывающие вред, могут быть признаны виновностью родителей. К примеру, это может быть попустительство или одобрение детских шалостей и хулиганства, недосмотр, или недостаточное внимание к ребенку. Доказать отсутствие своей вины родители обязаны сами.

Принцип равного распределения обязанности родителей по воспитанию своих детей закреплен в рамках ст. 61 Семейного кодекса Российской Федерации [2] (далее – СК РФ). Основной особенностью данного принципа выступает то, что обязанность родителя сохраняется и в том случае, если он не проживает совместно с несовершеннолетним ребенком. Однако в рамках рассмотрения конкретного гражданского дела родитель, который не проживает с ребенком, может представить доказательств того, что воспитание ребенка невозможно вследствие действий второго родителя [9, с. 35]. В таком случае суд может освободить такого родителя от ответственности.

Согласно ГК РФ, статья 1075 установлен 3-хлетний срок, в течении которого за родителями сохраняется обязанность по возмещению вреда, после ситуаций, когда их лишают родительских прав или ограничивают в них. В рамках доктрины права отмечается, что родители и учреждения должны нести долевую ответственность за действия несовершеннолетнего [8, с. 370].

Исследовательский интерес представляет следующий случай из практики. В рамках рассмотрения гражданского дела было установлено, что несовершеннолетний Б., во время нахождения на лечении в больнице, нанес вред несовершеннолет-

нему А. в результате нападения на последнего. Законные представители А. подали иск о компенсации морального вреда с родителей Б. и больницы. Истец просил привлечь соответчиков к солидарной ответственности.

Суды трех инстанций указали, что ответственность должны нести именно родители Б., так как вред был причинен в ночное время, когда больница не несла ответственность за несовершеннолетнего. С родителей Б. была взыскана компенсация морального вреда и расходы на юридическую помощь.

Верховный Суд РФ с позицией судов не согласился и отменил решения по делу. Верховный Суд установил, что компенсировать моральный вред должно медицинское учреждение.

Согласно разделу 3 статьи 1073 Гражданского кодекса РФ, если спор возник до внесения изменений в закон, учреждения, такие как школы, больницы и другие подобные организации, а также лица, заключившие договор о присмотре, несут ответственность за убытки, вызванные действиями подопечных несовершеннолетних. Чтобы освободиться от обязанности возмещать вред, данные стороны должны предоставить убедительные аргументы о том, что причинение ущерба не было связано с их невнимательностью.

Ст. 1073 ГК РФ устанавливает также правила привлечения к ответственности рассматриваемых учреждений в случае, если ребенок пребывает в них временно. Именно в данной статье закреплено, что учреждения несут ответственность за несовершеннолетнего на весь период пребывания в учреждении, вне зависимости от наличия у них родителей или иных законных представителей.

Медучреждения обязаны обеспечить надлежащий уход за детьми в течение всего пребывания в больнице, включая время отдыха. Следовательно, обязанности по присмотру за несовершеннолетним не снимаются с учреждения и в ночное время. Ввиду того, что А. и Б. находились на стационарном лечении, уход и присмотр за ними должен был осуществляться и в дневное, и в ночное время. Следовательно, вред был нанесен в результате халатного отношения к исполнению своих обязанностей со стороны сотрудников медицинского учреждения [5].

В ситуации, когда вред несовершеннолетним нанесен из-за действий как родителей или лиц их замещающих, так и образовательных или медицинских организаций, ответственность за возмещение делится пропорционально вкладу каждого в произошедшее. Если же виновны несколько детей, которые находятся под присмотром разных взрослых, то обязанности по компенсации распределяются равномерно, если не будет установлено, что кто-то из опекунов менее виноват в плохом контроле за поведением ребенка. Согласно ст. 321 ГК РФ, пропорцию вины самих детей в расчет не берут.

Родители, опекуны и иные лица, осуществляющие уход за несовершеннолетними, несут от-

ветственность в случае наличия вины. В рамках ст. 1073 ГК РФ закреплены случаи, когда такие лица от ответственности освобождаются.

Претензии относительно компенсации ущерба, причиненного действиями лица, разрешаются судебными органами по требованию пострадавшего или лица, несущего ответственность за несовершеннолетнего.

Согласно пункту 3 статьи 26 ГК РФ, лица в возрастной категории 14–18 лет самостоятельно отвечают за обязательства, возникающие в результате их сделок. Это верно независимо от того, действовали они самостоятельно или с одобрения своих представителей. С.В. Букшина утверждает, что в случае возникновения спора, ответственность всегда должна лежать на несовершеннолетнем, совершившем действие. Суд должен рассматривать детали каждого случая, чтобы определить наличие оснований для применения гражданско-правовой ответственности непосредственно к несовершеннолетнему [6, с. 6].

Действующее законодательство устанавливает обязанность родителей несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет также компенсировать вред в том случае, если имущество и(или) заработка несовершеннолетнего недостаточно для компенсации причиненного вреда. Данное правило применяется, когда родители, опекуны или попечители освобождены от ответственности по общим основаниям. Данное правило установлено с целью соблюдения баланса интересов несовершеннолетнего причинителя вреда и лица, которому вред причинен. Подобные правила устанавливаются также в отношении учреждений, которые осуществляется присмотр и уход за несовершеннолетними, а также занимаются их обучением.

Если ущерб вызван поступками нескольких несовершеннолетних, каждый из них несет обязательства по его возмещению солидарно, как это определено статьей 1080 ГК РФ. В то же время законодательство предусматривает, что родители или законные представители детей обязаны покрыть убытки пропорционально установленной вине, т.е. долевую ответственность.

Гражданское право связывает возможность начала осуществления предпринимательской деятельности с достижением лица возраста четырнадцати лет. Именно поэтому применительно к институту гражданско-правовой ответственности возможны два случая:

1) лицо, не достигшее 18 лет, но обладающее полной дееспособностью, ведет предпринимательскую деятельность и отвечает за связанные с ним обязательства самостоятельно, без родителей. Обычно ответственность за ущерб предполагает вину, но в случае предпринимательства она возникает даже без нее согласно ст. 401 ГК РФ. Если предприниматель не выполнил или выполнил некачественно свои обязанности, он имеет право на освобождение от ответственности, если докажет, что исполнение стало невозможным из-за об-

стоятельств форс-мажора, то есть событий, которые невозможно было предотвратить.

ГК РФ в своей 24-й статье уточняет, что все личные активы индивидуального предпринимателя могут быть использованы для погашения его долгов. Тем не менее, в соответствии со ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ [4], существует список личных вещей предпринимателя, которые не могут быть затронуты при исполнении его финансовых обязательств;

2) участие несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет в предпринимательских отношениях.

С.В. Букшина высказывает позицию, в соответствии с которой о наличии предпринимательских отношений может свидетельствовать, в частности, наличие гражданско-правовых договоров [6, с. 7]. Однако важно учитывать, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет обладают ограниченной дееспособностью. В связи с этим большая часть сделок совершается от их имени законными представителями.

Таким образом, родители обязаны отвечать за поступки своих детей, не достигших совершеннолетия, и при необходимости компенсировать ущерб собственным имуществом, если средств у ребенка недостаточно (ст. 1074 ГК РФ). Важно учитывать, что компенсация причиненного ущерба может осуществляться как в рамках досудебного разрешения спора, так и в рамках судебного разбирательства [10, с. 22]. При этом законные представители могут быть привлечены к ответственности и в случаях отсутствия вины в причинении вреда несовершеннолетним.

Лицо может быть привлечено к ответственности за совершенные действия с 14 лет, однако возможность возложения обязанности по компенсации причиненного вреда связывается в гражданском праве с совершеннолетием. Именно поэтому возмещение вреда, причиненного несовершеннолетним, осуществляется его законными представителями.

В целом же, понимание нюансов ответственности за вред несовершеннолетних помогает защитить интересы всех участников правоотношений.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред.

от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

5. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2010 года (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 16 июня 2010 г.) [Электронный ресурс] // СПС Гарант.
6. Букшина С.В. Эмансипация несовершеннолетних граждан по законодательству Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2003. – С. 6.
7. Гараева Г.Х. Ответственность несовершеннолетних в гражданском и семейном праве // Вектор науки Тольяттинского Государственного Университета. Специальный выпуск «Правоведение». – 2008. – № 3. – С. 18.
8. Гражданское право: Учебник. В 2-х т. Том I / Под ред. Е.А. Суханова. – М., 2011. – С. 431.
9. Летута Т.В. Ответственность родителей за вред, причиненный несовершеннолетними в контексте развития семейного и гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 1. – С. 33–37.
10. Нестолый В.Г. Правовые вопросы предпринимательства несовершеннолетних // Предприниматель без образования юридического лица. ПБОЮЛ. – 2005. – № 8. – С. 22.
11. Станюкевич Н.Г. Ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними, по гражданскому законодательству // В сборнике: Научный поиск курсантов. Сборник материалов Международной научной конференции. Редакция: В.В. Борисенко (отв. ред.) [и др.]. – Могилев, 2023. – С. 281–282.

REGULATION IN CIVIL LAW OF LIABILITY FOR HARM CAUSED BY MINORS

Andreev R.V.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

In the framework of this article, the author examines the specifics of the procedure for bringing to civil liability in case of harm by a minor citizen. The study identifies the problems of legal regulation and suggests ways to overcome them. The study shows that the introduction of personal responsibility helps to reduce the number of offenses among young people. Attention is focused on individual

problems in this area and general directions for overcoming them are identified. The purpose of writing this article is to conduct a comprehensive analysis of the specifics of modern civil law regulation of legal relations in the field of liability for harm caused by minors. The set goal necessitates the solution of the following tasks: to consider the concepts and grounds of this responsibility; to characterize the conditions of its occurrence; and also to draw attention to problematic aspects in this area. The hypothesis of the study is that, the identification of specific and problematic aspects of civil law regulation of liability for damage caused by.

Keywords: liability in civil law; tort liability; peculiarities of the legal status of minors; causing harm.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on July 31, 2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. - No. 1. – Art. 16.
3. Civil Code of the Russian Federation (part two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 24, 2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.
4. Civil procedural code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on April 6, 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532.
5. Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 2010 (approved by the resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 16, 2010) [Electronic resource] // SPS Garant.
6. Bukshina S.V. Emancipation of minor citizens under the legislation of the Russian Federation: Author's abstract. dis. ...cand. legal Sci. – Tomsk, 2003. – P. 6.
7. Garayeva G. Kh. Responsibility of minors in civil and family law // Vector of science of Togliatti State University. Special issue "Jurisprudence". – 2008. – No. 3. – P. 18.
8. Civil law: Textbook. In 2 volumes. Volume I / Ed. E.A. Sukhanov. – М., 2011. – P. 431.
9. Letuta T.V. Parental responsibility for harm caused by minors in the context of the development of family and civil legislation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2023. – No. 1. – P. 33–37.
10. Nestoly V.G. Legal issues of entrepreneurship for minors // Entrepreneur without formation of a legal entity. PBOYUL. – 2005. – No. 8. – P. 22.
11. Stanyukevich N.G. Liability for harm caused by minors under civil law // In the collection: Scientific search for cadets. Collection of materials of the International Scientific Conference. Editorial Board: V.V. Borisenko (responsible editor) [and others]. – Могилев, 2023. – pp. 281–282.

Конкуренция отдельных составов преступления, предусмотренных главой 26 УК РФ

Жукова Анастасия Алексеевна,

аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета (МГЮА)
им. О.Е. Кутафина
E-mail: a.zhukowa@yandex.ru

Вопрос конкуренции норм уголовного законодательства, касающегося охраны окружающей среды, действительно достаточно актуален. Законодательство в области экологической безопасности и охраны природы развивается, однако несовершенство законодательной техники может приводить к коллизиям между различными нормами.

Статья 246 УК РФ (нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ) нацелена на защиту окружающей среды, но иногда её применение может пересекаться с другими составами преступлений, связанными с экологическими преступлениями. Это может касаться, например, посягательств на отдельные компоненты природной среды, такие как воздух, вода, почва. В таких случаях возникает вопрос о том, какую именно норму применять: общую или специальную, предполагающую ответственность за конкретные нарушения правил охраны окружающей среды.

Кроме того, важно учитывать, что каждая из норм может иметь свою специфику и целевые установки. Специальные нормы, как правило, содержат более детальные и узкие требования, касающиеся конкретных случаев, тогда как общие нормы могут охватывать более широкий круг деяний.

В судебной практике на фоне этих коллизий также могут возникать сложности с квалификацией преступлений, что подчеркивает необходимость законодательного уточнения отдельных признаков составов преступления и улучшения их взаимодействия. Таким образом, вопрос соотношения норм о охране окружающей среды требует комплексного подхода, который учитывает как существующие законодательные пробелы, так и необходимость более четкой регламентации отношений, складывающихся в области экологической безопасности.

Ключевые слова: загрязнение компонентов окружающей среды, конкуренция правовых норм, общие и специальные составы преступления, охрана окружающей среды, экологические преступления.

Конкуренция правовых норм в общей теории права определяется как одновременное наличие двух или более норм, которые направлены на регулирование одного и того же правоотношения, при котором одна из таких норм обладает преимуществом для разрешения конкретной ситуации. Иногамова-Хегай Л.В. в рамках диссертационного исследования справедливо отмечает, что «конкуренция» есть некое «столкновение» нескольких норм права [1]. В свою очередь, Арзуманян А.Э. отмечает отсутствие противоречия между такими нормами, при одновременном различии по объему и содержанию, а также зависимости приоритетности их применения зависит от законодательной регламентации или оценки правоприменителя [2].

Вопрос конкуренции норм уголовного законодательства, касающегося охраны окружающей среды, действительно достаточно актуален. Законодательство в области экологической безопасности и охраны природы развивается, однако несовершенство законодательной техники может приводить к коллизиям между различными нормами. В целях преодоления конкуренции при разрешении конкретных практических кейсов, следует исследовать указанную проблематику и определить общие принципы соотношения норм об экологических преступлениях.

В рамках соотношения составов экологических преступлений возникает вопрос о конкуренции общей и специальной норм в отношении общих и специальных природоохранных составов. По общему правилу, данный вид конкуренции преодолевается путем применения специальной нормы в соответствии с положением, предусмотренным ч. 3 ст. 17 УК РФ. Такая норма представляет собой частный случай совершения деяния, предусмотренного общей нормой, и предусматривает большую степень детализации (конкретизации) признаков общей нормы.

Между тем, вопрос о принадлежности отдельных составов к категории общих или специальных сохраняет дискуссионность среди представителей уголовно-правовой науки. В частности, заслуживает внимания вопрос о соотношении состава, предусмотренного ст. 246 УК РФ и составов, охватывающих более узкие сферы охраны окружающей среды.

Состав преступления, состоящий в нарушении правил охраны окружающей среды при производстве работ, преимущественно называется общим различными авторами, в числе которых Жевлаков Э.Н. [3], Лопашенко Н.А. [4]. Недураев Т.Е., по признаку непосредственного объекта

преступления, рассматривает ст. 250 УК РФ и 251 УК РФ в качестве общих составов по отношению к ст. 246 УК РФ. При этом предмет преступления, предусмотренного ст. 250 УК РФ, является более узким. В итоге, автор делает вывод о том, что состав преступления, предусмотренный ст. 246 УК РФ, выступает в качестве общего «с учетом определенной доли условности» [5].

Следует отметить вывод Курченко В.Д., который рассуждает относительно возможности частичного выполнения функции общей нормы по отношению к специальным нормам [6].

Материальным составом ст. 246 УК РФ предусмотрена ответственность за ряд действий, указанных в диспозиции альтернативно, а именно проектирование, размещение, строительство, ввод в эксплуатацию и эксплуатацию промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов) специальным субъектом, совершаемые с нарушением правил охраны окружающей среды. Последствия выражены в виде существенного изменения радиоактивного фона, причинения вреда здоровью человека, массовой гибели животных либо иных тяжких последствий. С учетом положений Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ, в целях минимизации вреда окружающей среде, проводятся природоохранные мероприятия в части использования ресурсосберегающих, малоотходных и безотходных технологий, и прочие мероприятия.

В соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации (далее – ГрК РФ), проектная документация для строительства объектов капитального строительства должна содержать раздел, посвященный природоохранным мероприятиям [7]. Это необходимо для обеспечения устойчивого развития и минимизации негативного влияния на окружающую среду. Согласно ст. 52 ГрК РФ, строительство может осуществляться только на основании проектной документации, которая прошла экспертизу и получила положительное заключение. В этом процессе также может быть предусмотрена государственная экологическая экспертиза, что подчеркивает важность экологической составляющей в процессе проектирования и строительства.

Преступление, предусмотренное ст. 246 УК РФ, может быть совершено только специальным субъектом. Данный факт может быть подтвержден уставом организации, должностной инструкцией [8], в соответствии с которыми на лицо возложена обязанность проведения природоохранных мероприятий. К категории специального субъекта также может быть отнесено должностное лицо, либо лицо, на которое возложено осуществление управленческой функции в коммерческой организации [9].

Объективная сторона природоохранных составов, направленных на защиту отдельных компонентов природной среды (ст. 250–252, 254–255 УК РФ), сконструирована по принципу указания на общественно опасный результат, путем применения

терминов «загрязнение», «засорение», «истощение», используемых как для описания деяния, так и последствия. Субъект преступлений – общий. Объект и предмет рассматриваемых преступлений более узкие в сравнении с составом преступления, предусмотренным ст. 246 УК РФ.

Учитывая, что загрязнение вод, атмосферы и других компонентов можно рассматривать в качестве отдельных видов нарушений природоохранных требований, составы преступления, предусмотренные ст. 250–252, 254–255 УК РФ, могут рассматриваться в качестве конкурирующих по отношению к составу преступления, предусмотренному ст. 246 УК РФ, при условии, если такие деяния совершены при проектировании, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов.

Совершение рассматриваемых деяний, может быть не связано с производством работ; в таком случае и отношений конкуренции между рассматриваемыми нормами и ст. 246 УК РФ не возникает.

Таким образом, с точки зрения непосредственного объекта и предмета преступления, нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ можно рассматривать в качестве общего состава преступления.

Объективная сторона ст. 246 УК РФ предусматривает нарушение общих природоохранных требований, а не в отношении охраны отдельного компонента природной среды. Кроме того, отношения по охране отдельного компонента при производстве работ составляют более узкое по содержанию деяние, нежели все группы отношений по охране такого компонента. Например, мероприятия по охране атмосферного воздуха при производстве и эксплуатации транспортных средств, при обращении с отходами производства и потребления не включены нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ. Между тем, при производстве работ специальным субъектом могут нарушаться природоохранные требования только в отношении атмосферы, земель или вод. В таком случае возникает вопрос с квалификацией такого деяния.

Наступление негативных последствий в отношении отдельного компонента природной среды в результате нарушения природоохранных требований при производстве работ специальным субъектом (например, в результате разработки карьера по добыче строительного песка на землях сельскохозяйственного назначения, в нарушение ч. 1 ст. 78 ЗК РФ, произошло снятие плодородного слоя почвы [10]), что квалифицировано по ст. 246 УК РФ. Химическое и механическое загрязнение земли в результате складирования бытовых и промышленных отходов, совершенное лицом, ответственным за соблюдение природоохранных требований, также квалифицировано по ст. 246 УК РФ [11], несмотря на наступление последствий только в отношении земель, что охватывается составом преступления, предусмотренным ст. 254 УК РФ.

Таким образом, сложившаяся судебная практика позволяет рассматривать ст. 246 УК РФ (в отдельных случаях) в качестве специальной по отношению к ст. 254 УК РФ при условии причинения вреда отдельному компоненту природной среды, в результате нарушения природоохранных требований при производстве работ специальным субъектом.

Не может применяться ст. 246 УК РФ и при квалификации деяния, совершенного лицом, не являющимся специальным субъектом, что придает ст. 246 УК РФ специальный характер по признаку субъекта преступления.

Субъективная сторона в рассматриваемых деяниях выражается как в форме умысла, так и неосторожности. Данный признак не является разграничивающим критерием между ст. 246 УК РФ и специальными природоохранными составами.

Отсюда следует вывод о возможном вариативном соотношении признаков общих и специальных составов экологических преступлений, а также о зависимости квалификации от фактических обстоятельств, которые имели место при совершении конкретного деяния. При квалификации конкретного деяния по статьям, предусмотренным главой 26 УК РФ, требуется детальный анализ законодательной регламентации и фактических обстоятельств. По нашему мнению, возможно рассматривать ст. 246 УК РФ (в отдельных случаях) в качестве специальной по отношению к специальным природоохранным составам при условии причинения вреда отдельному компоненту природной среды, в результате нарушения природоохранных требований при производстве работ специальным субъектом.

Литература

1. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права: дис. ... докт. юрид. наук // М., 1999. С. 9.
2. Арзуманян А.Э. Конкуренция норм российского права (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Саратов, 2009. С. 8.
3. Жевлаков Э.Н. Уголовное природоохранительное право России: монография. М.: Проспект, 2023. С. 152.
4. Лопашенко Н.А. Квалификация конкуренции норм и типичные совокупности норм в гл. 26 УК «Экологические преступления» // Уголовное право, 2007. № 5. С. 46.
5. Недураев Т.Е. Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве промышленных и иных работ: дис. ... канд. юрид. наук // Екатеринбург, 2005. С. 116–121.
6. Курченко В.Д. Проблемы применения норм о преступлениях против экологической безопасности населения: дис. ... канд. юрид. наук // Волгоград, 2000. С. 12.
7. Постановление Правительства РФ от 16.02.2008 № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их со-

держанию» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 09.08.2024).

8. Приговор Конаковского городского суда Тверской области от 22.07.2022 № 1–48/2022(1–337/2021) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 09.08.2024).
9. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: В 10 т. Т. VII: Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. I: Субъект преступления / Под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 381.
10. Приговор Щекинского районного суда Тульской области от 30.12.2021 № 1–266/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 10.06.2024).
11. Приговор Конаковского городского суда Тверской области от 22.07.2022 № 1–48/2022(1–337/2021) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 10.06.2024).

COMPETITION OF INDIVIDUAL CRIMES PROVIDED FOR BY CHAPTER 26 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Zhukova A.A.

Moscow State Law University (MSAL) named after O.E. Kutafin

The issue of competition between criminal law provisions concerning environmental protection is indeed quite relevant. Environmental legislation is developing, but the imperfection of legislative technology can lead to conflicts between different provisions.

Article 246 of the Criminal Code of the RF is aimed at protecting the environment, but sometimes its application can overlap with other crimes related to environmental crimes. This may concern, for example, encroachments on individual components of the natural environment, such as air, water, soil. In such cases, the question arises as to which provision to apply: general or special, implying liability for specific violations of environmental protection rules.

In addition, it is important to take into account that each of the provisions may have its own specifics and targets. Special provisions, as a rule, contain more detailed and narrow requirements concerning specific cases, while general provisions may cover a wider range of acts.

In judicial practice, against the background of these collisions, difficulties with the qualification of crimes may also arise, which emphasizes the need for legislative clarification of individual elements of the crime and improvement of their interaction. Thus, the issue of the relationship between environmental protection standards requires a comprehensive approach that takes into account both existing legislative gaps and the need for clearer regulation of relations developing in the field of environmental safety.

Keywords: pollution of environmental components, competition of legal norms, general and special elements of crime, environmental protection, environmental crimes.

References

1. Inogamova-Khegay L.V. Competition of criminal law norms: dis. ... doctor of law // М., 1999. Page 9.
2. Arzumanyan A.E. Competition of Russian legal norms (theoretical and practical issues): author's abstract. dis. ... candidate of law // Saratov, 2009. Page 8.
3. Zhevlakov E.N. Criminal environmental law of Russia: monograph. М.: Prospect, 2023. Page 152.
4. Lopashenko N.A. Qualification of competition of norms and typical sets of norms in Chapter 26 of the Criminal Code "Environmental crimes" // Criminal law, 2007. No. 5. Page 46.
5. Neduraev T.E. Violation of environmental protection rules during industrial and other work: dis. ... Cand. of Law // Yekaterinburg, 2005. Pp. 116–121.

6. Kurchenko V.D. Problems of Application of Norms on Crimes against Environmental Safety of the Population: Dis. ... Cand. of Law // Volgograd, 2000. P. 12.
7. Resolution of the Government of the Russian Federation of 16.02.2008 No. 87 "On the Composition of Sections of Design Documentation and Requirements for Their Content" // SPS "ConsultantPlus" (Accessed: 09.08.2024).
8. Sentence of the Konakovo City Court of the Tver Region dated 22.07.2022 No. 1–48/2022(1–337/2021) // SPS "Consultant-Plus" (Accessed: 09.08.2024).
9. Criminal Law. General Part. Crime. Academic course: In 10 volumes. Volume VII: Subject of the crime. Subjective side of the crime. Book I: Subject of the crime / Ed. by N.A. Lopashenko. Moscow: Yurlitinform, 2016. Page 381.
10. Verdict of the Shchekino District Court of the Tula Region dated 12/30/2021 No. 1–266/2021 // SPS "ConsultantPlus" (Date of access: 06/10/2024).
11. Verdict of the Konakovsky City Court of the Tver Region dated 07/22/2022 No. 1–48/2022(1–337/2021) // SPS "Consultant-Plus" (Date of access: 06/10/2024).

Практика применения уголовного законодательства о мошенничестве в Абхазии

Касландзия Астанда Эдуардовна,

московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: 5867@apmo.ru

Данная статья посвящена анализу практики применения уголовного законодательства о мошенничестве в Республике Абхазия. В работе рассматриваются особенности квалификации мошенничества согласно Уголовному кодексу Республики Абхазия, принятому в 2007 году. Особое внимание уделяется специфике доказывания состава преступления в условиях сложной социально-экономической ситуации в стране. Автор анализирует наиболее распространенные схемы мошенничества в Абхазии, включая случаи в сфере недвижимости, финансовых услуг и использования современных технологий. В статье также рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при расследовании дел о мошенничестве, и предлагаются пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики. На основе анализа судебных решений автор выявляет тенденции в назначении наказаний за мошенничество и оценивает эффективность превентивных мер. В заключение предлагаются рекомендации по улучшению механизмов противодействия мошенничеству в Абхазии с учетом международного опыта и местной специфики.

Ключевые слова: мошенничество, уголовное законодательство, Республика Абхазия, правоприменительная практика, квалификация преступлений, доказывание, судебная практика, экономические преступления, превентивные меры, Уголовный кодекс Республики Абхазия.

Введение

Общественная опасность мошенничества определяется прежде всего посягательством на имущественные отношения, то есть на фундаментальные общественные отношения. Хищение путем мошенничества фактически дестабилизирует экономические основы общества, более того, оно посягает на конституционные права и свободы субъектов общественной жизни: посягает на право на неприкосновенность чужой собственности, свободу и равенство экономических отношений, право на честную предпринимательскую деятельность.

Практика применения уголовного законодательства о мошенничестве в Абхазии представляет собой сложный и многогранный процесс, отражающий особенности правовой системы и социально-экономической ситуации в республике.

Уголовный кодекс Республики Абхазия, принятый в 2007 году, является основным нормативно-правовым актом, регулирующим вопросы уголовной ответственности за мошенничество. Согласно статье 156 УК РА, мошенничество определяется как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Это определение соответствует общепринятым международным стандартам и отражает сущность данного преступления как посягательства на отношения собственности.

Целью работы является изучение законодательства Республики Абхазия и научной литературы для выявления имеющихся методических пробелов, и формирования предложений по их восполнению.

Теоретический анализ состава преступления мошенничества в абхазском законодательстве выявляет ряд ключевых элементов.

Объектом преступления выступают отношения собственности, а предметом – чужое имущество или право на него. При этом под имуществом понимаются не только материальные ценности, но и имущественные права, включая права требования и освобождение от имущественных обязательств. Это расширительное толкование предмета мошенничества позволяет охватить различные формы преступных посягательств на собственность в современных экономических условиях.

Объективная сторона мошенничества характеризуется действиями в форме обмана или злоупотребления доверием, направленными на завладение чужим имуществом или правом на него. Обман может выражаться в сообщении ложных сведений или умолчании об истинных фактах, а злоупотре-

бление доверием предполагает использование доверительных отношений с потерпевшим для совершения преступления. Важно отметить, что для квалификации деяния как мошенничества необходимо установить причинно-следственную связь между обманом или злоупотреблением доверием и передачей имущества или права на него виновному.

Субъективная сторона мошенничества выражается в прямом умысле и корыстной цели. Виновный осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. Корыстная цель является обязательным признаком субъективной стороны мошенничества и выражается в стремлении виновного получить материальную выгоду или избавиться от материальных затрат.

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего воз-

раста. Этот возраст уголовной ответственности за мошенничество соответствует общей тенденции в уголовном законодательстве постсоветских стран и обусловлен сложностью объективной стороны данного преступления, требующей определенного уровня интеллектуального развития для его совершения.

Особенностью абхазского законодательства является отсутствие дифференциации мошенничества на отдельные составы в зависимости от сферы совершения преступления, что отличает его от уголовных кодексов некоторых других стран. Это создает определенные трудности при квалификации специфических форм мошенничества, например, в сфере компьютерной информации или страхования. Отсутствие специальных норм вынуждает правоприменителей использовать общую норму о мошенничестве для квалификации различных по своей природе деяний, что не всегда позволяет учесть их специфику [2, с. 42–52].

Таблица 1. Практика применения уголовного законодательства о мошенничестве в Абхазии

Аспект	Описание
Законодательная база	Уголовный кодекс Республики Абхазия, статья о мошенничестве (предположительно схожа с УК РФ)
Определение мошенничества	Хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием
Виды мошенничества	<ul style="list-style-type: none"> - Мошенничество в сфере кредитования - Мошенничество при получении выплат - Мошенничество с использованием электронных средств платежа - Мошенничество в сфере страхования - Мошенничество в сфере компьютерной информации
Наказание	Варьируется в зависимости от тяжести преступления: от штрафа до лишения свободы на срок до 10 лет (предположительно)
Особенности правоприменения	<ul style="list-style-type: none"> - Учет специфики экономической ситуации в Абхазии - Возможное влияние российского законодательства и практики - Ограниченность судебной практики из-за небольшого размера юрисдикции
Проблемы правоприменения	<ul style="list-style-type: none"> - Сложности в расследовании из-за ограниченных ресурсов - Возможные пробелы в законодательстве - Трудности в международном сотрудничестве по уголовным делам
Тенденции	<ul style="list-style-type: none"> - Возможное увеличение числа дел о мошенничестве с использованием IT-технологий - Потенциальное совершенствование законодательства в сфере экономических преступлений
Международный аспект	Ограниченное признание Абхазии может влиять на международное сотрудничество в борьбе с трансграничным мошенничеством

Анализ практики применения уголовного законодательства о мошенничестве в Абхазии показывает, что наиболее распространенными формами данного преступления являются мошенничество в сфере недвижимости, финансовых услуг и социального обеспечения. В частности, по данным Генеральной прокуратуры Республики Абхазия за 2023 год, около 40% всех зарегистрированных случаев мошенничества связаны с операциями с недвижимостью. Это обусловлено рядом факторов, включая высокую стоимость недвижимости, сложность процедур регистрации прав собственности и недостаточную правовую грамотность населения.

Рассмотрим конкретный пример из судебной практики. В 2016 году Сухумским городским судом

было рассмотрено дело гражданина Республики Абхазия Ш., который, используя поддельное удостоверение, представился бывшим сотрудником Министерства внутренних дел Республики Абхазия, тем самым вошел в доверительные отношения с гр. Российской Федерации Г. Таким образом, используя установившиеся доверительные отношения, заключил с последним договор купли – продажи земельного участка с имеющимся в нем домовладением, заведомо зная о невозможности исполнения данного договора, так как по законодательству РА земля и природные ресурсы являются достоянием абхазского народа, а также запрещено продавать иностранным гражданам недвижимое имущество. Также гр. Ш. обязался в установленный срок собрать необходимые документы и пере-

оформить указанное домовладение и земельный участок на гр. Г. В свою очередь гр. Г. выплатил гр. Ш. денежные средства в размере 600 000 рублей. Однако, гр. Ш. взятые на себя договорные обязательства не выполнил, полученные денежные средства не возвратил, на контакт с гр. Г. не выходил. Суд квалифицировал действия К. по части 4 статьи 156 УК РА (мошенничество в особо крупном размере) и назначил наказание в виде 6 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Данный случай иллюстрирует типичную схему мошенничества в сфере недвижимости и подход судов к квалификации подобных деяний.

Другой пример касается мошенничества в сфере социального обеспечения. Гражданка Л. была признана виновной в получении пенсии по инвалидности на основании поддельных медицинских документов. В течение трех лет она незаконно получала повышенную пенсию, причинив ущерб государству на сумму более 450 000 рублей. Суд квалифицировал ее действия по части 4 статьи 156 УК РА, назначив наказание в виде десяти лет лишения свободы с конфискацией имущества. Этот случай демонстрирует подход судов к квалификации мошенничества в сфере социального обеспечения и практику назначения наказания за подобные преступления.

Еще один характерный пример – дело предпринимателя М., обвиненного в мошенничестве при получении кредита. М. предоставил в банк заведомо ложные сведения о финансовом состоянии своего предприятия, на основании которых получил кредит в размере 10 миллионов рублей. После получения средств М. не предпринимал реальных шагов по развитию бизнеса и не осуществлял выплаты по кредиту. Суд квалифицировал его действия по части 4 статьи 156 УК РА (мошенничество в особо крупном размере) и назначил наказание в виде семи лет лишения свободы с конфискацией имущества. Данный пример иллюстрирует подход судов к квалификации мошенничества в сфере кредитования и строгость наказания за подобные преступления.

Анализ судебной практики показывает, что при назначении наказания за мошенничество суды Абхазии учитывают ряд факторов, включая размер причиненного ущерба, способ совершения преступления, личность виновного и наличие смягчающих или отягчающих обстоятельств. Статистика за 2023 год свидетельствует о том, что в 60% случаев за мошенничество назначается наказание в виде лишения свободы, в 30% – условное осуждение, и в 10% – штраф или иные виды наказаний. При этом средний срок лишения свободы за мошенничество составляет 4 года [3].

Важно отметить, что суды Абхазии в целом следуют принципу индивидуализации наказания, учитывая все обстоятельства дела. Например, в деле гражданина П., обвиненного в мошенничестве при получении социальных выплат, суд учел его раскаяние, добровольное возмещение ущерба и наличие на иждивении малолетних детей, назначив

наказание в виде условного лишения свободы сроком на 2 года с испытательным сроком 3 года.

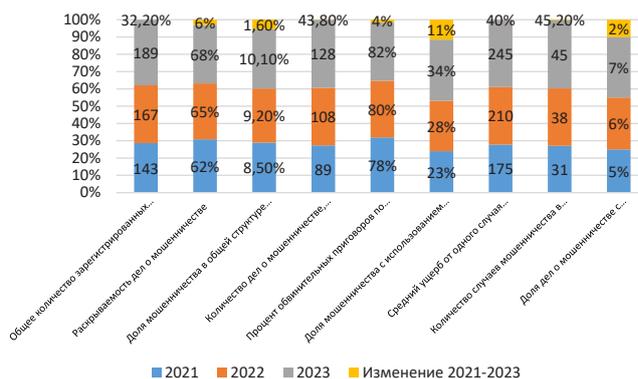

Рис. 1. Практика применения уголовного законодательства о мошенничестве в Абхазии за 2021–2023 гг.

Оценивая сложившуюся практику применения уголовного законодательства о мошенничестве в Абхазии, можно отметить как положительные, так и отрицательные аспекты. К положительным моментам следует отнести стремление судов к индивидуализации наказания и учету всех обстоятельств дела. Также заслуживает одобрения тенденция к более строгому наказанию за мошенничество в крупном и особо крупном размере, что соответствует принципу справедливости и способствует предупреждению подобных преступлений.

Однако существует ряд проблем, требующих внимания законодателя и правоприменителей. Одной из ключевых проблем является отсутствие четких критериев разграничения мошенничества и гражданско-правовых деликтов. Это приводит к тому, что в ряде случаев уголовное преследование используется как инструмент давления в гражданско-правовых спорах. Например, в деле предпринимателя Р., обвиненного в мошенничестве за неисполнение договорных обязательств, суд первой инстанции вынес обвинительный приговор, который впоследствии был отменен вышестоящей инстанцией с указанием на гражданско-правовой характер отношений между сторонами. Подобные случаи подрывают доверие к системе правосудия и создают неблагоприятный климат для предпринимательской деятельности.

Другой проблемой является недостаточная проработанность вопросов квалификации новых форм мошенничества, связанных с использованием информационных технологий. В 2023 году в Абхазии было зарегистрировано несколько случаев интернет-мошенничества, однако правоохранительные органы столкнулись с трудностями при квалификации этих деяний и сборе доказательственной базы. Например, в деле о создании фиктивного интернет-сайта, через который злоумышленники продавали несуществующие туристические путевки в нефункционирующий пансионат, расположенный на территории города Гагра Республики Абхазия и получали за них предоплату. Следствие затянулось на несколько месяцев из-за

сложностей с установлением личностей преступников и доказыванием их вины [4, с. 78–86].

Также стоит отметить проблему неэффективности мер по возмещению ущерба потерпевшим. Согласно статистике Верховного суда Абхазии за 2023 год, лишь в 30% случаев осужденные за мошенничество полностью возместили причиненный ущерб. Это связано как с отсутствием у многих осужденных достаточных средств для возмещения ущерба, так и с несовершенством механизмов принудительного взыскания.

Анализ практики выявил и недостатки в работе правоохранительных органов при расследовании дел о мошенничестве. В частности, отмечается недостаточный уровень взаимодействия между различными ведомствами, что затрудняет сбор доказательств, особенно в случаях, связанных с финансовыми операциями. Например, в деле о мошенничестве при получении кредита расследование затянулось на несколько месяцев из-за сложностей с получением необходимой информации от банковских учреждений.

Еще одной проблемой является недостаточная квалификация сотрудников правоохранительных органов в вопросах расследования сложных схем мошенничества, особенно связанных с использованием современных технологий. Это приводит к тому, что некоторые преступления остаются нераскрытыми или расследуются неэффективно.

Для улучшения ситуации с применением уголовного законодательства о мошенничестве в Абхазии можно предложить ряд конкретных мер. Во-первых, необходимо внести изменения в Уголовный кодекс РА, предусмотрев дифференциацию ответственности за различные виды мошенничества. Это позволит более точно квалифицировать деяния и назначать справедливое наказание. В частности, целесообразно ввести специальные составы мошенничества в сфере кредитования, страхования, компьютерной информации, а также при получении социальных выплат. Каждый из этих составов должен учитывать специфику соответствующей сферы и предусматривать адекватные санкции.

Во-вторых, целесообразно разработать и принять постановление Пленума Верховного суда РА «О судебной практике по делам о мошенничестве», в котором бы давались разъяснения по вопросам квалификации различных форм мошенничества и отграничения их от смежных составов преступлений и гражданско-правовых деликтов. В этом постановлении следует уделить особое внимание критериям разграничения мошенничества и неисполнения гражданско-правовых обязательств, а также особенностям квалификации мошенничества с использованием информационных технологий [6, с. 112–120].

В-третьих, необходимо усилить межведомственное взаимодействие правоохранительных органов, в частности, создать единую информационную базу данных о совершенных преступлениях и лицах, привлеченных к ответственности за мо-

шенничество. Это позволит более эффективно выявлять серийных мошенников и пресекать их деятельность на ранних стадиях. Кроме того, следует разработать регламент взаимодействия правоохранительных органов с финансовыми учреждениями для оперативного получения необходимой информации при расследовании дел о мошенничестве.

В-четвертых, следует разработать и внедрить программы повышения квалификации для сотрудников правоохранительных органов и судей, специализирующихся на делах о мошенничестве, с особым акцентом на новые формы мошенничества с использованием информационных технологий. Эти программы должны включать изучение передового международного опыта борьбы с мошенничеством, а также практические занятия по выявлению и расследованию сложных схем мошенничества.

В-пятых, важно совершенствовать механизмы возмещения ущерба потерпевшим, в том числе путем создания специального фонда для выплаты компенсаций в случаях, когда преступник не в состоянии возместить ущерб. Этот фонд мог бы формироваться за счет штрафов, взимаемых с осужденных за мошенничество, а также добровольных взносов.

В-шестых, необходимо усилить профилактическую работу, включая проведение информационных кампаний для населения о распространенных схемах мошенничества и способах защиты от них. Эти кампании должны охватывать различные слои населения и использовать разнообразные каналы коммуникации, включая социальные сети и мессенджеры. Особое внимание следует уделить повышению финансовой грамотности населения, что поможет снизить риск становления жертвой мошенничества [8].

В-седьмых, следует рассмотреть возможность введения института медиации по делам о мошенничестве небольшой тяжести, что могло бы способствовать более эффективному возмещению ущерба потерпевшим и снижению нагрузки на судебную систему. Медиация могла бы применяться в случаях, когда обвиняемый признает свою вину и готов возместить ущерб, а потерпевший согласен на примирение.

В-восьмых, важно развивать международное сотрудничество в сфере борьбы с мошенничеством, особенно в случаях, связанных с трансграничными преступлениями. Это включает заключение соглашений о правовой помощи, участие в конференциях и обмен опытом с коллегами соответствующего ведомства Российской Федерацией. Особое внимание следует уделить сотрудничеству в сфере борьбы с киберпреступностью и отмыванием денег, полученных в результате мошенничества.

В-девятых, целесообразно создать специализированные подразделения в структуре правоохранительных органов, занимающиеся исключительно расследованием дел о мошенничестве, что

позволит повысить эффективность работы и качество расследования. Эти подразделения должны быть укомплектованы высококвалифицированными специалистами, имеющими опыт в расследовании экономических преступлений и владеющими современными методами цифровой криминалистики.

Наконец, необходимо регулярно проводить мониторинг и анализ практики применения уголовного законодательства о мошенничестве с целью выявления проблемных аспектов и своевременного внесения необходимых изменений в законодательство и правоприменительную практику. Этот мониторинг должен включать анализ статистических данных, изучение судебных решений и опросы практикующих юристов. Результаты мониторинга должны публиковаться и обсуждаться с участием представителей научного сообщества, правоохранительных органов и гражданского общества.

В заключение следует отметить, что совершенствование практики применения уголовного законодательства о мошенничестве в Абхазии требует комплексного подхода, включающего как законодательные изменения, так и организационные меры. Важно учитывать специфику социально-экономической ситуации в республике и международный опыт борьбы с мошенничеством. Только при системном подходе к решению выявленных проблем можно добиться повышения эффективности противодействия мошенничеству и обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и организаций в Абхазии.

Особое внимание следует уделить развитию системы профилактики мошенничества. Это включает не только информационно-просветительскую работу с населением, но и меры по повышению прозрачности финансовых операций, совершенствованию системы идентификации личности при совершении сделок, особенно в цифровой среде. Важно также развивать систему раннего предупреждения о новых схемах мошенничества, что позволит оперативно реагировать на возникающие угрозы.

Кроме того, необходимо усилить работу по выявлению и пресечению коррупционных связей, которые часто способствуют совершению мошеннических действий. Это может включать создание специальных подразделений по борьбе с коррупцией в сфере экономических преступлений, а также разработку системы стимулов для сотрудников правоохранительных органов, эффективно борющихся с мошенничеством [7].

В целом, эффективное противодействие мошенничеству в Абхазии требует не только совершенствования законодательства и правоприменительной практики, но и комплексных мер по укреплению правовой культуры общества, повышению прозрачности экономических отношений и развитию современных технологий защиты от преступных посягательств. Только такой всесторонний подход позволит существенно снизить уровень мо-

шенничества и обеспечить надежную защиту прав и интересов граждан и организаций в республике.

Литература

1. Конституционный закон Республики Абхазия «О внесении изменений в Уголовный кодекс Республики Абхазия» от 18 марта 2021 г. № 5030-с-VI // Официальный сайт Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия.
2. Багапш Н.В. Особенности квалификации мошенничества по законодательству Республики Абхазия // Вестник Абхазского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 45–52.
3. Отчет о деятельности Генеральной прокуратуры Республики Абхазия за 2021 год // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Абхазия. – 2022.
4. Гогия Д.Т. Проблемы расследования мошенничества в сфере недвижимости в Республике Абхазия // Сухумский юридический вестник. – 2023. – № 1. – С. 78–86.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Абхазия «О судебной практике по делам о мошенничестве» от 15 сентября 2022 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда Республики Абхазия. – 2022. – № 4.
6. Ануа И.З. Современные тенденции противодействия мошенничеству в Республике Абхазия // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 112–120.
7. Статистический ежегодник Республики Абхазия за 2023 год / Управление государственной статистики Республики Абхазия. – Сухум, 2024.
8. Материалы научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с экономическими преступлениями в Республике Абхазия» // Абхазский государственный университет. – Сухум, 2023.

PRACTICE OF APPLICATION OF CRIMINAL LEGISLATION ON FRAUD IN ABKHAZIA

Kaslandzia A.E.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSAL)

This article is devoted to the analysis of the practice of applying criminal legislation on fraud in the Republic of Abkhazia. The paper examines the specifics of qualifying fraud in accordance with the Criminal Code of the Republic of Abkhazia, adopted in 2007. Particular attention is paid to the specifics of proving the elements of a crime in the context of a difficult socio-economic situation in the country. The author analyzes the most common fraud schemes in Abkhazia, including cases in the field of real estate, financial services and the use of modern technologies. The article also examines the problems faced by law enforcement agencies when investigating fraud cases, and suggests ways to improve legislation and law enforcement practice. Based on the analysis of court decisions, the author identifies trends in sentencing for fraud and assesses the effectiveness of preventive measures. In conclusion, recommendations are offered to improve mechanisms to combat fraud in Abkhazia, taking into account international experience and local specifics.

Keywords: fraud, criminal legislation, Republic of Abkhazia, law enforcement practice, qualification of crimes, proof, judicial practice, economic crimes, preventive measures, Criminal Code of the Republic of Abkhazia.

References

1. Constitutional Law of the Republic of Abkhazia “On Amendments to the Criminal Code of the Republic of Abkhazia” dated March 18, 2021 No. 5030-c-VI // Official website of the People’s Assembly – Parliament of the Republic of Abkhazia.
2. Bagapsh N.V. Features of the qualification of fraud under the legislation of the Republic of Abkhazia // Bulletin of the Abkhaz State University. – 2022. – No. 2. – P. 45–52.
3. Report on the activities of the Prosecutor General’s Office of the Republic of Abkhazia for 2021 // Official website of the Prosecutor General’s Office of the Republic of Abkhazia. – 2022.
4. Gogia D.T. Problems of investigating fraud in the field of real estate in the Republic of Abkhazia // Sukhumi Legal Bulletin. – 2023. – No. 1. – P. 78–86.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Abkhazia “On judicial practice in fraud cases” dated September 15, 2022 No. 8 // Bulletin of the Supreme Court of the Republic of Abkhazia. – 2022. – No. 4.
6. Anua I.Z. Modern trends in combating fraud in the Republic of Abkhazia // Law and state: theory and practice. – 2024. – No. 1. – P. 112–120.
7. Statistical yearbook of the Republic of Abkhazia for 2023 / State Statistics Department of the Republic of Abkhazia. – Sukhum, 2024.
8. Materials of the scientific and practical conference “Actual problems of combating economic crimes in the Republic of Abkhazia” // Abkhaz State University. – Sukhum, 2023.

Подходы к пониманию уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении уголовных дел о киберпреступлениях в сфере информации: обобщение опыта Китая

Комбаев Алексей Викторович,

кандидат политических наук, доцент, Академия управления
Министерства внутренних дел Российской Федерации
E-mail: kombae@mail.ru

Нестеров Владимир Николаевич,

кандидат социологических наук, доцент, Академия управления
Министерства внутренних дел Российской Федерации
E-mail: nestvn@mail.ru

Тенденции изменения преступности во многом связаны с ускорением технического прогресса современного общества как следствие, совершенствование информационно-телекоммуникационных инструментов, которые сегодня являются неотъемлемой частью жизни современного человека. Последнее десятилетие стало свидетелем быстрого распространения телекоммуникационного и онлайн-мошенничества по всему миру, что серьезно нарушает законные права и интересы людей, становясь серьезным преступлением и общественной опасностью. В статье описываются подходы китайских правоведов к пониманию применения уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении уголовных дел о киберпреступлениях в сфере информации. Автор описывает положительные практики международного сотрудничества Китая в борьбе с транснациональной киберпреступностью, отмечает особенности политической системы Китая, которая позволяет создавать специфическую систему контроля над преступлениями в информационной сфере.

Ключевые слова: киберпреступность, уголовное-право меры, правоправление, законодательство, общество, онлайн-мошенничество, сотрудничество, полиция, Китай.

Сегодня по всему миру мы можем наблюдать усиление киберпреступности и преступных сетей, которые начинают менять привычный облик, растворяясь в просторах Всемирной сети.

То, что преступные сети ведут свою деятельность, используя, новейшие телекоммуникационные инструменты делает их только сильнее, правоохранные системы всего мира неуклонно ведут борьбу с проявлениями киберпреступности, на этом пути у каждой страны свой интересный опыт и наработки в борьбе с киберпреступностью. Во многом подходы к борьбе с новыми проявлениями преступности строятся из нескольких составляющих:

- правового понимания и законодательного закрепления уголовной, и иной ответственности за совершение преступлений такого рода;
- политической системы и политической культуры страны;
- степенью информационно-технического развития страны. На наш взгляд, интересен опыт сотрудничества с международным сообществом в борьбе с киберпреступлениями Китая и внутренняя система контроля за населением для обеспечения правопорядка и профилактики преступности, в том числе с использованием информационно-коммуникационных инструментов.

Изучение положительных практик, описание действий правоохранительной системы Китая в борьбе с киберпреступностью, может положительно отразиться на отечественной практике борьбы с киберпреступностью.

«В доктрине российского уголовного права, криминологии можно отметить появление таких терминов, как «киберпреступность», «цифровая преступность», «компьютерная преступность» и др., которые характеризуются широтой подхода и сложностями в определении конкретных признаков такой преступности» [1].

«В китайском юридическом сообществе также не сформировано единое понимание киберпреступления. Некоторые учёные утверждают, что это понятие «является несколько расплывчатой и запутанной субкриминальной концепцией в области уголовного права» [2]. Реалии современного мира требуют совершенствования мер противодействия киберпреступлениям, под которыми китайские правоведы предлагают понимать любые преступления, совершаемые с помощью компьютерной системы или сети, в её рамках или против неё».[3]

«Верховный народный суд КНР, верховная народная прокуратура КНР и Министерство промышленности и информатизации КНР издали Мнения по некоторым вопросам, касающимся применения уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении уголовных дел о киберпреступлениях в сфере информации, в ст. 1 которых закреплено, что дела о киберпреступлениях включают:

1) дела о преступлениях против безопасности компьютерных информационных систем;

2) дела о преступлениях, связанных с невыполнением обязательств по управлению кибербезопасностью, незаконным использованием информационной сети и содействием преступной деятельности в информационной сети;

3) другие уголовные дела, например, о мошенничестве, об организации азартных игр, посягательствах на личную информацию, совершаемых в основном через информационные сети.

Говоря о мерах противодействия киберпреступлениям или преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, китайская полиция взяла на себя обязательство активизировать свои усилия по борьбе с такими преступлениями и контролю над ними, а также укрепить международное сотрудничество правоохранительных органов, что позволило им накопить успешный опыт, создать передовую практику противодействия таким преступлениям [4].

Коммунистическая партия Китая и китайское правительство придают большое значение противодействию телекоммуникационному и онлайн-мошенничеству. Одинаковое значение придаётся как борьбе, так и контролю.

Был создан многоотраслевой механизм совместной межведомственной работы, а также был разработан и принят Закон о борьбе с телекоммуникационным и онлайн-мошенничеством.

Ориентируясь на характеристики преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных инструментов, китайская полиция провела ряд исследований, в том числе социологических, и, создала специализированные оперативные группы, занимающиеся расследованием преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных инструментов и технологий.

Китайская полиция синхронизировала свои усилия со всеми заинтересованными службами как внутри страны, так и за её пределами и запустила ряд кампаний и операций, эффективно сдерживая высокий уровень этих преступлений, восстанавливая большое количество экономических потерь и завоёвывая широкое признание общественности и международного сообщества.

Основными мерами внутри страны выступает профилактика и контроль за населением страны. «Проживающие в Китае люди попадают под непрерывное наблюдение.

Камеры расположены повсюду – на перекрёстках и в метро, в вестибюлях гостиниц и жилых домов. Под контроль попадают все электронные

устройства с возможностью выхода в глобальную Всемирную сеть, отслеживаются онлайн-покупки и покупки, совершённые с помощью бесконтактной оплаты.

Под пристальный контроль попадает даже онлайн-переписка, следует отметить, что Китай разработал собственную систему онлайн-общения WeChae, Weibo, Baidu Tieba» [5]. Поэтому телекоммуникационное и онлайн-мошенничество является в большей степени типичной транснациональной организованной преступностью, зачастую находясь на территории других государств и не ограничивая свою преступную деятельность только границами Китая.

Мошеннические логова часто располагаются в разных странах и регионах, выбирая уязвимых лиц и группы независимо от их национальности

Китайская полиция, посредством международного сотрудничества правоохранительных органов, объединила усилия со своими международными коллегами для проведения операций и достигла значительных результатов. Например, операция «Великая стена», совместно начатая с испанской полицией в 2019 году, стала успешным примером транснационального сотрудничества правоохранительных органов.

В 2023 году Китай совместно с 76 государствами-членами ИНТЕРПОЛА совместно участвовал в анtimoшеннической операции «Первый свет», инициированной ИНТЕРПОЛОМ, в ходе которой было уничтожено 1770 мошеннических притонов в стольких же странах, арестовано более 2000 подозреваемых и изъято более 50 миллионов долларов США незаконных средств.

Органы общественной безопасности Китая повсеместно усиливают борьбу с преступностью. В 2023 году ликвидировано более 1900 преступных организаций, организующих свою преступную деятельность в телекоммуникационных сетях, раскрыто около 29 000 уголовных дел, арестовано 27 000 подозреваемых. Во многом такие результаты обеспечиваются за счёт того, что полиция Китая имеет чёткие инструкции и алгоритмы действий в отношении преступлений, совершаемых с использованием глобальной сети, есть относительно понятная правовая система в отношении такого рода преступлений. Политическая система Китая и политическая культура позволяет проводить в жизнь правовые меры по закреплению контроля за гражданами и использовать этот процесс новые технологические разработки.

Сегодня перед Китаем стоит задача в области расширения международного сотрудничества в области противодействия киберпреступности.

Полиция Китая активно сотрудничает с зарубежными странами в области противодействия киберпреступлениям. Так, в 2023 году с индонезийской полицией, успешно ликвидирована крупная трансграничная преступная группировка, занимавшаяся вымогательством в «голых чатах», которая скрывалась в таких местах, как остров Батам, Индонезия.

В результате международного сотрудничества ликвидировано в общей сложности 795 преступных организаций, занимавшихся интернет-преступлениями, арестовано более 12 000 подозреваемых и раскрыто 18 000 уголовных дел. В 2023 году министерство безопасности Китая выпустило инструкции по надзору за 37 крупными делами, связанными с преступными организациями. В то же время были предприняты усилия по задержанию беглецов, в результате чего было арестовано 1222 человека, в том числе 1105 на родине и 117 за рубежом.

В декабре 2023 года, основываясь на изучении соответствующих уголовных фактов и доказательств, органы общественной безопасности Китая объявили публичное вознаграждение за арест 10 ключевых лидеров преступной группировки, занимающейся телекоммуникационным и интернет-мошенничеством на севере Мьянмы. При активной поддержке Министерства иностранных дел Китая и посольства Китая в Мьянме была направлена рабочая группа в Мьянму для осуществления международного сотрудничества в области правоохранительной деятельности. Рабочая группа провела несколько раундов переговоров и консультаций со стороной Мьянмы, достигнув консенсуса о совместной борьбе с преступлениями, связанными с телекоммуникационным и интернет-мошенничеством, и приложив все усилия для ареста и передачи ключевых лидеров группы, занимающейся телекоммуникационным и сетевым мошенничеством. В результате достигнутых соглашений в области борьбы с транснациональной преступностью 44 000 подозреваемых, причастных к мошенничеству в телекоммуникационных сетях на севере Мьянмы, были переданы Китаю, включая 171 ключевого члена и 2908 членов, орудующих во Всемирной сети, что является значительным достижением в борьбе с мошенничеством в телекоммуникационных сетях. По сообщениям СМИ Китая, в 2023 году при активном сотрудничестве соответствующих ведомств Мьянмы Китаю были переданы 41 000 подозреваемых в мошенничестве в сфере телекоммуникаций и сетей.

Сегодня преступность не имеет фактических границ и берёт на вооружения все достижения науки и техники, в частности, начинает использовать в своей деятельности искусственный интеллект. В 2023 году полиция Гонконга уже планировала модернизировать технологическую поддержку для обработки цифровых доказательств и усилить НИОКР в области технологий, используемых в борьбе с преступностью.

В результате появления и использований технологий с использованием возможностей искусственного интеллекта поможет выявлять местонахождение и идентифицировать преступников в глобальной сети.

Сегодня в большей степени Китай работает над расширением сотрудничества, активно берёт на себя ответственность за решение проблем управления киберпространством, играя решаю-

щую роль в сокращении технологического разрыва между странами.

В целом алгоритм борьбы в упрощенном виде выглядит следующим образом:

- исследования в том числе социологические, позволяющие понять, какие основные факторы влияют на распространения интернет-преступности внутри страны, и кто может стать жертвой таких преступлений;
- правовая инфраструктура, позволяющая гибко реагировать и на вызовы времени и меняющейся преступности, в частности, применения уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении уголовных дел о киберпреступлениях в сфере информации;
- расширение НИОКР в области противодействия киберпреступлениям в сфере информации;
- обучение сотрудников и внедрение новых инструментов работы;
- расширение международного сотрудничества в области противодействия транснациональной преступности, в том числе киберпреступлениям;
- использование механизмов «мягкой силы» в отношении информационно-профилактической работы как внутри страны, так и за её пределами.

Высокотехнологичные преступления как новый тип преступления, это очень сложная проблема для правительств разных стран, которую необходимо решать и контролировать, и поэтому она стала одной из основных проблем, с которой сталкиваются полицейские силы по всему миру. Объединение усилий в борьбе с этим недавно появившимся феноменом является общей ответственностью полиции всех стран. Сегодня органы общественной безопасности по всему Китаю полны решимости искренне обеспечивать соблюдение Закона о борьбе с телекоммуникационным и онлайн-мошенничеством посредством укрепления сотрудничества со своими международными коллегами и усиления внутренних усилий по борьбе с этим преступлением, чтобы предотвратить его дальнейшее распространение и привлечь мошенников к ответственности.

Литература

1. Уголовно-правовое противодействие киберпреступности в России и Китае: сравнительно-правовой аспект (Рогова Е.В.) («Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации», 2024, N 1)
2. Сюй Цзяньфэн. Основное мышление о концепции участия уголовного права в эпоху интернета // Юрид. наука. 2017. N 3.
3. Ван Гуанлун. Уголовно-правовое регулирование противодействия киберпреступности в Китае: состояние, тенденции и недостатки // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Право. 2022. N 3

4. Рогова Е.В. Уголовно-правовое противодействие киберпреступности в России и Китае: сравнительно-правовой аспект // Вест. ун – та прокуратуры Российской Федерации. 2024. N 1
5. Шелахаев, А.А. Система построения общественной и политической безопасности Китая / А.А. Шелахаев, А.В. Комбаев // Восточный вектор: история, общество, государство. – 2024. – № 1. – С. 33–38.

APPROACHES TO UNDERSTANDING CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION IN CONSIDERING CRIMINAL CASES OF CYBERCRIMES IN THE INFORMATION SPHERE: GENERALIZING CHINA'S EXPERIENCE

Kombaev A.V., Nesterov V.N.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Crime trends are largely associated with the acceleration of technical progress in modern society, as a result, the improvement of information and telecommunications tools, which today are an integral part of modern life. The last decade has witnessed the rapid spread of telecommunications and online fraud around the world, which seriously violates the legitimate rights and interests of people,

becoming a serious crime and a public danger. The article describes the approaches of Chinese lawyers to understanding the application of criminal procedure legislation when considering criminal cases of cybercrime in the information sphere. The author describes the positive practices of China's international cooperation in the fight against transnational cybercrime, notes the features of China's political system, which allows creating a specific system of control over crimes in the information sphere.

Keywords: cybercrime, criminal law measures, jurisprudence, legislation, society, online fraud, cooperation, police, China.

References

1. Criminal-legal counteraction to cybercrime in Russia and China: comparative legal aspect (Rogova E.V.) («Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation», 2024, N 1)
2. Xu Jianfeng. Basic thinking on the concept of participation of criminal law in the Internet era // Legal science. 2017. N 3.
3. Wang Guanglong. Criminal-legal regulation of counteraction to cybercrime in China: status, trends and shortcomings // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2022. N 3
4. Rogova E.V. Criminal-legal counteraction to cybercrime in Russia and China: comparative legal aspect // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. N 1
5. Shelakhaev, A.A. The system of building public and political security in China / A.A. Shelakhaev, A.V. Kombaev // Eastern vector: history, society, state. – 2024. – No. 1. – P. 33–38.

Криминологическая характеристика современных преступлений в сфере телекоммуникаций

Кораблев Андрей Алексеевич,

старший преподаватель Университета «Синергия», адвокат
Адвокатской палаты г. Москвы

В рамках статьи исследуется терминология, связанная с преступлениями, совершаемыми с применением телекоммуникаций, при этом выявляется, что на современном этапе не имеется показателей и критериев для выделения преступлений в сфере телекоммуникационных технологий, при этом борьба с подобными преступлениями является значимой, поскольку затрагивает аспекты информационной, компьютерной безопасности, защиты личной тайны, тайны компьютерных данных. В рамках данной статьи исследуются авторские позиции в отношении трактовки тайны компьютерной информации в качестве правового понятия, которое причисляется к элементам современной информационной безопасности, при этом непосредственно тайна трактуется в качестве формирования правовых гарантий защиты прав человека, закрепляемых положениями Конституции РФ, которые сопряжены с неприкосновенностью частной жизни, семейной и личной тайны, а также персональной информации.

Ключевые слова: компьютерная и информационная безопасность; криминологическая характеристика, преступления в телекоммуникационной сфере, тайна компьютерных данных, киберпреступления, защита компьютерной информации, телекоммуникационные технологии.

В настоящее время неоспоримым представляется факт активного распространения телекоммуникационных технологий, затронувших различные сферы жизни и деятельности человека, что формирует основу для высоких показателей латентности и анонимности преступных деяний, которые регулярно совершенствуются. На современном этапе множество преступных разработок рассчитаны на их реализацию в дистанционном формате, что позволяет лицам, не имеющим соответствующего преступного опыта, совершать различные преступления, получая заработок.

Многими учеными подчеркивается скорость развития телекоммуникационных технологий, что связывается ими с увеличением количества преступлений в виртуальном и информационном пространстве, при этом ими приводятся статистические показатели [1], опираясь на которые в области компьютерных данных к 2023 г. регистрируется свыше 3000 преступлений, а их раскрываемость в среднем составляет 27% [2].

Также органами МВД России регистрируется свыше 290 тысяч преступных деяний, которые основываются на применении телекоммуникаций, информационных технологий, однако их раскрываемость в настоящее время не превышает 24% [3], что обусловлено оперативностью развития и совершенствования технологий, методик совершения преступлений.

Необходимо отметить, что в современной криминологии сформировано множество новых терминов и их определений, которые затрагивают преступления в сфере информационных технологий [4], киберпреступления [5], телекоммуникационные преступления [6], IT-преступления [7], компьютерные преступления [1], при этом с позиции уголовного законодательства информационные преступления, которыми затрагивается безопасность данных, закрепляются в гл. 28, в рамках которой выделяются соответствующие составы преступлений (ст.ст.272–274.1 УК РФ) [8].

Стоит подчеркнуть, что в рамках положений уголовного законодательства существует определение термина «компьютерная информация», под которым трактуются данные, приведенные в электронном формате, с применением электрических сигналов, вне зависимости от средств их обработки, передачи, хранения. Таким образом, с позиции законодательства регламентируется ответственность за преступные деяния, затрагивающие виртуальное пространство, компьютерную информацию, вследствие чего предпринимается попытка защиты компьютерных данных.

Тайна компьютерных данных является элементом современной информационной безопасности, при этом она является правовой основой, гарантирующей реализацию и защиту конституционных прав граждан, связанных с неприкосновенностью частной жизни, личной тайны [9].

Как отмечают авторы, уголовное законодательство содержит несколько составов преступлений, в которых в качестве факультативного признака объективной стороны выступает применение телекоммуникаций, информационных технологий. Среди подобных статей уголовного законодательства выделяются 138.1, 159.6, 187, 185.3 и другие [8].

Однако уголовное законодательство не ограничено приведенными ранее составами преступлений в рамках исследуемой темы, поскольку существуют составы, в которых в качестве квалифицирующего признака выступает применение в рамках преступлений телекоммуникационных, информационных технологий, например, ч. 2 ст. 110, ч. 3 ст. 110.1, ст. 151.2, ч. 2 ст. 205.2, ст. 245, ч. 2 ст. 280, ч. 3 ст. 137 УК РФ и другие.

Исследуемые составы преступлений не затрагивают весь спектр современных деяний, которые основываются на применении телекоммуникаций, информационных технологий и виртуального пространства, при этом, основываясь на позиции авторов, а также Приказе Генеральной прокуратуры РФ, в качестве преступлений, которые базируются на использовании компьютерных, телекоммуникационных технологий выступают преступления с применением поддельных дебетовых и кредитных карт, поддельных документов, компьютерного оборудования, программ, фиктивных электронных платежей, виртуального пространства [1;10].

Опираясь на статистические показатели, уже к 2023 г. в виртуальном пространстве было совершено свыше 170 тысяч преступлений (и данные показатели регулярно увеличиваются), посредством мобильной связи было совершено более 130 тысяч преступлений, посредством банковских карт было совершено более 40 тысяч преступлений, а посредством различных компьютерных программ и оборудования было совершено более 20 тысяч преступлений [2].

Таким образом, отмечается регулярно увеличение количества преступлений, связанных с применением телекоммуникаций, виртуального пространства и информационных технологий, при этом их общий удельный вес среди прочих преступлений составляет в среднем 2–3%, а многие из них базируются на реализации различных корыстных мотивов преступников.

В настоящее время учеными-криминологами подчеркивается необходимость выявления, осознания оснований и причин, связанных с развитием преступлений в телекоммуникационной сфере, при этом ими формулируются предложения, связанные с необходимостью улучшения законодательного регулирования деятельности, которая непосредственно связана с определением интернет-ресурсов, которые обладают запретными данными,

либо формируют основу для взаимодействия заказчиков и исполнителей преступлений [11].

Современными криминологами излагаются предложения, связанные с привлечением к ответственности интернет-провайдеров, которыми не ограничивается доступ клиентов к соответствующим интернет-ресурсам, при этом предлагается регулирование аспектов, связанных с применением мобильных устройств и связи, а также определение санкций для операторов, которыми не осуществляется контроль абонентов, приобретающих номера. Последняя проблема сопряжена с тем, что нередко третьими лицами номера и сим-карты приобретаются не на свое имя [12].

В качестве значимой основы активного развития современных преступлений в области телекоммуникаций выступает применение различных средств, позволяющих соблюдать анонимность пользователей, вследствие чего необходимо противодействие подобным аспектам, а также реализация различных программ, связанных с повышением информированности граждан относительно существования угроз совершения подобных преступлений, для чего требуется также повышение информационно-телекоммуникационной грамотности.

С позиции криминологии сложности в раскрытии преступлений в сфере телекоммуникационных технологий сопряжены с наличием анонимности пользователей, возможностями получения данных, которые запрашиваются правоохранительными органами у банков, операторов сетей, которые связаны с реализацией длительных процессов, которые являются малоэффективными. Также в качестве проблемы выступает продажа номеров мобильных операторов третьим лицам без проверки их документов, а также образование множества новых видов преступлений, мошеннических операций, связанных с применением телекоммуникационных средств. Это формирует необходимость разработки более современных методов раскрытия преступлений.

Сложности в раскрытии сопряжены и с нестабильностью в геополитике, распространением дистанционного формата банковского обслуживания, применения государственных услуг, функционированием множества учреждений.

Соответственно, в настоящее время в качестве важного элемента противодействия киберпреступлениям, а также преступлениям в телекоммуникационной сфере выступает увеличение профессионализма в области компьютерной информации, улучшение методик обучения будущих сотрудников правоохранительных органов в ВУЗах.

Авторами считается «целесообразным проводить занятия с действующими сотрудниками органов внутренних дел, обучать их работе с существующим комплексом IT-технологий, представляя информацию о том, как работает то или иное программное обеспечение, его особенности, слабые и сильные места конкретного софта на практике» [13].

Как отмечают ученые, «проблема роста компьютерной преступности, причиняющей огромный вред общественным отношениям, требует от государства выработки принципиально новых подходов для борьбы с данным явлением. Полагаю необходимым ускорить разработку и внедрение передовых методик выявления и раскрытия преступлений в сфере высоких технологий, ужесточить уголовное наказание за совершение преступлений в сфере компьютерной информации, осуществлять просвещение населения относительно безопасного поведения при использовании информационно-телекоммуникационных средств» [12].

Можно сделать вывод, что направления противодействия современным преступлениям в сфере телекоммуникаций основываются на использовании соответствующих эффективных мер предупреждения, при этом значимость реализации подобных мер невозможно переоценить, поскольку ежегодно увеличивается количество преступлений, связанных в первую очередь с реализацией мошеннических действий в области телекоммуникационных технологий, которые формируют угрозу для граждан и государства в целом.

Посредством современных криминологических методов, подходов, а также совершенствования правового регулирования исследуемых преступлений возможно формирование эффективных мер противодействия им, что позволит сократить существующие показатели совершаемых преступлений в области информации и телекоммуникаций.

Литература

1. Крапива И.И., Прудникова И.В. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых с использованием современных телекоммуникационных технологий // Закон и право. 2020. № 10.
2. За 2023 год количество совершенных IT-преступлений выросло на треть – МВД// Российское агентство правовой и судебной информации, 2023 – [Электронный ресурс]: URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20240312/309690643.html#:~:text=%C2%A%D0%92%202023%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83%20%D0%B7%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5,%D1%82%D1%8B%D1%81%D1%8F%D1%87%D0%B8%2C%20%D0%B8%D0%B%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C%20%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D1%88%D0%B5
3. Основные показатели деятельности МВД России // Сайт МВД России. «Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 г.» // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/>
4. Крылов В.В. Основы криминологической теории расследования преступлений в сфере информации. М.: МГУ, 1998. С. 50
5. Халиуллин А.И. Подходы к определению киберпреступления // Рос. следователь. 2015. № 1. С. 34–39.
6. Гребеньков А.А. Понятие информационных преступлений, место в уголовном законодательстве России и место признаков информации в структуре их состава // Lex russica. 2018. № 4. С. 108–120.
7. Сулопаров А.В. Информационные преступления: Авто-реф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024)// Собрание законодательства РФ. № 63. 2024. Ст.ст.272–274.1
9. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
10. Приказ Генеральной прокуратуры, МВД, МЧС, миноста, ФСБ, министерства экономического развития и торговли, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков о едином учете преступлений от 29 декабря 2005 г. N 39/1070/1021/253/780/353/399//Российская газета. № 1.2006
11. Баранов А.А., Соломатина Е.А., Шукаева Д.Т. Предупреждение преступлений и правонарушений органами внутренних дел в период распространения новой коронавирусной угрозы. Вестник экономической безопасности. 2020 № 5 С. 107.
12. Дук Ю.И. Пандемия и криминализация населения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2021 т23. № 3 с. 200.
13. Петушинова В.Р. Криминологическая характеристика преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в Республике Бурятия // Вестник науки № 1 (46) том 5. С. 159–164. 2022 г.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MODERN CRIMES IN THE FIELD OF TELECOMMUNICATIONS

Korablev A.A.
Synergy University

Within the framework of this article, the terminology related to crimes committed with the use of telecommunications is investigated, while it is revealed that at the present stage there are no indicators and criteria for identifying crimes in the field of telecommunications technologies, while the fight against such crimes is significant, since it affects aspects of information, computer security, protection of personal secrets, secrets of computer data.

Within the framework of this article, the author's positions on the interpretation of the secrecy of computer information as a legal concept, which is considered to be an element of modern information security, while secrecy is directly interpreted as the formation of legal guarantees for the protection of human rights, enshrined in the

provisions of the Constitution of the Russian Federation, which are associated with the inviolability of private life, family and personal secrets, as well as personal information.

Keywords: computer and information security; criminological characteristics, crimes in the telecommunications sector, secrecy of computer data, cybercrime, protection of computer information, telecommunication technologies.

References

1. Krapiva I.I., Prudnikova I.V. Criminological characteristics of crimes committed using modern telecommunication technologies // Law and law. 2020. № 10.
2. In 2023, the number of IT crimes committed increased by a third – the Ministry of Internal Affairs//Russian Agency of Legal and Judicial Information, 2023 – [Electronic resource]: URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20240312/309690643.html#:~:text=%C2%AB%D0%92%202023%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83%20%D0%B7%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5,%D1%82%D1%8B%D1%81%D1%8F%D1%87%D0%B8%20%D0%B8%D0%BB%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C%20%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D1%88%D0%B5
3. Main indicators of the activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. "The state of crime in the Russian Federation in January – December 2023" // URL: <https://xn-b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/>
4. Krylov V.V. Fundamentals of criminological theory of investigation of crimes in the field of information. Moscow: Moscow State University, 1998. p. 50
5. Khaliullin A.I. Approaches to the definition of cybercrime // Russian investigator. 2015. No. 1. pp. 34–39.
6. Grebenkov A.A. The concept of information crimes, the place in the criminal legislation of Russia and the place of signs of information in the structure of their composition // Lex russica. 2018. No. 4. pp. 108–120.
7. Susloparov A.V. Information crimes: Auto-ref. dis. ... cand. Jurid. sciences. Krasnoyarsk, 2008.
8. The Criminal Code of the Russian Federation" dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 06/12/2024) (with amendments and additions, intro. effective from 07/06/2024)//Collection of legislation of the Russian Federation. No.63. 2024. Articles 272–274.1
9. The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020)
10. Order of the Prosecutor General's Office, the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Emergency Situations, the Ministry of Justice, the FSB, the Ministry of Economic Development and Trade, the Federal Drug Control Service on unified Crime accounting dated December 29, 2005 No. 39/1070/1021/253/780/353/399// Rossiyskaya gazeta. № 1.2006
11. Baranov A.A., Solomatina E.A., Shukaeva D.T. Prevention of crimes and offenses by law enforcement agencies during the spread of the new coronavirus threat. Bulletin of Economic Security. 2020 No.5 p.107.
12. Duk Yu.I. Pandemic and criminalization of the population // Asia-Pacific region: economics, politics and law. 2021 t23. No.3 p.200.
13. Petushinova V.R. Criminological characteristics of crimes committed using information and telecommunication technologies in the Republic of Buryatia // Bulletin of Science No. 1 (46) volume 5. pp. 159–164. 2022

Вопросы формы виновности при совершении преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы формы виновности лиц при совершении ими преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ – «Доведение до самоубийства». Автор исследует понятие и состав доведения до самоубийства. По мнению автора, трактовка формы виновности в совершении данного преступления только как умысла является достаточно односторонней, не охватывающей все возможные ситуации, при которых виновный тем или путем доводит потерпевшего до решения свести счеты с жизнью. Также автор утверждает, что данный подход может даже способствовать виновному лицу избежать уголовной ответственности и наказания. В статье автор приводит несколько приговоров различных судов по соответствующей статье УК РФ, описывающих ряд ситуаций, при которых совершаются подобные преступления. По мнению автора, при доказывании подобных преступлений задача органов следствия существенно усложняется, зачастую делая невозможным доказывание вины лица по ст. 110 УК РФ. Установление прямой причинно-следственной связи между действиями виновного и самоубийством потерпевшего затруднено еще и тем, что решение покончить с жизнью напрямую зависит от личности потерпевшего – состояния его психики и здоровья на момент происшедшего, его волевых качеств, материального положения, наличия или отсутствия поддержки со стороны родных и близких. Поэтому, по мысли автора, необходимо признать доведение до самоубийства преступлением, совершаемым с прямым или косвенным умыслом либо по неосторожности. При этом неосторожность здесь возможна и в форме небрежности и в форме легкомыслия. Подобная трактовка этого преступного деяния позволит учесть все последствия примененного виновным в отношении потерпевшего насилия, оскорблений, унижений, угроз и т.п.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, доведение до самоубийства, совокупность статей, виновность, прямой и косвенный умысел, неосторожность, общая и частная превенция преступлений.

В теории уголовного права преступление, предусмотренное статьей 110 УК РФ традиционно считается умышленным. Большинство комментариев к данной статье [1] трактуют данное преступление как совершаемое с прямым или с косвенным умыслом. Однако, с нашей точки зрения, такой подход к указанному преступному деянию является достаточно однобоким, не охватывающим все возможные ситуации, когда виновный тем или путем доводит потерпевшего до решения свести счеты с жизнью. Более того, данный подход может способствовать виновному лицу избежать уголовной ответственности и наказания.

Так, приговором Октябрьского районного суда г. Саратова от 12.12. 2017 года, [2] Б. осужден по ч. 1 ст. 110 УК РФ к 2 годам лишения свободы, а на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ – к 4 годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Б. признан виновным в доведении до покушения на самоубийство своей матери Б.Н.С. путем угроз, жестокого обращения и систематического унижения её человеческого достоинства при следующих обстоятельствах.

В течение длительного периода времени, Б. неоднократно высказывал своей матери оскорбительные слова и слова грубой нецензурной брани, систематически унижая тем самым ее честь и достоинство. Кроме того, Б. жестоко обращался со своей матерью, причинял ей телесные повреждения, угрожал убийством, неоднократно без её ведома и согласия забирал принадлежащие ей денежные средства, портил и ломал принадлежащее ей имущество.

Вследствие подобных действий Б. Н.С., доведенная до отчаяния, решила совершить суицид и приняла большое количество лекарственных средств. Однако, несмотря на острое отравление, смерть Б.Н.С. не наступила, поскольку ей вовремя была оказана соответствующая медицинской помощи.

Подобные ситуации в следственной практике нередки. Однако в ходе расследования подобных дел зачастую возникает проблема с доказыванием наличия прямого или косвенного умысла на доведение лица до самоубийства.

Фактически единственным доказательством виновности лица в совершении доведения до самоубийства является признание им наличия подобного умысла при совершении преступного деяния. Следует учесть то обстоятельство, что данное преступление относится к преступлениям с неочевидным умыслом. В отличие от любого другого преступле-

ния, направленного против жизни и здоровья, в подавляющем большинстве случаев здесь из самого характера действий виновного не следует, что он прямо или косвенно желал, чтобы потерпевший совершил суицид. Неоднократное нанесение телесных повреждений различными способами, причинение побоев, оскорбления, унижение человеческого достоинства квалифицируются по иным, вполне определенным, статьям Уголовного кодекса Российской Федерации или Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. При этом из характера совершения указанных преступлений всегда с очевидностью следует, что умысел был направлен на совершение именно этого, а не какого – либо иного, преступления.

Однако при этом при доведении до самоубийства умысел далеко не так очевиден. Здесь виновному достаточно избрать, в качестве тактики защиты, позицию, при которой он, не отрицая совершения им причинения телесных повреждений или побоев виновному, оскорбления виновного или унижение его, настаивает, что умысла на доведение до самоубийства у него не было. В подобных случаях виновный настаивает, что не допускал возможности совершения потерпевшим самоубийства и что суицид или попытка суицида потерпевшего явились для него полной неожиданностью.

В таких случаях задача органов следствия существенно усложняется, зачастую делая невозможным доказывание вины по ст. 110 УК РФ. Установление прямой причинно-следственной связи между действиями виновного и самоубийством потерпевшего затруднено еще и тем, что решение покончить с жизнью напрямую зависит от личности потерпевшего – состояния его психики и здоровья на момент происшедшего, его волевых качеств, материального положения, наличия или отсутствия поддержки со стороны родных и близких.

Следовательно, в определенных ситуациях, даже при оказании сильного морального и физического давления, потерпевший не совершит самоубийства ни в каком случае. В других же ситуациях, даже при незначительном давлении, потерпевший может решиться на суицид.

Приговором Красноармейского районного суда Чувашской Республики от 09.06.2016 г. Ф.В.Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ в отношении своей жены Ф.

Судом установлено, что Ф. в течение определенного периода времени трижды наносил своей жене побои, вследствие чего она пыталась покончить самоубийством, приняв большую дозу лекарственных препаратов. Однако соседка вовремя оказала ей медицинскую помощь, вследствие чего смерть не наступила. [3]

При этом Ф. виновным себя по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, не признал, заявив, что он ее до покушения на самоубийство не доводил, что не мог даже предположить о том, что она может решиться на это.

Согласно приговору Кисловодского городского суда Ставропольского края от 02.02.2021 г., [4] С. единожды наносил побои своей жене, кроме того неоднократно высказывал оскорбления в ее адрес. Вследствие этого она пыталась покончить жизнь самоубийством, порезав себе вены опасной бритвой. В ходе судебного разбирательства допрошенная в качестве свидетеля мать потерпевшей пояснила, что ее дочь и ранее резала себе вены по неизвестным ей причинам. Другие свидетели пояснили, что потерпевшая злоупотребляет спиртными напитками.

Приведенные приговоры свидетельствуют о том, что, во – первых, зачастую виновный просто не подозревает и не догадывается о том, что в результате его действий потерпевший может предпринять попытку суицида; во – вторых же, большое значение имеет личность потерпевшего, в частности его склонность либо несклонность к самоубийству.

Таким образом, следует признать, что умысел на доведение до самоубийства не всегда имеет место при применении физического или психологического насилия виновного лица в отношении потерпевшего. Также не во всех случаях, даже при оказании сильного физического или морального давления на потерпевшего, он способен совершить самоубийство; и, напротив, при наличии определенной склонности потерпевший способен на попытку суицида даже при оказании на него незначительного давления.

Тем не менее, самоубийство или попытка самоубийства как следствие оказания на потерпевшего физического, психического или морального давления, безусловно не должно оставаться безнаказанным.

Поэтому полагаем, что необходимо признать доведение до самоубийства преступлением, совершаемым с прямым или косвенным умыслом либо по неосторожности. При этом неосторожность здесь возможна и в форме небрежности и в форме легкомыслия.

Подобная трактовка этого преступного деяния позволит учесть все последствия примененного виновным в отношении потерпевшего насилия, оскорблений, унижений, угроз и т.п. В случае, если при проведении проверки или в ходе предварительного расследования будет установлено наличие прямой причинно – следственной связи между подобными действиями, примененными виновным к потерпевшему, и их последствиями в виде совершения потерпевшим оконченного самоубийства или покушения на самоубийство, то действия виновного в любом случае, при наличии либо при отсутствии у него соответствующего умысла, надлежит квалифицировать как доведение до самоубийства.

Естественно, речь идет о квалификации соответствующих действий виновного по совокупности со статьями 111, 112, 115, 116, 117, 131, 132 УК РФ или же иными статьями, предполагающими применение насилия, или же в совокупности со ста-

тьей 128¹ УК РФ – «Клевета», поскольку публичное распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, также может стать поводом для суицида.

Признание возможности вины в форме неосторожности при совершении доведения до самоубийства обеспечит гораздо лучшую защиту граждан и от этого вида преступления, а также и от целого ряда других преступлений, связанных с физическим или психологическим насилием. В этом случае виновный при совершении любых насильственных действий в отношении потерпевшего либо при любом оскорблении или унижении потерпевшего, повлекших хотя бы попытку суицида, может быть привлечен к ответственности по ст. 110 УК РФ даже при отсутствии у него соответствующего умысла либо при невозможности доказать наличие у него подобного умысла. Безусловно, такое положение вещей способствует целям и частной и общей превенции преступлений.

При этом следует отметить, что в современной редакции Федерального закона от 29.07.2017 г. № 248 – ФЗ часть 1 ст. 110 УК РФ является тяжким, а часть 2 – особо тяжким преступлениями.

Также необходимо уточнить, что осуждение по ст. 110 УК РФ возможно лишь в том случае, если примененное насилие, оскорбления, угрозы или унижения причинили настолько существенный вред охраняемым законом правам потерпевшего и его морально-психологическому состоянию, что вынудили его совершить самоубийство. В противном же случае осуждение по указанной статье невозможно. Существенность причиненного вреда мотивированно устанавливается в ходе следствия и затем подтверждается либо не подтверждается судом.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов – на – Дону. Издательский центр «МарТ». 2002. 864 с. С. 240.
2. Приговор Октябрьского районного суда г. Саратова от 12 декабря 2017 года URL: http://kirovsky.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2898 (дата обращения 22.09.2024 г.).
3. Приговор Красноармейского районного суда Чувашской Республики от 09.06.2016 г. URL: <https://advokat15ak.ru/приговор-по-ста->

ть-110-ук-рф-доведение-до/ (дата обращения 22.09.2024 г.).

4. Приговор Кисловодского городского суда Ставропольского края от 02.02.2021 г. URL: <https://судебныерешения.рф/57413977> (дата обращения 22.09.2024 г.).

QUESTIONS OF THE FORM OF GUILT IN THE COMMISSION OF A CRIME UNDER ARTICLE 110 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article examines the issues of the form of guilt of persons when they commit a crime under Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Incitement to suicide”. The author explores the concept and composition of suicide. According to the author, the interpretation of the form of guilt in the commission of this crime only as intent is rather one-sided, not covering all possible situations in which the perpetrator somehow brings the victim to the decision to take his own life. The author also argues that this approach may even help the perpetrator to avoid criminal liability and punishment. In the article, the author cites several sentences of various courts under the relevant article of the Criminal Code of the Russian Federation, describing a number of situations in which such crimes are committed. According to the author, when proving such crimes, the task of the investigative authorities becomes significantly more complicated, often making it impossible to prove the guilt of a person under Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation. The establishment of a direct causal relationship between the actions of the perpetrator and the suicide of the victim is also complicated by the fact that the decision to end his life directly depends on the personality of the victim – the state of his psyche and health at the time of the incident, his volitional qualities, financial situation, the presence or absence of support from relatives and friends. Therefore, according to the author, it is necessary to recognize suicide as a crime committed with direct or indirect intent or negligence. At the same time, carelessness is possible here both in the form of negligence and in the form of frivolity. Such an interpretation of this criminal act will allow taking into account all the consequences of violence, insults, humiliations, threats, etc. applied by the perpetrator against the victim.

Keywords: qualification of crimes, criminal liability, incitement to suicide, a set of articles, guilt, direct and indirect intent, negligence, general and private crime prevention.

References

1. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Rostov-on-Don. Publishing center “March”. 2002. 864 p. 240.
2. Verdict of the Oktyabrsky district Court of Saratov dated December 12, 2017 URL: http://kirovsky.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2898 (date of appeal 09/22/2024).
3. Verdict of the Krasnoarmeysky District Court of the Chuvash Republic dated 06/9/2016. URL: <https://advokat15ak.ru/приговор-по-статье-110-ук-рф-доведение-до/> (accessed 22.09.2024).
4. The verdict of the Kislovodsk City Court of the Stavropol Territory dated 02.02.2021. URL: <https://судебныерешения.РФ/57413977> (accessed 22.09.2024).

Особенности современного развития способов расследования и раскрытия преступлений, совершенных криминальными группами

Кузьмин Дмитрий Александрович,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой криминалистики, ФГКОУ ВО «Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации», полковник юстиции.

Родионова Яна Вячеславовна,

следователь по особо важным делам Нижегородского следственного отдела на транспорте Центрального межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации, майор юстиции.

Преступления, совершаемые криминальными группами, представляют собой угрозу развития коррупции и незаконной деятельности, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на состоянии общества в целом.

Преступления, совершаемые криминальными группами, относятся к сложному и структурированному преступному предприятию, которое занимается незаконной деятельностью на регулярной и систематической основе. Преступления, совершенные криминальными группами, оказывают значительное влияние на мировое сообщество, в связи с чем подчеркивается сложность определения этого явления и его различных форм.

Правоохранительные органы играют решающую роль в борьбе с этими преступными сетями и пресечении их деятельности. Однако эта задача не лишена трудностей. Эти выводы подчеркивают многогранный характер преступлений, совершенных криминальными группами и необходимость комплексных правовых мер реагирования как на национальном, так и на международном уровнях.

Цель статьи – изучить особенности современного развития способов расследования и раскрытия преступлений, совершенных криминальными группами.

Задачи исследования:

– анализ характеристик и трудностей, связанных с деяниями, осуществляемыми криминальными группами;

– разработка направлений проведения следственных действий для выявления и разоблачения преступлений, осуществляемых криминальными группами.

Практическая значимость исследования заключается в том, что изучение особенностей расследования и раскрытия преступлений, совершенных криминальными группами, позволит разработать направления по повышению эффективности их раскрытия и снижения преступлений в целом.

Ключевые слова: преступления, криминальные группы, расследование и раскрытие, особенности.

Введение

Основной целью организованных криминальных групп является получение значительной прибыли с помощью различных незаконных средств, таких как незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, отмывание денег, рэкет и многое другое. Эти преступные организации часто действуют с иерархией, разделением труда и кодексом поведения в своих рядах [9].

Борьба с преступлениями, совершенными криминальными группами, требует многостороннего подхода, сочетающего усилия правоохранительных органов с законодательными мерами, технологическими достижениями, вовлечением общественности и международным сотрудничеством. Сочетание этих стратегий поможет наиболее эффективно расследовать и раскрывать преступления.

Материалы и методы исследования

Исследование особенностей расследования и раскрытия преступлений, совершенных криминальными группами, осуществлялось путем изучения нормативно – правовых актов, анализа современной ситуации, связанной с деятельностью криминальных групп и способов развития направлений расследования данных преступлений.

Результаты и обсуждение

Особенности раскрытия и расследования преступлений, совершаемых криминальными группами, обусловлены, прежде всего, повышенной общественной опасностью этих преступлений.

Когда преступления осуществляются криминальными группами, возможность действовать в нескольких локациях одновременно или с минимальным интервалом времени значительно увеличивает объем ущерба от их действий. Это связано с тем, что групповая работа усиливает эффективность преступной активности [1].

На протяжении многих лет правительства и правоохранительные органы разрабатывали различные подходы и стратегии для борьбы с криминальными группами. Однако эффективность этих мер часто зависит от конкретного контекста и характера задействованных преступных организаций.

Для инициирования уголовного преследования могут служить различные факторы, включая данные, полученные в результате оперативных действий, а также проверки информации, исходящей

из множества источников, включая СМИ, а также основываясь на обращениях от индивидов и организаций. Расследование может начаться на основе улик и фактов, указывающих на выполнение преступления каким-либо лицом или группой лиц, выявленных через анализ доказательств наличия действия, угрожающего общественной безопасности [5].

Получив материалы результатов оперативно – розыскной деятельности, возможно относящиеся к деятельности организованной преступной группы или преступного сообщества, следователю необходимо их оценить с точки зрения использования в процессуальной деятельности. В ходе проведения оперативно-розыскных действий собранная информация может послужить не только основой для начала уголовного процесса, но и ключевым фактором, подтверждающим причастность или отсутствие вины у задействованного лица [10].

Ниже перечислены направления действий, используемых в расследовании и раскрытии преступлений, совершенными криминальными группами:

- сотрудничество правоохранительных органов: учитывая характер преступности криминальных групп, сотрудничество между правоохранительными органами имеет решающее значение. Обмен данными и координация расследований необходимы для ликвидации преступных сетей;
- вовлечение сообщества: устранение коренных причин преступности криминальных групп требует вовлечения сообщества и социальных вмешательств;
- разрушение финансовых сетей: разрушение финансовых сетей, поддерживающих криминальные группы, является ключевой стратегией в борьбе с их деятельностью. Важными шагами в этом направлении являются: усиление правил борьбы с отмыванием денег, расширение возможностей финансовой разведки и укрепление сотрудничества между финансовыми учреждениями и правоохранительными органами [2].

В настоящее время существуют проблемы, связанные с расследованием и раскрытием преступлений, совершенных криминальными группами:

- отсутствие эффективного законодательства: отсутствует центральное законодательство, специально направленное против преступлений криминальных групп. Необходимы специализированные законы, а также уполномоченные правоохранительные органы для эффективной борьбы с преступностью криминальных групп;
- медленные судебные процессы: судебный процесс по делам о преступлениях, совершенных криминальными группами, часто протекает медленно, что приводит к низкому проценту обвинительных приговоров. Свидетели могут отказаться давать показания из-за страха, а доказательства со временем могут быть утеряны;
- трудности с получением доказательств: свидетели часто отказываются давать показан

ия против криминальных групп, что приводит к оправданию из-за недостаточности доказательств. Тактика влияния и запугивания, используемая этими преступниками, удерживает свидетелей от сотрудничества.

По мере того, как современные процессы становятся все более взаимосвязанными благодаря глобализации и технологическому прогрессу, криминальные группы также адаптируются и развиваются. Современная эпоха ставит перед криминальными группами уникальные задачи и открывает возможности, позволяя им расширять свою деятельность и эксплуатировать развивающиеся рынки [7].

Организованная преступность представляет серьезную угрозу для общества, применяя такие тактики, как вымогательство, похищение людей, кража и другие преступления [8].

Развитие сети Интернет и цифровых технологий также открыло новые возможности для организованной преступности. Киберпреступность, например, стала прибыльной, преступные синдикаты занимаются такими видами деятельности, как взлом, кража личных данных и онлайн-мошенничество. Анонимность и глобальный охват, предоставляемые сетью Интернет, облегчили преступникам трансграничную деятельность и уход от правоохранительных органов [4].

На рисунке 1 представлены три категории криминальных групп, которые используют достижения информационно-коммуникационных технологий для нарушения правового и нормативного контроля.

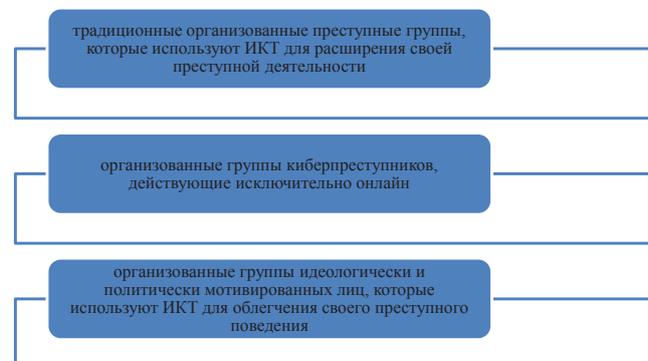

Рис. 1. Категории криминальных групп, использующих ИКТ технологии

В связи с этим потребность правоохранительных органов в глубоких знаниях принципов, руководств, процедур, инструментов и техник современного расследования преступлений, совершенных криминальными группами, а также инструментов и техник борьбы с ними, станет более очевидной по мере увеличения вероятности того, что цифровой контент станет источником споров или частью основных доказательств, подтверждающих или опровергающих спор в ходе судебного разбирательства.

Таким образом, развитие технологий произвело революцию в способности правоохранительных органов бороться с криминальными группами.

Использование сложных инструментов, таких как анализ данных, искусственный интеллект и распознавание лиц, может помочь идентифицировать ключевых лиц, раскрыть скрытые связи и выявить модели преступного поведения. Например, интеграция данных из различных источников, включая финансовые транзакции, записи сообщений и социальные сети, может предоставить ценную информацию о деятельности криминальных групп. Инвестиции в передовые технологии и обучение персонала их эффективному использованию могут значительно расширить возможности правоохранительных органов [3].

Выводы

Одной из наиболее эффективных стратегий борьбы с криминальными группами является сотрудничество между правоохранительными органами на национальном и международном уровнях. Обмен информацией, разведанными и ресурсами может помочь выявлять схемы, отслеживать преступные сети и пресекать их деятельность.

Хотя правоохранительные органы играют жизненно важную роль в борьбе с криминальными группами, надежная законодательная база не менее важна. Постоянная оценка и обновление законодательства необходимы для того, чтобы совершенствовать процесс раскрытия преступлений [6].

Деятельность криминальных групп часто выходит за рамки национальных границ, что делает необходимым международное сотрудничество в борьбе с этими сетями. Это сотрудничество облегчает экстрадицию ключевых преступников, обмен доказательствами и скоординированные операции против транснациональной организованной преступности.

Литература

1. Кондратюк Л.В. Криминологическое измерение: монография / под ред. К.К. Горяинова. М., 2019. 140 с.
2. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М., 2019. 352 с.
3. Кочевцев Е. А., Ментюкова М.А. Взаимодействие правоохранительных органов по расследованию и раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений между собой // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2021. № 2–2. С. 132–136.
4. Майоров А.В. Информационная среда как фактор, детерминирующий процессы виктимизации и криминализации в современном обществе // Вестн. Урал. фин.- юрид. ин-та. 2018. № 1(11). С. 72–75.
5. Овчинский В.С. Российская организованная преступность, как форма социальной организации жизни // Российский криминологический взгляд. 2020. № 3. С. 58.
6. Противодействие современной преступности: криминологические, уголовно – правовые и уголовно-процессуальные аспекты: монография / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2021. 567 с.
7. Ревякин С.В. Профилактика мошенничества с использованием современных электронных средств коммуникации // Виктимология. 2022. № 3(17). С. 74–80.
8. Ульянов М.В. – Новые тенденции преступности и меры противодействия угрозам национальной безопасности // Вопросы безопасности. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-7543.2023.2.41007 EDN: EFCSTGURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41007
9. Христюк А.А. Понятие и признаки организованной преступности. Организованная преступная деятельность. Вестник Томского государственного университета. 2020. № 335. С. 23.
10. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 42 с.

FEATURES OF THE MODERN DEVELOPMENT OF METHODS OF INVESTIGATION AND DISCLOSURE OF CRIMES COMMITTED BY CRIMINAL GROUPS

Kuzmin D.A., Rodionova Ya.V.

Lugansk Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Nizhny Novgorod Investigation Department for Transport of the Central Interregional Investigation Department for Transport of the Investigative Committee of the Russian Federation

Crimes committed by criminal groups pose a threat of developing corruption and illegal activities, which in turn negatively affects the state of society as a whole.

Crimes committed by criminal groups refer to a complex and structured criminal enterprise that engages in illegal activities on a regular and systematic basis. Crimes committed by criminal groups have a significant impact on the global community, which highlights the difficulty of defining this phenomenon and its various forms.

Law enforcement agencies play a crucial role in combating these criminal networks and suppressing their activities. However, this task is not without difficulties. These findings highlight the multifaceted nature of crimes committed by criminal groups and the need for comprehensive legal responses at both the national and international levels.

The purpose of the article is to examine the features of the current development of methods for investigating and solving crimes committed by criminal groups.

Research objectives:

– to analyze the characteristics and difficulties associated with acts committed by criminal groups;

– development of directions for conducting investigative actions to identify and expose crimes committed by criminal groups.

The practical significance of the study is that the study of the features of the investigation and disclosure of crimes committed by criminal groups will allow developing directions for increasing the effectiveness of their disclosure and reducing crimes in general.

Keywords: crimes, criminal groups, investigation and detection, features.

References

1. Kondratyuk L.V. Criminological Dimension: monograph / edited by K.K. Goryainov. Moscow, 2019. 140 p.
2. Korobeev A.I. Criminal-legal policy of Russia: from genesis to crisis: monograph. Moscow, 2019. 352 p.
3. Kochevtsev E. A., Mentyukova M.A. Interaction of law enforcement agencies in the investigation and detection of serious and

- especially serious crimes among themselves // *New Science: Theoretical and Practical View*. 2021. No. 2–2. Pp. 132–136.
4. Mayorov A.V. Information environment as a factor determining the processes of victimization and criminalization in modern society // *Bulletin of the Ural. fin.-jurid. in-ta*. 2018. No. 1(11). P. 72–75.
 5. Ovchinsky V.S. Russian organized crime as a form of social organization of life // *Russian criminological view*. 2020. No. 3. P. 58.
 6. Counteracting modern crime: criminological, criminal-legal and criminal-procedural aspects: monograph / edited by A.N. Savenkov. Moscow, 2021. 567 p.
 7. Revyakin S.V. Prevention of fraud using modern electronic means of communication // *Victimology*. 2022. No. 3(17). P. 74–80.
 8. Ulyanov M.V. – New crime trends and measures to counter threats to national security // *Security issues*. – 2023. – No. 2. DOI: 10.25136/2409-7543.2023.2.41007 EDN: EFCSTGURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41007
 9. Khristyuk A.A. Concept and characteristics of organized crime. Organized criminal activity. *Bulletin of Tomsk State University*. 2020. No. 335. P. 23.
 10. Yuzikhanova E.G. Crime trends and patterns in the constituent entities of the Russian Federation: author's abstract. dis. ... doctor of law. sciences. M., 2020. 42 p.

Направления оптимизации форм уголовного наказания в условиях социальных трансформаций

Темирбеков Кемран Арсенович,

аспирант, Российский государственный университет правосудия, помощник судьи во Втором Кассационном суде общей юрисдикции
E-mail: kemran_temirbekov@mail.ru

В статье представлен комплексный анализ актуальных проблем и перспектив совершенствования системы наказаний в уголовном праве России. Особое внимание уделено вопросам эффективности существующих санкций и их соответствия текущим криминологическим реалиям. Обосновано отсутствие корреляции между применением смертной казни и уровнем тяжкой преступности, опираясь на статистические данные и результаты компаративных исследований. Рассмотрены альтернативные формы наказания, не связанные с лишением свободы. Подчеркивается потенциал таких мер как принудительные и исправительные работы в контексте ресоциализации правонарушителей и снижения рецидивной преступности. Проанализирован законотворческий процесс с точки зрения необходимости повышения качества законодательных актов и снижения их избыточности. Предложена концепция «качества закона», предполагающая оценку действенности, эффективности и целесообразности законодательных инициатив.

Ключевые слова: уголовное право, система наказаний, модернизация, альтернативные наказания, гуманизация, эффективность санкций, законотворчество, уголовная политика, ресоциализация, превенция преступности.

В условиях стремительной трансформации социальных парадигм и переосмысления устоявшихся общественных отношений, наблюдается острая необходимость в модернизации и совершенствовании правового регулирования. Уголовно-правовая система, являющаяся фундаментальным компонентом государственного регулирования и обеспечения безопасности критически важных общественных отношений путем имплементации наиболее радикальных правовых мер воздействия, неизбежно подвергается трансформации в ответ на динамичные процессы социальной эволюции. Данный феномен обусловлен необходимостью поддержания релевантности и эффективности уголовного законодательства в контексте непрерывно меняющихся социокультурных, экономических и политических парадигм. Архаичность и неизменность уголовно-правовых норм в современных реалиях недопустимы и контрпродуктивны.

Уголовно-правовые институты и нормы должны характеризоваться высокой степенью адаптивности к возникающим вызовам и угрозам, обеспечивая эффективную защиту позитивных общественных отношений и реализуя функции общей и частной превенции. Это предполагает необходимость постоянного мониторинга и анализа социальных процессов с целью своевременной корректировки уголовно-правовых механизмов.

Пенологическая модель, закрепленная в Уголовном кодексе Российской Федерации, имеет глубокие исторические корни и представляет собой результат длительной эволюции правовой мысли. Данная модель демонстрирует определенную состоятельность и в целом выполняет возложенные на нее функции. Тем не менее, современные социально-экономические и политические реалии диктуют очевидную необходимость критического переосмысления и модернизации устоявшихся норм.

В научном дискурсе все чаще поднимается вопрос о необходимости реформирования существующей системы наказаний. Предлагаемая трансформация уголовно-правовой доктрины предполагает комплексный пересмотр существующих подходов к предупреждению и пресечению противоправных деяний. В рамках данной концепции особое значение приобретают такие аспекты, как развитие институтов гражданского общества, совершенствование системы социальной адаптации и реабилитации, а также имплементация инновационных методов профилактики преступности [3].

Данная позиция представляется заслуживающей внимания и требует дальнейшего научно-

го анализа. Необходимо провести комплексное исследование эффективности существующих уголовно-правовых санкций, их соответствия современным криминологическим реалиям и способности адекватно реагировать на новые формы преступности. Особое внимание следует уделить изучению альтернативных мер социального контроля, их потенциала в предупреждении преступности и ресоциализации правонарушителей.

В рамках современной криминологической парадигмы и комплексного анализа эффективности уголовно-правового инструментария, тезис о необходимости фундаментального пересмотра и модернизации системы наказаний, закрепленной в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации [2] (далее – УК РФ) приобретает особую актуальность и научную обоснованность. Данная позиция коррелирует с тенденциями развития пенологической мысли и отвечает запросам на оптимизацию механизмов социального контроля в условиях трансформирующегося общества.

Тем не менее, радикальная идея полного элиминирования института наказания в отношении лиц, совершивших преступные деяния, на современном этапе социального развития представляется преждевременной и сопряженной с высокими рисками дестабилизации правопорядка. Подобная мера может привести к нарушению баланса между превентивной, карательной и ресоциализационной функциями уголовного права, что потенциально способно негативно отразиться на общем уровне криминогенности в обществе [6].

Целесообразным представляется поддержать точку зрения ученых, выступающих за оптимизацию института наказания и разработку эффективных механизмов такой оптимизации [5]. Данный подход позволит сохранить баланс между необходимостью общественной безопасности и тенденцией к гуманизации уголовного законодательства.

В рамках концепции новой перспективной модели системы наказаний в УК РФ предлагается начать процесс оптимизации с рационализации перечня наказаний. Представляется целесообразным исключить из системы наказаний те виды, которые *de facto* не применяются на практике или применение которых сопряжено с существенными правовыми и этическими проблемами. К таким видам наказаний, в первую очередь, следует отнести смертную казнь и арест.

В рамках рассматриваемой полемики особенно научного внимания заслуживает проблематика высшей меры наказания. Профессор В.Е. Квашиш, осуществивший масштабное компаративное исследование имплементации смертной казни в глобальном контексте и на территории Российской Федерации, приходит к заключению об отсутствии статистически значимой каузальной связи между применением данной экстремальной санкции и редукцией криминогенности в обществе.

Более того, ученый акцентирует внимание научного сообщества на комплексе деструктивных социально-психологических последствий, индуци-

руемых практикой легитимного лишения жизни. В частности, отмечается тенденция к девальвации аксиологического статуса человеческого существования и демонстрации возможности трансгрессии фундаментальных этических императивов со стороны государства [7].

Анализируя ситуацию в Российской Федерации, следует отметить, что последний случай применения смертной казни датируется 1996 годом. На протяжении почти трех десятилетий, прошедших с момента введения моратория на смертную казнь, не наблюдалось статистически достоверного прироста числа преступлений особой тяжести, за которые Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает высшую меру наказания. Этот эмпирический факт позволяет сделать вывод об отсутствии прямой корреляции между наличием в уголовно-правовом арсенале смертной казни и уровнем тяжкой преступности.

В свете представленных данных, предложение об элиминации смертной казни из перечня наказаний в Уголовном кодексе РФ представляется научно обоснованным и соответствующим современным криминологическим парадигмам. Подобное законодательное решение будет не только соответствовать глобальным тенденциям гуманизации уголовного права, но и, согласно имеющимся эмпирическим данным, не повлечет за собой негативных последствий в сфере обеспечения общественной безопасности.

Дальнейшая модернизация системы уголовных наказаний должна базироваться на мультифакторном анализе эффективности каждой отдельной санкции, ее конгруэнтности принципам справедливости и гуманности, а также ее потенциала в контексте достижения целей исправления осужденных и превенции рецидивной преступности. Особый акцент в процессе реформирования следует сделать на развитии и имплементации альтернативных видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Эти меры могут обладать более высоким потенциалом в аспекте ресоциализации правонарушителей и редукции рецидивизма.

В рамках комплексного исследования тенденций уголовной политики Российской Федерации за 2023 год был проведен многоаспектный анализ статистических данных, касающихся назначения наказаний по статьям УК РФ. Результаты данного анализа позволяют сделать ряд существенных выводов, имеющих важное значение для понимания текущего состояния и перспектив развития системы уголовных наказаний в стране [11].

Прежде всего, следует отметить наблюдаемую тенденцию к снижению применения лишения свободы в качестве основного вида наказания. Согласно полученным данным, из общего числа осужденных, составившего 555 743 человека, реальное лишение свободы было назначено 164 702 лицам, что составляет 29.6% от общего числа осужденных. При этом условное лишение свободы было применено в отношении 131 029 лиц, что составляет 23.6% от общего числа осужденных.

Данная статистика свидетельствует о постепенном смещении акцентов в сторону альтернативных видов наказаний, что может рассматриваться как проявление общей тенденции к гуманизации уголовной политики государства.

Особого внимания заслуживает факт широкого применения альтернативных лишению свободы видов наказаний. В частности, штраф был назначен 77 705 осужденным (14% от общего числа), обязательные работы – 78 292 осужденным (14.1%), исправительные работы – 47 538 осужденным (8.5%), а ограничение свободы – 23 789 осужденным (4.3%).

Примечательным фактом, выявленным в ходе анализа, является практически полное отсутствие применения наказания в виде ареста (зафиксирован лишь 1 случай за год). Это наблюдение может служить весомым аргументом в пользу пересмотра целесообразности сохранения данного вида наказания в системе уголовных наказаний Российской Федерации. Аналогичным образом, крайне редко применяются такие виды наказаний, как лишение права занимать определенные должности (141 случай) и лишение специального звания (204 случая), что также может стать предметом дискуссии о их эффективности и необходимости в современных условиях.

В ходе исследования было установлено, что наиболее часто назначаемыми видами наказаний являются лишение свободы, штраф и обязательные работы. Данное наблюдение может служить основанием для дальнейшего изучения причин преимущественного выбора судами именно этих видов наказаний и, возможно, для разработки мер по повышению эффективности и расширению применения иных видов наказаний.

Отдельного внимания заслуживает выявленная по ряду составов преступлений (в частности, по ст. 228 УК РФ) высокая доля условного осуждения. Данный факт может свидетельствовать о наличии проблемы избыточной криминализации определенных деяний и требует дополнительного изучения с целью возможной корректировки уголовной политики в соответствующих сферах.

В контексте современного развития уголовно-правовой доктрины и практики применения наказаний в Российской Федерации представляется целесообразным пересмотреть концептуальные подходы к ряду видов наказаний, предусмотренных действующим Уголовным кодексом РФ. Анализ статистических данных и теоретических положений позволяет сформулировать ряд предложений по оптимизации системы уголовных наказаний.

При более глубоком анализе природы этих видов наказаний можно прийти к выводу, что они в большей степени выполняют функцию мер безопасности, нежели классических уголовных наказаний. Их основная цель заключается в обеспечении защиты общества от лиц, которые своими противоправными действиями продемонстрировали неспособность или нежелание надлежащим образом исполнять возложенные на них профессиональные

или социальные обязанности. В этой связи возникает обоснованное сомнение в способности данных видов наказаний эффективно достигать таких целей наказания, как исправление осужденного или предупреждение совершения новых преступлений [8].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о целесообразности сохранения в системе уголовных наказаний штрафа. Согласно статистическим данным за 2023 год, штраф был назначен 77 705 осужденным, что составляет 14% от общего числа осужденных. Несмотря на относительно широкое применение данного вида наказания, его эффективность с точки зрения достижения целей уголовного наказания вызывает сомнения. Штраф, по своей сути, носит финансово-компенсаторный характер и вряд ли способствует исправлению осужденного или восстановлению социальной справедливости. Более того, введение в 2016 году института судебного штрафа как меры уголовно-правового характера создало ситуацию определенной конкуренции с уже существующим наказанием в виде штрафа.

Исследование тенденций в применении штрафов в качестве формы уголовного наказания за последние годы указывает на заметное сокращение их использования начиная с 2016 года. Такое изменение может быть частично объяснено введением судебных штрафов, представляющих собой альтернативный инструмент уголовно-правового регулирования. В контексте этих данных целесообразно провести анализ возможности полной отмены штрафов как формы уголовного наказания, при этом оставив судебные штрафы в качестве действующего элемента уголовного законодательства. Это позволит переоценить текущие подходы к уголовным санкциям и способствовать более эффективному правоприменению.

В контексте современной российской пенитенциарной парадигмы наблюдается тенденция к расширению применения альтернативных форм наказания, в частности, различных видов принудительных, исправительных и обязательных работ. Данные виды наказаний рассматриваются как эффективные инструменты достижения целей уголовного законодательства, при этом особое внимание уделяется их ресоциализационному потенциалу.

В научном дискурсе наблюдается повышенный интерес к практическому применению принудительных работ. Однако, несмотря на очевидные преимущества данного вида наказания, ряд исследователей, в том числе Н.В. Артеменко и Н.Г. Шимбарева, выражают определенные опасения. Авторы предлагают два возможных сценария реализации принудительных работ в российской пенитенциарной системе: реалистический и пессимистический [4].

В соответствии с пессимистическими оценками, реализация программы обязательных трудовых обязанностей может встретить серьезные препятствия, включая финансовые затруднения, организационно-правовые проблемы и нехватку квалифицированных кадров. В контрасте с этим,

более реалистичный прогноз указывает на возможность уменьшения количества осужденных, исполняющих наказание в условиях заключения, и снижение отрицательного воздействия, связанного с их изоляцией от общества.

Анализ актуальной правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время наблюдается реализация реалистического сценария, с тенденцией к оптимистическому развитию ситуации. Данная тенденция свидетельствует о потенциальной эффективности и перспективности применения альтернативных видов наказания в российской пенитенциарной системе.

Исследование исторического опыта в применении пенитенциарных мер в контексте Российской Федерации показывает значительное влияние и последовательность в их использовании, а также выявляет значительные перспективы. Тем не менее, актуальная система осуществления данных мер, особенно в аспекте уголовно-исполнительной политики, требует существенной модернизации. Актуальным представляется пересмотр подходов к условиям отбывания наказаний, методам и инструментам коррекционного влияния с акцентом на реинтеграцию осужденных в общество. Важно усилить меры по реабилитации лиц, испытывающих наказание, что, в свою очередь, должно привести к снижению уровня повторных преступлений, что может служить показателем эффективности этих процессов [9].

В современной правовой практике закон играет фундаментальную роль в регулировании общественных отношений. В этом контексте возрастает важность интеграции законодательных процессов с разнообразными аспектами деятельности государства, включая экономику, политику, культуру и социально-этическую сферу. Такой многоаспектный подход способствует созданию синергии во взаимодействии различных секторов общества и направлен на уменьшение рисков появления противоречий, колебаний конъюнктуры и других деструктивных процессов в системе государственного управления [11].

В современной правовой практике различные методы разрешения законодательных коллизий, такие как интерпретация правовых норм, создание новых правовых актов, отмена устаревших законов, внесение изменений, административное и арбитражное урегулирование, а также проведение переговоров, не достигают высокой степени эффективности. Дополнительно, предложения о судебном разбирательстве законодательных противоречий, выдвигаемые некоторыми юристами, также не кажутся эффективным решением для устранения данных проблем. Эта ситуация подчеркивает потребность в более продуманных подходах к регулированию правовых коллизий в рамках правовой системы.

В рамках научного дискурса актуально отметить, что ни методологическое усовершенствование процедур разработки законодательных текстов, ни усиление контрольных механизмов оценки

законопроектов не ведут к заметному улучшению проблематики в данной области. Таким образом, проблема разрешения законодательных коллизий остается актуальной и требует дальнейшего научного исследования с целью разработки более эффективных методологических подходов.

В контексте совершенствования системы наказаний в уголовном праве России актуализируется проблема оптимизации законодательного массива. Анализ динамики принятия законодательных актов демонстрирует экспоненциальный рост: от 150 актов в 1996 году до 449 в 2013 году. Данная тенденция, хотя и обусловлена трансформационными процессами в государстве, создает значительные трудности в процессах согласования, экспертизы и практической реализации законов.

Особую озабоченность вызывает чрезмерная сложность и объемность налогового законодательства, что негативно сказывается на правоприменительной практике. В научном дискурсе предлагается концепция «качества закона», подразумевающая оценку действенности, эффективности и целесообразности законодательных актов. Данный подход предполагает возможность отмены неэффективных законов и необходимость научного обоснования каждого законопроекта с прогнозированием последствий его реализации.

Анализ законотворческой деятельности Государственной Думы различных созывов выявляет проблему нестабильности законодательства [10]. Так, количество изменений, внесенных в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях РФ, возросло с 65 в четвертом созыве до 164 в шестом, что свидетельствует о недостаточном качестве как разрабатываемых законопроектов, так и самого законотворческого процесса [1].

В качестве потенциального решения существующей проблемы предлагается стратегия разграничения и сужения области применения разрабатываемых законопроектов с их последующей детализацией на местах. Также рекомендуется унификация законодательных актов с целью сокращения их количества при сохранении эффективности правового регулирования.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие ключевые выводы.

В современных условиях стремительной трансформации общества назрела острая необходимость модернизации правового регулирования, особенно в сфере уголовного права. Архаичность уголовно-правовых норм недопустима, требуется их высокая адаптивность к новым вызовам для эффективной превенции и защиты общественных отношений. Хотя действующая пенологическая модель в целом функциональна, современные реалии диктуют необходимость ее критического переосмысления. В научном сообществе все чаще поднимается вопрос о реформировании системы наказаний, предлагается применять уголовное наказание лишь в исключительных случаях, акцен-

тируя внимание на расширении мер социального контроля.

Требуется комплексное исследование эффективности существующих санкций, их соответствия криминологическим реалиям и способности реагировать на новые формы преступности. Особое внимание следует уделить изучению альтернативных мер контроля, их потенциала в предупреждении преступности и ресоциализации правонарушителей. В условиях глобализации и цифровизации необходимы новые подходы, учитывающие специфику киберпреступности и транснациональных деяний, что предполагает не только совершенствование национального законодательства, но и активизацию международного сотрудничества.

Целесообразно поддержать идею оптимизации института наказания при сохранении баланса между общественной безопасностью и гуманизацией законодательства. В рамках новой модели системы наказаний предлагается рационализировать их перечень, исключив неприменяемые на практике или вызывающие этические проблемы виды, такие как смертная казнь. Исследования, проведенные в различных странах, в том числе в Российской Федерации, демонстрируют отсутствие корреляции между применением смертной казни и уровнем серьезных преступлений. В свете научных данных представляется обоснованным исключение смертной казни из репертуара уголовных наказаний, что также согласуется с глобальными тенденциями к гуманизации правосудия.

Дальнейшая оптимизация системы наказаний должна основываться на комплексном анализе эффективности каждого вида, его соответствия принципам справедливости и гуманизма, а также потенциала в достижении целей исправления и предупреждения преступлений. Особое внимание следует уделить развитию альтернативных видов наказаний, не связанных с лишением свободы, которые могут быть более эффективными в плане ресоциализации и снижения рецидивной преступности. Такой подход позволит создать более гибкую и эффективную систему уголовных наказаний, отвечающую современным вызовам и социальным реалиям.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 22.06.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 20.08.2024).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 20.08.2024).
3. Андреев, В.П. Система наказаний в российском уголовном праве / В.П. Андреев // Научный аспект. – 2024. – Т. 16, № 4. – С. 2028–2032.
4. Артеменко, Н.В. Принудительные работы в системе уголовных наказаний: неиспользованные возможности / Н.В. Артеменко, Н.Г. Шимбарева // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 498. – С. 199–208. – DOI 10.17223/15617793/498/22.
5. Векленко, С. В. О некоторых современных проблемах уголовного правотворчества / С.В. Векленко // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4(74). – С. 9–12.
6. Высоцкий, М.С. Особенности системы уголовных наказаний Российской Федерации / М.С. Высоцкий // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2024. – Т. 4, № 16. – С. 58–61.
7. Квашиш, В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы / В.Е. Квашиш. – Москва: Юрайт, 2008. – 800 с. – ISBN 978-5-9916-0020-0.
8. Максимов, А.В. Цели применения уголовных наказаний в виде лишения свободы и основные проблемы их достижения / А.В. Максимов, И.Р. Аминов // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции, Омск, 24 марта 2023 года. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2023. – С. 175–180.
9. Маркелов, С.В. Начало становления пенитенциарной системы России / С.В. Маркелов, О.Н. Маркелова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 7. – С. 144–146. – DOI 10.23672/x3859-3454-9478-m.
10. Перечни законопроектов и проектов постановлений [Электронный ресурс] // Доступ: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).
11. Уголовное судопроизводство Данные о назначенном наказании по статьям УК [Электронный ресурс] // Доступ: <https://stat.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 20.08.2024).
12. Щелоков, К. С. К вопросу о кризисе правового регулирования / К.С. Щелоков // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 179–180.

DIRECTIONS FOR OPTIMIZING FORMS OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

Kemran A.T.

Russian State University of Justice

The article presents a comprehensive analysis of current problems and prospects for improving the system of punishments in the criminal law of Russia. Particular attention is paid to the effectiveness of existing sanctions and their compliance with current criminological realities. The lack of correlation between the use of the death penalty and the level of serious crime is substantiated, based on statistical data and the results of comparative studies. Alternative forms of punishment not related to imprisonment are considered. The poten-

tial of such measures as forced and correctional labor in the context of the resocialization of offenders and the reduction of recidivism is emphasized. The legislative process is analyzed from the point of view of the need to improve the quality of legislative acts and reduce their redundancy. The concept of "quality of law" is proposed, which involves an assessment of the effectiveness, efficiency and feasibility of legislative initiatives.

Keywords: criminal law, punishment system, modernization, alternative punishments, humanization, effectiveness of sanctions, legislation, criminal policy, resocialization, crime prevention.

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 22.06.2024) [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date accessed: 20.08.2024).
2. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 12.06.2024) (with amendments coming into force on 01.07.2024) [Electronic resource] // Access: SPS "Consultant Plus Prof" (date accessed: 20.08.2024).
3. Andreev, V.P. The System of Punishments in Russian Criminal Law / V.P. Andreev // Scientific Aspect. – 2024. – Vol. 16, No. 4. – P. 2028–2032.
4. Artemenko, N.V. Compulsory Labor in the System of Criminal Punishments: Untapped Opportunities / N.V. Artemenko, N.G. Shimbareva // Bulletin of Tomsk State University. – 2024. – No. 498. – P. 199–208. – DOI 10.17223/15617793/498/22.
5. Veklenko, S.V. On Some Modern Problems of Criminal Law-Making / S.V. Veklenko // Bulletin of the Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 4(74). – P. 9–12.
6. Vysotsky, M.S. Features of the System of Criminal Punishments of the Russian Federation / M.S. Vysotsky // Bulletin of the Student Scientific Society of Donetsk National University. – 2024. – Vol. 4, No. 16. – P. 58–61.
7. Kvashis, V.E. The Death Penalty: Global Trends, Problems, and Prospects / V.E. Kvashis. – Moscow: Yurait, 2008. – 800 p. – ISBN 978-5-9916-0020-0.
8. Maximov, A.V. Objectives of Imposing Criminal Punishments in the Form of Imprisonment and Main Problems in Achieving Them / A.V. Maximov, I.R. Aminov // Law Enforcement in Public and Private Law: Proceedings of the International Scientific Conference, Omsk, March 24, 2023. – Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, 2023. – P. 175–180.
9. Markelov, S.V. The Beginning of the Formation of the Penitentiary System in Russia / S.V. Markelov, O.N. Markelova // Humanities, Socio-Economic, and Public Sciences. – 2020. – No. 7. – P. 144–146. – DOI 10.23672/x3859-3454-9478-m.
10. Lists of Draft Laws and Resolutions [Electronic resource] // Access: <https://sozd.duma.gov.ru/> (date accessed: 20.08.2024).
11. Criminal Proceedings Data on Sentences Assigned under the Criminal Code [Electronic resource] // Access: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (date accessed: 20.08.2024).
12. Shchelokov, K.S. On the Issue of the Crisis of Legal Regulation / K.S. Shchelokov // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 4. – P. 179–180.

Регулирование применения информационных технологий в производстве неотложных следственных действий

Федюкина Анна Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: Fedyukina.a@mail.ru

На основе норм уголовно-процессуального закона, ведомственных нормативных правовых актов и правоприменительной практики в статье рассмотрены варианты использования информационных технологий при производстве неотложных следственных действий. Анализируется понятие неотложных следственных действий, рассматривается процессуальный статус должностных лиц, уполномоченных на их производство. Отмечена проблема, связанная с недостаточностью процессуальной регламентации порядка использования систем видеоконференц-связи органами дознания, при принятии решения о производстве дистанционного допроса, очной ставки, либо предъявления для опознания. Подчеркивается необходимость повышения квалификации субъектов органов дознания, необходимой для освоения современных информационных систем и оборудования, применимых при неотложном расследовании. Делается вывод о том, что развитие ведомственного законодательства, в данном направлении, в разы опережает уголовно-процессуальные нормы, что приводит к необходимости их дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: неотложное следственное действие, орган дознания, информация, видеонаблюдение, электронный ресурс, техническое средство.

Информационные технологии активно внедряются в сферу уголовного судопроизводства, облегчая работу должностных лиц органов предварительного расследования и суда, делая его процедуры более доступными для участников процесса, сокращая время, заложенное на производство следственных действий.

Результатом такого внедрения явилось закрепление в уголовно-процессуальных нормах видеоконференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ, ч. 4 ст. 240 УПК РФ, ст. 241.1 УПК РФ, ст. 278.1 УПК РФ и др.); электронных документов (гл. 56 УПК РФ); электронных носителей информации (ст. 164.1 УПК РФ). При расследовании преступлений теперь могут применяться способы извещения участников процесса с помощью электронной почты (п. 5.1 ст. 42 УПК РФ), либо посредством электронных уведомлений, направленных через федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (ч. 6 ст. 474.1 УПК РФ). Появляются новые разновидности следственных действий, напрямую связанных со сбором доказательств, содержащихся в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях (ч. 7 ст. 185 УПК РФ).

Вместе с тем, уголовно-процессуальный закон достаточно скуп на конкретизацию информационных ресурсов, используемых при производстве по уголовным делам. *Как показывает практика, технологии, которые применяются в ходе досудебного расследования более многообразны, а эффективность их использования в разы повышается на первоначальном этапе расследования преступлений.*

Например, в Москве правоохранительными органами активно используется государственная информационная система «Единый центр хранения и обработки данных», в рамках концепции «Умный город», включающая в себя систему видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, которая оказывает неоценимую помощь при поиске преступника по горячим следам и способствует дальнейшему производству неотложных следственных действий.

По данным МВД России, в 2022 году, на территории города Москвы с помощью системы видеонаблюдения раскрыто 7345 преступлений, из которых 42 убийства, 157 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 189 разбойных нападений, 543 грабежа, 1129 мошенничеств, 73 кражи из квартир, 42 кражи автомобилей, 82 хулиганства, 38 изнасилований, 12 вымогательств [1]¹.

¹ ГУ МВД России по г. Москве. Официальный сайт. URL: <https://77.mvd.pf/Dejatelnost/statistika/kriminogennaya->

Аналогичные системы демонстрируют свою результативность и в других регионах России. В Тюменской области, в 2023 году, автоматизированные системы видеонаблюдения способствовали сокращению количества преступлений, совершенных в общественных местах (разбоев более чем на 7%, побоев почти на 77% и угонов автотранспортных средств почти на 8,5%) [2]¹.

В связи с тем, что неотложные следственные действия имеют целью не допустить утрату или уничтожение первоначальных доказательств, информационные ресурсы играют первостепенную роль в ее реализации. Напомним, что неотложные следственные действия проводятся органами дознания по уголовным делам, изначально подследственным следователям. Они осуществляются в 10-ти суточный срок после возбуждения уголовного дела, с последующей передачей материалов руководителю следственного органа (п. 19 ст. 5 УПК РФ, ч. 3 ст. 157 УПК РФ).

Перечень неотложных следственных действий, в отличие от УПК РСФСР, в современном законе не установлен, в свою очередь должностные лица органов дознания вправе выбрать любое из следственных действий, предусмотренных УПК РФ, которые, по их мнению, наиболее целесообразны к производству на первоначальном этапе расследования. Вместе с тем, не все должностные лица органов дознания уполномочены осуществлять такой выбор самостоятельно. Согласно ст. 62 Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, *круг неотложных следственных действий определяется с учетом конкретных обстоятельств совершенного преступления и должен согласовываться с военным прокурором* [3]².

Действительно, правильный выбор неотложного следственного действия играет первостепенную роль, так как сроки, установленные на их производство, могут не позволить органам дознания получить ожидаемые результаты, а, в некоторых случаях, поставить под сомнение легитимность их производства. Например, отдельные виды судебных экспертиз, связанные с помещением лица в стационар; наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ); контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) вряд ли представляются возможными и целесообразными на неотложном этапе расследования.

Исходя из данных статистики, *основными субъектами производства неотложных следственных действий являются оперуполномоченные уголовного розыска, участковые уполномоченные полиции*

обстановка-в-москве/2022-год (дата обращения 12.09.2024).

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/news/item> (дата обращения 12.09.2024).

² Приказ Генпрокуратуры России от 23.10.2014 № 150 (ред. от 20.07.2017) «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» // СПС КонсультантПлюс.

и сотрудники ГИБДД, которые первыми прибывают на место происшествия и, с помощью имеющихся в их арсенале технических ресурсов, фиксируют первоначальную информацию по уголовному делу. Так, в Красноярском крае, в феврале 2024 года, в ходе осмотра места происшествия оперативники уголовного розыска зафиксировали следы взломов запорных устройств, следы обуви, а при просмотре записей с камер видеонаблюдения, и примерную «картину» произошедшего. В Тверской области, благодаря действиям участкового уполномоченного полиции, который своевременно осмотрел место происшествия и установил свидетелей, был задержан подозреваемый в совершении кражи товаров из сетевого магазина. Факт совершения преступления зафиксировали камеры видеонаблюдения, установленные в торговых залах [5]³.

Несмотря на то, что согласно закону, неотложные следственные действия, должны осуществляться после возбуждения уголовного дела, в большинстве случаев, именно следственные действия проверочного этапа, предусмотренные ч. 1 ст. 144 УПК РФ в полной мере отвечают критериям неотложности, так как на основе данных, полученных в ходе их производства, орган дознания вправе принимать решение о дальнейшем движении уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно.

В свете современных реалий и угроз, при производстве неотложных следственных действий должностным лицам подразделений полиции предписано принимать дополнительные меры по пресечению функционирования беспилотных аппаратов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, а также самих сотрудников органов внутренних дел. Так, согласно приказу МВД России от 16 ноября 2023 г. № 865: «Пресечение функционирования беспилотных аппаратов осуществляется посредством подавления или преобразования сигналов их дистанционного управления, воздействия на пульты управления, повреждения или уничтожения беспилотных аппаратов» [6]⁴. Команду на пресечение угрозы беспилотного аппарата дает специально уполномоченное должностное лицо, из числа руководителей территориальных органов МВД России. Однако, в случаях, не терпящих отлагательства, данное решение может приниматься непосредственно сотрудником полиции,

³ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/news/item> (дата обращения 12.09.2024).

⁴ Приказ МВД России от 16.11.2023 № 865 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, в том числе в месте проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и Перечня должностных лиц полиции, уполномоченных на принятие такого решения» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.12.2023 № 76390) // СПС КонсультантПлюс.

это накладывает на него определенные обязательства, связанные с необходимостью грамотно оценить обстановку, использовать соответствующие знания, умения и навыки. Подробную детализацию алгоритма действий сотрудников полиции, направленных на подавление беспилотного аппарата, вышеназванный приказ не содержит, что, на наш взгляд, может вызвать затруднения при реализации его положений. Надо полагать, что все принимаемые процедуры должны быть зафиксированы в протоколе соответствующего неотложного следственного действия по правилам ст. 166 УПК РФ.

Положительной стороной рассматриваемого вопроса является целесообразность использования ресурсов беспилотных летательных аппаратов, в том числе дронов, при производстве неотложных следственных действий в целях фотофиксации следов преступления, в случаях, если доступ к ним затруднен или опасен. Как отмечают отдельные авторы: «возможности квадрокоптера позволяют лицу, проводящему осмотр места ДТП, видеть обстановку на месте в реальном времени, ориентироваться с учетом обстоятельств на проведение того или иного дополнительного действия, регулировать дорожное движение на месте, оценивать масштабы произошедшего» [7]¹.

Одним из ключевых аспектов успешного применения ресурсов современных технологий, в ходе производства неотложных следственных действий, является своевременная подготовка сотрудников органов дознания, особенно тех, которые выполняют служебные задачи в особых условиях. В настоящее время, грамотно реализовать возможности электронных средств и оборудования может только специально обученное лицо. Однако, не все субъекты органов дознания обладают соответствующими знаниями. Кроме того, зачастую у них отсутствует опыт расследования преступлений, так как в силу занимаемой должности, они могут быть далеки от уголовного процесса и связанных с ним процедур. В частности, речь может идти о лицах, перечисленных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ.

Аналогичная проблема ставит под вопрос возможность производства органами дознания допроса, либо очной ставки с помощью систем видеоконференц-связи. Несмотря на то, что согласно ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ принятие такого решения возлагается на следователя или дознавателя – сотрудник органа дознания, в этом алгоритме, играет роль исполнителя соответствующего поручения об организации следственного действия по месту нахождения допрашиваемого участника (ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ), что также требует от него определенных процессуальных навыков и технических умений.

Таким образом, вопросы, связанные с использованием информационных технологий при производстве неотложных следственных действий, нуждаются в дальнейшей проработке, с учетом потребностей правоприменительной практики. Развитие ведомственного законодательства, в данном направлении, в разы опережает уголовно-процессуальные нормы, закрепляющие соответствующие процессуальные порядки, что обязывает законодателя к их своевременному обновлению. Все происходящие изменения должны сопутствовать расширению процессуальных полномочий органов дознания в области использования технических ресурсов, а также стимулировать их профессиональную подготовку, необходимую для овладения всеми преимуществами информационных систем и современного оборудования, применимого при неотложном расследовании.

Литература

1. ГУ МВД России по г. Москве. Официальный сайт. URL: <https://77.mvd.pf/Dejatelnost/statistika/kriminogennaya-obstanovka-v-moskve/2022-god> (дата обращения 12.09.2024).
2. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://mvd.pf/news/item> (дата обращения 12.09.2024).
3. Приказ Генпрокуратуры России от 23.10.2014 № 150 (ред. от 20.07.2017) «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» // СПС Консультант-Плюс.
4. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://mvd.pf/news/item> (дата обращения 12.09.2024).
5. Приказ МВД России от 16.11.2023 № 865 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, в том числе в месте проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и Перечня должностных лиц полиции, уполномоченных на принятие такого решения» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.12.2023 № 76390) // СПС КонсультантПлюс.
6. Пудовкин А.А., Теткин Д.В. Бондарев Д.В. Особенности проведения осмотра происшествия, местности в труднодоступных местах и при дорожно-транспортном происшествии с помощью применения беспилотных летательных аппаратов // Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки. 2022. Вып. 3. С. 108.

¹ Пудовкин А.А., Теткин Д.В. Бондарев Д.В. Особенности проведения осмотра происшествия, местности в труднодоступных местах и при дорожно-транспортном происшествии с помощью применения беспилотных летательных аппаратов // Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки. 2022. Вып. 3. С. 108.

REGULATION OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE PRODUCTION OF URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS

Fedyukina A.Yu.

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Based on the norms of the criminal procedure law, departmental regulatory legal acts and law enforcement practice, the article considers options for using information technology in the production of urgent investigative actions. The concept of urgent investigative actions is analyzed, the procedural status of officials authorized to produce them is considered. The problem associated with the insufficiency of procedural regulation of the procedure for using videoconferencing systems by inquiry bodies when deciding on remote interrogation, confrontation, or presentation for identification is noted. The need to improve the skills of inquiry bodies, necessary for mastering modern information systems and equipment applicable in urgent investigations is emphasized. It is concluded that the development of departmental legislation in this direction is several times ahead of criminal procedure rules, which leads to the need for their further improvement.

Keywords: urgent investigative action, inquiry agency, information, video surveillance, electronic resource, technical means.

References

1. Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the City of Moscow. Official website. URL: <https://77.mvd.rf/Dejatelnost/statistika/kriminogennaya-obstanov-v-moskve/2022-god> (date of access 12.09.2024).

2. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Official website. URL: <https://мвд.рф/news/item> (date of access 12.09.2024).
3. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 23.10.2014 No. 150 (as amended on 20.07.2017) "On approval of the Instruction on the procedural activities of the inquiry bodies of the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies" // SPS ConsultantPlus.
4. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Official website. URL: <https://мвд.рф/news/item> (date of access 12.09.2024).
5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 16.11.2023 No. 865 "On approval of the Procedure for making a decision to suppress the operation of unmanned aerial, underwater and surface vessels and devices, unmanned vehicles and other automated unmanned systems in order to protect the life, health and property of citizens, employees of internal affairs bodies, including at the location of a public (mass) event and the territory adjacent to it, conducting urgent investigative actions and operational-search measures and the List of police officials authorized to make such a decision" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 14.12.2023 No. 76390) // SPS ConsultantPlus.
6. Pudovkin A.A., Tetkin D.V. Bondarev D.V. (2022). Features of conducting an inspection of an incident, terrain in hard-to-reach places and in a road traffic accident using unmanned aerial vehicles // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 3, 108.

Квалификация вымогательства, совершаемого в отношении водителей большегрузных автомобилей при междугородних перевозках

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы особенности квалификации преступлений по ст. 163 УК РФ – «Вымогательство», совершаемых в отношении водителей большегрузных автомобилей, перевозящих грузы на значительные расстояния. Автор приводит примеры судебных приговоров по подобным уголовным делам, а также приводит примерные схемы совершения подобных преступлений. Исследуя само понятие вымогательства, автор приводит его отличия от смежных преступлений – грабежа и разбоя. По мнению автора, подобное «дорожное» вымогательство граничит с составами данных смежных преступлений и при выявлении определенных обстоятельств совершения преступного деяния может быть квалифицировано по иным статьям УК РФ. К таким обстоятельствам относятся время изъятия имущества у потерпевшего, наличие или отсутствие угрозой физической расправой или применения физического насилия, а также факт наличия или отсутствия немедленного уничтожения или повреждения имущества потерпевшего. Данные обстоятельства существенно влияют на законность и обоснованность квалификации действий виновных лиц по соответствующей статье УК РФ. Также в статье автор исследует Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» применительно к специфике исследуемых преступных деяний.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, вымогательство, совокупность преступлений, грабёж, разбой, время совершения преступления, хищение имущества, угроза применения насилия.

Давно, еще с «лихих» девяностых годов, широкое распространение получил такой вид вымогательства, как вымогательство на дорогах, совершаемое, как правило, в отношении водителей – «дальнобойщиков», осуществляющих перевозки различных товаров на значительные расстояния.

Данное преступление сводится к тому, что некие лица, не имеющие отношения к правоохранительным органам, принудительно останавливают автомашину на определенной дороге и предлагают водителям заплатить за проезд. В противном же случае водителям угрожают физической расправой, при этом возможно избивание прямо на месте остановки. Кроме того, в большинстве случаев имеют место угрозы сжечь или иным образом повредить машину, отобрать либо испортить товар. В случае же уплаты денег сразу на месте водителям обещают беспрепятственный проезд по дороге и даже зачастую вручают какой – либо знак – бумагу, визитную карточку и т.д., свидетельствующие, что проезд оплачен.

Так, Агаповским районным судом Челябинской области вынесен приговор по уголовному делу в отношении Г. и Ш., обвиняемых в вымогательстве денежных средств на трассе у водителя большегрузного автомобиля. [1]

Установлено, что в августе 2013 года эти лица на трассе Магнитогорск-Челябинск путем угроз водителю большегрузного автомобиля заставили его остановиться и, намекая на возможные проблемы на дороге, забрали 500 рублей. Виновные по ст. 163 ч. 2 п. «а» УК РФ осуждены к 1 году лишения свободы.

Также приговором Алтайского краевого суда осуждены шестеро лиц, виновных в совершении вымогательства на алтайских дорогах. [2]

Эти люди, под руководством обвиняемого Ж., при подъезде к Барнаулу вынуждали водителей остановиться и вымогали у них деньги. Представляет интерес то, что сумма называлась та же самая, что на трассе Магнитогорск – Челябинск – 500 рублей. Тем водителям, которые отказывались от уплаты, Ш. и С. угрожали повредить разбить стекло или фары, проколоть колеса, повредить груз, а также просто угрожали физической расправой. Всего членам группы было инкриминировано 32 эпизода вымогательства, 2 грабежа и 2 факта нанесения побоев.

Аналогичная ситуация установлена приговором Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 18.07.2017 г., [3] которым Л. и Б. осуждены по ряду эпизодов, предусмотренным

ст. 163 ч. 2 п. «а» УК РФ к различным срокам лишения свободы.

Таким образом, по всем указанным уголовным делам виновные за совершение соответствующих действий были осуждены по ст. 163 ч. 2 п. «а» УК РФ – вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Обоснованна ли данная квалификация действий подсудимых? Необходимо признать, что с квалификацией здесь имеются некоторые сложности и, в зависимости от конкретных обстоятельств совершенных преступных деяний, возможно назначение наказания по иной, более тяжкой статье.

Следует обратить внимание на то, что во всех случаях, помимо угроз повредить машину или похитить груз, наличествовала также и угроза физической расправой. При этом данной угрозой водители вынуждались передать деньги в определенной сумме немедленно. Группа, осужденная Алтайским краевым судом, действовала на протяжении нескольких лет, при этом каждый раз водители, проезжая по дорогам Алтайского края, должны были сразу же на месте оплачивать проезд.

Общеизвестно, что вымогательство совершается под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества либо распространения позорящих сведений.

При этом подобные угрозы относятся к будущему времени, то есть виновный в любом случае не применяет насилие немедленно, вследствие чего у виновного остается возможность скрыться или обратиться в правоохранительные органы.

В то же время при грабеже или разбое виновный требует отдать ему имущество немедленно, на месте, применяя или угрожая применить насилие. Применяя насилие, опасное или неопасное для жизни и здоровья, или же угрожая применением такого насилия, виновный завладевает имуществом сразу же, непосредственно на месте преступления. При подобных преступлениях избежать нападения уже значительно сложнее.

Этим и обусловлено то, что законодатель полагает вымогательство гораздо менее опасным преступлением, нежели разбой.

Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17.12.2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [4] указывает, что если вымогательство сопряжено с непосредственным изъятием имущества потерпевшего, при наличии реальной совокупности преступлений эти действия в зависимости от характера примененного насилия должны дополнительно квалифицироваться как грабеж или разбой.

Во всех приведенных выше случаях, наряду с прочими угрозами, охватываемыми составом вымогательства, имели место и угрозы применения насилия. При этом преступной группой под руководством Ж. по ряду эпизодов преступной деятельности «несговорчивые» водители неоднократно избивались, вследствие чего были вынуждены передавать деньги преступникам.

Можно сделать вывод о том, что по подобным преступлениям, при наличии в процессе вымогательства угроз физической расправой, даваемых самостоятельно или наряду с угрозами уничтожения или повреждения имущества, обязательна квалификация действий виновных также, по совокупности со статьей 163 УК РФ, по статьям 161 или 162 УК РФ как грабежа или разбоя. С учетом того, что наказание, предусмотренное за разбой, значительно превышает наказание за вымогательство, это приобретает особую важность, поскольку при наличии подобной совокупности преступлений назначаемое наказание может увеличиться на порядок.

Более того, следует отметить, что в описанных случаях, по крайней мере в случаях, когда водители впервые сталкиваются с подобной агрессией на дорогах, денежные средства у них похищаются немедленно на месте, без всякой отсрочки по времени, характерной для вымогательства. То есть такое преступное деяние, скорее, укладывалось бы в состав грабежа или разбоя, если бы имела место одна лишь угроза применения физического насилия. Квалификация же по ст. 163 УК РФ здесь возникает только вследствие того, что к потерпевшим применяется также и угроза уничтожения или повреждения имущества, не предусмотренная составами грабежа или разбоя.

Можно представить ситуацию, при которой виновные просто перегораживают дорогу и не пропускают водителей большегрузных автомобилей, при этом, однако, не угрожая им насилием или повреждением имущества. Здесь была бы возможна только квалификация по ст. 330 ч. 1 УК РФ – самоуправство, то есть совершение действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред. Безусловно, срыв поставок товара, перевозимого большегрузным автомобилем, здесь будет иметь характер существенного вреда. В то же время, несмотря на существенность причиняемого ущерба, данное преступление относится к категории преступлений небольшой тяжести и наказания в виде лишения свободы не предусматривает.

Также следует учесть, что вымогательство на дороге само по себе имеет достаточно специфический характер. Водитель, получив угрозу уничтожения или повреждения имущества в будущем, имеет возможность просто не ехать по указанной дороге, вернувшись на базу за помощью, обратившись в правоохранительные органы или поехав в объезд. Следовательно, подобной угрозы, даже при окончанном вымогательстве, можно легко избежать, не передавая преступникам денежных средств, что существенно снижает опасность данного преступления. Кстати, виновные при задержании используют именно подобную версию защиты, указывая, что предлагали потерпевшим воспользоваться их помощью или охраной добровольно, за небольшую плату и не оказывая при этом на них никакого давления.

Если же преступники обещают уничтожить или повредить имущество немедленно, вне зависимости от того, поедет ли водитель по предполагавшемуся маршруту или нет, то вновь возникает проблема квалификации их действий по ст. 163 УК РФ, так как по этому преступлению угроза уничтожения имущества должна быть обращена в будущее, а не осуществляться немедленно. В подобных случаях возможна квалификация по ст. 167 ч. 2 УК РФ, как умышленного уничтожения или повреждения имущества, повлекшее причинение значительного ущерба.

Если же после отказа водителя передать денежные средства виновным автомобилем или груз немедленно уничтожаются или повреждаются, то подобные действия следует квалифицировать по совокупности статей 167 и 163 УК РФ даже при незначительном промежутке времени, прошедшем между выдвиганием требования и осуществлением угрозы.

Поэтому обоснованная квалификация вымогательства, совершаемого на дороге в отношении водителей большегрузных автомобилей, требует повышенной тщательности при проведении проверки по основаниям статей 144–145 УПК РФ на предмет возбуждения уголовного дела со скрупулезным выяснением всех необходимых деталей происшедшего.

Литература

1. Электронный ресурс «Магниторский металл» URL: <https://magmetall.ru/news/mm-feed/vymogateli-deneg-u-voditeladalnobojsika-ponesut-nakazanie/> (дата обращения 09.09.2024 г.).
2. Электронный ресурс «Алтайская правда». URL: <https://www.ap22.ru/paper/Stervyatniki-na-dorogah.html> (дата обращения 09.09.2024 г.).
3. Приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 18.07.2017 г URL: <https://actofact.ru/case-22RS0068-1-25-2017-1-533-2016-2016-09-23-2-0/> (дата обращения 09.09.2024 г.).
4. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным де-

лам: вопросы применения уголовного законодательства / сост. А.Г. Хлебушкин. – 4-е изд.- Москва: Проспект, 2021. – 512 с. С. 378.

QUALIFICATION OF EXTORTION COMMITTED AGAINST DRIVERS OF HEAVY TRUCKS DURING INTERCITY TRANSPORTATION

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of the specifics of the qualification of crimes under Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Extortion” committed against drivers of heavy-duty vehicles transporting goods over long distances. The author gives examples of court verdicts in such criminal cases, as well as provides approximate schemes for committing such crimes. Exploring the very concept of extortion, the author cites its differences from related crimes – robbery and robbery. According to the author, such “road” extortion borders on the composition of these related crimes and, if certain circumstances of the commission of a criminal act are identified, it can be qualified under other articles of the Criminal Code of the Russian Federation. Such circumstances include the time of seizure of property from the victim, the presence or absence of a threat of physical violence or the use of physical violence, as well as the fact of the presence or absence of immediate destruction or damage to the victim’s property. These circumstances significantly affect the legality and validity of the qualification of the actions of the perpetrators under the relevant article of the Criminal Code of the Russian Federation. Also in the article, the author examines the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/17/2015 No. 56 “On judicial practice in cases of extortion (Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation)” in relation to the specifics of the criminal acts under investigation.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, extortion, a set of crimes, robbery, robbery, the time of the crime, theft of property, threat of violence.

References

1. Electronic resource “Magnitor metal” URL: <https://magmetall.ru/news/mm-feed/vymogateli-deneg-u-voditeladalnobojsika-ponesut-nakazanie/> (accessed 09.09.2024).
2. Electronic resource “Altayskaya Pravda”. URL: <https://www.ap22.ru/paper/Stervyatniki-na-dorogah.html> (accessed 09.09.2024).
3. The verdict of the Central District Court of Barnaul, Altai Territory dated 07/18/2017 URL: <https://actofact.ru/case-22RS0068-1-25-2017-1-533-2016-2016-09-23-2-0/> (date of appeal 09.09.2024).
4. Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases: issues of application of criminal legislation / comp. A.G. Khlebushkin. – 4th ed.- Moscow: Prospekt, 2021. – 512 p. 378.

Эволюция уголовно-процессуальных обязанностей следователя в России: от Устава уголовного судопроизводства до Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Ялкапов Эзиз,

аспирант кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

На современном этапе развития отечественного уголовно-процессуального процесса наблюдается дисбаланс в сторону исследования уголовно-процессуальных прав, мало исследованным остается институт уголовно-процессуальных обязанностей. Отсутствие единого легального определения уголовно-процессуальных обязанностей и разные точки зрения ученых-теоретиков не способствуют формированию единой концепции данного института. Такая ситуация отрицательно отражается на правотворческой и правоприменительной деятельности. Для разрешения данной проблематики в теоретической и практической плоскости необходимо исследовать эволюцию института уголовно-процессуальных обязанностей следователя. Цель исследования – проанализировать проблематику института уголовно-процессуальных обязанностей в каждый отдельно взятый период. Исследовать систему полномочий следователя, предусмотренного законодательством, его ведомственную принадлежность. Путем сравнительного анализа уголовно-процессуального законодательства были выявлены положительные и отрицательные тенденции развития данного института, которые связаны с развитием общественных отношений и государственным строем. Исследование показало, что уголовно-процессуальные обязанности следователя развивались хаотично, положительные тенденции развития наблюдались в периоды развития прав человека и государственного переустройства. По мнению автора, разработка современной концепции уголовно-процессуальных обязанностей должно проводиться с учетом эволюции данного института и тех концептуальных противоречий, которые имеются по сегодняшний день.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная обязанность; следователь; уголовно-процессуальное законодательство; система полномочий; сравнительный анализ.

Юридическая обязанность уступает по своей исследованности юридическим правам. Исследование субъективных прав ушло далеко вперед [1. С. 83]. Объясняется это тем, что права находят своей отражение во всех нормативно-правовых актах государства, а обязанности закрепляются в универсальной юридической категории без акцентирования в отраслевом аспекте. Как на уровне национального законодательства, так и в международном праве сложилась практика исследования и закрепления прав, без должного внимания обязанностям. Исследованием данной проблематики занимались такие авторы как: В.П. Божьев, М.О. Баев, Е.Н. Петухов, А.О. Зеленина, О.В. Николаиченко и др.

Особое методологическое значение для формирования современной научной концепции о процессуальных обязанностях имеют труды фундаментального характера ученых советского периода, в которых акцент был сделан на диалектическом единстве процессуальных прав и субъективных обязанностей [2. С. 37]. Это обуславливалось рядом методологических причин, взаимовлиянием прав и обязанностей, их неразрывной связью, обеспечительной функцией обязанностей в праве [3. С. 64], удобством их теоретического анализа [4. С. 73].

Рассматривая уголовно-процессуальные обязанности следователя в рамках исследования можем сказать, что наука уголовного процесса не выработала единого определения уголовно-процессуальных обязанностей. Данный институт является структурным элементом системы полномочий властных участников. Предстоит проанализировать уголовно-процессуальные нормы, прямо обязывающие следователя, и нормы в которых обязанности заложены через систему полномочий, которые в разные периоды развития отечественного уголовного процесса по своей юридической технике излагались по-разному.

Современное уголовное судопроизводство невозможно представить без уголовно-процессуальных обязанностей следователя. В истории уголовно-процессуального права уголовно-процессуальные обязанности следователя берут свое начало с дореволюционных времен. Судебная реформа Александра II ознаменовалась принятием Устава Уголовного судопроизводства 1864 года. Устав стал первым кодифицированным источником российского уголовного процесса. Существовавший дореформенный инквизиционный

процесс был упразднен. Была введена должность судебного следователя, как властного участника досудебного производства также был введен институт суда присяжных, который просуществовал до 1917 года.

Исследуя Устав уголовного судопроизводства в области уголовно-процессуальных обязанностей следователя, мы находим схожести с УПК РФ 2001 года, а именно в Уставе предусмотрено второе отделение, главы первой раздела второго, регламентирующее «Существо обязанностей и степень власти судебных следователей», и в современном УПК РФ законодатель предусмотрел в разделе 6, ст. 38 которая содержит полномочия следователя. Такой подход в последовательном изложении уголовно-процессуальной нормы, облегчает деятельность правоприменителя. Деление и разброс основных уголовно-процессуальных обязанностей по всему уголовно-процессуальному закону усложняет профессиональную деятельность следователя.

Для дальнейшего анализа нам необходимо ознакомиться с Уставом уголовного судопроизводства (далее УУС). Ст. 263 нам говорит об обязанности следователя: «судебный следователь о всяком следствии, начатом им ... доводит до сведения прокурора»¹, ст. 265 гласит «следователь обязан с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие». Судебный следователь, исполняя обязанности в собирании обстоятельств, уличающих и оправдывающих обвиняемого, реализует гарантийный механизм объективного расследования. Данная объективность подкрепляется тем, что судебный следователь представляет судебную власть, не является стороной обвинения, как мы это увидим в последующих кодексах.

Далее законодатель в ст. 266 Устава «Судебный следователь должен принимать своевременно меры, необходимые для собирания доказательств ... не допускать никакого промедления в обнаружении и сохранении таких следов и признаков преступления»², данная норма обязывает следователя предпринять соответствующие меры для обнаружения и сохранения следов преступления.

При наличии законного основания для отвода, следователь в соответствии с ст. 274 УУС «обязан сам себя устранить от производства следствия и донести о том суду»³. В случае явки с повинной, ст. 310 УУС обязывает приступить следователя к следствию, в случаи наличия достаточных оснований следователь оставляет явку с повинной без последствий, с направлением копии протокола прокурору или его товарищам⁴. Ст. 398 Устава уго-

ловного судопроизводства предусматривает «обязанность следователя снять с обвиняемого первоначальный допрос немедленно...»⁵. За волокиту, допущенную судебным следователем по уголовному делу, последний привлекался к ответственности. Так, «Правительствующий Сенат, в общем собрании департаментов, рассмотрев дисциплинарное производство о судебном следователе Дюкове, сделал ему предостережение за оставление дела о кр. Якове Иванове, обвинявшемся в причинении Василию Торгашеву повреждений, признанных впоследствии легкими, без движения с 31 декабря 1867 по 26 марта 1868 гг.»⁶. Как мы видим, законодатель предусмотрел логически выстроенную систему уголовно-процессуальных обязанностей следователя в УУС 1864 г. Предусмотренная система обязанностей послужила гарантией прав участников уголовного судопроизводства. Положительное влияние на исполнение обязанностей следователя оказывала его независимость, принадлежность к судебной системе и право избрание меры пресечения при необходимости без согласования с прокурором.

Продолжая наше исследование, нам необходимо провести сравнительный анализ УУС с УПК РСФСР 1922 г. После исторических событий 1917 г. УУС 1864 г. утратил свою юридическую силу, произошла смена государственного строя. Этим можно объяснить тот факт, что уже одним из первых декретов государства советов «О суде» институт судебных следователей был упразднен⁷. До 1922 г. в РСФСР не было единого уголовно-процессуального закона, который регламентировал бы уголовное судопроизводство в молодой советской России. 25 мая 1922 года на III Сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета был принят УПК РСФСР. В данном УПК прослеживается влияние революционных событий, которые отразились и на уголовно-процессуальных нормах. Появились специфические виды уголовного судопроизводства, связанные с упрощением порядка судебного разбирательства, так как вынесение судебного приказа (когда без проведения разбирательства в судебном заседании вместо приговора суд выносил приказ об исполнении уголовного наказания).

Законодатель в ст. 99 УПК РСФСР 1922 г., обязывает суд, следователя и прокурора принимать

⁵ Устав уголовного судопроизводства 1864 год URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864>

⁶ Решение общего собрания Правительствующего Сената. 1869 г., № 35. Цит. по: Горановский М.А. Практическое руководство для судебных следователей при окружных судах. Часть общая. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1889. С. 62. Кроме этого, см.: Решение уголовного кассационного департамента 1872 г. № 790, 1875 г. № 399 и 1876 № 107 (Там же. С. 62; Гольдштейн М.Л. Движение уголовного процесса: практические примеры. СПб: Тип. С.-Петербургского т-ва «Труд», 1907.

⁷ Первые уголовно-процессуальные кодексы: к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922–1923 гг. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием URL: https://kalinovsky-k.narod.ru/b1/Pervye_ugolovno-processual-nye_kodeksy_UPK_RSFSR_s.pdf

¹ Устав уголовного судопроизводства 1864 год URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/4069962> (дата обращения 15.06.202)

² Устав уголовного судопроизводства 1864 год URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 15.06.2024)

³ Устав уголовного судопроизводства 1864 год URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864>

⁴ Устав уголовного судопроизводства 1864 год URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864>

заявления совершенных или готовящихся преступлений. В УУС 1864 г. законодатель не предусмотрел норму обязывающую следователя принимать заявление. В данном случае мы можем наблюдать динамику в конкретизации обязанностей следователя и нормативное закрепление.

Анализируя ст. 111 УПК РСФСР 1922 г., мы видим, что законодатель наделил правом следователя не проводить предварительное следствие в случае «если признает поступивший к нему материал дознания достаточно полным и дело достаточно разьясненным, вправе не производить предварительного следствия или же ограничиться производством отдельных следственных действий», но при это законодатель обязывает следователя выполнить следственные действия, которые, являются обязательными: 1) предъявление обвинения обвиняемому; 2) допрос обвиняемого, и 3) составление обвинительного заключения¹. В ст. 112 законодатель обязывает следователя «не позднее 24 часов по арестантским делам и 48 часов по всем остальным делам, приступить к производству следствия, составив о том постановление, копия которого немедленно направляется к прокурору»². Законодатель предусмотрел обязанность следователя в разьяснении права на гражданский иск потерпевшему, которая отражена в ст. 122 УПК.

При сопоставлении ст. 265 УУС 1864 г. и ст. 113 УПК РСФСР 1922 г. можем заметить идентичность обязанностей следователя, законодатель обязывает выяснять обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого. Законодатель предусмотрел обязанность следователя в разьяснении права на гражданский иск потерпевшему, которая отражена в ст. 122 УПК. В случае подачи гражданского иска потерпевшим (ст. 123 УПК РСФСР 1922 г.), следователь обязан рассмотреть данное обращение и вынести соответствующее постановление об удовлетворении³ либо об отказе ходатайства. Прослеживается уголовно-процессуальная обязанность как в разьяснении права на гражданский иск, так и обязанность о рассмотрении ходатайства и вынесение по результатам рассмотрения процессуального акта.

Поручение в проведении следственных действий следователем другого участка обязывает следователя выполнить такого рода поручение говорит нам ст. 129 УПК 1922 г. В сравнении со ст. 292, 293 УУС 1864 г., где следователь имеет возможность поручить проведение следственных действий следователю на территории другого участка, в первом советском УПК законодатель точнее изложил обязанности следователя.

Согласно ст. 182 УПК 1922 г., следователь, приступая к обыску или выемке, обязан огласить соответствующее постановление свое или суда по это-

му поводу. Правда, каких-либо уточняющих норм относительно оснований и порядка принятия такого постановления судом УПК 1922 г. не содержит⁴. Так же в рамках обыска следователь обязан принять меры к не оглашению обстоятельств личной жизни обнаруженных при обыске (ст. 184 УПК РСФСР).

Проводя сравнение норм, регулирующие обыск и выемку по УУС 1864 г., можем сказать, что «обязанности оглашать соответствующее постановление» о проведении обыска (выемки), также обязанности обеспечения не оглашения обстоятельств жизни выявленных при обыске в УУС 1864 г. нет. Тут можем сказать, что законодатель в УПК РСФСР 1922 г. более детально регламентировал обязанности следователя в ходе проведения следственных действий, чем в УУС. Кроме этого в первом советском УПК институты судебных следователей и судов присяжных были упразднены, исполнение этих функций были возложены на специализированные комиссии и на штабы красной армии.

УПК РСФСР 1922 г., был подвергнут реформированию и новую редакцию кодекса приняли в 1923 году. Так как изменения были глобальными новую редакцию называют УПК РСФСР 1923 года. Исследуя УПК 1923 г. можно сказать, что ст. 94 полностью повторяет ст. 99 УПК 1922 г., содержание нормы не подверглось изменению. Также ст. 111 УПК 1922 г. без изменений сохранилась в ст. 109 УПК 1923 г. Виды обязанностей следователя в указанных статьях не эволюционировали, динамика сохранилась прежней. Также обязанность немедленного производства следствия при полученных сведениях о преступлении, которая предусмотрена в ст. 112 УПК 1922 г. сохранилась в ст. 110 УПК 1923 г.

Механизм защиты прав потерпевшего путем подачи гражданского иска в УПК 1923 г. предусматривает соответствующие обязанности следователя, в порядке, предусмотренном ст. 119–120. Данный механизм по сравнению с предыдущим кодексом в обеспечении прав гражданского истца не претерпел изменений.

Обязанность проведения допроса обвиняемого следователем в течении 24 часов с момента явки или привода прослеживается как в УУС 1864 г., так и первых двух советских УПК. В рамках ст. 179 в обязанности следователя входит оглашение постановления о проведении обыска или выемки, также обязан принять меры для сохранения в тайне выявленных обстоятельств частной жизни, не имеющих отношения к расследованию. При поступлении жалобы на действие следователя, он обязан в соответствии со ст. 219 УПК 1923 г. направить поступившую жалобу прокурору со своими объяснениями.

Как мы видим уголовно-процессуальные обязанности следователя в УПК 1923 года по сравне-

¹ УПК РСФСР 1922 года URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757376#1>

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22

⁴ Первые уголовно-процессуальные кодексы: к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922–1923 гг. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием URL: https://kalinovskiy-k.narod.ru/b1/Pervye_ugolovno-processualnye_kodeksy_UPK_RSFSR_s.pdf

нию с предыдущим не претерпели больших изменений, прослеживается конкретизация изложения процессуальной нормы, но объем обязанностей следователя сохранил свой системный вид. Несмотря на сохранение системного вида процессуальных обязанностей следователя, на УПК 1923 г. пришли репрессии 1937–1938 годов. В этот период существовало две правовые реальности – это УПК 1923 года и процессуальные акты чрезвычайного характера, которые были ориентированы на преступления с политической составляющей. Именно второе нивелировало процессуальное законодательство в том числе и систему процессуальных обязанностей следователя. Следующий этап развития уголовно-процессуального законодательства предусмотрел ошибки, допущенные в 1920–1930 г. и предусмотрел единую процессуальную форму, без каких – либо уголовно-процессуальных актов вне УПК, все это нашло отражение в УПК РСФСР 1960 года.

Ст. 3 УПК РСФСР 1960 года закрепляет обязанность следователя в возбуждении уголовного дела и его раскрытии. Новшеством в области уголовно-процессуальных обязанностей следователя стала ст. 19 в которой законодатель закрепил обязанность суда, прокурора, следователя и дознавателя в обеспечении защиты законными средствами обвиняемому. Прямого закрепления в предыдущих уголовно-процессуальных законах этой обязанности не было. Это говорит нам о демократизации процессуального законодательства.

Изменениям подверглись и обеспечительные механизмы гражданских исков в рамках уголовного дела. По сравнению с предыдущим кодексом, УПК 1960 г. не содержит норм, обязывающих следователя разъяснять о правах на гражданский иск и норм, которые обязывают рассмотреть иск и принять по результатам процессуальный акт. Ст. 29 УПК 1960 г. говорит нам только о возможности подать гражданский иск, процесс доказывания по гражданскому иску осуществляется в соответствии с УПК¹.

Ввиду федеративного устройства СССР, ст. 31 УПК РСФСР обязывала суды, следователей и органы дознания исполнять соответствующее поручение органов других союзных республик. Похожее мы встречали в УУС 1864 г., и в первых двух УПК 1922–1923 годов, но там обязанность была в исполнении поручений следователями других участков. В данном случае видим эволюцию исполнения обязанностей в соответствии с поручением на территории союзных республик. Новшеством, в уголовно-процессуальных обязанностях следователя в ст. 98 УПК 1960 г., стала обязанность принятия мер по попечению в отношении детей лиц, заключенных под стражу. В отношении имущества заключенного также следователь обязан принять меры, обеспечивающие их сохранность.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/15_ugproc_kodeks

В УПК 1960 г. сохранились обязанности следователя к немедленному производству следствия по возбужденному уголовному делу. Данная обязанность прослеживается в УУС 1864 г., а также во всех советских УПК.

При наличии законных оснований к отводу следователь обязан обратиться к прокурору с заявлением о самоустранении (ст. 130 УПК 1960 г.), данная обязанность берет свое начало с УУС 1864 г. Законодатель счел необходимым сохранить данную обязанность, так как предусмотренный механизм является гарантией объективного расследования. Также мы можем заметить, что допрос обвиняемого по УПК 1960 г. производится немедленно, а УПК 1922–1923 годов предусматривал допрос не позже 24 часов после явки или привода обвиняемого.

Распад Советского Союза послужил поводом для принятия нового УПК РФ в 2001 году. Данный кодекс отличался от предыдущих тем, что в него был включен раздел, регулирующий принципы уголовного судопроизводства (глава 2). Был введен новый раздел, регламентирующий международную деятельность между должностными лицами РФ и должностными лицами иностранных государств.

Сравнивая с предыдущими УПК советского периода и с дореволюционным законодательством можем сделать вывод о том, что законодатель в рамках статьи ст. 38 (регламентирует деятельность следователя) раскрывает полномочия следователя. Содержание данной статьи нам говорит об использовании обобщенной терминологии «полномочия», т.е. совокупность прав и обязанностей. В ч. 2 ст. 38 законодатель использует «возбуждает», «принимает», «направляет» и т.д. Такого рода изложение не конкретизирует, где именно процессуальные обязанности, а где права.

Ст. 67 УПК РФ предусматривает отвод следователя и других властных участников уголовного судопроизводства, где решение об отводе принимает начальник следственного органа и прокурор. Законодатель в данной норме не предусмотрел обязанность устранившись от производства, как это было предусмотрено в ст. 274 УУС 1864 года.

Также в процессуальные обязанности следователя нововведением стала ст. 73 УПК РФ, которая предусматривает обстоятельства, подлежащие доказыванию. В предыдущих УПК не было предусмотрено исчерпывающего перечня обстоятельств доказывания.

В УПК РФ сохранились обязанности следователя, касающиеся «немедленного допроса» после предъявления обвинения (ст. 173). Сохранение данной обязанности за весь период существования кодифицированного уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что законодатель ставил и ставит целью этой обязанности получение правдивых показаний. Наличие или отсутствие таких данных влияют на объективность расследования.

Таким образом подводя итог по данному исследованию можем сделать вывод о том, уголовно-процессуальные обязанности следователя развивались непланово. До реформенный период ассоциировался отсутствием института судебных следователей, и отсутствием единой системы уголовно-процессуальных обязанностей субъекта уголовного преследования. Судебная реформа Александра II и принятие УУС 1864 года, безусловно положительно повлияло на развитие уголовно-процессуальных обязанностей следователя, была разработана единая система полномочий следователя. Закрепление обязанностей в УУС стало гарантией прав участников уголовного судопроизводства. Заложенные демократические принципы были подвергнуты пересмотру после революции, в том числе были пересмотрены уголовно-процессуальные обязанности следователя в УПК 1922–1923 годов. Обязанности следователя, предусмотренные в первых двух УПК РСФСР, очень сильно отличались от УУС 1864 г., следователь мог при достаточности материалов дознания не проводить полноценного расследования, что говорит нам репрессивном уклоне ране советского законодательства.

Следующий этап эволюции уголовно-процессуальных обязанностей пришелся на УПК РСФСР 1960 г., содержал нормы регламентирующие обязанности следователя, как гарантию прав обвиняемого. Данный кодекс озаменовал изменения в уголовном процессе. Упрощенное производство предусмотренное первыми двумя кодексами были упразднены в УПК 1960 года. Данный кодекс расширил гарантии прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. УПК 1960 года по сравнению с первыми двумя советскими кодексами был в структурном плане сложным по своему содержанию, прослеживается качественная юридическая техника изложения уголовно-процессуальной нормы. Но при сравнении с УУС 1864 года не имел института суда присяжных, он появился на закате советского государстве в 1989 году. УПК 1960 года действовал до 2001 года.

С распадом Советского Союза возникла необходимость изменения уголовно-процессуального законодательства. В 2001 году был принят принципиально новый УПК РФ, который отражал современные реалии российского государства с учетом прав человека, гарантийных механизмов. Данный кодекс отличается своей сложностью по сравнению со всеми предыдущими кодифицированными актами уголовно-процессуального законодательства. Законодатель предусмотрел принципы уголовного судопроизводства в современном УПК. Так же детально раскрывает полномочия участников уголовного судопроизводства. При сравнении УУС 1864, Советские УПК и УПК РФ мы видим, что следователь стал представителем исполнительной ветви власти, следственный судья был членом судебной ветви власти. При избрании мер пресечения следователь, в советский период получал санкцию прокурора, но тут необходимо отметить,

что следователь и прокурор представители одной ветви власти. Следователь в советском законодательстве и современном УПК РФ является стороной обвинения, УУС 1864 не относил его к стороне обвинения, так как судебный следователь был фигурой нейтральной и обеспечивал объективность расследования.

Современный УПК РФ обязывает обратиться с ходатайством об избрании меры пресечения в суд. Исполняя данную обязанность, следователь обращается в судебную ветвь власти, справедливо возникает вопрос о самостоятельности следователя, так судебный следователь по УУС сам избирал меру пресечения. Также ведомственная принадлежность следователя в состав исполнительной ветви власти оставляет открытым вопрос о его самостоятельности. Несмотря на то, что современный УПК РФ обязывает следователя доказывать обстоятельства виновности лица в совершении преступления и обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, остается открытым вопрос об объективности следователя, так как он является стороной обвинения.

Нет сомнений, что эволюция данного института должна учитываться при разработке современной концепции уголовно-процессуальных обязанностей.

Литература

1. Хохлова Е.М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Е.М. Хохлова. – Саратов, 2008. – С. 83
2. Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 172 с.
3. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М.: Издво Моск. ун-та, 1972. 114 с.
4. О.В. Николайченко Понятийный и структурно-содержательный анализ процессуальной обязанности / Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. с. 73
5. Бертовский Л.В. Особенности исполнения процессуальных обязанностей в условиях цифрового судопроизводства / Л.В. Бертовский // Сборник статей XX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». – Вып. XVIII / под ред. С.И. Давыдова, Е.Н. Петухова, В.В. Полякова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 7–10
6. Воскобитова Л.А. Обязанности следователя при привлечении лица в качестве обвиняемого / Л.А. Воскобитова // Сборник статей XX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». – Вып. XVIII / под ред. С.И. Давыдова, Е.Н. Петухова, В.В. Полякова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 10–24

7. Петухов Е.Н. Теоретические основы концепции гарантированного исполнения уголовно-процессуальных обязанностей / Е.Н. Петухов // Сборник статей XX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». – Вып. XVIII / под ред. С.И. Давыдова, Е.Н. Петухова, В.В. Полякова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 33–46
8. Курбатова С.М. Основы формирования каузально-ассоциативной детерминации системы уголовно-процессуальных обязанностей (компенсаторный подход) / С.М. Курбатов // Сборник статей XX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». – Вып. XVIII / под ред. С.И. Давыдова, Е.Н. Петухова, В.В. Полякова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 106–111
9. Пьянкова Н.В. Процессуальная независимость как обязанность следователя / Н.В. Пьянкова // Сборник статей XX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». – Вып. XVIII / под ред. С.И. Давыдова, Е.Н. Петухова, В.В. Полякова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 136–143
10. Зеленина О.А. К вопросу о законодательной регламентации процессуальных обязанностей участников уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1 (49). С. 81–89.
11. Исаенко А.Г. Принципиальные обязанности руководителя следственного органа / А.Г. Исаенко // Сборник статей XX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». – Вып. XVIII / под ред. С.И. Давыдова, Е.Н. Петухова, В.В. Полякова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 73–78
12. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., «Юрид. лит.», 1975 С. 176
13. Леонов А.И. Ситников К.А. Общество и право = Society and law: научно-практический журнал: 2021, № 1 (75)., С. 33–38
14. Горбачев В.П. Взаимоотношения прокуратуры и судебных следователей в Российской Империи // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 3 (61). С. 131–136.
15. Морозов Ю.И. Правовая регламентация института судебных следователей в Российской Империи // В сборнике: Судебная система России на современном этапе общественного развития. Сборник научных трудов Всероссийской студенческой очно-заочной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2020. С. 776–779.
16. Литвинова В.Н., Лясевич Т.Г. Организационно-правовые основы деятельности судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века // Мир политики и социологии. 2019. № 6. С. 29–33.

EVOLUTION OF CRIMINAL PROCEDURAL DUTIES OF AN INVESTIGATOR IN RUSSIA: FROM THE CHARTER OF CRIMINAL PROCEDURE TO THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION.

Yalkapov E.

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA)

At the present stage of the development of the domestic criminal procedural process, there is an imbalance towards the study of criminal procedural rights, the institution of criminal procedural duties remains little studied. The lack of a single legal definition of criminal procedural duties and the different points of view of academic theorists do not contribute to the formation of a unified concept of this institution. This situation has a negative impact on law-making and law enforcement activities. To solve this problem in the theoretical and practical plane, it is necessary to investigate the evolution of the institution of criminal procedural duties of the investigator. The purpose is to investigate the criminal procedural duties of an investigator from the Statute of Criminal Procedure of 1864 to the modern Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. To analyze the problems of the institution of criminal procedural duties in each individual period. To investigate the system of powers of the investigator provided for by law, his departmental affiliation. Through a comparative analysis of criminal procedure legislation, positive and negative trends in the development of this institution have been identified, which are associated with the development of public relations and the state system. The study showed that the criminal procedural duties of the investigator developed chaotically, positive development trends were observed during periods of human rights development and state restructuring. According to the author, the development of a modern concept of criminal procedural duties should be carried out taking into account the evolution of this institution and the conceptual contradictions that exist to this day.

Keywords: criminal procedural obligation; investigator; criminal procedural legislation; system of powers; comparative analysis.

References

1. Khokhlova E.M. Subjective right and legal obligation in the mechanism of legal regulation: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.01 / E.M. Khokhlova. – Saratov, 2008. – P. 83
2. Elkind P.S. The essence of Soviet criminal procedural law. L.: Publishing house of Leningrad. University, 1963. 172 p.
3. Kutsova E.F. Guarantees of individual rights in Soviet criminal proceedings. M.: Publishing house of Moscow University, 1972. 114 p.
4. O.V. Nikolaychenko Conceptual and structural-substantive analysis of procedural obligation / Bulletin of Tomsk State University. Law. 2020. No. 38. p.73
5. Bertovsky L.V. Features of the performance of procedural duties in the context of digital proceedings / L.V. Bertovsky // Collection of articles of the XX International scientific and practical conference “Criminal Procedure and Forensic Readings in Altai”. – Issue XVIII / edited by S.I. Davydov, E.N. Petukhov, V.V. Polyakov. – Barnaul: Publishing house of Altai University, 2022. Pp. 7–10
6. Voskobitova L.A. Duties of the investigator when bringing a person as an accused / L.A. Voskobitova // Collection of articles of the XX International scientific and practical conference “Criminal Procedure and Forensic Readings in Altai”. – Issue XVIII / edited by S.I. Davydov, E.N. Petukhova, V.V. Polyakova. – Barnaul: Publishing house of Altai University, 2022. Pp. 10–24
7. Petukhov E.N. Theoretical foundations of the concept of guaranteed execution of criminal procedural duties / E.N. Petukhov // Collection of articles of the XX International scientific and practical conference “Criminal procedural and forensic readings in Altai”. – Issue XVIII / edited by S.I. Davydov, E.N. Petukhov, V.V. Polyakov. – Barnaul: Publishing house of Altai University, 2022. Pp. 33–46
8. Kurbatova S.M. Basics of the formation of causal-associative determination of the system of criminal procedural duties (compensatory approach) / S.M. Kurbatov // Collection of articles of the XX International scientific and practical conference “Criminal Procedure and Forensic Readings in Altai”. – Issue XVIII / edited by S.I. Davydov, E.N. Petukhov, V.V. Polyakov. – Barnaul: Publishing house of Altai University, 2022. Pp. 106–111

9. Pyankova N.V. Procedural independence as a duty of the investigator / N.V Pyankova // Collection of articles of the XX International scientific and practical conference "Criminal Procedure and Forensic Readings in Altai". – Issue XVIII / edited by S.I. Davydov, E.N. Petukhov, V.V. Polyakov. – Barnaul: Publishing house of Altai University, 2022. Pp. 136–143
10. Zelenina O.A. On the issue of legislative regulation of procedural duties of participants in criminal proceedings // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 1 (49). P. 81–89.
11. Isaenko A.G. Fundamental duties of the head of the investigative body / A.G. Isaenko // Collection of articles of the XX International scientific and practical conference "Criminal Procedure and Forensic Readings in Altai". – Issue XVIII / edited by S.I. Davydov, E.N. – Barnaul: Publishing house of Altai University, 2022. P. 73–78
12. Bozhev V.P. Criminal procedural legal relations. M., "Legal. lit.», 1975 P. 176
13. Leonov A.I. Sitnikov K.A. Society and law = Society and law: scientific and practical journal: 2021, No. 1 (75)., P. 33–38
14. Gorbachev V.P. Relationships between the prosecutor's office and judicial investigators in the Russian Empire // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (61). P. 131–136.
15. Morozov Yu.I. Legal regulation of the institute of judicial investigators in the Russian Empire // In the collection: The judicial system of Russia at the present stage of social development. Collection of scientific papers of the All-Russian student full-time and part-time scientific conference. Rostov-on-Don, 2020. P. 776–779.
16. Litvinova V.N., Lyasovich T.G. Organizational and legal foundations of the activities of judicial investigators in the Russian Empire in the second half of the 19th century // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 6. P. 29–33.

Правовая природа международных споров о территории Арктики

Володин Юрий Алексеевич,

студент-аспирант, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова
E-mail: ya.yura-5@yandex.ru

В статье раскрываются позиции государств, граничащих с арктическим континентом по вопросу освоения Арктики. Автором был проведен межотраслевой анализ территории Арктики и выделены как экономические, так и политические интересы государств на территории исследуемого континента. В ходе проведенного анализа, автором были рассмотрены позиции отечественных и зарубежных авторов, изучавших проблемы, сопряженные с темой настоящего исследования.

Отдельное внимание уделено спорам и противоречиям исследуемых государств в отношении континентального шельфа, а также обоснованию их позиции по этому вопросу. В качестве нормативно-правовой базы исследования выступают международные договоры, и нормативно-правовые акты Российской Федерации.

В заключении автором был сделан ряд выводов о природе возникающих споров и о вероятном сценарии их разрешения на основании современных научно-исследовательских работ, а также решений международных межправительственных организаций.

Ключевые слова: Арктика, Конвенция ООН по морскому праву, Арктический шельф, международное морское право, международное публичное право.

На текущем этапе развития многие государства рассматривают освоение Арктики как путь к достижению своих экономических и геополитических целей. При этом правовой режим Арктического пространства определяется не только нормативно-правовыми актами стран, граничащих с арктическим континентом, но и положениями международного права. Ввиду такого регулирования, государства, имеющие общую границу с Арктическим континентом, не могут договориться между собой о зонах влияния и о методах, допустимых при освоении Арктики. Как и у других государств, у Российской Федерации есть определенный круг интересов, связанных с Арктическим пространством, который будет раскрыт автором в рамках данной статьи.

Статус арктических государств имеют такие страны как Российская Федерация, США, Дания, Норвегия, Канада, Швеция, Финляндия и Исландия. Данный статус обусловлен тем, что обозначенные выше государства имеют либо выход к Северному ледовитому океану, либо часть их территорий располагается в арктическом бассейне¹. Ввиду географических особенностей расположения, эти страны являются главными бенефициарами освоения арктического пространства, а их интересы в коммерческом выражении существенно превышают интересы других стран.

С точки зрения мировой экономики можно выделить два наиболее существенных преимущества, которые человечество может получить от освоения полярного севера. В первую очередь, эксперты из различных государств выделяют крупные залежи различных полезных ископаемых, расположенных в исследуемом регионе. По их оценкам, арктический континент скрывает под своими льдами порядка 22% общемировых запасов углеводородов², что представляет серьезную ценность для государств, которые могут потенциально получить доступ к данным залежам. Такая ценность обусловлена в первую очередь текущим состоянием мировой экономики в целом и роли, которую в ней играют энергоносители традиционного типа, в частности. Несмотря на растущее распространение мощностей, генерирующих энергию посредством использования возобновляемых источников, традиционное энергетическое сырье все еще генерирует около 70% энергии во всем мире³. Неко-

¹Абрамов, П.С. Правовой статус Арктики и Антарктики / П.С. Абрамов, М.А. Данцев. – // Молодой ученый. – 2022. – № 21 (416). – С. 489–490.

²Strategic Importance of the Arctic in U.S. Policy. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://irp.fas.org/congress/2009_hr/arctic.pdf (дата обращения: 12.08.2024)

³Возобновляемые источники заняли треть в мировой выработке электроэнергии [Электронный ресурс] Режим досту-

торые эксперты полагают, что на горизонте планирования в 10 лет возобновляемые источники энергии станут доминирующими в сравнении с их традиционными аналогами, однако автор сомневается в таком сценарии ввиду низкой стабильности и энергоэффективности генерирующих мощностей в этой сфере.

Другой возможностью, которую открывает Арктический регион для мировой экономики является северный торговый путь. Данный маршрут является особенно актуальным для Российской Федерации ввиду хорошо развитого флота атомных ледоколов. С учетом современного положения государств, граничащих с Арктикой, Российская Федерация с высокой долей вероятности станет главным бенефициаром от использования северного торгового пути.

В условиях растущего интереса к Арктическому региону Арктические государства выступают соперниками друг для друга. Разделение Арктики на зоны влияния государств нередко сталкивается с длительными спорами между официальными представителями по вопросам делимитации границ. Текущий режим парового регулирования Арктики установлен нормами национального законодательства прибрежных государств, международным правом, а также двусторонними соглашениями. На сегодняшний день отсутствует международная конвенция, предоставляющая правовое регулирование такого предмета как разграничение зон влияния государств на территории Арктики, что создает дополнительные трудности в переговорах между государствами.

Границы государств в Арктической зоне устанавливаются на основе конвенции ООН по морскому праву от 1982 года¹. Данная конвенция не предполагает каких-либо отдельных норм права, применимых исключительно к арктическому пространству. Таким образом, при определении зоны влияния государств применяются общие нормы морского права и такие понятия как исключительная экономическая зона, территориальное море и др. По общему правилу, территориальное море государства составляет 12 морских миль от исходных линий, а исключительная экономическая зона находится в пределах 200 морских миль от исходных линий. Экономические интересы государства могут быть реализованы как в исключительной экономической зоне, так и в территориальном море. Реализация экономических интересов прибрежного государства осуществляется посредством применения государством исключительных прав на разведку, разработку и сохранение природных ресурсов как живых, так и неживых, в водах, покрывающих морское дно, на морском дне и в его недрах, а также на юрисдикцию в отношении создания и использования искусственных островов, установок и со-

ружений, морских научных исследований, а также защиты и сохранения морской среды.

Основным предметом разногласий между государствами является вопрос территориального разграничения на шельфе Северного Ледовитого океана. В соответствии с п. 1 ст. 76 Конвенции 1982 г. под континентальным шельфом понимается морское дно и недра подводных районов, которые простираются, начиная внешними пределами территориального моря и заканчивая внешними границами подводной окраины материка или на расстоянии 200 морских миль от начала измерения ширины территориального моря.

Конвенция ООН по морскому праву допускает механизм расширения, зоны континентального шельфа прибрежного государства. Согласно этому механизму, государство-участник данной Конвенции, которое полагает, что согласно содержанию последней, его зона влияния должна быть расширена имеет право сформировать письменный запрос соответствующего содержания в течение 10 лет после ратификации Конвенции ООН по морскому праву. Такой запрос должен быть подкреплен материалами, которые будут доказывать обоснованность такой гипотезы. В качестве подобных доказательств могут быть использованы, например результаты исследований специфики почв дна определенного региона. На основании подобных исследований можно сделать вывод о схожести особенностей грунта из чего следует подтверждение предположения о том, что изучаемый регион принадлежит к континентальной части того или иного государства. Российской Федерацией данная конвенция была ратифицирована в 1997 году². В 2007 году со стороны Российской Федерации была организована экспедиция местом назначения которой выступила глубоководная территория арктического шельфа с целью сбора доказательств о принадлежности данного географического сектора к континентальной части северного побережья России. Целью экспедиции явилось проведение геологического анализа почвы хребта Ломоносова, на основании которого планировалось сделать вывод о правдивости гипотезы, предполагающей связь данного участка северного ледовитого океана с территорией России. После этого Российская Федерация направила в комиссию результаты исследований, которые были проведены в ходе вышеуказанной экспедиции, а в 2014 году комиссия приняла решение о том, что требования, выдвигаемые Российской Федерацией, отличаются своей обоснованностью. В результате этого, экономическая зона России была расширена за счет участка континентального шельфа в Охотском море площадью примерно 50 000.

Однако такое решение комиссии послужило причиной к недовольству со стороны иных госу-

па: <https://3dnews.ru/1104521/vozobnovlyаемые-istochniki-energii-obespechivayut-uge-tret-mirovih-potrebnoyey-v-elektroenergii> (дата обращения: 15.08.2024)

¹ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. // СЗ РФ. – 1997. – № 48. – С. 5493.

² Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. N 30-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и Соглашения об осуществлении части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву» // Бюллетене международных договоров – 1997. – № 5. – С. 75.

дарств, имеющих общую границу с Арктическим континентом и как следствие, обладающих широким спектром интересов как экономического, так и геополитического характера, нацеленных на территорию, которая является предметом исследования настоящей статьи. В частности, с заявлениями выступила Дания и Канада. Исходя из позиции Дании хребт Ломоносова является затонувшей частью Гренландии. Канада в свою очередь заявила о том, что начальная точка хребта Ломоносова расположена на Североамериканском континенте, и таким образом Россия не имеет права на эту часть Арктического шельфа.

Таким образом, несмотря на решение комиссии, арктические государства не могут прийти к согласию касательно вопроса делимитации арктического шельфа. Более наглядно территории, на которые претендуют те или иные государства, имеющие общую границу с Арктическим континентом отражены на Рисунке 1.

Рис. 1. Притязания стран на арктический шельф

Источник: <https://rodina-history.ru/2015/03/16/rodina-arktika2.html>¹

Из Рисунка 1 видно, что Российская Федерация претендует на большую часть Арктического шельфа. Обоснованность таких притязаний была указана автором ранее, в то же время большинство геополитических оппонентов России не согласны с такими требованиями со стороны Российского государства. Многие представители научного сообщества такие, как например Ибрагимов А.М. и Устарханов У.Н.² отмечают, что притязания иностранных государств на спорные территории арктического шельфа являются в значительной степени менее обоснованными в сравнении с претензиями Российской Федерации. Исследования, проведенные Данией и Канадой, являются поверхностными по причине того, что данные государства не прибегали к высокотратным экспедициям и их заявления не подтверждаются практическими до-

казательствами такими как анализ дна шельфа, в результате чего не поддаются подтверждению.

В заключении проведенного исследования можно сделать вывод о том, что Арктика на сегодняшний день привлекает внимание всех без исключения государств, обладающих общей границей с этим регионом. Интерес перечисленных выше государств обусловлен рядом причин как экономической, так и политической природы. Руководство одних государств небезосновательно полагает, что доступ к ресурсной базе Арктического шельфа позволит обеспечить высокие показатели экономического роста и положительный торговый баланс их государства. Первые лица других стран рассматривают Арктику с точки зрения геополитического зоны влияния, открывающую новые возможности.

Несмотря на то, что правовое регулирование опирается на Конвенцию ООН по морскому праву, содержание этого документа применяется лишь в отношении определения территориального моря и исключительной экономической зоны государств. Для определения зоны влияния непосредственно в рамках Арктического шельфа государства вынуждены прибегать к иным мерам. В результате такого подхода возникают споры между государствами, предметами которых является Арктический шельф. В качестве примера таких споров автором был рассмотрен спор между Россией, Канадой и Данией, предметом которого выступал часть Арктического шельфа, которая является продолжением хребта Ломоносова. Из анализа позиций арктических государств можно сделать вывод о том, что позиция Российской Федерации является наиболее обоснованной с точки зрения проведенных на практике исследований.

Принимая во внимание все вышеизложенное, автор видит широкие перспективы для России с точки зрения международного урегулирования сфер влияния на территории арктического шельфа. Обладая наиболее обоснованной позицией по разделению сферы влияния государств на исследуемой территории, Российская Федерация может рассчитывать на то, что дальнейшие споры, предметом которых будут выступать территории региона, рассмотренные в рамках настоящей статьи, будут решены в ее пользу.

Литература

1. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 48. – С. 5493.
2. Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. N 30-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и Соглашения об осуществлении части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву» // Бюллетене международных договоров – 1997. – № 5. – С. 75.
3. Абрамов, П.С. Правовой статус Арктики и Антарктики / П.С. Абрамов, М.А. Данцев. – // Мо-

¹ Почему и сегодня вокруг Севморпути кипят политические страсти? – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rodina-history.ru/2015/03/16/rodina-arktika2.html> (дата обращения: 22.08.2024)

² Ибрагимов А.Н., Устарханов У.Н. Территориальные претензии государств на континентальный шельф Арктики // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2020. – Т. 24 – № 4. – С. 104–108.

лодой ученый. – 2022. – № 21 (416). – С. 489–490.

4. Ибрагимов А.Н., Устарханов У.Н. Территориальные претензии государств на континентальный шельф Арктики // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2020. – Т. 24 – № 4. – С. 104–108.
5. Шинкарецкая Г. Г., Редникова Т.В. Соотношение прав и интересов приполярных и других государств в использовании Арктического региона // Право и политика. – 2022. – № 1. – С. 12–22.
6. Strategic Importance of the Arctic in U.S. Policy. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://irp.fas.org/congress/2009_hr/arctic.pdf (дата обращения: 12.08.2024)
7. Возобновляемые источники заняли треть в мировой выработке электроэнергии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://3dnews.ru/1104521/vozobnovlyaemие-istochniki-energii-obespechivayut-uge-tret-mirovih-potrebnostey-v-elektroenergii> (дата обращения: 15.08.2024)
8. Почему и сегодня вокруг Севморпути кипят политические страсти? – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rodina-history.ru/2015/03/16/rodina-arktika2.html> (дата обращения: 22.08.2024)

THE LEGAL NATURE OF INTERNATIONAL DISPUTES OVER THE ARCTIC TERRITORY

Volodin Iu.A.

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

This article reveals the positions of the states bordering the Arctic continent on the development of the Arctic. The author conducted an intersectoral analysis of the Arctic territory and highlighted both the economic and political interests of states on the territory of the studied continent. In the course of the analysis, the author consid-

ered the positions of domestic and foreign authors who studied the problems associated with the topic of this study.

Special attention is paid to the disputes and contradictions of the studied states in relation to the continental shelf, as well as the justification of their position on this issue. International treaties and normative legal acts of the Russian Federation act as the regulatory framework for the study.

In conclusion, the author made a number of conclusions about the nature of emerging disputes and about the likely scenario for their resolution based on modern research papers, as well as decisions of international intergovernmental organizations.

Keywords: the Arctic, the UN Convention on the Law of the Sea, the Arctic shelf, international maritime law, public international law.

References

1. The UN Convention on the Law of the Sea, 1982 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 48. – p. 5493.
2. Federal Law No. 30-FZ of February 26, 1997 “On Ratification of the United Nations Convention on the Law of the Sea and the Agreement on the Implementation of Part XI of the United Nations Convention on the Law of the Sea” // Bulletin of International Treaties – 1997. – No. 5. – P. 75.
3. Abramov, P.S. The legal status of the Arctic and Antarctic / P.S. Abramov, M.A. Dantsev. – // Young Scientist. – 2022. – № 21 (416). – Pp. 489–490.
4. Ibragimov A.N., Ustarkhanov U.N. Territorial claims of states on the continental shelf of the Arctic // Legal Bulletin of Dagestan State University. – 2020. – Vol. 24 – No.4. – pp. 104–108.
5. Shinkaretskaya G. G., Rednikova T.V. Correlation of rights and interests of circumpolar and other states in the use of the Arctic region // Law and politics. – 2022. – No.1. – pp. 12–22.
6. Strategic Importance of the Arctic in U.S. Policy. [Electronic resource] – https://irp.fas.org/congress/2009_hr/arctic.pdf (date of application: 08/12/2024)
7. Renewable sources have taken a third of the world's electricity generation [Electronic resource] – <https://3dnews.ru/1104521/vozobnovlyaemие-istochniki-energii-obespechivayut-uge-tret-mirovih-potrebnostey-v-elektroenergii> (date of application: 08/15/2024)
8. Why are political passions boiling around the Northern Sea Route today? – [Electronic resource] – <https://rodina-history.ru/2015/03/16/rodina-arktika2.html> (date of application: 08/22/2024)

Правовое регулирование использования Северного морского пути в международных перевозках

Захаров Александр Андреевич,

аспирант, кафедры международного и морского права,
Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С.О. Макарова
E-mail: Sanek18091992@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования использования Северного морского пути (СМП) в контексте развивающейся практики международных перевозок. Исследуются особенности нормативно-правовой базы, регламентирующей судоходство по СМП, включая национальное законодательство Российской Федерации и международные правовые акты. Анализируются проблемы, возникающие при согласовании национальных интересов России и международного морского права в Арктическом регионе. Особое внимание уделяется правовым аспектам обеспечения безопасности мореплавания, защиты окружающей среды и регулирования коммерческой деятельности на СМП. Рассматриваются вопросы правового статуса СМП в контексте Конвенции ООН по морскому праву 1982 года и других международных соглашений. Исследуются правовые механизмы регулирования доступа иностранных судов к акватории СМП и порядок получения разрешений на проход. Анализируются правовые основы тарифной политики и предоставления услуг ледокольного сопровождения. Обсуждаются перспективы дальнейшего развития правовой базы СМП с учетом растущего интереса международного сообщества к Арктическому региону и увеличения объемов грузоперевозок. Рассматриваются правовые аспекты международного сотрудничества в области развития инфраструктуры СМП и обеспечения экологической безопасности. На основе проведенного анализа формулируются выводы о необходимости совершенствования правового обеспечения использования СМП с учетом баланса национальных интересов России и принципов международного морского права, а также предлагаются рекомендации по оптимизации нормативно-правовой базы в данной сфере.

Ключевые слова: северный морской путь, правовое регулирование, международные перевозки, морское право, Арктический регион, национальное законодательство, международные соглашения, безопасность мореплавания, экологическая безопасность, тарифная политика.

Северный морской путь (СМП) представляет собой уникальную транспортную артерию, имеющую стратегическое значение не только для России, но и для международной торговли в целом. В контексте развивающейся практики международных перевозок особенности правового обеспечения использования СМП приобретают все большую актуальность. Для полного понимания специфики правового регулирования СМП необходимо провести сравнительный анализ с другими международными морскими путями.

В отличие от таких известных международных морских маршрутов, как Суэцкий канал, Панамский канал или Малаккский пролив, Северный морской путь имеет ряд уникальных характеристик, которые существенно влияют на его правовое регулирование. Прежде всего, СМП проходит вдоль арктического побережья России, что поднимает вопросы о юрисдикции и правовом статусе вод, через которые он пролегает. Согласно российскому законодательству, в частности, Федеральному закону «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации», СМП определяется как исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация России. Это отличает его от других международных морских путей, которые, как правило, регулируются международными конвенциями и соглашениями.

Суэцкий и Панамский каналы, например, управляются специальными администрациями (Администрация Суэцкого канала и Панамская администрация канала соответственно) на основе международных договоров, гарантирующих свободу судоходства для судов всех стран. В случае с СМП, Россия, являясь прибрежным государством, имеет более широкие полномочия по регулированию судоходства, что обусловлено особыми климатическими условиями и необходимостью защиты хрупкой арктической экосистемы [1, с. 45].

Другой важной особенностью СМП является его сезонный характер использования. В то время как Суэцкий канал, Панамский канал и Малаккский пролив доступны для навигации круглый год, использование СМП ограничено периодом с июля по ноябрь из-за сложной ледовой обстановки. Это создает дополнительные правовые вызовы, связанные с обеспечением безопасности судоходства и необходимостью ледокольного сопровождения. В правовом поле это выражается в особых требованиях к судам, использующим СМП, которые закреплены в Правилах плавания в акватории Северного морского пути, утвержденных приказом Министерства транспорта РФ.

Экологический аспект также играет значительную роль в формировании правового режима СМП. Арктический регион отличается особой уязвимостью к антропогенному воздействию, что требует более строгих экологических норм по сравнению с другими международными морскими путями. В этом контексте правовое регулирование СМП во многом опирается на положения Полярного кодекса, принятого Международной морской организацией (ИМО) в 2014 году, который устанавливает дополнительные требования к судам, эксплуатируемым в полярных водах.

Еще одним уникальным аспектом правового регулирования СМП является роль государственной корпорации «Росатом» как единого инфраструктурного оператора. Такая модель управления не имеет аналогов в практике других международных морских путей и создает особые правовые условия для развития и эксплуатации СМП. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования развития Северного морского пути» определяет полномочия Росатома в области управления СМП, что создает уникальную правовую структуру, сочетающую государственное регулирование и коммерческие интересы.

Сравнивая правовой режим СМП с режимами других международных морских путей, нельзя не отметить различия в подходах к обеспечению свободы судоходства. Если Суэцкий и Панамский каналы гарантируют право прохода всем судам на основе принципа недискриминации, то в случае с СМП ситуация более сложная. Россия, ссылаясь на статью 234 Конвенции ООН по морскому праву, которая предоставляет прибрежным государствам право принимать недискриминационные законы и правила для предотвращения загрязнения морской среды в покрытых льдом районах, устанавливает особые правила прохода через СМП, включая необходимость получения разрешения на проход и обязательное ледокольное сопровождение для судов определенных ледовых классов.

Правовое регулирование СМП и экономические аспекты его использования представляют собой взаимосвязанные и взаимозависимые сферы, оказывающие существенное влияние на развитие и функционирование этого уникального транспортного коридора. Правовая база, регламентирующая использование Северного морского пути, формирует основу для его экономической эксплуатации, в то время как экономические интересы во многом определяют направления развития правового регулирования.

Правовое регулирование СМП базируется на комплексе национальных и международных нормативных актов. Ключевую роль играет российское законодательство, в частности, Федеральный закон «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации», который определяет СМП как исторически сложившуюся национальную транспортную

коммуникацию России. Это положение имеет принципиальное значение для установления юрисдикции России над акваторией СМП и определения правил его использования [2, с. 98].

Важным элементом правового регулирования являются Правила плавания в акватории Северного морского пути, утвержденные приказом Министерства транспорта РФ. Эти правила устанавливают требования к судам, использующим СМП, порядок получения разрешений на плавание, правила ледокольной проводки и другие аспекты навигации в арктических водах. Данные нормы напрямую влияют на экономические аспекты использования СМП, определяя дополнительные затраты судовладельцев на подготовку судов к арктическому плаванию и оплату услуг ледокольного флота.

На международном уровне важную роль в правовом регулировании СМП играет Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, особенно ее статья 234, которая предоставляет прибрежным государствам право принимать недискриминационные законы и правила для предотвращения загрязнения морской среды в покрытых льдом районах. Это положение служит правовой основой для установления Россией особых правил судоходства в акватории СМП.

Экономические аспекты использования СМП тесно связаны с правовым регулированием. Потенциальные экономические выгоды от эксплуатации СМП включают сокращение времени и расстояния перевозок между портами Европы и Азии по сравнению с традиционными маршрутами через Суэцкий канал. Это может привести к значительной экономии топлива и снижению транспортных расходов. Однако реализация этих преимуществ зависит от правовых условий использования СМП, включая тарифы на ледокольную проводку и другие сборы.

Развитие инфраструктуры вдоль СМП, включая порты, навигационные системы и спасательные службы, также находится на стыке правового регулирования и экономических интересов. Правовые механизмы государственно-частного партнерства и особые экономические зоны в Арктике создают основу для привлечения инвестиций в развитие инфраструктуры, что в свою очередь влияет на экономическую привлекательность СМП.

Особую роль в экономическом развитии СМП играет государственная корпорация «Росатом», наделенная полномочиями единого инфраструктурного оператора. Правовой статус Росатома в этой роли определяет его возможности по управлению и развитию СМП, что непосредственно влияет на экономические аспекты использования этого маршрута [3, с. 124].

Экологические требования, установленные как российским законодательством, так и международными нормами, в частности Полярным кодексом, также оказывают существенное влияние на экономику использования СМП. Необходимость соответствия судов высоким экологическим стандартам увеличивает стоимость перевозок,

но в то же время способствует развитию инновационных технологий в судостроении и судоходстве.

Роль Росатома в развитии СМП и перспективы его круглогодичного использования представляют собой ключевые аспекты стратегического развития Северного морского пути как важнейшей транспортной артерии Арктики. Государственная корпорация «Росатом» играет центральную роль в управлении и развитии инфраструктуры СМП, что напрямую влияет на возможности его круглогодичной эксплуатации. В 2018 году Росатом был наделен полномочиями единого инфраструктурного оператора Северного морского пути, что значительно расширило его функции и ответственность в этой стратегически важной сфере. Эти полномочия включают организацию судоходства, развитие портовой и энергетической инфраструктуры, обеспечение навигационной и гидрографической безопасности, а также координацию аварийно-спасательных работ в акватории СМП.

Одним из ключевых направлений деятельности Росатома в контексте развития СМП является управление атомным ледокольным флотом России. Атомные ледоколы играют критически важную роль в обеспечении навигации по СМП, особенно в зимний период и в сложных ледовых условиях. Росатом отвечает за эксплуатацию существующих атомных ледоколов и реализацию программы строительства новых судов этого класса. Новое поколение атомных ледоколов, включая суда проекта 22220 и планируемый сверхмощный ледокол «Лидер», призвано обеспечить возможность круглогодичной навигации по всей протяженности СМП, включая его восточную часть, где ледовые условия наиболее сложные.

Развитие портовой инфраструктуры также входит в сферу ответственности Росатома. Корпорация участвует в модернизации существующих и создании новых портовых комплексов вдоль СМП, что необходимо для обеспечения эффективной логистики и обслуживания растущего грузопотока. Особое внимание уделяется созданию глубоководных портов, способных принимать крупнотоннажные суда, что критически важно для повышения экономической эффективности перевозок по СМП [4, с. 12].

Росатом также играет важную роль в развитии цифровых технологий и систем связи в Арктике. Создание надежной системы спутниковой связи и мониторинга ледовой обстановки является необходимым условием для обеспечения безопасности судоходства и эффективного управления движением судов по СМП. В этом контексте Росатом сотрудничает с другими государственными структурами и частными компаниями для создания интегрированной цифровой платформы управления СМП.

Энергетическое обеспечение арктических территорий также входит в сферу деятельности Росатома. Корпорация разрабатывает проекты по созданию плавучих атомных теплоэлектростанций, которые могут обеспечить энергией удаленные ар-

ктические поселения и промышленные объекты. Это направление работы имеет важное значение для комплексного развития арктических территорий и создания благоприятных условий для эксплуатации СМП.

Перспективы круглогодичного использования СМП тесно связаны с деятельностью Росатома и зависят от ряда факторов. Прежде всего, это наличие достаточного количества мощных ледоколов, способных обеспечить проводку судов в тяжелых ледовых условиях. Программа строительства новых атомных ледоколов, реализуемая Росатомом, направлена на решение этой задачи. Ожидается, что с вводом в эксплуатацию ледоколов проекта 22220 и в перспективе ледокола «Лидер» возможности круглогодичной навигации по СМП значительно расширятся.

Другим важным фактором является развитие навигационно-гидрографического обеспечения СМП. Росатом совместно с другими ведомствами работает над совершенствованием систем мониторинга ледовой обстановки, прогнозирования погоды и обеспечения навигационной безопасности. Создание современной системы навигации, включающей наземные и космические компоненты, позволит повысить точность и надежность проводки судов, что особенно важно в зимний период.

Развитие портовой инфраструктуры также играет ключевую роль в обеспечении круглогодичного использования СМП. Модернизация существующих и строительство новых портов, оснащенных современным оборудованием для работы в арктических условиях, позволит обеспечить бесперебойную обработку грузов и обслуживание судов в течение всего года. Особое внимание уделяется созданию портов-хабов, способных обеспечить перевалку грузов с океанских судов на суда ледового класса для дальнейшей транспортировки по СМП.

Важным аспектом круглогодичного использования СМП является развитие арктического судостроения. Росатом совместно с судостроительными компаниями участвует в разработке новых проектов судов ледового класса, способных самостоятельно преодолевать льды средней толщины. Это позволит снизить зависимость от ледокольной проводки и повысить экономическую эффективность перевозок по СМП.

Экологическая безопасность арктического судоходства также является важным фактором, влияющим на перспективы круглогодичного использования СМП. Росатом уделяет большое внимание внедрению экологически чистых технологий в арктическом судоходстве, включая использование СПГ в качестве судового топлива и разработку других альтернативных источников энергии для судов.

Одним из ключевых вызовов для круглогодичного использования СМП является обеспечение безопасности судоходства в экстремальных арктических условиях. Росатом совместно с МЧС России и другими ведомствами работает над созданием эффективной системы аварийно-спасательного

обеспечения на всем протяжении СМП. Это включает создание сети аварийно-спасательных центров, оснащенных специализированной техникой и оборудованием для работы в Арктике [5, с. 97].

Развитие человеческого капитала также является важной составляющей обеспечения круглогодичного функционирования СМП. Росатом участвует в программах подготовки специалистов для работы в арктических условиях, включая экипажи атомных ледоколов, персонал портовых служб и специалистов по управлению арктическим судоходством.

Перспективы круглогодичного использования СМП тесно связаны с развитием международного сотрудничества в Арктике. Росатом активно участвует в международных форумах и проектах, направленных на обмен опытом и технологиями в области арктического судоходства. Это способствует повышению привлекательности СМП для международных перевозчиков и инвесторов.

Экономические аспекты также играют важную роль в перспективах круглогодичного использования СМП. Росатом работает над оптимизацией тарифной политики и повышением экономической эффективности перевозок по СМП. Это включает разработку гибких схем тарифообразования, учитывающих сезонные факторы и объемы перевозок, а также внедрение современных логистических решений.

Международное сотрудничество в развитии Северного морского пути (СМП) играет ключевую роль в реализации потенциала этой важнейшей арктической транспортной артерии. Несмотря на то, что СМП проходит вдоль российского побережья и находится под юрисдикцией России, его эффективное функционирование и развитие требуют активного взаимодействия с международным сообществом. Это сотрудничество охватывает широкий спектр вопросов, включая навигационную безопасность, экологическую защиту, научные исследования и экономическое развитие.

Одним из ключевых аспектов международного сотрудничества является обмен опытом и технологиями в области арктического судоходства. Страны с развитым арктическим флотом, такие как Норвегия, Канада и США, обладают значительным опытом в области проектирования и эксплуатации судов ледового класса. Сотрудничество с этими странами позволяет России совершенствовать свои технологии и повышать эффективность судоходства по СМП. Кроме того, международное сотрудничество в области подготовки кадров для работы в арктических условиях способствует повышению уровня безопасности и эффективности операций на СМП [6, с. 111].

Важным направлением международного сотрудничества является совместная разработка и внедрение стандартов безопасности для арктического судоходства. В рамках Международной морской организации (ИМО) ведется работа по совершенствованию Полярного кодекса – документа, регламентирующего требования к судам,

эксплуатируемым в полярных водах. Участие России в этой работе позволяет учитывать специфику СМП при разработке международных стандартов.

Экологическая безопасность арктического региона является еще одной важной сферой международного сотрудничества. Совместные усилия стран по мониторингу состояния окружающей среды, предотвращению разливов нефти и других экологических катастроф имеют ключевое значение для сохранения хрупкой арктической экосистемы. В этом контексте развивается сотрудничество в рамках Арктического совета, где Россия активно участвует в разработке и реализации программ по защите окружающей среды Арктики.

Научное сотрудничество также играет важную роль в развитии СМП. Совместные исследования климатических изменений в Арктике, изучение ледовой обстановки и разработка методов прогнозирования погодных условий способствуют повышению безопасности и эффективности навигации по СМП. Международные научные экспедиции и обмен данными позволяют получить более полную картину происходящих в Арктике процессов и их влияния на судоходство.

В сфере экономического сотрудничества важную роль играет привлечение иностранных инвестиций в развитие инфраструктуры СМП. Это касается как портовых сооружений, так и систем связи и навигации. Международное сотрудничество в этой области способствует внедрению передовых технологий и повышению конкурентоспособности СМП на мировом рынке морских перевозок.

Переходя к вопросу о совершенствовании правового режима СМП, следует отметить, что существующая нормативная база требует адаптации к современным реалиям арктического судоходства. Одним из ключевых направлений совершенствования является гармонизация российского законодательства с международными нормами, в частности, с положениями Конвенции ООН по морскому праву и Полярного кодекса ИМО. Это позволит повысить правовую определенность для международных перевозчиков и инвесторов, заинтересованных в использовании СМП.

Важным аспектом совершенствования правового режима является уточнение статуса отдельных участков СМП. В частности, требуется четкое определение границ внутренних морских вод, территориального моря и исключительной экономической зоны России в Арктике. Это поможет избежать потенциальных международных споров и обеспечить эффективное управление акваторией СМП.

Другим направлением совершенствования правового режима является развитие нормативной базы в области экологической безопасности. Необходимо ужесточение требований к судам, эксплуатируемым в акватории СМП, в части их воздействия на окружающую среду. Это касается как выбросов в атмосферу, так и сбросов в море. Также требуется разработка более детальных правил по предотвращению и ликвидации разливов нефти и других опасных веществ в арктических условиях.

Совершенствование правил судоходства по СМП также является важным аспектом развития его правового режима. Необходимо уточнение требований к ледовой классификации судов, процедурам получения разрешений на плавание, а также к системам навигационного обеспечения. Особое внимание следует уделить разработке правовых механизмов, обеспечивающих безопасность судоходства в условиях продления навигационного периода и увеличения интенсивности движения по СМП [7, с. 32].

Важным направлением совершенствования правового режима является развитие нормативной базы в области страхования рисков, связанных с арктическим судоходством. Необходимо создание специальных страховых продуктов, учитывающих специфику операций на СМП, и разработка соответствующих правовых механизмов их применения.

Переходя к авторской модели развития СМП, следует отметить, что она должна учитывать комплексный характер задач, стоящих перед этой транспортной артерией. В основе предлагаемой модели лежит концепция «умного» Северного морского пути, предполагающая интеграцию передовых технологий, эффективного управления и международного сотрудничества.

Ключевым элементом этой модели является создание единой цифровой платформы управления СМП. Эта платформа должна объединить все аспекты функционирования маршрута: от мониторинга ледовой обстановки и управления движением судов до координации работы портов и логистических центров. Использование технологий искусственного интеллекта и больших данных позволит оптимизировать маршруты судов, повысить эффективность использования ледокольного флота и снизить риски, связанные с арктическим судоходством.

Важной составляющей модели является развитие «зеленых» технологий в арктическом судоходстве. Это включает внедрение судов на альтернативных видах топлива, таких как СПГ и водород, а также развитие береговой инфраструктуры для их обслуживания. Кроме того, предлагается создание сети автономных станций мониторинга окружающей среды вдоль всего маршрута СМП, что позволит оперативно реагировать на любые экологические угрозы.

Модель также предусматривает создание сети многофункциональных портов-хабов вдоль СМП. Эти порты должны стать не только транспортными узлами, но и центрами развития прилегающих территорий, включая промышленные и научно-исследовательские комплексы. Особое внимание уделяется развитию портовой инфраструктуры в восточной части СМП, что позволит обеспечить более равномерное распределение грузопотоков.

Важным аспектом модели является развитие человеческого капитала. Предлагается создание международного арктического университета, кото-

рый станет центром подготовки специалистов для работы в условиях Крайнего Севера. Этот университет должен объединить образовательные и исследовательские программы, связанные с различными аспектами освоения Арктики [8, с. 40].

В рамках предлагаемой модели особое внимание уделяется развитию международного сотрудничества. Предлагается создание международного консорциума по развитию СМП, который объединит усилия государств, бизнеса и научного сообщества. Этот консорциум мог бы стать площадкой для координации инвестиционных проектов, обмена технологиями и разработки общих стандартов арктического судоходства.

Таким образом, предлагаемая модель развития СМП представляет собой комплексный подход, сочетающий технологические инновации, экологическую ответственность и международное сотрудничество. Реализация этой модели позволит раскрыть потенциал Северного морского пути как ключевого элемента глобальной транспортной системы, обеспечивая при этом устойчивое развитие арктического региона.

Литература

1. Вылегжанин, А.Н. Правовой режим Северного морского пути: современные проблемы / А.Н. Вылегжанин, В.В. Гаврилов // Московский журнал международного права. – 2020. – № 2. – С. 6–27.
2. Гуцуляк, В.Н. Международно-правовой режим Северного морского пути / В.Н. Гуцуляк // Морское право. – 2019. – № 3. – С. 3–10.
3. Скаридов, А.С. Правовое обеспечение профессиональной деятельности. Морское право: учебник для вузов / А.С. Скаридов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 355 с.
4. Журавель, В.П. Правовые аспекты управления Северным морским путем / В.П. Журавель // Арктика и Север. – 2021. – № 42. – С. 105–120.
5. Кодолова, А.В. Особенности правового регулирования судоходства по Северному морскому пути / А.В. Кодолова // Экологическое право. – 2023. – № 1. – С. 23–29.
6. Богоявленский, В.И. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности: правовые аспекты реализации / В.И. Богоявленский, И.В. Богоявленский // Арктика: экология и экономика. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 34–50.
7. Николаева, А.Б. Северный морской путь: проблемы и перспективы правового регулирования / А.Б. Николаева // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2024. – Т. 27, № 1. – С. 215–224.
8. Зиланов, В.К. Арктическое право России: современное состояние и перспективы развития / В.К. Зиланов, И.С. Жудро // Рыбное хозяйство. – 2021. – № 6. – С. 38–44.

LEGAL REGULATION OF THE USE OF THE NORTHERN SEA ROUTE IN INTERNATIONAL TRANSPORT

Zakharov A.A.

Admiral S.O. Makarov State University of Marine and River Fleet

This article discusses current issues of legal regulation of the use of the Northern Sea Route (NSR) in the context of the developing practice of international transportation. The features of the regulatory framework governing navigation on the NSR, including the national legislation of the Russian Federation and international legal acts, are investigated. The problems arising in the coordination of the national interests of Russia and international maritime law in the Arctic region are analyzed. Special attention is paid to the legal aspects of ensuring the safety of navigation, environmental protection and regulation of commercial activities on the NSR. The issues of the legal status of the NSR in the context of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea and other international agreements are considered. Legal mechanisms for regulating the access of foreign vessels to the waters of the NSR and the procedure for obtaining passage permits are being investigated. The legal foundations of the tariff policy and the provision of icebreaking escort services are analyzed. The prospects for further development of the legal framework of the NSR are discussed, taking into account the growing interest of the international community in the Arctic region and the increase in freight traffic. The legal aspects of international cooperation in the field of development of the infrastructure of the NSR and ensuring environmental safety are considered. Based on the analysis, conclusions are drawn about the need to improve the legal support for the use of the NSR, taking into account the balance of Russia's national interests and the principles of international maritime law, and recommendations are proposed to optimize the regulatory framework in this area.

Keywords: The Northern Sea Route, legal regulation, international transportation, maritime law, the Arctic region, national legislation, international agreements, maritime safety, environmental safety, tariff policy.

References

1. Vylegzhanin, A.N. The legal regime of the Northern Sea Route: modern problems / A.N. Vylegzhanin, V.V. Gavrilov // *Moscow Journal of International Law*. – 2020. – No. 2. – pp. 6–27.
2. Gutsulyak, V.N. International legal regime of the Northern Sea Route / V.N. Gutsulyak // *Maritime law*. – 2019. – No. 3. – pp. 3–10.
3. Skaridov, A.S. Legal support of professional activity. *Maritime law: textbook for universities* / A.S. Skaridov. – 3rd ed., reprint. and additional – Moscow: Yurait Publishing House, 2022. – 355 p.
4. Zhuravel, V.P. Legal aspects of management of the Northern Sea Route / V.P. Zhuravel // *Arctic and the North*. – 2021. – No. 42. – pp. 105–120.
5. Kodolova, A.V. Features of legal regulation of navigation along the Northern Sea Route / A.V. Kodolova // *Environmental Law*. – 2023. – No. 1. – pp. 23–29.
6. Bogoyavlensky, V.I. Strategy for the development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring national security: legal aspects of implementation / V.I. Bogoyavlensky, I.V. Bogoyavlensky // *Arctic: ecology and economics*. – 2022. – Vol. 12, No. 1. – pp. 34–50.
7. Nikolaeva, A.B. The Northern Sea Route: problems and prospects of legal regulation / A.B. Nikolaeva // *Bulletin of the Murmansk State Technical University*. – 2024. – Vol. 27, No. 1. – pp. 215–224.
8. Zilanov, V.K. Arctic law of Russia: the current state and prospects of development / V.K. Zilanov, I.S. Zhudro // *Fisheries*. – 2021. – No. 6. – pp. 38–44.

Алгоритм принятия решения по обеспечению пожарной безопасности объектов защиты

Емгельдинов Мингиян Анатольевич,

начальник отдела надзорной деятельности и профилактической работы по Яшалтинскому и Городовиковскому районам УНД и ПР ГУ МЧС России по Республике Калмыкия
E-mail: emgeldinovma@mail.ru,

Шаров Иван Николаевич,

кандидат технических наук, доцент кафедры надзорной деятельности (в составе УНК ОНД), ФГБОУ ВО «Академия государственной противопожарной службы МЧС России»
E-mail: navisen@rambler.ru,

Давыдов Сергей Сергеевич,

преподаватель кафедры надзорной деятельности (в составе УНК ОНД), ФГБОУ ВО «Академия государственной противопожарной службы МЧС России»
E-mail: davidov-s@yandex.ru

В статье рассмотрена проблема правовых и семантических подходов к надзорной реформе в переходном периоде и на современном этапе, проблематика баланса интересов общества и прав хозяйствующих субъектов, показатели пожарной опасности на протяжении последних 5 лет на примере республики Калмыкия. Приведен алгоритм принятия решения по обеспечению пожарной безопасности объектов.

Ключевые слова: пожарная безопасность, надзорная реформа, требования законодательства, обязательные требования.

Принятый 27 декабря 2002 г. федеральный закон № 184-ФЗ «О техническом регулировании» заложил основы радикальной реформы всей системы установления обязательных требований к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, а также оценки и подтверждения соответствия [8].

Закон подразумевал постепенное переформатирование системы государственных и отраслевых стандартов и норм и предположил разработку и принятие в течение семи лет обязательных для всех отраслей технических регламентов, которые, однако, должны содержать лишь минимальные требования к необходимому уровню безопасности продукции и процессам.

Из содержания закона (ч. 1 ст. 4 [3]) следует, что в сфере технического регулирования действует система правовых актов, которая позволяет охватывать все аспекты регулирования отношений в области установления, применения и исполнения требований к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнению работ или оказанию услуг и оценки соответствия.

Все требования нормативных документов, не включенные в соответствующие технические регламенты, были признаны необязательными. Для обеспечения же безопасности, в частности пожарной, был создан механизм форм соответствия, который предусматривал возможность хозяйствующему субъекту самому определять систему безопасности на принадлежащих ему объектах защиты (зданиях, строениях, сооружениях).

Сложность и вариативность способов подтверждения пожарной безопасности объектов защиты привели к тому, что в результате многочисленных правок, как на стадии принятия технических регламентов, так и после такового принятия, начали рождаться следующие правовые конструкции: «обязательные требования», «нормативные документы, в результате применения которых на добровольной основе обеспечивается соблюдение требований», «допустимый риск».

Семантика понятия «правовое требование» предусматривает императивность соответствующей нормы права и его обязательность для неограниченного круга участников правоотношений, которые регулирует тот или иной нормативно-правовой акт. А значит, понятие «обязательное требование» по отношению к системе права является тавтологией, а противоположное ему понятие «необязательное требование» – оксюморон. Для такого разделения правовых норм в россий-

ской юридической культуре принято использовать понятия «императивные нормы» и «рекомендательные нормы».

В том числе и с целью недопущения различий при толковании этого нового термина были приняты меры нормотворческого характера, вылившиеся в принятии 31.07.2022 двух федеральных законов: федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – 248-ФЗ), который конкретизировал полномочия надзорных органов и порядок их реализации по сравнению с федеральным законом № 294-ФЗ от 26 декабря 2008 г. «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», и федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее – 247-ФЗ), который закрепил выработанный строгий подход к порядку определения, закрепления, изменения и опубликования установленных обязательных требований в Российской Федерации. На этом проблема на нормативном уровне начала считаться исчерпанной.

Однако, выступая на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) 17 июня 2022 года президент РФ Владимир Путин вновь заявил: «Мы продолжим снижать административную нагрузку на бизнес» [10].

Президент также подчеркнул, что нужно отказаться от большинства проверок всего российского бизнеса, деятельность которого не связана с рисками причинения вреда, и поручил правительству в ближайшие месяцы определить план реализации такой инициативы.

Владимир Владимирович Путин отметил, что количество плановых проверок бизнеса по сравнению с прошлым годом сократилось в шесть раз. «Дело в том, что после введения мораториев на проверки количество нарушений со стороны предпринимателей снизилось, продолжил президент, это говорит о зрелости и ответственности российского бизнеса, его нужно мотивировать, а не принуждать к соблюдению норм и требований, а значит, есть все основания сделать еще один кардинальный шаг вперед – навсегда, на постоянной основе отказаться от проведения большинства проверок всего российского бизнеса, деятельность которого не связана с высокими рисками причинения вреда».

Как отметил глава российского государства, всем уже давно понятно, что нет необходимости «ходить и проверять всех подряд», должен работать риск-ориентированный подход. «Прошу правительство определить конкретные параметры такой реформы в ближайшие месяцы», сказал В.В. Путин.

Как отмечал Глава Правительства России Михаил Мишустин, по согласованию с Президентом был введен мораторий на все проверки бизнеса до конца 2022 года, если речь не идет о вопросах безо-

пасности и здоровья граждан. Бизнес может пожаловаться на нарушение моратория на специальном сервисе, доступном на портале «Госуслуги».

Правительство продлило мораторий на проверки бизнеса и в 2023 году, и затем до конца 2024 года, внося изменения в постановление Правительства от 10 марта 2022 года № 336 [7]. Исключение, как и в 2023 году, сделано для объектов, отнесенных к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска, для проверок, которые проводятся контрольными органами в случае угрозы жизни и здоровью граждан, а также на основании индикаторов риска нарушения обязательных требований.

В своем выступлении на том же форуме в 2023 году Президент также коснулся проблематики надзорной реформы, но уже в части надлежащего субъекта контрольно-надзорной деятельности [11].

Как видно из указанных выступлений первых лиц государства, проблема не нашла окончательного решения ни на уровне избыточной нагрузки на бизнес, ни на уровне безопасности государства и общества.

Рассмотрим показатели пожарной опасности на протяжении последних 5 лет на примере республики Калмыкия. Обстановка с пожарами на территории Республики Калмыкия имеет положительную динамику: количество пожаров уменьшилось на 8,0%.

Распределение количества пожаров и погибших за 2019–2023 годы на территории Республики Калмыкия представлено на рисунках 1 и 2.

Рис. 1. Распределение количества пожаров за 2019–2023 годы на территории Республики Калмыкия

Количество погибших людей при пожарах на территории Республики Калмыкия не имеет тенденции к снижению.

Рис. 2. Распределение количества погибших людей при пожарах за 2019–2023 годы на территории Республики Калмыкия

Количество поднадзорных объектов защиты на территории Республики Калмыкия с разделением по категориям риска представлено на рисунках 3 и 4.

Количество объектов защиты с разделением по категориям риска

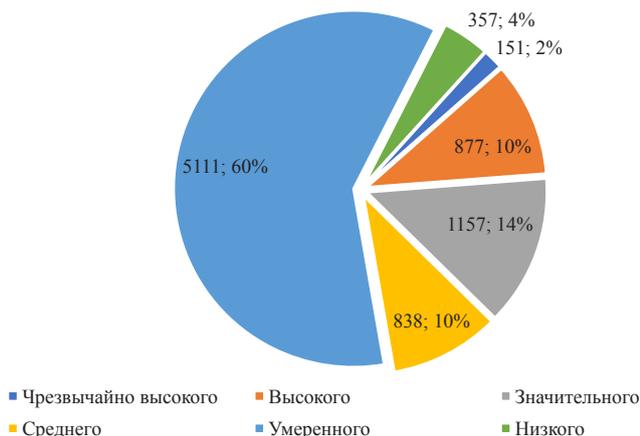

Рис. 3. Количество поднадзорных объектов защиты на территории Республики Калмыкия с разделением по категориям риска в 2022 году

Количество объектов защиты с разделением по категориям риска

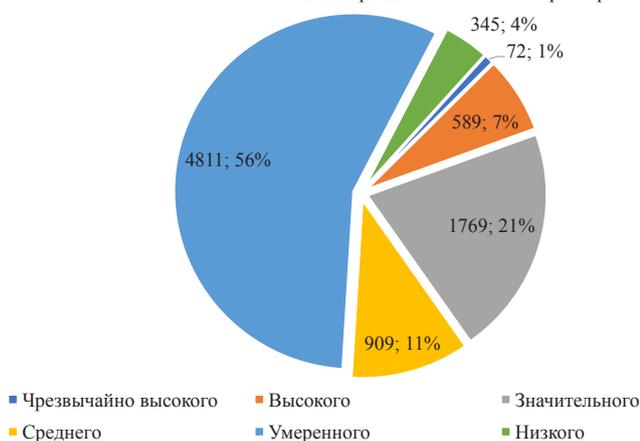

Рис. 4. Количество поднадзорных объектов защиты на территории Республики Калмыкия с разделением по категориям риска в 2023 году

Количество пожаров на территории Республики Калмыкия на объектах по категориям риска за 5 лет (2019–2023 годы) представлено на рисунке 5.

Количество пожаров на объектах по категориям риска

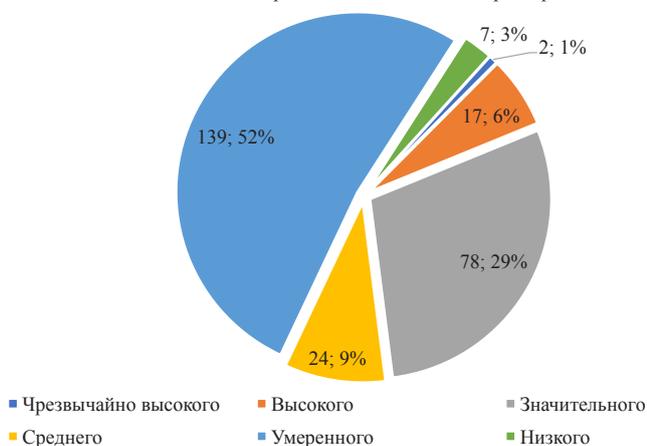

Рис. 5. Количество пожаров на территории Республики Калмыкия на объектах по категориям риска за 5 лет (2019–2023 годы)

Отношение количества пожаров на территории Республики Калмыкия к количеству объектов по категориям риска за 5 лет (2019–2023 годы) представлено на рисунке 6.

Отношение количества пожаров к количеству объектов по категориям риска

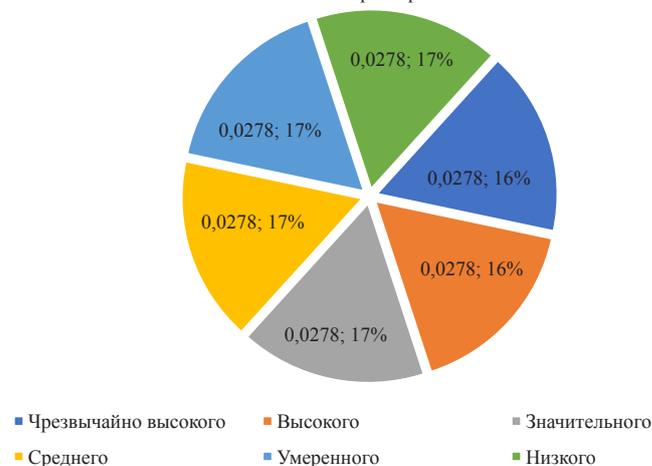

Рис. 6. Отношение количества пожаров на территории Республики Калмыкия к количеству объектов по категориям риска за 5 лет (2019–2023 годы)

В аналитических докладах «Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации» отмечаются неоправданно высокие затраты на обеспечение безопасности [9].

Применение методов расчетной оценки пожарных рисков позволяет обоснованно снизить затраты на противопожарную защиту объектов при обеспечении требуемого уровня безопасности.

Алгоритм принятия решения по обеспечению пожарной безопасности объекта защиты представлен на рисунке 7.

В этой связи в будущем важным представляется разработка и внедрение алгоритма, позволяющего принимать управленческое решение о необходимости проведения оценки пожарного риска объектов в целях построения более эффективной системы обеспечения пожарной безопасности объектов защиты.

В настоящий момент судьба экономического и технологического прорыва, о котором не раз говорил Президент в своих посланиях Федеральному собранию, зависит в том числе и от понимания бизнесом «правил игры», то есть совокупности требований законодательства и подходов правоприменительной конъюнктуры. При этом решающее значение для предпринимателя всегда имеет его экономическая безопасность. Именно баланс социально-экономических интересов общества и бизнеса и должен лечь в основу дальнейшей надзорной реформы.

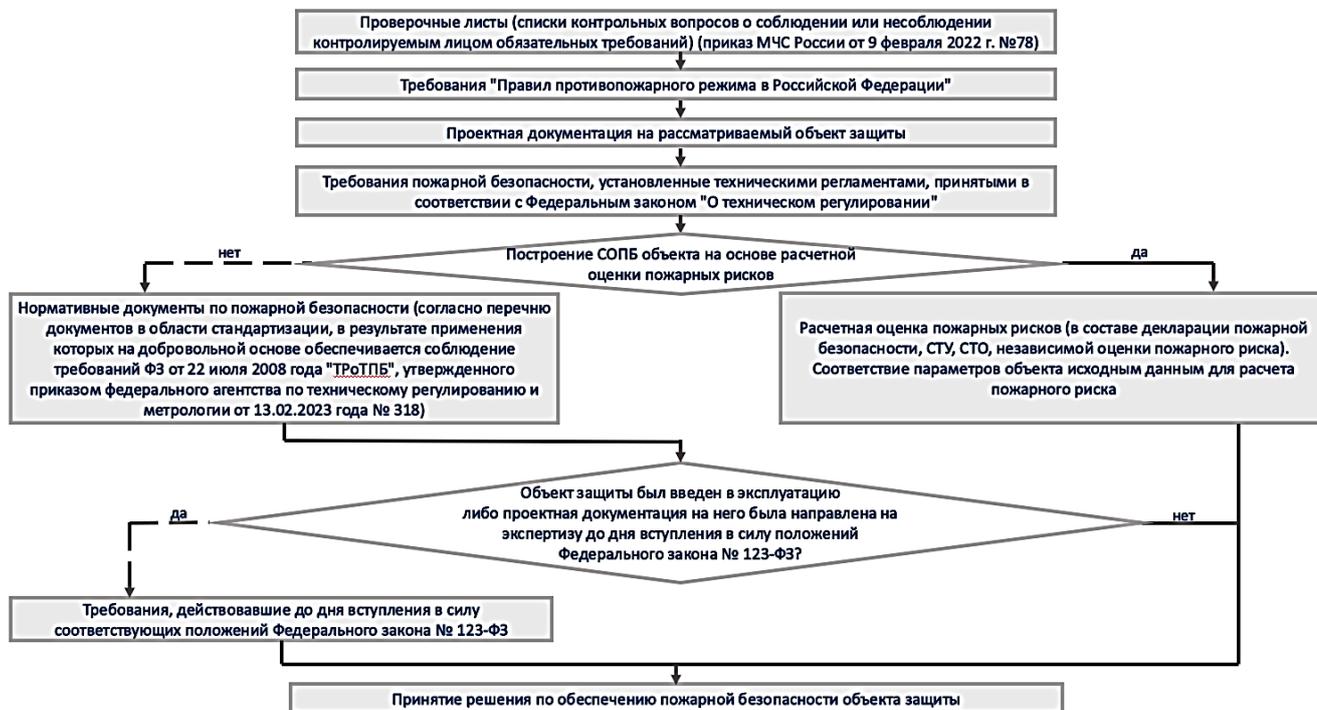

Рис. 7. Алгоритм принятия решения по обеспечению пожарной безопасности объекта защиты

Литература

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании».
4. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности».
5. Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123 «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности».
6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.04.2021 г., Москва, Кремль.
7. Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля».
8. Якунина Н.В., Довжанская Е.З., Якунин Н.Н. Проблемы и противоречия законодательной базы, касающиеся качества и безопасности перевозок пассажиров автомобильным транспортом. В сборнике: Прогрессивные технологии в транспортных системах. 2007. С. 332–337.
9. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации. Вектор развития до 2030 года. Аналитический доклад – 2023 / С.М. Плаксин (рук. авт. кол.), И.А. Абузярова, Д.Р. Алимпеев и др.; Российский союз промышленников и предпринимателей; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом ВШЭ, 2024. – 102 с.
10. Пленарное заседание XXV Петербургского международного экономического форума. 17 июня 2022 года, Санкт-Петербург. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669/work>.
11. Пленарное заседание XXVI Петербургского международного экономического форума. 16 июня 2023 года, Санкт-Петербург. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445>.

ALGORITHM FOR MAKING DECISIONS ON ENSURING FIRE SAFETY OF PROTECTED OBJECTS

Emgeldinov M.A., Sharov I.N., Davydov S.S.

UND and PR of the Main Directorate of the Ministry of Emergency Situations of Russia for the Republic of Kalmykia, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

The article examines the problem of legal and semantic approaches to supervisory reform in the transition period and at the present stage, the problem of balancing the interests of society and the rights of economic entities, fire hazard indicators over the past 5 years using the example of the Republic of Kalmykia. An algorithm for making a decision to ensure fire safety of facilities is given.

Keywords: fire safety, supervisory reform, legislative requirements, mandatory requirements.

References

1. Federal Law of July 31, 2020 No. 247-FZ “On Mandatory Requirements in the Russian Federation”.
2. Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ “On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation”.
3. Federal Law of December 27, 2002 No. 184-FZ “On Technical Regulation”.
4. Federal Law of December 21, 1994 No. 69-FZ “On Fire Safety”.
5. Federal Law of July 22, 2008 No. 123 “Technical Regulations on Fire Safety Requirements”.
6. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated April 21, 2021, Moscow, Kremlin.

7. Resolution of the Government of the Russian Federation of March 10, 2022 No. 336 "On the specifics of organizing and implementing state control (supervision), municipal control".
8. Yakunina N.V., Dovzhanskaya E.Z., Yakunin N.N. Problems and contradictions of the legislative base concerning the quality and safety of passenger transportation by road. In the collection: Progressive technologies in transport systems. 2007. Pp. 332–337.
9. Control, supervisory and permitting activities in the Russian Federation. Development vector until 2030. Analytical report – 2023 / S.M. Plaksin (head of the author's team), I.A. Abuzyarova, D.R. Alimpeev et al.; Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs; National Research University "Higher School of Economics". – M.: Publ. HSE House, 2024. – 102 p.
10. Plenary session of the XXV St. Petersburg International Economic Forum. June 17, 2022, St. Petersburg. Access mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669/work>.
11. Plenary session of the XXVI St. Petersburg International Economic Forum. June 16, 2023, St. Petersburg. Access mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445>.

Краевская Анна Геннадьевна,

студент, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Лозовицкая Галина Петровна,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Психиатрия и медицинское право представляют собой важное пересечение отраслей (дисциплин), где юридические нормы играют ключевую роль в обеспечении прав пациентов с психическими расстройствами. В данной статье рассматриваются основные правовые аспекты, касающиеся диагностики и лечения психических заболеваний, включая вопросы согласия на лечение, принудительной госпитализации и защиту прав пациентов. Обсуждаются также вызовы, с которыми сталкиваются медицинские работники и юристы в практике психиатрической помощи, включая этические дихотомии и правовые споры. Статья акцентирует внимание на необходимости комплексного и многогранного подхода к пониманию согласованности психиатрии и права, что требует как юридических знаний, так и глубокого понимания медицинских аспектов психического здоровья.

Ключевые слова: психиатрия, медицинское право, права пациента, согласие на лечение, принудительная госпитализация, этические аспекты, психическое здоровье, юридическая ответственность, конфиденциальность, психические расстройства, юридические нормы.

Психиатрия является одной из наиболее сложных и, если можно так выразиться – ответственных областей медицины, так как она связана не только с физическим, но и с психическим здоровьем человека. Взаимодействие психиатрии с медицинским правом играет ключевую роль в обеспечении прав и свобод граждан, как страдающих психическими расстройствами, так и имеющих ошибочные психиатрические диагнозы. Поэтому важно также в регулировании деятельности медицинских работников в целом. Важность урегулированности правоотношений в области такого взаимодействия следует и из работ ученых [2,3,4,5,6,7,8,9,10]. Авторы публикации отчасти тоже затрагивали в своих работах медицинские правовые аспекты [11,12,13]. Однако психиатрия и медицинское право с позиции юридических норм, детально в науке не исследовано.

В большинстве государств существует специальное законодательство, регулирующее оказание психиатрической помощи. В Российской Федерации основным нормативным актом является Федеральный закон от 2 июля 1992 года № 3185–1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Этот закон устанавливает принципы оказания психиатрической помощи, права и обязанности пациентов и медицинских работников [1]. В настоящее время уже подготовлена редакция документа с изменениями, не вступившими в силу, что следует из сведений Консультанта плюс.

Принципы психиатрической помощи заключаются в законности и гуманности, поскольку оказание такой помощи должно осуществляться в строгом соответствии с законом и с уважением к личности пациента. Также ключевое значение видится нами в добровольности лечения, так как психиатрическая помощь, как правило, оказывается с согласия пациента. Важно отметить, что вопросы ведения о состоянии психического здоровья пациента являются врачебной тайной.

Одним из наиболее сложных вопросов психиатрического права является возможность принудительной госпитализации и лечения без согласия пациента. Согласно законодательству, принудительная госпитализация возможна при наличии следующих условий: пациент представляет непосредственную опасность для себя или окружающих, пациент неспособен самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности если без стационарного лечения состояние пациента существенно ухудшится.

Порядок принудительной госпитализации основывается на медицинском заключении, а само ре-

шение принимается комиссией врачей-психиатров, следом за которой в течение 48 часов после госпитализации медицинская организация обязана уведомить суд. Закон гарантирует лицам, страдающим психическими расстройствами, следующие права – право на уважительное и гуманное отношение, право на информирование о своих правах и о характере заболевания, право на добровольное лечение и отказ от него, право на общение с другими лицами, в том числе с адвокатом и духовным наставником, а также право на сохранение врачебной тайны.

Соблюдение врачебной тайны является фундаментальным принципом медицинской этики и права, и возникающих взаимоотношений. Однако закон предусматривает случаи, когда информация может быть раскрыта без согласия пациента, к примеру, если информация необходима для предотвращения угрозы жизни и здоровью пациента или других лиц. Более того, в рамках расследования уголовных дел, но строго в соответствии с законными процедурами и по требованию суда.

Как известно, психические расстройства могут повлиять на способность гражданина понимать значение своих действий и руководить ими. Признание гражданина недееспособным осуществляется только судом на основании заключения психиатрической экспертизы, после признания недееспособности назначается опекун, который представляет интересы подопечного. В некоторых случаях суд может ограничить дееспособность гражданина, назначив попечителя.

Психиатрическая практика часто сопровождается сложными этическими вопросами, например, баланса между уважением автономии пациента и заботой о его безопасности, решения о принудительном лечении при отсутствии осознания болезни у пациента и предотвращения стигматизации и дискриминации лиц с психическими расстройствами.

Подводя итог, можно сделать вывод, что психиатрия и медицинское право неразрывно связаны и взаимодействуют для обеспечения эффективной и этичной помощи пациентам с психическими расстройствами. Юридическое регулирование помогает устанавливать четкие рамки ответственности и защиты, что способствует повышению качества психиатрической помощи и защите прав пациентов. Важно продолжать совершенствовать законодательство и практику, учитывая современные достижения медицины и уважая права человека.

Основные правовые аспекты, касающиеся диагностики и лечения психических заболеваний, являются критически важными для обеспечения прав и свобод пациентов, а также для защиты общества в целом. Эти аспекты регулируются национальным законодательством и международными правовыми нормами, которые определяют принципы оказания психиатрической помощи, требования к согласию на лечение, основания и порядок принудительной госпитализации, а также меры по защите прав пациентов.

Во-первых, это согласие на лечение, так как информированное согласие является фундаментальным правом пациента и обязательным условием для проведения медицинского вмешательства. Пациент аналогичным образом должен получать полную и достоверную информацию о своем диагнозе, предлагаемом лечении, возможных рисках и альтернативах, разъяснения основных положений норм законов, касающихся психиатрии и медицинского права. Согласие должно быть получено без какого-либо давления, обмана или принуждения. Его может дать только дееспособный пациент, в противном случае, и решение о лечении принимается его законным представителем или опекуном. Пациент также имеет право отказаться от лечения в любой момент. Медицинский персонал обязан уважать это решение, за исключением случаев, когда отказ может привести к серьезному ущербу здоровью пациента или окружающих.

Принудительная госпитализация и лечение без согласия пациента возможны только при определенных законом обстоятельствах и с соблюдением строгих процедур. Основания для принудительной госпитализации наступают, если пациенты представляют непосредственную опасность вследствие психического расстройства. Или же в случае, когда пациент не способен самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности и при наличии риска существенного ухудшения психического здоровья без госпитализации.

Процедура принудительной госпитализации осуществляется на основании заключения психиатра после медицинского обследования. Госпитализация без согласия пациента должна быть санкционирована судом в установленный законом срок после помещения в стационар, а пациенту и его законным представителям необходимо предоставить информацию о причинах госпитализации и правах на обжалование. Считаем, что при вынесении решения о госпитализации, необходимо учитывать мнение родных и близких пациента, но только в том случае, если между сторонами (ними) сложились неконфликтные отношения.

Стоит отметить, что пациенты имеют право на уважительное, гуманное и этическое обращение. Недопустимо дискриминационное отношение на основании психического состояния, а информация о состоянии здоровья пациента является конфиденциальной и ещё раз подчеркнем – может быть раскрыта только с его согласия или в случаях, предусмотренных законом.

Пациентом могут быть обжалованы действия медицинского персонала или решение о госпитализации в судебном порядке.

Таким образом, правовое регулирование диагностики и лечения психических заболеваний играет ключевую роль в обеспечении баланса между необходимостью оказания медицинской помощи и защитой прав пациентов. Соблюдение правовых норм способствует повышению качества психиатрической помощи, уважению достоинства паци-

ентов и укреплению доверия к системе здравоохранения.

Медицинские работники и юристы, вовлечённые в практику психиатрической помощи, сталкиваются с множеством сложных вызовов. Эти вызовы носят как практический, так и этический характер, часто приводя к правовым спорам и дилеммам. Авторами представлены ключевые проблемы, с которыми они сталкиваются.

Врачебная ошибка выставлении диагноза илиумышленно выставленный ложный диагноз имеет место быть не только в психиатрии, но тут они особенно опасны. Такая ошибка может повлечь уголовную ответственность по ст. 128 Уголовного кодекса Российской Федерации за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, по которой приведем комментарий:

1. Потерпевшим может быть психически здоровое лицо либо психически больное лицо, помещаемое в стационар с нарушением порядка помещения и (или) при отсутствии оснований для помещения.

2. Объективная сторона состоит в незаконном помещении лица в психиатрический стационар. Порядок госпитализации регламентируется Законом РФ от 2 июля 1992 г. N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (Ст. 29).

3. Следует отметить и то, что незаконное удержание лица, полностью излечившегося, в психиатрическом стационаре следует квалифицировать по ст. 127 УК РФ как незаконное лишение свободы.

4. Состав преступления – формальный, признается оконченным с момента незаконного помещения лица в психиатрический стационар в качестве пациента.

5. Субъект преступления специальный – лицо, достигшее возраста 16 лет и уполномоченное по закону принимать решение о недобровольной госпитализации в психиатрический стационар. Иные лица, достигшие 16 лет, например, члены семьи, родственники и т.д., несут ответственность за соучастие в незаконном помещении лица в психиатрический стационар в качестве организаторов, пособников или подстрекателей. Судья, вынесший незаконное постановление о принудительной госпитализации лица в психиатрический стационар, подлежит ответственности по ч. 1 ст. 305 УК РФ за вынесение судьей (судьями) заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта – наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет.

6. В ч. 2 ст. 128 УК РФ предусмотрены следующие квалифицирующие признаки: 1) совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения; 2) причинение по неосторож-

ности смерти потерпевшему или наступление иных тяжких последствий [14].

Судебная практика по таким случаям имеется. Так, 25 декабря 2020 г. Тверской районный суд г. Москвы вынес решение, которым присудил гражданину 20 тыс. руб. в качестве компенсации морального вреда за незаконную госпитализацию в психиатрическую больницу, снизив запрашиваемую истцом сумму в 50 раз [15]. Кроме этого, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 мая 2006 г. N 5-О06-38 – врач обоснованно признан виновным в незаконном помещении лица в психиатрический стационар с использованием своего служебного положения [16]. Имеется и иная судебная практика.

Следующая проблема. Баланс между автономией пациента и необходимостью лечения – этическая дилемма, основанная на фундаментальном принципе медицинской этики. Однако в психиатрии пациенты могут не осознавать степень своего заболевания и отказываться от необходимого лечения. Основным вызовом для врачей служит определение, когда следует принять решение о принудительном лечении во благо пациента, не нарушая его прав. Необходимость обеспечения безопасности пациента и общества может требовать принудительной госпитализации, врачи же в это время должны оценить риск и принять решение о необходимости принудительной госпитализации, соблюдая при этом законные процедуры. Практика психиатрической помощи находится на пересечении медицины, права и этики. Медицинские работники и юристы должны постоянно балансировать между защитой прав пациентов, обеспечением их безопасности и соблюдением общественных интересов. Решение этих сложных вопросов требует междисциплинарного подхода, постоянного обучения и чуткости к индивидуальным потребностям каждого пациента. Эффективное сотрудничество, взаимодействие и взаимопонимание между профессионалами разных областей являются ключом к преодолению этих вызовов и улучшению качества психиатрической помощи.

Специалисты, работающие на стыке психиатрии и права, сталкиваются со сложными задачами, требующими глубокого понимания обеих отраслей (сфер деятельности, дисциплин). Для обеспечения прав пациента, эффективности лечения и соблюдения юридических норм необходимо постоянное обучение, сотрудничество и междисциплинарный диалог. Это позволит не только преодолевать существующие проблемы, но и создавать более справедливую и гуманную систему психиатрической помощи.

Психиатрия и медицинское право находятся в интересном и сложном пересечении, которое требует глубокого понимания как медицинских аспектов, так и юридических принципов. В последние десятилетия в мире наблюдается рост интереса к вопросам психического здоровья, что вызывает необходимость в адаптации медицинского права для решения новых вызовов. Психиатрические па-

циенты часто сталкиваются с вопросами о своих правах на принуждение к лечению и установлению инвалидности. Инвалидам, которые могут требовать защиты, такая правовая защита должна быть обеспечена. Законы должны обеспечивать баланс между правами пациентов и необходимостью лечения, которое может быть критически важным для их безопасности. В психиатрии вопрос конфиденциальности информации о пациенте имеет особое значение. Более того, психиатры должны работать в условиях, когда их пациенты могут быть признаны невежественными с точки зрения права. Случаи, когда психическое состояние пациента влияет на его уголовную ответственность, требуют четкой юридической интерпретации и ясных медицинских выводов. Важно отметить, что в психиатрии вопрос информированного согласия имеет дополнительные сложности. Некоторые пациенты могут не полностью понимать свое состояние или предлагаемое лечение, что ставит под сомнение их способность давать согласие на лечение.

Существуют также уникальные этические дилеммы. Например, законные рамки могут не всегда покрывать сложные случаи, такие как лечение несовершеннолетних или принудительное лечение. Как медицинские работники, так и юристы должны учитывать этические нормы, которые могут различаться в зависимости от культурного контекста.

Ответы на возникающие вызовы заключаются в необходимости доработки действующих законов и создание новых правил, направленных на защиту прав пациентов, что позволит их интеграции в психиатрическую практику. К примеру, должно быть установлено более четкое законодательство о праве на принудительное лечение. Психиатры и юристы должны получать обучение по вопросам взаимодействия между медицинским и юридическими видами права, что способствует лучшему пониманию каждой стороны. Учебные курсы и семинары могут помочь специалистам по обе стороны лучше справляться с юридическими и этическими дилеммами. Сотрудничество между психиатрами, юристами, социальными работниками и другими профессионалами может привести к более комплексному подходу к решению вопросов, связанных с психическим здоровьем. Обмен знаниями и ресурсами в различных профессиональных областях может улучшить качество обслуживания пациентов.

Важно создать и внедрить стандарты и протоколы, которые действовали бы как руководство для психиатров в вопросах прав пациентов, конфиденциальности и информированного согласия. Это поможет снизить риск юридических последствий, ошибок и улучшить практику. Повышение осведомленности общества о психическом здоровье и связанных юридических аспектах может уменьшить стигматизацию и дискомфорт рассматриваемой сферы. Образовательные, специализированные, профессиональные программы и мероприятия (кампании) могут помочь лучше понимать

как грамотную борьбу с заболеваниями психики, так и соответствующее законодательство.

Перспективы в области психиатрии и медицинского права требуют постоянного анализа и адаптации к меняющимся условиям и временным современным вызовам. Это взаимодействие должно основываться на принципах уважения прав пациентов, обеспечения качества медицинского обслуживания и соблюдения этических стандартов. Объединение усилий профессионалов из разных сфер деятельности (отраслей, дисциплин) с позиции юридических норм права является необходимым шагом к созданию более безопасной, справедливой и эффективной системы психиатрической помощи.

Литература

1. Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 N 3185-1 (последняя редакция): https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ Дата обращения 29.09.2024.
2. Солонина А.В. Нормативно-правовые аспекты организации фармацевтической деятельности: Учебное пособие. – изд.12-е, перераб. – Пермь, 2015. – 131 с.
3. Порсева Н.Ю. Порядок назначения, выписывания и отпуска лекарственных средств: Учебно-методическое пособие / Под ред. Солониной А.В. – изд.6-е, перераб. – Пермь, 2015. – 81 с.
4. Порсева Н.Ю., Солонина А.В. Правовые аспекты регламентации деятельности по обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: Учебно-методическое пособие. – изд.2-е, перераб. – Пермь, 2015. – 77 с.
5. Порсева Н.Ю. Организация лекарственного обеспечения граждан, имеющих право на государственную социальную помощь: Учебное пособие. – изд.6-е, перераб. – Пермь, 2015. – 40 с.
6. Михайлова В.Н., Кирщина И.А. Права потребителей и правила продажи товаров аптечного ассортимента: Учебное пособие. – Пермь, 2015. – 78 с.
7. Бухановский А.О., Литявин М.А., Литвак М.Е. Общая психопатология. Ростов н/д. Изд-во «Феникс», 1998 г.
8. Психиатрия под ред. В.П. Самохвалова. «Феникс», 2002 г.
9. Ушаков Н.Ф. Психиатрия детского возраста. Москва. Медицина, 1973 г.
10. Менделевич В.Д. Психиатрическая пропедевтика. Казань, 1995 г.
11. Семенихин Д.Г., Биктимиров О.В., Коваленко О.В., Машин В.В., Храмов Е.В., Шифрин В.В. Исследование психически больного и схема истории болезни. – Ульяновск, 1997 г.
12. Краевская, А.Г. Телемедицина: правовой анализ и целесообразность внедрения на дан-

ном этапе эволюционирования общества / А.Г. Краевская // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2023. – № 49(49). – EDN TBNRWS.

13. Лозовицкая, Г.П. Генетическая медицина: регулирование генетических исследований и конфиденциальность генетической информации / Г.П. Лозовицкая, А.Г. Краевская // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2024. – № 52(52). – EDN VJQUMG.
14. Лозовицкая, Г.П. Морально-этические аспекты смарт-контрактов в медицине / Г.П. Лозовицкая, А.Г. Краевская // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2024. – № 53(53). – EDN JGVRCH.
15. Комментарии к УК РФ. Источник: <https://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-7/gl-17/st-128-uk-rf> Дата обращения 29.09.2024.
16. Незаконное помещение в психиатрическую больницу на месяц московский суд оценил в 20 тыс. руб. Источник: <https://www.advgazeta.ru/novosti/nezakonnoe-pomeshchenie-v-psikhiatricheskuyu-bolnitsu-na-mesyats-moskovskiy-sud-otsenil-v-20-tys-rub/> Дата обращения 29.09.2024.
17. Верховный Суд Российской Федерации. Источник: <https://vsrf.ru/files/12459/> Дата обращения 29.09.2024.

PSYCHIATRY AND MEDICAL LAW FROM THE PERSPECTIVE OF LEGAL NORMS

Kraevskaya A.G., Lozovitskaya G.P.
Plekhanov Russian University of Economics

Psychiatry and medical law represent an important intersection of disciplines, where legal norms play a key role in ensuring the rights of patients with mental disorders. This article examines the main legal aspects related to the diagnosis and treatment of mental illness, including issues of consent to treatment, involuntary hospitalization, and protection of patients' rights. It also discusses the challenges faced by health care professionals and lawyers in the practice of psychiatric care, including ethical dichotomies and legal disputes. The article emphasizes the need for a comprehensive and multifaceted approach to understanding the relationship between psychiatry and law, which requires both legal knowledge and a deep understanding of the medical aspects of mental health.

Keywords: Psychiatry, medical law, patient rights, consent to treatment, involuntary hospitalization, ethical aspects, mental health, legal liability, confidentiality, mental disorders, legal norms.

References

1. Law of the Russian Federation "On Psychiatric Care and Guarantees of Citizens' Rights in its Provision" dated 02.07.1992 N 3185-1 (latest revision): https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ Date of access 09.29.2024.
2. Soloninina AV Normative and legal aspects of the organization of pharmaceutical activities: Textbook. – 12th ed., revised. – Perm, 2015. – 131 p.
3. Porseva N. Yu. The procedure for prescribing, prescribing and dispensing medicines: Textbook / Ed. Soloninina AV – 6th ed., revised. – Perm, 2015. – 81 p.
4. Porseva N.Yu., Soloninina A.V. Legal aspects of regulation of activities on turnover of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors: Textbook. – 2nd edition, revised. – Perm, 2015. – 77 p.
5. Porseva N. Yu. Organization of drug provision of citizens entitled to state social assistance: Textbook. – 6th edition, revised. – Perm, 2015. – 40 p.
6. Mikhailova V.N., Kirshchina I.A. Consumer rights and rules for the sale of pharmaceutical goods: Textbook. – Perm, 2015. – 78 p.
7. Bukhanovsky A.O., Lityavin M.A., Litvak M.E. General psychopathology. Rostov n / a. Phoenix Publishing House, 1998
8. Psychiatry edited by V.P. Samokhvalov. Phoenix, 2002
9. Ushakov N.F. Child Psychiatry. Moscow. Medicine, 1973
10. Mendelevich V.D. Psychiatric Propaedeutics. Kazan, 1995
11. Semenikhin D.G., Biktimirov O.V., Kovalenko O.V., Mashin V.V., Khramov E.V., Shifrin V.V. Research of a Mentally Ill Patient and a Case History Scheme. – Ulyanovsk, 1997
12. Kraevskaya, A.G. Telemedicine: Legal Analysis and Expediency of Implementation at the Current Stage of Society's Evolution / A.G. Kraevskaya // Bulletin of the East Siberian Open Academy. – 2023. – No. 49(49). – EDN TBNRWS.
13. Lozovitskaya, G.P. Genetic medicine: regulation of genetic research and confidentiality of genetic information / G.P. Lozovitskaya, A.G. Kraevskaya // Bulletin of the East Siberian Open Academy. – 2024. – No. 52(52). – EDN VJQUMG.
14. Lozovitskaya, G.P. Moral and ethical aspects of smart contracts in medicine / G.P. Lozovitskaya, A.G. Kraevskaya // Bulletin of the East Siberian Open Academy. – 2024. – No. 53(53). – EDN JGVRCH.
15. Comments on the Criminal Code of the Russian Federation. Source: <https://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-7/gl-17/st-128-uk-rf> Access date 09/29/2024.
16. Moscow court assessed illegal placement in a psychiatric hospital for a month at 20 thousand rubles. Source: <https://www.advgazeta.ru/novosti/nezakonnoe-pomeshchenie-v-psikhiatricheskuyu-bolnitsu-na-mesyats-moskovskiy-sud-otsenil-v-20-tys-rub/> Access date 09/29/2024.
17. Supreme Court of the Russian Federation. Source: <https://vsrf.ru/files/12459/> Access date 09/29/2024.

Шахов Антон Викторович,

соискатель, кафедра правового обеспечения рыночной экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: 60605060@mail.ru

Проблемы приобретения ценных бумаг иностранными гражданами и реализации прав по ним редко привлекают к себе внимание ученых. Между тем, возникающие в подобных случаях правоотношения обладают определенной спецификой. В одних случаях речь идет об установлении запретов и ограничений, в других, напротив, о предоставлении льгот и преимуществ, в третьих, прослеживается нейтральная позиция. Подобное разнообразие подходов объясняется как особенностями самих ценных бумаг, так и проводимой государственной политикой в целом.

Учитывая то, что оборот коносаментов и складских свидетельств не затрагивает публичных интересов, каких-либо особых предписаний относительно возможности и порядка их приобретения иностранными гражданами не установлено. Однако уже в отношении залговых появляются особые предписания. Особое внимание законодателя привлекает оборот акций, сделки с которыми могут расцениваться как прямые или портфельные инвестиции. В первом случае ограничения могут устанавливаться для отдельных значимых для государства отраслей, где доминирование иностранного капитала представляется нежелательным. Во втором, проблемой является существование различных подходов к возможности заключения иностранными гражданами договоров на брокерское обслуживание, а также открытию им индивидуального инвестиционного счета.

Ключевые слова: ценные бумаги, иностранные граждане, инвестиции договор на брокерское обслуживание.

Приобретение ценных бумаг, как известно, дает возможность реализовывать удостоверяемые ими права, характер которых в ряде случаев может вызвать повышенное внимание законодателя к вопросу их обладания иностранными гражданами. Причем в одних случаях речь идет об установлении различных запретов и ограничений, в других, напротив, о предоставлении льгот и преимуществ, в третьих, отчетливо прослеживается нейтральная позиция. Подобное разнообразие подходов объясняется как спецификой самих ценных бумаг, так и проводимой государственной политикой в целом.

В частности, в отношении товарораспорядительных ценных бумаг, каких-либо особых предписаний относительно возможности и порядка их приобретения иностранными гражданами, а также реализации прав по ним фактически не существует, поскольку оборот коносаментов и складских свидетельств не затрагивает публичных интересов. Специфика пролеживается лишь в вопросах выбора применимого права, который в сфере торгового мореплавания, согласно ст. 414 КТМ РФ, осуществляется в соответствии с международными договорами Российской Федерации, нормами КТМ РФ, другими законами и обычаями торгового мореплавания, признаваемыми в России, хотя отсутствие ратификации Конвенции ООН о морской перевозке грузов 1978 года не мешает судам ссылаться на нее¹.

Несколько иначе складывается ситуация в отношении залговых ценных бумаг, что обусловлено как спецификой объектов залога, так и объемом получаемых залогодержателем прав. Так, в силу ст. 376 КТМ РФ в России не допускается регистрация ипотеки строящихся для иностранных лиц судов, а также иностранных судов, которым временно предоставлено право плавания под российским Государственным флагом. В свое время эта позиция законодателя подвергалась критике² как недостаточно обоснованная и не увязанная как с общими положениями ГК РФ, провозглашающего равную защиту гражданских прав и интересов российских и иностранных лиц, так и Федерального закона от 16.07.1998 N 102-ФЗ (ред. от 20.10.2022) «Об ипотеке (залоге недвижимости)»³. С подобным утверждением можно согласиться, учитывая, что суда, зарегистрированные в Российском

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.10.2023 N Ф10-4522/2023 по делу N А35-6699/2022; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.08.2023 N Ф07-11535/2023 по делу N А56-90384/2022

² См.: Шашорин А. А. Ипотека морских судов и морской залог // Закон. 2006. № 12. С. 46–54.

³ См.: Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.

открытом реестре судов, могут находиться в собственности иностранных граждан, а сам реестр, согласно ст. 33 КТМ РФ, отражает не только вещные права на суда, но ограничения (обременения) этих прав, их возникновение, переход и прекращение. Кроме того, подобные ограничения не установлены для воздушных судов.

Потенциальные риски, связанные с реализацией залогодержателем принадлежащих ему в силу договора залога прав, обусловили закрепление некоторых особенностей погашения регистрационной записи об ипотеке в условиях осуществления недружественных действий иностранных государств. По общему правилу для ее погашения требует совместное заявления залогодателя и залогодержателя. Последний тем самым констатирует отсутствие дальнейшей необходимости обеспечения обязательства залогом. Однако в отношении регистрационной записи об ипотеке, установленной в обеспечение обязательств по кредитному договору либо договору займа в пользу залогодержателя, являющегося иностранным лицом, связанным с недружественным иностранным государством (в том числе имеющим гражданство этого государства), достаточной считается подача заявления одним залогодателем при условии подтверждения исполнения им обеспеченного ипотекой обязательства. В свою очередь в целях защиты прав и законных интересов залогодержателя устанавливается требование его обязательного заблаговременного (не позднее чем за месяц) уведомления о намерении подать такое заявление, предоставления наряду с заявлением о погашении регистрационной записи ведомости банковского контроля, отражающей информацию о снятии кредитного договора (договора займа) с учета на основании полного исполнения обязательства, обеспеченного ипотекой, а также закрепляется его право оспаривать в судебном порядке подобные действия залогодателя, требовать принятия обеспечительных мер, включая установление запрета совершать какие-либо действия с недвижимым имуществом (ст. 25.2 Закона об ипотеке). Следует отметить, что применение подобного упрощенного порядка возможно и в отношении залогов, установленных до 14 июля 2022 года.

Повышенное внимание законодателя обоснованно привлекают акции, поскольку обладание ими при определенных обстоятельствах дает возможность оказывать влияние на управление организацией. С одной стороны, государства, как правило, демонстрируют заинтересованность в подобном инструменте привлечения иностранных инвестиций, представляющий собой значительный недолговой финансовый ресурс для экономического развития страны, обеспечения достаточного финансирования новых отраслей и укрепления существующих производств, совершенствования инфраструктуры и повышения производительности труда. Не без основания считается, что более высокий экономический рост, поддерживаемый иностранными инвестициями, приносит дивиден-

ды всему обществу за счет открытия дополнительных экспортных возможностей, обеспечивающих развитие производства и увеличение рабочих мест, роста налоговых поступлений в бюджет и т.п. С другой, уже на уровне международных договоров о поощрении и защите капиталовложений оговаривается право определять отрасли и сферы деятельности, в которых исключается или ограничивается деятельность иностранных инвесторов¹. Причем ограничения могут быть связаны как определением предельного размера доли иностранного инвестора в уставном капитале, так и установлением разрешительного порядка совершения соответствующих сделок. Введение для иностранных инвесторов и группы лиц, в которые они входят, изъятий ограничительного характера, включая ограничение участия иностранного капитала в некоторых категориях хозяйственных обществ, например, имеющих стратегическое значение, разрешительного правового режима совершения сделок, обеспечивающих установление контроля над ними, в свое время было расценено Конституционным Судом РФ как средство устранения условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и (или) государства². Само же существование подобных дискретных полномочий не предполагает возможность ограничения конституционных прав и свобод в экономической сфере в иных целях.

Анализ российского законодательства показывает, что предельная доля участия иностранных лиц в уставном капитале, может варьироваться от 20% общего количества обыкновенных акций организаций региональных систем газоснабжения и собственников газораспределительных систем³ до 49% уставного капитала авиационных предприятий⁴, организаций, осуществляющих внешнеторговую деятельность в отношении продукции военного назначения⁵, а также страховых организаций⁶.

Впрочем, иногда определяемый законодателем размер доли, принадлежащей иностранному

¹ См., например: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова о поощрении и взаимной защите капиталовложений (заключено в г. Москве 17.03.1998) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 27. Ст. 2882; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет о поощрении и взаимной защите капиталовложений (заключено в г. Москве 23.09.1997) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 36. Ст. 3627.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2011 N 924-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 2.

³ См.: Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О газоснабжении в Российской Федерации». Ст. 7 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1667.

⁴ См.: Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 14.03.2022). Ст. 61 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

⁵ См.: Федеральный закон от 19.07.1998 № 114-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». Ст. 12 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 30. Ст. 3610.

⁶ См.: Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 01.04.2022) «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Ст. 6 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.

инвестору, не связан с установлением ограничений. Так, приобретение не менее 10% доли (вклада) в уставном (складочном) капитале созданного или вновь создаваемого на территории Российской Федерации хозяйственного товарищества или общества, позволяет квалифицировать осуществленное вложение в качестве прямой инвестиции¹, что, в свою очередь, обуславливает возможность апеллирования к гарантиям, установленным законом².

В некоторых случаях, доля иностранного инвестора в уставном капитале имеет значение для установления бенефициарного владельца, а также определения круга контролирующих корпорацию лиц, что, с одной стороны, имеет значение для предупреждения возможных злоупотреблений правами со стороны иностранных инвесторов, а с другой, служит предпосылкой для решения вопроса о особенностях реализации корпоративных процедур в российских компаниях в условиях санкционной политики, следствием которой стало выделение лиц недружественных иностранных государств, которыми не признаются: физические лица, личным законом которых является право иностранного государства, не относящегося к недружественным иностранным государствам, при условии, что они установили контроль в отношении лиц недружественных иностранных государств до 1 марта 2022 г.; лица, находящиеся под контролем юридических или физических лиц, личным законом которых является право иностранного государства, не относящегося к недружественным иностранным государствам, при условии, что такой контроль установлен до 1 марта 2022 г.; а также лица, находящиеся под контролем иностранного государства, не относящегося к недружественным иностранным государствам, при условии, что такой контроль установлен до 1 марта 2022 г.³ Предполагается, что голоса «недружественных» совладельцев и выдвинутых ими в органы управления лиц не будут до конца 2023 г. учитываться при определении кворума и результатов голосования, если такое решение примут другие совладельцы компании. Необходимость принятия подобных мер временного характера была обусловлена существованием рисков не утверждения финансовых документов российских компаний, возникновением трудностей в принятии кадровых решений, изменении состава органов управления, продления полномочия генеральных директоров и т.п.⁴ При этом контролирующим лицом признается субъект, име-

¹ См.: Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.

² См.: Доронина Н.Г., Семилютин Н.Г. Регулирование инвестиций как форма защиты экономических интересов государства // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 66–78.

³ См.: Указ Президента РФ от 17.01.2023 N 16 «О временном порядке принятия решений органами некоторых российских хозяйственных обществ» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 4. Ст. 626.

⁴ См.: Макарова О.А. Корпоративное законодательство – 2023 // Хозяйство и право. 2023. № 2. С. 25–38.

ющий право прямо или косвенно распоряжаться более чем 50% общего количества голосов, принадлежащих на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал контролируемой организации. В свою очередь бенефициарным владельцем считается физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25% в капитале) юридическим лицом либо имеет возможность контролировать его действия.

В случаях, когда речь идет об осуществлении портфельных инвестиций неизбежно возникает вопрос о возможности приобретения акций и облигаций на бирже, что предполагает открытие брокерского счета. Несмотря на то, что российский законодатель не устанавливает ограничений на заключение иностранными гражданами договора на брокерское обслуживание, на практике они могут встретиться со значительными ограничениями в решении данной задачи. Дело в том, что российские компании, оказывающие брокерские услуги на российской фондовой бирже, устанавливают различные требования к контрагенту. Существующие подходы к решению данного вопроса позволяют подразделить их на три группы.

Первую образуют компании, не предусматривающие заключение договора на брокерское обслуживание с иностранными гражданами. К их числу, в частности, относятся ООО «Газпроминвестиции», ПАО «Сбербанк», АО «Тинькофф Банк», ПАО «Совкомбанк» и ряд других кредитных организаций. Так, согласно Регламенту брокерского обслуживания клиентов ООО «ГПБ инвестиции», утвержденному Приказом № Д/181021/1 от 18.10.2021⁵, такой договор может быть заключен только с полностью дееспособным лицом, достигшим 18-летнего возраста, имеющим паспорт гражданина Российской Федерации.

Вторая группа объединяет компании, допускающие заключение такого договора с иностранными гражданами, постоянно проживающими на территории Российской Федерации (ПАО «Промсвязьбанк», ПАО «Альфабанк» и др.). Так, в Регламенте обслуживания клиентов АО «Открытие Брокер»⁶ предусмотрено, что иностранным гражданам и лицам без гражданства для заключения договора на брокерское обслуживание/ договора на ведение индивидуального инвестиционного счета необходимо предоставить паспорт, документ, подтверждающий их право на пребывание (проживание) в Российской Федерации (миграционная карта, разрешение на временное проживание, вид на жительство, виза либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором РФ документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в РФ, а также документы, подтверждающие статус физического лица как налогового резидента РФ.

⁵ См.: URL: https://gazprombank.investments/broker/storage/files/brokerage_service_regulation_18.10.2021_.pdf

⁶ См.: URL: <https://open-broker.ru/documents/>

Третью группу образуют компании, заключающие договоры на брокерское обслуживание с иностранными гражданами, том числе не являющимися резидентами РФ, хотя механизм взаимодействия с такими клиентами может различаться. Так, из Регламента оказания брокерских услуг на финансовых рынках ООО «УРАЛСИБ Брокер», утвержденного приказом от 30.08.2022 г. № 1-УБ30082022¹, следует, что его опубликование должно рассматриваться всеми заинтересованными лицами как публичная оферта Брокера, адресованная любым лицам, резидентам и нерезидентам Российской Федерации, имеющим право в соответствии с российским законодательством и иностранным правом, применимым к лицу, являющемуся нерезидентом Российской Федерации на совершение сделок на финансовых рынках заключить договор на брокерское обслуживание на зафиксированных в Регламенте условиях. В то же время дистанционное заключение такого Договора возможно исключительно между Брокером и Клиентом – гражданином Российской Федерации (п. 15.2 Регламента).

Отдельным аспектом этой проблемы является возможность открытия нерезидентам индивидуального инвестиционного счета. Дело в том, что клиентские счета данного типа крайне редко открываются им даже брокерами, не в принципе не исключаящими заключения договора на брокерское обслуживание с нерезидентами. Так, уже упомянутый ООО «УРАЛСИБ Брокер» открывает такой счет только на имя физического лица, являющегося гражданином Российской Федерации / или налоговым резидентом (п. 7.1 Регламента), в то время как ПАО «Промсвязьбанк» допускает открытие ИИС любому резиденту². О возможности открытия физическому лицу – валютному нерезиденту, являющемуся налоговым резидентом РФ, говорит и Регламент оказания услуг на рынке ценных бумаг ООО «Компания Брокеркредитсервис»³. АО «Финам» каких-либо ограничений для этого не устанавливает, но оговаривает, что клиент принимает на себя все риски, связанные с невозможностью получения инвестиционных налоговых вычетов в порядке, предусмотренном действующим налоговым законодательством РФ (п. 51. Регламента брокерского обслуживания, утвержденного Приказом № ФИН/ПР/231121/1 от 21.11.2023)⁴.

Одним из способов обеспечения доступа к торгам на ММВБ является открытие счета через субброкера, являющегося профессиональным участником рынка ценных бумаг, осуществляющим деятельность в интересах и по поручению клиентов на основании лицензии на осуществление брокерской деятельности, и выступающего в качестве по-

средника между брокером, имеющим право осуществлять представительские функции на российской бирже, и иностранным гражданином. В подобных случаях субброкер на основании договора, заключенного с брокером, открывает счет и уплачивает необходимые налоги. При этом физическое лицо получает возможность опосредованного совершения операций по покупке и продаже ценных бумаг, а также получения причитающихся по ним дивидендов.

Еще одной альтернативой было открытие брокерского счета через иностранные представительства российских брокерских компаний. Однако далеко не все из них располагают подобными организационными ресурсами. Существенно снижены возможности для этого и у брокеров, имеющих такие представительства. Так, на сайте KIT-Finance Europe⁵, принадлежащей ПАО «Кит-финанс», есть уведомление о том, что компания не принимает на обслуживание новых клиентов. Считается, что возможности для подобной практики будут расширены с принятием Соглашения о допуске брокеров и дилеров одного государства – члена Евразийского экономического союза к участию в организованных торгах бирж (организаторов торговли) других государств-членов, проект которого был утвержден Распоряжением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25.04.2023 № 56.

В целом можно констатировать, что возможности иностранных граждан в части приобретения ценных бумаг и реализации прав по ним, особенно в отношении эмиссионных ценных бумаг, регулируются несколько противоречиво. Как представляется, вопрос о возможности заключения договора на брокерское обслуживание и условия открытия ИИС должны получить более прочную законодательную основу в целях реализации универсального подхода к реализации иностранными гражданами прав на приобретение ценных бумаг.

Литература

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 14.03.2022). Ст. 61 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.
2. Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Регулирование инвестиций как форма защиты экономических интересов государства // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 66–78.
3. Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Регулирование инвестиций как форма защиты экономических интересов государства // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 66–78.
4. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 (ред. от 01.04.2022) «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Ст. 6 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.
5. Макарова О.А. Корпоративное законодательство – 2023 // Хозяйство и право. 2023. № 2. С. 25–38.

⁵ См.: <https://kfe.ee/?ysclid=lp05i00tln338175033>

¹ См.: URL: <https://tvoybrok.ru/storage/documents/>

² См.: Правила брокерского обслуживания ПАО «Промсвязьбанк»: утв. Приказом ПАО «Промсвязьбанк» от 13.09.2023 № 172 // URL: <https://www.psbank.ru/Personal/Wealth/Markets/Documents?ysclid=lp04aiziip340734657>

³ См.: // URL: <https://cdn.broker.ru/static/broker/f/reg/reglament/reglament-231204.pdf>

⁴ См.: URL: <https://zaoik.finam.ru/Files/documents/disclosure/finam/broker/regulations /2316/27.11.23.pdf>

6. Макарова О.А. Корпоративное законодательство – 2023 // Хозяйство и право. 2023. № 2. С. 25–38.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2011 N 924-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 2.
8. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.10.2023 N Ф10–4522/2023 по делу № А35–6699/2022; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.08.2023 N Ф07–11535/2023 по делу N А56–90384/2022
9. Правила брокерского обслуживания ПАО «Промсвязьбанк»: утв. Приказом ПАО «Промсвязьбанк» от 13.09.2023 № 172 // URL: <https://www.psbank.ru/Personal/Wealth/Markets/Documents?ysclid=lp04aiziip340734657>
10. Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.
11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова о поощрении и взаимной защите капиталовложений (заключено в г. Москве 17.03.1998) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 27. Ст. 2882
12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет о поощрении и взаимной защите капиталовложений (заключено в г. Москве 23.09.1997) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 36. Ст. 3627.
13. Указ Президента РФ от 17.01.2023 N 16 «О временном порядке принятия решений органами некоторых российских хозяйственных обществ» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 4. Ст. 626.
14. Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.
15. Федеральный закон от 19.07.1998 № 114-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». Ст. 12 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 30. Ст. 3610.
16. Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О газоснабжении в Российской Федерации». Ст. 7 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1667.
17. Шашорин А.А. Ипотека морских судов и морской залог // Закон. 2006. № 12. С. 46–54.
18. Шашорин А.А. Ипотека морских судов и морской залог // Закон. 2006. № 12. С. 46–54.
19. <https://kfe.ee/?ysclid=lp05i00tln338175033>
20. URL: https://gazprombank.investments/broker/storage/files/brokerage_service_regulation_18.10.2021_.pdf
21. URL: <https://cdn.broker.ru/static/broker/f/reg/reglament/reglament-231204.pdf>
22. URL: <https://open-broker.ru/documents/>
23. URL: <https://tvoybrok.ru/storage/documents/>

24. URL: <https://zaaik.finam.ru/Files/documents/disclosure/finam/broker/regulations /2316/27.11.23.pdf>

ACQUISITION OF SECURITIES BY FOREIGN CITIZENS

Shakhov A.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The problems of acquiring securities by foreign citizens and exercising their rights rarely attract the attention of scientists. Meanwhile, the legal relations arising in such cases have certain specifics. In some cases, we are talking about the establishment of prohibitions and restrictions, in others, on the contrary, about the provision of benefits and advantages, and thirdly, there is a neutral position. Such a variety of approaches is explained both by the peculiarities of the securities themselves and by the government policy in general.

Given that the turnover of bills of lading and warehouse certificates does not affect public interests, no special regulations have been established regarding the possibility and procedure for their acquisition by foreign citizens. However, special regulations are already appearing with regard to mortgages.

The legislator's special attention is attracted by the turnover of shares, transactions with which can be regarded as direct or portfolio investments. In the first case, restrictions may be imposed on certain sectors of importance to the state, where the dominance of foreign capital is undesirable. Secondly, the problem is the existence of different approaches to the possibility of foreign citizens concluding brokerage contracts, as well as opening an individual investment account.

Keywords: securities, foreign citizens, investments brokerage agreement.

References

1. Air Code of the Russian Federation of 19.03.1997 No. 60-FZ (as amended on 14.03.2022). Art. 61 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 12. Art. 1383.
2. Doronina N.G., Semilyutina N.G. Regulation of Investments as a Form of Protection of the Economic Interests of the State // Journal of Russian Law. 2005. No. 9. Pp. 66–78.
3. Doronina N.G., Semilyutina N.G. Regulation of Investments as a Form of Protection of the Economic Interests of the State // Journal of Russian Law. 2005. No. 9. Pp. 66–78.
4. Law of the Russian Federation of 27.11.1992 No. 4015–1 (as amended on 01.04.2022) “On the Organization of Insurance Business in the Russian Federation”. Art. 6 // Vedomosti SND and the Supreme Court of the Russian Federation. 1993. No. 2. Art. 56.
5. Makarova O.A. Corporate Legislation – 2023 // Business and Law. 2023. No. 2. Pp. 25–38.
6. Makarova O.A. Corporate Legislation – 2023 // Business and Law. 2023. No. 2. Pp. 25–38.
7. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.07.2011 N 924-О-О // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2012. No. 2.
8. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated 16.10.2023 No. F10–4522/2023 in case No. А35–6699/2022; Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 17.08.2023 No. F07–11535/2023 in case No. А56–90384/2022
9. Rules for brokerage services of Promsvyazbank PJSC: approved. by Order of Promsvyazbank PJSC dated 13.09.2023 No. 172 // URL: <https://www.psbank.ru/Personal/Wealth/Markets/Documents?ysclid=lp04aiziip340734657>
10. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 29. Art. 3400.
11. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Moldova on the encouragement and mutual protection of capital investments (concluded in Moscow on 17.03.1998) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 27. Art. 2882
12. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Arab Republic of Egypt on the encouragement and mutual protection of capital investments (con-

- cluded in Moscow on 23.09.1997) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 36. Art. 3627.
13. Decree of the President of the Russian Federation dated 17.01.2023 N 16 "On the temporary procedure for making decisions by the bodies of certain Russian business entities" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 4. Art. 626.
 14. Federal Law of 09.07.1999 No. 160-FZ (as amended on 29.12.2022) "On Foreign Investments in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 28. Art. 3493.
 15. Federal Law of 19.07.1998 No. 114-FZ (as amended on 26.05.2021) "On Military-Technical Cooperation of the Russian Federation with Foreign States". Art. 12 // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 30. Art. 3610.
 16. Federal Law of 31.03.1999 No. 69-FZ (as amended on 14.07.2022) "On Gas Supply in the Russian Federation". Art. 7 // Collection of Laws of the Russian Federation. 1999. No. 14. Article 1667.
 17. Shashorin A.A. Mortgage of Sea-Government Vessels and Maritime Pledge // Law. 2006. No. 12. P. 46–54.
 18. Shashorin A.A. Mortgage of Sea-Government Vessels and Maritime Pledge // Law. 2006. No. 12. P. 46–54.
 19. <https://kfe.ee/?ysclid=lp05i00tln338175033>
 20. URL: https://gazprombank.investments/broker/storage/files/brokerage_service_regulation_10.18.2021_.pdf
 21. URL: https://cdn.broker.ru/static/broker/f/reg/reglament/reglament-2312_04.pdf
 22. URL: <https://open-broker.ru/documents/>
 23. URL: <https://tvoybrok.ru/storage/documents/>
 24. URL: <https://zaoik.finam.ru/Files/documents/disclosure/finam/broker/regulations /2316/27.11.23.pdf>

Артёмов Николай Михайлович,

д.ю.н., профессор кафедры финансового права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: nikoarte@yandex.ru

В статье рассматриваются новые тенденции, формирующие современное финансовое право России. Анализ современных научных публикаций, а также положений отечественного и зарубежного законодательства позволил выделить три ключевых тенденции, определяющих эволюцию финансового права: уход от отраслевого подхода, цифровизация и актуализация новых способов нормотворчества. Первый тренд связан с междисциплинарностью и интеграцией научных и прикладных областей. Второй тренд, связанный с цифровизацией, связан с появлением новых форм взаимодействия между участниками финансового рынка и новых видов финансовых активов. Третий тренд главным образом касается экспериментальных правовых режимов как нового подхода к законотворчеству, позволяющего адаптировать законодательство к реалиям цифровой экономики.

Ключевые слова: финансовое право, цифровизация, междисциплинарность, интеграция, финтех, цифровой финансовый актив, цифровой рубль, криптовалюта, экспериментальный правовой режим.

Финансовое право представляет собой отрасль юридической науки, которая сфокусирована на анализе действующего отечественного и зарубежного законодательства, регулирующего финансовые отношения между государством, бизнесом и физическими лицами. В контексте финансового права рассматриваются вопросы, связанные с регулированием механизмов формирования и исполнения бюджета, налогообложения, с инвестиционной деятельностью, валютным контролем и прочими элементами финансовой системы. Прикладное значение финансового права заключается в глубинном анализе теоретических и практических аспектов применения норм законодательства с целью идентификации пробелов, рисков, противоречий и дефектов, а также в выработке предложений по совершенствованию правовых механизмов регулирования финансовых отношений [8, с. 460]. Кроме того, финансовое право затрагивает и смежные области права – конституционное, гражданское, уголовное, административное, а также иные отрасли научного знания – экономику, социальную сферу, политику, философию и др. [8, с. 461]. Финансовое право как наука сопряжено с одноименной сферой прикладной – законотворческой и правоприменительной – деятельности. Финансовое право в подобном контексте можно определить в качестве совокупности правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе образования, распределения и использования денежных фондов, обеспечения функционирования финансовой системы государства, эффективного управления общественными ресурсами, обеспечения финансовой дисциплины и контроля.

Сегодня финансовое право и соответствующий ему сегмент научных изысканий находятся на этапе интенсивных и динамичных преобразований, обусловленных сменой парадигмальных позиций, фундаментальных установок в области регулирования финансовых отношений. Множество внутренних и внешних факторов формируют новые очертания системы финансового права; возникают новые методологии и модели, закономерности и тенденции, обуславливающие дальнейшее развитие финансовых отношений [5, с. 230].

Финансовое право, таким образом, эволюционирует под давлением многочисленных трансформаций в экономической, политической и социальной сферах. Все эти изменения приводят к ощущаемому расширению предметной области теории и практики финансового права. Методология финансового права также адаптируется к современным вызовам в стремлении к сохранению высоко-

го уровня защиты финансовой системы, интересов государства и общества [1, с. 307].

Анализ современных научных публикаций, положений отечественного и зарубежного законодательства в области финансов, диссертационных и монографических исследований позволяет сделать вывод о наличии трех ключевых супер-трендов, формирующих общий вектор эволюции финансового права: (1) уход от отраслевого подхода и интеграция научных и прикладных областей, (2) цифровизация и возникающие под ее влиянием новые ценности и механизмы их обращения, (3) актуализация новых способов нормотворчества. Рассмотрим эти тренды более подробно.

Междисциплинарность и отказ от отраслевого подхода в развитии финансового права

В научных исследованиях финансового права и в практике законодательства можно наблюдать смещение акцента с объекта финансово-правовых отношений к их субъекту: в фокусе внимания теперь находится человек и его роль в финансово-правовых отношениях. Подобная переориентация привела к синтезу подходов к методологии финансового права, к его рассмотрению в контексте взаимообусловленных и взаимосвязанных компонентов. Подобный методологический плюрализм позволяет использовать как собственно правовые, так и общенаучные методы изучения объективной и субъективной реальности финансово-правовых отношений [1, с. 308].

На сегодняшний день становится очевидным, что отраслевой подход к анализу финансово-правового механизма, сформированный еще в 1930-е гг., едва ли способен охватить все сегменты и механизмы финансово-правовой системы. Соответственно, правовая доктрина была дополнена положениями о комплексных интегративных образованиях; научная общественность пришла к выводу об априорной ошибочности обособленного, изолированного анализа системы правового регулирования финансовых отношений, формируемых в связи с процессами денежной эмиссии, бюджетирования, налогообложения, кредитования, финансирования, ценообразования и т.п. [3, с. 74–75]. Так, к примеру, фиксация в гражданском праве правовых институтов, относящихся к функционированию денежно-кредитной системы (лизинг и кредит), не означает, что они имеют частноправовую природу – напротив, их применение должно коррелировать с принципами монетарной, бюджетной и фискальной политики.

Интеграция правовых и неправовых отраслей – т.е. междисциплинарный подход к финансовому праву – обусловлена также и тем, что многие прикладные отрасли сегодня начинают совмещаться, порождая «на стыке» новые продукты и концепции, в равной мере относящиеся к двум или более сферам деятельности. Наглядным примером подобной интеграции выступают сферы финтех и техфин. Финтех-компании являют собой финан-

совые структуры, использующие инновационные технические разработки для осуществления операций. Техфин-компании, в свою очередь, выступают технологическими компаниями, которые занимаются предоставлением технологий и инновационных продуктов для оказания финансовых услуг (к примеру, ApplePay и GoogleWallet) [9, с. 104]. Таким образом, цифровизация финансовой сферы стала фактором, который обусловил потребность в «сращивании» отраслей – программирования, маркетинга, финансов, аппаратной инженерии, менеджмента и проч. Все это отразилось на расширении пространства финансового законодательства и на экспансии предмета финансово-правового регулирования. Комплексный подход к анализу финансово-правовых институтов предполагает целостное изучение правового функционирования социальных и экономических явлений.

Интеграция прикладных отраслей привела, помимо прочего, к освоению одновременно механизмов т.н. виртуального регулирования, основанного на технологиях блокчейн, больших данных (Big Data), регуляторных (RegTech) и надзорных технологий (SupTech). Совмещение достижений правовой науки и инженерии позволяет совершенствовать систему государственного управления институтами финансового рынка. В частности, регуляторные технологии (RegTech) применяются для повышения эффективности и оптимизации деятельности по обеспечению соответствия экономико-правовым требованиям Банка России. Надзорные технологии (SupTech) – совокупность цифровых инструментов, применяемы Банком России для осуществления надзорной деятельности за подконтрольными организациями [6, с. 35].

Все вышеизложенное, безусловно, свидетельствует о том, что финансовое право развивается преимущественно в связи и в контексте цифровизации финансово-правовых отношений, что позволяет выделить цифровизацию как таковую в качестве одного из факторов, детерминирующих дальнейшие пути развития финансов и финансового права.

Цифровизация как ключевой фактор модернизации финансового права

Тотальная «оцифровка» общественных отношений привела к появлению множества новых форм взаимодействия между людьми и бизнес-структурами, новых видов финансовых транзакций, подходов к управлению производством товаров и оказанием услуг [11, с. 317].

Так, в частности, криптоактивы стали одним из важнейших новшеств современной эпохи, которые привели к необходимости изменения законодательства во многих национальных юрисдикциях. Осознание колоссальной роли и потенциала криптоактивов пришло к отечественному законодателю лишь к 2017 г., когда Государственная Дума РФ объявила тендер на проведение исследования рынка криптовалют, блокчейна и связанных

с ними рисков. Кроме того, на данном этапе был учрежден Экспертный совет по цифровой экономике и блокчейн-технологиям, в задачи которого входило обеспечение юридической и экспертно-консультационной поддержки деятельности Комитета по развитию цифровой экономики и внедрению технологии блокчейн.

Мнения законодателей разных стран в отношении криптоактивов диаметрально различаются: тогда как в некоторых юрисдикциях происходит стимулирование развития крипторынка, в других деятельность по генерации, распространению и обращению криптоактивов строго запрещена. Россия, можно сказать, относится к той группе стран, которые со скепсисом воспринимают «крипторевOLUTION». Тем не менее, искусственно сдерживать распространение криптоактивов в финансовом пространстве едва ли возможно – поэтому в ближайшее время следует ожидать введения новых законодательных положений, регламентирующих генерацию (майнинг), оборот, обмен и прочие транзакции с криптоактивами.

В 2017–2018 гг. в стране наблюдался полный правовой вакуум в отношении блокчейна [2, с. 102]; к настоящему мнению законодательный массив уже дополнен рядом актов, имеющих, в большинстве своем, запретительный или ограничивающий характер. В большей степени новые законодательные нормы регулируют т.н. «цифровые активы», цифровую валюту, тогда как криптоактив воспринимается политической общественностью и законодателями как угроза для национального финансового суверенитета.

Среди нововведений можно отметить Федеральный закон от 18.03.2019 года № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского Кодекса Российской Федерации», где введена категория «цифровые права», упрощены требования к форме электронных сделок и создан правовой базис для заключения смарт-контрактов. Спустя год был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», где признаны категории «цифровые финансовые активы» и цифровая валюта». Цифровые финансовые активы определены как цифровые права, включающие денежные требования, возможность передачи эмиссионных ценных бумаг и права участия в капитале акционерного общества. Закон, кроме того, фиксирует правила выпуска и обращения цифровых активов. и описывает техническую инфраструктуру нового сегмента финансовой системы: цифровые активы обращаются через операторов обмена, которые должны быть зарегистрированы и иметь лицензию Центрального банка. Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» устанавливает требования по идентификации пользователей, которые участвуют в опе-

рациях с цифровыми финансовыми активами, с целью предотвращения использования криптовалют для финансирования терроризма или отмывания денег.

Кроме того, были внесены поправки в Налоговый Кодекс; частные вопросы обращения цифровых активов регулируются указами и инструкциями Центрального банка РФ. Следует отметить, что Центральный банк России занимает довольно осторожную позицию в отношении криптовалют и видит в них потенциальные риски для финансовой стабильности – в частности, это наблюдается в отношении прямого запрета на использование криптовалют как средства платежа в России.

Неизбежность проникновения цифровых активов в финансовую систему страны привела к попыткам взять под контроль этот процесс. Так, важным этапом в развитии российского «цифрового» финансового законодательства стал 2023 г., когда были приняты федеральные законы № 339-ФЗ и № 340-ФЗ, посредством которых были зафиксированы правовые основы циркуляции цифрового рубля как новой формы национальной валюты Российской Федерации. Законы определили спектр полномочий Банка России как оператора платформы цифрового рубля, описали роль кредитных организаций при совершении операций с цифровым рублем их клиентами, установили организационные основы использования цифрового рубля юридическими и физическими лицами, в т.ч. иностранными, в качестве нового способа расчетов.

В научной среде мнения о перспективах цифрового рубля разделились: с одной стороны, цифровой рубль обладает преимуществами криптоактивов, но лишен их недостатков, и, кроме того, цифровой рубль облегчает реализацию денежно-кредитной политики – к примеру, посредством введения отрицательных процентных ставок. С другой стороны, эмиссию цифрового рубля можно воспринимать в качестве очередной попытки правительства сохранить контролируемую функцию по отслеживанию средств граждан [7, с. 9].

Экспериментальный правовой режим как новый способ законотворчества в России

Акселерация цифровизации и модернизации отечественной финансовой системы и соответствующего ей сегмента права происходит в нашей стране во многом в контексте т.н. экспериментальных правовых режимов. Данная категория описана в тексте Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»

Все чаще в законотворческом дискурсе можно услышать заявления о перспективах новых видов фасилитаторов инноваций: регулятивных песочницах (*Regulatory Sandbox*), центрах инноваций и регулятивных акселераторах (лабораториях *Regtech*) [4, с. 24]. В России наибольшее распространение получила обобщающая категория

«экспериментальный правовой режим». Данный термин был зафиксирован в тексте Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 228-ФЗ, положения которого позволили формировать «регуляторные песочницы». Закон предусматривает возможность создания экспериментальных правовых режимов для апробации новых правовых норм, необходимых для внедрения и использования цифровых технологий искусственного интеллекта, блокчейна, больших данных и технологий *FinTech*. Впоследствии концепция экспериментального правового режима была развита в рамках Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [12, с. 317].

Экспериментальный правовой режим можно рассматривать как способ стимулирования цифровых инноваций – в т.ч. и в финансовое пространство. Данные, получаемые в процессе функционирования экспериментального правового режима, аккумулируются и анализируются с целью (1) выработки государственных стратегий и программ в соответствующей отрасли; (2) модернизации национального законодательного массива [10, с. 475].

Экспериментальный правовой режим представляет собой современный инструмент законотворчества, сущность которого заключается в апробации и тестировании новых правовых норм или правоприменительных механизмов в условиях ограниченных географических, отраслевых или экономических рамок. Введение экспериментального режима позволяет государству адаптировать законодательный массив к новым социально-экономическим условиям, технологическим инновациям и новым формам общественных отношений, не подвергая риску устойчивость правовой системы. Экспериментальные правовые режимы, как правило, применяются в отдельных регионах, секторах экономики или в отношении конкретных категорий субъектов – таким образом снижаются потенциальные риски для стабильности правовой системы и испытываются новые правовые механизмы без необходимости внесения изменений в законодательство на национальном уровне. Посредством подобных экспериментов законодатель получает возможность анализировать правоприменительную практику, выявлять проблемные аспекты в регулировании, оценивать воздействие новых законодательных положений на социум, государственную власть и бизнес.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Финансовое право на данный момент находится в стадии активных трансформаций, обусловленных тенденциями ухода от отраслевого подхода, интеграцией научных и прикладных областей, цифровизацией и возникающих под ее влиянием новых ценностей и механизмов их обращения, актуализацией новых способов нормотворчества – в частности, введением экспериментальных правовых режимов.
2. На сегодняшний день становится очевидным, что отраслевой подход к анализу финансово-правового механизма не способен охватить все сегменты и механизмы финансово-правовой системы. Финансовое право рассматривается в контексте взаимообусловленных и взаимосвязанных компонентов, что во многом связано с интеграцией правовых и неправовых отраслей.
3. Цифровизация – ключевой фактор модернизации финансового права. Цифровизация общественно-правовых отношений привела к возникновению таких категорий, как криптоактив, цифровая валюта, цифровой финансовый актив, цифровой рубль. Все эти категории нуждаются в детальном законодательном регулировании. Несмотря на то, что ряд мер по регулированию уже был принят, все еще имеются пробелы, которые, можно надеяться, российский законодатель восполнит в ближайшее время.
4. Модернизация отечественной финансовой системы происходит в нашей стране во многом в форме экспериментальных правовых режимов. Экспериментальный правовой режим представляет собой современный инструмент законотворчества, сущность которого заключается в апробации и тестировании новых правовых норм или правоприменительных механизмов в условиях ограниченных географических, отраслевых или экономических рамок.

Литература

1. Баздрева, И.А. Предмет и метод финансового права: современные тенденции развития / И.А. Баздрева, П.С. Бережная // Вестник науки. – 2023. – № 12 (69). – С. 305–310.
2. Бицоева, Л.Ф. Развитие законодательства о блокчейне / Л.Ф. Бицоева // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 1 (181). – С. 101–103.
3. Васянина, Е.Л. Финансовое право: в поисках ответов на современные экономические вызовы / Е.Л. Васянина // Правоприменение. – 2024. – № 2. – С. 73–81.
4. Зверькова, Т. Н. REGTECH: достижение баланса между регулированием и инновациями / Т.Н. Зверькова // АНИ: экономика и управление. – 2022. – № 1 (38). – С. 20–25.
5. Кобзарь-Фролова, М. Н. К вопросу о перспективах развития финансового права / М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина // Труды

Института государства и права РАН. – 2022. – № 4. – С. 228–237.

6. Крохина, Ю.А. Проблемы правового регулирования цифровых технологий, применяемых Центральным банком РФ и финансовыми институтами / Ю.А. Крохина // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 4 (45). – С. 33–39.
7. Кузнецова, В.В. Эмиссия цифровых валют центральными банками: направления развития и ключевые риски / В.В. Кузнецова, О.И. Ларина // Финансы: теория и практика. – 2023. – № 6. – С. 6–16.
8. Овезлиев, В. Финансовое право: как отрасль науки / В. Овезлиев, М. Атаев // Всемирный ученый. – 2023. – № 9. – С. 459–464.
9. Садыков, М.А. Инновации в современном финансово-экономическом пространстве / М.А. Садыков // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 7. – С. 103–107.
10. Санченко, И.Д. Возможные проблемы применения экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций / И.Д. Санченко // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 16. – С. 472–481.
11. Солибоева, М. Понятие крипто-активов в гражданском и финансовом праве: национальный и зарубежный опыт / М. Солибоева // ORIENSS. – 2023. – № 6. – С. 316–327.
12. Чеговадзе, Л.А. Экспериментальные правовые режимы как способ нормотворчества / Л.А. Чеговадзе // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 315–319.

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN FINANCIAL LAW

Artemov N.M.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)

The article presents new trends shaping modern financial law in Russia. The article contains an analysis of modern scientific publications, as well as provisions of domestic and foreign legislation, which allows to identify three key super-trends that determine the evolution of financial law: moving away from an industry-specific approach, digitalization, and updating new methods of rulemaking.

The first trend is associated with interdisciplinarity and integration of scientific and applied areas. The second trend, associated with digitalization, is associated with the emergence of new forms of interaction between financial market participants and new types of financial assets. The third trend mainly related to experimental legal regimes as a new approach to lawmaking, allowing legislation to be adapted to the realities of the digital economy.

Keywords: financial law, digitalization, interdisciplinarity, integration, fintech, digital financial asset, digital ruble, cryptocurrency, experimental legal regime.

References

1. Bazdrev, I.A. Subject and method of financial law: modern development trends / I.A. Bazdrev, P.S. Berezhnaya // Bulletin of science. – 2023. – No. 12 (69). – P. 305–310.
2. Bitsoeva, L.F. Development of legislation on blockchain / L.F. Bitsoeva // Agrarian and land law. – 2020. – No. 1 (181). – P. 101–103.
3. Vasyanina, E.L. Financial law: in search of answers to modern economic challenges / E.L. Vasyanina // Law enforcement. – 2024. – No. 2. – P. 73–81.
4. Zverkova, TN REGTECH: achieving a balance between regulation and innovation / TN Zverkova // ANI: economics and management. – 2022. – No. 1 (38). – P. 20–25.
5. Kobzar-Frolova, MN On the prospects for the development of financial law / MN Kobzar-Frolova, EL Vasyanina // Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2022. – No. 4. – P. 228–237.
6. Krokhnina, Yu.A. Problems of legal regulation of digital technologies used by the Central Bank of the Russian Federation and financial institutions / Yu.A. Krokhnina // Monitoring of law enforcement. – 2022. – No. 4 (45). – P. 33–39.
7. Kuznetsova, V.V. Issue of digital currencies by central banks: development directions and key risks / V.V. Kuznetsova, O.I. Larina // Finance: theory and practice. – 2023. – No. 6. – P. 6–16.
8. Ovezliev, V. Financial law: as a branch of science / V. Ovezliev, M. Atayev // World scientist. – 2023. – No. 9. – P. 459–464.
9. Sadykov, M.A. Innovations in the modern financial and economic space / M.A. Sadykov // Innovations and investments. – 2021. – No. 7. – P. 103–107.
10. Sanchenko, I.D. Possible problems of applying experimental legal regimes in the field of digital innovations / I.D. Sanchenko // Issues of Russian justice. – 2021. – No. 16. – P. 472–481.
11. Soliboeva, M. The concept of crypto-assets in civil and financial law: national and foreign experience / M. Soliboeva // ORIENSS. – 2023. – No. 6. – P. 316–327.
12. Chegovadze, L.A. Experimental legal regimes as a method of rule-making / L.A. Chegovadze // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 1. – P. 315–319.

Социальное обеспечение сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, как мотивирующий фактор в качественном обеспечении защиты прав и свобод граждан

Денисов Дмитрий Валерьевич,

аспирант, Волгоградский государственный университет
E-mail: yuaz-211_217829@volsu.ru

В настоящее время в Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее МВД) наблюдается значительный некомплект в ведущих службах осуществляющих непосредственную защиту прав и свобод граждан, что напрямую может негативно отражаться на качестве и объемах проводимой правоохранительной работы. Указанное обстоятельство наводит на мысль о наличии определенных кадровых проблем в рассматриваемом правоохранительном органе. В данной статье проведено исследование осуществляемой социальной политики в системе МВД после реформирования в 2011 году, цель которого, выявить существующие проблемы и их влияние на уровень защиты прав и свобод граждан. В результативной части исследования внесены конструктивные предложения по устранению выявленных отрицательных тенденций. В ходе исследования применялся метод анализа, сравнительный метод, статистический метод, метод социологических исследований. В связи с недостаточным количеством научных исследований по данной проблематике, актуальность исследования видится, в необходимости признания и решения назревшей проблемы некомплекта в МВД, так как это может привести к ухудшению защиты прав и свобод граждан, и иным негативным последствиям.

Ключевые слова: права и свободы граждан, система МВД, сотрудник полиции, реформа, общественное мнение, социальное обеспечение, денежное довольствие, покупательская способность, инфляция, некомплект должностей.

В конституции Российской Федерации в статье 2 провозглашено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1].

В соответствии со статьей 1 Федерального закона «О полиции», –«Полиция предназначена для защиты, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства» [2].

Одной из причин реформы МВД в 2011 году, была неудовлетворительная кадровая ситуация, связанная с большим числом нарушений законности и служебной дисциплины допускаемых сотрудниками (на то время милиции), и общей негативной морально-психологической обстановкой в МВД. Очевидной проблемой, в том числе негативно влиявшей на уровень защиты прав и свобод граждан, был низкий уровень профессионализма, культуры, ответственности, и высокий – профессиональной деформации, коррумпированности у большого количества сотрудников МВД. Данное обстоятельство не явилось следствием, влияния каких – либо внешних деструктивных сил, а напрямую было связано с кадровыми проблемами копившимися со времени так называемой «перестройки 90-х» и лопнувших как «мыльный пузырь» на время начала проведения реформы. Для ликвидации указанных негативных факторов, реформой была предусмотрена аттестация личного состава МВД, с последующим установлением соответствующих повышенных требований к служебному поведению и дисциплине сотрудников, что должно было коррелироваться с качеством выполнения ими служебных обязанностей, и соответственно защите прав и свобод граждан. В свою очередь с учетом предъявляемых требований, законодательство устанавливало увеличение социального обеспечения сотрудников МВД, которое способствовало значительному повышению уровня их жизни.

В результате реформы, были приняты ряд институциональных нормативно правовых актов, основным из которых является Федеральный закон от 19 июля 2011 года «О социальных гарантиях сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», устанавливающий следующие виды социальных гарантий сотрудникам МВД: материальное обеспечение, жилищное обеспечение, пенсионное обеспечение, медицинское обеспечение и санаторно-курортное лечение, государственное страхование жизни и здоровья, возмещение вре-

да[3]. Далее постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2011 года № 878 «Об установлении окладов месячного денежного содержания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», вводились должностные оклады сотрудников полиции по различным должностям и званиям. В соответствии с данным постановлением, должностной оклад следователя, оперуполномоченного, эксперта, инспектора, составил 15000 рублей, оклад за специальное звание младший лейтенант полиции (юстиции, внутренней службы) 10000 рублей[4]. Соответственно, средняя зарплата сотрудника МВД, с учетом всех надбавок, после реформы составляла: у старшего следователя, оперуполномоченного, специалиста, инспектора (капитан полиции, внутренней службы) – 36 000 рублей; рядового полицейского – 18 000 рублей[5]. Данное материальное стимулирование значительно повысило уровень благосостояния стражей правопорядка. Для сравнения, в декабре 2008 года до реформы, офицеры МВД (капитан, старший оперуполномоченный) получали зарплату 16,9 тыс. рублей, рядовые сотрудники (сержант, милиционер патрульно-постовой) – 11,3 тыс. рублей[6].

После проведения реформы денежное довольствие (оклады) сотрудников МВД связи с ростом темпов инфляции незначительно индексировалось: в 2018 году в 1,04раза(4%); в 2019 году в 1,043раза(4,3%); в 2020 году в 1,03 раза(3%); в 2021 году в 1,037 раза(3,7%); в 2022 году в 1,04 раза(4%); в 2023 году в 1,105 раза(10,5%)[7]. В итоге суммирования, общая индексация денежного довольствия (окладов) сотрудников МВД с 2011 года составила 29,5%, в то время как, сумма инфляции по годам с 2011 года в России, варьируется в пределах 91%)[8].

Таким образом, не применяя более выверенные расчёты, видно снижение покупательской способности на зарплаты сотрудников МВД в 3 раза, по сравнению с периодом, после повышения зарплат в результате проведенной в 2011 году реформы МВД.

Новый приказ МВД № 181 от 31 марта 2021 года «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», не внёс изменений (изменены периоды выплаты, уточнен порядок назначения дополнительных выплат) в материальное стимулирование сотрудника МВД, которые могли бы повлиять на его уровень[9].

В мае 2024 года, выступая перед членами Совета Федерации, министр внутренних дел Российской Федерации, Колокольцев В.А. обозначил назревшую проблему и причины некомплекта в МВД, так по его словам – «средняя зарплата сотрудника полиции в 2023 году составила 84 тысячи рублей, однако это «средняя температура по больнице». И, например, сотрудница миграционного подразделения в месяц получает менее 17 тысяч рублей. Основными причинами острой нехватки сотрудников Колокольцев назвал низкие зарплаты и не-

достаточный уровень социальных гарантий. Он отметил, что после реформы социальные льготы для сотрудников МВД монетизировали, но не индексировали выплаты много лет. В результате покупательская способность на зарплаты сотрудников полиции сократилась на 45%, и прошлогодняя прибавка в 10% проблему не решила», – отметил министр в своем выступлении в мае 2024 года перед Советом Федерации Российской Федерации[10].

К примеру, в таких странах Европы, как Германия среднестатистический полицейский в 2023–2024 году зарабатывает от 2635 до 4692 € (≈247690 рублей до 441084 рублей)[11], что отличается кратной разницей по сравнению с заработной платой российского полицейского.

Напомним, что работа сотрудников МВД ежедневно связана с риском и повышенной опасностью для жизни и здоровья, многие сотрудники в сегодняшние дни выполняют служебные обязанности в зоне специальной военной операции. Свыше тысячи сотрудников МВД в прошедшем году удостоены государственных наград, из них 11 посмертно[12].

О положительной оценке работы проводимой российской полицией, говорят официальные данные роста уровня доверия граждан (в 2023 году 53,3% граждан доверяют МВД по вопросу защиты личных и имущественных интересов (АППГ 49,2%)), который с 2012 года вырос практически в двое, что несомненно связано с изменением в состоянии преступности за указанный период[12]. Но, не смотря на положительную динамику состояния преступности и показателей общественного мнения о деятельности полиции, уже в 2023 году наблюдается тенденция повышения роста такого показателя, как подверженность преступным посягательствам, у 9,2% опрошенных граждан (АППГ –8% (динамика+1,2%)[13], что не может не вызывать обоснованного беспокойства.

Проведенный Главным управлением по работе с личным составом МВД России анализ, уровня укомплектованности основных служб органов внутренних дел Российской Федерации в 2023 году[14], показал следующие цифры:

Из приведенной выше таблицы видно, что некомплект в некоторых основных службах уже составляет **более 20%**, и эта тенденция с годами, имеет отрицательный динамический характер в сторону ещё большего увеличения.

Доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России С.А. Тимко, в 2023 году провела исследование по проблемным вопросам существующим в МВД после реформы 2011 года, путем изучения и оценки мнения у действующих сотрудников, в ходе которого выявлено, что в числе первоочередных направлений по устранению сложившейся негативной кадровой ситуации является: увеличение штата полицейских, работающих «на земле», что позволит нивелировать проблему соблюдения должного времени труда и отдыха, норм служебной

нагрузки сотрудников ОВД; сокращение документооборота; интенсификация информационно-пропагандистской работы для улучшения общественного мнения о деятельности полиции; обеспе-

чение необходимого финансирования, как в рамках заявленных социальных гарантий сотрудника ОВД, так и для непосредственной профессиональной деятельности полицейских[15].

Таблица 1. Уровень укомплектованности личного состава органов внутренних дел (% от штатной численности)

Службы	2021 год	2022 год	2023 год
ГИБДД	95,2	94,3	91,5
Патрульно-постовая служба полиции	84,7	81,1	76,1
Участковые уполномоченные полиции и ПДН	89,6	87,3	82,9
Уголовный розыск	87,5	85,3	81,6
Подразделения по контролю за оборотом наркотиков	88,9	81,7	82,3
Органы предварительного следствия	88,9	85,2	80,8
Подразделения дознания	92,2	89,7	84,6
Подразделения ЭБ и ПК	89,3	87,6	84,6
Подразделения по вопросам миграции	95,5	94,9	93,4
Подразделение по противодействию экстремизму	90,4	89,7	86,1

Подобное мнение высказывает профессор Академии управления МВД России А.М. Кононов, считая что, ситуацию с кадрами усугубили высокая нагрузка на личный состав, в том числе чрезмерно возросшая «бумажная» работа на всех уровнях, не поддающийся искоренению «палочный» подход при оценке результатов оперативно-служебной деятельности, слабая возможность реализовать продекларированные в законе гарантии правовой и социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел (например, отсутствие реальных перспектив в разумные сроки получить единовременную социальную выплату для нуждающихся в жилье), неразумная дисциплинарная практика и др. По его словам такое положение дел не могло не сказаться и на морально-психологическом уровне личного состава, который сегодня работает в состоянии постоянного стресса[16].

Таким образом, основными причинами некомплекта и оттока кадров из МВД, являются недостаточный уровень денежного довольствия и индифферентное состояние некоторых социальных гарантий (в частности, жилищное обеспечение), предоставляемых сотрудникам МВД.

Считаю, что для нормализации ситуации связанной с ростом некомплекта и уменьшения оттока кадров из МВД, необходимо:

1. Повысить (проиндексировать) уровень заработной платы сотрудников, государственных гражданских служащих, работников МВД до уровня покупательской способности на цены с учетом гиперинфляции за последние 3 года.
2. Ввести в действие жилищное обеспечение в МВД, на примере Вооруженных сил Российской Федерации.
3. Сократить излишний документооборот, пересмотреть критерии оценочных показателей оперативно-служебной деятельности в МВД.

Подводя итог, можно утверждать, что цели проводимой с 2011 года реформы МВД по вопросам

повышения качества защиты прав и свобод граждан, в основном достигнуты, так как об этом говорят официальные данные роста уровня доверия граждан к данному правоохранительному органу, а также снижение общих показателей преступности [12]. Но, в тоже время, на сегодняшний день, в Министерстве внутренних дел Российской Федерации складывается негативная ситуация, связанная с большой не укомплектованностью основных служб, обеспечивающих защиту прав и свобод граждан Российской Федерации, что может в создавшихся современных реалиях внутри страны (теракт в торговом центре Крокус Сити Холл Московской области, нападение боевиков в Дагестане, экстремистская деятельность и проч.), привести к значительному ухудшению уровня соблюдения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод граждан, и вызвать регресс достигнутых с 2011 года в системе МВД показателей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации.-Москва: Проспект, 2021,-64с.
2. Федеральный закон «О полиции».- Москва: Проспект, 2023.-64 с.
3. Информационно-справочная система Консультант плюс. Федеральный закон от 19 июля 2011 года № 247 «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты». Режим доступа: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116988/?ysclid=lyg3reokgh511637382 (дата обращения 26.06.2024).
4. Информационная-справочная система «Гарант». Постановление Правительства РФ от 03.11.2011 N 878 (ред. от 15.11.2022) «Об установлении окладов месячного денежного содержания сотрудников органов вну-

тренних дел Российской Федерации. Режим доступа: URL <https://base.garant.ru/12191579/?ysclid=m18wv2ti4k731288793> (дата обращения 19.09.2024)

5. Российская газета – Столичный выпуск: № 254(5630). Правительство повысило оклады по должности и званию для сотрудников МВД. Режим доступа: URL <https://rg.ru/2011/11/11/mvd.html?ysclid=lxlpc3vsjv781446787> (дата обращения 26.06.2024)
6. Информационный ресурс Актион. Зарплата сотрудников милиции. Режим доступа: URL <https://www.zarplata-online.ru/qa/95496-zarplata-sotrudnikov-militsii> (дата обращения 26.06.2024).
7. Информационно-справочная система Консультант плюс. Постановление Правительства РФ от 28.06.2023 № 1046 «О повышении денежного довольствия военнослужащих и сотрудников некоторых органов исполнительной власти». Режим доступа: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451081/?ysclid=lyg4fuk764972194599 (дата обращения 10.07.2024)
8. Инфляция в России 2024, калькулятор инфляции. Режим доступа: URL <https://calculus.ru/inflyaciya?ysclid=m18zmqov97388406166> (дата обращения 19.09.2024).
9. Информационно-справочная система Гарант. Приказ МВД России от 31 марта 2021 г. № 181 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». Режим доступа: URL <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400615907/?ysclid=lxst550fz2211168697> (дата обращения 10.07.2024).
10. Фонтанка.ру. Колокольцев: некомплект личного состава МВД в России превышает 150 тысяч человек. Петербургское сетевое издание. Режим доступа: URL <https://www.fontanka.ru/2024/05/14/73575668/?ysclid=m10enp7s4z713058214> (дата обращения 13.09.2024)
11. Визовый центр Visasam.ru. Полицейские в Германии. Режим доступа: URL <https://visasam.ru/emigration/rabota/zarplata-policeyskogo-vermanii.html?ysclid=lxlqlnn2ho346572561> (дата обращения 10.07.2024)
12. Практический альманах МВД России «Профессионал». Из выступления Министра внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. Стр. 5–10.
13. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Раздел – социологические опросы общественного мнения. Режим доступа: URL <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion> (дата обращения 10.07.2024)
14. Сведения о состоянии работы с кадрами в органах внутренних дел Российской Федерации в 2023 году. Сборник аналитических и информационных материалов. – М.: ГУРПС МВД России, 2024 год. – 78 с.

15. Тимко С.А. Вестник МГЮА. Том 76 № 2(195) февраль 2023. Результаты реформы полиции: взгляд изнутри стр145–157.

16. Кононов А.М. Реформа МВД России 2011г: Десять лет спустя. Сборник статей международной научной конференции, Москва 2021 год, Стратегическое развитие системы МВД России. Режим доступа: URL <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47573124> (дата обращения 10.07.2024)

SOCIAL SECURITY OF AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A MOTIVATING FACTOR IN THE HIGH-QUALITY PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS

Denisov D.V.

Volgograd State University

Currently, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (hereinafter the Ministry of Internal Affairs) has a significant shortage in leading services that directly protect the rights and freedoms of citizens, which can directly negatively affect the quality and scope of law enforcement work. This circumstance suggests that there are certain personnel problems in the law enforcement agency in question. This article presents a study of the ongoing social policy in the Ministry of Internal Affairs system after the reform in 2011, the purpose of which is to identify existing problems and their impact on the level of protection of citizens' rights and freedoms. In the effective part of the study, constructive suggestions were made to eliminate the identified negative trends. In the course of the study, the method of analysis, the comparative method, the statistical method, and the method of sociological research were used. Due to the insufficient amount of scientific research on this issue, the relevance of the study is seen in the need to recognize and solve the urgent problem of shortage in the Ministry of Internal Affairs, as this can lead to a deterioration in the protection of citizens' rights and freedoms, and other negative consequences.

Keywords: rights and freedoms of citizens, the Ministry of Internal Affairs system, police officer, reform, public opinion, social security, monetary allowance, purchasing power, inflation, shortage of positions.

References

1. Constitution of the Russian Federation.- Moscow: Prospect, 2021,-64 p.
2. Federal Law "On Police".- Moscow: Prospect, 2023.-64 p.
3. Information and reference system Consultant Plus. Federal Law of July 19, 2011 No. 247 "On Social Guarantees for Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts". Access mode: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116988/?ysclid=lyg3reokgh511637382 (date of access 06/26/2024).
4. Information and reference system "Garant". Resolution of the Government of the Russian Federation of 03.11.2011 N 878 (as amended on 15.11.2022) "On the establishment of salaries of monthly monetary allowances for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Access mode: URL <https://base.garant.ru/12191579/?ysclid=m18wv2ti4k731288793> (date of access 19.09.2024)
5. Rossiyskaya Gazeta – Stolichnyy Vypusk: No. 254 (5630). The government increased salaries by position and rank for employees of the Ministry of Internal Affairs. Access mode: URL <https://rg.ru/2011/11/11/mvd.html?ysclid=lxlpc3vsjv781446787> (date of access 26.06.2024)
6. Information resource Aktion. Salaries of employees militia. Access mode: URL <https://www.zarplata-online.ru/qa/95496-zarplata-sotrudnikov-militsii> (date of access 06/26/2024).
7. Information and reference system Consultant Plus. Resolution of the Government of the Russian Federation of 06/28/2023 No. 1046 "On increasing the monetary allowance of military

- personnel and employees of certain executive bodies”. Access mode: URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451081/?ysclid=lyg4fuk764972194599 (date of access 07/10/2024)
8. Inflation in Russia 2024, inflation calculator. Access mode: URL <https://calcus.ru/inflyaciya?ysclid=m18zmqov97388406166> (date of access 09/19/2024).
 9. Information and reference system Garant. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 31, 2021 No. 181 “On approval of the Procedure for providing monetary allowances to employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation”. Access mode: URL <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400615907/?ysclid=lxst550fz2211168697> (date of access 07/10/2024).
 10. Fontanka.ru. Kolokoltsev: the shortage of personnel of the Ministry of Internal Affairs in Russia exceeds 150 thousand people. St. Petersburg online publication. Access mode: URL <https://www.fontanka.ru/2024/05/14/73575668/?ysclid=m10enp7s4z713058214> (date of access 09/13/2024)
 11. Visa application center Visasam.ru. Police officers in Germany. Access mode: URL <https://visasam.ru/emigration/rabota/zarplata-policeyskogo-v-ermanii.html?ysclid=lxlqinn-2ho346572561> (date of access 07/10/2024)
 12. Practical almanac of the Ministry of Internal Affairs of Russia “Professional”. From the speech of the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation V.A. Kolokoltsev at the extended meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Pp. 5–10.
 13. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Section – sociological opinion polls. Access mode: URL <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion> (date accessed 10.07.2024)
 14. Information on the state of work with personnel in the internal affairs bodies of the Russian Federation in 2023. Collection of analytical and information materials. – M.: GURLS MVD of Russia, 2024. – 78 p.
 15. Timko S.A. Bulletin of Moscow State Law Academy. Vol. 76 No. 2 (195) February 2023. Results of the police reform: a look from the inside pp. 145–157.
 16. Kononov A.M. Reform of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2011: Ten years later. Collection of articles from the international scientific conference, Moscow 2021, Strategic development of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Access mode: URL <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47573124> (date of access 10.07.2024)

К вопросу об обеспечении юридической безопасности цифровых транзакций

Куровский Станислав Валерьевич,

руководитель научно-исследовательского подразделения
ООО «Высшая школа образования»
E-mail: 8917564@gmail.com

Мишин Денис Александрович,

руководитель редакционно-издательского отдела
ООО «Высшая школа образования»
E-mail: 9651530@gmail.com

Маринин Алексей Константинович,

магистр МФПУ «Синергия»
E-mail: aleksei.marinin247@gmail.com

Бурдик Виктор,

д.э.н., профессор, Луганский государственный педагогический университет
E-mail: Victorbrdk@gmail.com

Куровская Мария Алексеевна,

бакалавр НИУ ВШЭ
E-mail: 891685634@mail.ru

В статье изучены законодательные требования к безопасности транзакций, рассмотрены основные технологические решения для повышения безопасности передачи цифровых финансовых активов, а также выявлены особенности сетевого слоя для обеспечения безопасной коммуникации. Установлено, что юридическая безопасность цифровых транзакций – это актуальное направление деятельности отечественного законодателя и Банка России в рамках реализации пилотного проекта по интеграции цифрового рубля. В настоящее время продолжается активная интеграция цифрового рубля, в которой участвуют многие российские коммерческие банки. Авторами на основе технологии управления одновременным выполнением задач в программной среде Swift был интегрирован сетевой слой для безопасной коммуникации коммерческого банка с Банком России, что позволило осуществить первую транзакцию с использованием цифрового рубля в России.

Ключевые слова: цифровые транзакции, цифровые активы, цифровые права, юридическая безопасность, защита информации.

Введение

Вопрос юридической безопасности цифровых транзакций приобретает всё большую значимость в условиях активной цифровизации экономики. Множество финансовых операций в настоящее время происходит в цифровом формате, что требует обеспечения надёжных правовых механизмов защиты данных и предотвращения несанкционированного доступа к информации. При этом обеспечение правовой безопасности становится важным аспектом как для пользователей, так и для организаций, участвующих в цифровых транзакциях.

Особенно актуальной данная тема становится в связи с увеличивающимся числом кибератак и мошеннических схем, направленных на вмешательство в финансовые операции. Так, по информации лаборатории Касперского, наибольшее количество киберугроз в настоящее время испытывают Российская Федерация, Бразилия, США, Китай и Казахстан [1]. Юридические гарантии в ситуациях кибератак должны не только защищать права сторон, но и способствовать восстановлению справедливости при возникновении споров. Без чётких правовых механизмов участники цифровых сделок оказываются уязвимыми перед новыми формами мошенничества, что влечёт за собой финансовые потери и подрыв доверия к цифровым технологиям. Необходимость разработки эффективных юридических инструментов также обусловлена разнообразием цифровых транзакций. К ним относятся банковские переводы, сделки с криптовалютами, электронные платежи и иные формы финансовых взаимодействий, каждая из которых требует правовой регламентации. Это обуславливает необходимость изучения вопросов обеспечения юридической безопасности цифровых транзакций в контексте современных корпоративных отношений.

Результаты и их обсуждение

В качестве результатов исследования будет представлено несколько смысловых блоков: законодательные требования к безопасности транзакций, технологические решения для повышения безопасности передачи цифровых финансовых активов, особенности сетевого слоя для обеспечения безопасной коммуникации, рассмотрение кейса ПАО «Промсвязьбанк».

Законодательные требования к безопасности транзакций

Безопасность транзакций в широком смысле относится к защите информации. Согласно ГОСТ Р

50922–2006, защита информации представляет собой «деятельность, направленную на предотвращение утечки защищаемой информации, несанкционированных и непреднамеренных воздействий на защищаемую информацию» [2], при этом защита может быть правовой, технической криптографической и физической. Под правовой защитой информации отечественный законодатель понимает «защиту информации правовыми методами, включающую в себя разработку законодательных и нормативных правовых документов (актов), регулирующих отношения субъектов по защите информации, применение этих документов (актов), а также надзор и контроль за их исполнением» [2].

К основным типам действий, на которые направлена защита информации, относятся: несанкционированный доступ; несанкционированное, преднамеренное и непреднамеренное воздействие; разведка, иностранная разведка; разглашение; утечка [2].

Согласно другому государственному национальному стандарту, посвященному защите информации финансовых организаций, основные меры защиты информации охватывают объекты информатизации, включая автоматизированные системы, которые финансовые учреждения применяют для выполнения бизнес-процессов и технологических процессов. Эти процессы могут быть связаны с предоставлением финансовых и банковских услуг, а также с операциями по переводу денежных средств [3], или транзакциями.

В рамках цифровизации транзакции всё чаще становятся цифровыми. Цифровые транзакции представляют собой действия, осуществляемые в электронной среде и связанные с перемещением или обменом цифровых активов, денежных средств или прав на такие активы. Такие транзакции проводятся с использованием информационно-коммуникационных технологий, включая интернет, мобильные приложения и специализированные платформы. В отличие от традиционных финансовых операций, цифровые транзакции полностью исключают физическое участие средств и заменяют их электронными записями и кодами [4].

Юридическая интерпретация цифровых транзакций подразумевает правовое регулирование всех аспектов их проведения. Каждая цифровая транзакция предполагает наличие правовых обязательств между сторонами, которые могут быть зафиксированы в электронных договорах, протоколах обмена информацией и иных документах. Особое внимание уделяется аутентификации сторон, проверке полномочий и обеспечению безопасности данных, передаваемых в ходе транзакции.

Согласно проекту Федерального закона «О цифровых финансовых активах...», цифровые транзакции как понятие представляли собой «действие или последовательность действий, направленных на создание, выпуск, обращение цифровых финансовых активов» [5], т.е., согласно действующей редакции соответствующего Федерального закона, «цифровых прав, включающих денеж-

ные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном Федеральным законом № 259-ФЗ, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» [6].

Для проведения цифровых финансовых операций используются виртуальные деньги, которые применяются для оплаты товаров и услуг и хранятся в электронных или цифровых кошельках. Цифровой кошелек представляет собой программно-техническое средство, позволяющее сохранять информацию о цифровых записях и предоставляющее доступ к реестру транзакций. Безопасность таких цифровых кошельков обеспечивается криптографическими методами шифрования, а для передачи данных через сеть Интернет используется электронная подпись.

Основой цифровой транзакции является запись о финансовых активах, которая сохраняется в реестре цифровых транзакций. Реестр представляет собой систематизированную базу данных, фиксирующую информацию о транзакциях на определенный момент времени. Участниками реестра являются лица, совершающие операции в соответствии с установленными правилами. В зависимости от места хранения данных о транзакциях реестр может быть централизованным, децентрализованным или распределённым (рис. 1), что определяет количество носителей информации о транзакциях.

Рис. 1. Классификация реестров

Источник: составлено авторами

Правовая основа цифровых транзакций опирается на законодательство о защите данных, электронных платежах и цифровых валютах. Значимой частью регулирования является необходимость соблюдения требований к электронной подписи, которая подтверждает юридическую значимость совершённой сделки. При этом каждая операция должна быть задокументирована, что необходимо для подтверждения её легитимности в случае возникновения различных споров.

Важной составляющей юридической интерпретации цифровых транзакций также выступает защита прав потребителей. Законы предусматривают меры по обеспечению прав участников, защите их личных данных и урегулированию конфликтных ситуаций, связанных с нарушениями условий циф-

ровой транзакции. При этом юридические риски требуют постоянного внимания и разработки соответствующих механизмов предотвращения.

Технологические решения для повышения безопасности передачи цифровых финансовых активов

В контексте растущей сложности киберугроз и меняющегося характера цифровых транзакций для обеспечения безопасной передачи цифровых финансовых активов необходимы технологические инновации. В настоящее время появилось множество технологических механизмов, которые решают фундаментальные проблемы, связанные с целостностью, конфиденциальностью и подлинностью передачи таких активов.

В качестве фундаментальной технологии в данной области выступает блокчейн, с которого, собственно, и началось стремительное развитие криптовалют, цифровых валют и цифровых финансовых активов. Блокчейн позволяет проверять транзакции без привязки к центральному органу (например, Центральному банку). Неизменность записей в реестре блокчейна выступает гарантией того, что несанкционированные изменения данных транзакций практически невозможны. Распределенный характер блокчейна способствует повышению устойчивости, так как сводит к минимуму риск возникновения единой точки отказа. Неотъемлемой частью поддержания конфиденциальности и подлинности передаваемых активов являются криптографические основы блокчейна, в частности, использование инфраструктуры открытых и закрытых ключей.

Ещё одним важным компонентом повышения безопасности передачи цифровых финансовых активов является аутентификация с использованием нескольких подписей. Данный метод требует, чтобы транзакция была одобрена несколькими сторонами до её завершения, что обеспечивает дополнительный уровень безопасности. Привлечение нескольких подписантов снижает риск несанкционированного доступа, поскольку для совершения мошеннической транзакции недостаточно одной скомпрометированной учетной записи. Такой метод выступает гарантией того, что передача активов осуществляется с соблюдением необходимого контроля и подотчётности.

Также значимую роль в обеспечении безопасности передачи цифровых активов играют методы шифрования. Так, использование передовых алгоритмов шифрования способствует тому, что любые данные, передаваемые по сетям, остаются конфиденциальными даже в случае перехвата неавторизованными сторонами. В частности, сквозное шифрование предотвращает раскрытие конфиденциальной информации на любом этапе процесса передачи, что защищает активы от потенциальных кибератак.

Кроме того, в области обеспечения безопасности передачи цифровых активов большим шагом вперед являются смарт-контракты. Эти встроенные в блокчейн-сети контракты автоматически

обеспечивают исполнение требований соглашения при выполнении заранее определенных условий. Присущая смарт-контрактам автоматизация устраняет вероятность человеческой ошибки или вмешательства, которые в противном случае могли бы поставить под угрозу безопасность цифровых транзакций. Такая форма программируемой защиты способствует тому, что все аспекты передачи данных надежно выполняются в соответствии с заранее установленными протоколами.

Важно отметить, что в контексте международной законодательной практики дополнительный уровень безопасности обеспечивает интеграция специализированных протоколов: «знай своего клиента» (KYC) и «борьба с отмыванием денег» (AML).

Протокол «знай своего клиента» (KYC) направлен на проверку личности клиентов в финансовых учреждениях и иных организациях, в которых осуществляется денежное обращение. Основная цель данного подхода заключается в предотвращении возможных правонарушений, связанных с использованием финансовых систем для незаконных целей. В рамках этого протокола собираются и анализируются данные, позволяющие идентифицировать клиента, оценить связанные с ним потенциальные риски и принять решение о целесообразности дальнейшего сотрудничества. Данная процедура способствует формированию прозрачных финансовых операций и снижению рисков, связанных с мошенничеством и нелегальной деятельностью.

Протокол «борьба с отмыванием денег» (AML) является обязательным элементом глобальной системы контроля над финансовыми потоками, направленной на предотвращение легализации незаконно полученных доходов. Основная задача этих мер заключается в создании барьеров для злоупотреблений в финансовой сфере, включая действия, связанные с финансированием терроризма и другой преступной деятельности. В рамках AML разрабатываются и применяются меры по выявлению подозрительных транзакций, контролю за перемещением капитала и предотвращению использования банковских систем для отмывания средств.

Данные протоколы способствуют тому, что в передаче цифровых активов участвуют только проверенные физические или юридические лица, что снижает вероятность мошеннических действий. В ещё большей степени совершенствуется проверку личности интеграция в эти процессы биометрической аутентификации, что снижает риск кражи личных данных или несанкционированного доступа.

Каждое из рассмотренных технологических решений способствует созданию более надежной и безопасной среды для передачи цифровых финансовых активов.

Особенности сетевого слоя для обеспечения безопасной коммуникации

Сетевой слой играет важную роль в обеспечении безопасной передачи данных между различными

узлами сети. Его главные функции касаются маршрутизации пакетов данных и управления их передачей, что требует дополнительных мер для защиты информации от несанкционированного доступа и кибератак.

Первой особенностью сетевого слоя является необходимость защиты данных от их перехвата. Для этого используются технологии шифрования, которые обеспечивают недоступность содержимого пакетов данных для третьих лиц. Каждая отправляемая единица информации инкапсулируется в зашифрованную форму, что делает её нечитаемой для злоумышленников. Шифрование может осуществляться как на уровне протоколов, так и с применением более сложных криптографических методов.

Вторым важным элементом безопасности сетевого слоя является идентификация и аутентификация участников сети. Данная функция позволяет убедиться в подлинности узлов, с которыми осуществляется обмен данными. Идентификация устраняет риск подмены источника передачи, что предотвращает возможные атаки, такие как, например, атака «человек посередине» (атака посредника). Для этого применяются цифровые сертификаты, ключи и механизмы двусторонней аутентификации.

Ещё одной из важнейших особенностей сетевого слоя выступает контроль целостности данных. При передаче пакетов может возникнуть риск их модификации или повреждения. Для предотвращения этого сетевые протоколы используют контрольные суммы и хеш-функции, которые позволяют определить любые изменения в данных. Таким образом принимающий узел проверяет, что передаваемая информация не была изменена.

Особую роль играют технологии межсетевых экранов и систем предотвращения вторжений, которые действуют на уровне сетевого слоя. Межсетевые экраны контролируют трафик на основе фильтрации подозрительных запросов и блокировки неавторизованных подключений. Такие системы не только обеспечивают безопасность, но и помогают регулировать потоки данных, предотвращая атаки типа DDoS, целью которых является перегрузка сети.

Протоколы безопасности (например, IPsec) интегрируют механизмы защиты на сетевом уровне, что обеспечивает аутентификацию, шифрование и контроль целостности данных. В частности, IPsec защищает передаваемую информацию между конечными узлами путём устранения угрозы перехвата, подмены данных или атак с целью получения несанкционированного доступа.

Также сетевой слой должен предусматривать защиту от атак на уровне маршрутизации. Атаки на маршрутизаторы могут приводить к дезорганизации маршрутов передачи данных и перенаправлению трафика на вредоносные узлы. Защита от таких угроз обеспечивается за счёт использования протоколов, которые проверяют достоверность маршрутов и корректность работы маршрутизаторов.

В российской экономике обеспечение безопасной коммуникации в сети для проведения цифровых транзакций основными участниками экономической деятельности – это востребованное направление, которое юридически регулируется федеральными законами, постановлениями и решениями Правительства Российской Федерации, актами Банка России и нормативными правовыми актами иных ответственных ведомств, в частности, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Наиболее общими законодательно утвержденными требованиями являются положения федерального закона «О национальной платёжной системе», в котором установлены нормы обеспечения защиты информации в национальной платёжной системе (далее – НПС) [7]. Важно отметить, что НПС – это совокупность основных субъектов платёжной системы, законодательно созданная ещё в 2011 г. и приобретающая особую актуальность после 2014 г., когда после введения первых экономических санкций в отношении России новые технологии, в частности цифровые транзакции, стали особенно подвержены киберрискам (хищениям средств, финансовым потерям, нарушениям надёжности, системным кризисам и др.). Согласно ст. 27 указанного закона, требования к защите информации в платёжных системах нацелены на предотвращение неправомерного доступа к данным клиентов и осуществления переводов без их согласия. Все операторы, участвующие в процессах передачи и обмена финансовой информацией, обязаны обеспечить сохранность сведений, связанных с использованием денежных средств, а также персональных данных. Для выполнения этого условия разработаны нормативы, которые утверждаются на государственном уровне совместно с Банком России.

Особое внимание уделяется тому, чтобы предотвратить возможность размещения информации в сетевых ресурсах, включая сеть Интернет, которая может использоваться для несанкционированного доступа к финансовым данным клиентов. Контроль за исполнением этих требований осуществляется государственными органами, ответственными за безопасность и защиту информации, однако доступ к конфиденциальным данным при этом они не получают.

Операторы обязаны направлять отчёты о любых случаях попыток несанкционированного перевода денежных средств в Банк России, где ведётся база данных таких инцидентов. Информация из этой базы может передаваться как самим операторам для предотвращения повторных попыток мошенничества, так и государственным органам для расследования правонарушений.

Так, согласно актуальной информации Банка России, количество операций без согласия клиентов (далее – ОБС) в стране увеличилось на 33,4% в 2020–2024 гг., составив 256,9 тыс. ед. во втором квартале 2024 г., при этом доля возвращённых средств сократилась с 12,8% до 6,1%, а доля социальной инженерии – с 68,6% до 45% (рис. 2).

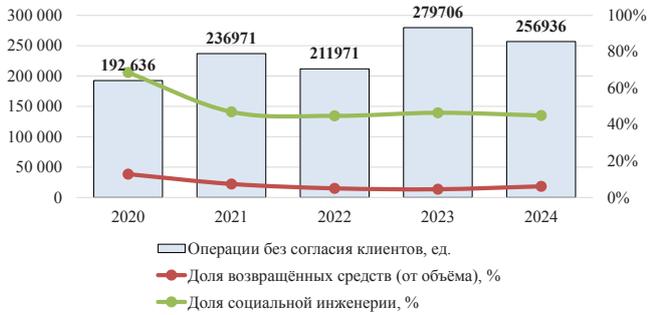

Рис. 2. Динамика количества ОБС в Российской Федерации, 2020–2024 гг. (вторые кварталы), ед.

Источник: составлено авторами по данным Банка России [8]

Важно отметить, что в то же время количество ОБС в рамках дистанционного банковского обслуживания (далее – ДБО) заметно сократилось (рис. 3): с 29,3 тыс. ед. в 2020 г. до 17,2 тыс. ед. в 2024 г. для физических лиц и с 809 ед. в 2020 г. до 284 ед. в 2024 г. для юридических лиц, что говорит о значительной эффективности принимаемых Банком России мер по обеспечению кибербезопасности транзакций.

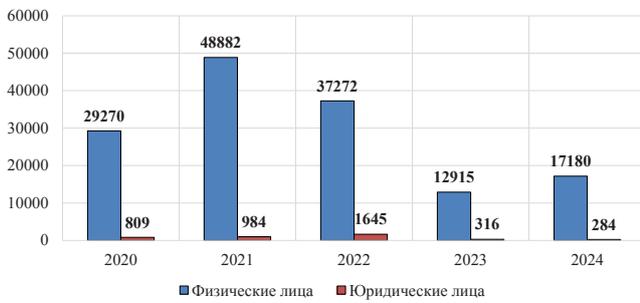

Рис. 3. Динамика количества ОПС в рамках ДБО в Российской Федерации, 2020–2024 гг. (вторые кварталы), ед.

Источник: составлено авторами по данным Банка России [8]

Основными источниками компьютерных атак являются использование методов социальной инженерии (увеличение на 12% в 2023–2024 гг.), фишинговые атаки (увеличение на 9,5% в 2023–2024 гг.), атаки с использованием вредоносного программного обеспечения (снижение на 59,6% в 2023–2024 гг.), а также атаки типа «отказ в обслуживании» (DDoS) – снижение на 22,3% в 2023–2024 гг. (рис. 4).

Рис. 4. Динамика количества компьютерных атак в Российской Федерации, 2020–2024 гг. (вторые кварталы), ед.

Источник: составлено авторами по данным Банка России [8]

Примечание: * – усредненные данные за последние четыре квартала

Кроме того, деятельность Банка России подразумевает создание целого ряда стандартов, одним из которых является стандарт обеспечения безопасности финансовых сервисов [9].

Система защиты информации, таким образом, не только предотвращает киберпреступления, но и обеспечивает координацию действий между финансовыми организациями и государственными структурами в области защиты данных клиентов.

Согласно прогнозам Банка России, в 2024–2025 гг. финансовые организации и частные пользователи столкнутся с новыми угрозами кибератак, на которые необходимо обратить внимание. Особую опасность представляют действия злоумышленников через посредников (например, интеграторов и поставщиков ИТ-услуг), работающих в финансовом секторе. Этот вектор атак может использоваться как посредством компрометации цепочек поставок, так и благодаря злоупотреблению доверительными отношениями. Для снижения рисков целесообразно применять политику нулевого доверия ко всем подрядчикам, а также проводить всестороннюю оценку их зрелости, учитывать потенциальные угрозы для инфраструктуры и закреплять ответственность за риски в договорных отношениях.

Кроме того, специалисты Банка России, в частности, эксперты Центра взаимодействия и реагирования Департамента информационной безопасности, ожидают увеличение количества DDoS-атак, для которых могут быть использованы ботнеты и устройства, подключенные к сети Интернета вещей. Также существует риск эксплуатации уязвимостей в программном обеспечении, которое больше не обновляется и не поддерживается производителями для российского рынка.

Атаки с использованием нейросетевых технологий и методов социальной инженерии, включая фишинговые атаки, тоже становятся всё более изощренными и целенаправленными. Такие киберугрозы подчеркивают необходимость постоянного улучшения системы. Эффективные меры защиты включают в себя своевременное обновление программных решений, регулярное обучение сотрудников и общественные кампании по киберграмотности, что в совокупности поможет усилить контроль над безопасностью информационных систем.

В настоящее время Банком России определены основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2023–2025 гг., в рамках которых установлено, что вопросы информационной безопасности в кредитно-финансовой сфере предполагают усиление защиты прав клиентов, а также укрепление доверия к цифровым технологиям. Ключевое место в развитии этой сферы занимают противодействие операциям, осуществляемым без согласия клиентов, а также борьба с кибератаками. Для повышения эффективности этих мер требуется совершенствовать существующие правовые и организационные подходы.

Особое внимание уделяется созданию условий для безопасной интеграции новых цифровых и платёжных технологий. При этом подчеркивается необходимость достижения технологической независимости, что требует применения национальных решений и стандартов для обеспечения надёжности финансовых систем. Существенным элементом данного направления является разработка нормативных актов, регулирующих вопросы безопасности и устойчивости финансовой инфраструктуры [10].

Кейс ПАО «Промсвязьбанк». Авторы также внесли свой вклад в развитие юридической безопасности в области обеспечения кибербезопасности цифровых транзакций. Так, в 2023 г. была проведена работа по интеграции сетевого слоя для безопасной коммуникации коммерческого банка (ПАО «Промсвязьбанк») с Банком России, что позволило осуществить первую транзакцию с использованием цифрового рубля в России.

Авторами были использована технология *swift modern concurrency* (далее – SMC). Данная технология, разработанная для языковой платформы Swift, обеспечивает более эффективное управление асинхронными операциями в программировании. Она основывается на концепции многопоточности и асинхронного выполнения задач, что позволяет одновременно выполнять несколько операций, не блокируя основные процессы приложения. Важнейшим элементом данной технологии является асинхронное программирование, поддерживающее структуру *async/await*. Данный подход упрощает управление асинхронными процессами, что делает их более читаемыми и упорядоченными для разработчиков.

Применение механизмов «акторов» в SMC ограничивает доступ к данным и ресурсам, что минимизирует вероятность ошибок при параллельной работе с памятью. «Акторы» действуют как изолированные сущности, которые выступают гарантией того, что к ресурсам может обращаться только один поток одновременно. Такой подход обеспечивает более высокий уровень безопасности данных, что предотвращает возникновение ошибок, связанных с гонками данных и одновременным доступом к секциям программы.

Технология SMC, разработанная для улучшения асинхронных операций в программировании, оказала значительное влияние на юридическую безопасность цифровых транзакций в контексте взаимодействия ПАО «Промсвязьбанк» и Банка России в рамках пилотного проекта интеграции цифрового рубля. SMC обеспечила высокую степень контроля над операциями (цифровыми транзакциями), что позволило минимизировать юридические риски, связанные с непреднамеренными задержками и сбоями в обработке цифровых транзакций. За счет применения многопоточности удалось организовать параллельное выполнение нескольких операций, что обеспечило непрерывный процесс проверки правовой легитимности каждой транзакции.

Введение механизма «акторов» в архитектуру SMC способствовало защите данных, поскольку каждый процесс функционировал в изолированном окружении, что позволило снизить вероятность возникновения ошибок, вызванных одновременным доступом к ресурсам, что оказалось значимо для сохранности данных при осуществлении цифровых транзакций. Такая структура предотвращает возникновение конфликтов между параллельно выполняемыми транзакциями, что сыграло важную роль в обеспечении юридической безопасности каждой транзакции.

Использование асинхронного программирования на основе SMC позволило обеспечить выполнение всех условий цифровой транзакции в строгом соответствии с нормативными актами и правилами отечественного законодательства и Банка России, регулирующими использование цифрового рубля. Все юридически значимые процессы, связанные с идентификацией участников, подтверждением их полномочий и шифрованием данных, интегрировались в систему автоматически, что исключало возможность человеческой ошибки или вмешательства вредоносного программного обеспечения. В результате система обеспечила надёжную защиту интересов участников цифровой транзакции в рамках действующего законодательства.

Выводы

В настоящее время цифровизация финансовых транзакций требует разработки новых подходов к юридической безопасности, что обусловлено особенностями современных технологий и рисками, связанными с киберугрозами. Важную роль в обеспечении легитимности цифровых транзакций играет законодательная база, которая регулирует цифровые финансовые активы. Современное правовое регулирование устанавливает строгие требования к безопасности информации, а также к процедурам аутентификации и подтверждения прав участников, что минимизирует риск мошенничества и несанкционированного доступа. В рамках действующих законодательных актов большое значение приобретает правовое регулирование использования цифровых финансовых активов и валют, которое строится на принципах соблюдения баланса интересов всех участников транзакции.

В Российской Федерации юридическая безопасность цифровых транзакций обеспечивается посредством широкой базы нормативных правовых документов, ключевыми из которых являются национальные стандарты Российской Федерации (ГОСТ Р 50922–2006, ГОСТ Р 57580.1–2017 и др.), федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», федеральный закон «О национальной платёжной системе», а также стандарты и распоряжения Банка России.

К основным особенностям сетевого слоя для обеспечения безопасной коммуникации относятся

необходимость защиты данных от их перехвата, идентификация и аутентификация участников сети, контроль целостности данных, технологии межсетевых экранов и систем предотвращения вторжений, протоколы безопасности, защита от атак на уровне маршрутизации.

Основными технологическими решениями для повышения безопасности передачи цифровых финансовых активов являются блокчейн, аутентификация с использованием нескольких подписей, методы шифрования, смарт-контракты, интеграция специализированных протоколов: «знай своего клиента» (KYC) и «борьба с отмыванием денег» (AML).

Авторами был внесён вклад в развитие юридической безопасности цифровых транзакций с использованием цифрового рубля. В рамках реализации пилотного проекта цифрового рубля в стране авторами на основе технологии SMC был интегрирован сетевой слой для безопасной коммуникации коммерческого банка (ПАО «Промсвязьбанк») с Банком России, что позволило осуществить первую транзакцию с использованием цифрового рубля в России.

Литература

1. Интерактивная карта киберугроз // Лаборатория Касперского. – URL: <https://cybermap.kaspersky.com/ru> (дата обращения: 11.09.2024).
2. Защита информации. Основные термины и определения. Protection of information. Basic terms and definitions: Национальный стандарт Российской Федерации (ГОСТ Р 50922–2006) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200058320> (дата обращения: 11.09.2024).
3. Безопасность финансовых (банковских) операций. Защита информации финансовых организаций. Базовый состав организационных и технических мер: Национальный стандарт Российской Федерации (ГОСТ Р 57580.1–2017) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200146534> (дата обращения: 11.09.2024).
4. Пшеничников В.В. Обзор основных положений концепций цифрового рубля // Современная экономика: проблемы и решения. – 2022. – Т. 2. – С. 35–49.
5. Федеральный закон (проект) № 419059–7 «О цифровых финансовых активах» // Инфо-Бухгалтер. – URL: <https://www.ib.ru/law/81> (дата обращения: 11.09.2024).
6. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5018.

7. О национальной платежной системе: федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (последняя редакция, ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.
8. Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств // Официальный сайт Банка России. – URL: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_2q_2024/ (дата обращения: 11.09.2024).
9. Безопасность финансовых (банковских) операций. Обеспечение безопасности финансовых сервисов при проведении дистанционной идентификации и аутентификации состав мер защиты информации: Стандарт банка России СТО БР БФБО-1.8–2024. – URL: <https://www.cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/7706> (дата обращения: 11.09.2024).
10. Информационная безопасность // Официальный сайт Банка России. – URL: https://www.cbr.ru/information_security/ (дата обращения: 11.09.2024).

ON THE ISSUE OF ENSURING THE LEGAL SECURITY OF DIGITAL TRANSACTIONS

Kurovsky S.V., Mishin D.A., Marinin A.K., Burdick V., Kurovskaya M.A.
LLC “Higher School of Education”; MUIF “Synergy”; Luhansk State Pedagogical University; Higher School of Economics

The article examines the legal requirements for the security of transactions, discusses the main technological solutions for improving the security of the transfer of digital financial assets, and identifies the features of the network layer for ensuring secure communication. It is revealed that the legal security of digital transactions is an urgent area of activity of the Russian legislator and the Bank of Russia within the framework of the pilot project on the digital ruble integration. Currently, the active integration of the digital ruble continues, and many Russian commercial banks participate in it. The authors integrated a network layer for secure communication between a commercial bank and the Bank of Russia based on the technology for managing simultaneous tasks in the Swift software environment, which made it possible to carry out the first transaction using the digital ruble in Russia.

Keywords: digital transactions, digital assets, digital rights, legal security, information security.

References

1. Interactive cyber threat map // Kaspersky Lab. – URL: <https://cybermap.kaspersky.com/ru> (accessed: 11.09.2024).
2. Information protection. Basic terms and definitions. Protection of information. Basic terms and definitions: National Standard of the Russian Federation (GOST R 50922–2006) // Electronic Fund of legal and regulatory documents. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200058320> (accessed: 11.09.2024).
3. Security of financial (banking) operations. Information protection of financial organizations. Basic set of organizational and technical measures: National Standard of the Russian Federation (GOST R 57580.1–2017) // Electronic Fund of Legal and regulatory documents. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200146534> (accessed: 11.09.2024).
4. Pshenichnikov V.V. Overview of the main provisions of the digital ruble concepts // Modern economy: problems and solutions. – 2022. – Vol. 2. – P. 35–49.
5. Federal Law (draft) No. 419059–7 «On digital financial assets» // Info-Accountant. – URL: <https://www.ib.ru/law/81> (accessed: 11.09.2024).
6. On Digital Financial Assets, digital currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ dated 31.07.2020 (latest edition, with amendments and additions, intro. effective from 01.09.2024) //

- Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31. – Article 5018.
7. On the national payment system: Federal Law No. 161-FZ dated 27.06.2011 (latest edition, ed. from 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 27. – Article 3872.
 8. Review of reporting on information security incidents during money transfer // Official website of the Bank of Russia. – URL: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_2q_2024/ (accessed: 11.09.2024).
 9. Security of financial (banking) transactions. Ensuring the security of financial services during remote identification and authentication the composition of information protection measures: Standard of the Bank of Russia STO BR BFBO-1.8–2024. – URL: <https://www.cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/7706> (accessed: 11.09.2024).
 10. Information security // Official website of the Bank of Russia. – URL: https://www.cbr.ru/information_security/ (accessed: 11.09.2024).

Русская Анжелика Андреевна,

аспирант, ФГБОУ «Амурский государственный университет»
E-mail: aaa_nt@bk.ru

Бутенко Татьяна Павловна,

канд.юр.наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, ФГБОУ «Амурский государственный университет»
E-mail: butanya1979@yandex.ru

В статье в целях проработки научного и теоретически-обоснованного подхода исследуется методология правового мониторинга. В результате проведенного исследования принята попытка систематизировать представленные в научной правовой литературе концепции и сформировать единую структуру используемых при проведении мониторинговой деятельности методов. Также выделены наиболее эффективные и результативные способы осуществления мониторинга, которым отнесены методы анализа правовой информации, оценки правовых актов, анализа социологических исследований и моделирования правового воздействия нормы права.

Ключевые слова: правовой мониторинг, методология, методы, приемы и способы, юридическая техника, анализ, оценка, моделирование правового воздействие.

В условиях постоянной и непрерывной глобализации мировых процессов, особенно важным видится построение внутренне согласованного и адекватного правового строя, отвечающего всем внутренним и внешним условиям существования общества, в целом. Неслучайно сегодня национальное государство пытается активно модернизировать средства и инструменты правотворческого и правоприменительного процессов.

Учитывая, что правовой мониторинг явление скорее прогрессивное и требующее использования современных подходов, видится актуальным проследить возможности применения к различным формам и видам правового мониторинга специальных средств и способов, которые бы эффективно способствовали гармонизации и сбалансированности правового воздействия. Приведение же всех методов правового мониторинга в единую логическую систему позволит систематизировать правотворческий процесс на всех его стадиях, включая стадию правоприменения. Как верно утверждает Н.Н. Тарасов, «для юридических исследований, ориентированных на современные требования к науке и научному знанию, методологическая состоятельность является фундаментальным условием научной корректности, теоретической обоснованности результатов» [1; 13].

Методология любой правовой категории позволяет ответить на такие простейшие, но одновременно фундаментальные вопросы: «Что делать?» и «Как делать?». Поэтому, формулируя понятие «методология правового мониторинга», прежде всего следует дать ответ на вопрос «С помощью каких приемов и способов необходимо осуществлять правовой мониторинг и на какой стадии их эффективнее всего применять?»

Единство мониторинговых технологий позволяет систематизировать правотворческий процесс на всех его стадиях, включая стадию правоприменения. То есть на протяжении всего периода необходимости осуществления правового мониторинга: от зарождения правовой нормы до признания ее утратившей юридическую силу. Как правильно подчеркивает Орлова Е.Е., результатом синхронизации использования мониторинговых методов должно стать оптимальное правовое регулирование в государстве, и в итоге достижение цели правового мониторинга [2; 101].

В этой связи методология правового мониторинга представляется как система обобщенных на теоретическом уровне научных знаний о принципах, подходах, методах, методиках и техниках мониторинговой деятельности, способствующих корректному и качественному совершенствова-

нию правового регулирования. В таком понимании методологии правового мониторинга как о системе применяемых в процессе мониторинговой деятельности методов составляют активную часть его функционального потенциала, за счет которого он должен перейти из состояния сугубо теоретической конструкции в позицию силы, действующей изначально бесконтрольно и бессистемно, к продуктивной и результативной деятельности.

В качестве технологий правового мониторинга, представленных через призму деятельностного подхода к доктрине юридических технологий, Прониной М.В. целесообразно понимаются система юридических и организационных процедур, направленных на планирование, осуществление, оформление и обнародование результатов правового мониторинга, а также их учет и контроль за эффективностью таких процедур [3; 35–37].

Взгляды на виды методов правового мониторинга, уже применяемые государственными органами или находящиеся еще в разработке научной правовой мысли разных правоведов, достаточно широки.

При этом большинство авторов рассматривают такие виды методов, которые используются преимущественно в мониторинге правоприменения. В совокупности такой подход следует называть правоприменительным, поскольку он направлен только на мониторинг тех актов, которые уже действуют на правовые отношения. Например, Короткова О.А., признавая необходимость исследования механизмов правового мониторинга, выделяет изучение документов, изучение статистических данных и показателей деятельности, изучение публикаций средств массовой информации, социологические исследования, изучение отдельных типичных случаев (*casestudies*), проведение экспертиз [4; 101].

Другой подход к методологии правового мониторинга видится Елисеевой В.С. Автор разделяет технологии правового мониторинга на общие и функциональные на основе таких критериев, как объекты, субъекты и цели правового мониторинга. При этом к общим технологиям правового мониторинга как универсальное правовое средство относится процедура мониторинга правоприменения, а к функциональным – процедуры отдельных видов правового мониторинга (общественный, антикоррупционный мониторинг, мониторинг в сфере профилактики правонарушений, мониторинг и оценка обращений граждан в органы публичной власти) [5; 93]. Данный подход является процедурным. Качество же проведенного мониторинга такими методами зависит от интеллектуальных способностей лица, осуществляющего мониторинг, от научной проработанности и эффективности нормативного закрепления таких процедур.

В контексте методологии политики правоприменения Клеймёнов М.П. и Ерохин Д.В. выделяют такие специальные методы, которые вполне могут быть применимы в теории правового мониторинга [6; 6]. Правовой мониторинг и правовая политика имеют тесную взаимосвязь и в своем единстве

позволяют выработать новые подходы и проводить комплексные научные исследования в области движения права. Вместе с тем правовая политика непосредственно оказывает влияние на правовой мониторинг, его структуру, порядок и организацию осуществления, а также на содержание мониторинговых исследований [7; 166].

К числу методов правоприменения вышеназванные авторы предлагают относить моделирование основных направлений осуществления права, конкретизация общей стратегии реализации правовых предписаний, коррекция тенденций правоприменительной практики и научно-методическое обеспечение правоприменительной политики.

Наиболее универсальный подход к систематизации методов, которые можно применять в целом к правовому мониторингу как к правовому институту, предложены Беляковой А.В. Автор небезосновательно выделяется такие методы как оценка информации и ее обработка, статический метод, метод анализа и метод юридического прогнозирования [8; 51].

В каждой из представленных концепций при осуществлении правового мониторинга выделяют метод анализа. Связано это с тем, что именно анализ составляет основу методологии правового мониторинга. Анализ позволяет детально изучить объект, который подлежит анализу, исследовать в отдельности все его элементы и признаки, чтобы сформировать наиболее полное представление о действии правовых механизмов во вне.

Данный метод является универсальным и подходит для любой формы правового мониторинга. Например, при прогнозировании действия правовой нормы, необходимо осуществить анализ проекта правового акта, включая рассмотрение его структуры и детальное изучение каждого предлагаемого к принятию нормативного положения. Такое исследование проектов нормативных правовых актов позволит оценить насколько правовая норма будет эффективной, рассмотреть ее на предмет возможных коллизий и других недостатков во взаимосвязи с другими правовыми актами. Качественный анализ проектов требует высокой интеллектуальной подготовки специалиста.

При осуществлении мониторинга законодательства потребуются осуществить анализ правовой информации. Правовую информацию можно определить как массив правовых актов и тесно связанных с ними справочных, нормативно – технических и научных материалов, охватывающих все сферы правовой деятельности. Анализ в данном случае допускается как статический (изучение элементов правового акта, внутренних и внешних взаимосвязей правовых норм), так и динамический (исследование внесённых изменений в законодательство на предмет их воздействия на действующее правовое регулирование).

Наиболее действенными при мониторинге правоприменения являются оценка правового акта, анализ правоприменительной практики правоохранительных и судебных органов, а также анализ социологических исследований.

Практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов, деятельность федеральных и региональных исполнительных органов является одним из фундаментов в осуществлении мониторинга правоприменения, поскольку анализ такой правоприменительной практики позволяет изучить насколько реализованы цели, поставленные законодателем при принятии правового акта, и как нормы права живут, применяются, интерпретируются, входят между собой в коллизию.

Говоря о более подходящем методе для проведения прогнозного мониторинга (мониторинга проектов правовых актов) следует отметить фактографический метод, статистический метод, экстраполяция, метод сравнительного правоведения, метод математического моделирования. При этом наиболее эффективным видится метод правового моделирования воздействия правовой нормы. При моделировании потребуется разработка и развитие модели (то есть концепта, вписанного в рамки предполагаемого правоприменения), прогнозирование результатов реализации внедрения модели правового регулирования, ее апробация и оценка результата.

Подводя итог, наиболее эффективными и теоретическими обоснованными в научной литературе можно отметить методы анализа правовых актов на предмет их полноты, согласованности, соответствия заявленным целям, достоверности, оценка эффективности действия нормы и возможность ее реализации в сложившихся правоотношениях, а также анализ практики правоприменения и социологической информации, полученной путем проводимых социологических исследований о влиянии нормативных правовых актов на общественную жизнь населения. Использование озвученных методов может быть представлено как в единичном выражении, так и в комплексе нескольких применяемых методов к одной и той же форме правового мониторинга. Например, видится весьма уместным при осуществлении прогнозного мониторинга активно использовать метод моделирования правового воздействия нормы совместно с анализом социологических исследований о предполагаемом правовом регулировании.

При этом требуется дальнейшая научная разработка методологии правового мониторинга, особенно в части моделирования правоприменительной практики, поскольку при его использовании требуется детальное изучение вопроса о том, какие именно методы разработки могут использоваться для создания новых моделей в области правового регулирования, а также о том, какие из существующих методов применимы и к реализации права, но при этом могут быть адаптированы к созданию моделей правотворчества.

Литература

1. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург. 2001. – С. 12–19.
2. Пронина М.В. Соотношение понятий «юридическая техника» и «юридическая технология» // Юридический мир. – 2013. – № 6. – С. 35–37.
3. Короткова О.А. Экспертиза законодательства как составляющая правового мониторинга // Вестник ТГУ. – 2015. – № 8. – С. 99–105.
4. Белякова А.В. Правовой мониторинг в Российской Федерации на современном этапе // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 1. – С. 46–55.
5. Елисеева В.С. Технологии правового мониторинга в современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – № 6. – С. 92–98.
6. Клейменов М.П., Ерохин Д.В. Методология политики правоприменения // *Law Enforcement Review*. – 2018. – № 4. – С. 5–15.
7. Русская А.А. Значение мониторинга законодательства правоприменения в правовой системе // Теоретические основы правовой политики в современной России: материалы I национальной (всероссийской) научно-практической конференции / Изд-во: Красноярск. – 2023. – С. 164–167
8. Орлова Е.Е. Мониторинговые технологии повышения эффективности правотворчества в государствах-участниках СНГ в контексте евразийской перспективы. // ПРАВО: история и современности. – 2021. – № 2. – С. 96–106.

METHODOLOGY OF LEGAL MONITORING

Ruskaia A.A., Butenko T.P.
Amur State University

The article researches the methodology of legal monitoring for the purpose to develop a scientific and theoretically sound approach. As a result of the conducted research, an attempt has been made to systematize the concepts presented in the scientific legal literature and to form a unified structure of the methods used in conducting monitoring activities. Also methods of analyzing legal information, evaluating legal acts, analyzing sociological research and modeling the legal impact of the rule of law are selected the most effective and productive means of monitoring.

Keywords: legal monitoring, methodology, methods, techniques and methods, legal technique, analysis, assessment, modeling of legal impact.

References

1. Tarasov N.N. Methodological problems of legal science. Ekaterinburg. 2001. – P. 12–19.
2. Pronina M.V. Correlation of the concepts of «legal technique» and «legal technology» // *Legal world*. – 2013. – No. 6. – P. 35–37.
3. Korotkova O.A. Expertise of legislation as a component of legal monitoring // *Bulletin of TSU*. – 2015. – No. 8. – P. 99–105.
4. Belyakova A.V. Legal monitoring in the Russian Federation at the present stage // *Monitoring of law enforcement*. – 2022. – No. 1. – P. 46–55.
5. Eliseeva V.S. Technologies of legal monitoring in modern Russia // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. – 2017. – No. 6. – P. 92–98.
6. Kleymenov M.P., Erokhin D.V. Methodology of law enforcement policy // *Law Enforcement Review*. – 2018. – No. 4. – P. 5–15.
7. Russkaya A.A. The importance of monitoring law enforcement legislation in the legal system // *Theoretical foundations of legal policy in modern Russia: materials of the 1st national (all-Russian) scientific and practical conference* / Publishing house: Krasnoyarsk. – 2023. – P. 164–167
8. Orlova E.E. Monitoring technologies for increasing the efficiency of lawmaking in the CIS member states in the context of the Eurasian perspective. // *LAW: history and modernity*. – 2021. – No. 2. – P. 96–106.

Применение технологии блокчейн в условиях цифровой трансформации цивилистического судопроизводства

Хабибуллин Марат Ильгизарович,

аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Юридического факультета ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

E-mail: public.mail@kpfu.ru

Статья посвящена исследованию отдельных вопросов необходимости и целесообразности применения технологии блокчейн в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Существующий тренд на цифровую трансформацию цивилистического судопроизводства создает ряд вызовов, связанных как с реализацией базовых принципов и прав в рамках гражданского и арбитражного процесса, так и с угрозами, связанными с эффективностью дальнейшего развития судебной системы. Важно, чтобы судебная система в целом и цивилистическое судопроизводство в частности шли в ногу с прогрессом, при этом оставаясь стабильными. В некоторых случаях, возникающие вызовы могут быть эффективно преодолены благодаря обращению к новым технологиям, в частности, к технологии блокчейн. Однако перед тем, как внедрить любую инновацию в отлаженный механизм, необходимо верно проанализировать последствия и эффективность такого внедрения.

Целью исследования является создание нового знания в области применения технологии блокчейн в цивилистическом судопроизводстве.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере цифровой трансформации гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, арбитражное процессуальное право, цивилистический процесс, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, цифровая трансформация, блокчейн

Цифровизация судопроизводства – один из глобальных мировых трендов современного государственного строительства. Сейчас Российская Федерация находится в числе стран-лидеров, в частности, по доступности онлайн судопроизводства. Однако потенциальное дальнейшее развитие цифровых технологий в российских судах, диктует необходимость использования новых технологий. Даже при текущем уровне цифровизации судов, существует ряд проблем. Одним из вариантов решения этих проблем может стать технология блокчейн.

Блокчейн – инновационная и одна из наиболее прорывных технологий последних лет, уже применяемая в различных отраслях экономики (каких множества стран, доказавшая в них свою эффективность [7, С. 194]. Для целей не связанных с оборотом цифровых валют технология эффективно применяется в области увеличения прозрачности, достоверности, объективности и при желании, открытости, финансовой и правовой информации. В этом смысле блокчейн и право, как будто созданы друг для друга, потому что любой юридический факт, зафиксированный с помощью технологии блокчейн является априори неопровержимым абсолютом. Так, если какой-либо реестр построен на основе технологии блокчейн – это наиболее объективный и безопасный реестр из всех возможных. Почему? Информация такого реестра хранится распределённо на множестве устройств, владельцы которых не связаны между собой, каждая запись в таком реестре должна быть подтверждена или перепроверена всеми независимыми устройствами сети. Подмена информации на одном устройстве, мгновенно влечет за собой компрометацию данного устройства и исключению его из сети до момента, пока истинность информации на нём не будет восстановлена. Этот процесс полностью автоматизирован, а его безупречное исполнение обеспечивает программный код и вычислительная мощность используемых в блокчейн-сети устройств [17, С. 24].

Так, в России технологию блокчейн активно использует Федеральная Налоговая Служба [3]. На ее основе органом была разработана система оперативной обработки документов по обращениям предпринимателей для получения кредитов по льготной программе. Кроме того, до сих пор активно развивается система машиночитаемых доверенностей на основе распределенного реестра, которая в скором времени призвана заменить часть электронного документооборота. Как видно, государственные органы РФ уже используют си-

стему блокчейн, но применима ли данная технология в гражданском и арбитражном судопроизводстве, существует ли необходимость ее применения, какую она может принести пользу?

Итак, блокчейн – технология распределенного реестра, главной сутью которой является создание непреложной системы абсолютно достоверной информации о действиях ее участников [8, С. 700]. Абсолютная достоверность достигается за счет того, что за действия участников блокчейна подтверждаются и проверяются неограниченно большим числом лиц. Например, при фиксации волеизъявления лица о выдаче доверенности, данное действие (в случае выдачи доверенности с помощью технологии блокчейн) одновременно подтверждается участниками сети, после чего об этом в сеть вносится запись, которая не может быть изменена задним числом.

Сама дальнейшая цифровая трансформация судопроизводства подразумевает новые вызовы. Безусловно, например, переход исключительно на онлайн-документооборот и переход судебных заседаний преимущественно в онлайн-формат станут большим шагом вперед, однако эти шаги сопряжены с рядом проблем. Может ли часть из них быть решена с помощью технологии блокчейн? Безусловно, развитие судебной системы подразумевает внедрение инновационных достижений человечества. Однако, внедрение технологии ради внедрения может нанести только вред. По этой причине необходимо тщательно подойти к анализу возможности, полезности и в конечном счете необходимости использования технологии блокчейн в гражданском и арбитражном судопроизводстве РФ.

Одним из ключей к развитию современной экономики является независимая, устойчивая и прозрачная судебная система, позволяющая собственнику материальных благ (капиталу) быстро и эффективно отстаивать свой капитал и другие интересы в случае возникновения любых спорных ситуаций. Действительно, улучшение этих критериев может быть достигнуто только за счет комплексного развития судебной системы, однако применение отдельных решений и технологий может значительно этому способствовать. М.О. Дьяконова: «Развитие государственной системы защиты прав также не может происходить в отрыве от новых электронных возможностей, поскольку это означало бы ограничение доступа к правосудию» [6, С. 22]

1. На сегодняшний день в гражданском и арбитражном судопроизводстве существует тенденция к цифровой трансформации: использованию информационно-телекоммуникационных сетей и ЭВМ. Например, одним из существенных прорывов на пути к цифровизации судопроизводства стало использование систем “Мой Арбитр” и “ГАС Правосудие” для подачи документов в суд, отслеживание прогресса рассмотрения дел и проведения онлайн заседаний. Однако даже и на этом уровне цифровизации судопроизводства существует ря-

дом на этом этапе существует ряд проблем, связанных, например, с проведением онлайн заседаний, которые будут разобраны далее в этой статье.

Одной из следующих ступеней для повышения эффективности судопроизводства и процессуальной экономии должен стать переход судов исключительно на электронный документооборот. Бумажные носители информации подвержены физическому воздействию, как и цифровые носители. Более того, последние также уязвимы перед так называемыми “хакерскими атаками”. Следовательно, в таком случае отсутствует гарантия от подмены, удаления или уничтожения. Однако в случае с цифровыми носителями, опасность существует лишь при централизованном хранении и обработке информации. Следовательно, эта проблема может быть решена лишь с помощью применения децентрализованных решений, например технологии блокчейн. В таком случае весь документооборот сможет храниться децентрализованно в зашифрованном виде на сотнях устройств, а еще тысячи устройств будут хранить его сжатую версию, позволяющую подтверждать подлинность хранимой информации на основных носителях. Безопасный и эффективный переход на электронный документооборот будет способствовать реализации принципа процессуальной экономии, в частности, для осуществления судопроизводства в разумный срок в соответствии с ст. 6.1 Гражданского процессуального кодекса РФ [4] и ст. 6.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ [1]

Также, логичным шагом в сторону дальнейшей цифровизации видится переход судебных заседаний в гражданском и арбитражном судопроизводстве преимущественно в онлайн-формат. Безусловно, законодатель, скорее всего, оставит право за сторонами право посещать оффлайн судебные заседания, однако в случае, если каждое судебное заседание без исключений можно будет посетить онлайн, даже не заявляя ходатайства об этом, то большинство профессиональных представителей, безусловно, предпочтет этот формат (даже если суд проходит в городе проживания представителя). Данный шаг позволит сделать судопроизводство более доступным: эффективно использовать средства процессуальной защиты, сократить временные и трудовые ресурсы при сохранении уровня процессуальных гарантий, что в соответствии с Постановлением Конституционного суда № П-17 от 19.07.2011 является целью процессуальной экономии [13]. Кроме того, значительно упадут судебные расходы сторон.

К сожалению, и этот шаг, с одной стороны, направленный на повышение доступности судебной системы, таит в себе и ряд проблем. Некоторые из них проявлены даже сегодня, поскольку практика проведения онлайн-заседаний существует не первый год. Например, проблема, связанная с невозможностью подключения к онлайн заседанию и её правовыми последствиями. Всё дело в том, что невозможно не имея специальных знаний в сфере аналитики программного кода, дан-

ных о сохраненных запросах пользователей, установить точную причину невозможности подключения. В связи с этим, существует практика, когда некоторые суды предупреждают заранее, что могут быть технические сбои и стороны должны принимать на себя эти риски неподключения [16]. К сожалению, в таких условиях выстроить систему, которая бы не нарушала гарантированного права на судебную защиту и равноправия сторон не представляется возможным. В другом случае представитель уведомил о наличии у него самого технических проблем при подключении к системе веб-конференции. Суд разъяснил порядок подключения к системе «Картотека арбитражных дел» (онлайн-заседания), предложил продолжить попытки подключиться вновь, однако представитель так и не подключился к данной системе. Суд установил, что средства связи суда воспроизводят видео- и аудиосигнал надлежащим образом, технические неполадки в суде отсутствуют, представителям сторон обеспечена равная возможность дистанционного участия в процессе, которая со стороны представителя заявителя жалобы якобы не реализована по причинам, находящимся в сфере его контроля [9]. Как уже говорилось выше, суд в настоящий момент не обладает технической возможностью определять, в чем именно состоит причина, по которой сторона не может подключиться к онлайн судебному заседанию, а проблем может быть масса. При этом неверным является и вывод, что если у одной стороны по делу получилось произвести подключение, то сбой отсутствует, как это сделали Арбитражный суд Московского округа [10] и Арбитражный суд Северо-Кавказского округа [11]. А причиной может быть как программный сбой и сбой соединения со стороны оператора, предоставляющего услуги онлайн конференцсвязи, так и целенаправленное вмешательство извне. К сожалению, в данном случае только публичный и абсолютно объективный реестр, который фиксирует все действия сторон, в том числе их запросы и цифровой след на вебсайте, может гарантированно обеспечить права сторон на гарантированную судебную защиту и равноправие сторон. А в случае возникновения спорных ситуаций, связанных с техническими неполадками, суд сможет обратиться к независимому эксперту, а не принимать решение лишь на основании ответа специалиста технической поддержки «Pravo-tech» (оператор вебсайта «Мой Арбитр»), о том, что технический сбор отсутствовал, как это сделал Арбитражный суд Уральского округа [12].

2. Одним из ключевых показателей для инвесторов (в том числе иностранных) в российскую экономику является прозрачность и эффективность судебной системы. Внедрение технологии блокчейна позволит увеличить доверие к российской судебной системе и её авторитет для мирового капитала. В том числе и для этих целей технология блокчейн активно применяется в Китае [5, С. 57]. Поскольку программный код и принципы работы этой технологии являются публичными, а информация,

отраженная в ней является объективно достоверной и не может быть скорректирована посредством вмешательства какого бы то ни было лица, вопрос о том, будет ли возможным с помощью оказания давления лиц, осуществляющих обслуживание онлайн-порталов, связанных с отправлением правосудия, повлиять на осуществление вмешательства технические для собственной выгоды, станет закрытым. Ведь если речь идет крупном (по мировым меркам) капитале, существует множество соблазнов внести небольшие корректировки в программный код порталов, которые не позволят кому-то из лиц получить доступ к правосудию, причем доказать такое вмешательство после будет невозможно из-за закрытого характера программного кода порталов.

Так, одним из ключевых факторов успешного отстаивания интересов сторонами, является соблюдение ими процессуальных сроков. Например, срок подачи частной жалобы на некоторые определения суда составляет 10 дней. И в случае ее онлайн подачи, в результате сбоя или вмешательства в программу извне, факт подачи как и сам документ может быть утрачен, что выразится в нарушении прав стороны. Безусловно, такой срок может быть восстановлен, но лишь в случае, если сбой или вмешательство извне будут признаны со стороны оператора веб ресурса. В других случаях это может вылиться в утрату активов.

3. Снижение коррупционных рисков. В случае, если о каждом действии участников судопроизводства будет производиться отметка в блокчейн-системе, это существенно снизит некоторые коррупционные риски. В соответствии с Регламентом арбитражных судов Российской Федерации [14], распределение исковых заявлений, заявлений, жалоб и дел в арбитражном суде осуществляется председателями судебных коллегий и председателями судебных составов. Данная норма имеет ряд проблем [18, С. 169], в том числе несет в себе коррупционные риски, связанные с распределением дела «нужному» судье. По этой причине, безусловно, этот процесс нуждается в автоматизации. Однако ряд государств, в которых такой процесс автоматизации настроен, сталкивается с практикой веерной отправки исков. В суд направляется десяток исковых заявлений с умышленными допущенными нарушениями, которые автоматически распределяются разным судьям с учетом их текущей нагрузки. Все эти иски остаются без движения, а далее истец исправляет нарушения только в том варианте иска, где он распределился «нужному» судье. Однако в случае с использованием технологии блокчейн, эта система станет абсолютно прозрачной. О каждой подаче искового заявления в системе будет иметься публичная отметка с точным (до доли секунды) временем подачи иска, что, наряду с закреплением в законодательстве соответствующих норм о том, что дело должно быть рассмотрено судьей, которому оно было первоначально распределено, позволит избежать этой пагубной практики в будущем.

Существуют и другие риски, например, связанные поздней публикацией судом мотивировочной части решения, в результате чего может быть нарушено право стороны на обжалование судебного акта [2, С. 177–178]. Рассмотрим ситуацию, когда мотивировочная часть была принята судом, однако была опубликована на сайте суда с существенной задержкой, относительно даты принятия, указанной на самом документе. Согласно п. 12 Постановления Пленума Верховного суда от 30 июня 2020 г. № 12 “О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции”, срок на обжалование решения исчисляется с момента принятия решения в полном объеме [15]. Превышение срока публикации решения в сети интернет и отправки его по почте, не увеличивают срок обжалования, но дают сторонам право на восстановление пропущенного срока. Это дополнительное окно для злоупотреблений. Возможно ли, что при определенном вмешательстве (внутреннем или внешнем) дата публикации на сайте суда может быть изменена? Да, это возможно. Разумеется, опытный представитель может в таком случае раз в неделю нотариально удостоверить отсутствие загруженного решения на сайте суда. Однако, в таком случае возможность отстаивания интересов будет зависеть лишь от умений представителя, что является проблемой для комплексного развития судебной системы.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что применение технологии блокчейн в условиях цифровой трансформации цивилистического судопроизводства, можно считать оправданным, как минимум, частично. Безусловно, существует ряд трудностей, связанных со сложностью реализации перечисленных в статье предложений. Однако для целей дальнейшего устойчивого развития гражданского и арбитражного судопроизводства, использование технологии блокчейн может стать незаменимым решением.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).
2. Бессонов П.В. Злоупотребление правом со стороны суда в арбитражном процессе // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2017. № 2. С. 172–181
3. Веб-сайт Федеральной налоговой службы // Электронный ресурс: <https://m4d.nalog.gov.ru/>
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).
5. Драгилев Е.В., Информатизация судебной системы Китая // Юридическая наука. 2022. № 8. С. 54–59
6. Дьяконова М.О. Цифровизация судебного процесса: защита прав и электронные технологии // Судья. 2020. № 11. С. 21–24
7. Крылов Г.О. Влияние блокчейн на мировую экономику // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 192–196
8. Лютова О.И. Применение технологии блокчейн в налоговом администрировании // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 3. С. 192–196
9. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 09.02.2023 по делу № А33–30057/2021 // Электронный ресурс: <https://e.arbitr-praktika.ru/npd-doc?npmid=98&npid=79120899>
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от по делу № А40–17279/2023 // Электронный ресурс: <https://e.arbitr-praktika.ru/npd-doc?npmid=98&npid=89793831>
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.01.2024 по делу № А53–1440/2023 // Электронный ресурс: <https://e.arbitr-praktika.ru/npd-doc?npmid=98&npid=88014747>
12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.08.2021 по делу № А60–59120/2020 // Электронный ресурс: <https://e.arbitr-praktika.ru/npd-doc?npmid=98&npid=89793837>
13. Постановлением Конституционного суда от 19.07.2011 № П-17 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).
14. Постановление Пленума ВАС РФ от 05.06.1996 № 7 «Об утверждении Регламента арбитражных судов» // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).
15. Постановления Пленума Верховного суда от 30 июня 2020 г. № 12 “О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции” // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2024).
16. Решение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 29.03.2024 по делу № А81–14021/2022 // Электронный ресурс: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/89c185b9-f983-4fa1-9296-97765763ced5/1732fe05-440c-4349-a2be-88c70709a789/A81-14021-2022_20240329_Reshenie.pdf?isAddStamp=True
17. Сафарли А.Х. Технология блокчейн, как акселератор развития цифровизации в финансовом секторе экономики // Теоретическая и прикладная экономика. 2022. № 4. С. 20–34
18. Чайкина А.В. Прикладное применение блокчейн-технологии в гражданском судопроизводстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12. С. 165–70

APPLICATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF CIVIL PROCEEDINGS

Khabibullin M.I.

Kazan Federal University

The article is devoted to the study of individual issues of the necessity and feasibility of using blockchain technology in civil and arbitration proceedings. The current trend towards digital transformation of civil proceedings creates a number of challenges related to both the implementation of basic principles and rights within the civil and arbitration process, and threats related to the effectiveness of further development of the judicial system. It is important that the judicial system as a whole and civil proceedings in particular keep pace with progress, while remaining stable. In some cases, emerging challenges can be effectively overcome by turning to new technologies, in particular, blockchain technology. However, before introducing any innovation into a well-established mechanism, it is necessary to correctly analyze the consequences and effectiveness of such implementation.

The purpose of the study is to create new knowledge in the field of applying blockchain technology in civil proceedings.

The object of the study is public relations in the field of digital transformation of civil proceedings.

Keywords: civil procedural law, arbitration procedural law, civil process, civil legal proceedings, arbitration legal proceedings, digital transformation, blockchain.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ // SPS "Consultant Plus". URL: <http://base.consultant.ru> (date of access: 01.02.2024).
2. Bessonov P.V. Abuse of rights by the court in arbitration proceedings // Bulletin of the Moscow Financial and Law University MFUA. 2017. No. 2. P. 172–181
3. Website of the Federal Tax Service // Electronic resource: <https://m4d.nalog.gov.ru/>
4. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 N 138-FZ // SPS "Consultant Plus". URL: <http://base.consultant.ru> (date of access: 01.02.2024).
5. Dragilev E.V., Informatization of the judicial system of China // Legal science. 2022. No. 8. Pp. 54–59
6. Dyakonova M.O. Digitalization of the judicial process: protection of rights and electronic technologies // Judge. 2020. No. 11. Pp. 21–24
7. Krylov G.O. The impact of blockchain on the global economy // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 1. Pp. 192–196
8. Lyutova O.I. Application of blockchain technology in tax administration // Bulletin of RUDN. Series: Legal Sciences. 2021. Vol. 25. No. 3. P. 192–196
9. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated 02/09/2023 in case No. A33–30057/2021 // Electronic resource: <https://e.arbitr-praktika.ru/npd-doc?npmid=98&npid=79120899>
10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated in case No. A40–17279/2023 // Electronic resource: <https://e.arbitr-praktika.ru/npd-doc?npmid=98&npid=89793831>
11. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasian District dated 01/12/2024 in case No. A53–1440/2023 // Electronic resource: <https://e.arbitr-praktika.ru/npd-doc?npmid=98&npid=88014747>
12. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 12.08.2021 in case No. A60–59120/2020 // Electronic resource: <https://e.arbitr-praktika.ru/npd-doc?npmid=98&npid=89793837>
13. Resolution of the Constitutional Court dated 19.07.2011 No. P-17 // SPS "Consultant Plus". URL: <http://base.consultant.ru> (date of access: 01.02.2024).
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 05.06.1996 No. 7 "On approval of the Rules of Arbitration Courts" // SPS "Consultant Plus". URL: <http://base.consultant.ru> (date of access: 01.02.2024).
15. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of June 30, 2020 No. 12 "On the application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when considering cases in the arbitration court of appeal" // SPS "Consultant Plus". URL: <http://base.consultant.ru> (date of access: 01.02.2024).
16. Decision of the Arbitration Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug dated March 29, 2024 in case No. A81–14021/2022 // Electronic resource https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/89c185b9-f983-4fa1-9296-97765763ced5/1732fe05-440c-4349-a2be-88c70709a789/A81-14021-2022_20240329_Reshenie.pdf?isAddStamp=True
17. Safarli A. Kh. Blockchain technology as an accelerator of digitalization development in the financial sector of the economy // Theoretical and applied economics. 2022. No. 4. P. 20–34
18. Chaikina A.V. Applied Application of Blockchain Technology in Civil Proceedings // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2021. No. 12. P. 165–70

Особенности правового регулирования беспилотных летательных аппаратов в условиях СВО

Хабирова Яна Флюровна,

кандидат юридических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологии

E-mail: yana_yasmin@mail.ru

В статье исследуются специфика и особенности правового регулирования использования беспилотных летательных аппаратов в условиях специальной военной операции. Учитывая стремительное развитие технологий и их активное внедрение в военную сферу, возникает необходимость адекватного юридического сопровождения и регулирования этого процесса. В статье детально рассматриваются международные и национальные правовые акты, регулирующие эксплуатацию БЛА в контексте вооруженных конфликтов и специальных операций. Особое внимание уделяется анализу коллизий норм разного уровня и их взаимосвязи, выявлению правовых лагун и противоречий, а также предложению юридических решений для обеспечения эффективного и законного использования БЛА в условиях СВО. Проведен анализ практической реализации регуляторных механизмов на примере конкретных международных и национальных конфликтов, что позволяет сделать выводы о релевантности текущих нормативно-правовых актов и необходимости их совершенствования для адекватного регулирования использования БЛА. В завершении статьи представлены рекомендации по улучшению правового регулирования с учетом специфики военных операций, направленные на обеспечение баланса между эффективным использованием БЛА и соблюдением международного и национального права.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, правовое регулирование, специальная военная операция, СВО, международное право, регулирование беспилотников, национальное право, военные технологии, военная техника, законодательство.

Введение

В последние годы беспилотные летательные аппараты стали неотъемлемой частью современных вооруженных конфликтов и специальных военных операций. Их использование позволяет решать широкий спектр задач, начиная от разведки и наблюдения, заканчивая непосредственным участием в боевых действиях. Однако стремительное развитие технологий и расширение сферы применения БПЛА порождают многочисленные правовые, этические и регуляторные вызовы. В условиях СВО использование БПЛА требует тщательного анализа как с позиций международного, так и национального законодательства.

Цель настоящего исследования – детальное рассмотрение правовых аспектов применения БПЛА в условиях проведения СВО. В рамках данной работы планируется изучить международные и национальные нормативно-правовые акты, регулирующие использование дронов, определить актуальные проблемы и пробелы в правовом регулировании, а также предложить возможные направления совершенствования законодательства в данной сфере. Особое внимание будет уделено анализу этических и правовых вызовов, связанных с использованием беспилотников в условиях вооруженного конфликта.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу правового регулирования БПЛА в условиях СВО. В отличие от предыдущих работ, которые фокусировались либо на гражданском, либо на военном применении БПЛА, данное исследование охватывает оба аспекта с учетом специфики вооруженного конфликта. Сделан акцент на выявлении и систематизации актуальных правовых проблем, а также на необходимости гармонизации международных и национальных нормативных актов в условиях изменяющегося характера современных вооруженных конфликтов.

Материалы и методы исследований

Исследование основано на анализе международного и национального законодательства, регулирующего использование БПЛА. В качестве основного методологического инструмента использованы методы сравнительно-правового анализа и контент-анализа нормативных документов. Также проводились экспертные опросы и интервью с представителями государственных органов, военных и правозащитных организаций. Был проанализирован

широкий спектр юридической литературы и научных статей, что позволило обеспечить многоаспектный подход к исследованию поставленной проблемы.

Таким образом, настоящее исследование направлено на углубленное изучение правового регулирования БПЛА в условиях операции, что имеет важное значение для формирования эффективной и адекватной правовой базы, соответствующей вызовам современного мира и обеспечивающей баланс интересов безопасности, прав человека и международного права.

Результаты и обсуждения

Правовые аспекты использования беспилотных летательных аппаратов в зонах конфликта: международное и национальное законодательство

Использование беспилотных летательных аппаратов в зонах конфликта представляет собой одно из наиболее controверсиальных явлений современного международного права и политики. Развитие технологий ведения беспилотных воздушных операций требует тщательного анализа как международного, так и национального законодательства, регулирующих их применение. Правовые аспекты включают в себя многочисленные вопросы, касающиеся гуманитарного права, суверенитета государств, прав человека и этических норм.

На международной арене основой регулирования использования БЛА в зонах конфликта являются нормы международного гуманитарного права, известные также как право вооруженных конфликтов. Женевские конвенции 1949 года и их Дополнительные протоколы устанавливают основные принципы, касающиеся защиты гражданских лиц и ограничения методов и средств ведения войны. В частности, принцип различия обязует воюющие стороны различать гражданских лиц и комбатантов, а также гражданские объекты и военные цели, при проведении атак [2, с. 130]. Использование БЛА должно строго соответствовать этим принципам с целью минимизации причинения вреда гражданским лицам и инфраструктуре.

Дополнительно, принцип пропорциональности требует, чтобы любые нанесенные ущербы гражданским издержкам не были чрезмерными по отношению к конкретному и прямому военному преимуществу. В контексте использования беспилотных аппаратов это означает, что операторы и командиры, отдающие приказы, должны тщательно оценивать потенциальные риски и выгоды каждой атаки. Одним из вызовов применения БЛА является сложность оценки точности данных и ситуационной осведомленности в реальном времени, что может привести к ошибкам, результатом которых становятся непреднамеренные жертвы среди гражданского населения.

Суверенитет государства – важный аспект в правовом регулировании использования БЛА. Применение беспилотников на территории другого государства без его согласия представляет собой нарушение принципа невмешательства и может

рассматриваться как акт агрессии. В то же время, концепция самообороны позволяет государствам применять вооруженную силу, включая использование дронов, в случае вооруженного нападения. Однако границы правомерности таких действий остаются размытыми, особенно в свете конфликтов с участием негосударственных вооруженных групп на территориях третьих стран.

На уровне национального законодательства правовые аспекты использования БЛА в зонах конфликта варьируются в зависимости от государства. США, являющиеся одним из крупнейших пользователей БЛА, разработали собственные правила и процедуры, такие как Положение по ожидаемым потерям и Политика президентских директив, относящаяся к прямым действиям в антитеррористических кампаниях. В то же время другие государства, например, страны Европейского Союза, руководствуются как собственными национальными законами, так и общими принципами международного права.

Помимо этого, необходимо учитывать правовые аспекты, касающиеся прав человека. Следует помнить, что международные механизмы защиты прав человека, такие как Международный пакт о гражданских и политических правах, остаются применимыми даже в контексте конфликта [9]. Роль международных и неправительственных организаций в мониторинге и документировании возможных нарушений этих прав также критически важна.

Таким образом, правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в зонах конфликта представляет собой динамичную и многослойную область, требующую интеграции норм международного и национального права. Каждое государство, осуществляющее операции с использованием БЛА, должно стремиться к строгому соблюдению принципов гуманитарного права и прав человека, обеспечивая прозрачность и подотчетность своих военных действий. В также текущих условиях необходимость разработки универсальных норм и стандартов, регулирующих использование БЛА на глобальном уровне, является как никогда актуальной для поддержания международного правопорядка и безопасности.

Этические и правовые вызовы применения беспилотных летательных аппаратов в рамках специальной военной операции

Беспилотные летательные аппараты становятся все более значимым элементом современных вооруженных сил. Благодаря своему технологическому совершенству и универсальности, они используются в различных военных операциях, включая специальные военные операции. Однако с расширением применения беспилотников возникают серьезные этические и правовые вопросы, требующие тщательного анализа и регулирования.

Начиная с этических аспектов, одной из ключевых проблем является дистанционное управление и автономия. Использование БЛА позволяет операторам находиться в значительном удалении

от зоны боевых действий, что снижает риск для их жизни. Однако это же обстоятельство может привести к отчуждению оператора от последствий его действий, что усиливает недостаток эмоционального и морального контроля при принятии решений о применении силы [8]. Оперируя на значительном расстоянии, операторы БЛА могут не обладать полным контекстом ситуации на земле, что увеличивает риск ошибок и потерь среди мирного населения.

Этическим вызовом является также вопрос общественно приемлемого уровня рисков для мирного населения и военных. Введение беспилотников в военные действия существенно меняет динамику боевых операций и условия для мирного населения. Без надлежащего контроля и ответственного использования, БПЛА могут стать инструментом для чрезмерного применения силы и неоправданных потерь среди гражданского населения. Необходимо разработать жесткие этические нормы и требования к операторам БЛА, чтобы минимизировать подобные риски [4, с. 31–32].

С правовой точки зрения, применение БЛА в рамках специальных военных операций сталкивается с множеством сложностей. Международное гуманитарное право и законы о вооруженных конфликтах были разработаны задолго до появления БЛА и современных технологий. Ключевое положение МГП гласит, что различие между комбатантами и некомбатантами должно строго соблюдаться, а означает, что нападения на гражданское население запрещены [6, с. 2]. Однако точность и надежность разведывательных данных, используемых при определении целей для БЛА, часто ставится под сомнение. Недостаток точности может привести к нарушению норм МГП и, следовательно, к потенциальным военным преступлениям.

Более того, правовой статус операторов вызывает значительные дебаты. В отличие от традиционных вооруженных сил, операторы могут быть гражданскими лицами, работающими на частные компании по контракту. Их правовой статус и ответственность за действия, совершаемые при управлении БЛА, остаются не до конца определенными. В случае нарушения норм войны, на кого будет возложена ответственность – на оператора, на компанию или на государство, которое заказало операцию?

Правовое регулирование также должно учитывать вопросы суверенитета. Вторжение в воздушное пространство суверенных государств без их согласия с использованием беспилотников можно рассматривать как нарушение международного права [1]. В условиях специальных военных операций, где часто задействованы различные интересы и территории, этот аспект становится особенно важным. Международное сообщество настоятельно требует разработки четких правовых норм, регулирующих использование БЛА, чтобы предотвратить потенциальные конфликты и обеспечить правовую определенность.

В заключение, этические и правовые вызовы применения беспилотных летательных аппаратов в рамках специальных военных операций не могут быть игнорированы. Необходимо тщательное рассмотрение всех аспектов их использования, адаптация существующих правовых норм и разработка новых этических кодексов. Только комплексный подход, включающий международное сотрудничество и диалог, поможет найти баланс между преимуществами использования БЛА и необходимостью соблюдения этических и правовых стандартов.

Основные проблемы правового регулирования гражданского и военного применения БПЛА в условиях вооруженного конфликта

Беспилотные летательные аппараты, зачастую называемые дронами, в последние годы приобрели огромную популярность и значительную роль как в гражданской, так и в военной сферах. Их использование в условиях вооруженных конфликтов вызывает ряд серьезных правовых проблем, которые требуют тщательного рассмотрения как с национальной, так и с международной точки зрения.

Одной из основных проблем является недостаточность правового регулирования гражданского применения БПЛА. В большинстве стран национальное законодательство относительно недавнее и не вполне справляется с темпами развития технологий. Это создает множество правовых вакуумов и коллизий, особенно в контексте безопасности полетов, ответственности за ущерб и нарушения приватности [7, с. 173]. Современные стандарты часто не успевают за технологическими нововведениями, что влечет за собой разнообразие интерпретаций норм и решений. В результате случаи эксплуатации дронов нередко приводят к непредвиденным последствиям, требующим судебного вмешательства и уточнений законодательства.

В условиях вооруженного конфликта проблемы правового регулирования БПЛА многократно усложняются. Одной из центральных проблем является то, что международные гуманитарные нормы, закрепленные в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах, не удовлетворяют в полной мере потребностей современных вооруженных конфликтов с применением БПЛА. Точечные удары с использованием БПЛА требуют особо осторожного применения правил пропорциональности и различия, чтобы минимизировать ущерб гражданским лицам и избежать разрушений невоенных объектов.

Также предъявляются высокие требования к идентификации целей и контролю за их законностью. Нередко информация, на основе которой принимаются решения о применении БПЛА, является ограниченной или доступной исключительно в режиме реального времени, что затрудняет проверку её точности и достоверности. В результате увеличивается риск совершения ошибок и нарушений международного гуманитарного права, включая акты произвольных убийств [3, с. 59].

Кроме того, остаются нерешенными вопросы ответственности за неправомерное использование БПЛА в военных конфликтах. Определение субъектов, на которых должна возлагаться ответственность за возможные гуманитарные нарушения, является сложным процессом. В условиях асимметричной войны, когда БПЛА могут использоваться нерегулярными формированиями и неправительственными организациями, установление виновных лиц становится еще более затруднительным.

Еще одной острой проблемой является угроза автономного использования БПЛА. Современные разработки в области искусственного интеллекта приводят к появлению автономных систем вооружения, которые могут функционировать без непосредственного участия человека. Это вызывает серьезные этические вопросы и требует пересмотра существующих правовых рамок [10, с. 65–66]. Международное сообщество должно выработать согласованные подходы к регулированию применения таких систем, чтобы исключить их неконтролируемое использование и нарушение основополагающих прав человека.

Кроме правовых аспектов, значительное внимание следует уделить техническим и операционным стандартам эксплуатации дронов. Необходимо разработать комплексные технические протоколы и руководства, которые позволят минимизировать риски и повысить безопасность использования БПЛА в боевых условиях. Это включает интеграцию современных систем защиты от киберугроз, механизмы дезактивации в случае захвата или программы самоуничтожения при непреднамеренной потере контроля [5, с. 60].

В заключение следует отметить, что правовое регулирование применения БПЛА – как в гражданской, так и в военной сферах – представляет собой одну из наиболее актуальных задач современного права. Эффективное решение этой задачи требует согласованных действий на международном уровне, междисциплинарного подхода и учета быстрого технологического прогресса. Лишь комплексный и сбалансированный подход позволит обеспечить соблюдение норм гуманитарного права и снизить риски, связанные с использованием БПЛА в условиях вооруженных конфликтов.

Выводы

В завершение данной научной статьи, которой посвящено изучению особенностей правового регулирования беспилотных летательных аппаратов в условиях специальной военной операции, следует сделать выводы о ключевых аспектах, выявленных в процессе анализа международного и национального законодательства, а также этических и правовых вызовах, стоящих перед современным обществом.

В ходе исследования установлено, что международное правовое регулирование БПЛА в контексте вооруженных конфликтов остаётся фрагментированным и недостаточно проработанным. Су-

ществующие международные договоры и соглашения лишь отчасти охватывают специфические особенности использования беспилотных технологий. Необходимость гармонизация правовых норм, регулирующих применение БПЛА в условиях СВО, является первоочередной задачей для международного сообщества. Разработка новых правовых инструментов, способных учитывать все аспекты использования беспилотников на современном этапе, поможет минимизировать правовую неопределённость и снизить этические риски.

Национальное законодательство различных государств демонстрирует значительное разнообразие в подходах к правовому регулированию беспилотных летательных аппаратов. В условиях специальной военной операции правоприменительная практика сталкивается с уникальными вызовами, связанными с балансировкой между необходимостью обеспечения национальной безопасности и защитой прав человека. Данное исследование подчёркивает важность разработки на национальном уровне специализированных нормативных актов, которые могли бы комплексно охватывать использование БПЛА в условиях вооруженных конфликтов. В частности, анализ законодательства Российской Федерации выявил потребность в внесении поправок, направленных на детальное регулирование вопросов применения БПЛА в рамках СВО.

Одним из значительных выводов исследования является необходимость формирования чёткой нормативной базы, регулирующей как гражданское, так и военное использование беспилотных летательных аппаратов. Основные проблемы возникают из-за отсутствия чётких критериев разграничения между гражданским и военным применением дронов, а также недостаточной координации между различными правовыми нормами, управляющими их деятельностью.

Этические аспекты использования беспилотных летательных аппаратов становятся ещё одним важным вопросом, требующим внимательного рассмотрения при разработке правовых норм. Этика применения БПЛА связана с проблемами сохранения жизни и здоровья мирных жителей, защиты частной жизни и соблюдения норм международного гуманитарного права. В условиях специальной военной операции эти вызовы приобретают особую остроту, и требуют взвешательного подхода к правовому регулированию.

Таким образом, для создания эффективной системы правового регулирования использования беспилотных летательных аппаратов в условиях вооруженного конфликта, требуется комплексное и многоуровневое взаимодействие на международном и национальном уровнях. Принятие законодательных мер, учитывающих специфику военных и гражданских задач, внедрение чётких критериев правового статуса БПЛА и разрешение этических дилемм – всё это является неотъемлемыми элементами устойчивой правовой системы, способной отвечать на вызовы современности и обе-

спечивать правопорядок в условиях специальных военных операций.

Литература

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. N60^3 // Собрание законодательства РФ. № 12. Ст. 1383. 1997.
2. Грищенко Г.А. Правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов: Российский подход и мировая практика // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина, 2019 г. С. 129–134.
3. Гоомова Е.А. Правовые аспекты регистрации и использования беспилотных летательных аппаратов в России и за рубежом // Право и экономика. – 2019. – № 7. – С. 56–60.
4. Зарапина Л.В., Белокопытова Н.Ю. Правовое регулирование полетов беспилотных летательных аппаратов: перспективы, новации, проблемы // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 4 (13). С. 29–37.
5. Корнилов В.А., Молодяков Д.С., Синявская Ю.А. Система управления мультикоптером // Труды МАИ. – 2012. – № 62. С. 59–62.
6. Макухин А.А. Законодательное регулирование правового статуса беспилотных летательных аппаратов // Научный вестник Крыма. 2017. № 1. С. 1–6.
7. Степанян А.Ж. Проблемы регулирования беспилотных транспортных средств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 4. – С. 169–174.
8. Федеральный закон от 04.05.2011 N99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. № 19. Ст. 2716. 2011.
9. Федеральные авиационные правила государственной регистрации государственных воздушных судов, утв. Приказом Министра обороны РФ от 28.11.2002 № 460 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. № 20.
10. Экономика и право: Монография / А.А. Ардизинба, В.В. Новиков, В.В. Новиков [и др.]; Гл. редактор Э.В. Фомин. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. – 172 с. – ISBN 978-5-907688-40-7. – DOI 10.31483/a-10501. – EDN FSSQQN.

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN THE CONDITIONS OF THEIR

Khabirowa Ya.F.

Ufa University of Science and Technology

This article examines the specifics and features of the legal regulation of the use of unmanned aerial vehicles in a special military operation. Given the rapid development of technologies and their active introduction into the military sphere, there is a need for adequate legal support and regulation of this process. The article examines in detail the international and national legal acts regulating the operation of UAVs in the context of armed conflicts and special operations. Special attention is paid to the analysis of conflicts of norms at different levels and their interrelationships, the identification of legal gaps and contradictions, as well as the proposal of legal solutions to ensure the effective and legitimate use of UAVs in the conditions of its own.

The analysis of the practical implementation of regulatory mechanisms on the example of specific international and national conflicts is carried out, which allows us to draw conclusions about the relevance of current regulatory legal acts and the need to improve them for adequate regulation of the use of UAVs. At the end of the article, recommendations are presented to improve legal regulation, taking into account the specifics of military operations, aimed at ensuring a balance between the effective use of UAVs and compliance with international and national law.

Keywords: unmanned aerial vehicles, legal regulation, special military operation, SMO, international law, regulation of drones, national law, military technologies, military equipment, legislation.

References

1. The Air Code of the Russian Federation of March 19, 1997 N60^3 // Collection of legislation of the Russian Federation. No. 12. Article 1383. 1997.
2. Grishchenko G.A. Legal regulation of unmanned aerial vehicles: Russian approach and world practice // Bulletin of the O.E. Kutafin University, 2019, pp. 129–134.
3. Goomova E.A. Legal aspects of registration and use of unmanned aerial vehicles in Russia and abroad // Law and Economics. – 2019. – No. 7. – pp. 56–60.
4. Zarapina L.V., Belokopytova N. Yu. Legal regulation of flights of unmanned aerial vehicles: prospects, innovations, problems // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2021. No. 4 (13). pp. 29–37.
5. Kornilov V.A., Molodyakov D.S., Sinyavskaya Yu.A. Multicopter control system // Proceedings of MAI. – 2012. – No. 62. pp. 59–62.
6. Makukhin A.A. Legislative regulation of the legal status of unmanned aerial vehicles // Scientific Bulletin of the Crimea. 2017. No. 1. pp. 1–6.
7. Stepanyan A.J. Problems of regulation of unmanned vehicles // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). – 2019. – No. 4. – pp. 169–174.
8. Federal Law No. 99-FZ dated 05/04/2011 “On licensing of certain types of activities” // Collection of legislation of the Russian Federation. No. 19. Article 2716. 2011.
9. Federal Aviation Regulations for the State Registration of State Aircraft, approved by By Order of the Minister of Defense of the Russian Federation No. 460 dated 11/28/2002 // Bulletin of normative acts of federal executive authorities. 2003. No. 20.
10. Economics and Law: Monograph / A.A. Ardizinba, V.V. Novikov, V.V. Novikov [et al.]; Editor-in-chief E.V. Fomin. Cheboksary: Limited Liability Company “Publishing House “Wednesday”, 2023. – 172 p. – ISBN 978-5-907688-40-7. – DOI 10.31483/a-10501. – EDN FSSQQN.